

СОВРЕМЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
США

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА, 1984

В настоящей монографии впервые в советской исторической науке осуществлено комплексное исследование внешней политики крупнейшей империалистической державы современности — Соединенных Штатов Америки за период после окончания второй мировой войны до начала 80-х годов. В ней дан анализ общей стратегии американского империализма, его внешнеполитических целей, планов послевоенного переустройства мира. В работе рассматриваются движущие силы и инструменты американской внешней политики, дипломатическая практика США и ее доктринальное оформление. В центре внимания — глобальное расширение американской внешнеполитической активности и тот отпор, который встретила на мировой арене гегемонистская политика США.

Редакционная коллегия:

Г. А. Арбатов, Ю. П. Давыдов, В. В. Журкин, А. К. Кислов,
В. А. Кременюк, В. П. Лукин, В. Ф. Петровский,
П. Т. Подлесный, Г. А. Трофименко

Авторский коллектив:

Г. А. Арбатов, академик; В. П. Абаренков, кандидат исторических наук; В. Ф. Давыдов, кандидат исторических наук; Ю. П. Давыдов, доктор исторических наук; В. В. Журкин, доктор исторических наук; Ю. А. Замошкин, доктор философских наук; С. А. Караганов, кандидат исторических наук; В. А. Кременюк, доктор исторических наук; А. В. Крутских, кандидат исторических наук; А. Ю. Мельвиль, кандидат философских наук; А. В. Никифоров, кандидат исторических наук; Г. А. Трофименко, доктор исторических наук; И. Г. Усачев, доктор исторических наук; Г. С. Ховин, кандидат исторических наук.

Ответственный редактор
доктор исторических наук

Г. А. ТРОФИМЕНКО

Научно-вспомогательная работа проведена кандидатом исторических наук Е. В. Митяевой и кандидатом исторических наук Т. Н. Юдиной. В подготовке рукописи к изданию участвовали сотрудники Отдела внешней политики Института США и Канады АН СССР: С. И. Герасимова, Е. Ю. Галкина, Н. М. Лапшина, Г. М. Пуговкина, Г. Б. Савинова, Н. Б. Пустохина, А. С. Семенцова

ВВЕДЕНИЕ

Соединенные Штаты Америки быстро прошли путь от положения колониальной окраины мира до статуса мировой державы. Многие в американском восприятии мира проистекает из этого стремительного движения к позициям, которые прежде занимали страны с тысячелетней историей, с огромным опытом дипломатии, с отлаженными механизмами внешнеполитического влияния. Классики марксизма-ленинизма отмечали эту особенность американского мироощущения. Как писал об американцах XIX в. Ф. Энгельс, «именно потому, что их будущее так огромно, они в настоящем должны заниматься главным образом подготовкой к этому будущему; работа же эта, как в каждой молодой стране, преимущественно материального характера и обуславливает известную отсталость мышления...»¹. Отчасти, видимо, эта отсталость мышления продолжала проявлять себя и в период возвышения США на мировой арене после мировых войн — первой (когда Соединенные Штаты, американские миллиардеры, говоря словами В. И. Ленина, «сделали своими данниками все, даже самые богатые страны»²) и особенно второй. Пренебрежительное отношение к окружающему миру в той мере, в какой он не соответствует «американскому идеалу», породило у американского правящего класса особую имперскую психологию, наложившую свой глубокий отпечаток на американскую внешнюю политику после 1945 г.

За период после второй мировой войны советские ученые, занимающиеся изучением политики и экономики Соединенных Штатов — крупнейшей страны империализма, проделали очень большую работу. Опубликованы десятки объемистых монографий, содержащих анализ внутренней политики США, их государственных институтов, структуры власти, экономики и экономической географии, их военной политики, советско-американских отношений и политики США в различных регионах мира. Осуществлен целый ряд исследований по проблемам американской истории, классовой борьбы в США, американских политических партий.

Предлагаемая вниманию читателя монография, подготовленная в основном силами научных сотрудников Института США и Канады АН СССР, посвящена рассмотрению политики США на мировой арене в период после окончания второй мировой войны и по начало 80-х годов. Авторы работы, опираясь на весь опыт советской аме-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 38, с. 476.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 50.

риканистики, стремились создать фундаментальное исследование внешней политики Соединенных Штатов почти за 40 послевоенных лет.

В работе анализируются классовые основы, движущие силы и источники внешней политики США и ее основные идейно-теоретические концепции. В контексте борьбы двух систем на мировой арене подробно рассматриваются внешнеполитическая и военная стратегии США, их политика в отношении СССР и других социалистических стран, подходы США к отношениям с развитыми капиталистическими и развивающимися странами, блоковая политика американского империализма, политика в кризисных ситуациях, а также эволюция официальных американских позиций по проблемам разоружения. Большое внимание в данной работе уделяется всестороннему рассмотрению политики США в различных регионах земного шара, равно как и «рычагам» американской внешней политики, иначе говоря, инструментам их воздействия на международную среду. В этом плане исследуются не только традиционные военно-политические и экономические орудия осуществления внешнеполитических интересов США, но и новые инструменты «внешнеполитической силы», связанные с процессами научно-технической революции. Обобщая советские исследования отдельных аспектов внешнеполитического курса США, книга в то же время опирается на широкий круг американских документов, научной литературы и периодической печати.

Главная тема книги — анализ все более углубляющегося противоречия между имперскими великодержавными амбициями, уходящими корнями в идею глобальной американской миссии, и неуклонно сужающимися реальными возможностями проведения Соединенными Штатами империалистической политики на мировой арене. Это уменьшение возможностей является в первую очередь результатом существенных перемен в международной жизни. Среди них особенно важны: укрепление силы и могущества Советского Союза, других стран социализма; крах колониальной системы и выход на мировую арену в качестве полноправных субъектов международных отношений десятков молодых государств; подъем рабочего и общедемократического движения в самих буржуазных государствах. Этот разрыв между гегемонистскими вселенскими амбициями правящих кругов Соединенных Штатов и их сокращающимися (несмотря на бесспорную, весьма значительную экономическую и военную силу США) реальными возможностями манипулирования окружающим миром до сих пор воспринимается американским правящим классом чрезвычайно болезненно. Он все еще не может отрешиться от иллюзий всемогущества и вседозволенности, которые опьянили его в уникальной ситуации, сложившейся после окончания второй мировой войны.

Тогда Соединенные Штаты, как известно, оказались единственной из крупных держав, не только не пострадавшей в результате

военных действий, но, наоборот, разбогатевшей на войне, резко нарастившей свой экономический и военный потенциал.

Побежденные государства-агрессоры: гитлеровская Германия, фашистская Италия, милитаристская Япония — были экономически парализованы, значительная часть их промышленного потенциала была обращена в груды руин. Западноевропейские капиталистические союзники Америки по второй мировой войне надорвались на военных усилиях, оказались на грани экономического коллапса и серьезных социальных потрясений. К тому же западноевропейские метрополии все еще вели арьергардные бои в своих колониальных империях, пытаясь подавить тягу народов к свободе и независимости. Было ясно, что ветер исторических перемен обращен против них.

Все это поощряло аппетиты американских монополий, казалось, делало осязаемой вековую мечту американских лидеров о мировой гегемонии США — «мире по-американски». Соединенные Штаты в первое послевоенное десятилетие фактически заместили прочие отряды западного капитализма в управлении несоциалистической частью мира. Лишь одна страна — СССР, оказавшая содействие становлению мировой социалистической системы, явилась реальной и мощной преградой на пути американских экспансионистов к мировому господству. Поэтому усилия США по изоляции и военному окружению СССР представляют собой в известном смысле стержень внешней политики США послевоенного периода.

По-видимому, именно сейчас наступило время для осмысления бурного периода послевоенной американской внешнеполитической деятельности. За неполные 40 лет пройден некий цикл: резкая внешнеполитическая активизация, экспансия, фиксация известных пределов, поражения на периферии, последующее стремление к консолидации сохранившихся зон влияния и идущая почти параллельно волна волюнтаристского желания повернуть колесо истории вспять. При президенте Г. Трумэне произошло закрепление военного и экономического присутствия США в западноевропейском регионе и Японии, которые рассматривались Вашингтоном как выдвинутые вперед плацдармы для установления глобальной гегемонии США. Отказ Советского Союза играть роль, предназначавшуюся ему в американских планах, повел к военному блокостроительству вокруг советских границ, продолженному в 50-е годы при президенте Д. Эйзенхауэре. В период 1961—1963 гг., когда в Белом доме находился Дж. Кеннеди, американская послевоенная империя, по-видимому, достигла зенита — американское руководство безоговорочно пообещало союзникам и клиентам во всем мире свою помощь и содействие повсюду и при любых условиях³.

Реализация подобных обещаний обернулась прежде всего борьбой на «периферии» против национально-освободительного движе-

³ См. речь Дж. Кеннеди при вступлении в должность президента (Department of State Bulletin, 1961, Febr. 6, p. 175).

ния — в Латинской Америке, Африке, Индокитае — и завершилась в конце концов военным поражением США во Вьетнаме, вызвавшим импульс трезвомыслия, желание привести внешнеполитические цели в соответствие с реальными возможностями США. Еще при Джоне Кеннеди на смену вселенскому мессианству начал приходить прагматизм. Это нарастание прагматической линии в американской политике было сначала прервано интервенцией США во Вьетнаме, но затем было усилено вьетнамским фиаско, которое привело правящие круги США к мучительным раздумьям о «цене» вьетнамской авантюры для самого американского капитализма, необходимости более реалистической увязки между внешнеполитическими целями США и средствами, имеющимися для их реализации. Отсюда и подход президента Р. Никсона, провозгласившего, что «наши (американские.— *Авт.*) обязательства должны определяться нашими интересами, а не наоборот»⁴. Идеологи «трехсторонности» при президенте Дж. Картере подчеркнута ограничивали поле «американской ответственности» зоной развитого капитализма. Такой преждевременный, с точки зрения ультраимпериалистов, отход на более безопасные позиции вызвал внутри правящего класса США шовинистическую реакцию. Ее результатом явилось преобладание в идейной платформе президента Р. Рейгана, пришедшего к власти в США в 1981 г., стремления не только приостановить тенденцию к сдержанности на мировой арене, но, наоборот, вернуть времена вседозволенности. При Р. Рейгане военный шантаж, бряцание оружием, нагнетание военной истерии стали альфой и омегой официальных документов США и речей американских лидеров.

Послевоенная американская внешняя политика при всех ее поворотах и изменениях имеет целый ряд черт, позволяющих рассматривать ее как цельное, весьма однородное явление. О чем конкретно идет речь?

Первое — это нежелание — настолько сильное, что оно превращается в неспособность, — американского руководства видеть на международной арене равных партнеров. Отсюда склонность к патерналистскому подходу к союзникам и пренебрежительному — к противникам. Это высокомерие американской дипломатии прослеживается даже в отношениях США со своими ближайшими друзьями: в Вашингтоне с легкостью решили пустить под откос все послевоенные планы Лондона, не без тайной корысти восприняли трудности приспособления Парижа к послевоенной обстановке. Немалая доля пренебрежения сквозила и в подходе США к побежденной Италии. Что же касается главных поверженных противников военных лет, то Германия и Япония воспринимались (до тех пор пока это было возможно) как ничтожные величины. Восстановление потенциала Западной Европы и Японии постепенно заставило Вашингтон учи-

⁴ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1970, Febr. 24, p. 198.

тывать экономические и иные возможности новых политико-экономических величин, но отнюдь не поставило американское отношение к ним на фундамент равноправных отношений, в том числе внимания и уважения к мнениям и советам партнера.

Что же касается тех, кого в Вашингтоне именуют «противниками», т. е. в первую очередь СССР и других стран социалистического содружества, то с первых послевоенных лет США стали подходить к ним с позиций враждебности, открытого противоборства.

При всех нюансах 40 последних лет в правящих кругах США так и не пробило себе дорогу понимание реальной обеспокоенности СССР (как жертвы многократных военных нападений, блокады и враждебности) проблемами своей безопасности в их подлинном масштабе с учетом и политических и географических реальностей. Американская политическая элита, в общем-то всегда с трудом понимавшая интересы других стран, обнаруживала в этом плане поразительную несообразительность, когда дело касалось СССР. В то же время сам Вашингтон не моргнув глазом объявляет границами «национальных интересов США» территории, расположенные в десятках тысяч километров от США.

Второе — милитаризация американской внешней политики. Окончание второй мировой войны, по сути, не сопровождалось переводом резко возросшей военной промышленности США на мирные рельсы. Глобализация американской внешней политики была осуществлена именно на базе укрепления военной мощи. Ее основой с 1945 г. стало ядерное оружие и средства его доставки на межконтинентальные расстояния. Главным способом обращения с союзниками оказалось включение их в руководимые американцами военно-политические союзы, двусторонние соглашения военного характера, что дало Вашингтону возможность разместить американские воинские контингенты в ключевых районах мира. Что касается «противников», то их окружили военными базами, сколотили против них руководимые Вашингтоном военные блоки. Главным объектом военного давления стал Советский Союз.

Ослепление милитаризмом в послевоенный период — явление беспрецедентное в американской истории. Прежде США полагались главным образом на свои огромные производственные мощности, на «долларовую дипломатию», на пропаганду преимуществ «американского образа жизни». Формирование «военно-промышленного комплекса» привело к резкому повышению роли Пентагона в формулировании и проведении внешней политики страны. По существу, в течение почти всего послевоенного периода министерство обороны США и в более широком смысле — военно-промышленный комплекс обладали правом вето на политические решения гражданского руководства страны. •

В результате американская глобальная стратегия в послевоенный период оказалась построенной на фундаменте милитаризма. Правящие круги США сделали особую ставку на использование

достижений научно-технической революции — сама она проявилась в США по существу в начале как военно-техническая революция.

Тем не менее, как это вынуждены были признать в 70-е годы многие американские историки и политологи-международники, милитаризация внешней политики страны не только не укрепила безопасность США, но фактически подорвала их мировые позиции. Ослабив экономическую и финансовую мощь страны, ослабив конкурентоспособность американских товаров на мировых рынках, она привела и к резкому ухудшению экономической конъюнктуры в самих США, к невиданной инфляции и бюджетным дефицитам.

Третье — характерная черта внешней политики США послевоенного периода — не имеющее прецедентов в американской истории массированное обращение к практике плаща и кинжала, к тайным операциям за рубежами страны. Созданное в 1947 г. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) быстро переросло рамки организации по сбору и анализу информации и стало одним из наиболее активно используемых каналов воздействия правительства США на международное окружение. Это воздействие принимало самые разные формы, начиная от подкупа влиятельных журналистов, руководителей массовых организаций и государственных лидеров зарубежных стран и кончая организацией широкомасштабных диверсионно-террористических и военных операций, вроде высадки наемников в кубинском заливе Кочинос в 1961 г. или финансирования и материального обеспечения банд наемников в Бельгийском Конго (ныне Заир) в 60-х годах или в Анголе — в 70-х годах.

Четвертое — общая характеристика внешней политики США после второй мировой войны — склонность к силовым решениям. Как известно, США с окончания второй мировой войны не прекратили воевать: они осуществили две крупномасштабные военные интервенции в Корее и Вьетнаме, не считая других, более мелких.

Таким образом, масштабы агрессивных акций различны — от полумиллионного экспедиционного корпуса США во Вьетнаме до посылки оружия и «военных советников» в Сальвадор, — но суть одна: американский империализм хотел и хочет решать самые различные проблемы обращением к вооруженному насилию с применением новейшей военной техники.

Пятое — вера в военную силу, обусловившая скептическое негативное отношение к традиционным инструментам дипломатии: к переговорам и достижению решений на основе взаимоприемлемых компромиссов. Дипломатию Вашингтон часто подменял «ядерным устрашением», силовыми угрозами, военными демонстрациями. Государственный департамент США с его высокопрофессиональными кадрами часто служил либо ареной, на которой маккартисты и другие деятели политического сыска устраивали показательные «проверки лояльности» в поисках «подрывных элементов», либо же отеснялся на второй план советчиками из ближайшего окружения Белого дома, как это имело место при президентах Р. Никсоне,

Дж. Картере, Р. Рейгане. Об этом же пренебрежении к дипломатии свидетельствует и укоренившаяся практика назначения на ключевые дипломатические посты политических кандидатов, т. е. людей не профессиональных, но чем-то угодных президенту.

«Дипломатический нигилизм» Вашингтона наглядно проявился и в подходе США к международным организациям, таким, как ООН и ее различные учреждения и агентства. Как только США утратили там в 60-е годы послушное механическое большинство, они все чаще стали игнорировать ООН и специализированные организации как форумы для решения спорных вопросов. Более того, даже в международных организациях, находящихся под контролем Запада, представители США ведут себя сутоغو неконструктивно. Пренебрежение Вашингтона к международному праву ярко выразилось в последние годы в отношении буквально десятков договоров, подписанных США. Агрессивность, нажим, самоослепление собственной мощью, отказ считаться с законными интересами партнеров — вот что характерно для американской внешней политики послевоенного периода.

Шестое — послевоенный период американской внешнеполитической активности характеризуется высокой степенью идеологизации внешней политики. По сути дела, на протяжении большей части послевоенного периода внешняя политика США являлась служанкой «имперской» идеологии. Последнюю можно охарактеризовать как разновидность религиозно-политического манихейства, когда вся международная жизнь изображается в виде противоборства Света и Тьмы. Для внешней политики США характерно ярко выраженное деление многоликого в социальном и политическом плане мирового сообщества на своих и чужих («мы и они»), подачей одной стороны как охранительницы человеческих ценностей и цивилизации в целом, а другой — как нечестивцев, покушающихся на эти ценности.

По-видимому, такие крайности, такая нетерпимость необходимы американскому империализму, с одной стороны, для идейно-психологической мобилизации американского общества в целях обеспечения внутренней поддержки внешней экспансии, с другой — для активного дисциплинирующего воздействия на колеблющихся и уклончивых союзников, с немалым основанием сомневающихся в реалистичности «черно-белой» подачи сложных международных явлений.

Американская внешняя политика является продуктом все более подвижного и меняющегося американского общества, характеризующегося как приверженностью буржуазной классовой традиции, обеспечивающей внешнеполитическую преэемственность, так и большим диапазоном разного рода модификаций и новаций. Преэемственность основывается на фактическом господстве в жизни страны той верхушки правящего класса, которая получила название северо-восточного истеблишмента — конгломерата финансово-промышленных воротил, политической и интеллектуальной элиты (университеты, печать, устоявшийся слой обслуживающей внешнюю политику ин-

теллигенции) самых населенных и богатых северо-восточных штатов США. Основная масса американских политиков, высших чиновников и идеологов вышла именно из «треугольника» Бостон—Вашингтон—Чикаго, традиционно доминировавшего на американской политической арене. Связь этого региона с Атлантикой, с трансатлантическим направлением обеспечила первоочередное внимание к Европе. Союз со странами Западной Европы стал в период после окончания второй мировой войны краеугольным камнем (по определению самих американских лидеров) внешней политики Соединенных Штатов. На этом направлении американская дипломатия заключила свой главный военный союз — Североатлантический пакт, создала военную машину этого союза — НАТО. Идейная подоплека этого наиболее крупного акта американской внешней политики достаточно проста. Она отражает две основополагающие черты американской политики в послевоенный период — глобализм и антисоветизм. Агрессивный блок, в котором США доминируют над 14 наиболее развитыми странами североатлантического бассейна, дал Вашингтону возможность контроля над 3/4 промышленного производства капиталистического мира. Антисоветская функция Североатлантического союза не нуждается в особых комментариях: блок был создан как орудие военно-политического давления на СССР и другие социалистические страны Восточной Европы и в этом качестве продолжает оставаться материальной основой той «холодной войны», которую американский империализм ведет против мира социализма на протяжении почти всего послевоенного периода.

При продолжающемся господстве атлантического направления постепенно выросла значимость и других направлений американской внешнеполитической активности и экспансии. Материальная и политическая эволюция как самих США, так и мира в целом сказала здесь свое веское слово.

В числе факторов, способствовавших расширению внимания США к другим внешнеполитическим направлениям, следует назвать прежде всего процессы географической перегруппировки социально-экономических сил внутри самих США, становление мощных индустриально-финансовых монополистических комплексов на Юге и Западе страны. Эти регионы на протяжении большей части послевоенного периода выступали на подсобных, второстепенных ролях. С конца же 60-х годов они в силу экономической значимости начали приобретать и определенную политическую силу, и отнюдь не случайно большинство президентов США этого периода (Л. Джонсон, Р. Никсон, Дж. Картер, Р. Рейган) оказались представителями именно этих регионов. Они объективно выступали от имени новых сил внутри правящего класса США, сил, стремящихся потеснить атлантическую элиту, традиционно доминировавшую в политической жизни США. Эти выходцы с Юга и Запада, приходившие в Белый дом, зачастую имели меньше политического опыта, даже цивилизованности по сравнению с представителями «аристократических»

классов Новой Англии. Но при этом у них имелись гораздо более тесные связи с новыми монополистическими гигантами военного бизнеса, и они не были столь однозначно сориентированы на Европу, как посланцы восточного побережья.

Перегруппировка центров влияния внутри правящего класса США лишь одна и не главная объективная причина маневрирования во внешней политике послевоенного периода. Более глубокое воздействие на поиски Вашингтоном оптимального варианта поведения на международной арене оказали объективные процессы мирового развития. Значительно уменьшился относительный вес США как эпицентра капиталистического мира. Если в начале рассматриваемого периода на долю Соединенных Штатов приходилось почти 70% промышленного производства капиталистического мира, то к началу 80-х годов — вдвое меньше. Теперь два новых капиталистических центра силы — Западная Европа и Япония — обладают (вместе взятые) двойным превосходством над прежде недостижимой Америкой. Как торговая держава, США ныне в шесть раз отстают от Европейского экономического сообщества (ЕЭС), приблизительно в том же соотношении отстают они от ЕЭС и по валютным резервам (отставая также и от Японии). Сталь и автомобили — основа индустриального могущества послевоенной Америки — производятся ныне в больших количествах в Западной Европе и Японии. Такое выравнивание экономических показателей сделало Вашингтон к концу 70-х годов более уязвимым, заставило его начать зангрывать с идеей «равноправного трехстороннего партнерства». В 60—70-е годы наиболее быстрыми темпами в капиталистическом мире развивалась группа азиатских стран, примыкающих к Японии, что поставило на повестку дня идею создания «тихоокеанского сообщества», широко обсуждающуюся ныне в американских политических кругах.

Увеличение значимости природных ресурсов обусловило внимание Вашингтона к концепции континентального союза с Канадой и Мексикой (после открытия в каждой из этих стран больших энергетических и прочих ресурсов). В 70-е годы США посчитали, что у них может появиться надежда разыграть «китайскую карту». Так к концу рассматриваемого периода стали вызревать если не альтернативы, то своего рода протоальтернативы сугубо атлантическому приоритету.

Хотя, как показывает линия администрации Р. Рейгана в отношениях со своими главными союзниками, все эти поиски сменились попытками грубого давления на партнеров, стремлением силовыми методами укрепить конкурентные позиции США.

Окружение ЕЭС поясом ассоциированных государств воспринимается в Вашингтоне далеко не как восстановление официальных отношений бывших метрополий со своими бывшими колониями, а как новый вызов Соединенным Штатам со стороны прежде послушных партнеров, как политика, направленная на сужение амс-

риканских возможностей в зоне развивающихся государств, в которую американский империализм глубоко внедрил после второй мировой войны, широко используя методы неокolonизализма.

В условиях, когда экономический рычаг начал давать сбой, когда развивающиеся страны стали активно охранять свои природные богатства, а американские монополии столкнулись с соперничеством равных по мощи и размаху деятельности компаний других развитых капиталистических стран (в начале 80-х годов среди крупнейших компаний мира американских было уже менее половины), правящие круги США при проведении своей внешней политики вновь усилили упор на военный фактор. Военные договоры и соглашения США более чем с 90 странами составляют основу реализации внешней политики путем военного присутствия, военной инфильтрации, союза с местной кастой военных, военной помощи, продаж оружия и других форм воздействия на политический курс страны — объект американской политики. Наибольшие контингенты американских вооруженных сил в послевоенный период были посланы в зоны, наиболее важные с точки зрения геополитических интересов США. Так, в настоящее время США содержат в Западной Европе 336 тыс. военнослужащих, в Японии — 48 тыс. Оба эти региона объявлены «жизненно важными» для США сферами и находятся в прямой военной зависимости от США. Зоной весьма высокой военной активности США в течение всех послевоенных лет остается и Ближний Восток.

В какой мере Соединенные Штаты были готовы применить свои вооруженные силы в регионах, односторонне объявленных Вашингтоном «сферами жизненно важных интересов США»? Ответ на этот вопрос может быть основан лишь на умозрительных заключениях. Но немаловажно отметить, что и в районах менее значимых (согласно собственным американским оценкам) американский империализм проявил готовность уплатить огромную цену в виде материальных жертв и человеческих жизней за сохранение проамериканского статус-кво, ради недопущения не устраивающих США социально-политических перемен. Достаточно напомнить, что в корейской войне и агрессии во Вьетнаме США потеряли свыше 100 тыс. человек. Жертв могло быть и больше. Брядание ядерным оружием раздавалось в Вашингтоне по весьма многообразным поводам: берлинский кризис, корейская война, карибский кризис, ступени эскалации в Индокитае, ближневосточный конфликт.

Размышления над послевоенным периодом американской внешней политики приводят к выводу, что ни характер ее проведения, ни достигнутые в ходе ее результаты не пользовались популярностью и массовой поддержкой американского народа. Об этом ярко свидетельствуют массовые движения протеста в США, нараставшие из десятилетия в десятилетие: движение за запрещение ядерного оружия 50-х годов, всколыхнувшие всю страну массовые антивоенные демонстрации и восстания в университетах 60-х и начале 70-х

годов, движение 80-х за замораживание ядерных арсеналов США и СССР, набравшее значительную силу.

Таким образом, глобальная экспансия США после второй мировой войны, равно как и способы этой экспансии, не вызвала в американском народе энтузиазма и готовности «платить за империю». Наоборот, под влиянием массовых протестов американская администрация порой вынуждена была умерять внешнеполитические аппетиты, идти на переговоры и мирные урегулирования.

Что же касается политики США на советском направлении, то потребовались десятилетия, прежде чем в этой политике начали появляться признаки реализма, желание договариваться с оппонентом «на равных» без предварительных условий, на основе принципа равенства и одинаковой безопасности сторон. Но и то, как показывает политика администрации Р. Рейгана, эта победа разума в Вашингтоне в начале 70-х годов не оказалась необратимой.

На протяжении десятилетий политика США характеризовалась отказом от переговоров с СССР, стремлением (заведомо обреченным на провал) навязать Советскому Союзу американские условия с позиции силы. Эти попытки США диктовать свои условия, подкрепляя политический нажим ядерным шантажом, и были тем, что именуется «холодной войной».

Поскольку тезис о «советской угрозе» был одним из основных, использовавшихся официальными кругами США для обоснования всей послевоенной американской политики, стоит остановиться на роли этой ложной идеи. Внешняя экспансия инкриминировалась Советскому Союзу и тогда, когда он был поглощен восстановлением своей экономики, сильно пострадавшей в годы войны, и тогда, когда Советский Союз задолго до истечения сроков аренды им военных баз в Финляндии и Китае добровольно отказался от них в 1955 г. (США же в это время были максимально заняты заморским базостроительством), и тогда, когда СССР выступал посредником в мирном разрешении конфликтных ситуаций (как это было на Ташкентской встрече глав правительств Индии и Пакистана в начале 1966 г., которая привела к урегулированию индо-пакистанского конфликта). Ныне даже многие буржуазные историки США соглашаются с тем, что СССР был полностью склонен к продолжению сотрудничества с Америкой после 1945 г., что государство, только что пережившее тяжелейшую в своей истории войну, не хотело, да и не могло готовиться к «захвату Западной Европы» и т. д. Но все эти доводы логики и разума не для Вашингтонских «ястребов». У них на уме были и есть свои собственные интересы, заставляющие их ныне, как и 40 лет назад, разглагольствовать о «советской угрозе» Америке, Западной Европе, Японии, Африке, Ближнему Востоку...

Факты, однако, свидетельствуют о том, что под прикрытием разглагольствований о «советской угрозе» Соединенные Штаты постоянно наращивали свои вооруженные силы, 40 лет лидируя в гонке

вооружений. «Советская угроза» нужна была военно-промышленному комплексу США, чтобы в 50-е годы (под прикрытием мифа об «отставании по бомбардировщикам») произвести небывалую армаду стратегической бомбардировочной авиации, в 60-е (под прикрытием мифа о «ракетном отставании») — создать колоссальный арсенал межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в шахтах и на подводных лодках, в 70-е — резко увеличить число ядерных зарядов путем оснащения баллистических ракет «Минитмен» и «Полярис» разделяющимися головными частями, в начале 80-х годов — приступить к созданию качественно новых поколений стратегических бомбардировщиков, крылатых ракет, межконтинентальных баллистических ракет и нового флота ядерных подводных лодок.

Следует подчеркнуть, что на фоне бешеной гонки вооружений, развернутой в США в период после второй мировой войны, бледнеют такие «классические» рывки в подготовке к силовым решениям, как милитаризация Германии или милитаризация Японии накануне второй мировой войны. Арсенал вооружений, накопленных в США за послевоенный период, уже, по существу, вышел за пределы рационального. Тем не менее ни провалы зарубежных военных авантур США, ни серьезное расстройство экономической жизни страны в результате отвлечения колоссальных ресурсов на гонку вооружений, как оказалось, все еще не привели правящий класс США к осознанию тщетности сверхвооружений, бесперспективности погони за «абсолютным военным превосходством».

«Империалисты, — отмечал в своем докладе «60 лет СССР» Ю. В. Андропов, — не расстаются с замыслами экономической войны против социалистических стран, вмешательства в их внутренние дела в надежде расшатать их общественный строй, пытаются добиться военного превосходства над СССР, всеми странами социалистического содружества»⁵.

Ветеран американской дипломатии профессор Дж. Кеннан писал не так давно: «Я нахожу взгляды на Советский Союз, которые сегодня преобладают в нашем правительстве и журналистике, экстремистскими, субъективными, далекими от всего, что подсказывает любое трезвое исследование окружающей действительности. Как основа политических действий, эти взгляды не только неэффективны, но и опасны»⁶.

Представляется, что такая оценка полностью подтверждена событиями последнего времени — усилением гонки вооружений, участившимися, приобретающими все более опасный характер вооруженными конфликтами. Конечно, история не знает сослагательного наклонения и всегда трудно гадать, как могли бы пойти события в иных политических условиях. Но есть все основания утверждать, что если бы не курс США на усиление напряженности, на обостре-

⁵ Правда, 1982, 22 дек.

⁶ Des Moines Register, 1982, Mar. 21.

ние отношений с СССР, если бы продолжал углубляться диалог, успешно шли переговоры и развивалось сотрудничество, начатое в период разрядки 70-х годов, то можно было бы предотвратить многие конфликты в мире, локализовать уже начавшиеся и добиться их мирного урегулирования.

В сегодняшнем мире курс на конфронтацию НАТО с Варшавским Договором, США с СССР, который взят администрацией Р. Рейгана, создает такую политическую атмосферу, которая способствует возникновению и углублению конфликтов. Это игра с огнем, опасная и для ее зачинщиков, и для всего мира в целом.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Соединенные Штаты Америки в общем и целом новичок на международной арене. Всего лишь 70, да и 50 лет тому назад эпицентр мировых событий находился на большом расстоянии от американской столицы. Все, что именуется большим историческим опытом — взлеты и падения, борьба за выживание и трудности взаимоотношений с непосредственными соседями, отпор нашествиям и самоутверждение, — все это во многом чуждо стране, чей самый «славный» национальный опыт заключается в вытеснении в резервации индейцев и насильственном отторжении значительных кусков территории на севере и юге от соседей, которые не помышляли ни о каком военном вызове соседу-гиганту. Некоторые даже объясняют примитивность американского внешнеполитического поведения после второй мировой войны как раз этой «необремененностью» США суровым историческим опытом, а опасную игру в сверхмогущество — определенной наивностью тех, кому волею судеб не пришлось иметь тесного повседневного взаимодействия с по-настоящему равными партнерами и кто поэтому не смог уяснить величие и своеобразие других культур, разнообразие национальных характеров различных народов, их выдержку и настойчивость и в конечном итоге — осознать весьма относительную ценность так называемой американской модели, которую Вашингтон все еще пытается навязывать остальному миру. И хотя, как представляется, в основе внешнеполитического курса США лежали и остаются прежде всего фундаментальные социально-экономические причины, эти особенности истории США, вероятно, тоже сыграли свою роль.

Предоставим историкам будущего делать общие заключения о столь недавнем прошлом, но укажем на его зримые черты: после второй мировой войны Соединенные Штаты Америки вошли в зенит своего могущества как гегемон капиталистического мира. Неудавшаяся попытка в той или иной степени подчинить себе иную социальную систему — мир социализма, равно как и восстановление конкурентных сил в самой капиталистической системе, а также рост движения против американского неокolonизма в зоне развивающихся стран поставили США в сложное, даже парадоксальное, положение, когда при росте их абсолютных материальных возможностей четко обозначился упадок их относительного влияния в мире.

Такой поворот никогда и никем не воспринимался в мировой истории безболезненно. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать новые попытки повернуть вспять колесо истории, восстановить утраченные позиции. На какой-то срок такие усилия могут создать определенные иллюзии результатов. Но это не меняет общей тенденции. На пути к миру 2000 г., в котором будут жить 6 млрд. землян, относительная значимость США как мировой державы, безусловно, уменьшится. Это — аксиома. Необратимо завладевшие миром идеи самоопределения, национальной независимости и социального прогресса делают роль консервативного охранителя существующих структур обреченной. Притягательная сила идей равенства и социальной справедливости обнаруживается в самых различных частях мирового сообщества.

В рассматриваемое в данной книге сороколетие Соединенные Штаты Америки попытались перекрыть каналы социального прогресса и потерпели при этом неудачу. В более сложном мире будущего американская внешняя политика должна будет внять историческому закону; противодействие доминирующим историческим тенденциям оборачивается изоляцией и упадком. В данном случае речь идет о мощной и богатой стране капиталистического мира, чье влияние, безусловно, будет сказываться при определении судеб мира, даже если это влияние будет сугубо негативным. Но не лишне напомнить, что волна будущего — это движение к равенству и справедливости, а не к консервации олигархической, заведомо несправедливой системы. Поэтому роль США будет зависеть от того, в какой степени они смогут приспособиться к меняющемуся миру и найти в нем собственное место, не подвергая риску уничтожения ни себя, ни мировое сообщество в целом.

Академик Г. А. Арбатов

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Любое основательное исследование, посвященное внешнеполитической проблематике, нуждается в анализе тех источников и мотивировок, на которых зиждется внешнеполитическая деятельность того или иного государства. Подобный анализ особенно важен, когда речь идет о внешней политике Соединенных Штатов Америки — наиболее мощного государства современного капиталистического мира, по существу, единственной империалистической державы, разрабатывающей и проводящей в жизнь внешнеполитическую стратегию, охватывающую весь мир. Эта стратегия представляет собой стержень и основу глобальной блоковой стратегии ведущих капиталистических государств современного мира, связанных с США системой военно-политических союзов.

Каковы исходные мотивировочные параметры этой обширной внешнеполитической активности, как они соотносятся между собой, какова их эволюция в период, последовавший за окончанием второй мировой войны? Эти и смежные с ними вопросы возникают на самом начальном этапе изучения американской внешнеполитической стратегии, и совершенно естественно стали предметом рассмотрения в первом разделе данной монографии.

Как известно, существуют многочисленные теории и концепции, стремящиеся дать обоснование внешнеполитической практики. В основе такого рода построений могут быть соображения, вытекающие из оценки географических особенностей страны, национальные, культурные, а также расовые мотивы, умозаключения, связанные с макроисторическими построениями циклов эволюции «мировых цивилизаций», и соображения, основанные на более или менее конкретных наблюдениях за особенностями принятия решений в различных государствах, и многое другое.

Историческая практика конца XIX и истекшей части XX столетия убедительно показала, что наиболее полное, всестороннее и объективное объяснение внешнеполитической деятельности государства дает марксистско-ленинская теория. В основе марксистского подхода к анализу внешней политики лежит понимание ее как весьма сложного и многопланового общественного явления, обусловленного многими социальными, экономическими, культурными, идеологическими, историческими и психологическими обстоятельствами. При этом доминирующая роль в формировании внешней политики государства отводится господствующему классу.

Утверждая и подчеркивая приоритет социальных, классовых мотивировочных факторов, марксистская теория вместе с тем недвусмысленно отвергает принцип их автоматического проявления. Внешняя политика относится к надстроечным явлениям, а они обладают хотя и относительной, но весьма широкой автономией. Внешнеполитическая реальность существует и воспроизводится на определенной социальной, классовой основе, но вместе с тем она испытывает на себе влияние и многих других, в том числе упомянутых выше, факторов. В результате внешняя политика становится отличной от простой суммы обуславливающих ее обстоятельств, приобретает свои собственные специфические характеристики, собственную логику и взаимообусловленность.

Более того, внешняя политика оказывает обратное воздействие на внутриполитические и внутриэкономические процессы, и это воздействие весьма существенное и при обычных, «нормальных» обстоятельствах — в нынешний период растущей зависимости как отдельных государств, так и различных групп государств друг от друга, эпоху нависшей над человечеством угрозы всеобщего ядерного уничтожения, — приобретает особое значение и масштабы.

Все эти обстоятельства имеют непосредственное отношение к внешней политике Соединенных Штатов Америки — государства, оказавшегося одним из центральных факторов мировой политики второй половины XX столетия. Возглавляя капиталистический мир, формируя и в значительной степени реализуя на практике его глобальную стратегию, США действуют в современном мире как бы в двух воплощениях: как национальное государство, обладающее своими собственными специфическими интересами, особенностями и стилем, и наряду с этим как конденсатор воли, устремлений и иллюзий всего мира капитализма. Эти «лики» американского империализма отнюдь не всегда отчетливо видны. В практической внешнеполитической деятельности эта «двуединая сущность» США чаще всего проявляется в слитном виде. Тем не менее учет этого важного обстоятельства позволяет яснее понять многое в американской внешнеполитической практике.

В соответствии с вышеуказанными исходными принципами выполнен первый раздел данной монографии.

Его материалы имеют в виду помочь читателю более отчетливо представить себе исходные побудительные мотивы внешнеполитической активности крупнейшей державы современного капитализма, соотношение общего и особенного в американской реакции на окружающий мир.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

США — империалистическое государство, в котором господствующие позиции занимает финансово-монополистический капитал. Поэтому во внешней политике американского государства отражаются устремления его правящего класса — монополистической буржуазии. Именно интересы этого класса — экономические, политические, идеологические и военные — главная движущая сила политики американского буржуазного государства — как внутренней, так и внешней. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, — указывал В. И. Ленин, — пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹.

Однако сам правящий класс США неоднороден: он состоит из различных региональных и функциональных группировок, частные интересы которых совпадают не всегда и не во всем. Между этими группировками постоянно идет борьба по вопросам конкретного направления и содержания внутренней и внешней политики. Эта борьба осуществляется прежде всего через институты государственной власти — администрацию, конгресс, что ставит руководящую политическую олигархию США в положение своего рода арбитра между различными группировками правящего класса, повышает относительную самостоятельность самого государственного механизма в выработке политических решений. Отлаженным механизмом политического взаимодействия между различными слоями правящего класса являются прежде всего буржуазные политические партии — демократическая и республиканская, попеременно приходящие к управлению страной.

Помимо представленных в конгрессе буржуазных партий, существуют и внепарламентские группы давления — такие, как профсоюзы, массовые общественные организации как правого, так и левого направления, которые в той или иной степени, причем в разные периоды по-разному, оказывают влияние на формирование внешнеполитического курса США. В результате этот курс складывается как своего рода равнодействующая между всеми этими силами, в первую очередь как компромисс между группами давления, принадлежащими к правящему классу, но в то же время компромисс, скорректированный воздействиями иных классов и социальных слоев общества и их организаций.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

Монополистическая буржуазия

Финансово-монополистическая буржуазия — господствующий класс американского общества. На долю 200 тыс. семейств (около 0,5% всех семейств страны), составляющих вершину социальной пирамиды американского общества, приходится свыше 20% всего национального богатства. Естественно, что потребности и интересы этого класса и определяют в первую очередь направление американской внешней политики. Эта политика в общем плане должна обеспечивать процветание правящего класса, упрочение его международных экономических, политических, военных позиций, расширение сферы его господства и, как минимум, не допускать ухудшения этих позиций.

Практическая внешняя политика США, отражая в общей форме вышеназванную установку, в своем конкретном виде складывается в первую очередь как результат сложного процесса взаимодействия между несовпадающими внешнеполитическими целями и устремлениями разнородных экономических и политических группировок внутри правящего класса. В то же время современная модель буржуазного государства полагает целесообразным, чтобы внешняя политика страны творилась именем ее народа. Американская буржуазия с самого начала существования республики придерживалась в сфере управления государством концепции «народного суверенитета». А это означает, что государственная политика должна нести на себе печать «мандата народа» и осуществляться от его имени. В этом правящий класс видит не только средство мобилизации широкой общественности внутри страны на поддержку проводимого им на международной арене курса, но и мощный универсальный инструмент воздействия на другие страны, ибо политика, якобы проводимая от имени народа и на его благо, в современную эпоху выглядит более легитимной, нежели какая-либо иная.

Примеры этому многочисленны. В каждом документе, определяющем цели и задачи внешнеполитического курса США, начиная с конституционных деклараций XVIII в. и кончая любым выступлением американского государственного деятеля по общим вопросам внешней политики в наши дни, постоянно подчеркивается тесная связь этих задач Вашингтона с «интересами американского народа». «Внешняя политика великой нации, — отмечал в одном из своих выступлений бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, — не является изобретением ее президента или государственного секретаря. Внешняя политика нации важнейшим образом определяется объективными условиями ее существования, ценностями народа и лишь в какой-то степени способностью лидеров нации осознать эти ценности и оформить их как собственные цели»².

² Department of State Bulletin, 1976, Sept. 20, p. 363.

Было бы чрезмерным упрощением рассматривать эти декларации, равно как и само стремление американских политиков иметь «мандат народа» на осуществление империалистического внешнеполитического курса, лишь как пропагандистскую оболочку их внешней политики. Если бы это было только так, то внешнеполитический курс Вашингтона уже давно был бы отвергнут подавляющим большинством нации.

Однако империалистическая внешняя политика правящих кругов Соединенных Штатов на протяжении длительного времени после второй мировой войны пользовалась достаточной поддержкой со стороны политически влиятельных или активных слоев населения³, и лишь в отдельные критические периоды, например в годы войны в Корее (1950—1953 гг.), а в особенности — в годы войны во Вьетнаме (1961—1973 гг.), значительная часть населения активно выступала против внешнеполитической линии правящих кругов, и в позициях «верхов» и «низов» по внешнеполитическим вопросам зримо пролегал четкая грань, отделяющая интересы правящей верхушки от интересов остального общества.

В более спокойные периоды послевоенной истории США внешнеполитический курс «верхов», как правило, получал поддержку со стороны деловых, научных, журналистских и других кругов «среднего класса», не вызывая особо сильных протестов и на уровне «корней травы», т. е. со стороны рядовых американцев, что чаще всего выражалось в их безразличии к проблемам внешней политики. Это обстоятельство свидетельствует о том, что среди тех внешнеполитических интересов, целей и задач, которые выдвигала в послевоенный период американская правящая верхушка, какая-то их часть отвечала тому, как нынешний «средний американец» представляет себе внешние интересы своей страны, что и служило в течение длительного времени основой так называемого консенсуса в США по вопросам внешней политики, иными словами, ее молчаливого одобрения значительной частью населения.

Проблема отношения широких масс к внешнеполитическому курсу правительства не оставалась в стороне от внимания американских политиков, о чем говорят регулярное проведение опросов общественного мнения, публичные выступления высших должностных

³ Речь в данном случае идет, разумеется, только о той части населения США, которая поддерживает капиталистический строй и участвует в буржуазном политическом процессе. Коммунистическая партия Соединенных Штатов, прогрессивные деятели антирасистского движения, многие профсоюзные активисты — эта передовая часть американского народа всегда выступала против империалистической политики правящих кругов и занимала последовательную принципиальную позицию по вопросу о том, чьи интересы отражает нынешний внешнеполитический курс США. См.: Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М.: Мысль, 1974; Фостер У. Очерк политической истории Америки. М.: Политиздат, 1953; Пожрой У. Становление американского неокolonialизма. М.: Прогресс, 1973; работы В. Перло, Г. Аптекера и других представителей прогрессивной Америки по проблемам внешней политики США.

лиц Вашингтона, их стремление держать руку на пульсе господствующих настроений в стране и в какой-то мере учитывать эти настроения при разработке текущих и более долгосрочных внешнеполитических установок. Неизменно придерживаясь правила, что внешняя политика «верхов» должна иметь положительный отклик «внизу», американские буржуазные политики разработали сложную процедуру оформления внешнеполитического курса, которая включает богатый арсенал всевозможных пропагандистских средств, позволяющих им представлять практически любое внешнеполитическое мероприятие, предпринятое в интересах господствующего класса, как выражение «национальной воли и целеустремленности».

В этом проявляется традиционный подход американских правящих кругов к проблемам государственного управления, состоящий в их неизменной приверженности буржуазно-демократическим формам, обеспечивающим политическую устойчивость всего общества. «Демократическая республика, — писал В. И. Ленин, — есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев... этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти»⁴.

Тот факт, что внешняя политика США отражает главным образом интересы крупного монополистического капитала, никоим образом не означает, что эти интересы и конкретные внешнеполитические цели США неизменны. Под влиянием целого ряда факторов внутренней и внешней обстановки происходит переоценка и интересов правящего класса, внешнеполитических целей, которые буржуазное государство ставит в своей конкретной внешней политике. Одни цели девальвируются, отодвигаются на задний план, другие, наоборот, выдвигаются на первое место. По мере изменений в окружающей обстановке, в частности изменений в соотношении сил на мировой арене, появляются новые цели и интересы и т. д. Например, можно с достаточным основанием сказать, что активная внешнеполитическая борьба против СССР не являлась первостепенной целью США в 30-е годы — после установления дипломатических отношений с СССР. Лидерами антикоммунистического фронта в то время были фашистская Германия, Италия и милитаристская Япония. Поэтому важнейшей целью США было поддержание европейского баланса сил. Именно это соображение и продиктовало во многом правящему классу США необходимость сближения с СССР после развязывания агрессии в Европе гитлеровской Германией. После же второй мировой войны борьба против СССР, против мировой системы социализма выдвинулась на первое место в системе внешнеполитических приоритетов Вашингтона.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 14.

Важную роль в определении приоритетности внешнеполитических задач, равно как и в корреляции задач внутренней и внешней политики правящего класса, играет острая конкурентная борьба между различными группировками американского финансово-монополистического капитала.

Советский исследователь Р. Овинников с достаточным, на наш взгляд, основанием выделяет головную «сверхгруппу» американского финансового капитала в центральный финансовый комплекс⁵. В этот финансовый комплекс Уолл-стрита входят 15 разнокалиберных финансовых групп, базирующихся в северо-восточных штатах США. Доминирует в нем финансовая империя Рокфеллеров. Этот комплекс и составляет основу, ядро нынешней верхушки правящего класса США, в том числе и базис американского государственного монополистического истеблишмента.

Помимо того, что именно эта группировка правящего класса разрабатывает на протяжении последнего полувека фундаментальные принципы внешней политики американского государства и ее основные долговременные цели, доминирующая в ней группа Рокфеллеров в течение многих десятилетий оказывает преобладающее воздействие на процесс выбора лица, занимающего на том или ином этапе должность государственного секретаря Соединенных Штатов. Группировка Рокфеллеров в совокупности с другими нефтяными монополиями США (которые ныне правильнее было бы именовать энергетическими монополиями в силу их контроля над запасами урана, угля и природного газа) во многом определяет внешнюю политику США.

Диалектическое сочетание преемственности и перемен в эволюции внешнеполитического курса США в послевоенные годы происходило в рамках общих интересов господствующих классов, и служило отражением процесса приспособления этих интересов к текущим реальностям расстановки сил внутри США, соотношения сил на мировой арене, положения внутри господствующего класса.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.) дало основополагающую оценку этим интересам монополистического капитала. «В основе агрессивной политики империализма, — отмечалось в документах Совещания, — лежит стремление любыми способами ослабить позиции социализма, подавить национально-освободительное движение народов, воспрепятствовать борьбе трудящихся в капиталистических странах, задержать необратимый процесс упадка капитализма»⁶. Такова сущность классовых интересов крупной монополистической буржуазии, международного капитала, возглавляемого монополистическим капиталом США. Как

⁵ См.: Овинников Р. С. Уолл-стрит и внешняя политика. М.: Междунар. отношения, 1980.

⁶ Международное совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969. М.: Политиздат, 1969, с. 287.

Мелкая и средняя буржуазия в периоды острых политических кризисов способна оказывать немалое влияние на политику правительства, в том числе и на внешнеполитический курс. Немногочисленную, но весьма влиятельную группировку в составе этой категории населения образуют фермеры. В крупных сельскохозяйственных штатах Среднего Запада голоса фермеров играют ключевую роль на общенациональных и местных выборах.

Американская буржуазная социология, как правило, выделяет некую группу лиц со средним доходом, «средний класс», в который зачисляются довольно разнородные слои населения — от средней буржуазии до рабочей аристократии, чиновничества и интеллигенции. Расплывчатое понятие «среднего класса» помогает буржуазным социологам изборажать политику американского государства как политику «большинства народа».

Представители монополистического капитала, осуществляя свою руководящую роль во внешней политике, отчетливо понимают, что в условиях американской буржуазно-демократической системы для них жизненно важна поддержка тех групп населения, которые образуют как бы «промежуточное поле» между крупными капиталистами и неимущими слоями населения. «Средний класс» важен для монополистической верхушки как своего рода «подушка» или буфер, отделяющий ее от трудящихся масс, но в то же время и связывающий ее с этими массами. Из числа «среднего класса» монополистический капитал вербует основные кадры управляющих в бизнесе и в политике (фигуры политиков типа Н. Рокфеллера или представителей клана Кеннеди, т. е. лиц, обладающих многомиллионным личным капиталом, относительно редки в американских политических кругах; более характерны для них люди, «самп себя сделавшие», иными словами, выходцы из «среднего класса», добившиеся многолетней службой правящему классу высокого общественного положения). «Средний класс» в силу общественного уклада и своей роли в производственном и социальном процессе ближе к трудящимся слоям, хотя по своей психологии он тяготеет к «верхам». Поэтому на этот «класс» монополистическая верхушка возлагает большие надежды в плане внутривнутриполитической устойчивости и видит в нем идеологический резерв для поддержания у трудящихся слоев надежды на продвижение вверх по социальной лестнице.

Однако «средний класс», несмотря на свое промежуточное положение и отсутствие в связи с этим собственного классового лица, имеет свои интересы. Сущность этих интересов заключается в сохранении и упрочении капиталистического строя в США.

Пока военные расходы государства создавали благоприятную конъюнктуру внутри страны, влиявшую в том числе и на поддержание высокого уровня занятости, пока правящие круги США располагали щитом, отделявшим внешний мир от внутривнутриполитической обстановки, в виде преимущественных позиций США в капиталистическом мире, иллюзии военного превосходства над СССР и т. п., их

империалистическая внешняя политика не вызывала особых протестов внутри страны со стороны группировок «среднего класса». Этот временный фактор, воздействие которого заключалось в том, что расходы на активную глобальную политику практически не отражались на положении «среднего класса», создал условия для появления консенсуса по вопросам внешней политики. Его классовая сущность состояла в том, что образующие «средний класс» социальные слои действительно считали активную внешнюю политику, проводимую в угоду монополистическому капиталу, неотъемлемым элементом борьбы за сохранение капиталистического строя в США.

Ослабление же международных позиций США, вызванное как военными факторами, так и экономическими — хроническими кризисными явлениями в американской экономике с конца 60-х годов, усилением позиций их империалистических конкурентов, а также успехами национально-освободительного движения, создало совершенно иное отношение к проблемам внешней политики со стороны «среднего класса». Уже в 60-е годы, во время войны во Вьетнаме, дилемма «пушки или масло» довольно остро встала на повестку дня и выбор администрацией Джонсона «пушек», проявившийся в эскалации агрессии в Индокитае, привел к срыву его широкообъемной социальной программы «великого общества». Важнейшим следствием этого, а также поражения США во Вьетнаме явилось оформление позиции «среднего класса» по вопросам внешней политики в виде концепции неопозационизма, требующей избегать «перенапряжения ресурсов», значительно сократить внешнеполитическую активность Вашингтона на благо укрепления капиталистического строя в Америке.

Рабочий класс

Рабочий класс — главная производительная сила американского общества. Промышленный пролетариат (включая транспортных рабочих) составляет около трети всей гражданской рабочей силы США — свыше 30 млн. человек. По своему материальному положению и общественным интересам к современному пролетариату принадлежат и категории служащих массовых профессий (так называемых белых воротничков), наемные работники сферы услуг, сельскохозяйственные рабочие, т. е. на конец 70-х годов около 75 млн. человек.

Спецификой рабочего класса США является его этническая неоднородность, что связано как с существованием большой прослойки трудящихся-негров, так и с сохраняющимся обособлением отдельных национальных отрядов трудящихся, в особенности рабочих мексиканского, итальянского, китайского, японского происхождения, выходцев из славянских стран. На этих различиях часто пытаются спекулировать буржуазия, противопоставляя одни отряды рабочего класса другим, вызывая трудящихся на выступления по национальному, а не классовому признаку, в том числе и по вопросам внеш-

ней политики. Именно данной спецификой объясняется существование в США многочисленных националистических организаций, охватывающих как «средний класс», так и часть рабочих и обладающих порой известным влиянием на администрацию и конгресс по вопросам внешней политики.

Как и в любой буржуазной стране, в США существует и прослойка рабочей аристократии — трудящихся высокой квалификации, получающих повышенную зарплату и обладающих другими привилегиями (например, работа на закрытых военных предприятиях после «процеживания» в виде тестов, связанных с допуском к секретной работе и т. д.). Монополистическому капиталу в течение длительного времени удавалось сохранять эту часть американского рабочего класса на положении «рабочей аристократии» всего капиталистического мира, не говоря уже о развивающихся странах. Все это в какой-то мере способствует распространению среди значительной части рабочих буржуазной идеологии и психологии, что и используется правыми профбюрократами и буржуазными политиками США для манипулирования этой частью трудящихся с помощью социальной демагогии. В лице городского и сельского пролетариата монополистический капитал хотел бы иметь «молчаливое большинство», оказывающее негласную поддержку его внешнеполитическому курсу и в то же время не обладающее какими-либо реальными средствами для активного воздействия на него.

Более высокий уровень жизни американского рабочего по сравнению с уровнем жизни рабочих в некоторых других капиталистических странах (например, Японии), в особенности из относящихся к числу «рабочей аристократии», был одним из рычагов, с помощью которого у него воспитывалось чувство национального превосходства, затрудняющее возможность сближения с пролетариатом других стран. В свою очередь, эта замкнутость препятствовала выходу американского пролетариата на международную арену в качестве самостоятельной социальной силы с собственными классовыми международными интересами, оказывающими давление на внешнеполитический курс правительства. Тем не менее в последние 10—15 лет американские рабочие не раз включались в активную политическую борьбу, в том числе и по вопросам внешней политики.

В целом борьба рабочего класса США за свои экономические и социальные права развивается в соответствии с общими закономерностями классовой борьбы в капиталистическом обществе. В период после второй мировой войны рабочий класс США добился существенных уступок от монополий и правительства в социально-экономической области. В то же время рабочее движение в США все еще находится в основном в русле тред-юнионистской экономической борьбы и в рамках двухпартийной буржуазной системы. Особую роль при этом играет то, что руководство АФТ—КПП, выступающее от имени всех организованных в профсоюзы рабочих и как бы выполняющее роль не только экономического, но и политического

представителя рабочего класса, стоит на позициях, которые можно охарактеризовать как позиции правой социал-демократии. В вопросах внешней политики оно в большинстве случаев поддерживает линию правительства. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в рабочем движении США вопросы внешней политики играют, как правило, второстепенную роль.

Правящие круги США вынуждены учитывать мнение широких масс трудящихся по тем или иным проблемам внешнеполитического курса. Американскую монополистическую верхушку не могут не тревожить такие объективные и присущие пролетариату уже в силу его общественного положения интересы, как антивоенные настроения (главным образом выступления против опасности ракетно-ядерной войны), как его противодействие сверхвысоким расходам на внешнюю политику и гонку вооружений в ущерб внутренним социальным программам. Поэтому монополистический капитал заинтересован в том, чтобы толкать профсоюзное движение на поддержку капиталистической системы в США и тем самым сделать его соучастником активной внешней политики за рубежом, в том числе в некоторых случаях — прямо использовать зарубежную деятельность американских профсоюзов как средство достижения собственных целей.

Объективные интересы рабочего класса и других трудящихся США на международной арене, состоящие в наше время в их желании уберечь Америку и ее население от опасности ракетно-ядерного конфликта, который может быть развязан вследствие авантюристической политики самих же правящих кругов страны, увязываются монополистическим капиталом со своими интересами в сохранении Америки как социальной формации в ее нынешнем состоянии. В сознание рабочего класса и других трудящихся слоев с помощью реформистской идеологии и социальной демагогии внедряется мысль о неразрывной связи между беспорядными достижениями в экономике, науке, технике и культуре и общественными порядками, практически не менявшимися со времен Американской революции. Отсюда остается лишь один шаг к объявлению любой угрозы общественному строю в США угрозой «национальной безопасности» США, потенциальной угрозой их «выживанию». Однако по мере обострения национальных антагонизмов в США, роста классовой сознательности широких слоев американских трудящихся такой курс отождествления своеобразных интересов правящего класса с интересами трудовых слоев Америки все чаще дает осечку.

Давление рабочего класса на правительство по проблемам внешней политики заметно усилилось в конце 60-х — начале 70-х годов, когда многие американские трудящиеся активно включились в антивоенное движение, требуя прекращения американской агрессии во Вьетнаме, отказа от политики интервенционизма. Давление трудящихся на правительство в те годы было столь велико, что тогдашний вице-президент США С. Агню пугал правящий класс тем, что

власть «может перейти в руки улиц», а президент Р. Никсон был вынужден заявить, что правительство «не должно предпринимать за границей больше того, что общественное мнение в нашей собственной стране способно оценить положительно»⁸.

Это признание президента отражает ту объективную истину, что в конце концов правящий класс может позволить себе ту или иную внутреннюю и внешнюю политику лишь в той мере, в какой ее терпят народные массы или в какой их можно убедить, используя обман, заигрывание и демагогию, что эта политика якобы служит их же интересам. Пределы такого терпения зависят от целого ряда сложных обстоятельств, включая и эффективность механизма классового принуждения, классового господства. Но в конечном итоге главной, решающей силой политики, и в более широком плане — самой истории, являются народные массы. Все это, естественно, и определяет рамки политики любого буржуазного правительства, за которые оно не может выйти, не ставя под вопрос собственную власть.

В последние годы рабочее движение США все активнее ведет борьбу за сокращение военных расходов и увеличение ассигнований на социальные нужды. Обострение противоречий между рабочим классом и правящей верхушкой, в том числе между профсоюзами и правительством, стало характерной чертой внутренней обстановки в США при администрации Р. Рейгана.

Интеллигенция

Интеллигенция (т. е. работники сферы умственного труда) — сравнительно небольшая прослойка американского общества. Однако влияние этой прослойки на внешнюю политику страны достаточно велико. Это объясняется тем, что именно работники умственного труда заняты в идеологической сфере (прессе, телевидении, других средствах массовой информации) и в сфере науки, в том числе научных институтах, разрабатывающих направления гонки вооружений как материально — путем конструирования новых систем оружия, так и концептуально — путем разработки соответствующих внешнеполитических теорий и доктрин, призванных обосновать экспансионистскую, гегемонистскую политику государства. В этом плане значительная часть американской интеллигенции, и в особенности ее высшие, наиболее высокооплачиваемые круги, является частью так называемого военно-академического комплекса.

В США ежегодно издается около 2000 наименований книг по вопросам внешней политики, не считая многих сотен разного рода закрытых работ, публикуются десятки тысяч статей по этой проблематике, авторами которых являются работники сферы умственного труда. Представители интеллигенции широко привлекаются и на го-

⁸ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1971, Mar. 1, p. 310.

сударственную службу, органически вливаясь в госаппарат, в частности в его внешнеполитические подразделения.

Значительная часть буржуазной интеллигенции США верой и правдой служит господствующему классу, являясь его идеологическим представителем, выразителем его внешнеполитических устремлений и интересов. Однако и среди интеллигенции существуют критически настроенные лица, выступающие оппозиционно в отношении империалистической внешней политики. Часть этих людей по своей философии приближается к марксизму, а некоторые и прямо становятся на марксистские позиции.

В периоды, когда американское государство преуспевает и тем самым как бы «доказывается» правильность буржуазного пути развития и внешней политики капиталистического государства, интеллигентам, критикующим внешнюю политику, гораздо труднее привлечь к себе внимание широких масс. Однако в периоды острых внешнеполитических, а также и внутренних кризисов влияние представителей интеллигенции, выступающих с прогрессивных позиций, резко растет, как это было во время американской агрессии в Индокитае, когда критики американского официального курса оказывали большое влияние на общественность страны. В силу специфики американского общества наибольшее общественное влияние получают те, кто занимает позиции леволыберального направления, т. е. остается в рамках буржуазной системы и буржуазной политики.

Такого рода критикам гораздо легче изложить свои взгляды общественности, чем тем, кто не просто стремится «улучшить» политику, а начисто отвергает империалистический курс. Но в то же время именно эта внутрисистемная критика внешней политики со стороны реалистически мыслящих представителей интеллигенции зачастую оказывается более или менее действенной в плане исправления политики, приведения ее в большее соответствие с международными реальностями. Особенно эффективной она становится в тех случаях, когда выражает настроения широких общественных слоев и в той или иной степени подкрепляется массовыми действиями.

Классовое содержание внешнеполитического курса США

Для монополистического капитала, нажившегося на второй мировой войне и поставившего перед собой задачу достижения мирового господства после ее окончания, довольно непросто было добиться такого положения, при котором в центральном вопросе послевоенной внешней политики — в вопросе об отношениях с СССР — была бы полностью исключена возможность мирных и взаимовыгодных американо-советских связей. Американо-советское сотрудничество в годы второй мировой войны, сильные настроения среди широких политических кругов Америки в пользу сотрудничества с Советским

Союзом, родившиеся в результате сближения обеих стран в совместной борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом, укрепившееся влияние Коммунистической партии в годы войны — все это активно противодействовало интересам монополистического капитала, который поставил перед собой задачу создания «Пакс Американа» и проповедовал в этой связи крайний антисоветизм.

В конце 40-х — начале 50-х годов монополистической верхушке США удалось изменить расстановку сил в стране по вопросам долгосрочной внешней политики в пользу жесткого антисоветского курса. В первую очередь была изолирована Коммунистическая партия Соединенных Штатов Америки. На основании реакционного закона Маккарэна—Вуда, объявившего Коммунистическую партию «агентом иностранной державы», начались преследования коммунистов и прогрессивно мыслящих американцев. Ограничив роль Компартии в рабочем движении и усилив тем самым позиции соглашателей среди профсоюзного руководства, монополистическая верхушка принялась за «средний класс», особенно ту его часть, которая активно выступала против антисоветской и антикоммунистической линии в политике правящих кругов.

«Охота за ведьмами», весь сложный и мрачный период маккартизма помогли американской монополистической буржуазии дискредитировать саму идею мирных отношений с Советским Союзом и добиться, чтобы в рамках политического процесса в США осталась лишь одна концепция внешней политики — концепция «холодной войны», провозглашенная в 1947 г. администрацией Трумэна (1945—1952 гг.). «Доктрина Трумэна» положила в основу глобального внешнеполитического курса США принцип «сдерживания коммунизма»⁹. Запуганный и деморализованный «средний класс», несмотря на традиционную склонность к либерализму и антимонополистические настроения, поддержал политику «холодной войны».

Еще более четко оформилась философия антикоммунизма как выражение интересов монополистического капитала в сфере внешней политики в период правления администрации Эйзенхауэра—Даллеса. В 1950 г. Дж. Ф. Даллес опубликовал книгу «Война или мир», которая отражала его стремление превратить вопросы антикоммунизма не только в содержание внешней политики, но и в со-

⁹ В более поздних исследованиях американских буржуазных историков отмечается, что самый прямой путь к достижению «консенсуса» по вопросам внешней политики — это демонстрация внешней угрозы. Раздувание антикоммунизма и явилось именно таким путем для достижения «консенсуса» в послевоенных Соединенных Штатах. «Президент Трумэн, — пишет известный американский публицист Л. Гелб, — наверное, никогда бы не добился одобрения ни плана Маршалла, ни четвертого пункта своей программы, ни даже плана создания НАТО, если бы предварительно не было достигнуто одобрения доктрины сдерживания коммунизма со стороны широких кругов» (The Vietnam Legacy. The War, American Society and the Future of American Foreign Policy / Ed. A. Lake. N. Y.: New York University Press, 1976, p. 106).

держание американского буржуазного мировоззрения. «Позиция Даллеса, — пишет его биограф Т. Хупс, — по крайней мере на уровне риторики, расчищала путь к идеологическому крестовому походу, к божественному универсализму, согласно которому демократия (т. е. США.— *Авт.*) должна повсюду побеждать; она подготовила такую дипломатическую позицию, которая превращала любое расхождение с СССР в вопрос морали и потому делала идею какого-либо компромиссного урегулирования с ним аморальным поступком, политически абсолютно неприемлемым»¹⁰.

Период правления администрации Эйзенхауэра (1953—1960 гг.) отличается от всех других тем, что в ее внешнеполитическом курсе интересы крупного монополистического капитала были отражены наиболее полно и наиболее демонстративно. Администрация пошла на беспрецедентное наращивание военного бюджета США в мирное время и, несмотря на прекращение войны в Корее в 1953 г., взвинтила гонку вооружений. Прямые военные расходы США за 8 лет президентства Эйзенхауэра на 145 млрд. долл. превысили аналогичные расходы за 8 лет деятельности администрации Трумэна.

Во второй половине 50-х годов под давлением меняющегося соотношения сил на мировой арене (успехи советского ракетостроения, создание в СССР межконтинентальных баллистических ракет, запуск первого советского искусственного спутника Земли в октябре 1957 г.) президент Эйзенхауэр был вынужден предпринять некоторые меры по смягчению международной напряженности, согласиться на встречу с советскими руководителями, обещать широкой общественности осуществить сдвиги в области советско-американских отношений. Однако монополистический капитал, в первую очередь военные концерны и монополии, неизмеримо усилившие свои позиции в связи с огромными ассигнованиями на гонку вооружений, оказал сильное противодействие этим попыткам администрации. Это, видимо, и побудило Эйзенхауэра в его прощальном обращении к стране 17 января 1961 г. выступить с предупреждением о возможности приобретения военно-промышленным комплексом «неоправданно большого влияния» на политику государства.

Проблема взаимоотношений внутри монополистической верхушки Соединенных Штатов, в частности, в вопросах выработки внешнеполитического курса обострилась в годы президентства Дж. Кеннеди (1961—1963 гг.). Как выходец из среды представителей монополистического капитала, президент Кеннеди, разумеется, выражал его интересы; в то же время именно в силу своего происхождения он был склонен меньше считаться с интересами отдельных группировок монополистического капитала. Поэтому, не отвергая идею «сдерживания коммунизма» и не отказываясь от проведения агрессивной внешней политики (решения администрации Кеннеди о принятии на

¹⁰ Hoopes T. The Devil and John Foster Dulles. Boston: Little, Brown and Co, 1973, p. 83—84.

вооружение новых стратегических ракет «Минитмен», подводных лодок «Поларис» с ракетами на борту, провокационные действия США по раздуванию берлинского кризиса 1961 г., карибского кризиса 1962 г. и др.), президент Кеннеди одновременно считал, что он располагает большей автономностью в принятии ответственных решений, подсказанных международной обстановкой и интересами «выживания» Америки.

Начавшийся в 1963 г. пересмотр некоторых особо агрессивных аспектов внешнеполитического курса США, согласие на выработку и подписание Московского договора 1963 г. между СССР, США и Великобританией о запрещении ядерных испытаний, установление линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном и другие аналогичные акции президента Кеннеди, принятые им под влиянием реалистической оценки складывающегося соотношения сил, показали, что американский президент был склонен совершить поворот к реализму во внешней политике. Эти намерения президента вызвали позитивные отклики в самых широких слоях населения.

При президенте Джонсоне (1963—1968 гг.) военные расходы США, замороженные в годы президентства Кеннеди на уровне около 52 млрд. долл., вновь возросли и к концу правления Джонсона составили уже 81,2 млрд. долл. (бюджет 1969 г.). В 1965 г. началась эскалация войны во Вьетнаме, резко обострившая общую международную обстановку и в том числе советско-американские отношения. В сфере внешней политики администрация пошла на широкое вмешательство в дела зарубежных государств, что получило наименование «глобального интервенционизма». В военно-промышленных корпорациях была развернута работа над новыми поколениями стратегических систем вооружения, а на повестку дня в конгрессе был выдвинут вопрос о введении в строй общенациональной системы ПРО.

В то же время именно в эти годы окончательно сформировались предпосылки для острого кризиса в США по вопросам внешней политики. Провал широковещательных социальных программ Джонсона, рост борьбы негритянского населения за гражданские права, подъем антивоенного движения — все эти признаки относительного падения внутривнутриполитической стабильности в США вызвали соответствующие перемены в позиции правящих кругов по вопросам внешней политики. Первоначальное расслоение на «ястребов» и «голубей» из-за войны во Вьетнаме было лишь прологом к более острой и серьезной дискуссии по коренным вопросам внешнеполитического курса, приведшей к расколу в самом правящем классе США. Широкие общественные слои США выступили за отказ от активного интервенционистского курса за рубежом, за то, чтобы сосредоточить внимание на острых внутренних проблемах самого американского общества. На волне этого общественного недовольства к власти в стране в 1969 г. пришла республиканская администрация во главе с президентом Р. Никсоном.

С точки зрения расстановки сил в США, весь период первого президентства Никсона (1969—1972 гг.) был периодом острой борьбы в правящих кругах американского общества по вопросам внешней политики. Неоизоляционизм, выдвинутый и отстаиваемый целым рядом видных фигур американского истеблишмента, был лишь крайней, может быть, экстравагантной формой проявления господствующих настроений в значительных социальных слоях и группах. Монополистический капитал, его представители в конгрессе и в администрации понимали, что за этой платформой кроется в целом обоснованное недовольство большинства общества увлечением зарубежными авантюрами за счет забвения собственных внутренних нужд страны. Поэтому, естественно, встал вопрос о разработке новой внешнеполитической линии, или философии, которая нашла бы пути приспособления интересов крупного монополистического капитала к изменившейся внешней обстановке и к новой расстановке сил внутри США¹¹. Уже в первых декларациях и посланиях президента Никсона по вопросам внешней политики был сделан сильный акцент на «умеренных» сторонах новой внешнеполитической стратегии: деамериканизация локальных войн, и в частности войны во Вьетнаме, усиление стратегии «партнерства», что означало перепоручение части полицейских функций за рубежом американским союзникам и зависимым режимам. Впервые после второй мировой войны в качестве одного из трех главных принципов внешней политики США были названы переговоры с «потенциальными противниками». Под этим в первую очередь подразумевалось обещание активного поиска «сфер соприкосновения» с Советским Союзом и урегулирования наиболее острых вопросов советско-американских отношений¹².

По мере свертывания агрессии США во Вьетнаме и успокоения антивоенного движения внутри страны в «доктрине Никсона» были усилены иные акценты. В частности, во внешнеполитическом послании президента конгрессу 1972 г., где была сформулирована «новая философия» внешней политики США, президент Никсон отмечал: «Ведущая роль Соединенных Штатов в мировых событиях продолжает оставаться крайне необходимой для сохранения такого положения, которого требуют интересы нашего благосостояния»¹³. Тем самым президент США еще раз подчеркнул неуклонную приверженность американских правящих кругов к активной интервенционистской политике за рубежом.

¹¹ В конце 60-х годов Г. Киссинджер писал в коллективной монографии видных американских специалистов по внешнеполитическим вопросам: «Вьетнам означает нечто большее, чем просто провал политики. В действительности это весьма критический провал всей нашей философии международных отношений» (Agenda for the Nation / Ed. K. Gordon. Wash.: The Brookings Institution, 1968, p. 13).

¹² Более подробно см.: Доктрина Никсона. М.: Наука, 1972.

¹³ U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report to the Congress by R. Nixon, President of the U. S. Febr., 9, 1972. Wash.: U. S. GPO, 1972, p. 3.

Последующие администрации — республиканца Дж. Форда (1974—1976 гг.) и демократа Дж. Картера (1976—1980 гг.) — сохранили на вооружении принципы интервенционизма и даже привнесли в них некоторые новые моменты.

Победа на выборах 1980 г. республиканской партии США и приход к власти администрации Р. Рейгана, провозгласившей новый жесткий курс внешней политики, означали окончательное возвращение правящего класса США на путь внешнеполитического экспансионизма. Этому повороту во внешней политике США способствовал целый ряд факторов: стремление добиться «позиции силы» для США на мировой арене, надежда улучшить экономическую конъюнктуру за счет роста военных расходов и не в последнюю очередь — негативно сказавшиеся на мировых позициях США, но не сразу проявившиеся последствия американской военно-интервенционистской политики 50—60-х годов, их «имперского» поведения на мировой арене, приведшего к колоссальному росту антиамериканизма в мире. Правым силам США, спекулировавшим на традиционном американском шовинизме, удалось выдать предыдущие провалы и поражения США на международной арене за последствия американской «мягкотелости» первой половины 70-х годов, за результаты разрядки, однозначно негативные для страны, и соответствующим образом воздействовать на настроения общественности.

Весь общественно-политический климат в Соединенных Штатах в первой половине 80-х годов, сама идеология правящего класса, пропитанная антикоммунизмом и антисоветизмом, зараженность этой идеологией больших групп «среднего класса», подогревание антикоммунистических настроений различными пропагандистскими кампаниями — все это и многое другое активно препятствует становлению более реалистической философии внешней политики в США. Отсюда — и бесконечные колебания в настроениях политических кругов США по вопросам советско-американских отношений, приливы и отливы реализма в подходе правящей верхушки к проблемам разрядки напряженности. Однако вместе с тем это и признак углубляющегося раскола в правящем классе США, в том числе и на самом его верху, по вопросам внешнеполитического курса, ибо нужды сохранения и укрепления капитализма в США при дальнейших переменах в соотношении сил на мировой арене требуют сложных решений по вопросам, касающимся общей стратегии правящего класса внутри страны и за рубежом и «оптимального» с точки зрения этого класса расходования сил и ресурсов.

При этом представителей монополистического капитала не может не интересовать вопрос о реакции рабочего класса и трудового фермерства на ухудшение внутренней конъюнктуры из-за продолжения высоких расходов на гонку вооружений. Выступления рабочего класса, его наиболее передовых профсоюзов против снижения их жизненного уровня, как показали борьба американских шахтеров в 1978 г., массовая манифестация осенью 1981 г., пока еще огра-

ничиваются в основном экономическими вопросами. Однако огромные массы рабочих и фермеров под воздействием всей совокупности факторов, ведущих к понижению их жизненного уровня, закономерно обращаются к вопросам внешней и военной политики и требуют учета своих интересов. В этом отношении борьба в политических кругах США по вопросам военных расходов со всеми ее аргументами и контраргументами, затрагивающими жизненные интересы пролетариата, может стать своеобразным катализатором его активизации в области внешнеполитического процесса. Об этом говорит хотя бы широко развернувшаяся в стране кампания за замораживание ядерных потенциалов США и СССР.

Видимо, можно предположить, что какая-то значительная часть правящего класса США согласна с мыслью о необходимости «стабилизации» военных расходов ради укрепления капиталистического строя в США. И в этом плане разрядка напряженности, налаживание взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами, совместное разрешение глобальных проблем представляется этой части правящих кругов США и других капиталистических государств именно тем путем, на котором возможен поиск наиболее оптимального сочетания сохранения активной роли США в международных делах с выделением средств на стабилизацию экономики, успокоение внутренней обстановки, решение социальных вопросов.

Таким образом, при анализе классовой сущности внешней политики США обращает на себя внимание тот факт, что коренная проблема нынешней политической жизни Америки — проблема поиска ресурсов для стабилизации обстановки в стране и консолидации позиций капитализма во всемирном масштабе — активно воздействует на раскол в правящем классе и усиливает размежевание в его рядах по вопросам «национальной безопасности». Одни считают, что во имя укрепления этой безопасности следует пересмотреть коренным образом систему «национальных приоритетов» в сторону менее воинственного внешнеполитического курса и поиска путей к разрядке, что американская «национальная безопасность» неотъемлема от международной безопасности. Другие отстаивают устаревшие концепции воинствующего антикоммунизма и антисоветизма и видят путь к укреплению американской «национальной безопасности» в подрыве безопасности международной. Они активно спекулируют на тезисе о том, что рост расходов на гонку вооружений позволит якобы провести в жизнь планы экономического оживления и социальной стабилизации, а во внешнеполитическом плане — укрепит «лидирующую роль» США в капиталистическом мире.

При этом обе группировки правящего класса США, активно маневрируя во внутривнутриполитическом плане, едины в том, чтобы отстранить от участия в выработке внешнеполитического курса широкие демократические слои США, и стремятся найти союзников на внешней арене, главным образом в правящих кругах развитых капиталистических стран и развивающихся государств, идущих по капита-

листическому пути. Борьба по вопросам внешней политики США под влиянием процесса сужения возможностей американского монополистического капитала содействует росту внутренней напряженности в самих Соединенных Штатах и становится, таким образом, частью классовой борьбы, в которой широкие демократические массы американского населения все активнее выступают против попыток правящих кругов прикрывать и дальше свою внешнюю политику «мандатом избирателей».

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ ВНУТРЕННИЕ ИСТОЧНИКИ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Рассмотренные в первой главе классовые, социальные силы составляют первичные факторы влияния на внешнюю политику страны. Именно они являются генераторами политики. Поведение этих социальных сил во многом стихийно, ибо оно является естественным откликом соответствующих классов и слоев общества на внешние «раздражители»: определенную политику государства, конкретную социально-экономическую конъюнктуру, международную обстановку и т. д. Более четкое политическое оформление эти реакции основных социальных группировок и существующих внутри них прослоек и подгрупп получают через посредство деятельности различных общественных организаций, представляющих собой надстройку над классово-экономической структурой общества. Их можно назвать вторичными факторами влияния. Они являются механизмами, рычагами по претворению в жизнь потребностей и интересов социальных сил. Это партии, профсоюзы, специальные группы давления (лоббистские круги), пресса и т. д.

В любом политически развитом обществе конкретная борьба классов и социальных слоев по вопросам политики, экономики, идеологии выступает именно как борьба этих вторичных общественных механизмов, отражающих волю соответствующих классов и социальных слоев. Лишь в самые критические периоды в развитии общества сами социальные слои начинают принимать непосредственное участие в политическом процессе путем массовых действий — общенациональных забастовок, восстаний, революций. Поэтому, памятуя о том, что реальными движущими силами политики любого государства являются классы, при рассмотрении процесса практического формирования внешней политики в американском буржуазном обществе нельзя обойтись без анализа роли и деятельности общественных организаций как реальных и непосредственных провод-

ников политического процесса. Тем более что все эти организации не только отражают волю представляемых ими социальных группировок и слоев общества, но, в свою очередь приобретают определенный статус части общественного механизма, собственные «интересы бытия». Руководствуясь этими интересами, они, в свою очередь, стараются влиять на поведение представляемых ими группировок, что создает определенное расхождение между организациями в собственном смысле этого слова и широкой членской массой, расхождение, еще более усложняющее картину политического механизма общества.

Буржуазные политические партии

Общенациональными общественными организациями являются прежде всего политические партии. В США существуют две старые буржуазные партии — демократическая и республиканская. Интересы передовой части пролетариата выражает Коммунистическая партия США. Помимо этого, в США имеется еще несколько десятков мелких политических партий — таких, как социалистическая партия, социалистическая-лейбористская, фермерско-рабочая, партия граждан, партия потребителей, либеральная партия штата Нью-Йорк и т. д., практически не оказывающих влияния на внешнюю политику.

Буржуазные партии США имеют мало общего с европейскими политическими партиями с их относительно четкой структурой и партийной дисциплиной.

Главные американские буржуазные партии — это, по сути дела, партии без рядовых членов. Они состоят лишь из функционеров партии. Во время выборов голосующие за ту или иную партию заносятся в «демократы» или «республиканцы», хотя большей частью избиратель голосует за того или иного кандидата не в силу своей партийной принадлежности, а просто в силу того, что в данный момент он симпатизирует именно этому кандидату и излагаемой им программе.

Основным политическим документом партии является ее предвыборная платформа, утверждаемая на национальном съезде партии в момент выдвижения кандидатов в президенты и вице-президенты от данной партии. Из партийных активистов (которые одновременно являются видными представителями мира бизнеса, науки, адвокатами и т. д.) вербуются верхушка внешнеполитического аппарата администрации, формируемой партией, победившей на выборах. Из числа лиц, оказавших особо ценные услуги партии, в первую очередь ее кандидату в президенты, назначаются послы и т. д. Далее, влияние партии на внешнюю политику заключается в том, что избирательные платформы двух главных буржуазных партий представляют собой как бы альтернативные тактики достижения более или менее сходных целей и сама победа той или иной партии являет-

ся в широком смысле утверждением избирателями рекламируемого ею курса.

В этом плане смена партийности федеральной администрации США в результате президентских выборов предопределяет некоторую корректировку внутреннего и внешнеполитического курса, но корректировку в рамках одной и той же в своей основе буржуазной политики.

В этом и заключается смысл существования двухпартийной системы, как указывал В. И. Ленин, подчеркивавший бессодержательный характер дуэли двух главных буржуазных партий США¹.

В силу традиций и специфики массовой базы демократическая партия, опирающаяся на широкие мелкобуржуазные круги, более идеологизирована, более моралистская по своим лозунгам, чем республиканская. Как правило, эта партия в сфере внешнеполитической выступает с военно-интервенционистских позиций. Республиканская же партия, отражающая интересы более зажиточных слоев американского общества, во внешней политике в основном уповает на силу доллара и по своей внешнеполитической философии является более прагматистской и отчасти более изоляционистской. Но нет правил без исключений. Государственный секретарь США — республиканец Дж. Ф. Даллес был гораздо большим моралистом и идеологом в сфере внешней политики, чем, например, такие государственные секретари в администрациях демократической партии после второй мировой войны, как Дж. Маршалл, Д. Раск или С. Вэнс. Исключительно идеологизирована и внешняя политика президента-республиканца Рейгана.

В течение долгого времени двухпартийная система США переживает кризис, связанный в первую очередь с тем, что формальное размежевание на демократов и республиканцев не отражает должным образом различий во мнениях, существующих в правящем классе США по вопросам внутренней и внешней политики. Зачастую имеется гораздо больше общности между либералами-демократами и либералами-республиканцами или консерваторами обеих партий, чем между различными крыльями каждой из этих партий. Это приводит к частым перебежкам политиков из одной партии в другую, к расплывчатости их политических платформ, рассчитанных в первую очередь на улавливание как можно большего числа голосов избирателей, и к систематическому появлению на политической арене США так называемых третьих партий, кандидаты которых получают порой довольно большое число голосов на выборах.

Борьба на внутриполитической арене между республиканской и демократической партиями США и иногда появляющимися третьими партиями ведется по вопросам внешнеполитической тактики или нюансов стратегических курсов в рамках общей буржуазной философии внешней политики и общих внешнеполитических целей аме-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

риканского государства, разделяемых широкими кругами правящего класса США. Утверждение линии той или иной партии в результате победы ее кандидата на президентских выборах означает на практике, что в течение следующих четырех лет именно эта линия в общих чертах будет характерна для внешней политики США и именно те группировки правящего класса, которые отождествляют себя с этой линией, будут доминировать в формулировании конкретной внешней политики государства.

Коммунистическая партия

Коммунистическая партия США — одна из старейших партий в международном коммунистическом и рабочем движении. Созданная в 1919 г., она уже 60 с лишним лет продолжает политическую борьбу за интересы рабочего класса и всех трудящихся в условиях непрерывных гонений, преследований, репрессий, обрушивающихся на американских коммунистов. После второй мировой войны основной стратегической линией Компартии США была линия на укрепление единства действий всех противников антидемократической внутренней и агрессивной внешней политики правящего класса США. Конкретным лозунгом Компартии был лозунг создания в стране объединенного фронта антимонополистических сил путем сплочения всех левых и центристских сил в рабочем движении на базе оппозиции правой опасности. В этом плане Компартия сыграла важную роль в движении за прекращение агрессии США во Вьетнаме, в мобилизации левых профсоюзных сил, негритянского населения, на борьбу против интервенционистской внешней политики американского руководства.

В 70-е годы Компартия США, укрепившая свои силы в результате ликвидации фракционности в своих рядах, энергично выступила в поддержку политики разрядки. Эта линия Компартии США повысила ее популярность в массах, что наглядно продемонстрировало ее участие в президентских избирательных кампаниях.

Выступая в августе 1979 г. на XXII национальном съезде Компартии США, Гэс Холл сказал: «Мы можем набрать большое количество голосов, больше, чем за всю 60-летнюю историю нашей партии» и значительно способствовать «созданию могущественной антимонополистической партии народа, которая с успехом бросит вызов двум старым партиям монополистического капитала»².

Профсоюзы

В настоящее время в США существует одно крупное профсоюзное объединение: Американская федерация труда — Конгресс производителей профсоюзов (АФТ—КПП), образовавшееся после слияния

² Political Affairs, 1979, Dec., p. 4.

двух соответствующих профобъединений в конце 1955 г. Имеется также несколько независимых профсоюзов. АФТ—КПП объединяет в своих рядах примерно 17 млн. человек, т. е. около 80% всех организованных трудящихся. В то же время для такой индустриально развитой страны, как США, процент трудящихся, охваченных профсоюзами, чрезвычайно низок — они составляют лишь 20% всей рабочей силы США.

Американские профсоюзы в целом стоят на позициях борьбы за обеспечение чисто экономических прав трудящихся. На этом поприще они добились сравнительно больших успехов, к которым можно причислить отмену в последние десятилетия ряда антипрофсоюзных положений американских законов, расширение государственной системы социального обеспечения, включая медицинскую помощь престарелым, регулярно пересматриваемые коллективные договоры с предпринимателями, фиксирующие ряд прав трудящихся. Все это явилось в первую очередь результатом хорошо организованной и массовой забастовочной борьбы в защиту жизненных интересов рабочих, борьбы, в которой ежегодно участвуют несколько миллионов американских трудящихся.

В политическом плане руководство АФТ—КПП проводит соглашательскую политику, по сути дела поддерживая общий правительственный курс, в особенности внешнюю политику Вашингтона.

На протяжении 50-х и большей части 60-х годов в условиях «холодной войны», подавления прогрессивных сил в американских профсоюзах, разгула антикоммунизма и антисоветизма реакционной верхушке АФТ—КПП во главе с ее председателем Дж. Мини (занимавшим этот пост до конца 1979 г.) удалось использовать профобъединение для поддержки агрессивной политики американских монополий и американского государства на мировой арене. Руководители Федерации в свое время поддержали «доктрину Трумэна», план Маршалла, создание НАТО, интервенцию США в Корею, агрессию в Юго-Восточной Азии.

Оценивая значение деятельности Мини и его ближайшего окружения для внешней политики США, видный американский специалист по вопросам рабочего движения Сидней Ленс подчеркивал, что они «сделали для правительства США то, что оно не могло сделать само, а именно создали профсоюзную основу во многих странах для проведения политики холодной войны ... Без клики Мини американский империализм оказался бы более изолированным и политическая карта мира была бы значительно менее консервативной»³.

В 1949 г. руководство американских профсоюзов раскололо международное профсоюзное движение, а в 1977 г. добилось выхода США из Международной организации труда (МОТ), после того как представителям АФТ—КПП и американского бизнеса в этой организации

³ *Lens S. Labour Lieutenants and the Cold War.* — In: *Autocracy and Insurgency in Organized Labour* / Ed. B. Hall. New Brunswick (N. J.): Transaction Books, 1972, p. 338.

не удалось навязать ей оголтело антисоциалистическую линию (правда, в 1980 г. США вновь вернулись в МОТ).

Как показала серия скандальных разоблачений в США весной 1967 г., международная деятельность многих американских профсоюзов щедро финансировалась американским ЦРУ.

В 70-е годы группировка Мيني нацелила американское профобъединение на борьбу против разрядки под фальшивыми предложениями о том, что разрядка якобы означает односторонние американские уступки «международному коммунизму», а развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом чревато-де «сокращением рабочих мест» и «ростом цен» в США.

Тем не менее в профсоюзном движении США постепенно растут силы, выступающие за мир, за реалистическую внешнюю политику. В конце 1968 г. в США было создано Объединение профсоюзных действий (ОПД) — первоначально в составе двух крупнейших профсоюзов страны, бросивших вызов руководству АФТ—КПП по вопросам внешней политики: Объединенного профсоюза рабочих автомобильной и аэрокосмической промышленности и Межнационального братства шоферов грузовых автомашин, складских и подсобных рабочих. И хотя ОПД довольно быстро распалось, однако в целом движение в американских профсоюзах за более реалистичную, мирную внешнюю политику, отражавшее рост антивоенных настроений в американском рабочем классе, продолжало набирать силу. Во главе его по-прежнему стоял профсоюз автомобилестроителей, обладающий наибольшим авторитетом в американском профдвижении. Но к этому профсоюзу начали примыкать другие, в том числе и входящие в АФТ—КПП, широкие массы которых почувствовали, что постоянное увеличение военного бюджета США лишь усугубляет острые социальные проблемы американского общества. К концу 70-х годов профсоюзы, поддерживающие разрядку, выступающие за сокращение военного бюджета, за советско-американские переговоры и международное сотрудничество в целом, представляли около 9 млн. человек.

Важное значение в плане изменения атмосферы внутри американских профсоюзов, в том числе и по вопросам внешней политики, имело движение рядовых членов, приведшее к образованию довольно сильного левого крыла.

Все эти новые явления и тенденции в рабочем движении США, безусловно, затрудняют для лидеров правящего класса возможность пойти столь далеко вправо во внешней политике, как того бы хотелось его наиболее милитаристски настроенной части.

Организации бизнеса

Важную роль в доведении мнения финансово-промышленных воротил США до федерального правительства и конгресса играют организации американского бизнеса. Они и формулируют согласованную

позицию монополистических кругов по политическим и экономическим вопросам и через посредничество своих оплачиваемых юристов и других представителей в Вашингтоне осуществляют давление на правительственные органы. Главными организациями американского бизнеса являются Национальная ассоциация промышленников, основанная в 1895 г. и объединяющая 14 тыс. членов, в основном промышленные компании, и Торговая палата США — самая широкая организация деловых кругов, основанная в 1912 г. и насчитывающая около 100 тыс. индивидуальных и коллективных членов, включая свыше 1300 торговых ассоциаций и 2726 торговых палат штатов, отдельных городов и районов. В своей штаб-квартире на Лафайетт-сквер, напротив Белого дома, Палата вырабатывает свои позиции практически по всем вопросам, затрагивающим интересы американского бизнеса, а затем отстаивает их как путем действий в Вашингтоне, так и организуя «общественную поддержку» своей линии по всей стране. Существует также Национальная Федерация независимого бизнеса, являющаяся крупнейшим объединением мелких предпринимателей (свыше 600 тыс. членов). Круглый стол бизнеса — организация 200 крупнейших корпораций США — основана в 1972 г., имеет «репутацию обладающей большой властью ввиду возможностей ее членов в деле контактов с высокопоставленными правительственными чиновниками»⁴. Все эти организации действуют в основном по вопросам внутренней экономической и социальной политики, отстаивая интересы бизнеса при формулировании различных законопроектов, постановлений правительства и т. д. Но нередко они высказываются и по вопросам внешней политики.

Существуют и многие другие пути влияния организованного бизнеса на внешнюю политику страны. Один из весьма важных — участие руководителей ведущих корпораций в различного рода консультативных советах, в частности при министерстве обороны и министерствах видов вооруженных сил. Таких советов в США существует более ста. Определяя, казалось бы, формально чисто техническую политику: набор систем оружия, систем коммуникаций на перспективу и т. д., представители большого бизнеса тем самым недвусмысленно влияют и на долгосрочную внешнюю политику страны, привязывая ее к определенной военно-технической базе.

Есть и еще менее заметные, хотя и весьма эффективные формы влияния деловых кругов на политические решения американского руководства. Одна из таких малозаметных и слабоисследованных форм — непосредственные личные связи высших руководителей США с миром бизнеса. Все без исключения президенты США в период после второй мировой войны имели при себе в той или иной форме неофициальный консультативный совет из доверенных и приближенных представителей делового мира, так называемый кухонный кабинет, оказывающий порой определяющее влияние на те или иные

⁴ National Journal, 1980, June 28, p. 1053.

внешнеполитические решения Белого дома. При Эйзенхауэре, например, центром принятия решений был так называемый Огастовский клуб, названный так по имени местечка в штате Джорджия, где президент, играя в гольф, проводил неофициальные консультации со своими советниками, большинство из которых были воротилами большого бизнеса. Президент Кеннеди в критической ситуации создал так называемый Исполком — неофициальную группировку из числа друзей, родственников и ближайших доверенных лиц, фактически подменившую в период карибского кризиса официальный консультативный орган при президенте — Совет национальной безопасности. Группа доверенных лиц, фактически формулировавших решения при президенте Джонсоне, была известна как «группа ланча по вторникам», ибо она каждый раз собиралась в Белом доме за обеденным столом во второй день недели. Такого же рода неофициальных советников, в первую очередь из мира бизнеса, имели и Никсон, Картер. Имеет их и Рейган. И это помимо того, что многие из лиц, входящих в кабинет или аппарат президента, часто являются либо прямыми представителями, либо доверенными лицами влиятельных монополистических группировок.

Кулуарное, келейное принятие решений по ответственнейшим внешнеполитическим и военным вопросам способствует тому, что американский бизнес и его наиболее агрессивное ядро — военно-промышленный комплекс — получают иногда возможность навязывать стране свою линию даже в тех случаях, когда эта линия кардинальным образом расходится не только с настроениями широкой общественности, но и с позициями значительной части официальных правительственных кругов. Таково было, например, решение Никсона о вооруженном вторжении в Камбоджу в апреле 1970 г. в ходе вьетнамской интервенции. Оно было принято в столь узком кругу, что десять членов кабинета Никсона из двенадцати узнали о начале операции против Камбоджи из инструктажа для членов конгресса, который состоялся уже после начала операции.

Другие общественные организации

Большую роль в качестве групп давления по вопросам внешней политики играют в США общественные организации, начиная от крайне левых, левацких до крайне правых, полуфашистского типа. Как отмечал известный американский социолог Д. Белл, в США ныне имеется по меньшей мере 200 тыс. добровольных организаций, клубов, обществ, лож и братств с общим числом членов минимум в 80 млн. человек. Некоторые из них объединяют несколько сотен человек, другие — несколько миллионов. Эти организации представляют интересы определенных прослоек, групп, секторов американского общества. Вся их активность рассчитана на то, чтобы повлиять на деятельность администрации, конгресса и других федеральных ведомств в направлении, отвечающем целям и интересам членов

соответствующего объединения. Есть ряд организаций, столь многочисленных и влиятельных, что какая бы администрация ни находилась у власти, она вынуждена считаться с их пожеланиями.

К такого рода организациям относятся, в частности, американские объединения ветеранов — бывших военнослужащих. Их свыше 30 млн. человек. Главное из таких объединений — Американский легион, насчитывающий в своих рядах свыше 2,5 млн. членов. Это в основном организация правого толка, выступающая за «твердую» внешнюю политику с позиции силы. Практически ни один съезд Американского легиона не обходится без выступления на нем президента, госсекретаря или министра обороны США. Помимо Американского легиона и другой влиятельной организации ветеранов — Ветераны иностранных войн, существуют несколько объединений-ассоциаций, действующих в поддержку определенных видов вооруженных сил, — ассоциации армии, ВМФ, ВВС. Эти общественные организации, состоящие в основном из отставных офицеров и пользующиеся активной помощью, в том числе и финансовой, со стороны соответствующих военных министерств, функционируют, по сути дела, как лоббистские организации военно-промышленного комплекса. Они стремятся популяризовать деятельность представляемых ими видов вооруженных сил и оказывать давление на общественность и конгресс в духе интересов соответствующих видов вооруженных сил. К такого же рода организациям относится и Американский Совет безопасности — организация с многочисленными местными отделениями и колоссальным бюджетом, ведущая милитаристскую пропаганду в масштабе всей страны и занимающаяся обоснованием высоких военных бюджетов и давлением на тех конгрессменов, которые не проявляют достаточного рвения по части поддержки программ военного строительства.

Однако даже эти и многие другие милитаристские общественные организации кажутся недостаточными американским «ястребам» для эффективной внутриполитической борьбы за более агрессивную внешнюю политику. Поэтому в 70-е годы в США возникли еще две влиятельные общественные организации, занимающиеся давлением на правительство с бескомпромиссно-милитаристских позиций: Комитет по существующей опасности, состоящий в основном из воинственно настроенных деятелей научного мира и промышленников, и Коалиция за мир посредством силы, которая объединяет конгрессменов и сенаторов, ведущих борьбу против разрядки.

На еще более правом фланге находятся Ку-клукс-клан, «общество Джона Берча», «Лобби свободы» и организация американских «минитменов» — полувоенное объединение своеобразных «стражей порядка», выступающих за «сильную Америку». Это лишь самые крупные из почти двух тысяч ультраправых организаций, существующих в настоящее время в США. Все эти организации имеют не только ядро своих активных членов, вокруг них группируются и многие сочувствующие, составляющие, так сказать, до поры до вре-

мени пассивный резерв сил милитаризма и реакции. Именно к этому шовинистически настроенному «молчаливому большинству» любят апеллировать консервативные лидеры Америки в периоды, когда леволиберальная оппозиция препятствует осуществлению тех или иных мероприятий, выдержанных в духе «холодной войны».

Из числа влиятельных организаций, выступающих за более или менее реалистичную, завешенную внешнюю политику, следует назвать американское Движение за разумную ядерную политику (СЕЙН), Федерацию американских ученых, а также многочисленные женские, молодежные, рабочие организации, борющиеся против засилья военно-промышленного комплекса, требующие от правительства учета интересов широких масс.

В конце 60-х — начале 70-х годов активнейшую роль в борьбе против агрессии США в Индокитае играли десятки общественных организаций, специально возникших в целях оппозиции этой войне. Это были такие крупные организации, как Новый мобилизационный комитет за прекращение войны во Вьетнаме, Комитет вьетнамского моратория, Ветераны Вьетнама против войны, «Профсоюзы за мир», «Женщины, боритесь за мир», Кампания за мир в Индокитае, Обеспокоенные священники и миряне и многие другие.

Особенно активную роль в антивоенном движении сыграли студенческие организации «новых левых», наиболее массовой из которых была «Студенты — за демократическое общество». Эта организация существовала с 1960 по 1969 г. и объединяла в своих рядах свыше 100 тыс. студентов.

В период максимального подъема движения в США действовало свыше 200 антивоенных организаций. Они устраивали публичные обсуждения — осуждения внешней политики правительства («тич — ины»), организовывали марши протеста, движения неповиновения призыву на военную службу, общенациональные демонстрации, самыми внушительными из которых были «Вьетнамский мораторий» и «Поход против смерти» в октябре и ноябре 1969 г.: в них участвовали сотни тысяч человек. По своим масштабам и политическому характеру это движение не имело прецедентов в истории США. В конце концов руководящие круги США вынуждены были удовлетворить основные требования, которые выдвигали американские противники войны: вывести из Индокитая американские войска, подписать с ДРВ мирные соглашения.

Милитаристская политика администрации Рейгана в 80-х годах привела к новому мощному подъему антивоенного движения в США и возникновению целого ряда общественных организаций, борющихся против угрозы ядерной войны, таких, например, как Врачи за социальную ответственность, Художники за сохранение жизни, Эпицентр взрыва, основная задача которой — разъяснение жителям потенциальных «стратегических объектов» того, что их ждет в случае ядерной войны. Оживилась деятельность и более старых антивоенных организаций в частности таких, как: Союз обеспокоенных уче-

ных, Коалиция за новую внешнюю и военную политику, Совет за пригодный для жизни мир, Комитет американских друзей на службе общества (квакеры), Организация граждан за разумный мир, Лига противников войны, Американский совет мира и многие другие. Для большинства из этих организаций общей почвой для сотрудничества стала кампания за замораживание ядерных арсеналов США и СССР, в которую включились миллионы американцев. Референдумы по вопросу о замораживании, проведенные в ноябре 1982 г. в ряде штатов и городов США, показали широкую поддержку этой идеи. Учитывая это, палата представителей конгресса США приняла в 1983 г. специальную резолюцию в поддержку замораживания. Вновь широко практикуются такие формы антивоенной борьбы, как массовые демонстрации, «тич—ины» и т. п.

Все эти общественные организации оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения в стране, с которым не могут не считаться политики, связанные с внешнеполитической деятельностью.

Официальный лоббизм

Помимо общественных организаций, проводящих кампании в пользу той или иной политики, в том числе путем писем конгрессменам и сенаторам, демонстраций и т. д., в США существует специальный институт официального лоббизма. Для того чтобы иметь право на такого рода деятельность, лица и организации (как американские, так и иностранные), работающие за вознаграждение в пользу иностранных нанимателей и не имеющие дипломатического статуса, обязаны регистрироваться в министерстве юстиции США в качестве иностранных агентов. Лоббисты, действующие при конгрессе США, должны регистрироваться также еще и в конгрессе. Так, например, летом 1980 г. во избежание скандала был вынужден зарегистрироваться в качестве агента иностранной державы брат президента Дж. Картера Билли Картер, получивший 220 тыс. долл. за услуги, оказанные им его ливийским друзьям.

Зачастую иностранные государства, стремящиеся повлиять на политику американского правительства, в особенности на решения конгресса по внешнеполитическим вопросам, действуют не через официальных лоббистов, а через своих неофициальных агентов, подкупая соответствующих чиновников федеральных органов власти. В конце 70-х годов скандальную известность в США приобрела деятельность южнокорейского лобби, возглавлявшегося в США представителем Южной Кореи Тонг Сун Парком, который с 1960 по 1976 г. передал ряду американских конгрессменов и сенаторов 850 тыс. долл. в виде платы за соответствующие услуги. Однако разоблачение деятельности конгрессменов, подкупленных Парком, отнюдь не повело к искоренению взяточничества в конгрессе. В 1980 г. семь членов палаты представителей США и один сенатор

были привлечены к уголовной ответственности и осуждены за получение взяток от «одного арабского шейха», оказавшегося на поверку агентом ФБР, которое фактически подстроило ловушку для законодателей. Но в Вашингтоне действуют и сотни подлинных лоббистов, представляющих интересы нефтяных государств Среднего Востока. Особенно сильно, однако, израильское лобби, опирающееся на мощные организации еврейского населения США, такие, как Бнай Брит, Американский еврейский комитет, Американский еврейский конгресс, Сионистская организация Америки и многие другие.

В принципе израильский лоббизм, основанный на использовании националистических еврейских организаций в США, — это всего лишь один из видов так называемого этнического лоббизма. В США существуют и действуют десятки разного рода националистических организаций. Каждая из них ставит своей целью повлиять на политику конгресса и федеральной администрации в отношении той страны, выходцев из которой представляет данная организация. Как правило, общественные организации такого рода преследуют реакционные цели. Это особенно касается разного рода организаций иммигрантов из стран Восточной Европы — Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии и т. д. Все они оказывают самое негативное влияние на процессы разрядки, все время подталкивают американское правительство на конфронтацию с миром социализма.

В последнее время все более широко начинают действовать в США разного рода прокитайские организации, связанные с китайским меньшинством США. Пекин широко использует их для лоббистской деятельности в пользу своих интересов, для получения научно-технической и политической информации.

Важным фактором давления на официальную внешнюю политику являются и многочисленные негритянские организации США. Как правило, эти организации выступают с прогрессивных позиций, заставляя американское руководство прислушиваться к мнению негритянского меньшинства США, особенно в том, что касается политики США в отношении Черного континента — Африки. Можно без преувеличения сказать, что, не будь мощного давления негритянских организаций, политика Вашингтона в отношении ЮАР (с которой у США существуют разветвленные политические и экономические связи) была бы не столь сдержанной во второй половине 70-х годов, когда американское руководство было вынуждено учитывать позиции и мнения собственного негритянского населения.

Церковь

Американская церковь является мощным фактором влияния на мировоззрение прихожан и в силу этого — на политику государства. В США 94% населения объявляют себя верующими и около половины из них регулярно посещают воскресные богослужения. Влияние церкви сказывается в первую очередь в деятельности священ-

ников в качестве своего рода лоббистов в пользу того или иного политического курса. Наиболее уважаемые и влиятельные церкви — это белые протестантские церкви, объединенные вокруг Национального совета церквей Христа (НСЦХ) — методисты, пресвитериане, лютеране, баптисты, квакеры и церкви ряда других направлений, а также унитарии-универсалисты. Все они, как правило, выступают с либеральных пацифистских позиций против агрессивных аспектов внешней политики, за международное сотрудничество, в пользу мира и разоружения, в поддержку ООН, за широкую программу помощи развивающимся странам. К этой группировке по своим внешнеполитическим позициям близки католики, православные, иудеисты неортодоксальных направлений.

В период вьетнамской войны все вышеназванные церкви решительно осудили агрессию США во Вьетнаме и фактически вступили в конфронтацию с правительством по вопросам внешней политики. Активная антивоенная деятельность основных американских церквей (включая поддержку кампаний гражданского неповиновения), безусловно, сыграла большую роль в обуздании американских милитаристов и в подталкивании администрации на реалистическое решение в пользу мирного урегулирования в Индокитае. И ныне американское протестантское и католическое духовенство продолжает выступать за мирное сосуществование и сотрудничество народов стран, принадлежащих к разным социальным системам, за улучшение советско-американских отношений, за обуздание гонки вооружений, особенно стратегических.

В то же время в американской религиозной общине действует и ряд ультраортодоксальных-фундаменталистских церквей, объединенных в первую очередь вокруг Американского совета христианских церквей. Эти протестантские церкви выступают с оголтело антикоммунистических позиций, обвиняя руководящий истеблишмент в «мягкости» по отношению к СССР и «мировому коммунизму».

Особенный размах на рубеже 70—80-х годов приобрело движение так называемых «заново родившихся христиан», воплощаемое такими организациями правых протестантов-евангелистов, как Христианский голос, Моральное большинство, Национальная коалиция христианского действия. Все эти организации, располагающие большими финансовыми ресурсами, прямо вмешиваются в политику с правых позиций, широко используя радио и телевидение для мобилизации широких масс верующих американцев на поддержку силовой политики на международной арене.

Благотворительные фонды

Важную роль во внешней политике США, особенно в ее теоретической разработке и идеологическом обосновании, играют так называемые благотворительные фонды — особый филантропический институт финансовой олигархии США. Этот институт дает магнатам

капиталистического бизнеса возможность использовать некоторую небольшую часть своих прибылей в интересах правящего класса под своей эгидой — под своим именем — вместо того, чтобы обезличенно отдавать эти средства государству в виде налогов.

Номинально в США в начале 80-х годов существовало около 26 тыс. благотворительных фондов с общим капиталом свыше 20 млрд. долл. Однако всего лишь 0,1% из них (33 фонда) имели активы по 100 млн. долл. и более. Самые мощные из них — Фонд Форда, Фонд Рокфеллера, Фонд Карнеги, Фонд братьев Рокфеллеров и ряд других. Все они широко субсидируют социологические исследования и исследования по внешнеполитическим вопросам, создавая материальные условия для теоретической разработки внешней и военной политики правящего класса США.

Средства, предоставляемые фондами, служат важнейшей финансовой опорой нью-йоркского Совета по международным отношениям (СМО); этот центр в течение многих десятилетий выступает в качестве мозгового центра восточного истеблишмента. Членами СМО, созданного в 1921 г., помимо крупнейших магнатов бизнеса и политических деятелей, являются лучшие внешнеполитические специалисты страны, разрабатывающие основы долгосрочной внешней политики и стратегии США как путем индивидуальных исследований, так и путем коллективной работы под эгидой СМО. СМО — сугубо элитарная организация, насчитывающая всего около 2200 членов, половина из которых живет и работает вне Нью-Йорка. Прогностические исследования внешней и военной политики и международных отношений, систематически организуемые СМО, служат отправной базой для последующей разработки оперативной внешней политики американским политическим руководством. Читая ежеквартальный журнал СМО «Форин Аффферс», представители политической элиты США оказываются полностью в курсе основных проблем американской внешней политики и возможных подходов США к их решению, в том числе и тех, которые только лишь начинают появляться на горизонте. Финансируемая благотворительными фондами Ассоциация внешней политики США занимается внешнеполитическим воспитанием более широких слоев населения, в том числе и молодежи, в духе господствующего мировоззрения. В последние полтора десятилетия заметно увеличилось пожертвования основных фондов на анализ проблем, связанных с советско-американскими отношениями, подходом США к развивающимся странам и мировой энергетической ситуацией.

Средства массовой информации

В период после второй мировой войны огромное влияние на сознание широких кругов американцев и на направление внешней политики приобрели средства массовой информации США: газеты, журналы, радио и телевидение. В американской социологической лите-

ратуре средства массовой информации обычно именуется «четвертым сословием», но по своему реальному влиянию на политическую жизнь страны они в последние два-три десятилетия, безусловно, занимают ведущее место. Газетная индустрия США является ныне крупнейшим работодателем, уступая в этом отношении лишь автомобильной и сталеплавильной отраслям промышленности.

Средства массовой информации высокомонополизированы: в телевидении доминируют три главные общенациональные сети — Американская радиовещательная компания (Эй Би Си), Национальная радиовещательная компания (Эн Би Си) и Колумбийская радиовещательная корпорация (Си Би Эс). Из примерно 1800 ежедневных газет, выходящих в США, свыше 70% контролируются монополистическими группами, владеющими одновременно многими газетами. Всю зарубежную информацию большинству газет, особенно провинциальных, поставляют два телеграфных агентства — «Юнайтед Пресс Интернэшнл» (ЮПИ) и «Ассошиэйтед Пресс» (АП), а также пресс-служба газеты «Нью-Йорк Таймс». Комментированную внешнеполитическую информацию поставляют так называемые синдицированные обозреватели, работающие в Нью-Йорке или Вашингтоне, но продающие свою «колонку» сотням провинциальных газет. Подобная монополизация средств массовой информации позволяет безжалостно манипулировать американским общественным мнением, проводить специальные пропагандистские кампании, рассчитанные на получение определенного эффекта.

Конечно, неправильно было бы думать, что кто-то нажимает наверху кнопку и вся пресса, как по команде, начинает «гнать» ту или иную линию. Такого положения нет. Однако коммерческий характер прессы и телевидения, монополизация прессы и телеграфных агентств, поставляющих новости, ориентированность буржуазной прессы на массового читателя, т. е. в первую очередь на обывателя, падкого до сенсаций, определенная идентичность вкусов и требований редактора и издателя-средняка ведут к тому, что, за исключением нескольких газет, действительно рассчитанных на интеллектуальную элиту, подавляющая часть средств массовой информации дает примерно однотипный набор главных комментированных внешнеполитических событий дня, которыми она и формирует общественное мнение по этой проблематике. Как писал ведущий американский внешнеполитический обозреватель и социолог Уолтер Липпман, «власть определять каждодневно, что должно казаться важным, а что должно быть игнорировано, является властью, несравнимой ни с какой другой с тех пор, как папа римский утратил контроль над светским мышлением»⁵. Или, как говорит Дэвид Бринкли — ведущий теленоостей Эй Би Си. «новости — это то, что я подаю как новость».

⁵ Цит. по: Congressional Record, 1979, Mar. 28, p. S-3615.

В связи с бурным ростом телевидения после второй мировой войны именно оно превратилось в основной источник сведений для рядового американца о жизни за рубежом. Опросы общественного мнения показывают, что 2/3 американцев ныне получают большую часть событийной информации через посредство телевидения. Процент людей, узнающих о событиях в мире через телевидение, еще более высок среди американской молодежи. Ко времени окончания колледжа средний американский студент, согласно статистике, оказывается затратившим на 50% больше времени на просмотр телепрограмм, чем на пребывание в школе и колледже. Фактически, по некоторым подсчетам, к концу жизни нынешний «средний американец» использует на просмотр телепрограмм больше времени, чем на какой-либо другой вид занятий, за исключением сна.

В этих условиях «новость», сообщенная по телевидению, и комментарий к ней становятся «упрямым фактом» в сознании американского телезрителя. У него изначально складывается как бы «свое» представление о данном событии — определенный стереотип, и любая иная последующая информация о данном событии почти не в состоянии существенно поколебать этого первоначально сложившегося у телезрителя впечатления — «мнения» — о событии.

Американские средства массовой информации, поваторевшие в технике рекламы, широко используют этот прием создания стереотипов по вопросам внешней политики. А они, в свою очередь, оказываются информационной базой «массового мнения», к которому апеллируют политики, фактически сформировавшие это «мнение» для оправдания и поддержки своих внешнеполитических решений в пользу гонки вооружений и силовой политики за рубежом страны.

Предвзятые мнения настолько глубоко укоренены в массовое сознание, что пресса и телевидение даже не считают нужным разнообразить приемы при проведении той или иной пропагандистской кампании. Сейчас, например, уже стало правилом, что при намерении предпринять те или иные усилия в сфере гонки вооружений Пентагон неизменно проводит кампанию по каналам средств массовой информации насчет соответствующей «советской угрозы», которую США «должны парировать». В 50-е годы был поднят шум о «бомбардировочном отставании» США от СССР (хотя Советский Союз никогда не состязался с США в строительстве межконтинентальных бомбардировщиков), потом — об «отставании по ракетам», а в последние годы это были кампании об «отставаниях США» по антиспутниковым системам, системам гражданской обороны и по «забрасываемому весу» межконтинентальных баллистических ракет. Каждый раз — после очередной кампании такого рода — в США принимаются решения, нацеленные на то, чтобы усилить гонку вооружений на соответствующем направлении военного строительства.

Государство

Американское государство является проводником воли класса, господствующего в американском обществе — монополистической буржуазии. Как уже было отмечено выше, эта классовая воля в практическом выражении складывается как компромисс между интересами и устремлениями различных слоев и группировок господствующего класса. При этом последнему приходится в какой-то мере считаться с интересами других классов и слоев общества, в первую очередь широких масс трудового населения.

Сложный баланс между различными социальными силами буржуазного общества дает возможность самому государству в лице его высшего бюрократического аппарата проявлять известную самостоятельность, выступать в виде арбитра между различными социальными составляющими общества, а также накладывать на политику печать своего собственного «бюрократического» интереса. Эта возможность повышается и тем, что в условиях развития государственно-монополистического капитализма государство само оказывается колоссальным собственником, сосредоточивающим в своих руках гигантские материальные и финансовые ресурсы.

Через федеральный бюджет США и местные бюджеты перераспределяется свыше трети валового национального продукта страны. В последние десятилетия государство выступает не только как главный субъект политической деятельности на международной арене. Ввиду переплетения частных и государственных экономических интересов оно все более активно вмешивается во внешнеэкономическую деятельность монополий, выступая в качестве гаранта частных зарубежных инвестиций, регулятора направления потока этих инвестиций, его объема и внешнеторговых операций частных фирм. Оно осуществляет и собственную внешнеэкономическую деятельность в виде, например, продаж оружия за границу. Но государство в конечном итоге есть механизм, состоящий из целого ряда сложных и взаимопереплетенных бюрократических учреждений, каждое из которых стремится реализовать свои собственные специфические интересы. Поэтому политический курс самого государства формируется не только как компромисс между интересами различных социальных групп, оказывающих давление на правительство, но также в какой-то мере и как компромисс между интересами различных компонентов самого государственного механизма.

Высшими органами государственной власти США, имеющими первоочередное отношение к формированию и осуществлению внешней политики, являются двухпалатный конгресс и аппарат исполнительной власти во главе с президентом США. Именно эти два государственных органа — конгресс и администрация — официально формируют и проводят внешнюю политику американского государства через систему подчиненных им учреждений: Совет национальной безопасности США — высший орган администрации по согласо-

ванию внешней и военной политики, министерство иностранных дел — государственный департамент США и десятки других министерств и ведомств, имеющих отношение к зарубежным операциям американского государства.

По конституции, функцией конгресса США, в первую очередь его высшей палаты — сената, является представление совета и согласия президенту на внешнеполитические акции: заключение договоров, назначение послов, предоставление иностранной экономической и военной помощи и т. д. Конгрессу также принадлежит право объявления войны, организации и содержания вооруженных сил страны. На протяжении всей американской истории между конгрессом и администрацией идет непрерывная борьба за власть, за степень влияния на внешние сношения государства. Бывают времена, когда на первый план выходит исполнительная власть, получая фактически гораздо больше прерогатив в сфере внешней политики, чем конгресс. Обычно такого рода усиление внешнеполитической роли и авторитета исполнительной власти, в первую очередь Белого дома, происходит в кризисные периоды, в годы войн, когда объективные потребности в оперативных решениях и меньшей гласности дают администрации преимущества над сенатом и конгрессом в целом.

Так, например, в годы интенсивной «холодной войны» исполнительная власть, президент получили очень большую свободу рук в сфере внешнеполитической деятельности. На протяжении 50-х и значительной части 60-х годов конгресс США в основном играл роль органа, задним числом проштамповывавшего внешнеполитические решения и акции администрации. Фактически сенат США иногда давал президенту карт-бланш на агрессивные внешнеполитические акции. Так, в период 1955—1964 гг. в конгрессе США были приняты пять резолюций, предоставлявших президенту право действовать по его собственному усмотрению в различных регионах мира для «отражения коммунистической угрозы» («Тайваньская резолюция» от 29 января 1955 г., «Резолюция об обеспечении мира и стабильности на Среднем Востоке» от 9 марта 1957 г., «Кубинская резолюция» от 3 октября 1962 г., «Берлинская резолюция» от 10 октября 1962 г. и «Тонкинская резолюция» от 10 августа 1964 г.).

Однако в 70-е годы в США наблюдалась иная тенденция — тенденция ограничения внешнеполитических полномочий президента и исполнительной власти со стороны «воспрянувшего духом» конгресса США. Это было связано с провалом индокитайской авантюры Вашингтона, вина за которую была в первую очередь возложена на администрацию (якобы недостаточно консультировавшуюся с конгрессом, хотя последний в те годы безропотно поддерживал политику администрации). Повышение роли конгресса основывалось и на изменениях в структуре самого государственно-монополистического капитализма США.

Для резко усиливших свои позиции транснациональных корпораций и других монополистических конгломератов конгресс оказался

более «справедливым» механизмом для выработки внутриклассового компромисса, чем механизм закулисной борьбы вокруг Белого дома.

Дело в том, что в условиях американской системы непосредственно на верхушку администрации оказывает влияние лишь очень небольшая часть промышленных объединений и финансовых институтов, а именно те, представители которых имеют личные связи с группой политиков, пребывающих в данный момент у кормила государственной власти. Перенесение борьбы, связанной с внешнеполитическими устремлениями монополий, в конгресс, где интересы различных прослоек правящего класса представлены гораздо более широко и равномерно, позволяет, как считается, вырабатывать более сбалансированную линию, учитывающую потребности широкого круга группировок правящего класса.

Однако этот внутриклассовый компромисс осуществляется не только и не столько через формализованный процесс борьбы в конгрессе и внутри самой администрации, сколько через неформальные связи и решения в самой правящей группировке.

Руководящий истэблшмент

Эту группировку называют по-разному: правящей элитой, истэблшментом, руководящей бюрократией. По сути дела, американский истэблшмент — это комбинация мозгового центра и двигательного узла механизма управления капиталистическими Соединенными Штатами. Это политико-идеологическая и военно-хозяйственная верхушка государственного аппарата, которая делает реальную политику. Один из идеологов истэблшмента — С. Олсоп в своей книге «Центр. Люди и власть в политическом Вашингтоне» отметил, что в столице США около 400 тыс. правительственных служащих. «Все эти люди, — писал он, — часть правительственного Вашингтона. Но лишь очень небольшое их число — подлинные обитатели Центра, того Вашингтона, который непосредственно занят реальным бизнесом управления страной и сношениями с остальным миром... Центр — это фактически очень небольшое местечко. Его население исчисляется всего несколькими тысячами»⁶.

Этот «центр» и является ядром истэблшмента, представляющим интересы правящего класса США и реализующим их в государственной политике. Но конституируется он не на основе пропорционального представительства всех групп и подгрупп этого класса и всех географических регионов, а по сложившейся традиции, в соответствии с которой главные функции высшей бюрократии отправляются лицами, принадлежащими к довольно узкому географическому и социальному кругу, так называемому восточному истэблшменту. В него входят, так сказать, истинные американские «арийцы» — выходцы из зажиточных семей Новой Англии (т. е. северо-восточных

⁶ *Aisop S. The Center. People and Power in Political Washington. N. Y.: Harper and Row, 1968, p. 25.*

штатов США), выпускники колледжей аристократической Лиги плюща (к которой принадлежат элитарные высшие учебные заведения восточного побережья, такие, как Гарвардский, Колумбийский, Йельский университеты), лица, связанные со старинными финансовыми кланами того же Востока США — Морганями, Рокфеллерами, Дюпонами, Лименами, Кун-Лебами.

Это, как правило, потомки ранних переселенцев в США, лица, ориентирующиеся в основном на демократическую партию, поклонники Ф. Д. Рузвельта, который за 12 лет своего пребывания в Белом доме оказал сильное влияние на комплектование состава и укрепление позиций этого клана. Есть среди них и определенная прослойка республиканцев. В США их называют WASP — по первым буквам английских слов: белый, англосакс, протестант. Однако и католики — бostonцы Кеннеди, например, — принадлежат к той же «касте жрецов», выполняющей волю правящего класса.

Представители истеблишмента связаны между собой тесными и взаимопереплетающимися семейными, финансовыми, клубными, партийными и многими другими узами и интересами. Это крепко спаянная группа, по сути дела, несменяемой высшей прослойки бюрократии, политического и делового мира. Правительства приходят и уходят, меняется их партийная принадлежность, но основная масса высших представителей истеблишмента несменяема, хотя отдельные его представители могут попадать порой на самую вершину — в администрацию, а потом опускаться на одну-две ступеньки вниз.

Именно эта руководящая верхушка и устанавливает внутриклассовые «правила игры» и следит за тем, чтобы они соблюдались. Она же во многом является тем институтом, где в конечном счете согласовываются, увязываются, координируются разнородные интересы различных слоев и прослоек правящего класса и образуется — во многом на неофициальной основе — равнодействующая оперативной внешней и внутренней политики. Последующие формальные решения, принимаемые администрацией или конгрессом, являются не более чем реализациями постфактум тех договоренностей, компромиссов, которые были выработаны в руководящем истеблишменте. Тот факт, что истеблишмент сам представляет не все, а лишь некоторые группировки правящего класса, создает определенный и постоянный крен в государственной политике в сторону интересов именно этих группировок, что вызывает недовольство мощных сил в США, не представленных или недостаточно представленных в нынешнем истеблишменте, в первую очередь финансово-монополистических группировок Юга и Запада страны. Это вызывает скрытую, а порой и открытую борьбу этих группировок против истеблишмента — за то, чтобы он в более полной, более справедливой мере отражал интересы всего правящего класса.

В ходе этой борьбы используются и вопросы внешней политики, поскольку группировки, заседающие на истеблишмент, пытаются

доказать некомпетентность, неспособность нынешней вашингтонской элиты вести внешнюю политику, которая бы отвечала «интересам широких кругов страны», иначе говоря, более полно учитывала бы интересы тех группировок правящего класса, которые ныне являются аутсайдерами по отношению к восточному истеблишменту. Однако долгое время эта борьба за изменение композиции истеблишмента оказывалась не очень успешной для непредставленных в нем группировок. Так, попытка президента Р. Никсона, выступавшего в первую очередь в качестве креатуры финансово-промышленных кругов Дальнего Запада США, произвести радикальную перетряску истеблишмента, так сказать, раскассировать традиционную элиту и «вливать в нее свежую кровь с Юга и Запада страны», как говорил Никсон, оказалась роковой для него самого — он оказался досрочно отстраненным от власти. Учитывая это, пришедший на смену республиканской администрации президент-южанин Дж. Картер был вынужден принять администрацию восточного истеблишмента и его «правила игры». И лишь с приходом в Белый дом в 1981 г. президента Рейгана, и объективно и субъективно олицетворявшего все те же «новые силы» Запада США, восточный истеблишмент оказался политически несколько потесненным. И ради сохранения своей роли «касты жрецов» правящего класса этот истеблишмент ныне вынужден кооптировать в свои ряды представителей финансово-промышленных и академических кругов Юга и Запада страны.

Военно-промышленный комплекс

На позиции и политику вашингтонского истеблишмента большое влияние оказывает другая мощная группировка правящего класса — военно-промышленный комплекс США. Эта группировка тесно переплетена с истеблишментом, так сказать, корнями выросла в него. Военно-промышленный комплекс (ВПК) представляет собой союз крупнейших американских монополий, правительственных и военных кругов, отстаивающих интересы милитаризма, включая экспансионистскую внешнюю политику. «Военно-промышленный комплекс стал ударной силой империализма, стимулирующей реакцию во внутренней и внешней политике», — отмечалось в Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В нашей научной литературе военно-промышленный комплекс трактуется по преимуществу как мощная экономическая группировка. Однако чисто экономический подход к ВПК не объясняет и не может объяснить силы позиций комплекса в американском обществе. Дело в том, что доля производства вооружений в США даже в разгар «холодной войны» не составляла более 5—6% от валового национального продукта страны. Если приплюсовать сюда расходы, идущие непосредственно на содержание вооруженных сил, и учесть долю этих расходов не в ВВП, а в тех средствах, которыми непосредственно распоряжается федеральная администрация, то они

составят солидную сумму — от четверти до трети всего федерального бюджета страны. Однако сила ВПК — не только и даже не столько в его экономических позициях, сколько в его многоаспектном, всепроникающем влиянии на всю жизнь страны, на мышление и политику государственного руководства.

Сила ВПК — в том, что на него работают лучшие умы нации и что фирмы, принадлежащие к ВПК, доминируют в технически наиболее передовых отраслях индустрии. Сила ВПК — в том, что в годы «холодной войны» его органы, его ведущие деятели, связавшие свои политические карьеры, свои судьбы с успехом «холодной войны», оказались политически и психологически господствующими в общественной жизни Соединенных Штатов, даже если они и не доминировали в экономике. Все было подчинено задаче выигрыша «холодной войны», а выиграть ее, как считалось в Вашингтоне, можно было лишь с помощью наращивания и применения военной силы. Отсюда — и степень политического влияния ВПК на жизнь Америки и на внешнеполитические решения, непропорционально бóльшая, чем его реальная экономическая сила.

ВПК образовался как орудие проведения «холодной войны». Но постепенно из орудия политики, из организации, призванной поставлять «военные металлоизделия» для «давления с позиции силы» и — в конечном итоге — для войны горячей, ВПК превратился в силу, могущую навязывать государству выгодный ему курс, направленный на обеспечение его собственного процветания. В конечном итоге ВПК приобрел право вето на политические решения высшей государственной власти. Этим правом представители ВПК пользовались весьма широко, блокируя любые шаги в сторону мира и мирного сосуществования. Лишь американское фиаско во Вьетнаме привело к тому, что против ВПК ополчились не только широкие слои американской общественности, но и весьма значительные круги американского бизнеса, заинтересованные в развитии гражданских отраслей экономики. В результате комплекс утратил на какое-то время право вето на политические решения и американский истеблишмент под влиянием реалистической оценки международной ситуации повернул в 70-е годы на путь равноправных переговоров со странами социализма и разрядки напряженности, включая меры по ограничению гонки вооружений.

Однако и при этом реалистическом повороте военно-промышленному комплексу США удалось вбить клин под открывавшуюся дверь разрядки, не дать широко распахнуть ее.

Уже при подписании в 1972 г. первых советско-американских соглашений по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) ВПК смог добиться от правительства и от конгресса США так называемых «трех гарантий», выполнение которых обеспечивало не только сохранение позиций ВПК, но и их укрепление. Эти гарантии состояли в обещании Белого дома продолжать наращивать усилия в сфере военного строительства по направлениям, не ограниченным

соглашениями ОСВ-1, и выделять на эти цели все большие средства. В итоге ко второй половине 70-х годов группировкам, связанным с ВПК, удалось восстановить свои позиции и свое право вето на внешнеполитические решения, идущие вразрез с интересами комплекса. Для этого были использованы все возможные средства, включая как сильные позиции деятелей ВПК в истеблишменте, так и демагогическую спекуляцию на шовинистических настроениях обывателей, когда поражения и отступления Соединенных Штатов, являющиеся результатом провалов курса «холодной войны», были выданы за «последствия разрядки» (как, например, ликвидация искусственно созданного США марионеточного режима в Южном Вьетнаме).

Особенно неприглядную роль в этом возрождении милитаризма сыграло идеологическое подразделение ВПК — так называемый военно-академический комплекс. Базой последнего являются элитарные научно-исследовательские институты и пропагандистские организации, работающие на средства министерства обороны и по его заданиям. Именно военно-академический комплекс, к которому, к сожалению, принадлежат многие видные специалисты страны (ибо работа на ВПК дает престижные позиции в обществе плюс материальные блага), вырабатывает внешнеполитические и военно-политические доктрины, обосновывающие ставку на обеспечение «позиций силы», на «необходимость» превосходства США над СССР в военном отношении, а, стало быть, и на гонку вооружений.

Таковы основные внутренние движущие силы внешней политики Соединенных Штатов. Конечно же, импульсы для американской внешней политики, подаваемые, так сказать, изнутри страны (хотя многие из них диктуются конкретными материальными зарубежными интересами американских монополий и военно-политических кругов), генерируются в условиях определенной международной среды. Это внешнее по отношению к США окружение — конкретная международная военно-политическая и экономическая обстановка, включающая позиции и интересы других государств, — накладывает свой отпечаток на устремления американского государства на мировой арене и в определенной мере видоизменяет внешнеполитическую волю США как одного из субъектов международного общежития, находящегося в непрерывном общении с другими членами мирового сообщества государств.

В этом контексте борьбы и сотрудничества на мировой арене «идеальные» внешнеполитические цели США, сформулированные абстрактно-теоретически, превращаются в реальные в той мере, в какой они учитывают ограничения, накладываемые на внешнеполитические возможности США конкретной международной обстановкой, соотношением сил на мировой арене, в первую очередь между силами социализма и национально-освободительного движения, с одной стороны, и силами империализма — с другой. Учитывая конкретные ограничители, создаваемые внешнеполитической средой,

правлящему классу США и американскому правительству как исполнителю его воли все чаще приходится умерять амбициозные внешнеполитические цели, вынужденно применяться к обстоятельствам. В этом плане руководителям США вновь и вновь приходится открывать для себя известную бисмарковскую формулу о политике как об искусстве возможного, науке относительного.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Примат экономики, производственных отношений над политикой, то, что «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики», как отмечал В. И. Ленин, нужно искать в экономических интересах, экономическом положении классов, господствующих в государстве и обществе, является основой марксистского мировоззрения и подтверждается всем ходом истории¹.

Самый общий экономический интерес правящего класса, заключающийся в сохранении частной собственности на средства производства, капиталистических производственных отношений, пронизывает всю политику империалистических государств — и внутреннюю, и внешнюю. В конечном счете государство является субъектом сохранения существующего способа производства, и эта задача довлеет над всеми аспектами политики, над любыми интересами — и военно-стратегическими, и собственно политическими, и идеологическими.

В настоящей главе основное внимание будет сосредоточено на рассмотрении влияния непосредственного экономического интереса на американскую внешнюю политику, т. е. на анализе того, насколько интересы обеспечения бесперебойного функционирования капиталистического хозяйственного механизма США, интересы монополий в получении прибыли, интересы корпораций, ведущих зарубежную экспансию, определяют внешнюю политику Соединенных Штатов.

Творческий марксизм всегда был чужд вульгарному экономическому детерминизму, всегда подчеркивал взаимозависимость экономических и политических факторов, весьма активную роль, которую играют последние в формировании государственной политики, в том числе и внешней. Экономические интересы, экономическое положение правящих классов определяют внешнюю политику, как пишут советские ученые, «лишь в принципе, изначально, в конечном счете и всегда опосредованно. Они воздействуют на генезис и осуществле-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 327.

ние внешней политики через целую систему, определяемую классовыми отношениями взаимопереплетенных, своим путем развивающихся структур социального, внутривнутриполитического, военного, идеологического, социально-психологического и иного характера. Эти структуры неоднократно и весьма своеобразно, по законам собственной среды преломляют, деформируют исходные импульсы, рожденные в экономической сфере, переносят их влияние непосредственно в область внешней политики уже в ином, отличном от первоначального виде»².

Вместе с тем очевидно, что, несмотря на неоднозначность и сложность взаимоотношений между экономическими интересами и внешней политикой в целом, отдельные внешнеполитические акции могут напрямую определяться экономическими интересами правящего класса или отдельных его группировок. Более того, с относительным ослаблением позиций империализма, с сужением сферы его господства, дальнейшим обострением его общего кризиса экономические интересы, действующие обычно опосредованно, выступающие как глубинные, все чаще выходят на поверхность, более жестко определяя внешнеполитические действия. Интернационализация хозяйственной жизни, учащение и увеличение объема экономических связей приводят к заметной «экономизации» международных отношений в целом, экономические проблемы все более теснят в повестке дня международной дипломатии традиционные политические и военные вопросы. Повышению роли экономического интереса в формировании внешней политики буржуазных государств способствует растущая экономическая взаимная зависимость, являющаяся результатом убыстренной интернационализации хозяйственной жизни, углубления международного разделения труда и приводящая к росту экономической уязвимости отдельных государств. Этот рост экономической уязвимости способствует тому, что экономические вопросы становятся важнейшей составной частью проблем «национальной безопасности», традиционно занимающих первостепенное место в системе внешнеполитических приоритетов государства.

Наращение внутренних противоречий империализма, с которыми он не способен справиться, сужение его возможностей решать эти противоречия за счет международной экспансии, все более усиливающийся вызов — социальный, политический и идеологический — со стороны укрепляющего свои позиции социализма увеличивают роль государства в управлении капиталистической экономикой, усиливают государственно-монополистические тенденции. Все более широкое вовлечение государства в экономическую жизнь не является процессом односторонне поступательным. Оно то убыстряется, то замедляется и даже поворачивается вспять. Но в целом тенденция к росту участия государства в хозяйственной жизни нарастает.

² Политическая экономия современного монополистического капитализма. М.: Мысль, 1971, т. 2, с. 176.

А это заметно увеличивает прямую заинтересованность государства в экономических делах, вводит экономический интерес непосредственно в сферу государственной политики.

Тенденция к усилению роли экономического интереса во внешней политике, разумеется, не однозначна. Перенос классовой борьбы между капитализмом и социализмом на международную арену, то обстоятельство, что последний ныне выступает как могущественная политическая, экономическая, идеологическая и военная сила, — все это резко повысило роль политических, военных и особенно идеологических факторов и интересов во внешней политике империализма. При этом они на определенных этапах могут превалировать во внешней политике над непосредственными экономическими интересами монополий, служа «высшему» экономическому интересу правящего класса империалистических государств — защите в международном масштабе эксплуататорского строя.

Вопрос о мотивации тех или иных внешнеполитических акций, внешнеполитического курса страны в целом не поддается однозначному решению. Обычно за каждой такой акцией кроется целый ряд причин, несколько разнообразных интересов, нередко конфликтующих между собой. Эта сложность и взаимопереплетение различных мотивов — военно-стратегических, экономических, политических, идеологических, стоящих как за внешней политикой каждого государства в целом, так и за его отдельными акциями на мировой арене, не отменяют необходимости выявления и анализа каждого из этих мотивов, рассмотрения «вклада», делаемого ими.

Понятие «экономический интерес» включает в себя две неразрывно связанные части: частные интересы отдельных монополий и их группировок и общеклассовые экономические интересы всей буржуазии, всего правящего класса данной страны. Последние заключаются прежде всего в обеспечении бесперебойного функционирования капиталистического хозяйства, в защите и сохранении позиций всего национального государственно-монополистического комплекса.

Разделение экономического интереса во внешней политике на эти два вида во многом искусственно, учитывая их конечное, а во многих случаях и промежуточное единство. Более того, экономический интерес государства, общеклассовый интерес буржуазии есть лишь совокупность различных частных интересов отдельных группировок правящего класса, да и формируется он и опосредуется лишь через интересы монополий. Вместе с тем диалектический процесс формирования общего интереса правящего класса, который и имеет определяющее влияние на внешнюю политику, предполагает — и это подтверждается объективной реальностью — наряду с единством и борьбу разных начал, разных частных интересов, нередко противоречащих друг другу, борьбу отдельных монополий или их группировок. Поэтому в каждый данный момент интересы отдельных групп монополий могут и не совпадать с общеклассовыми интересами, которые выражаются в политике государства.

На пути выявления экономического интереса во внешней политике встречается немало трудностей и помимо его множественности. Будучи явлением объективным, он воспринимается субъективно, и именно такое его толкование, которое может быть и неадекватным реальности, оказывает влияние на политику.

Далеко не всегда экономический интерес четко осознается большинством правящего класса в тех или иных внешнеполитических акциях. В условиях определенной «непроявленности» интересов большинства элиты отдельная группировка внутри нее с четко выявленными интересами способна столкнуть внешнеполитический курс страны в свою сторону, что зачастую и происходит, например в случае с влиянием военно-промышленного комплекса.

Множественность факторов, влияющих на внешнюю политику буржуазного государства, постоянно усложняющаяся внешняя среда, в условиях которой эта политика проводится, растущая ограниченность — если брать достаточно широкую историческую перспективу — внешнеполитических возможностей империализма и — что не менее важно — неоднозначность интересов правящего класса делают задачу выявления непосредственных экономических интересов за каждым внешнеполитическим действием не только делом весьма трудным, но порой и невозможным. Тем не менее такое выявление, как уже говорилось, крайне необходимо. Особенно настоятельна задача определения не только экономических интересов, стоящих за отдельными внешнеполитическими акциями, но и анализа того, в какой степени и какие экономические интересы определяют весь внешнеполитический курс, генеральную стратегию государства в тот или иной период, динамику изменения этих интересов, их влияния на внешнюю политику.

Доступ к источникам сырья и топлива и политика США

Классическим внешнеполитическим экономическим интересом является обеспечение доступа к источникам сырьевых ресурсов и топлива. До начала нашего века Соединенные Штаты, хотя и ввозили определенное количество сырья из-за границы, в основном из Латинской Америки, тем не менее были мало обеспокоены ситуацией в этой области. Огромные массивы территории в самих США лежали нетронутыми, природные ресурсы страны казались неиссякаемыми.

Положение изменилось, когда вступление США в первую мировую войну потребовало резкого увеличения производства в ряде отраслей и привело к серьезным нехваткам многих видов сырья. Война подчеркнула и потенциальную важность обеспечения доступа к заграничным источникам сырья. Именно в результате этого опыта в начале 20-х годов американское правительство предприняло первые широкие усилия по поддержке инвестиций американских компаний в нефтедобычу Ближнего Востока и Латинской Америки.

Второй этап усиления активности американского правительства в этой области начался в результате второй мировой войны. Правительство активно участвовало в финансировании некоторых проектов по разработке ресурсов в ряде стран Латинской Америки. В центре его внимания вновь оказалась ситуация на Ближнем Востоке. Администрация Ф. Д. Рузвельта даже пыталась выкупить нефтяные поля в этом регионе у компаний «Тексако» и «Стэндэрт ойл оф Калифорния», чему последние, правда, воспротивились. В послевоенный период, несмотря на уменьшение непосредственной угрозы доставке сырья, внимание американского правительства к этим проблемам оставалось достаточно высоким. Проблема обеспечения Америки минеральным сырьем продолжала подниматься по лестнице американских внешнеполитических приоритетов. Министр обороны США Джеймс Форрестол, например, оправдывал «доктрину Трумэна» именно необходимостью обеспечения доступа к сырью. Он писал в одном из писем: «То, о чем мы говорим, это сырье... это единственное, что производит на меня впечатление»³.

Особо активно продвигало правительство интересы нефтяных монополий. Дипломатическое давление на Англию и Францию, заставлявшее их компании потесниться, свержение правительства Моссадыка в Иране, открывшее богатейшие нефтяные поля этой страны для американских монополий, предоставление в начале 50-х годов нефтяным компаниям специальной налоговой скидки из чисто внешнеполитических соображений — для подкупа режима в Саудовской Аравии⁴ — все это служило укреплению позиций американских нефтяных монополий, их экспансии и, как считалось, улучшало доступ к сырью для самих Соединенных Штатов.

Надо сразу же отметить, что в области грабежа природных ресурсов иностранных государств правительство и частные монополии действовали рука об руку. При этом вся политика правительства ориентировалась практически целиком на продвижение сырьевых монополий и их поддержку. Обще классовые интересы, выражавшиеся в политике Вашингтона, и частные интересы отдельных монополий практически совпадали. Чем больше источников сырья контролировали и эксплуатировали последние, тем лучше это считалось с точки зрения «национальных интересов» страны.

В 1952 г. в период очередного усиления внимания к сырьевой проблеме, вызванного участием США в корейской войне, был выпущен доклад специальной комиссии, созданной по распоряжению президента Трумэна, во главе которой стоял крупнейший монополист Уильям Палей. Доклад этой комиссии заложил основу поли-

³ Цит. по: *Barnet R. J. The Roots of War: The Men and Institutions Behind U. S. Foreign Policy.* Baltimore: Penguin Books, 1972, p. 162.

⁴ *Multinational Corporations and United States Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 94th Congress, 1st Session. Pt 1 to 16.* Wash.: U. S. GPO, 1976, Pt 4, p. 2—3, 13, 142.

тики США в области обеспечения доступа к ресурсам. В нем, в частности, заявлялось: «Общей целью политики США в области сырья и материалов должно быть обеспечение достаточного и надежного потока сырья по минимальным ценам и в соответствии с интересами национальной безопасности и благосостояния дружественных стран»⁵. В докладе комиссии содержались все главные элементы американской политики в этой области, которые определяют ее и до сих пор: получение доступа к ресурсам по минимальным ценам, использование своих позиций в этой области в широких внешнеполитических целях.

С самого начала складывающаяся в ее нынешнем виде политика США на этом направлении характеризовалась резкой антисоветской направленностью, а необходимость обеспечения безопасного доступа уже тогда оправдывалась «угрозой со стороны коммунизма»⁶. Доклад комиссии был выдержан в алармистских тонах, в нем утверждалось, что Америка стоит на пороге острого сырьевого кризиса, вызванного потенциальным истощением источников сырья. Но, как показало развитие событий, до сырьевого и топливного кризиса было еще далеко. Возможности эксплуатации иностранных источников сырья были весьма широкими, а само сырье имелось в избытке, что вело к кризисным явлениям совсем иного рода — к образованию излишков сырья, к системе квотирования его закупок, к «постоянным угрозам повысить тарифы и установить другие ограничения на импорт нефти, меди, свинца, цинка и другого сырья»⁷. Подобное положение сохранялось во многом и в 60-е годы. Цены на большинство видов сырья продолжали падать.

Ситуация заметно изменилась с начала 70-х годов. Арабское нефтяное эмбарго и довольно резкое повышение цен на многие виды сырья в 1972—1975 гг. резко усилили внимание американского правительства к этой проблеме. Америка вошла в период длительного, если не перманентного, энергетического кризиса, обострилась ситуация с доступом к другим видам сырья при увеличении зависимости США от их импорта.

Является ли новый тур алармистских выступлений переходящим явлением, вслед за которым последует успокоение, вызванное открытием новых источников сырья (или его заменителей), или же на этот раз речь идет о действительном кризисе, означающем, что традиционный американский внешнеполитический интерес — обеспечение доступа к зарубежным сырьевым и топливным ресурсам — поднимется еще выше по лестнице приоритетов американской внешней политики?

⁵ Цит. по: *Krasner S. D. Defending the National Interest: Raw Material Investments and U. S. Foreign Policy.* Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1979, p. 52.

⁶ *Ibid.*, p. 51.

⁷ Department of State Bulletin, 1954, July, p. 80—81.

Зависимость США от импорта нефти

Наиболее сложна ситуация с нефтью. Соединенные Штаты на протяжении всего XX в. ввозили нефть, причем доля импорта в потреблении неуклонно повышалась: в 1900 г. она равнялась 1%, в 1930 г. — 6, в 1950 — 9^а, в 1960 — 19, в 1970 — 24, в конце 70-х годов она колебалась в пределах 40—47%, а к середине 1982 г. упала приблизительно до 33% в результате экономического спада, приведшего к уменьшению потребления нефти, мер по экономии энергии, а также отказа от ограничения цен на нефть^б. Одновременно на протяжении большей части этого периода США были крупными экспортерами нефти, и лишь в 1948 г. экспорт был превышен импортом. Но и в 50-е, и в 60-е годы зависимость США от импорта нефти была маргинальной, так как в течение почти всего этого периода в стране существовали неиспользованные, резервные мощности по добыче, которые могли бы быть достаточно быстро введены в действие. США были, таким образом, практически неуязвимы по отношению к возможным перерывам в поставках нефти. А американское правительство чувствовало себя относительно свободным в отношении выбора того или иного курса. Сравним ситуацию в снабжении США нефтью во время крупных кризисов на Ближнем Востоке: суэцкого 1956 г., войны 1967 г. и войны 1973 г.

Т а б л и ц а 1. Позиции США в отношении возможных нарушений поставок нефти, в %

Год	Доля импорта в потреблении нефти в США	Резервные мощности по добыче нефти в США по сравнению с потреблением нефти	Позиция США
1956	11	25	+14
1967	19	25	+6
1973	35	10	-25

Источник: Daedalus, 1975, Fall, p. 30—31.

Из приведенной таблицы ясно видно, как из позиции практической неуязвимости США к началу 70-х годов перешли на позицию уязвимости. Эта уязвимость предопределялась еще и потерей США и их монополиями полного контроля над ближневосточной системой нефтеснабжения и ценообразования в результате резкого укрепления силы ОПЕК, усиления конкуренции за нефть из этого региона

^а Krasner S. D. Op. cit., p. 9. Доля импорта дается в стоимостном выражении.

^б Energy Future: Report of the Energy Project at the Harvard Business School / Eds. R. Stobaugh, D. Yergin. N. Y.: Random House, 1979, p. 18; U. S. Foreign Policy Objectives. Hearings before the^а Committee on Foreign Relations U. S. Senate. Mar. 27, 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 32; New York Times, 1982, May 1.

со стороны потребителей, вторжения новых компаний на нефтяной рынок.

В 40–60-х годах интерес Соединенных Штатов в обеспечении доступа к зарубежным нефтяным ресурсам заключался в первую очередь в сбережении ресурсов на территории США, в получении возможности добывать более дешевую нефть, что давало дополнительные импульсы экономическому развитию, в обеспечении экспансии нефтяных монополий, для многих из которых возможность эксплуатации иностранных источников нефти является вопросом жизни и смерти, в усилении своих внешнеполитических позиций. В 70-е годы ситуация кардинально изменилась. По самым оптимистическим прогнозам добыча нефти на территории США может лишь остаться в ближайшее десятилетие на нынешнем уровне, т. е. приблизительно 10 млн. баррелей в день (498 млн. тонн в год)¹⁰. Дальнейшее повышение цен на нефть позволило бы использовать нефтяные поля, разработка которых сейчас нерентабельна с точки зрения капиталистических корпораций и увеличить усилия по разведке нефти. Повышение цен на нефть может усилить побудительные мотивы к экономии энергии, рано или поздно сделать экономичным получение энергии из так называемых «альтернативных источников» — битуминозных песков, сланцев, использования атомной и солнечной энергии и др. Но по большинству оценок даже при самых энергичных мерах сомнительно, чтобы Соединенные Штаты могли бы в краткосрочной и среднесрочной перспективе избавиться от серьезной зависимости от импорта энергоносителей.

По оценкам министерства энергетики США, прекращение производства нефти на 3, 10 или 20 млн. баррелей в день (т. е. соответственно 149,5; 498; 996 млн. т в год), что соответствует приблизительно прекращению добычи нефти в Иране, Саудовской Аравии или на всем Ближнем Востоке, может означать урон для американской экономики размером соответственно в 84, 323 или 686 млрд. долл.¹¹

Перерывы в поставках усилят социальные и политические конфликты внутри страны, что будет означать угрозу существующему политическому строю. Другой причиной качественного увеличения значения экономического интереса в области обеспечения доступа к нефти является еще бóльшая, чем у США, зависимость от поставок нефти, прежде всего из региона Персидского залива у их ближайших союзников в Западной Европе и Японии. Если США ввозили на рубеже 70-х и 80-х годов из этого региона приблизительно 10% потребляемой нефти, то Япония — 70, а Западная Европа — 57%¹². Приостановка поставок нефти на достаточно длительный

¹⁰ Energy Future..., p. 42–44.

¹¹ Department of Energy. The Energy Problem: Costs and Policy Options. Wash.: U. S. GPO, 1980, Mar.

¹² Daedalus, 1980, Fall, p. 34.

период может означать экономическую и социальную катастрофу для этих стран, подрыв всей системы союзов США.

И наконец, третья причина, почему правящий класс США кровно заинтересован в непрекращающемся потоке нефти, прежде всего с Ближнего Востока, состоит в том, что резкое возрастание трудностей во всей мировой капиталистической экономике, которые могут быть вызваны прекращением поставок, скажется и на зарубежной империи американских монополий, от деятельности которой зависят как сотни американских корпораций, так и экономика США в целом (параметры этой зависимости будут даны ниже), нарушится вся система внешнеэкономических связей, от которых в растущей степени зависят Соединенные Штаты.

Наряду с обеспечением доступа к источникам нефти целью США является и предотвращение резких повышений цен на нее, ибо такие повышения могут способствовать усилению инфляции, замедлению экономического роста с сопутствующим усилением социальных конфликтов, подрывающих капиталистическую систему. Резкое повышение цен будет иметь и весьма негативные внешнеполитические последствия. «Более медленный экономический рост и высокий уровень инфляции усиливают конфликты не только внутри западных стран, но также и между ними, — пишут авторы авторитетного исследования энергетической ситуации, подготовленного в Гарварде. — Соединенные Штаты как крупнейший в мире импортер нефти будут в первую очередь обвиняться в повышении цен на нее. Может последовать жестокая конкуренция за нефть, угрожающая безопасности торговой системы Запада. Оставляя в стороне отношения Америки с развитыми странами, можно с уверенностью заявить, что увеличивающаяся зависимость от импорта ближневосточной нефти будет означать, что страны — поставщики нефти будут в растущей степени влиять на американскую внешнюю политику, фактически определять ее»¹³.

Разумеется, уровень зависимости самих США от ввоза нефти, снизившись в начале 80-х годов, не будет, вероятно, в будущем подниматься до рекордных показателей второй половины 70-х годов. Но если брать экономический интерес США в области обеспечения возможности использования нефтяных ресурсов стран — членов ОПЕК, и прежде всего государств Ближнего Востока, то стоит, по-видимому, прийти к выводу о том, что он приобретает стратегический характер, которого он раньше не имел. Это означает, что внешняя политика США будет в еще большей степени, чем прежде, концентрироваться на регионах, откуда западный мир получает энергетические ресурсы. Обеспечение свободного доступа к их источникам прочно займет в списке внешнеполитических приоритетов американского империализма одно из первых мест, а это направление внешней политики будет, в свою очередь, оказывать заметное

¹³ Energy Future..., p. 5.

влияние на другие направления, в некоторых случаях даже определяя их.

Это обстоятельство выразилось в конце 70-х — начале 80-х годов, в частности, в том, что Персидский залив и прилегающие к нему регионы были произвольно объявлены зоной «жизненно важных интересов» для Соединенных Штатов, а американское руководство наряду с резким увеличением военного присутствия в этом регионе заявило устами министра обороны Г. Брауна, а также президента Картера о готовности применить вооруженные силы для «защиты» этих интересов¹⁴. Курс на военное «решение» нефтяной проблемы был принят и продолжен администрацией Рейгана. Но увеличение заинтересованности Соединенных Штатов в поставках нефти из этого региона не может являться оправданием политики агрессии и диктата в отношении суверенных государств, расположенных в нем. Более того, такая политика контрпродуктивна с точки зрения самих американских интересов. Применение военной силы в этом регионе может привести лишь к результатам, обратным желаемым, вызвать цепь конфликтов во всем регионе, которые могут вылиться в разрушение весьма уязвимой, как доказал конфликт между Ираном и Ираком, системы добычи и транспортировки нефти (нефтяных полей, нефтепроводов и насосных станций, нефтяных терминалов и предприятий по переработке горючего). Военно-силовой «ответ» на нефтяную проблему будет означать лишь ее усугубление, резко возросшую угрозу всеобщему миру.

Упрочению мира, стабильности в регионе, беспрепятственному потоку нефти может способствовать лишь политическое решение конфликтных ситуаций, существующих в нем, не увеличение военной активности, не создание баз, а демилитаризация региона как это неоднократно предлагал Советский Союз.

Упорство, с которым Вашингтон идет по опасному пути роста американской военной активности в регионе, отвергает все предложения по политическому урегулированию существующих там проблем, указывает на другую причину такой политики.

¹⁴ Заявление президента Картера по этому поводу звучало следующим образом: «Попытка посторонней силы захватить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как атака на жизненно важные интересы Соединенных Штатов, и такая атака будет отражаться с помощью всех необходимых мер, включая военную силу» (U.S. Foreign Policy Objectives. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U.S. Senate. 1980, Mar. 27. Wash.: U.S. GPO, 1980, p. 27).

Вместе с тем надо отметить, что причиной усиления американского военного присутствия в этом регионе была отнюдь не только защита доступа к нефтяным ресурсам или — тем более — кризис с заложниками в Иране. Во многом они служили лишь предлогом, пропагандистским прикрытием. Увеличение военно-политического давления на этот регион призвано решать более широкие задачи — поддерживать в нем прозападные режимы, не допускать усиления антиимпериалистических тенденций и не в последнюю очередь подспудно действовать в пользу сдерживания роста цен на нефть.

В первое послевоенное двадцатилетие, когда американские монополии, опиравшиеся на военное доминирование США, фактически контролировали ближневосточную нефть, Вашингтон имел возможность набрасывать нефтяную петлю на своих младших партнеров и заставлять их подчиняться своей воле. В 1956 г. угроза администрации Эйзенхауэра прекратить поставки нефти в Европу с ближневосточных нефтяных полей, принадлежавших американским монополиям, была одной из причин, заставивших Англию и Францию прекратить Суэцкий кризис. (США действовали таким образом, боясь усиления позиции этих двух стран на Ближнем Востоке в случае их победы.) Теперь такие действия невозможны. Нефтяные поля национализированы, а американские нефтяные монополии заметно потеснены национальными компаниями западноевропейских государств и нефтедобывающих стран.

Ныне Соединенные Штаты пытаются захватить военный контроль над Персидским заливом не только для того, чтобы «обезопасить» доступ к нефти для себя и союзников, но и чтобы вновь получить мощный рычаг давления на своих капиталистических партнеров — развивающиеся государства, зависящие от ближневосточной нефти, — рычаг, который можно было бы использовать для усиления американских позиций в несоциалистическом мире. Экономический интерес переплетается с интересами политическими, служит им прикрытием.

Обеспечение минерально-сырьевыми ресурсами: реалии и мифы

Нефтяное эмбарго 1973—1974 гг. совпало по времени с сырьевым кризисом — временной нехваткой ряда основных видов сырья и повышением цен на большинство из них в 2—3 раза. Оба эти события сразу же вновь выдвинули проблему снабжения сырьем, обеспечения доступа к его источникам в центр политики мирового капитализма. Значительную озабоченность вызвало такое положение и в США. Оно выразилось, в частности, в том, что в конце 1977 г. президентом Картером была создана межведомственная комиссия по координации деятельности в области неэнергетического минерального сырья, целью которой было выяснение степени зависимости США от возможных сырьевых эмбарго и других ограничений, того, насколько сегодняшнее состояние дел в горнодобывающей промышленности, в области законодательства соответствует современным американским интересам¹⁵.

Обычно периодическое повышение интереса к проблеме обеспеченности сырьевыми ресурсами сменялось относительно длительными периодами спокойствия, «перспектива ужесточения мирового соперничества за сырье, затруднений, в выкачивании его из стран-

¹⁵ Engineering and Mining Journal, 1978, Febr., p. 21.

поставщиков не воспринималась в США,— как отмечают советские исследователи,— как реальная угроза, так как сложившаяся неравноправная система разделения труда в мировом хозяйстве обеспечивала бесперебойное снабжение США и других империалистических государств-потребителей дешевым минеральным промышленным сырьем»¹⁶. Многие отрасли промышленности почти на протяжении всей своей истории работают в значительной степени на привозном сырье. Достаточно привести данные только за XX в., чтобы подтвердить это.

Т а б л и ц а 2. Доля импорта в потреблении США неметаллического сырья (без топлива), металлов и руд металлов (по стоимостным показателям), в %

Год	Неметаллическое сырье	Руды металлов и металлы
1900	8	48
1930	8	44
1950	11	48
1969	12	51

Источник: *Krasner S. D. Op. cit.*, p. 9.

За этот период потребление сырья на душу населения удвоилось, в целом же потребление увеличилось в 5 раз. Задачу снабжения США дешевым иностранным сырьем взяли на себя, как и в случае с нефтью, американские корпорации, действовавшие сплошь и рядом при непосредственной поддержке правительства. И, в принципе учитывая то, что по большинству видов минерального сырья, несмотря на резкое увеличение их добычи за последнее столетие, и особенно в послевоенный период (с начала 50-х по середину 70-х годов добыча по рудам цветных металлов возросла в 2—3 раза, по бокситам — в 8 раз), обеспеченность производства геологическими ресурсами неуклонно увеличивалась¹⁷, можно было бы ожидать, что и новый тур повышенного внимания к сырьевым проблемам сойдет на нет.

Однако этого, судя по всему, не произойдет, и традиционный американский экономический интерес в области обеспечения доступа

¹⁶ Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции. М., 1979, с. 149.

¹⁷ Так, например, известные запасы железной руды увеличились с 1950 по 1970 г. в 12 раз, марганцевых руд — в 1,3, хромовых руд — в 6,7, бокситов — в 2,8 раза, серьезно уменьшились за этот период только разведанные запасы вольфрама (на 30%). См.: *Jordan A., Kilmarx R. Strategic Mineral Dependence: The Stockpile Dilemma. The Washington Papers. Beverly-Hills (Cal.); L.: Center for Strategic and International Studies, 1979, p. 12.*

к зарубежным дешевым сырьевым ресурсам имеет тенденцию к повышению места в списке приоритетов американской внешней политики. Если раньше относительное обилие сырья, военно-политическая гегемония империализма (после войны — американского империализма) в несоциалистическом мире вели к тому, что экономический интерес в этой области, определяя во многом американскую политику по отношению к целому ряду стран и регионов, имел периферийный характер и выступал по большей части в виде частного интереса отдельных монополий или их группировок, то в 70-х — начале 80-х годов ситуация стала изменяться.

Т а б л и ц а 3. Доля импорта в общем потреблении важнейших видов сырья в США (включая прогнозы), в %

Вид сырья	1950 г.	1970 г.	1985 г.	2000 г.	Вид сырья	1950 г.	1970 г.	1985 г.	2000 г.
Алюминий	64	85	96	98	Олово	77	...	100	100
Вольфрам	...	50	87	97	Свинец	39	31	62	67
Железо	8	30	55	67	Сера	2	0	28	52
Медь	31	0	34	56	Хром	...	100	100	100
Никель	94	90	88	89	Цинк	38	59	72	84

Зависимость США от импортируемого сырья весьма высока и продолжает возрастать. Достаточно сказать, что в конце 70-х годов Соединенные Штаты ввозили из-за границы более половины потребляемого количества (21 из 24) минералов (помимо топлива), считающихся важнейшими¹⁸. А по большинству оценок, несмотря на более быстрое по сравнению с ростом потребления увеличение известных запасов большинства видов минерального сырья, на научно-технический прогресс в области добычи и переработки сырья, делающей пригодными к разработке все более бедные руды, доступ к этим запасам будет, по-видимому, ухудшаться одновременно с ростом зависимости США от импорта сырья и минералов.

Проблема заключается не в самом уровне зависимости от иностранных источников сырья, а в усложнении политических условий их эксплуатации. Надо, правда, отметить, что более половины своего сырьевого импорта США покрывают за счет поставок из относительно надежных источников — развитых капиталистических стран, в первую очередь Канады, Австралии, ЮАР. Эта категория стран играет ведущую роль в снабжении Соединенных Штатов такими видами сырья, как асбест, металлы платиновой группы, а также ртуть, магний, цемент. Развивающиеся страны, в свою очередь,

¹⁸ Jordan A., Kilmarz R. Op. cit., p. 15.

доминируют в поставках нефти, кобальта, бокситов, олова, марганца, висмута, фтора, ниобия, вольфрама, тантала, теллура¹⁹. Все эти металлы имеют ключевое значение для промышленности, военно-экономического потенциала страны, и большинство из них относится к категории «стратегических». Особенно высока зависимость США от таких стран развивающегося мира, как Ямайка, Заир, Таиланд, Боливия, Малайзия, Бразилия, Габон, Мексика.

В последние полтора десятилетия рост национального самосознания, стремления к экономической независимости во многих из развивающихся государств сделал их в глазах Вашингтона гораздо менее надежными поставщиками. Особенно беспокоят его социальные перемены в странах развивающегося мира, усиление влияния там социализма. То, что молодые государства могут направлять свои ресурсы прежде всего на цели национального развития или же, объединившись, использовать угрозу прекращения их поставки, как это сделали страны — члены ОПЕК, для политического давления на империалистические государства, кажется особенно «угрожающим».

Сильные опасения в Вашингтоне вызывает сегодня политическая нестабильность в зонах развивающегося мира, расшатывающая прокапиталистическое «статус-кво». Военные конфликты, крупные социальные потрясения, не говоря уже о прогрессивных изменениях в политическом курсе молодых государств, разрушают экономико-политическую систему, созданную американским империализмом после войны, на которой зиждется привилегированный доступ американских монополий и США к сырью. Для отдельных монополий эта угроза еще более серьезна, поскольку может означать существенное сокращение прибылей, возможную потерю капиталовложений.

Увеличивается уязвимость Соединенных Штатов по отношению к прекращению поставок сырья и в связи с тем, что американские транснациональные корпорации, действующие в этой области, вынуждены в условиях относительного военно-политического ослабления США, общего изменения соотношения сил в мире в пользу социализма и сил национального освобождения, перераспределения сил внутри системы капитализма зачастую уступать требованиям государств, в которых они действуют. Стремясь сохранить свои прибыли, они могут даже предпринимать действия, невыгодные их стране базирования — США, становятся менее надежным рычагом американской внешней политики²⁰. Как отмечалось в докладе, подготовленном в 1977 г. Главным счетным управлением конгресса, «существует тенденция ко все большему сотрудничеству между МНК и правительствами принимающих стран и соответственно к расши-

¹⁹ См.: *Chemical and Engineering News*, 1979, June 4, p. 15; *Current History*, 1979, May-June, p. 241.

²⁰ См.: *Bergsten C. F., Horst Th., Moran Th. American Multinationals and American Interests*. Wash.: The Brookings Institution, 1978, p. 121—164, 354—400.

рению разрыва между этими компаниями и правительством страны их базирования. Нарастанию этой тенденции способствуют трудности, с которыми правительства стран базирования сталкиваются в защите зарубежных иностранных инвестиций. Более тесное объединение с правительствами принимающих стран будет означать, что многонациональные корпорации становятся еще худшим орудием американской внешней политики, чем раньше. С другой стороны, их воздействие на американскую внешнюю политику может увеличиваться, особенно в случае, когда правительства принимающих стран стремятся оказывать на США давление, используя МНК»²¹. Не надежность транснациональных корпораций как средства обеспечения доступа к ресурсам проявилась во время нефтяного эмбарго 1973—1974 гг., когда американские и английские нефтяные монополии, только выигравшие от его введения и опасавшиеся санкций со стороны стран — членов ОПЕК, в большинстве случаев следовали этому эмбарго, фактически претворяли его в жизнь и отказывались от преференциального снабжения стран своего базирования»²².

Увеличению заинтересованности американских правящих кругов в обеспечении доступа к зарубежным минерально-сырьевым ресурсам способствовала и возросшая конкуренция за эти источники со стороны резко усилившихся капиталистических партнеров США, конкуренция, которая в случае обострения сырьевой ситуации может иметь отрицательные последствия для американского империализма и в экономическом и в политическом плане. В экономическом — из-за появления дополнительного фактора, затрудняющего «доступ к ресурсам», в политическом — из-за усиления центробежных сил в западном союзе. Поэтому США вынуждены для сохранения системы своих военно-политических союзов «заботиться» о снабжении всего Запада.

Итак, хотя ситуация в мире в области разведанных запасов основных видов сырья не является критической (да может и не стать таковой, учитывая научно-технический прогресс, который ведет к постоянному появлению новых заменителей, к возможностям разработки месторождений, которые ранее были неэкономичными), растущая зависимость США от импорта сырья и материалов делает их все более уязвимыми по отношению к изменениям во внешнем мире. Проблема заключается не столько в физическом недостатке сырья, сколько в политических препятствиях на пути его получения. Эти препятствия носят двоякий характер. Во-первых, — это глав-

²¹ US Foreign Relations and Multinational Corporations: What's the Connection? Report to the Congress by the Comptroller General of the United States. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 59.

²² См.: Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy. Report together with Individual Views to the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, by the Subcommittee on Multinational Corporations. Wash.: U. S. GPO, 1975; Energy Future..., p. 27.

ное — конец американской военно-политической гегемонии, усиление национально-освободительных движений, опирающихся на поддержку социалистических стран, сделали этот доступ менее надежным для американского империализма. Во-вторых, несмотря на то что в долгосрочной перспективе многие из проблем, связанные с нехваткой сырья, решаемы, социально-экономическая система капитализма, характер его экономических связей, стремление монополий к немедленному получению прибылей препятствуют прогрессу в этих областях. Быстрая перестройка хозяйства в случае серьезного прерывания поставок какого-либо из важнейших источников сырья практически невозможна. Она требует длительных усилий. Поэтому в краткосрочной и среднесрочной перспективе — а именно соображения этого порядка играют преобладающую роль в формировании внешнеполитического курса буржуазных государств — сырьевые интересы будут оказывать все более заметное влияние на американскую внешнюю политику. С особой откровенностью стала выдвигать претензии на контроль с помощью военной силы над природными ресурсами, принадлежащими другим странам, администрация Рейгана. Выступая 28 апреля 1981 г. в Сан-Франциско, министр обороны США К. Уайнбергер так сформулировал эти глобальные притязания Вашингтона: «Прежде всего нашу военную политику надо рассматривать в глобальном контексте, наши интересы носят всемирный характер, и угроза, с которой мы сталкиваемся, тоже является всемирной. Мы превратились в островное государство. Многие ресурсы, необходимые нам в энергетических целях, и многие полезные ископаемые находятся на расстоянии нескольких тысяч миль от наших берегов. Чтобы обеспечить доступ к этим ресурсам для себя и для всего свободного мира, мы должны увеличивать свою военную и военно-морскую мощь». Подоплека империалистической политики давно не выпячивалась столь явно.

Нужно отметить, что тезис об «угрозе безопасности» США в результате зависимости от импорта сырья и энергоносителей из развивающихся стран носит во многом пропагандистский характер. Значительные государственные резервы нефти, большинства видов стратегического сырья, возможность налаживания его собственного производства, которое сейчас является нерентабельным, — все это говорит о том, что во многом преувеличенные оценки, спекуляции вокруг обострения сырьевого и энергетического кризиса используются правящими кругами США для прикрытия и оправдания своей политики давления на развивающиеся страны, поддержки частных интересов отдельных монополий, стремящихся продолжать грабить старые и захватывать новые источники сырья и энергоносителей за пределами границ США. При этом круги, ратующие за милитаризацию внешней политики, толкающие США на путь массивной гонки вооружений, считают, очевидно, что такое оправдание подобного курса понятнее всего шовинистически настроенному обывателю.

Другие экономические интересы

Заметные структурные сдвиги, происходящие в капиталистической экономике под воздействием научно-технической революции, все более глубокое вовлечение отдельных стран в международное разделение труда, прогрессирующая интернационализация хозяйственной жизни ведут к росту реальной экономической взаимной зависимости отдельных государств. Естественно, что, когда экономические блага, весь мир делятся «„по капиталу“, „по силе“ — иного способа дележа, — писал В. И. Ленин, — не может быть в системе товарного производства и капитализма»²³, наиболее мощные участники этого взаимодействия оказываются обычно и в наиболее выигрышном положении. Но в США даже их положение главного партнера в системе взаимозависимости воспринимается как заметное отступление от позиций гегемонистского доминирования.

Взаимная зависимость, в частности, заключается в невозможности нанести ущерб партнеру без того, чтобы не причинить какой-либо ущерб себе, и в определенной степени связывает руки государству, ограничивает его суверенитет, свободу действовать по своему собственному усмотрению без учета интересов других стран.

Западная Европа, Япония привыкли уже жить в такой ситуации, но в США растущая зависимость от внешнего мира вызывает раздражение, к ней никак не могут и не желают приспособляться. Ведь до самого недавнего времени, несмотря на значительную вовлеченность в международные экономические связи отдельных американских компаний, некоторых отраслей промышленности, хозяйственный комплекс США в целом являлся в значительной мере автаркическим, его зависимость от внешнего мира была чрезвычайно мала и не могла, например, сравниться со степенью вовлеченности в международные хозяйственные связи западноевропейских партнеров США. Но ситуация быстро менялась — особенно быстро в 70-е годы, и в конце этого периода Соединенные Штаты оказались в качественно ином положении. От маргинальной зависимости от внешнего мира, важной лишь для отдельных отраслей промышленности и отдельных монополий, США перешли к положению многоканальной, глубокой зависимости от внешнеэкономических связей, ведущей в конечном итоге к заметному росту зависимости и уязвимости хозяйственного комплекса Соединенных Штатов от изменений во внешней сфере. От положения гегемона мировой капиталистической экономики, от которого зависели все, но который — со своей стороны — не зависел в сколько-нибудь серьезной степени практически ни от кого²⁴, США перешли к положению

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 372—373.

²⁴ Как писал вскоре после войны известный французский экономист Франсуа Перру, доминирующие позиции, которые Соединенные Штаты занимали в мировой капиталистической экономике, характеризовались тем, что «каждое их действие оказывало влияние на остальной мир, но они в то же время

одного из партнеров, правда все еще самого мощного, но мощь которого подрывается, и — что самое главное — партнера, зависимо-го от других.

Ныне процесс воспроизводства, темпы роста американской экономики, уровень прибылей, уровень занятости в значительной (в некоторых отраслях — в решающей) степени зависят от внешнеэкономических связей, что означает, что поддержание этих связей становится стратегической целью американской внешней политики, ибо их нарушение может вызвать серьезные экономические трудности²⁵.

Если в 50-е годы доля экспорта в ВВП составляла приблизительно 3,8%, то к началу 80-х годов она уже повысилась более чем до 10%. При этом особенно быстро росла доля внешней торговли в валовом национальном продукте в 70-е годы (о динамике внешней торговли США см. табл. 4). Все большая часть американской экономики

Т а б л и ц а 4. США: Динамика внешней торговли (млн. долл., текущие цены)

Годы	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1979 г.
Объем экспорта	4 030	11 764	10 203	19 650	42 469	182 055
Объем экспорта по сравнению с ВВП	4,0%	5,6%	3,8%	3,9%	4,4%	8,8%
Объем импорта	7 433	5 067	9 081	14 758	39 866	211 524
Сальдо торгового баланса	-3 403	6 697	1 122	4 892	2 603	-29 469

Источники: Economic Report of the President. January 1981. Wash.: GPO, 1981; Table B-99; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash.; U.S. Department of Commerce, Pt 11, p. 224, Pt 2, p. 884.

зависит от поставки узлов и комплектующих деталей из-за границы. На экспорт работает каждый шестой рабочий в американской промышленности²⁶. Одновременно рост импорта приводит к тому, что целый ряд отраслей американской индустрии — сталелитейная, радиоэлектроника, обувная и даже автомобилестроение — подрыва-

не чувствовали себя вынужденными реагировать на события, происходящие вовне» (цит. по: Two Hundred Years of American Foreign Policy / Ed. W. P. Bundy. N. Y.: New York University Press, 1977, p. 239).

²⁵ Некоторые американские специалисты называют такие экономические интересы, затрагивающие основы существования США, вопросами «экономической безопасности». Так, в частности, известные американские теоретики Ф. Бергстен, Р. Кохейн и Дж. Най отмечали, что «экономическая безопасность тесно связана с традиционной военной безопасностью и соединяет экономические и политические факторы гораздо теснее, чем другие экономические цели» (Bergsten F. E., Keohane R. O., Nye J. S. International Economics and International Politics: A Framework for Analysis.— International Organization, 1975, Winter, p. 35).

²⁶ Ahearn R. Free Trade Versus Protectionism. An Analysis of the Issue. U.S. Library of Congress. Congressional Research Survey. Report N 78-32E. Wash., 1978.

ется импортом из других стран, что привело в последнее время к серьезному усилению протекционистских настроений в США. Если этот рост протекционистских настроений будет продолжаться (что вероятно, поскольку по темпам роста производительности труда Соединенные Штаты стали серьезно отставать от конкурентов), то это будет означать усиление давления в сторону защиты американского рынка. А строительство тарифных и иных «преград» на пути импорта неизбежно приведет к «торговым войнам» по всему миру. Последние могут резко ухудшить отношения США с их партнерами, ослабить военно-политические союзы. Но угроза американским внешнеполитическим интересам увеличивается не только из-за роста протекционистских настроений в США и по всему миру. Качественно возросшая зависимость Соединенных Штатов от внешней торговли в целом повышает американскую «ставку», заинтересованность в бесперебойности функционирования мирового капиталистического хозяйства и соответственно необходимость увеличения уси-

Т а б л и ц а 5. Американские прямые частные инвестиции за рубежом (млрд. долл., текущие цены)

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1978 г.			
				Всего	Обрабатывающая промышленность	Добыча и переработка нефти	Финансы и страхование
Всего:	11,8	32,8	75,5	168,1	74,2	33,3	24,1
Западная Европа	1,7	6,7	25,3	69,7	36,4	14,7	6,6
ЕЭС (девятка)	—	2,6 ³	20,1	55,3	32,2	12,2	4,1
Великобритания	0,8	3,2	8,0	20,3	10,1	5,9	1,9
ФРГ	0,2	1,0	4,3	12,7	8,3	2,4	1,1
Франция	0,2	0,7	2,6	6,8	4,6	0,9	0,3
Канада	3,6	11,2	21,0	37,3	17,6	8,2	3,9
Австралия, Н. Зеландия и ЮАР	0,3 ²	1,1 ²	4,0	8,8	3,8	1,8	0,4
Япония (включая Окинаву)	нет данных	нет данных	1,5 ⁴	5,0	2,3	1,6	0,2
Латинская Америка	4,4	8,4	11,1	21,3	10,9	2,0	2,7
Бразилия	0,6	1,0	1,5	7,2	4,7	0,4	0,7
Венесуэла	1,0	2,6	2,2	2,0	1,1	0,3	0,2
Африка (без ЮАР)	0,1	0,6	2,4	3,4	0,3	2,1	0,1
Ближний Восток ¹	0,7	1,1	1,5	-2,1 ⁵	0,2	-3,5 ⁵	0,2
Другие государства Азии и Тихого океана	н. д.	н. д.	2,3	6,7	2,0	2,3	0,6

Примечания: 1. Бахрейн, Иран, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Катар, Саудовская Аравия, Йемен, Сирия, ОАЭ, Оман. 2. Без Новой Зеландии. 3. В составе шести членов. 4. Без Окинавы. 5. Знак «минус» означает, что задолженность материнской компании иностранному филиалу превышает ее капиталовложения в этот филиал.

Источник: Statistical Abstract of the United States, 1960, p. 869; 1963, p. 856; 1979, p. 851.

лий по поддержанию военно-политической структуры, на которой это хозяйство во многих отношениях зиждется.

Еще одним важнейшим фактором роста американской зависимости от внешнего мира, заинтересованности США в бесперебойном функционировании хозяйства несоциалистического мира является огромное увеличение в последние десятилетия инвестиций американских компаний за рубежом (см. табл. 5). Массированный вывоз капитала привел к тому, что зарубежная продукция филиалов американских корпораций приблизительно равна валовому национальному продукту второй промышленной державы капиталистического мира — Японии. Чрезвычайно быстрый рост объема американских прямых частных инвестиций за границей заметно обгоняет темпы роста американской экономики. Если в 1950 г. объем прямых инвестиций за границей по сравнению с ВВП страны составлял 4,1%, то в 1960 г. — 6,5, в 1970 г. — 8, в 1977 г. — 9%. Уже к концу 70-х годов продажи заграничных филиалов американских компаний составляли 40% по сравнению с валовым внутренним продуктом США²⁷. Правящий класс США в целом и особенно хозяева крупнейших американских монополий, владеющих основной частью зарубежных инвестиций и в высокой степени зависящих от них (около 2/3 компаний, входящих в список 500 крупнейших, получают четверть или более доходов от деятельности своих зарубежных филиалов)²⁸, кровно заинтересованы в том, чтобы внешняя политика США служила защите их зарубежной империи, ее успешному функционированию. Чрезвычайно высок и уровень зарубежных операций крупнейших американских банков. Некоторые из них получают около половины своих доходов от зарубежных операций.

Эта зарубежная империя во многих случаях не менее важна для монополий, чем их собственно американские владения. Она является причиной «территориальной экспансии» экономического интереса правящего класса Америки. Зарубежная империя, созданная американскими транснациональными корпорациями, империя, от которой зависит не только влиятельная группировка правящего класса, но и функционирование всего государственно-монополистического комплекса США, требует защиты, внешнеполитического обеспечения, расширения внешнеполитических обязательств. Рост международной вовлеченности американских транснациональных корпораций, их экспансия привязывают внешнюю политику Вашингтона к обслуживанию их интересов, налагают не всегда ви-

²⁷ Рассчитано по: Survey of Current Business, 1977, Febr., p. 36; Economic Report of the President. Transmitted to the Congress 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 324; The World Almanac 1979. N. Y.: Newspaper Enterprise Association. Inc., 1979, p. 97; Newfarmer R. S., Mueller W. F. Multinational Corporations in Brazil and Mexico. Report to the Subcommittee on Multinational Corporations of the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Wash.: U. S. GPO, 1975, p. 32.

²⁸ The Decline of U. S. Power (and What We Can Do about It). Boston: Houghton Mifflin, 1980, p. 121.

димую, но тем не менее достаточно ощутимую сеть, связывающую и в значительной степени определяющую контекст, в котором действует американская внешняя политика. Этот рост экспансии объективно способствует все более широкому вовлечению США в международные отношения в целом и конкретно — в конфликтные ситуации, возникающие вокруг заграничной деятельности американских корпораций.

Внешняя политика США и интересы американских монополий

Взаимоотношения между монополиями и буржуазным государством во внешней политике многоплановы. Государство, обеспечивая своей военно-политической мощью зарубежную экспансию монополий, использует их одновременно для продвижения общих интересов государственно-монополистического комплекса США. Но процесс взаимодействия монополий и государства не является односторонне-поступательным, он внутренне противоречив. В силу того что внешнеполитический курс государства есть определенный баланс между интересами различных группировок правящего класса, он не может в каждый данный момент полностью удовлетворять интересам каждой из них. Это предопределяет возможность появления расхождений между интересами отдельных монополий или их групп и внешней политикой государства.

Внешнеполитический интерес отдельных монополий — в отличие от интереса всего правящего класса, который гораздо шире, — носит преимущественно экономический характер, ибо цель функционирования капиталистической корпорации — получение прибыли и вся ее деятельность подчинена этой цели.

Прямой интерес к внешней политике имеют прежде всего транснациональные корпорации, т. е. корпорации, владеющие за границей значительными прямыми зарубежными капиталовложениями, филиалами, расположенными в других странах. Выше мы уже приводили данные, свидетельствующие о высоком уровне их зависимости от своих зарубежных операций²⁹. Особенностью интересов этой группировки капитала является то, что они уже во многом «переросли» рамки своей страны и не только требуют «глобализации» внешней политики США, но и своей деятельностью могут противоречить общеклассовым буржуазным интересам, способство-

²⁹ Конкретные параметры зарубежной империи американских ТНК таковы: в 1978 г. сумма прямых зарубежных инвестиций составляла 168,1 млрд. долл., а зарубежные филиалы американских ТНК выпускали продукцию стоимостью 515 млрд. долл. Но цифра прямых инвестиций не показывает действительного размаха зарубежного присутствия американских корпораций. По оценке специалистов из министерства торговли США, они, возможно, контролируют за рубежом активы, приближающиеся к 500 млрд. долл. (Forbes, 1979, June 25, p. 49, 52; Economic Report of the President Transmitted to Congress 1980, Table B-102).

вать ослаблению позиций американского государственно-монополистического комплекса.

Частичное и вынужденное уменьшение военно-политической активности США во многих регионах мира в конце 60-х и в первой половине 70-х годов вызвало определенное ослабление военно-силового «фона», который облегчал экспансию ТНК раньше, в 40-е, 50-е и начале 60-х годов, являлся важным условием успешности этой экспансии, прямо или подспудно влияя на позиции принимающих государств. «Отход Америки от политики глобального активизма совпадает с тенденциями, делающими американские зарубежные инвестиции более рискованными и менее выгодными», — писал журнал «Бизнес уик»³⁰. В этой ситуации американский международный бизнес вынужден был в защите своих интересов больше, чем прежде, полагаться на экономические рычаги, на свои собственные силы.

Расхождения между деятельностью и интересами ТНК и интересами американского буржуазного государства проявляются достаточно часто, но в кризисной обстановке они, естественно, становятся гораздо более заметными. Выше уже говорилось о том, что американские нефтяные ТНК фактически сделали возможным арабское нефтяное эмбарго и в какой-то мере претворяли его в жизнь. Дело доходило до того, что под давлением арабских стран и опасаясь за судьбу своих экономических позиций американские нефтяные монополии громкогласно отказывались во время эмбарго запрашивать топливо корабли военно-морского флота США³¹.

Денежный интерес, заинтересованность ТНК в сохранении своих позиций на Ближнем Востоке объективно привели к проведению линии, противоречащей в определенной степени «национальным интересам» в их понимании правящей бюрократией. И хотя до формального столкновения дело в общем не дошло, кризис 1973—1974 гг. ясно показал, что интересы международного монополистического капитала и так называемые «национальные интересы» страны совпадают не всегда.

Тактические расхождения между частными интересами ТНК и внешнеполитическими интересами американского буржуазного государства могут также появляться и из-за специфики деятельности корпораций, целью которых является извлечение максимальных прибылей в кратчайшие сроки. Хозяева и руководители ТНК завысят более всего от ежегодного баланса доходов и расходов их корпораций. Американское же правительство, продвигая прежде всего интересы всего класса буржуазии, исходя из необходимости борьбы за сохранение в мире позиций капитализма, борьбы против роста сил социализма, может встать на долгосрочный политический курс или ввязываться в конфликты, которые в краткосрочной перспек-

³⁰ Business Week, 1979, Mar. 12, p. 74.

³¹ Harper's, 1974, Dec., p. 8.

тиве служат препятствием на пути экспансии некоторых конкретных ТНК, ограничивают их прибыли. И это происходит несмотря на то, что в конечном счете борьба за сохранение позиций капитализма ведется в интересах американского монополистического капитала, т. е. тех же международных монополий.

Такого рода отношения складывались между ТНК и американским правительством во время войны во Вьетнаме, по поводу ограничений торговли с социалистическими странами, вообще использования торговли как орудия внешней политики, в частности в тех случаях, когда администрация (в данном случае — президента Картера) запрещала сделки американских компаний с теми странами, в которых, как считал Вашингтон, «нарушались» права человека. В выступлениях представителей бизнеса, в таких изданиях, популярных в деловом мире, как «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Бизнес уик», «Уолл-стрит джорнэл» и других, эта кампания критиковалась главным образом за то, что она вела к потере выгодных заказов, подрывала доверие к американским корпорациям, осложняла экономические и политические отношения США с рядом стран³².

То обстоятельство, что нередко транснациональные корпорации осложняют американские внешнеполитические и экономические позиции, ставят свои частные интересы выше интересов США, вызвало в 70-е годы широкую волну недовольства их деятельностью. Транснациональные корпорации стали критиковаться не только профсоюзами, либерально настроенной интеллигенцией, но и некоторыми группировками буржуазии, позиции которых подрывались экспансией ТНК, дальнейшим вовлечением США в международное разделение труда. Эта критика мешала восстановить внутреннюю поддержку внешней политики страны, способствовала и размыванию внутренней базы американской внешней политики. ТНК попали и под критику многих этатистски настроенных буржуазных специалистов, стремящихся оградить стареющего левиафана — государственно-монополистический комплекс США — от ослабляющих его столкновений интересов в правящем классе.

Вот некоторые направления этой критики:

ТНК далеко не всегда охотно становятся инструментом внешней политики США;

ТНК оказываются «заложниками» своих заграничных интересов, что связывает американскую внешнюю политику, вовлекает правительство США в отношения и конфликты, участие в которых не отвечает «национальным интересам» в их понимании различными группами правящей элиты и правительственной бюрократии;

³² См., например, выступления президента «Катерпиллер трактор» Л. Моргана (Vital Speeches of the Day, 1977, Aug. 1, p. 620), президента «Бечтел» Дж. Шульца (Across the Board, 1979, May, p. 81—83), одного из редакторов «Уолл-стрит джорнэл» П. Робертса (Vital Speeches of the Day, 1979, June 15, p. 517); The Wall Street Journal. 1978, July 19, Aug. 27.

заграничные прямые инвестиции в добывающую промышленность становятся менее эффективным средством для получения «доступа к ресурсам»;

деятельность ТНК за границей зачастую способствует росту антиамериканских настроений;

активизация стремления принимающих стран использовать ТНК в своих интересах при относительной «малоактивности» американского правительства ведет к ослаблению мировых позиций США;

ТНК вывозят новую технологию и производительный капитал, что ведет к ослаблению «центра» — США — относительно «периферии» — всего остального несоциалистического мира;

вывоз капитала замедляет внутренний рост экономики США;

ТНК экспортируют рабочие места, что ведет к обострению социальных противоречий внутри США;

деятельность ТНК, вывозящих свои производственные мощности в страны с дешевой рабочей силой и ввозящих товары с созданных там предприятий, усугубляет проблемы торгового баланса, усиливает процесс «вымывания» ряда отраслей промышленности и групп буржуазии, связанных с ними;

своим отрицательным воздействием на экономику, на положение некоторых групп трудящихся и даже некоторых слоев буржуазии, неприглядной политической активностью ТНК усиливают протекционистские, изоляционистские и антибизнесовые настроения, подрывая, таким образом, внутреннюю поддержку американской внешней политики, выражающей прежде всего их интересы, т. е. в определенной степени сами ставят себе подножку.

Рассмотрение всей совокупности расхождений между деятельностью ТНК и интересами государства их базирования позволяет говорить о возникновении нового внутреннего противоречия империализма на нынешнем уровне его развития. Это противоречие между буржуазным государством, призванным защищать господство монополий внутри и вне страны, и деятельностью ТНК, переросших национальные границы не только экономически, но и частично политически, осложняющих государству выполнение этой первостепенной функции. Перед американскими буржуазными политиками и учеными все острее встает необходимость смягчения этого противоречия, недопущения того, чтобы международные монополии и дальше отрывались от национальной почвы, распатывали политическую основу своей собственной власти.

Другой крупной группой монополий, имеющих непосредственный частный интерес во внешней политике, являются компании, занимающиеся производством вооружений.

Выделение в правящем классе США этих двух группировок — хозяев ТНК и корпораций военно-промышленного комплекса — весьма условно, хотя под ним и есть объективная основа. Военное производство интернационализировано лишь в небольшой степени, а большинство ТНК действуют в гражданских отраслях. Вместе с

тем при сравнении списков корпораций — крупнейших подрядчиков Пентагона³³ и крупнейших транснациональных корпораций³⁴ — нетрудно заметить, что некоторые компании находятся в обоих списках. Монополии, производящие в основном вооружения, диверсифицировав свою производственную деятельность, ведут зарубежную инвестиционную экспансию через свои отделения, занимающиеся выпуском гражданской продукции, в то время как в основном невоенные ТНК получают мелкие заказы Пентагона, продают военному ведомству свою гражданскую продукцию, могут выигрывать от кратковременного оживления экономической конъюнктуры, связываемой обычно с ростом в Соединенных Штатах военных расходов.

Но между интересами этих двух групп корпораций существуют и определенные различия. Военно-промышленные корпорации, как правило, заинтересованы в росте международной напряженности, функцией от которой является уровень военных закупок Пентагона, в наличии в мире очагов кризисов, от которых во многом зависит объем продаж вооружений за границу. В то же время эти компании, как правило, гораздо меньше, чем корпорации, выпускающие гражданскую продукцию, заинтересованы в росте торговли с социалистическими странами, поскольку военную продукцию социалистические страны у них не покупают. Ставка этих корпораций в мировой торговле также чаще всего невелика, ибо они работают в значительной степени на гарантированный государственный рынок. Именно поэтому группы буржуазии, связанные с военно-промышленным комплексом, нередко примыкают к группировкам национально-ограниченного и националистического капитала, теряющего свои позиции в результате все более глубокого вовлечения США в международную торговлю, что еще более усиливает в нем традиционные шовинизм и идеологию «крепости Америки».

В отличие от компаний, производящих вооружения, транснациональные корпорации, действующие в гражданских отраслях, заинтересованы во многих случаях в сохранении статус-кво. Войны или международные конфликты в тех странах, где они имеют свои предприятия, могут угрожать их зарубежным активам, разрывать цепи межстрановых кооперативных поставок, нанося им прямой экономический урон. Крупные конфликты, резкий рост напряженности ухудшают условия международной торговли, усиливают тенденцию к экономическому национализму, протекционизму, что весьма опасно для ТНК с их зависимостью от международных переливов товаров и капиталов. Сами руководители ТНК, стремясь хоть как-нибудь улучшить их весьма негативный международный облик,

³³ Список основных подрядчиков министерства обороны ежегодно публикуется в журнале «Эвэйшн уик энд спейс технолоджи». См., например: *Aviation Week and Space Technology*, 1980, July 7, p. 63—67.

³⁴ Список крупнейших ТНК публикуется ежегодно журналом «Форбс». См., например: *Forbes*, 1979, June 25, p. 56—62.

весьма активно выпячивают и подчеркивают эту сторону интересов своих корпораций. Например, бывший глава крупнейшего в мире банка «Бэнк оф Америка», а ныне президент МБРР А. У. Клаузен писал, что ТНК являются «мощной силой мира во всем мире». «Крупнейшие корпорации с международным вовлечением имеют,— заявляет он,— прямую, видимую и сильную заинтересованность в предотвращении войн и других серьезных потрясений, которые отрывают их от ресурсов, прерывают их коммуникации и убивают их служащих и клиентов»³⁵.

Усиление антиамериканизма, являющееся результатом политики агрессии, диктата и вмешательства США во внутренние дела других стран, особенно чувствительно именно для этой группировки монополистического капитала из-за ее постоянной и глубокой зарубежной вовлеченности, зависимости от событий, происходящих за границами США. Меньше заинтересованность этих корпораций и в росте военных расходов, ведущих к перераспределению «экономического пирога» в пользу их военных конкурентов, усиливающих инфляцию, замедляющих рост экономики США в гражданских областях, подрывающих внутриамериканскую базу этих компаний. Особенно ярко проявилась эта сторона интересов международного бизнеса в результате войны во Вьетнаме. Уже в 1967 г. северо-восточный истэблишмент, в котором преобладают позиции этой группировки, почувствовал негативные последствия войны, высказался за ее деэскалацию³⁶.

К началу же 70-х годов уже подавляющая часть крупнейших американских капиталистов выступала против войны, в первую очередь из-за урона, который она нанесла мировым позициям США и американских монополий, американской экономике, обществу и политической системе в целом³⁷.

Отличием экономических интересов группировки монополистического капитала, связанного с международными операциями, от компаний военно-промышленного комплекса является и то, что она заинтересована в развитии экономических отношений с СССР, другими социалистическими странами, имея, таким образом, определенный частный интерес в политике разрядки.

³⁵ *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1972, Sept., p. 21.

³⁶ *Russet B. M., Hansen E. C. Interest and Ideology. The Foreign Policy Beliefs of American Businessmen.* San Francisco: W. A. Freeman Company, 1975, p. 168, 173; *Barnet R. J. The Roots of War...*, p. 182.

³⁷ Достаточно сказать, что результаты массового опроса мнений руководителей крупнейших корпораций, проведенного в этот период, показали, что 77% из них считали, что война отрицательно сказалась на американской экономике, 87,4% — на американском обществе, 50% опрошенных считали, что война нанесла экономический урон лично им (лишь 8% заявили, что они выиграли в результате этой войны). См.: *Russet B. M., Hanser E. C. Op. cit.*, p. 278—279.

Все сказанное выше отнюдь не означает, что и позиции компаний, занимающихся военным производством, и транснациональных корпораций кардинально расходятся. Последние отнюдь не являются «силой мира», каковой их пытается представить А. У. Клаузен. В случае угрозы их интересам, угрозы экспроприации они вполне могут требовать военно-политической поддержки со стороны американского правительства или сами активно вмешиваться во внутренние дела принимающих государств, способствовать военным переворотам, как это ярко показали события в Чили в начале 70-х годов. Кроме того, — и это самое главное — международный бизнес заинтересован в определенном уровне поддержки со стороны военного аппарата США, в военно-силовом «фоне», подспудно, как предполагается, делающим мир более «гостеприимным» по отношению к американским инвестициям, ограничивающим рост антикапиталистических сил и «сдерживающим» их поддержку со стороны других прогрессивных сил. А этот военно-силовой «фон» является функцией, как считают в Вашингтоне, от военной мощи США. Так что в конечном итоге интересы группировки монополий, связанных с зарубежными операциями, и компаний, работающих в первую очередь на Пентагон, совпадают.

Экономические интересы и внешнеполитический курс США после второй мировой войны: исторический обзор

Внешняя политика США первого послевоенного периода заложила основу для успешной экспансии американского монополистического капитала. План Маршалла способствовал экономическому возрождению Западной Европы на капиталистических началах, что создало возможность для массированного вторжения на континент американских капиталов и товаров. Программа «четвертого пункта» «доктрины Трумэна», затем резкое расширение «помощи» развивающимся странам в конце 50-х — начале 60-х годов проложили для американских монополий путь во многие молодые государства, недавно освободившиеся от колониального ига. На деньги государства, т. е. в конечном счете американских налогоплательщиков, американские компании строили аэропорты, шоссе, порты в развивающихся странах. Создавая там инфраструктуру, они и в прямом и в переносном смысле прокладывали дорогу для своих будущих инвестиций в этих регионах.

Немалое значение для продвижения американских экономических интересов играла и каждодневная политическая и дипломатическая поддержка этого продвижения — от заключения двусторонних договоров с десятками стран мира, которые обязательно содержали пункты, открывавшие эти страны для американского капитала, до

подрывных операций, способствовавших приходу к власти в молодых государствах правых реакционных режимов, широко распахивавших двери перед американскими корпорациями. США стояли за кулисами и были главным организатором создания «либеральной», т. е. относительно открытой для свободного перелива товаров и капиталов — в то время в первую очередь американских, экономической системы несоциалистического мира. Бреттон-Вудс, создание ГАТТ, ОЭСР, ЕЭС, МБРР, региональных банков развития — строительство всей этой структуры полностью отвечало интересам американского капитала.

Экспансия американского бизнеса опиралась на широкую военно-политическую поддержку США. Политика «холодной войны», доктрины «освобождения», «отбрасывания», «сдерживания», созданные сети военных союзов, опутавших мир, размещение американских войск во многих районах — все это делало мир «свободным» и относительно безопасным для американских монополий, способствовало их наступлению. История первого послевоенного десятилетия пестрит агрессиями США против развивающихся государств. Корея, свержение Моссадыка в Иране, организация интервенции в Гватемале, вторжение в Ливан, вторжение на Кубу, интервенция в Доминиканскую Республику и, наконец, большая «малая» война во Вьетнаме — вот далеко не полный список подобных действий американского империализма. Взгляд на эти исторические эпизоды с точки зрения экономического интереса правящего класса США в целом, отдельных монополий позволяет прийти к выводу, что его обеспечение играло в ряде случаев весьма заметную роль.

Свержение Моссадыка в 1953 г. вкупе с рядом дипломатических акций открыло Иран для американских нефтяных монополий. В Гватемале в 1954 г. были поставлены под угрозу существенные по тем временам американские инвестиции (101 млн. долл.), в основном принадлежавшие весьма влиятельной в те годы в Вашингтоне «Юнайтед фрут» (национализированные активы были возвращены компании после свержения американскими наемниками президента Х. Арбенса). Вторжение в Ливан в 1958 г. рассматривалось в контексте поддержки позиций американских нефтяных монополий на Ближнем Востоке и противостоянии росту левых сил в этом регионе. На Кубе в результате социалистической революции были экспропрированы огромные по тому времени капиталовложения общей стоимостью в 1 млрд. 956 млн. долл. В Доминиканской Республике капиталовложения американских компаний также были довольно значительными, достигая 200 млн. долл. Менее выражен был непосредственный экономический интерес в случаях с Кореей и Вьетнамом³⁸.

³⁸ О побудительных мотивах и движущих силах американской политики интервенционизма в первое послевоенное десятилетие см.: *Barnet R. J. Intervention and Revolution: The United States in the Third World*. N. Y.: New American Library, 1968; *Barnet R. J. The Roots of War...*; *Bergsten C. F.*,

Но даже в тех случаях, когда экономические интересы были очевидны, обеспечение узких интересов отдельных монополий или их группировок не было основной причиной агрессивных действий. Служение экономическому интересу шло рука об руку с антикоммунизмом, сливалось, смешивалось, а нередко даже и отступало на второй план перед стремлением в атмосфере массового психоза, охватившего значительную часть правящего класса, повсюду видеть и бороться против «коммунистической угрозы» с вытекающими из этого политико-стратегическими расчетами. Как экономическая и военно-политическая экспансия дополняли друг друга, так и экономический интерес дополнял идеологию и практику воинствующего антикоммунизма. Деятели, стоявшие во главе американской политики в тот период — вроде братьев Даллесов, Дина Ачесона, Джона Маккауна, Джеймса Форрестала, Дугласа Диллона, Чарльза Уилсона, были воплощением единства интересов монополий и интересов правительства, вопрос о разделении этих интересов не стоял и не мог стоять. Известный финансист и политик Б. Барух с полным основанием говорил о «практически полном единстве американских стратегических, политических и экономических интересов»³⁹. аксиоматичным казалось и заявление главы крупнейшей американской монополии, гласящее: «Что хорошо для „Дженерал моторс“, то хорошо и для Америки и наоборот». Стремление к обеспечению «стратегических интересов» США в области «сдерживания коммунизма», доступа к дешевым ресурсам, достижения политической стабильности на проамериканских началах совпадало в американском внешнеполитическом мышлении с обеспечением интересов американских монополий, рвавшихся к новым рынкам сбыта и сферам приложения капитала.

Уникальное положение, в котором оказались США в результате второй мировой войны, — положение гегемона несоциалистического мира и в экономической, и в военных областях — позволяло Вашингтону иметь даже определенный «зазор», «разрыв» между официальным внешнеполитическим курсом и обеспечением непосредственных экономических интересов. Как уже отмечалось выше, экономическая зависимость США от внешнего мира была весьма невелика и не представляла существенной угрозы для США, американские же монополии по большей части и не нуждались в непосредственной поддержке, вели экспансию, опираясь на свою собственную доминирующую мощь и на самую общую военно-поли-

Horst Th., Moran Th. Op. cit., p. 308—448; Cohen B. J. Op. cit.; Gurtov M. The United States Against the Third World. N. Y.: Praeger Publishers, 1974; Ingram G. M. Expropriation of U. S. Property in South America. N. Y.: Praeger Publishers, 1974; Krasner S. D. Op. cit.; Kolko G. The Roots of American Foreign Policy: An Analysis of Power and Purpose. Boston: Beacon Press, 1969; Russett B. M., Hansen E. B. Op. cit.; Wilkins M. The Maturing of Multinational Enterprise: American Business Abroad from 1914 to 1970. Cambridge: Harvard University Press, 1974.

³⁹ Цит. по: *Cohen B. J. The Question of Imperialism: The Political Economy of Dominance and Dependence. N. Y.: Basic Books, 1973, p. 125.*

тическую поддержку госаппарата. Темпы роста экономики были для Соединенных Штатов относительно высокими, а значит, увеличивался весь «экономический пирог». В этой ситуации конкуренция между военными и гражданскими секторами не приобретала заметной остроты. «Холодная война» была выгодна или, по крайней мере, не противоречила интересам практически всех группировок правящего класса.

Малая связанность политики непосредственными экономическими интересами была одной из причин, почему в США приобрел в тот период столь заметное влияние идеолого-политический фактор, оголтелый твердолобый антикоммунизм, стремление противостоять реальному или даже воображаемому «распространению коммунизма» повсюду и всегда. Именно эта разновидность антикоммунизма привела США во Вьетнам, к участию в войне в стране, где американские интересы были в лучшем случае незначительными, к войне, «надорвавшей» силы американского империализма, катализировавшей ослабление мировых позиций США и их правящего класса, нанесшей ему прямой экономической и политической урон.

В результате уроков вьетнамской войны значительная часть правящего класса на время и частично пересмотрела свою позицию по вопросу об интервенционизме, произошла коррекция во внешнеполитическом курсе и в средствах его обеспечения в пользу невоенных рычагов, в сторону приспособления к существующим реальностям, попыток сохранить американское лидерство с помощью реформистского курса во внешней политике, налаживания координации с союзниками.

Определенную роль сыграли в этом повороте и экономические интересы правящего класса. Поражение милитаризма в политике привело к потерям и для милитаристов в экономике, сложившийся баланс интересов в правящем классе был направлен против роста военных расходов, за высвобождение средств для гражданских отраслей. Сыграло заметную роль и ожидание деловых кругов активного развития экономических отношений с Советским Союзом, выхода на его огромный и стабильный рынок. Существовали надежды и на то, чтобы «опутать» сеть экономических и политических связей Советский Союз, лишить его возможности оказывать поддержку прогрессивным режимам в развивающемся мире, где позиция американских монополий в результате вьетнамской войны, роста национализма и стремления к самостоятельности в молодых государствах заметно осложнилась.

70-е годы принесли лишь дальнейшее ослабление мировых позиций американского империализма, резко возросла экономическая уязвимость США. На внешних и внутриамериканском рынках на американские монополии продолжали наступать заметно усиливающиеся конкуренты из Западной Европы и Японии (о позициях США в капиталистическом мире см. табл. 6), уровень инфляции в среднем был втрое, а к концу десятилетия и в 6–8 раз выше среднего

Т а б л и ц а 6. Позиции США в капиталистическом мире
Промышленное производство

	1937 г.	1950 г.	1970 г.	1978 г.
ВВП США, в млрд. долл. (здесь и далее в текущих ценах)	90,4	284,6	982	2108
Доля США в производстве ВВП капиталистического мира, в %	35 ¹	60	52,1	35,7
Удельный вес США в промышленном производстве капиталистического мира, в %	41,4	48,7	37,8	37,8
Добыча нефти, в млн. т:				
в США	172,9	266,7	475	429
в капиталистических и развивающихся странах	243,4	478,1	1878	2 296
Доля США, в %	71	55,8	25,3	18,7
Добыча каменного угля, в млн. т:				
в США	448,3	505,3	542	569,4
в капиталистических странах	1068,0	1105,0	1097	1122,3
Доля США, в %	42	45,7	49,4	50,7
Выплавка стали, в млн. т:				
в США	51,4	88	119	124
в капиталистических странах	112,8	153	423	417
Доля США, в %	45,6	57,5	29,1	29,7
Производство металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования, в млн. долл.:				
в США	162	470	1 443	3 154
в капиталистических странах	—	859	5 540	12 970
Доля США, в %	—	54,7	26	24,3
Производство пластмасс и синтетических смол, в тыс. т:				
в США	70 ²	1 106 ³	8 469	12 276
в капиталистических странах	300 ²	1 650 ³	26 900	47 600
Доля США, в %	23,3	67,0	31,5	25,8
Производство автомобилей (легковых, грузовых и автобусов), в тыс. шт.:				
в США	4 820	8 003	8 267	12 892
в капиталистических странах	6 269	10 131	25 605	36 071
Доля США, в %	76,9	79	32,3	35,7
Производство ЭВМ, в млн. долл.:				
в США	—	—	5 162	6 748
в капиталистических странах	—	—	8 342	16 742
Доля США, в %	—	—	61,9	40,3
Производство радиоприемников, в тыс. шт.				
в США	8 083	14 590	16 408	48 036
в капиталистических странах	10 846	20 522	63 187	71 209
Доля США, в %	74,5	71,1	26	67,5

Окончание

	1937 г.	1950 г.	1970 г.	1978 г.
Производство телевизоров, в тыс. шт.:				
в США	—	7 464	9 488	17 406
в капиталистических странах	—	8 040	31 954	41 082
Доля США, в %	—	92,8	29,7	42,4
Золотые запасы, в млрд. долл. на конец года:				
в США	12,8	22,8	11,1	9,7
в капиталистических странах	25,3	33,7	33,8	30,0
Доля США, в %	50,6	67,7	32,8	32,3

Примечания: 1. Доля США высчитана от совокупного ВВП всех капиталистических и развивающихся стран в 1937—1938 гг. 2 Данные за 1938 г. 3 Данные за 1952 г.

Источники: Экономика капиталистических и развивающихся стран после второй мировой войны: Стат. сб. М., 1959; Капиталистические и развивающиеся страны: Социально-экономический справочник. М., 1973; Развитие капиталистических стран: Социально-экономический справочник. М., 1979; Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Прил. к журн. «Мировая экономика и междунар. отношения», 1972, №8, 1979, 1980; Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970, Wash.: US Department of Commerce. Bureau of the Census, 1975; Statistical Abstract of the United States, 1954; Statistical Abstract of the United States, 1960; Statistical Abstract of the United States, 1972; Statistical Abstract of the United States, 1979; Statistical Abstract of the United States, 1980; International Economic Report of the President, 1976, Mar.; Economic Report of the President, 1981, Jan., Wash.: GPO, 1981; 1978 Statistical Yearbook. N. Y.: United Nations, 1979.

уровня 60-х годов. Темпы прироста ВВП упали почти вдвое по сравнению с 60-ми годами, уменьшились вдвое и темпы роста производительности труда в американской экономике. Дефициты во внешней торговле в несколько десятков миллиардов долларов стали привычными, а доля США в мировой торговле промышленными изделиями уменьшилась с 15,4% в 1970 г. до 12,2% в 1978 г.⁴⁰

В этой ситуации в правящем классе США среди крупнейших монополистов усилились настроения, близкие к паническим. Эти настроения были, в частности, красноречиво показаны в книге, подготовленной группой редакторов «Бизнес уик». «В первый раз за всю свою историю мощь и влияние США больше не растут. Более того, Соединенные Штаты находятся в состоянии быстрого упадка, а Пакс Американа, определявший развитие мировой истории со времени второй мировой войны, быстро разваливается... Дома стране угрожает спад производства, а инфляция, выражающаяся в двузначных цифрах, и ослабление доллара иссушают ее

⁴⁰ U. S. News and World Report, 1980, July 16; Time, 1980, July 7; Trialogue, 1980; Winter, N 22, p. 38—39.

экономическую волю. За границей ОПЕК приставила нож к горлу американской экономики, столь глубоко зависимой от иностранной нефти. Даже ближайшие союзники США в Европе и Азии являются ныне их наиболее яростными конкурентами на международных торговых рынках, а Соединенные Штаты настолько беспомощны, что не могут поддержать собственных друзей на Ближнем Востоке и в других местах»⁴¹.

Ослабление американской мощи — экономической и политической — могло бы в принципе вести к дальнейшему усилению в правящем классе реалистических настроений, стремления защищать свои позиции путем уступок, приспособления. Но баланс настроений в правящем классе стал складываться в противоположную сторону. Это было вызвано в том числе изменением интересов, прежде всего экономических, ряда важнейших группировок монополистического капитала.

Хозяев и руководителей ТНК чрезвычайно беспокоило уменьшение возможностей эксплуатации развивающегося мира из-за роста экономического национализма, стремления к национальному освобождению, суверенитету над своими ресурсами, из-за общей политической нестабильности. Между тем значение зоны развивающихся стран как сферы приложения капиталов и рынка сбыта, не говоря уже — как источника сырья, качественно возросло. Достаточно сказать, что за период с середины 60-х до конца 70-х годов доля развивающихся стран в мировом промышленном производстве увеличилась практически вдвое — с 5 до почти 10%. В условиях относительного сужения внутриамериканской базы своих операций, уменьшения возможностей экспансии на рынках Западной Европы и закрытости Японии американский международный капитал стремился в развивающийся мир гораздо сильнее, чем прежде.

Но, чтобы потенциальные возможности превратились в реальные прибыли, «необходимым» условием для международного монополистического капитала является замедление или даже поворот вспять процесса антиимпериалистической трансформации развивающегося мира, установление там прокапиталистической стабильности. Этой-то «стабильности» американские монополии и лишились, что было воспринято с типичной для империализма реакцией как следствие военно-политического «отступления», недостаточной решительности в использовании военной мощи. В американском международном бизнесе усилилась ностальгия по временам, когда военный аппарат США был эффективной защитой для американских деловых интересов. «В довьетнамскую эру можно было бы посмотреть на какую-нибудь часть карты и сказать: „Это наш регион“ — и инвестировать туда, не опасаясь ни за что, — с нескрываемым сожалением говорил глава ближневосточного отделения одного из американских банков. — Теперь же ситуация изменилась, что с та-

⁴¹ The Decline of U. S. Power..., p. 1.

кой ужасающей ясностью показал Иран. Американские инвестиции за рубежом будут расти гораздо медленнее, пока мы не сможем определить новые границы нашего мира»⁴².

Особое раздражение стала вызывать поддержка, оказываемая Советским Союзом, другими социалистическими странами прогрессивным режимам в развивающемся мире, то обстоятельство, что США не могли в условиях сложившегося стратегического паритета, уменьшавшего возможности применять вооруженные силы, «свободно» действовать в зонах развивающегося мира, продвигая и защищая интересы своих монополий, охраняя зарубежную экономическую империю, функционирование которой стало вопросом стратегической важности для правящего класса США.

Преимущественный упор на экономические, другие невоенные рычаги в обеспечении экспансии не оправдал себя в глазах международного бизнеса в 70-е годы, и американский правящий класс стал пытаться остановить изменение соотношения сил в мире в пользу социализма и национального освобождения, взломать стратегический паритет, укрепить свою империю с помощью голой военной силы. Она понадобилась Вашингтону и для того, чтобы привести в послушание своих все более независимых и самостоятельных партнеров. Проигрывая борьбу на экономических полях сражений, США пытаются сместить отношения с союзниками в военную плоскость.

* * *

В условиях, когда процесс воспроизводства в США, состояние американской экономики, доходы большинства группировок буржуазии, уровень жизни населения в значительно большей, чем прежде (а во многих отраслях — в решающей), степени зависят от внешнеэкономических связей, экономический интерес во внешней политике приобретает качественно иной характер. В 50-е годы Соединенные Штаты впервые с тех пор, как в начале XIX в. угроза бывшей метрополии независимости страны сошла на нет, оказались в положении стратегической военной уязвимости. Все более глубокое вовлечение США в международное разделение труда, их растущая зависимость от поставок топлива и сырья, от внешней торговли, положения на валютно-финансовых рынках привели к тому, что к концу 70-х годов США вступили в эру стратегической экономической уязвимости, что ставит американскую внешнюю политику в иное измерение, резко повышая в ней роль экономических интересов.

У американского правящего класса, создавшего за рубежом США огромную экономическую империю, появился еще один дополнительный стратегический интерес — в поддержании функционирования этой империи. Ее потеря может означать крах для сотен крупнейших монополий, тяжелые потери для всего государственно-монополистического комплекса США.

⁴² Business Week, 1979, Mar. 12, p. 74.

Монополии, движимые корыстными интересами в получении прибыли, создали такую систему экономических связей, вне которых хозяйственный механизм США функционировать уже, по-видимому, и не может. Частный интерес монополий во внешней политике, явившийся основным экономическим интересом на протяжении почти всей американской истории, сливается с интересом общеклассовым. Коллективный монополистический интерес во внешней политике стал жестче определять курс страны. Но создание империи совпало с эрой относительного ослабления возможностей американского империализма по ее защите, что является весьма существенным противоречием с далеко идущими последствиями.

Нежелание правящих кругов США приспособиться к изменяющемуся миру и к своим изменяющимся позициям в нем не может, учитывая мощь сил, противостоящих империализму, остановить прогрессивные изменения в мире, повернуть ход истории вспять. Попытки решать свои проблемы за счет других стран и народов, навязывать им свою волю могут привести лишь к результатам, обратным желаемым, вызвать такую реакцию в мире, которая еще больше осложнит позиции тех, кто пытается проводить политику диктата и угроз.

«Живя в стеклянном дворце, нельзя бросаться камнями в других», — гласит известная пословица. Политика, направленная на подрыв безопасности, нанесение ущерба интересам других государств, может бумерангом ударить по тем, кто ее проводит. В современной ситуации решение проблем, стоящих перед всеми странами, возможно лишь в атмосфере ослабления, а не нагнетания международной напряженности, уважения законных интересов друга, поиска взаимовыгодных договоренностей во всех сферах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИДЕОЛОГИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Непосредственный практический опыт и научный анализ свидетельствуют о наличии сложной системы активного взаимодействия между идеологией и внешней политикой США.

Эта система взаимодействий может быть рассмотрена в нескольких планах.

Взаимоотношения идеологии и внешней политики

Первый план предполагает ответ на вопросы, как и в какой мере динамика идеологии в ее теоретических и стихийно складывающихся формах влияет на внешнюю практику; какие концепции и идейные образования (идеалы, ценностные ориентации, моральные нор-

мы и принципы, настроения, определяющие общий идейный климат страны на данном этапе ее истории и т. п.) воздействуют на решения относительно внешнеполитического курса и средств его реализации. Соответственно предполагается рассмотрение обратного влияния, которое оказывают на идеологическую мысль и идейную ситуацию в стране изменения и сдвиги, происходящие в сфере внешнеполитической практики и международных отношений.

Но взаимодействие идеологии и внешней политики США характеризуется не только причинно-следственными связями, но и связями, имеющими функциональный характер. Те, кто принимают решения относительно внешнеполитического курса и проводят его в жизнь, активно используют идеологию в качестве инструмента пропагандистского обеспечения данного курса или тех или иных акций, для его идейного и морального оправдания (легитимизации) и рекламы как внутри страны, так и в других странах. В этом случае идеолого-пропагандистская деятельность США зачастую служит не столько для определения действительного идейного содержания внешнеполитической практики, сколько для их маскировки и сокрытия. Выяснение механизма такого функционального использования идеологии и возникающей при этом ее роли применительно к внешней политике составляет второй, несколько отличный от первого план рассмотрения проблемы.

Взятые под обоими этими углами конкретные исторические отношения идеологии и внешней политики США в тот или иной период, как правило, характеризуются не только внутренним единством, но и определенными противоречиями. Единство имеет своей главной основой общность исторических судеб страны и национальной культуры, сущность общественно-экономической формации и характер классовой структуры. Противоречия отражают объективную и общую противоречивость исторического развития американского капитализма, типичные для этого развития кризисные тенденции. Одновременно в отношениях идеологии и внешней политики получают своеобразное отражение все главнейшие противоречия и конфликты, существующие на международной арене.

Противоречивые взаимоотношения идеологии и внешней политики связаны с относительной самостоятельностью развития этих особых сфер общественной жизни. Деятельность в идеологии и внешней политике характеризуется своеобразием внутренней логики их эволюции, бытующими в этих сферах традициями и привычками, применяемыми здесь техническими приемами, средствами и процедурами. Различаются и субъекты (люди, группы, организации, институты), непосредственно занятые данной деятельностью, а также конкретные проблемы, встающие перед субъектами этой деятельности. Кроме того, фактически комбинируются группы, организаций, тенденций, факторов и сил, которые оказывают непосредственное и главное влияние на идеологию и внешнюю политику, в конкретных ситуациях могут отличаться своеобразием.

Как в идеологии, так и во внешней политике находит свое воплощение вся совокупность разнообразных интересов правящего класса и связанной с ним системы основных институтов, получивших в США наименование «истэблшмента». Данная совокупность интересов обычно отражает не только единство правящего класса и «истэблшмента», но и конкретную борьбу разных группировок этого класса и разных институтов. Кроме того, сами эти разнообразные интересы правящего класса, его группировок и институтов далеко не всегда согласуются между собой. Например, интересы пропаганды за рубежом определенной идеологии могут в определенных ситуациях приобретать самодовлеющую значимость и приходиться в противоречие с интересами внешнеэкономическими или внешнеполитическими. Идеолого-пропагандистская деятельность может мешать осуществлению важных внешнеполитических акций.

Все эти обстоятельства следует учитывать при конкретно-историческом рассмотрении взаимодействия идеологии и внешней политики США.

Внешнеполитическая функция прагматизма

В США сложились и стали традиционными два различных подхода к проблеме взаимоотношения идеологии и политики.

Первый обычно называют прагматическим. Для обозначения второго, противостоящего прагматизму подхода употребляются различные понятия-эпитеты. Подход этот чаще всего называется «идеалистическим» или «моралистическим», иногда, хотя значительно реже, «идеологическим».

Прагматическим в США был назван такой подход к принятию и осуществлению решений в любой сфере практики, в том числе внешнеполитической, при котором субъект практики руководствуется прежде всего соображениями своей пользы и выгоды, своего конкретного интереса. При этом субъектом практики может быть отдельный индивид, принимающий или осуществляющий частное решение, группа и даже класс, если они действуют как некая общность, а также какая-либо организация, вплоть до государства.

Хотя при прагматическом подходе субъект, который осуществляет практическое действие, сам непосредственно определяет, что ему полезно и выгодно, общие рамки и основания этого определения чаще всего задаются традициями и привычками господствующей в стране идеологии и психологии. В США это прежде всего традиции и привычки предпринимательской, индивидуалистской идеологии и психологии в тех вариантах, которые здесь наиболее прочны и массово распространены. Ядром этой идеологии и психологии явилась специфическая модель успеха любой деятельности, измеряемого

прежде всего богатством, властью и влиянием, в том числе политической властью и политическим влиянием, которые дают тому, кто ими обладает, благосостояние, независимость и престиж. В рамках традиции буржуазного предпринимательства и индивидуализма достижение успеха прочно ассоциируется с победой в ходе конкурентной борьбы.

При этом предполагается, что стремления к успеху всех участников конкуренции в принципе противостоят друг другу. Конкурентная борьба за успех в тех ее относительно свободных, интенсивных и динамичных формах, которые наблюдались в истории американского капитализма, для прагматика становится основным эталоном деятельности во всех областях практики, в том числе и во внешнеполитической.

В США, как известно, не получило сколько-нибудь широкого распространения марксистское понятие идеологии как мировоззрения, опирающегося на объективное научное знание, на диалектически познанную историю общества. Здесь, как правило, идеологиями называются системы идей, которые либо есть продукт спекулятивной, оторванной от реальности мысли, либо являются особой, выраженной в общих категориях проекцией чисто субъективных стремлений самого идеолога, а также групп или организаций, за ним стоящих. Обычно считается, что идеология догматична, требует от человека, ее принимающего, фанатичного следования каким-либо навязанным ему общим идеям и принципам. Поэтому сознание, воспитанное в традициях индивидуализма и прагматизма, с подозрением и неприязнью относится к идеологии, видя в ней внешнее ограничение свободы своей воли, свободы подчинять деятельность лишь собственному интересу.

«Естественные ограничения», которые прагматик допускает в деятельности, — это ограничения, задаваемые, во-первых, его собственными силами и, во-вторых, создаваемые объективной конъюнктурой конкурентной борьбы.

Поскольку прагматик допускает эти ограничения, постольку он может признавать ценность трезвого расчета, точного знания реальных условий и объективных рамок своей деятельности. Он может признавать ценность рационального согласования целей и средств практической деятельности с этими условиями и рамками. Впрочем, в этом пункте, т. е. в вопросе о значении и роли трезвого расчета и принципа рациональности в среде тех, кто в США воспитан в русле прагматической традиции, нет полного единства.

Прагматизм в его наиболее последовательном варианте легко превращается в волюнтаризм и субъективизм. Трезвый расчет, рациональность в рамках данной установки имеют сугубо прикладное, инструментальное значение и применяются главным образом при выборе конкретных средств деятельности. Причем в вопросе о средствах очевидный акцент делается на силу, на преодоление при по-

мощи силы тех или иных препятствий, создаваемых внешними обстоятельствами, на пути осуществления субъективных целей. Однако, если в ходе деятельности возникают обстоятельства, не поддающиеся силовому решению и обуславливающие неудачи «силовых» акций, прагматик-волюнтарист и субъективист может становиться прагматиком-реалистом, причем принцип реализма обычно применяется при выборе прежде всего средств.

Так, в области внешней политики трезвый анализ объективных реальностей международных отношений заставляет воздерживаться, например, от такого применения военной силы, которое заведомо может привести к сугубо неблагоприятным последствиям для того, кто явится инициатором этого применения. Глубина и последовательность реализма при планировании внешнеполитических действий определяются мерой применения трезвого расчета при выборе не только средств, но и целей внешнеполитического курса, а также учета конъюнктуры отдельных ситуаций и объективной динамики мирового исторического процесса. Эта мера в конечном счете и соответствует степени действительного преодоления общей ограниченности прагматического подхода как такового.

Однако последовательно преодолеть ограниченность прагматизма американскому прагматику-политику очень трудно. Мешают традиции, нигилистическое отношение к углубленной теоретической работе в области идеологии. Мешает и то, что сознание, воспитанное в традициях прагматизма, испытывает глубокое недоверие к любым формам практической деятельности, которые мотивируются общими идеалами, моральными ценностями, не связанными непосредственно с утилитарным расчетом. Последовательный прагматик внутренне не склонен верить в бескорыстную практическую деятельность, мотивируемую соображениями, никак не связанными у него с меркантильными силовыми расчетами и тем более противоречащими этим расчетам.

Но в истории США такие формы деятельности, конечно, имели и имеют место. Они проявляли и проявляют себя и в сфере политики -- как внутренней, так и внешней. Например, специфические формы такой деятельности исторически связаны с особенностями борьбы за независимость, гражданской войны и т. д.

«Морализм» и внешняя политика

Американская революция 1775—1781 гг. объективно была революцией и национально-освободительной, и буржуазной. Естественно, многие люди, участвовавшие в этой революции, руководствовались вполне утилитарными расчетами на получение для себя каких-то конкретных выгод. Революция апеллировала к этим расчетам, обещала их оправдать. Но революционное действие, связанное сripесением определенных жертв, с*преодолением многих трудностей,

не может быть действительно массовым, успешным и решительным без апелляции к моральным ценностям, к принципам идеологии, выходящим за рамки прагматического расчета. Здесь огромную роль должны играть и играют идеалы и общие нравственные принципы, которые участниками революции рассматриваются как высшие, первичные по отношению к утилитарным частным расчетам. Ради этих идеалов и принципов они готовы совершать бескорыстные действия, идти на личные жертвы, даже жертвовать жизнью.

Американская революция сделала популярными идеалы «свободы», «равенства», «счастья» всех людей. Эти общие идеалы были, конечно, и формой выражения конкретно-практических задач. Свобода чаще всего ассоциировалась с крушением феодально-монархических и установлением буржуазно-демократических порядков, с прекращением произвола британских колониальных властей; равенство — с обещанием обеспечения для каждого человека юридического равенства и активного участия в предпринимательской деятельности; счастья — с благосостоянием, богатством, властью, статусом и престижем.

Идеалы и моральные принципы, выдвинутые революцией, как и любые другие общегуманистические идеалы и принципы, обычно ассоциируются с такими идеологическими категориями, как «социальный прогресс» и «общественное благо», т. е. благо всего общества и даже всего человечества. Основоположники марксизма не раз отмечали, что буржуазные революции, сокрушающие феодальные порядки и формы колониального господства, создают историческую ситуацию, в которой идеологические установки буржуазного сознания в общем и целом совпадают с объективными потребностями общесоциального прогресса, с интересом развития человеческой цивилизации.

Однако даже в этой ситуации обнаруживает себя противоречивость сознания, воспитываемого капиталистической конкуренцией. Действия, мотивируемые ценностями «общественного блага», могут противоречить внутренним глубинным индивидуалистическим установкам. Когда это противоречие проявляется резко, обнаруживается тенденция разведения, отчуждения практицистско-прагматической ориентации и противостоящей ей иной ориентации, в США чаще всего определяемой понятиями «идеализм» или «морализм». Идеалы социального прогресса и общественного блага, не находящие своего основания в практике ожесточенной конкуренции, более того, противоречащие этой практике, приобретают сугубо «идеальный», абстрактно-логический или абстрактно-моралистический характер и начинают ассоциироваться не с реальными потребностями конкретной практики, в том числе и внешнеполитической, а с повелениями «объективного чистого разума» или «бога».

Поскольку идеалы и моральные требования носят общедемократический и общегуманистический характер, постольку «идеализм»

и «морализм», на них опирающиеся, могут стимулировать критику прагматического политиканства, своекорыстия, эгоизма, морального нигилизма, цинизма и беспринципности в политике, в том числе и внешней. Если «идеальное» воплощает идеалы демократии, гуманизма и миролюбия и при этом выступает в роли действительного мотива политической практики, результатом может явиться критическое отношение к капиталистической реальности, к внутренней и внешней политике, выражающей классовые и национально-эгоистические интересы.

Но когда различие «идеального» и «реального» ощущается как постоянная, абсолютная и неизбежная характеристика мира, тогда «идеальное» может выполнять не активную, практически мотивированную, а лишь компенсаторную идейно-психологическую функцию. Внутреннее обращение сознания к «идеальному», любовь к высокому, благородному идеалу, «идеализм» в этом случае могут давать идейно-психологическое оправдание для пассивной позиции или даже практического конформизма по отношению к социально-политической системе или политическому курсу, противоречащим данным идеалам. А для тех, кто стоит во главе такой системы и проводит такой политический курс, возникает возможность идеологического пропагандистского самооправдания в соответствии со следующей схемой: «хотя на практике наша система и мы в своей политике нарушаем требования благородных идеалов и высоких моральных заповедей — такова жизнь, ее повседневные требования и императивы, зато в глубине сердца мы преданы этим идеалам и высоким заповедям морали; мы никогда не забываем сослаться на данные идеалы и заповеди в наших политических речах». В этой разновидности «идеализм» или «морализм» оказывается способом маскировки и пропагандистского оправдания своекорыстия и эгоизма в политике. Такого рода «идеализм» и «морализм» весьма часто встречается во внешней политике США.

В сфере международной политики действуют разные, нередко весьма противоречивые нормы морали. Применительно к США речь идет, с одной стороны, о нормах морали, воплощающих специфику истории и внешней политики американского капитализма и империализма. Но ни одна страна, в том числе и США, не может не считаться с теми уже общепринятыми нормами международной жизни и дипломатических отношений, которые являются результатом всей истории мирного общения между странами и народами.

Поскольку идея «моральности» в США связана с разными по содержанию и смыслу нормами морали, постольку возникают весьма разные типы ориентации, нередко объединенные лишь тем, что все они апеллируют к морали и отделяют себя от ориентации, называемой здесь прагматической.

Следует вспомнить, что в систему норм господствующей морали входят такие, которые обеспечивают функционирование существующей системы. Поэтому во внешней политике «морализм» в США

столь часто выступал в роли сознательного и активного защитника системы американского капитализма, отстаивающего на международной арене интерес этой системы как некоей целостности. Такой «морализм» открыто и активно враждебен по отношению ко всем политическим силам и тенденциям, реально или потенциально препятствующим реализации внешнеполитических интересов этой системы или угрожающим ее дальнейшему развитию и даже существованию.

Спор такого рода «морализма» с теми прагматиками, которые во внешней политике руководствуются нормами капиталистической конкуренции, начинается чаще всего тогда, когда, во-первых, прагматики ставят частный интерес какой-либо группы или организации выше совокупных интересов всей системы и тем самым создают для этой системы «лишние проблемы», и, во-вторых, тогда, когда прагматики выдвигают на первый план и абсолютизируют конъюнктурные, сиюминутные интересы системы, игнорируя ее более долговременные и общие потребности. Именно в этих ситуациях у той или иной группы политиков обозначается стремление выступать с критикой прагматизма и апеллировать к моральным ценностям как к чему-то более общему и более длительному, нежели конъюнктурные соображения сиюминутной или частно-групповой выгоды.

Следует учитывать, что сами внешнеполитические прагматики нередко в целях маскировки своих истинных мотивов могут рядиться в одежду «моралистов» и апеллировать к выраженным в абстрактно-всеобщей и коллективистской форме моральным ценностям ради привлечения на свою сторону широких слоев общественности и обеспечения победы себе и своим сторонникам в конкурентной борьбе. Эта весьма типичная для США мимикрия прагматизма под «морализм» крайне затрудняет понимание реальных и содержательных мотивов всех тех, кто выступает под флагом морали с критикой прагматизма. Это еще более затрудняется и тем, что на различных этапах истории во внешнеполитической практике США так или иначе заявляют о себе и те принципы морали, те идеалы, которые имеют общедемократический и общегуманистический смысл. В США находят тот или иной отклик в сознании общественности нормы морали и идеологические принципы, воплощающие позитивное развитие человеческого общежития и цивилизации. Речь идет о принципах, осуждающих насилие, терроризм, агрессию в отношении других стран и народов, а также о принципах, осуждающих действия, которые запрещены законом практически во всех современных государствах, а также международным правом. «Морализм» или «идеализм», выступающий во имя этих норм и принципов, не может не отличаться от «морализма», защищающего внешние интересы американского капитализма.

Объективная диалектика американской и всемирной истории породила в США противоположные по смыслу и значению варианты внешнеполитического «идеализма» и «морализма». От имени «идеа-

лизм» и «морализма» здесь нередко выступают и выразители тенденций, реально имеющих в тот или иной период прогрессивный смысл, и сторонники идеологического консерватизма, не желающие считаться с изменяющейся исторической обстановкой, с новыми тенденциями истории, с запросами и чаяниями трудящихся масс в США и других странах.

Это различие имеет огромную актуальность. Современный человек хорошо знает, что под флагом «морализма», «идеализма» во внешней политике США часто выступают те, кто считает главным идеалом и моральным императивом противодействие социализму и национально-освободительным движениям. Такого рода «морализм» и «идеализм» во внешней политике создает и усиливает международную напряженность, вызывает конфликты, чреватые угрозой войны, толкает США к военным авантюрам. В этом случае фактически исчезает различие между искренними «идеалистами-моралистами» и теми прагматиками, которые сознательно надевают маску «идеализма» и «морализма» для сокрытия своих эгоистических империалистических расчетов и стремлений, которые используют разговоры об идеалах «блага» и «прогресса» и моральных ценностях человечества в качестве средства пропагандистского обеспечения гегемонистских притязаний, силовых авантюристических акций.

«Прагматики» против «идеалистов»

Разнонаправленными, даже противоположными по смыслу могут быть идейные и политические позиции и тех, кто выступает с критикой «идеализма» и «морализма» как особого типа ориентации во внешней политике и кого в США обычно называют «прагматиками».

Критическое отношение к «идеализму» и «морализму» может быть выражением волюнтаризма и даже цинизма во внешней политике. В этом случае проявляется стремление освободиться от норм морали, опирающихся на гуманистическую идеологию, а также от общепринятых норм международных отношений, от таких понятий, как «долг перед человечеством и историей», от нравственных обязательств выполнять ранее заключенные соглашения или требования международной общественности.

Неприятие внешнеполитической ориентации, которую в США обычно называют «идеализмом» или «морализмом», может быть также проявлением специфического подхода к политике, который условно можно назвать конъюнктурно-политиканским. При таком подходе внешнеполитическая позиция целиком и полностью определяется конъюнктурной ситуацией, чаще всего оцениваемой с точки зрения непосредственной выгоды.

Этот подход к внешней политике может давать разные по значению практические результаты в зависимости от того, насколько конъюнктура тех или иных ситуаций и конъюнктурные соображения непосредственной выгоды совпадают с объективной тенденцией

развития международных отношений в направлении мира, разрядки напряженности и позитивных преобразований. Даже в случае относительного совпадения существенная ограниченность конъюнктурно-политиканского подхода — в том, что он может приводить и нередко приводит к резким колебаниям в политике, существенно затрудняющим нормальные отношения между государствами.

Наконец, критическое отношение к «идеализму» и «морализму» в США иногда бывает продиктовано желанием согласовать внешнеполитические концепции и внешнеполитический курс с реальной динамикой истории, пересмотреть с точки зрения критерия практики международных отношений те концепции, которые не отвечают требованиям этой практики. Внешнеполитическая ориентация этого рода может воплощать протест против тех идеологических и моральных догм, которые уже явно не соответствуют практическим императивам международных отношений, но которые все еще влияют на внешнюю политику, подчиняя ее консервативным привычкам и устаревшим шаблонам.

Констатируя типичность для истории США спора критиков «идеализма», «морализма» с их сторонниками, необходимо оговориться, что в разные периоды истории спор этот приобретает различную значимость и остроту. Нередко инициаторы внешней политики и идеологии обнаруживают стремление к объединению вышеуказанных ориентаций и подходов. Нередко возникают внешнеполитические позиции, не принимающие в расчет этот спор и его традиции. Вот почему все эти позиции независимо от того, формируются ли они в рамках спора «прагматизма» с «морализмом» или нет, должны оцениваться исходя из того, насколько они соответствуют одновременно прогрессивным идеалам и объективным тенденциям международных отношений и общего прогресса истории. Степень глубины этого соответствия — важнейший показатель того, насколько и идеология и внешняя политика в США оказываются в состоянии преодолеть узкие рамки традиционного спора «прагматизма» с «идеализмом» и «морализмом».

Вообще спор «прагматиков» и «идеалистов» или «моралистов» оказывается специфической, сложной, иногда реальной, а часто иллюзорной формой, в которой происходит борьба различных позиций, подходов, курсов во внешней политике США. Но сколь ни иллюзорна бывает эта форма, человеку, занимающемуся внешней политикой США, важно уметь обнаруживать эту форму в различных конкретных ситуациях и понимать ее специфику.

Идейные параметры глобализма

Если исходить из объективного содержания идеологических и политических позиций, можно констатировать, что главная линия борьбы во внешней политике США проходит в современную эпоху в конечном итоге между двумя направлениями, двумя практически-поли-

тическими, а вместе с тем и идеологическими ориентациями. Речь идет, с одной стороны, о политике и идеологии, одновременно глобально-экспансионистской и глобально-антикоммунистической, пронизанной духом антисоветизма, тяготеющей к традициям «холодной войны» и поддерживающей гонку вооружений, в том числе ядерных. Ей противостоит политика, ориентированная на отстаивание национальных интересов, но вместе с тем уважающая суверенитет других стран, политика, исходящая из принципа мирного сосуществования государств с различными социальными, политическими и идеологическими системами, признающая необходимость разрядки международной напряженности, уменьшения угрозы ядерной катастрофы и обуздания гонки вооружений.

Именно в плане борьбы этих основных политических направлений, борьбы, идущей как в русле традиционного противостояния «прагматизма» «идеализму» и «морализму», так и за рамками этого противостояния, следует рассматривать взаимоотношения идеологии и конкретной внешней политики.

Как известно, 50-е годы и большая часть 60-х годов были периодом «холодной войны», открытой ориентации внешней политики США на конфронтацию с СССР, с другими странами социалистического содружества, на обеспечение интересов американского империализма во всех регионах мира и всеми средствами, в первую очередь военной силой.

Политика эта опиралась на своеобразное единство, сплав двух идеологических образований: во-первых, глобально-гегемонистской идеологии, получившей в самих Соединенных Штатах наименование «имперской», и, во-вторых, идеологии воинствующего антикоммунизма и антисоветизма.

Основным идейным истоком «имперской» идеологии была традиционная для США, сохраняющаяся здесь на протяжении 200 лет и прочно укоренившаяся в сознании широких слоев населения убежденность в особой «миссии» США в мире.

В одном из своих первоначальных вариантов идея всемирно-исторической «миссии» США оформилась в период подготовки и проведения Революции 1775—1783 гг., когда возникла вера в то, что США «призваны» быть вдохновителем, учителем, духовным наставником и лидером всех народов в их борьбе против феодально-деспотических режимов, еще господствующих тогда в подавляющем большинстве стран и регионов мира. «Миссией» США считалось пропагандистское или активно-политическое распространение идеалов, сформулированных в Декларации независимости.

Но, по мере того как американский капитализм набирал силу, в США возникает, широко распространяется и получает официальную поддержку правящих кругов определенная интерпретация «миссионерской» идеи. В этой интерпретации данная идея выражала оптимизм и самоуверенность молодого и интенсивно развивающегося американского капитализма, его притязания на то, чтобы быть для

всех других стран и народов примером. Причем в рамках этого варианта «миссионерской» идеологии существовали и часто боролись два направления: одно — «изоляционистское», предполагающее, что развитие США само по себе будет служить моделью для других стран и побуждать их к подражанию, другое направление было ориентацией на активную внешнюю политику, оказывающую прямое влияние на судьбы других стран ради побуждения их к подражанию США и одновременно ради обеспечения зарубежных интересов американского капитализма¹.

С переходом американского капитализма на стадию империализма в рамках «миссионерской» идеологии со все большей отчетливостью находят свое выражение активно-экспансионистские притязания США — в начале века применительно к западному полушарию и некоторым районам Тихого океана, впоследствии, особенно после второй мировой войны, применительно ко всему миру. В этот период получает широкое распространение и официальное признание идея «американского мира» («Pax Americana»), оформляется «имперская», глобально-гегемонистская идеология, которая объединяется с идеологией воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. Эта последняя объявляет СССР основной угрозой всей «христианской цивилизации», всему «свободному миру», а также национальным интересам США (интересам военно-стратегическим, политическим, идеологическим, экономическим).

Идеология, возникшая в результате подобного комбинирования, глубоко внедряется в массовое политическое сознание США и начинает оказывать огромное влияние на внешнеполитическую практику, определяя для нее понятие «национального» интереса, задавая ей «национальные цели».

Для того чтобы лучше понять источники внутренней силы глобально-гегемонистской идеологии в США, надо учесть следующий факт. Те, кто выступали глашатаями этой идеологии, широко и постоянно использовали общие мыслительные схемы и понятийный аппарат, характерные для *первоначального* и наиболее прочно укорененного в массовом сознании США *общедемократического варианта «миссионерской» идеологии*. Они объявляли экспансионистские, антикоммунистические и антисоветские акции «необходимым средством» реализации и защиты общедемократических идеалов, сформулированных в Декларации независимости.

Таким образом, возникающая в США к середине XX в. «импер-

¹ Характерное для сторонников активной военной политики единство притязаний на духовное лидерство в мире и утилитарных расчетов на выгоду для самих США, т. е. единство «идеализма» и «прагматизма», очень четко выразил сенатор А. Беверидж в 1900 г.: «Бог сделал нас главными организаторами мира с тем, чтобы создать систему там, где господствует хаос. Бог отметил Америку как свою избранную нацию для руководства обновлением мира. Это — священная миссия Америки, и она несет нам всю выгоду, всю славу, все счастье, достойные человека» (*NYe R. B. This Almost Chosen People. Michigan: Michigan State University Press, 1966, p. 199*).

ская», глобально-гегемонистская идеология, явно противостоящая национально-освободительным и революционно-демократическим движениям во всем мире, поддерживающая реакционные, открыто деспотические военные режимы, активно спекулировала на идеях и понятиях, которые выдвинула произошедшая более 200 лет назад революция и которые все еще близки сердцам миллионов американцев.

Подобная ситуация нередко встречается в истории идеологий. Новые идеологические образования, объективно являющиеся отрицанием определенных, ранее возникших и завоевавших широкую массовую популярность идеологических традиций, тем не менее стремятся опереться на эти традиции, идентифицировать себя с ними. Реальное фактическое отрицание внешне выглядит как преемственность и синтез. При этом традиционные понятия и идеи, будучи включены в чуждую им идеологическую структуру, начинают выполнять совершенно иную, несвойственную им функцию, изменяют свой смысл, реально превращаются в свою противоположность, хотя при этом все еще сохраняют привлекательность для миллионов людей, преданных традиции.

В 50–60-е годы роль идеологического фактора во внешней политике США заметно усиливается. Специфически идеологические цели начинают оказывать прямое и значительное влияние на организацию тех или иных внешнеполитических и даже военных акций в самых различных регионах и странах. Зачастую общие цели, определяемые идеологией, становятся непосредственным мотивом практических акций. Достаточно вспомнить о том, что в системе мотивов, побудивших США ввести войска во Вьетнам, первостепенную роль сыграло задаваемое идеологией обязательство противодействовать «влиятельно коммунизма»².

Особо важную роль идеологический фактор играл в отношении США к СССР и другим странам социалистического содружества. Идеология стала прямым и постоянно действующим побудителем внешней политики «холодной войны» и генератором энергии этой политики. Идеология требовала относиться к СССР не как к важнейшему элементу объективной системы международных отношений, не как к суверенной и мощной державе, с которой нельзя не считаться, необходимо мирно сосуществовать и даже выгодно сотрудничать во многих областях, но лишь как к символу и активному носителю всеобщего «зла», как к постоянной и непосредственной «угрозе» безопасности США и разнообразным американским интересам во всех регионах мира. Идеология превращала СССР в своего рода «козла отпущения»; на СССР переносились вина и ответственность

² Анализируя систему целей, лежавших в основе решения послать американские войска во Вьетнам, американский историк Д. Нихтерлейн ставит идеологические цели в разряд самых главных, «жизненно важных». Он считает, что экономические цели и цели обеспечения безопасности самих США в этой ситуации были «на периферии» системы целей.

за любые конкретные трудности и острые практические проблемы, с которыми США сталкивались у себя дома и на мировой арене и которые зачастую реально не были существенным образом связаны с американо-советскими отношениями.

Единство идеологии и политики, ориентированных на «холодную войну» и глобальную экспансию, стало господствующей тенденцией внешнеполитической практики США в 50-е годы и в значительную часть 60-х годов. В рамках этой тенденции спор «идеализма» и «морализма» с «прагматизмом» приобрел второстепенное значение. Если он и возникал, то касался не целей, а средств. Первые, например, делали больший акцент на пропагандистские акции за рубежом, на идеологическую и моральную аргументацию при принятии внешнеполитических решений. «Прагматики» больше полагались на экономическое давление и предпочитали аргументировать решения соображениями военно-стратегического, практико-политического и экономического плана.

Концепция конвергенции

К середине 60-х годов во взаимоотношениях идеологии и внешней политики США становятся заметными некоторые сдвиги. Здесь отчасти сказалась происходившая в США некоторая перестройка самой господствующей идеологии. Как известно, именно в 60-е годы в рамках этой идеологии имело место относительное уменьшение объема открытой апологии «классического» капитализма и возрастание роли идей и концепций «нового индустриального», а затем и «постиндустриального» общества, которые начинают изображать мощную бюрократическую организацию, интенсивно создаваемую государственно-монополистическим капитализмом США, как воплощение «общих императивов» современной технологии и науки. Абсолютизация экономической силы и возможностей научно-технической революции становится характерной чертой фактически господствующей в США в этот период неолиберальной идеологии.

Эти сдвиги в господствующей идеологии оказали весьма противоречивое влияние на внешнюю политику США. Например, возникли и получили широкое распространение новые аргументы в защиту традиционной идеи «всемирно-исторической миссии» США. Смысл этих аргументов сводился к утверждению, что США являются мировым лидером в деле модернизации, обновления науки и техники, что государственно-монополистическая организация США гарантирует самые эффективные методы научно-технического и промышленного развития, а потому эта организация — эталон для других стран и народов мира, которые должны признать США в качестве наставника и руководителя. Эти же аргументы стали широко использоваться в США и буржуазными критиками коммунизма и реального социализма, пополнив арсенал обновленных средств идеологической борьбы.

Абсолютизация современной науки и техники, столь характерная для концепций «индустриального» и «постиндустриального» общества, способствовала усилению негативного отношения к идеологии как таковой. Все чаще стало проводиться противопоставление идеологии строгой науке и точному знанию. В этот период возникают идеи «конца идеологии» (Д. Белл, С. Липсет и др.), раздаются требования деидеологизации внутриполитической и внешнеполитической практики, которым рекомендуется опираться не на идеологию, а на максимально строгий расчет, наподобие того, который имеет место в современной науке при проектировании новой техники или при построении систем управления этой техникой.

Идеи деидеологизации и «конца идеологии» способствовали распространению теории конвергенции. Согласно этой теории, в современном мире на базе НТР происходит постепенное развитие «единого индустриального общества», для которого характерны уменьшение роли идеологии и постепенная конвергенция (слияние) противостоящих друг другу социальных, экономических и политических систем (их противостояние теория конвергенции объясняла прежде всего влиянием различных идеологий).

Многие активные антикоммунисты охотно восприняли концепции конвергенции. В теориях конвергенции они увидели новый аргумент в пользу своих надежд и расчетов на «эрозию коммунистической идеологии» по мере развития НТР. Исходя из этих надежд и расчетов, они настаивали на расширении пропагандистской деятельности США, направленной на СССР, страны социализма, на том, чтобы обновить, сделать более разнообразными методы и приемы этой деятельности.

Но концепции конвергенции использовались также и теми политическими деятелями и идеологами в США, которых не удовлетворяла политика «холодной войны» и «тотальной конфронтации» с СССР. Возможность нормализации американско-советских отношений они нередко обосновывали не только конкретными соображениями практической полезности или необходимости, но и ссылкой на конвергенцию между данными странами, якобы неизбежную в будущем. И тем не менее идеи конвергенции и «конца идеологии» использовались в качестве аргументов в пользу нормализации американско-советских отношений и разрядки напряженности и против идеологизации внешнеполитической практики США в смысле ее подчинения идеологии оголтелого антикоммунизма. Для «конвергентсионалистов» этого рода нормализация американско-советских отношений и расширение контактов и обменов с СССР означали не только перспективу уменьшения угрозы войны и ядерной катастрофы, но и иллюзорную надежду на развитие «конвергентсионных тенденций» в СССР.

Так создавались неоправданные надежды и иллюзии, грозившие тем, кто их разделял, неизбежными разочарованиями, поскольку СССР в своем внутреннем развитии не собирался двигаться в на-

правлении конвергенции, истолкованной в либеральном духе, и отказываться от господствующей идеологии. Кроме того, на базе концепции деидеологизации сторонникам разрядки в США оказалось трудно отделить себя от явных антикоммунистов, которые также начали широко использовать концепции деидеологизации как новые аргументы в пользу усиления борьбы против марксизма-ленинизма.

И все же именно распространение идей деидеологизации и конвергенции в США исторически создало дополнительные возможности для критики созданных эпохой «холодной войны» идеологических догм оголтелого и фанатичного антикоммунизма.

«Политический реализм» и критика «мессианства»

Определенную помощь в критике этих и всех других догм, на которые в США опиралась слепая вера в наступление «американского века», сыграло применение к сфере внешней политики идей «политического реализма» (в США этот подход обычно именуют немецким словом *Realpolitik*). Общий смысл этой концепции президент Дж. Кеннеди в 1963 г. выразил следующим образом: «В условиях противоречий и смятения мы должны признавать реальности мира». Кеннеди предлагал, в частности, признать, что «США не являются ни всемогущими, ни всеведущими, что мы не можем всегда навязывать нашу волю другим странам, составляющим 94% человечества... и что не может быть американского решения каждой волнующей мир проблемы»³.

Истоки концепции «политического реализма» на американской почве восходят еще к отцам-основателям. Ее крупнейшими теоретиками были Дж. Вашингтон, Дж. Монро, А. Гамильтон, Дж. Кэлхаун, братья Адамсы, адмирал А. Мэхэн, геополитик Н. Спикмэн. На протяжении длительного периода «политические реалисты» пытались отыскать для США «мировую роль», достойную этой страны, оперируя преимущественно не напыщенной терминологией «явного предназначения», а кажущейся им более четкой профессиональной и менее патетической терминологией «баланса сил». Накануне и после второй мировой войны идеи «реальной политики» получили дополнительных пропагандистов в США в лице либеральных немецких политологов, эмигрировавших в США, спасаясь от нацистских преследований. Общеизвестным патриархом и создателем американской школы «реальной политики» был известный американский ученый немецкого происхождения Ганс Моргентау (1904—1981).

Ганс Моргентау и его школа призывали к более строгому и точному расчету изменяющейся расстановки сил на мировой арене. Он выступал за внешнюю политику, «обеззараженную», как он выражался, от идеологии, опирающуюся на силу, использование кото-

³ *Nye R. B. Op. cit., p. 202.*

рой должно соразмеряться с «правильно понятым интересом», что предполагало объективный анализ всех условий, обстоятельств, факторов, воздействующих на баланс сил в сфере международных отношений. Эта позиция, хотя и носила явный отпечаток абсолютизации силового подхода к внешней политике, столь характерного для США, все же была нацелена на ревизию утопических схем «мессианства», не соответствовавших менявшемуся не в пользу США соотношению сил на международной арене. В работах Моргентау как бы в новой форме оживал и приобретал значимость спор «идеализма» с «прагматизмом», выступающим в этих условиях под флагом «реализма» и потенциально создающим определенные предпосылки для критического отношения к идеологическим основаниям и практическому опыту «холодной войны».

Такое критическое отношение более четко обозначилось в США на рубеже 60—70-х годов.

Вследствие роста оборонной мощи СССР объективным фактом стало советско-американское равновесие в области ядерных вооружений. Усилилось влияние СССР в развивающихся странах. Эти страны, в том числе и те, которые вступили на путь социалистических преобразований, начали играть более активную роль в международных отношениях. В рамках национально-освободительного движения четко обнаружилась тенденция борьбы против неокolonизма, главным проводником и охранителем которого являются США. Очевидным фактом стало стремление стран Западной Европы и Японии к большей независимости от США. Вашингтон, ввязавшись в затяжную войну во Вьетнаме, оказался не в состоянии выиграть эту войну. Все это стимулировало падение престижа США и рост антиамериканских настроений в мире.

Внутри самих Соединенных Штатов активизация движения против вьетнамской авантюры совпала с подъемом борьбы за гражданские права угнетенных национально-этнических групп, а также с бурными выступлениями молодежи и студентов против авторитаризма государственно-монополистической бюрократии. Массовое возмущение в США вызвали факты коррупции в высших эшелонах государственного аппарата и другие громкие скандалы. Приобрело все более широкие масштабы сознание «политического отчуждения» значительных сегментов населения от институтов власти, резко падало доверие к президенту, государственному департаменту, Пентагону и т. д. В самом правящем классе Соединенных Штатов активизировались силы, выступающие за перемены во внешней политике. На этот процесс большое влияние оказали СССР и другие страны социалистического содружества, активно выступавшие с разнообразными инициативами, направленными на обеспечение мира и разрядки международной напряженности.

Первая половина 70-х годов в США — время интенсивной, широкой критики внешней политики предшествующего периода и тех

основных идей, на которые эта политика реально опиралась. В критике участвовали разные группы, действовавшие с разной степенью последовательности и радикализма. Наиболее последовательное разоблачение империалистической внешней политики США и ее идейных основ вели американские коммунисты. С резкой критикой идеологии и политики глобального антикоммунизма и «холодной войны» выступили «новые левые».

На первую половину 70-х годов приходится наивысший накал критики концепций «американской исключительности», точнее, тех вариантов этих концепций, которые получили распространение в 50–60-е годы и на которые опирались глобально-гегемонистские притязания. «Сегодня, — заявлял в этот период известный американский социолог Д. Белл, — уже не существует ни явного предначертания, ни американской миссии»⁴. В других случаях эта критика выражалась менее радикально, в частности в форме сомнений⁵.

Однако следует специально подчеркнуть, что даже в этот период большинство работ либерального толка главным и непосредственным объектом критики все же делали не столько саму идею глобально-исторической «миссии» США как таковую, сколько ее частные, наиболее устаревшие формы. Осуждению подверглись прежде всего формы идеологии «американской исключительности», слишком прямолинейно привязанные к некоторым чертам уже явно пройденного периода (казавшиеся неисчерпаемыми природные ресурсы США, особый динамизм и массовость предпринимательской деятельности, географическая безопасность страны и т. п.).

Особенно большой размах приобрела критика иллюзий относительно возможности подчинить мир «американским стандартам» при помощи военно-политического силового давления. «Мы больше не живем в мире, в котором военное действие как средство экономической политики морально оправдано и политически осуществимо»⁶, — заявлял в тот период З. Бжезинский, впоследствии, как известно, резко изменивший свое мнение.

Одной из наиболее массовых и популярных тем критики, повлиявшей на происшедший в начале 70-х годов сдвиг во внешней политике США, было осуждение того, что в США получило наименование «морального экстремизма», или «морального абсолютизма». При этом непосредственным объектом критики становилась не сама идея американской «миссии», но лишь абсолютизация этой идеи, слепое следование ей без должного учета всех трудностей, возникающих в практике ее реализации. Отмечая этот факт, нельзя не подчеркнуть, что критика «морального экстремизма», или «мораль-

⁴ Bell D. The End of American Exceptionalism.— The Public Interest, 1975, Jan., N 41, p. 205.

⁵ См., например: Lerner M. America: Decline or Fall — Dialogue, 1975, vol. 8, N 1, p. 21.

⁶ Brzezinski Zb. America New. A Failure of Nerve.— Commentary, 1975, July, p. 27.

ного абсолютизма», дополнялась указанием на действительно важные и новые реальные факторы, в частности на признание объективного факта мощи и авторитета социалистического содружества и необратимости национально-освободительного движения. Поэтому данная критика служила идейной платформой политики мирного сосуществования и разрядки международной напряженности. Однако платформа эта была непрочной, что и стало очевидным впоследствии.

И все же развернувшаяся в США в первой половине 70-х годов интенсивная критика «холодной войны», а также «имперских» притязаний в политике и идеологии сыграла позитивную роль, тем более что эта критика имела место на фоне практических неудач внешнеполитического курса США. В этих условиях влиятельные политические круги во главе с президентом Р. Никсоном и госсекретарем Г. Киссинджером пошли на определенные изменения во внешнеполитическом курсе, сделали ряд важных шагов в направлении разрядки международной напряженности, нормализации отношений с СССР и другими социалистическими странами.

Подобный курс его непосредственные инициаторы обосновывали главным образом ссылками на весьма конкретные требования практики международных отношений, на необходимость реалистической, трезвой оценки фактических условий. «Сегодня,— писал Г. Киссинджер,— мы убеждаемся в том, что, как и большинство других наций в истории, мы не можем ни бежать от этого мира, ни властвовать над ним... Мы больше не можем надеяться, что моральные суждения, выраженные в абсолютных терминах, встретят широкую поддержку... Пришло время трезво взглянуть в глаза реальности»⁷.

И хотя сам же Г. Киссинджер предупреждал: «...наш выбор заключается не в выборе между идеализмом и прагматизмом, мы не можем отказаться ни от одного, ни от другого»⁸, данная позиция очень многими американцами была воспринята как общее осуждение «морализма», как выражение прагматического подхода к внешней политике.

Этому способствовало то, что сами американские инициаторы реформ, действовавших в направлении разрядки, подчеркивали «неидеологичность» этих реформ, изображая проводимые ими мероприятия как имеющие лишь чисто практическую, «техническую», «инструментальную» значимость, как не затрагивающие глубинных идейных оснований американской внешней политики и не подвергающие сомнению ее основные традиции и идеалы. Тем не менее, доказывая необходимость договоренности с СССР об уменьшении ядерной катастрофы и ограничении стратегических вооружений прагматическими соображениями о том, что двумя странами уже

⁷ Kissinger H. The Moral Foundations of Foreign Policy.— The Atlantic Community Quarterly, 1975, Fall, p. 274.

⁸ Kissinger H. Op. cit., p. 274.

накоплены ядерные вооружения, способные уничтожить человечество, Киссинджер ссылался и на «всеобщий моральный императив», требующий такой договоренности.

Реанимация морализма.

Кампания в «защиту прав человека»

Начиная со второй половины 70-х годов внешняя политика США характеризовалась постепенным усилением тенденций, противостоящих духу разрядки, новой переориентацией на курс конфронтации с СССР, на гонку вооружений, в том числе ядерных, на нагнетание военной силы и угрозы ее применения в качестве главного средства международной политики. В ходе этого поворота снова с большей четкостью обозначилась роль идеологического фактора. При подготовке, принятии и проведении в жизнь внешнеполитических решений шире и чаще использовались идеологические аргументы, более часто имела место апелляция к морали, общим идеологическим стереотипам. Предпринимались массированные, направленные и вовнутрь и вовне страны идеолого-пропагандистские кампании, оказывающие немалое влияние на внешнеполитическую практику и дипломатические отношения.

После прихода к власти администрации Дж. Картера в ее внешней политике все более отчетливо стала проявляться весьма характерная черта — сочетание ярко выраженной склонности к «морализму» с «силовым» подходом. Эта позиция обозначилась уже в речи Дж. Картера при вступлении его в должность президента. «Мы, — сказал он, — являемся глубоко идеалистической нацией, но пусть никто не путает наш идеализм со слабостью»⁹. Правда, за четыре года пребывания Картера в Белом доме в сочетании «морализма» и «силового подхода» происходило определенное перемещение акцентов.

В первое время (1976—1978 гг.) акцент делался на моральную риторику и широкие идеолого-пропагандистские кампании. Эти кампании использовались именно в качестве важных компонентов внешней политики, инструментов осуществления внешнеполитических целей. К концу же четырехлетия более отчетливо обозначился упор на «силовые» компоненты политики, на прямое использование угрозы применения силы. Такая динамика, видимо, не случайна.

Ярко выраженный и даже нарочито подчеркнутый «морализм» администрации Дж. Картера в 1977—1978 гг. был связан с внутренней логикой борьбы политических группировок внутри США. Для сторонников «холодной войны», как известно, была характерна высокая степень идеологизации внешней политики, и по контрасту с этим подходом подход их оппонентов — сторонников разрядки — был воспринят значительной частью американцев как проявление

⁹ New York Times, 1977, Jan. 21.

прагматизма во внешней политике. Соответственно этой логике идеологической борьбы группировки, объединившиеся в США во второй половине 70-х годов против политики разрядки, выступили под флагом критики прагматизма и защиты «идеализма», «морализма».

При этом данные группировки спекулировали на некоторых глубоких тенденциях, обнаружившихся в американском общественном мнении в эти же годы. Речь идет прежде всего о растущем беспокойстве миллионов американцев по поводу углубления кризисных явлений в сфере морали (громкие скандалы в высших эшелонах правительства, связанные с злоупотреблением властью, аморализм американской военщины во Вьетнаме, рост коррупции и других форм преступности в стране и т. п.). В США в этот период объективно усиливается критицизм в отношении аморализма, морального релятивизма, а также прагматизма, ассоциировавшегося с моральным релятивизмом.

Но этот процесс в США не сопровождался осознанием тех подлинно альтернативных путей коренного морального обновления американского общества и международных отношений, которые могут быть выработаны на основе научного анализа закономерностей мировой истории. По большей части настроение недовольства аморализмом в США проявилось в форме общих, обращенных ко всем основным институтам власти требований повысить уровень моральной ответственности. В этой связи понятна готовность многих американцев поддерживать именно тех политических лидеров, которые декларировали свою приверженность «традиционным нормам морали».

Эта специфическая особенность американского общественного мнения в 70-е годы в значительной мере определила слабость позиций тех политиков, которые не учли этой особенности и во внутренней и внешней политике в той или иной форме выступали против «морального экстремизма». Тот факт, что сам президент Никсон оказался замешанным в «уотергейтском деле», ставшем ярчайшим проявлением политического аморализма, наложил отпечаток на негативное восприятие многими американцами его внешнеполитической позиции. Все это было использовано группировками, стремившимися подорвать доверие американцев к реалистическим направлениям во внешней политике Никсона и Киссинджера. Использовал эту особенность общественного мнения и Дж. Картер, сделавший акцент на моральную риторику.

Решением задачи «восстановления моральных ценностей» политики США занялся широкий блок влиятельных идеологов, политических деятелей и группировок. Этот блок объединил «старых» и «новых» правых, консерваторов-традиционалистов с так называемыми неоконсерваторами (вчерашними либералами, перешедшими на консервативные позиции). Реализация этой задачи потребовала значительных усилий и довольно длительного времени. Она также потребовала организации широких массивов идеолого-пропагандистских кампаний, первой из которых была кампания по праздно-

ванию 200-летия США (1975—1976 гг.). В ходе этой кампании основное внимание уделялось идеализации и романтизации истории США, возрождению традиционной веры в особую всемирно-историческую миссию США, их «ведущую роль в развитии всего человечества». Все это было расчитано на идейно-психологическую компенсацию возникших в США после поражения во вьетнамской войне болезненных чувств оскорбленной «национальной гордости», национального «унижения», на перемещение этих чувств в русло национализма и великодержавного шовинизма.

Интенсивно проводимые опросы общественного мнения обнаружили очень важный с точки зрения дальнейшего развития идеологических отношений и пропаганды в США факт: рядовые американцы, испытывающие глубокое недовольство усилением авторитарно-бюрократических репрессивных организаций в США, с особым вниманием и ностальгическим чувством относились к материалам, в которых прославлялись провозглашенные 200 лет назад в Декларации независимости общедемократические лозунги прав человека.

Этот факт был замечен правящей верхушкой, и не случайно, что следующей инспирированной государством массовой пропагандистской кампанией, оказавшей особенно сильное влияние на внешнюю политику, стала кампания, призванная создать образ США как страны — защитницы демократии и прав человека во всем мире.

В идеологии и пропаганде, как внутренней, так и внешней, акцент был сделан на использование традиционной либерально-демократической риторики; на широкообещательные обещания уменьшить государственное вмешательство в частную жизнь граждан, создать правительство, все действия которого были бы «открыты» для глаз рядового американца, и обеспечить большую реализацию декларируемых конституцией США прав человека.

Одновременно пропагандистская кампания, спекулирующая на правах человека, была организована так, чтобы сместить ее основное «фактологическое наполнение» за пределы страны, перенести подальше от внутренней почвы и испытываемые рядовыми американцами, напуганными развитием в США государственно-бюрократических тенденций, болезненные чувства неудовлетворенного либерализма, направить эти чувства в привычное русло антикоммунизма и антисоветизма.

Глобальная кампания относительно прав человека стала наглядным проявлением еще одной тенденции. Речь идет об использовании идеолого-пропагандистской кампании не только в качестве средства оправдания дома и за рубежом того или иного внешнеполитического курса, но и в качестве прямого инструмента практической реализации конкретных внешнеполитических целей. Так, определенные политические группировки в США, видимо, имели в виду, активизировав кампанию по правам человека и создав с ее помощью высокую степень напряжения в международных отношениях, получить затем от социалистических стран определенные уступки в обмен на

некоторое уменьшение интенсивности данной кампании, а значит, и напряжения.

Идейно-пропагандистская кампания по правам человека имела ряд серьезных последствий, далеко выходящих за пределы тактических расчетов ее инициаторов. Она стала важным фактором ухудшения американско-советских отношений и оживления традиций «холодной войны».

Идеологические обязательства, взятые на себя администрацией США, — обязательства выступать в роли «глобального морального судьи» по вопросу о правах человека — очень усложнили отношения США с теми государствами, которые, являясь важными внешнеполитическими союзниками США, демонстративно нарушали самые элементарные права человека (Южная Корея, Пакистан, шахский Иран, Чили и ряд других латиноамериканских стран). Сколько-нибудь решительная критика со стороны США режимов данных государств вызывала истеричные протесты со стороны их правителей и одновременно способствовала в глазах американцев их дискредитации, а значит, дискредитации внешней политики США, ориентированной на союз с данными государствами. Отсутствие же критики диктаторских режимов наглядно выявляло тот факт, что администрация Картера во внешней политике и в идеологии следовала «двойному стандарту», проявляя «морализм» тогда, когда это было прагматически выгодно, и идя, когда это невыгодно, на прямую измену торжественно провозглашенным принципам морали. «Морализм» в данном случае оказывался лишь маской очевидного политического прагматизма и нравственной беспринципности.

Интенсивное использование администрацией Дж. Картера либерально-демократической риторики о правах человека объективно способствовало также стихийному росту реальных демократических настроений внутри США, настроений, принимавших разную форму и очень часто выступавших в форме явного недовольства бюрократическим аппаратом федерального правительства, в форме неприязни и недоверия к основным институтам власти и лично президенту.

Консервативный вариант антисоветского морализма

Главным путем ослабления данных настроений и чувств оказалась интенсификация другой массивной идеолого-пропагандистской кампании — кампании запугивания рядовых американцев и населения других стран так называемой «советской угрозой» («угрозой» якобы военной, экономической, идеологической, психологической и т. д.). Эта кампания была начата Дж. Картером и активно продолжена Р. Рейганом.

Обращение правящих кругов той или иной страны к идее «внешней угрозы» во внутренне сложной, характеризующейся острыми про-

тиворечиями ситуации — явление, постоянно встречающееся в истории идеологии и политики. Оно особенно типично тогда, когда в стране накапливается запас стихийных и болезненных чувств смятения, беспокойства, страха, чувств, вызванных внутренними наблевшими и нерешаемыми проблемами и не находящих выхода в принципиально новой идеологии, четко указывающей действительные пути кардинального преодоления кризиса.

Именно такая ситуация сложилась в США во второй половине 70-х и в начале 80-х годов. Здесь запугивание «советской угрозой» широко используется как средство отвлечения внимания американцев от острых внутренних проблем и кризисных явлений, как средство ослабления их демократических порывов и критических в отношении правительства настроений, как средство создания такого идейно-психологического климата, который бы позволил правящей верхушке оправдать и практически осуществлять гонку вооружений, милитаризацию и возвращение к «имперской», силовой политике.

Разглагольствования о «советской угрозе», ссылки на эту «угрозу» служат способом «объяснения» очевидных провалов во внешней политике США, реально не имеющих прямого отношения к действиям СССР (крах союзного США шахского режима в Иране, подъем антиамериканских настроений в ряде стран Латинской Америки и т. п.), и даже некоторых кризисных явлений в экономике США («советской угрозой», например, нередко «объяснялись» все большие трудности, испытываемые США в области импорта нефти из района Персидского залива). Запугивание «советской угрозой» политических лидеров и населения в других странах — средство уменьшения их сопротивления диктату США, средство повышения эффективности военных союзов, в которых доминируют США.

Интенсивное развертывание администрацией Р. Рейгана идеолого-пропагандистской кампании по поводу «советской угрозы» сопровождается реабилитацией и выдвижением на первый план ряда идей, которые были популярны во времена «холодной войны», а затем оказались дискредитированы реальной историей. Речь идет, например, об идее преодоления паритета в соотношении стратегических ядерных сил США и СССР. Речь идет о попытке оспорить уже доказанный наукой вывод, согласно которому ядерная война между США и СССР означала бы катастрофу и для этих стран, и для всего человечества.

Продолжив и существенно расширив кампанию по поводу «советской угрозы», администрация Р. Рейгана дополнила ее пропагандистско-демагогической кампанией против «международного терроризма», якобы поддерживаемого СССР, Кубой, Вьетнамом, другими странами социалистического содружества и всем международным коммунистическим движением.

При этом администрация Р. Рейгана уделяет значительное внимание и кампании по правам человека, хотя специфика американского консерватизма на деле состоит в стремлении ограничить демо-

кратические порывы масс и полнее подчинить политическую жизнь США «закону и порядку».

То, как администрация Р. Рейгана относится к проведению идеолого-пропагандистских внешнеполитических кампаний, позволяет сделать вывод, с одной стороны, о резком усилении «идеологизма» в ее внешней политике, а с другой — об одновременном более очевидном прагматизме в отношении самой идеологии. Она, например, гораздо в меньшей степени, чем администрация Дж. Картера, стесняется откровенного применения «двойного стандарта». Об этом наглядно свидетельствует отношение американских руководителей к кампании по правам человека. Кампания по поводу «международного терроризма» наглядно продемонстрировала сугубо конъюнктурный подход администрации Р. Рейгана к ведению пропаганды, меньшую продуманность пропагандистской аргументации, значительно меньшее внимание к последовательности этой аргументации, к подбору «фактов», чем это имело место в период пребывания Дж. Картера на посту президента.

Вместе с тем внешняя политика администрации Р. Рейгана еще более идеологизирована, чем это было при администрации Дж. Картера. Речь идет о том, что такие традиционные структуры господствующей в США идеологии, как идеология оголтелого антисоветизма и мессианская, глобально-гегемонистская идеология, в большей мере составляют идейную основу внешней политики США, в большей мере мотивируют ее содержание и общую направленность.

Для Р. Рейгана и его ближайших сотрудников на протяжении 1980—1983 гг. в области идеологии характерны открытое использование идей национализма и шовинизма, призывы к «крестовому» походу против «безбожного» коммунизма и стран реального социализма, широкое употребление выражений, оскорбляющих национальное достоинство советского народа.

Наряду с превращением различий и спора идей в источник опасной конфронтации между государствами и резкого обострения международной напряженности во внешнеполитической практике администрации Р. Рейгана значительно большую роль играют такие средства, как прямое политическое, военное и экономическое давление, использование силы или угрозы силой.

* * *

Анализ зигзагов, колебаний и поворотов, характерных для внешней политики США в последние десятилетия, выявляет очень интересный факт.

Более тесную и прямую зависимость от господствующих и наиболее устойчивых структур идеологии, большую степень идеологизированности и идеологического догматизма во внешней политике здесь демонстрируют прежде всего те силы, которые выступают за милитаризацию и гонку вооружений, за активизацию «имперской» внешней политики и политики «холодной войны».

Наоборот, силы, выступающие за перестройку внешней политики в направлении большего реализма, большего учета изменяющейся международной обстановки, интересов и мировосприятия других стран и народов, сдвигов в соотношении сил между капитализмом и социализмом, в США пока проявляют меньшую склонность непосредственно использовать средства идеологии, опираясь в той или иной мере на традиции прагматического подхода в политике. Эти силы зачастую предпочитают прямую апелляцию к соображениям и аргументам конкретной практики.

Конечно, непосредственное обращение политики к конкретным проблемам и новым требованиям практики имеет огромное значение, но для обеспечения действительно прочной и массовой поддержки широких слоев обществственности конкретно-практические соображения и аргументы должны опираться на достаточно развитую идеологическую теорию, соответствующую новой практике и обобщающую эту практику, причем не только ее конъюнктуру, но и долговременные глубинные тенденции.

В США же в сфере идеологии и морали пока что прочно укоренились стереотипы и традиции, активно препятствующие перестройке внешней политики в направлении реализма, в духе принципов мирного сосуществования и разрядки международной напряженности. Лишь в случае повышения внимания к проблемам идеологии и массовой пропаганды реалистические и миролюбивые силы здесь могут приобрести более прочное влияние и обеспечить глубокую перестройку внешней политики в позитивном направлении.

Сегодня возможности реализовать права и интересы людей (и прежде всего право на жизнь) больше, чем когда бы то ни было, зависят от состояния международных отношений, от сущности внешнеполитического курса, проводимого государствами, от характера идеологических и моральных оснований этого курса, всей системы международных отношений. Ускорение динамизма современной истории, действительно становящейся историей всемирной, острые проблемы и противоречия, возникающие в глобальном процессе социального обновления, продолжающееся наращивание государствами арсеналов ядерного оружия — все это более настойчиво, чем когда-либо, ставит перед всеми государствами проблему четкого определения идейных, моральных позиций по актуальным проблемам, имеющим международную значимость, и сотрудничества в их решении в интересах человечества независимо от тех или иных разногласий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПОВЕДЕНИЕ США НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

На поведение США на мировой арене влияет ряд различных по значению, характеру и степени воздействия внешнеполитических факторов. Множественность и разнонаправленность этих факторов объясняются, с одной стороны, особенностями развития современных международных связей, а с другой — спецификой положения самих Соединенных Штатов в системе международных отношений.

В современную эпоху международные отношения все более превращаются из взаимосвязи и взаимодействия отдельных государств в их взаимозависимость в определенных системах. Речь идет прежде всего о социально-классовых группировках государств, а также и о международных экономических объединениях, политических союзах, военных блоках. Такая направленность в развитии международной жизни была подмечена В. И. Лениным, который подчеркивал, что «каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»¹.

Тенденция к усилению взаимозависимости и взаимодействия в рамках сложившихся или складывающихся систем государств дополняется другой тенденцией — умножением числа участников международного общения. В результате развала колониальной системы империализма (при которой взаимодействие между метрополией и колониями, как правило, изымалось из сферы международных отношений) резко возросло число государств, выступающих на международной арене в качестве полноправных субъектов международных отношений. Одновременно под влиянием процесса демократизации международной жизни возросла и продолжает возрастать внешнеполитическая свобода действий у тех государств, которые ранее пользовались лишь номинальной независимостью. Иначе говоря, большинство из тех, кто еще вчера был пассивным объектом внешнеполитических решений и действий империалистических держав, сегодня все больше становятся активными участниками мировой политики.

Что касается специфики положения самих США в общей системе современных международных отношений, то она выражается в том, что Соединенные Штаты выступают в качестве наиболее активного участника мировой политики из числа капиталистических стран. При этом их внешнеполитическая деятельность во второй половине

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 59.

XX в. носит глобальный и одновременно агрессивный характер — американские правящие круги хотели бы изменить внешнеполитическую среду применительно к собственным интересам и стандартам. Такое их поведение непосредственно связано с гегемонистскими тенденциями американского империализма, которые возникли на почве геополитических идей и националистических теорий «американоцентризма».

Одновременно Соединенные Штаты являются участником ряда экономических, политических и иных группировок капиталистических стран. При всем могуществе и самостоятельности США в принятии внешнеполитических решений они не могут быть свободными от тех обязательств и ограничений, которые налагает участие в тех или иных межгосударственных объединениях. Практика убеждает в том, что внешнеполитическую акцию системы государств, сложившейся на основе общности экономических, военно-политических и иных интересов, нельзя рассматривать как простой результат сложения политических интересов и импульсов государств, составляющих эту систему. В реальных условиях указанная акция будет производной весьма сложного взаимодействия различных по значению и направленности векторов, которые действуют в каждый данный момент, причем сами эти векторы весьма нестабильны.

Внешняя среда внешнеполитической деятельности США

В правящих кругах США существует свое особое представление относительно внешней среды, с которой взаимодействуют Соединенные Штаты. Это представление не остается статичным, раз навсегда заданным, да оно и не может быть таким в постоянно меняющемся мире. Однако если в прошлом темпы его перемен были сравнительно медленными и американским правящим кругам не столь часто приходилось пересматривать свои взгляды и оценки, то после окончания второй мировой войны положение резко изменилось. Достаточно вспомнить о неоднократных «мучительных» (если прибегнуть к ставшей обычной в США терминологии) пересмотрах, которым подвергалась американская внешняя политика и средства ее претворения в жизнь в этот период.

Каждый раз такой пересмотр становился необходимым в силу объективных причин — несоответствия внешнеполитического курса США и средств его осуществления реальному положению в мире. Субъективный фактор, прежде всего косность внешнеполитического мышления лиц, входящих в руководящие сферы, выступал, как правило, в роли тормоза и задерживал назревший пересмотр, нанося тем самым ущерб, и порой немалый, позициям Вашингтона на мировой арене. Степень этой косности определялась и определяется мерой неприязни к социализму, мировому коммунистическому и национально-освободительному движениям.

В первые послевоенные годы видение мира американскими руководителями имело довольно примитивный характер. Американской дипломатией была принята так называемая «биполярная» схема структуры международных отношений. Эта схема отвечала политике «холодной войны», развязанной Соединенными Штатами: мир делился на союзников США и на их противников. Американская дипломатия не признавала полутонов — существовало лишь черное и белое.

Такой подход, разумеется, не мог выдержать испытания при столкновении с реальной действительностью. Прежде всего оказалось, что большинство развивающихся стран, добившихся независимости, осталось вне блоковой политики США, избрав внешнеполитическую линию неприсоединения. Далее Вашингтон вынужден был осознать, что, несмотря на его конфронтационный подход к отношениям с Советским Союзом, у США и СССР имеется довольно широкий сектор совпадающих интересов. Наконец, «биполярность» в американском внешнеполитическом мышлении оборачивалась полным пренебрежением США к своим союзникам. Однако неравномерность экономического развития настойчиво подтачивала прежнюю, устраивавшую США расстановку сил внутри капиталистической системы, вела к укреплению экономического потенциала капиталистических стран, к их отказу безоговорочно поддерживать американский курс.

К началу 60-х годов все указанные моменты проявили себя настолько рельефно и убедительно, что можно было говорить о начале кризиса «биполярного» внешнеполитического мышления официального Вашингтона. Этот кризис прогрессировал на протяжении всего десятилетия и на рубеже 70-х годов заявил о себе с полной силой. Изменившийся мир не укладывался в прежнюю схему американского представления. Нужно было с большей долей реализма взглянуть на внешнюю сферу деятельности американской дипломатии.

В выступлении перед сенатской комиссией по иностранным делам 16 марта 1976 г. тогдашний государственный секретарь США Г. Киссинджер перечислил основные направления взаимодействия США с международной окружающей средой. В военной области, указывал он, США «уже более не обладают имеющим смысл ядерным превосходством». В области экономики им приходится «разделять лидирующее положение с Западной Европой, Канадой и Японией». США вынуждены также «иметь дело с разбогатевшими развивающимися нациями» и, наконец, «должны сделать новый выбор» в экономических отношениях с социалистическими странами².

Эта совокупность взглядов, которая, кстати, повторялась в той или иной форме в высказываниях других руководящих американских деятелей, заслуживает внимания по двум соображениям. Во-первых, она довольно четко обрисовывает основные направления

² Department of State Bulletin, 1976, Apr. 12, p. 482.

американской внешней политики, вытекающие из принятого определения международной среды. Во-вторых, она говорит о характерном стремлении затушевать классовое содержание современных международных отношений, выдвинуть на первый план вопросы сугубо прагматического, функционального плана без учета их классовой подоплеки.

В заявлении перед комиссией сената Г. Киссинджер, делая выводы из упомянутого выше анализа взаимодействия американской внешней политики с окружающей международной средой, подчеркивал, что «сегодня ввиду неизбежного возрождения и роста наших союзников и наших соперников Соединенные Штаты находятся в мире сравнительного равновесия»³. Здесь явно ощущается влияние теории «саморегулирующейся системы» равновесия, с которой выступают американские теоретики Т. Парсонс, Ч. Рейнолд и другие. Подобно классической концепции «баланса сил», к которой, как известно, Г. Киссинджер питал особое пристрастие, она имеет основной целью учитывать внешние признаки международной среды и оставлять без внимания публичные исторические процессы.

Но независимо от воли и желания американских теоретиков и политиков основу внешней политики составляют классовые отношения внутри отдельных стран и на международной арене. Заслуживает внимания в этой связи подход советских исследователей Ф. Бурлацкого и А. Галкина, предлагающих рассматривать мировую политику как общую линию международного развития, складывающуюся под воздействием классовой борьбы на международной арене, национальных политик и исторических традиций⁴. Такой подход позволяет проследить воздействие основных факторов, определяющих формирование и развитие системы международных отношений, а также подоплеку конкретных внешнеполитических акций, которые в конечном счете составляют их политическую реальность.

Столкновение с этой политической реальностью приводит американских политиков к неизбежной корректировке их схем «мирового порядка», основанной на вынужденном учете того обстоятельства, что существо мировой политики в современную эпоху составляет классовая борьба противоположных социальных систем на международной арене, борьба освободившихся от колониального гнета народов за новый экономический порядок.

Воздействие мировой системы социализма

Наиболее важная совокупность факторов, влияние которых испытывает внешняя политика США во всех ее аспектах, связана с мировой системой социализма и главным компонентом этой системы — Советским Союзом. Именно из этого источника поступали и посту-

³ Ibid., p. 486.

⁴ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Социология. Политика. Международные отношения. М.: Междунар. отношения, 1974, с. 241.

пают внешние импульсы такого значения и такой силы, что они формируют смысл и содержание внешнеполитической деятельности США, ее коренные, принципиальные моменты.

Относительное усиление в итоге второй мировой войны глобальных позиций американского капитала, все основные конкуренты которого из числа развитых капиталистических стран оказались в первые послевоенные годы практически выведенными из большой игры, создало, как представлялось американской правящей элите, благоприятные условия для экспансии американских монополий, установления «мира по-американски». «Единственным препятствием к экономическому завоеванию планеты, — констатирует американский социолог А. Рапопорт, — представлялось существование режимов, которые не допускали экономической экспансии капиталистических предприятий. Признание этого политического факта определило ориентацию внешней политики Соединенных Штатов и придало ей антикоммунистическую направленность»⁵.

Но социалистический строй обнаружил такую жизненность, такой динамизм в своем развитии, что американская политика, нацеленная на «отбрасывание» коммунизма или его «трансформацию» в сторону буржуазной системы, оказалась несостоятельной. Внешний импульс, исходивший из социалистического сектора мирового сообщества и существенно менявший картину политических ценностей в мире, заставил американское руководство произвести не одну болезненную переоценку своего внешнеполитического курса. Эти переоценки постепенно смещали американский курс от конфронтации к переговорам с Советским Союзом. Здесь наиболее рельефно проявилось великое предвидение В. И. Ленина о том, что после 1917 г. ни одно международное явление не может быть правильно понято, если не поставить во главу угла Советскую Россию.

Обращая внимание на возросшее могущество Советского государства, Г. Киссинджер констатировал: «Что бы мы ни делали, ничто не остановило бы эту эволюцию после импульса, который был дан советскому военному и экономическому росту двумя поколениями промышленного и технологического развития»⁶. По его убеждению, рост советской экономической и военной мощи создал «в основном стратегическое равенство». «Мы не можем остановить этот рост, — заявлял он, — но мы должны уравновесить его и предотвратить его использование для политической экспансии»⁷.

Развитие экономического, промышленного и оборонного потенциала СССР оказало решающее воздействие на внешнюю политику США, заставило Вашингтон произвести глубокую переоценку как возможностей американской дипломатии, так и ее методов. Руководителям США пришлось видоизменять наиболее одиозные методы

⁵ Rapoport A. The Big Two. Soviet — American Perceptions of Foreign Policy. N. Y.: Pegasus, 1971, p. 140.

⁶ Department of State Bulletin, 1976, Apr. 3, p. 426.

⁷ Ibid., 1976, Apr. 12, p. 458.

силовой политики. Тот же Киссинджер говорил, выступая в Оттаве в октябре 1975 г.: «Нам никак не следует предполагать, что ослабление напряженности — это уступка с нашей стороны, или что мы можем отказаться от нее в качестве некоей репрессалии»⁸.

Особая роль отношений между США и государствами социалистического содружества, прежде всего Советским Союзом, определяется в современных условиях не только их классовым содержанием. Именно в сфере взаимоотношений двух систем непосредственно решается вопрос о том, быть или не быть мировой ядерной войне. От состояния отношений и степени взаимопонимания между СССР и США зависит поддержание мира и характер международных отношений в целом.

Советский Союз, социалистическое содружество своим существованием, своей активной, конструктивной внешней политикой ломают традиционные подходы Вашингтона к формированию своей внешней политики, подчиненной задаче установления мирового господства США.

Теория «перцепции силы»

Находясь в 70-е годы на посту министра обороны США, Дж. Шлесинджер выдвинул теорию «перцепции», или восприятия. Существование этой теории, которая замышлялась как инструмент оправдания дальнейшего наращивания вооружений, заключается в том, что решения и действия государства определяются не реальным положением страны, а тем, как оно воспринимается теми кругами, которые принимают решения.

По утверждению американского исследователя А. Кокса, теория Шлесинджера быстро вошла в моду и стала объектом изучения в США. Авторы исследования, предпринятого Джорджтаунским университетом, развивая идеи Шлесинджера, утверждали, например, следующее: «Могущество — субъективный фактор; его вовсе не нужно употреблять, чтобы добиться результатов, желаемых теми, кто им располагает. Лидеры нации принимают решения, затрагивающие внешнюю политику, либо на базе их представлений о собственном могуществе, либо же на базе их оценок могущества других. Такие представления не всегда могут быть точными, но они тем не менее определяют решения»⁹.

А. Кокс указывает, что теория «перцепции» вовсе не нова в американской политической жизни. Она была усовершенствована Дж. Шлесинджером в 1975—1976 гг., но была принята на вооружение американской внешней политики значительно раньше, фактиче-

⁸ Ibid., 1975, Nov. 3, p. 641.

⁹ Cox A. M. The Dynamics of Detente. How to End the Arms Race. N. Y.: W. W. Norton and Co., 1976, p. 44.

ски на второй день после Великой Октябрьской революции. О ней, понятно, не говорили много, напротив, ее скрывали, создавая видимость якобы объективного подхода к событиям в Советской России. Но «перцепция» как субъективное классовое восприятие определяла все истекшие годы оценки американской внешней политики и принимавшиеся ею решения в связи с воздействием Советского Союза, а затем социалистического содружества на международную окружающую среду.

Восприятие американской внешней политикой (точнее, ее истэблишментом) Советского Союза, происходящих в нем событий, его внешнеполитических акций обладает рядом своеобразных черт, коренящихся как в специфическом географическом положении США, так и в их роли на мировой арене и в системе других буржуазных государств, равно как и в американских традициях мессианства, великодержавного шовинизма и т. п. Эти особенности восприятия политическим руководством США окружающей международной политической среды в целом и мира социализма в частности оказывают значительное влияние на внешнеполитическую деятельность Вашингтона.

Следует обратить внимание еще на один момент. Восприятие политики, действий, образа жизни идеологического противника является отправной точкой разработки пропагандистских акций и курса пропаганды в целом. Однако пропаганда, а тем более пропаганда, систематически ведущаяся в течение многих лет, может оказывать и, как свидетельствует практика, оказывает обратное воздействие на восприятие, еще более искажает его налетом предубеждений, априорных представлений.

Такое искажение восприятия или ослепление, навеянное собственной пропагандой, приводит к тому, что мерки и штампы, присущие капиталистическому государству, американские политики и теоретики пытаются применять в отношении государств иной социальной природы. Это порождает определенное спекулятивное направление в американской социологии, появление такой «науки», как пресловутая «кремленология», процветавшая в годы «холодной войны».

Ее печатная продукция явилась существенным подспорьем для антисоветских пропагандистов всех мастей, она сыграла немалую роль в ухудшении международной атмосферы, сея недоверие и подозрительность. Такая «наука» не имела ничего общего с действительно научным пониманием основ советского государственного устройства, его функционирования, движущих сил советского общества, сущности социалистической демократии. Поэтому ее оценки и рецепты в конечном счете лишь дезориентировали политическое руководство США, не говоря уже о рядовых гражданах.

Недалеко ушло от «кремленологии» другое течение во внешней политике Вашингтона, которое стремится сыграть на мнимой слабости социалистического строя, возможности его «разрыхления». Нет,

видимо, необходимости подчеркивать, что такого рода надежды лежали в основе доктрины «сдерживания коммунизма», которая выступала идеологическим детерминантом «холодной войны».

Стратегический аспект внешней среды

Если проанализировать выступления американских политических и государственных деятелей за годы, прошедшие со времени признания советско-американского ракетно-ядерного паритета, то в проводимых ими сопоставлениях можно заметить одну особенность. Сравнивают как бы вершины гор и делают вид, что не замечают, на чем они сидят. Между тем ракетно-ядерный потенциал не может быть создан и не может существовать без мощной научно-промышленной базы, без сильной, всесторонне развитой экономики.

В период «холодной войны» первостепенным вниманием американской буржуазной прессы пользовались политические и военно-политические акции, обострявшие международную напряженность и взвинчивавшие гонку вооружений. Между тем главная линия фронта «холодной войны» проходила в экономической области. Да и исходной акцией «холодной войны» как поворота от сотрудничества в военный период к неприкрытой вражде был отказ Советскому Союзу в американских кредитах. Сама гонка вооружений, явившаяся атрибутом «холодной войны», рассматривалась американским руководством не только как способ военно-политического давления на СССР и другие страны социализма, но и как средство обескровить советскую экономику, вынуждая Советское государство крепить свою оборонную мощь в ответ на американские программы наращивания вооружений.

Мысль об особой чувствительности американских правящих кругов к экономическому подъему Советского Союза, упрочению технико-промышленной базы социалистической экономики можно было бы подтвердить многими примерами, начиная с известного плана Маршалла, одна из задач которого состояла в упрочении экономической и социальной стабильности капиталистических стран Западной Европы в противовес Советскому Союзу. Наконец, следует подчеркнуть систему ограничений в торговле с Советским Союзом и странами социалистического содружества, которая была навязана Вашингтоном западным государствам. Такая система ограничений и дискриминации (ее наиболее ярким выражением остается список стратегических товаров, запрещенных для продажи СССР и другим социалистическим странам) была серьезной помехой для процесса нормализации международной обстановки.

Атмосфера разрядки заставила руководителей американской внешней политики отступить от ряда старых постулатов. Были декларированы желательность и готовность расширять экономические отношения с Советским Союзом и другими социалистическими стра-

нами. Но реальная политика и практические действия Вашингтона говорят о том, что американские правящие круги относятся к перспективам советского экономического и промышленного роста весьма настроенно.

Пользуясь теорией «перцепции», американские политологи сами себя убедили в якобы сильном «технологическом отставании» Советского Союза от Запада, а следовательно, в его «исключительной заинтересованности» в получении западной технологии. Из этого последовал вывод, что ради приобретения этой технологии Советский Союз готов заплатить любую цену и поэтому имеется реальная возможность склонить его к односторонним политическим уступкам.

Несостоятельность такой концепции и вытекающей из нее политики очевидна. При нынешних уровне и темпах развития научно-технического потенциала ни одна страна не может претендовать на исключительное положение в области технологии. Относительное положение стран непрерывно меняется, и сами США на ряде технологических направлений отнюдь не занимают передовых позиций.

Искаженное представление о промышленно-экономическом потенциале Советского Союза в сочетании с желанием осложнить его дальнейшее развитие руководило американскими конгрессменами в 1973—1974 гг. при обсуждении советско-американского торгового соглашения 1972 г. Со стороны сенатора Г. Джексона и других была предпринята попытка в обмен на утверждение соглашения, предоставлявшего СССР режим наибольшего благоприятствования в торговле с США, иначе говоря, нормальный, а не дискриминационный торговый режим, добиться права вмешательства во внутренние дела СССР. Перед лицом таких попыток советское правительство отказалось ввести в действие указанное соглашение.

Неумение правильно оценить внешнюю среду в экономико-политическом плане и возможности Советского Союза в этой области вызвало просчеты американского руководства, когда оно попыталось «наказать» СССР за помощь афганскому народу в защите его революционных завоеваний. Вашингтон сумел добиться дальнейшего свертывания советско-американских торговых обменов, в частности, за счет срыва уже заключенных контрактов на поставку фуражного зерна Советскому Союзу. Но это опять-таки обернулось потерей для самой американской экономики, а для отдельных социальных слоев, например фермеров.— тяжелым ударом.

Аналогичным образом попыталась поступить администрация президента Рейгана, запретив поставки техники, изготовленной по американским лицензиям, в Советский Союз для строящегося газопровода Советский Союз—Западная Европа. Необоснованность и очевидная бессмысленность этой меры были настолько очевидны, что западноевропейские страны—союзники США отказались следовать этой мере администрации Рейгана и распорядились, чтобы все фирмы на их территориях, независимо от их связей с американским капиталом, выполнили подписанные контракты.

Фактор развивающихся стран

Важным фактором влияния на мировую политику стали государства, которые еще недавно были колониями или полуколониями. Активизация внешней политики освободившихся государств проявляется по многим направлениям — в деятельности движения неприсоединения, Организации африканского единства, различных экономических объединений, созданных освободившимися странами.

Новое положение освободившихся стран на международной арене и особенности их политики в системе современных международных отношений оказывают весьма значительное воздействие на американскую внешнюю политику. Прежде всего в глазах американского политического руководства освободившиеся государства стали значительным самостоятельным фактором мировой политики, который необходимо принимать в расчет как при определении общего курса и общих основ внешней политики США, так и при выработке решений по многим конкретным внешнеполитическим вопросам.

Отмечая роль освободившихся государств как самостоятельного фактора в мировой политике, следует обратить внимание на попытки американской дипломатии спекулировать на этом обстоятельстве в ущерб социалистическим странам. Одной из излюбленных идей бывшего специального помощника президента по вопросам национальной безопасности Бжезинского было утверждение, что, вместо того чтобы быть «поглощенными» соревнованием с Советским Союзом, США должны сосредоточиться не только на усилении связей с союзниками, но и «на развитии более тесных отношений со многими важными в региональном или международном отношении державами, которые вышли на передний план за последние два-три десятилетия»¹⁰.

Не принижая роли освободившихся государств, особенно в той области, которая связана с вопросами снабжения промышленным и энергетическим сырьем, следует сказать, что наибольшее значение они представляли и представляют для американских правящих кругов в контексте соревнования между двумя социальными системами. Это со всей определенностью вытекает из того, с какой первозностью воспринимает руководство США, когда народ того или иного освободившегося государства выбирает курс социалистической ориентации, когда такое государство вступает в отношения сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Подобная нервозность ярко проявилась в реакции Вашингтона на успешное завершение освободительной борьбы ангольского и эфиопского народов, которым была оказана соответствующая помощь и поддержка со стороны Советского Союза, социалистической Кубы и других братских стран социализма.

¹⁰ U. S. News and World Report, 1978, Febr. 13, p. 28.

В этих случаях — как, впрочем, и во всех других случаях борьбы народов Африканского континента за свободу — США выступили против национально-освободительного движения. Известный американский журналист С. Сульдбергер отмечал в связи с этим, что США «побудили Южную Африку — пугало для любого черного государства — направить 1500 человек регулярных войск на север, чтобы удержать карточный домик от развала. Результат был неотвратим. Мы пожертвовали своим престижем и Анголой». В этом контексте была вновь возрождена в несколько видоизмененной форме пресловутая «теория домино», которой оправдывалось эскалационное вовлечение США в вооруженную агрессию против народов Индокитая¹¹. Отношение США к событиям на Африканском Роге, скрытая и явная поддержка правящей группировки Сомали, которая вступила на путь агрессии против Эфиопии под влиянием националистических мотивов, продемонстрировали, что американская внешняя политика исходит из стремления подавить национально-освободительное движение народов, воспрепятствовать их переходу на путь социалистического развития. Об этом же свидетельствовала и реакция США на революционные преобразования в Афганистане.

Американское политическое руководство усматривает в национально-освободительном движении угрозу как собственным интересам, так и общим позициям империализма. Такая оценка начала явно преобладать к концу 70-х — началу 80-х годов, после того как рухнули расчеты США превратить Иран в бастион империализма на Ближнем и Среднем Востоке. Вашингтон решил в этой связи занять «жесткую» позицию, объявить район Персидского залива зоной «жизненных интересов» США.

Однако при всей неприязни к национально-освободительному движению американские правящие круги принимают в расчет то, что в современной международной обстановке не всегда можно и выгодно идти напролом, пытаться силой оружия подавить народ, полный решимости отстаивать свои права и свободу. Осознание этого приводит в ряде случаев к реформистским тенденциям в американской внешней политике, стремлению путем частичных компромиссов отделаться умеренными подачами, сохранив главные интересы.

Американская внешняя политика предпринимала также усилия в направлении воздействия на движение неприсоединения, которое превращается во все более весомый фактор внешнеполитической среды для США. Как известно, движение неприсоединения играет значительную роль в мировой политике и от того, куда идут его усилия, ощутимо зависит эволюция международной обстановки.

¹¹ В соответствии с «теорией домино», выдвинутой в свое время президентом Эйзенхауэром применительно к Юго-Восточной Азии, выпадение одного развивающегося государства из западной системы неминуемо повлечет за собой цепную реакцию такого рода выпадений (на манер падения поставленных вертикально в ряд костяшек домино), чему США должны всеми силами препятствовать, не допуская — путем интервенции в защиту статус-кво — начала такой цепной реакции.

Антиимпериалистический характер движения неприсоединения воспринимался с нескрываемым раздражением руководителями внешней политики США. Однако в Вашингтоне осознали неэффективность такой лобовой тактики, и в 70-е годы явно был взят курс на то, чтобы, используя внутреннюю неоднородность движения, превратить монархические и некоторые другие страны, входящие в движение, в проводников американского влияния.

В качестве ближайшей цели трансформации международно-политического лица движения неприсоединения поставлена задача добиться «равноудаленности» движения от США и СССР. В представлении американских политиков это дает двойную выгоду — притупляет антиимпериалистическую направленность движения и возводит своего рода стену между ним и социалистическими странами. Такая тактика, по оценке некоторых американских теоретиков, является наиболее перспективной в современных условиях.

Фактор сырьевой зависимости

Увеличение зависимости американского экономического механизма от зарубежных источников промышленного и энергетического сырья придало американской внешней политике повышенную чувствительность к образованию и консолидации экономических группировок развивающихся государств. Это обстоятельство наиболее выкукло прослеживается на примере нефти.

Стремясь покончить с господством иностранных монополий, нефтедобывающие страны образовали в 1960 г. организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК). В состав ОПЕК входят шесть наиболее крупных нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока — Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар и ОАЭ. На их долю приходится до 75% нефтедобычи всей организации. Остальные члены ОПЕК — Ливия, Алжир, Венесуэла, Эквадор, Индонезия, Нигерия, Габон — играют менее значительную роль. В итоге успешной борьбы этих стран в 70-е годы, как отмечалось в одном из документов ООН, «традиционное явление принадлежности нефтяных предприятий иностранным компаниям, которые владели более чем 50% акций или контролировали эти предприятия, стало скорее исключением, чем правилом в странах ОПЕК»¹².

Осенью 1973 г. в ответ на поддержку западными державами агрессивной экспансионистской политики Израиля страны ОПЕК использовали поставки нефти как политическое оружие. Нефтяной бойкот продемонстрировал эффективность совместных действий развивающихся стран в защиту своих интересов. Такие совместные действия и согласование политики стран ОПЕК приобрели значение весомого фактора в мировой политике.

¹² Док. А/9716, с. 4.

Выступление арабских стран единым фронтом глубоко встревожило руководителей американской внешней политики. Соединенные Штаты совместно с другими развитыми капиталистическими государствами пытались в течение ряда лет подорвать единство стран ОПЕК, развалить эту группировку развивающихся стран. Одновременно они стремились помешать тенденции к объединению стран — поставщиков других сырьевых материалов. Желание расколоть этот фронт подтолкнуло Вашингтон к некоторым сдвигам в подходе к арабским нефтедобывающим странам. Внимание Вашингтона сместилось в сторону крупнейших экспортеров нефти с монархическими реакционными режимами в попытке теснее привязать их к себе. США широко раскрыли для них доступ к закупке новейшего американского вооружения — радиолокационных систем АВАКС, истребителей-бомбардировщиков F-14, F-16 и т. д.

Борьба освободившихся стран за право контроля над собственными природными ресурсами в сочетании с растущей зависимостью Запада от сырья, поступающего из этих стран, рассматривается в американских правящих кругах в числе факторов, которые могут серьезно ухудшить внешнюю среду для продвижения интересов США. В качестве противодействия процессу была выдвинута концепция «глобальной взаимозависимости». Эта концепция имела цель внушить правительствам и национальной буржуазии освободившихся стран представление об общности их судьбы с западными державами и таким образом ослабить нажим со стороны освободившихся стран на государства Запада, направить строительство «нового экономического порядка» в русло, которое соответствует империалистическим интересам. «Управляемая взаимозависимость», утверждают специалисты из Трехсторонней комиссии, стала необходимой для мирового порядка в предстоящие годы¹³.

Фактор союзников

Новые аспекты внешнеполитической среды, в которой реализуется политика США, во многом обусловлены также процессами в лагере промышленно развитых капиталистических государств.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии было обращено внимание на сдвиги, которые произошли внутри системы промышленно развитых капиталистических государств. «К началу 70-х годов, — подчеркивалось в нем, — отчетливо определились основ-

¹³ См.: *Cooper R., Kaiser K., Kosaka M. Towards a Renovated International System. The Triangle Papers: 14.* New York; Brussels; Tokyo: The Trilateral Commission, 1977, p. 5.

Трехсторонняя комиссия была создана в июле 1973 г. по инициативе финансовой группировки Рокфеллеров. Хотя Трехсторонняя комиссия не является официальной правительственной организацией, в ее состав, помимо представителей деловых кругов США, Западной Европы и Японии, входят видные политические деятели, занимавшие правительственные посты.

ные центры империалистического соперничества: это США — Западная Европа...— Япония. Между ними все острее развертывается экономическая и политическая конкурентная борьба»¹⁴.

Образование Европейского экономического сообщества — «Общего рынка», — его выход, равно как и выход Японии, на мировую арену подорвали экономическое превосходство США, которое сложилось после второй мировой войны. В 1948 г. Соединенные Штаты производили промышленной продукции почти в 2 раза больше, чем их нынешние экономические соперники, вместе взятые. В настоящее время Западная Европа и Япония в совокупности производят больше, чем Соединенные Штаты. Нынешней расстановке сил в капиталистическом мире, следовательно, уже не соответствует сложившаяся в нем ранее структура экономических отношений. «Европейское экономическое сообщество, — отмечал еще в 1973 г. журнал „Ревю дю марше коммэн“, — является в настоящее время первой торговой державой мира...»¹⁵

В итоге отношения между США и Западной Европой выступают как отношения крупнейшей державы капиталистического мира со странами, которые вместе обладают сопоставимым экономическим и политическим потенциалом. Отсюда усилия американской внешней политики найти такие формы взаимодействия с Западной Европой и с Японией, которые в большей мере отвечали бы изменившемуся положению этих участников мирового сообщества и вместе с тем ограждали бы интересы Соединенных Штатов.

В послании президента Никсона конгрессу в 1970 г., в котором намечался курс внешней политики США на 70-е годы, ставилась задача обеспечить в отношениях со странами Западной Европы «партнерство», определявшееся то как «новое» и «зрелое», то как «равное» и «сбалансированное»¹⁶. Учитывая последствия перемен в соотношении экономических потенциалов, руководители американской внешней политики хотели добиться такого перераспределения политических ролей, которое позволило бы Вашингтону удерживать доминирующее положение в западном мире и обеспечивало бы интересы США с меньшими усилиями и издержками. Подобную направленность внешнеполитических планов США раскрывало послание президента Никсона 1973 г., подчеркивавшее «разделенную ответственность» и «более равное партнерство», базирующееся на «более уравновешенном вкладе»¹⁷.

¹⁴ Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства: Речь и статья. М.: Политиздат, 1973, с. 332—333.

¹⁵ Revue du Marché Commun, 1973, août-sept., p. 328.

¹⁶ См.: U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon, President of the United States. Febr. 18, 1970. Pt II: Partnership and the Nixon Doctrine. Wash.: U. S. GPO, 1970.

¹⁷ U. S. Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report to the Congress by Richard Nixon. President of the United States. May 3, 1973. Wash.: U. S. GPO, 1973, p. 7, 9.

Предложение о «новой Атлантической хартии», с которым США обратились к своим западноевропейским союзникам 23 апреля 1973 г., показывало, куда направлены устремления американской дипломатии. В предложении подтверждались глобальная роль и обязанности США, а для Западной Европы предусматривалась всего лишь региональная роль. Подчиненное место Западной Европы в предлагавшейся схеме объяснялось желанием США подключить к «новой Атлантической хартии» Японию. В подобной схеме трех центров западного мира Соединенные Штаты предусматривали для себя место неоспоримого лидера и арбитра.

У западноевропейцев было достаточно оснований отнестись с недоверием к формуле «взаимозависимости» и «партнерства». Они более глубоко, чем ранее, осознали, что их интересы не идентичны интересам США. Это позволило им увидеть, что, несмотря на все заявления Вашингтона о «равном» и «зрелом» партнерстве, Соединенные Штаты хотят, чтобы Западная Европа, как и прежде, довольствовалась ролью младшего компаньона США.

Но новые реальности международного положения были более серьезными, чем представляли их себе Соединенные Штаты. Стремление стран Европейского экономического сообщества играть видную и самостоятельную роль в международной политике оказалось более сильным, чем предполагали США. Западноевропейские страны имеют возможность опираться на уже достигнутое в рамках «десятки» экономическое сближение. И они делают это ради собственных интересов, интересов Западной Европы, а не в интересах Соединенных Штатов.

Вашингтон вовсе не склонен позволять самостоятельных акций со стороны Западной Европы и Японии. Отсюда упорные поиски Вашингтоном путей и способов «стреножить» другие капиталистические страны. Этим целям отвечает, в частности, концепция «сообщества индустриально развитых стран».

Мысль ее творцов развивалась в том направлении, что промышленно развитые страны Западной Европы, Япония и Соединенные Штаты должны выступать не каждая сама по себе, а единым строем. Цель — координировать экономические и политические отношения со странами социалистического содружества и освободившимися государствами. Трехсторонний союз индустриально развитых стран капитализма должен, как считают США, сыграть свою роль и в выработке более «рационального» мирового экономического порядка. Это, по существу, курс на сплочение сил основных капиталистических держав на основе общих, глобальных интересов монополистического капитала для сохранения и укрепления позиций империализма.

Происходящие на мировой арене изменения в соотношении сил в пользу социализма, углубление общего кризиса капитализма, рост влияния освободившихся государств заставляют правящие круги США придавать первоочередное значение отлаживанию меха-

низма координирования действий основных капиталистических держав.

За последнее время этот механизм приобрел достаточно определенные очертания. Речь идет в первую очередь о регулярных ежегодных закрытых встречах глав государств и правительств семи основных капиталистических стран (США, ФРГ, Англия, Франция, Италия, Япония и Канада). Эти встречи, начатые в 1975 г., дают возможность основным капиталистическим государствам разрабатывать их общие позиции по важным мировым проблемам и координировать внешнюю политику.

Историческая бесперспективность таких концепций, а также обреченность основанных на них политических расчетов очевидны. Но они тем не менее влияют на политику западных стран и воздействуют в некоторой мере на позиции руководства развивающихся стран.

Суммируя изложенное выше, можно сказать, что, хотя поведение США на мировой арене во многом определяется расстановкой внутриполитических сил (прежде всего среди господствующей крупной буржуазии), на него оказывает большое воздействие и внешняя среда. При этом тенденция идет в направлении усиления влияния последнего. Причины развития этой тенденции состоят в росте взаимозависимости, в изменении общего соотношения мировых сил не в пользу США.

Это не означает, что американские политики — особенно консервативного толка — окончательно отказались идти напролом. Такого рода попытки не раз имели место в прошлом, и следует считаться с вероятностью их повторения в будущем. Но возможности американского империализма влиять на внешнеполитическую среду в выгодном для себя направлении в последние десятилетия явно сократились. Вот почему американская дипломатия становится все более реактивной в том смысле, что в ее акциях все большее место занимают шаги в ответ на инициативные действия других участников международного общения.

Вызвано это тем, что прежде всего усложнилась сама внешнеполитическая среда, в которой осуществляется внешняя политика Вашингтона. Это произошло в результате повышения политической активности и внешнеполитических возможностей Советского Союза и всего социалистического содружества, выхода на международную арену группировки освободившихся стран, включающихся в активную борьбу, повышения удельного веса в мировой политике Западной Европы и Японии, серьезного роста влияния демократической мировой общественности на внешнюю политику.

Помимо этого, усилилось воздействие самой внешнеполитической среды. Соединенные Штаты, поскольку их международный политический и экономический «профиль» стал относительно более скромным, вынуждены считаться с характером и изменением среды по более широкому кругу вопросов. В свете этого активность американ-

ской дипломатии является порой не столько показателем растущего влияния США на развитие событий в мире, сколько выражением вынужденной реакции на ослабление и расшатывание международных позиций американского империализма. Это обстоятельство отнюдь не притупливает опасности агрессивного характера американской внешней политики. Скорее приходится говорить о противном: ускользание из рук Вашингтона контроля за ходом событий в мире увеличивает вероятность опрометчивых шагов с его стороны. История последнего времени дает немало доказательств этому.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Внешней политике Соединенных Штатов присущи как классовые, так и национальные особенности. Классовое содержание внешней политики американского государства обусловлено экономическими и идеологическими устремлениями господствующих кругов, определенным образом преломляющимися в мировоззрении истеблишмента. Последнее же формируется на почве национальной буржуазной культуры, специфически американских культурно-идеологических ценностей и традиций. Уже в годы Американской революции образовалась известная совокупность взглядов американской верхушки на внешний мир, ставшая основой внешнеполитических традиций правящего класса США.

Корни консерватизма

Развитие общественного сознания всегда содержит в себе элементы сочетания и противоборства традиций и нововведений. Нововведения в общественном укладе, общественной психологии выступают как отрицание традиций, как их антитезис. Но общественное сознание в целом, как неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, проявляет тенденцию к некоторому отставанию от темпов изменений в базе общества, в окружающей международной среде. Оно осмысливает происходящие перемены с определенным запаздыванием. Следовательно, для идеологии класса, особенно класса эксплуататорского, характерна приверженность традициям, освященным вековой историей, и на почве этих традиций зиждется, крепнет и углубляется консерватизм его мышления.

Консерватизм американской буржуазной идеологии коренится в стремлении сохранить неизменным основной принцип устройства общества — в системе частной собственности и вытекающих из нее конкуренции, погони за прибылью, неразборчивости в способах и средствах ее получения. Этот консерватизм характерен и для

внешнеполитической философии, поскольку при неизменности общественных условий на нее оказывают влияние и некоторые непреходящие факторы географии и истории: удаленность страны от основных исторических районов войн и конфликтов, отсутствие достаточно сильных и опасных соседей, большие просторы самих США и емкость их внутреннего рынка, динамизм роста населения за счет иммиграции, уничтожение коренного населения, расизм по отношению к черным американцам и т. д. Все это сказывается на том, что специфически американское видение внешней политики, ее функций, ее роли в обеспечении интересов правящего класса во многом остается близким тому, о чем писали и говорили основатели американского государства. «Что бросается в глаза любому изучающему высказывания и политику наших отцов-основателей, — писал в 1976 г. патриарх американских политологов Г. Моргентау, — так это характерная идентичность их и наших политических и интеллектуальных интересов»¹.

Но сила традиций американской внешней политики — не только в благовоительном отношении к заветам отцов-основателей. Эта сила — во всей специфике развития Соединенных Штатов, позволившей им за относительно небольшой исторический срок пройти путь от сельскохозяйственных колоний, разместившихся в ограниченной части Североамериканского континента, до мощной индустриальной державы, располагавшей уже в конце XIX в. огромным финансовым, научно-техническим, военным, демографическим потенциалом. Это американское «чудо», вызывавшее в прошлом зависть многих европейских политиков и государственных деятелей (как однажды выразился Бисмарк, «провидение явно охраняет пьяниц, дураков и американцев»), и позволило правящим кругам США закрепить некоторые характерные черты американского опыта в незыблемые каноны философии, морали и политики.

По мнению некоторых американских специалистов, наиболее традиционным отношением политических кругов США к проблемам внешней политики является извечный спор между изоляционистами и экспансионистами (или интервенционистами). Если идеал изоляционистов — «Америка-крепость», иными словами, такое поведение Соединенных Штатов на международной арене, которое в минимальной степени грозит им втягиванием в международные споры и конфликты, то для экспансионистов оптимальная цель внешнеполитического курса — установление американского «мирового порядка», достижение «Пакса Americana». «Идеологический характер американской внешней политики, — писал по этому поводу один из популярных ныне неоконсервативных идеологов США Ирвинг Кристал, — скрыт от глаз общественности тем фактом, что в ней почти нет обычного для XX столетия противоборства между

¹ Morgenthau H. The Founding Fathers and Foreign Policy: Implications for the Late Twentieth Century. — Orbis, 1976, Spring, p. 16.

левым и правым крылом. Два противодействующих идеологических начала во внешней политике США с самого рождения нашей республики — это изоляционисты против интервенционистов — специфически американские категории, не имеющие аналогов ни в одной другой стране»².

Действительно пользуясь удаленностью страны от основных центров мировой политики, слабостью и относительной ненадежностью коммуникаций до эпохи пара, электричества и авиации, американские правящие круги могли проводить политику «свободного выбора» между активизацией внешней экспансии или сосредоточенностью на внутренних делах в зависимости от положения внутри США и на международной арене³.

Само собой разумеется, что в конечном счете действия правящего класса США были предопределены его общественными нуждами и потребностями на разных этапах развития страны: раннекапиталистической экспансии, гражданской войны и реконструкции, перехода к империализму на рубеже XIX и XX вв., в эпоху борьбы и соревнования двух мировых систем. Но выгодность географического положения Соединенных Штатов, наличие огромных внутренних пространств и ресурсов, их удаленность от районов крупных конфликтов и вообще большая степень их независимости от внешнего

² The Vietnam Legacy. The War. American Society and Future of American Foreign Policy / Ed. A. Lake. N. Y.: New York University Press, 1976, p. 81.

³ Профессор университета Южного Иллинойса Ф. Клингберг на основе анализа содержания ежегодных посланий президентов США конгрессу (контент-анализа) и систематизации основных событий американской истории составил таблицу, показывающую цикличность колебаний в «американском настроении» между «сосредоточенностью на внутренних делах» и «сосредоточенностью на внешних делах»:

Сосредоточенность на внутренних делах	Сосредоточенность на внешних делах
1776—1798 гг.	1798—1824 гг.
1824—1844 гг.	1844—1871 гг.
1871—1891 гг.	1891—1918 гг.
1918—1940 гг.	1940—1966(67) гг.
В среднем — 21 год	В среднем — 27 лет

(см.: *Klingberg F. L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods and Their Policy Implications.— Challenges to America: United States Foreign Policy in the 1980's* / Ed. Ch. W. Kegley, P. J. McGowan. Beverly Hills.— L.: Sage Publications, 1979, p. 38).

Как и любая абстрактная схема, таблица Клингберга в какой-то мере страдает искусственностью. Конечно же, «сосредоточенность на внутренних делах» не означала забвения дел внешних, и наоборот. Тем не менее нельзя не увидеть рациональное зерно в его подходе к анализу американской политики: опубликовав впервые свою таблицу в 1952 г., он довольно точно предсказал поворот США к внутренним делам в конце 60-х годов, что и произошло в связи с провалом американской агрессии во Вьетнаме. А ныне наблюдается начало очередного поворота к активно-интервенционистской политике.

мира — все это создавало широкие возможности для внешнеполитического маневра, для выбора оптимальных моментов и сроков акти-визации внешней экспансии или ее ограничения.

Вместе с тем нельзя согласиться с утверждениями ряда американских историков о том, что конфликт «изоляционизм против интервенционизма» — явление сугубо американское. И другие страны и народы в разное время своей истории также переживали периоды внешней экспансии и изоляционистских настроений в зависимости от обстоятельств их развития. Почти в каждой из крупных стран мира на протяжении истории имело место противоборство между группировками правящих кругов, выступавших в пользу разрешения своих проблем за счет внешней экспансии, и группировками, считавшими, что решать проблемы следует за счет сосредоточения на внутренних делах.

Однако, безусловно, для Соединенных Штатов Америки в силу специфики их положения, океанской «отгороженности» от главных мировых «центров силы» выбор между изоляционизмом и интервенционизмом зависел не столько от объективных обстоятельств, сколько от субъективных устремлений их правящих кругов. Они могли позволить себе, пользуясь своим изолированным от Европы положением, проводить политику «невовлечения в блоки» («nonentanglement» — «невязывания») и в критический момент «бросать свой вес на чашу весов» в пользу одной из противоборствующих европейских коалиций, с тем чтобы обеспечить исход, более соответствующий интересам США. Именно поэтому очень многие американские историки склонны считать основной концепцией американской внешнеполитической философии изоляционизм, а интервенционизм рассматривать в качестве некоей аберрации типического американского внешнеполитического поведения, характерного вплоть до второй мировой войны. После же этой войны, когда США поставили перед собой цель создания «Пакса Американа», призывы к более изоляционистской политике, порой выдвигаемые отдельными политическими деятелями и учеными, представляются большинству специалистов, да и большинству самого правящего класса, аномалией.

И если и впрямь рассматривать колебания между изоляционизмом и интервенционизмом в США как проявления в первую очередь субъективной воли правящей элиты, то нельзя не признать справедливой точку зрения А. Лейка — редактора коллективной монографии «Наследие Вьетнама», который считает изоляционизм и интервенционизм двумя крайними выражениями американского национализма. Последний, по существу, и определяет традиционные «ценности» американской внешней политики⁴. К ним относятся концепции «предустановленной судьбы» (или «явного предначертания»), «просвещенного эгоизма» и «справедливой войны», очерчи-

⁴ См.: The Vietnam Legacy..., p. XXII.

вающие в общем плане цели и характер внешней политики страны, стиль внешнеполитического мышления американского правящего класса, его подход к международным соглашениям, к поведению на международной арене.

«Явное предначертание»

Основополагающее значение для национального самосознания правящих кругов США имеет теория «предустановленной судьбы», или «явного предначертания», иначе говоря, особой, уникальной миссии, как бы предуготовленной свыше для американской нации⁵. Зародившаяся как критическое отрицание ценностей и образа жизни Старого Света с его пороками, несправедливостью, узостью мышления, сословными перегородками, эта теория первоначально представляла собой сумму взглядов и настроений первых руководителей и идеологов американской республики — Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона, Дж. Монро, Т. Пейна, Б. Франклина, И. Аллена, А. Гамильтона и других. Их политические взгляды проявлялись в сугубо религиозной форме. Они верили в то, что исход пилигримов-пуритан за океан, из старой тиранической Англии в землю обетованную, названную ими Новой Англией, где они в конце концов установили свои — демократические — церковные и общественные порядки, освящен волей самого Всевышнего. Он как бы лично предначертал им жизнь в Новом Свете, новом Сионе, где они должны обрести, наконец, душевный и жизненный покой. Сила и мужество «отцов-пилигримов», переплывших осенью 1620 г. Атлантический океан на корабле «Мэйфлауэр», и последовавших за ними многих тысяч переселенцев и их упорная борьба за существование в суровых природных условиях Северной Америки во многом наложили свой отпечаток на моральный дух зарождавшейся нации, предопределили такие ее качества, как огромная предприимчивость, вера в собственные силы, оптимизм, изобретательность, культ физической силы.

Возможно, что без такого первоначального комплекса моральных и физических качеств первопоселенцы не могли бы в относительно сжатые исторические сроки ощутить себя самостоятельной нацией, и в этом смысле их религиозная убежденность в «явном предначертании» сыграла исторически прогрессивную роль, хотя для коренных жителей Америки она и обернулась трагедией. Но в данном случае важно то, во что вылились со временем исходные посылки национального духа американцев и каким образом правящие слои страны сумели превратить их в отправную теоретическую базу гегемонистской внешней политики. Именно это и случилось с теорией «явного предначертания».

⁵ См.: Пархоменко В. К. Теория «явного предначертания». — В кн.: США: политическая мысль и история / Под ред. Н. Н. Яковлева. М.: Наука, 1976.

Среди главных постулатов теории «предустановленной судьбы» следует в первую очередь выделить два: концепцию американской исключительности (американоцентризм) и «раздвигающуюся границу».

Американоцентризм

Американоцентризм, сформировавшийся как система взглядов и убеждений первых поселенцев, проходит через всю историю США вплоть до наших дней и представляет собой концентрированное выражение убежденности в национальном превосходстве американцев, уникальности их нации и универсальности ее исторического опыта. Питательной средой американоцентризма в какой-то мере служат объективные факты американской истории и географии, но в значительно большей степени — их канонизированное толкование поколениями американских мыслителей, публицистов, политических деятелей. Сама уникальная историческая возможность (впоследствии повторенная лишь в Австралии и Новой Зеландии) заселить и освоить громадный континент, богатый полезными ископаемыми, с благоприятными природными условиями и удобными коммуникациями, континент, отрезанный обширными океанскими просторами от остального раздираемого войнами и междоусобицами мира, не могла не породить сумму взглядов, связанных с убеждением в исключительности, более того, превосходстве образовавшейся таким путем нации.

«Свобода человечества и слава человеческой природы — в руках избранного американского народа, — писал в канун революции будущий президент США Джон Адамс. — Божественное провидение предназначало Америке стать той ареной, на которой человек проявит свои действительные способности, на которой наука, добродетель, свобода, счастье и слава будут мирно существовать»⁶.

Идея уникальности и избранности американской нации затем проходит через всю историю политической мысли США, отражаясь практически в каждом свершении американского общества, поощряя интенсивный рост национализма и шовинизма в умах и сердцах представителей не только правящего класса США, но и более широких общественных кругов. Америка как совершенное воплощение общечеловеческого идеала, как единственная по-настоящему свободная страна, как центр притяжения всего человечества — эти идеи не сходят со страниц печати, являются стержневой линией всей философии правящих кругов. При этом для этой идеалистической концепции американской исключительности совершенно несущественным было то, что в реальной жизни в США процветало плантационное рабство, что коренное население страны — индейцы — варварски уничтожалось в массовом масштабе, что вплоть до

⁶ Цит. по: *Bailyn B. Pamphlets of the American Revolution. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1965, vol. 1, p. 18.*

середины XX в. — даже после формальной отмены рабства — во многих штатах США была официально узаконена расовая дискриминация и т. д. Реальная ситуация в США странным образом никак не влияла и не влияет на идеалистическую концепцию американской исключительности, и именно поэтому президент США может позволить себе не моргнув глазом читать всему остальному миру проповеди о «правах человека», в то время как в самих США рядовой американский гражданин подвергается изощренной экономической эксплуатации и является, по словам председателя Верховного суда США У. Бэргера, заложником по отношению к организованным преступникам, терроризирующим население.

Закреплению принципа американской исключительности в небольшой степени содействовали и довольно распространенные в европейских странах в XIX—XX вв. расхожие мифы о «благодатной Америке», побуждавшие усиленный приток иммигрантов в США и создававшие вокруг них ореол избранной страны. И правящие круги США продолжают усиленно поддерживать такой образ, делают его основной моральной подошкой американских программ помощи зарубежным странам, политики привлечения в США выдающихся умов и талантов остального мира.

Однако во внешнеполитическом плане идея американской исключительности звучит сугубо высокомерно. Подчеркивая избранность американского народа, совершенство общественного устройства США, исключительность американского пути, эта концепция противопоставляет Соединенные Штаты остальному миру, в чем-то даже отвергает его и может быть поэтому использована (и используется в течение всей американской истории) сторонниками изоляционизма как обоснование необходимости воздерживаться от вмешательства в дела «греховного» мира, как требование «блюсти чистоту» Америки. В то же время для правящих кругов, вовсю спекулирующих на идее избранности американского народа для укрепления шовинистических настроений в рабочем классе, среди трудового фермерства, в «среднем классе», американоцентризм порой становится помехой. Это происходит тогда, когда встает проблема внешней экспансии, когда интересы капитала требуют перехода к борьбе за внешние рынки.

Поэтому американоцентризм как первоначальная установка «явного предначертания», в принципе оформившаяся в цельную теорию за первые 50 лет существования США, в дальнейшем был дополнен теорией «раздвигающейся границы».

«Раздвигающаяся граница»

Автором этой теории считается американский историк Ф. Тэрнер. Крайне важно отметить, однако, что его работы были не изолированным явлением в духовной и политической жизни США, а вылезли в конце XIX в. практически одновременно с глобалистскими гео-

политическими концепциями американского военно-политического теоретика адмирала А. Махена, мессианистскими декларациями историков братьев Адамсов, выступлениями других апологетов американского экспансионизма. Ф. Тэрнер придал идеям экспансионизма чисто американское звучание (продвижение на Запад, борьба поселенцев в пограничных областях против враждебных аборигенов и против самой природы, воспевание пионерского духа и т. п.) и тем самым приспособил их к американоцентризму.

Тэрнер в поэтических тонах живописал жизнь раздвигавшего американскую границу первопроходца-экспансиониста, которого он ухитрился тем не менее изображать лицом, «сопротивляющимся агрессии со стороны индейцев!» Важность границы с первых дней и по настоящее время, отмечал он в своих нашумевших лекциях, в том, что она является «школой военной подготовки, поддерживающей силу сопротивления агрессии и развивающей стойкие и твердые качества человека, продвигающего границу»⁷.

Примерно те же самые объяснения дают для экспансионистской политики США и нынешние американские лидеры, изображающие военно-политические акции США в различных частях света, нацеленные на утверждение американской гегемонии, как якобы продиктованные «необходимостью сопротивления агрессии».

Тэрнер придал самому термину «граница» символическое, многоаспектное звучание: «Доминирующим фактором американской жизни,— писал он,— всегда было движение, и опрометчив был бы тот пророк, который стал бы утверждать, будто экспансивный характер американской жизни полностью заглох. Американская энергия будет непрерывно требовать все более широкого поприща для своего применения»⁸.

Для правящих кругов США идеи Тэрнера оказались очень кстати. С перерастанием американского капитализма в стадию империализма на рубеже XIX—XX вв. концепция «раздвигавшейся границы» стала служить для оправдания активной экспансионистской политики США, проявившейся, в частности, в развязывании США весной 1898 г. войны против Испании — первой империалистической войны за передел мира. В ходе этой войны США приобрели ряд испанских колоний — Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам, временно оккупировали Кубу. В дальнейшем же «раздвигавшаяся граница» получила у американских политологов и идеологов еще более расширенное толкование. Она стала трактоваться уже не просто как территориальная граница (раздвинутая американскими экспансионистами до берегов Тихого океана с «попутно» прихваченными территориями, принадлежавшими другим государствам). Она стала использоваться для обоснования некоего «освященного свыше» «пра-

⁷ Turner F. J. The Frontier in American History. N. Y.: H. Holt and Co., 1920, p. 15.

⁸ Ibid., p. 37.

ва» Соединенных Штатов на мировое лидерство, на захват все новых и новых экономических, политических, военных позиций.

С особой силой тэрнеровские идеи зазвучали в наше время. Выдвинутая в начале 60-х годов президентом США Дж. Кеннеди доктрина «новых рубежей» (в буквальном переводе — «новых границ») являлась, по сути, дальнейшим развитием экспансионистской философии Тэрнера. «Наши рубежи сегодня, — восклицал Кеннеди, — находятся на каждом континенте». Америка имеет «обязательства», разъяснял он, «которые простираются на десять тысяч миль через Тихий океан, и на три или на четыре тысячи миль через Атлантический океан, и на тысячи миль к югу. Только Соединенные Штаты, а мы представляем лишь 6% мирового населения, несут подобное бремя». Приведя эти слова президента, Вильям Эпльмен Вильямс — известный американский буржуазный историк критического направления — добавляет в своей новой книге, посвящей характерный заголовок «Империя как образ жизни»: «Он по понятным причинам избежал упоминания о том, что бремя, выпавшее на долю метрополии, некоторым образом облегчалось благами, вытекающими из факта контроля за колоссально непропорциональной (пропорции населения) долей мировых ресурсов... Эти рубежи на каждом континенте призваны были оставаться рубежами в традиционном американском значении границы — регионом проникновения, контроля, наведения полицейского порядка и цивилизаторской миссии»⁹.

Активные выступления Р. Никсона против «неоизоляционистов» в конце 60-х годов — в период «ухода» США из Вьетнама — также были выдержаны в духе тэрнеровских проповедей. Наконец, вся философия пришедшей к власти в 1977 г. администрации Дж. Картера была пронизана идеями «моральных ценностей», за которыми стоит прямой призыв к активизации внешней экспансии США, возобновлению агрессивного мессианизма в их внешней политике.

Еще более громко все эти мотивы зазвучали с приходом к власти в 1981 г. администрации президента-республиканца Рональда Рейгана. Нынешние притязания США на свободу эксплуатации ресурсов Мирового океана и на особые позиции в космосе — это все та же философия «раздвигающейся границы», так сказать обогащенная достижениями научно-технической революции. «Первым идеалом пионера, — говорил Тэрнер, — является завоевание... Ружье и топор — вот символы пионера из глубинки. Они означали тренировку в агрессивной храбрости, решительности действий и разрушительности»¹⁰. Теперь ружье и топор заменены ракетой и компьютером, но необузданные экспансионистские устремления правящего класса США остались неизменными.

⁹ Williams W. A. *Empire as a Way of Life*. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1980, p. 198—200.

¹⁰ Turner F. J. *Op. cit.*, p. 269—270.

Шовинизм по-американски: общее и особенное

Слияние двух постулатов теории «явного предначертания» — американоцентризма и «раздвигающейся границы» — породило в традиционных установках американской внешней политики такой синтез, как американоморфизм, иначе говоря, стремление видеть весь остальной мир устроенным «по образу и подобию» Соединенных Штатов. Логическая цепочка стала выглядеть следующим образом: Соединенные Штаты — непревзойденный образец человеческого общества, страна высших свершений; поэтому остальные страны и народы, независимо от уровня их развития и характера цивилизации, должны принять американский образец развития, сделать его основой собственного дальнейшего пути. Первоначально распространение «американского образца» мыслилось исключительно добровольно, путем убеждения инакомыслящих силой примера. Но по мере вызревания империалистических тенденций в политике правящих кругов США тезис о добровольности следования «американскому образцу» уступил место стремлению любыми путями — не исключая и насилия — добиваться, чтобы остальной мир принял «американскую модель», «американский образ жизни». Ярким примером такого рода подхода стала внешнеполитическая философия Дж. Ф. Даллеса, окрасившая духом американского гегемонизма содержание всей внешней политики США в период после второй мировой войны.

В сущности, ничего исключительного в теории «явного предначертания» нет. По своему духу эта теория аналогична любым другим шовинистическим построениям, основанным на тезисе об исключительности той или иной нации. Теория «явного предначертания», как и все остальные теории национального превосходства, играет ту же служебную роль в интересах правящих кругов, является теоретическим и эмоциональным обоснованием курса на создание «американского мира» и американского «мирового порядка». Но нельзя забывать и о ее специфике: если иные теории национального или расового превосходства основаны на утверждениях о неких особых биологических или вовсе мистических свойствах той или иной расы, нации, народности и т. п., то теория «явного предначертания» годится для всех, кто приемлет американский стиль и образ жизни, поскольку она возникла как самосознание людей разного национального и этнического происхождения, помещенных в «плавильный тигель» формировавшейся американской нации. В этом — характерная черта теории «явного предначертания», которая даже в наивысшие моменты развития американского национализма и шовинизма не отрицала за гражданами других стран возможности эмигрировать в США и стать полноправными американцами. Являясь обоснованием претензии правящих кругов США на глобальное лидерство, эта теория одновременно используется и как средство вербовки сторонников «американского образца» по всему миру.

«Просвещенный эгоизм»

В обстановке обостряющейся идеологической борьбы не только на международной арене, но и внутри Соединенных Штатов, внутри самого правящего класса особое значение стало придаваться и иным внешнеполитическим традициям США, к которым правящие круги обращаются в поисках резерва идейного маневрирования. В этом смысле одним из важных дополняющих моментов внешнеполитической философии и традиций США считается теория, или принцип, «просвещенного эгоизма». Если доведенный до своего логического завершения принцип «явного предназначения» мог бы угрожать Соединенным Штатам перенапряжением их ресурсов, истощением страны ради достижения максималистских внешнеполитических целей, то принцип «просвещенного эгоизма», еще по замыслам отцов-основателей, должен был стать мерилom разумности, средством уравнивания мессианизма США более трезвыми соображениями о необходимости согласовывать интересы Соединенных Штатов на международной арене с имеющимися в распоряжении страны ресурсами и средствами реализации интересов.

Принцип «просвещенного эгоизма» призывает к тому, чтобы в своей внешней политике США руководствовались не набором неких пригодных для всех времен и обстоятельств абстрактных правил, а соображениями национальной выгоды с точки зрения долговременной перспективы. Степень предпочтения, отдаваемая именно долгосрочному, фундаментальному, стратегическому выигрышу, по сравнению с сиюминутными выгодами и является мерилom просвещенности внешней политики США.

Первоначально этот практический принцип был сформулирован А. Гамильтоном как необходимость следовать «благоразумному и свободному от предрассудков расчету», а наиболее полно он был развернут в прощальном обращении к народу первого президента США Дж. Вашингтона. Призывая американцев культивировать «мир и гармонию» со всеми, Дж. Вашингтон подчеркивал, что «при претворении в жизнь этого плана ничто не является более существенным, чем необходимость исключить перманентные закоренелые антипатии по отношению к определенным нациям и страстные привязанности к другим». В результате Дж. Вашингтон подвел следующий итог: «Наша истинная политика — держаться подальше от постоянных союзов с любой частью зарубежного мира»¹¹. И отнюдь не случайно то, что это политическое завещание первого президента США до сих пор зачитывается в американском конгрессе при открытии каждой новой его сессии.

В духовном плане «просвещенный эгоизм» прямо связан с «яв-

¹¹ The Writings of G. Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799. / Ed. J. Fitzpatrick. Wash.: U. S. GPO, 1940, vol. 35, p. 234.

ным предначертанием»: избранная нация именно в силу своей «избранности» и «уникальности» имеет право на эгоистический подход во внешней политике, ибо остальные нации не столь совершенны, как она, а поэтому могут служить в виде средств достижения ее интересов. В этом отношении «просвещенный эгоизм», по существу, сыграл для американской внешней политики ту же роль, что и лозунг пезуитов «Цель оправдывает средства!», создав предпосылки и моральные оправдания для внедрения в практику внешней политики голого прагматизма, абсолютной беспринципности.

Именно поэтому принцип «просвещенного эгоизма» требует довольно частых переделок «национального интереса», которому должна служить внешняя политика. В обществе, разделенном на антагонистические классовые группы, говорить о каком-то едином «национальном интересе» вряд ли приходится. Даже на нынешнем этапе, когда в силу последствий технического, в том числе военно-технического, прогресса появляются обстоятельства, вроде бы диктующие необходимость общенациональной реакции, например, на угрозу ракетно-ядерной войны или на опасности экологического характера, отдельные влиятельные группировки правящего класса США либо не желают считаться с необходимостью мыслить категориями интересов всей нации, либо вовсе действуют прямо против этих интересов (что, впрочем, не мешает им объявлять именно себя истинными защитниками интересов нации).

В результате больших усилий советского народа по укреплению обороноспособности Советского Союза в 70-е годы сложилась ситуация стратегического паритета СССР—США, которая делает для американского империализма ядерную войну против СССР самоубийственной ввиду неминуемости сокрушительного ответного удара СССР в случае американской агрессии. В ситуации такого рода ядерного пата для США становится опасным осуществлять и необузданную эскалацию локальных конфликтов из-за опасности их перерастания в мировую ядерную войну, ставшую нежелательной для США в условиях нового соотношения сил на мировой арене. Этот факт не перечеркнул острых идеологических разногласий между капитализмом и социализмом, но заставил правящий класс США учитывать это обстоятельство в своих определениях «национального интереса».

Следование принципу «просвещенного эгоизма» в этих обстоятельствах требует отказа от «постоянных антипатий», в том числе от курса на повсеместное противоборство с СССР и другими странами социализма. Подводя теоретическую базу под политику разрядки, проводившуюся администрацией Никсона в первой половине 70-х годов, Г. Моргентау писал в книге, вышедшей в момент прихода к власти этой администрации: «Единственным стандартом, которым должна руководствоваться правильная внешняя политика (Соединенных Штатов.— *Авт.*), является не моральная и философская оппозиция коммунизму в целом, а та позиция, которую определен-

ный коммунизм в определенной стране занимает в отношении интересов США»¹².

Многие американские политические деятели (типа Дж. Кеннана, У. Фулбрайта, А. Гарримана, Р. Никсона, Г. Киссинджера, Дж. Болла), придерживавшиеся философии так называемой «реальной политики», стали подчеркивать в 70-е годы необходимость согласования «национального интереса» с фактическим соотношением сил на мировой арене. Касаясь этой проблемы, Г. Киссинджер, занимавший в то время пост государственного секретаря США, говорил в своей речи в Сан-Франциско зимой 1976 г.: «В нашей истории, если не считать гражданской войны, не было трагедий и чувства практических внешних рамок, которые отличали опыт почти всех других народов. Наши успехи, по-видимому, заставляли нас верить в то, что любую проблему можно урегулировать раз и навсегда с помощью решительных усилий... Сегодня впервые за все время нашей истории мы столкнулись с неумолимой действительностью, состоящей в том, что проблема бесконечна; что на нее нет никакого легкого и, конечно, никакого окончательного ответа; что нет никаких автоматических решений. Мы должны научиться проводить внешнюю политику таким образом, каким другим странам приходилось проводить ее на протяжении многих веков — без возможности уйти в сторону или передохнуть; зная, что то, что достижимо, далеко от идеала; помня о необходимости самосохранения, сознавая, что наши национальные цели имеют свои пределы. Это для американцев — новый опыт. Это порождает тоску по более простому прошлому. И, как и ранее в нашей истории, это порождает стремление искать козлов отпущения, возлагая на конкретные политические курсы вину за объективные условия»¹³.

Эта тоска по прошлому определенной части правящих кругов, продолжающей цепляться за «имперскую» внешнюю политику, привела к обострению идейной борьбы внутри правящего класса США по вопросам «национального интереса». Практически на протяжении всех 70-х годов размежевания между «прагматиками» и «моралистами», «неоизоляционистами» и «интервенционистами», «планетарными гуманистами» и «национальными эгоистами» стали в США характерной чертой дебатов по вопросам внешнеполитической теории.

Итоги этой борьбы не ясны до сих пор. С одной стороны, определилась довольно аморфная, но не исчезающая (а даже растущая количественно) группировка тех, кто считает, что в связи с новыми обстоятельствами на международной арене «национальный интерес» США должен подвергнуться значительному уточнению в сторону пересмотра таких моментов, как роль военной силы в реализации

¹² *Morgenthau H. J. A New Foreign Policy for the United States.* N. Y.: Praeger Publishers, 1969, p. 27.

¹³ *Kissinger H. The Permanent Challenge of Peace: U. S. Policy Toward the Soviet Union.*— Department of State Bulletin, 1976, Febr. 23, p. 202.

этого интереса, значение экономических и научно-технических факторов, использование принципа «баланса сил» и т. п. С другой — весьма сильные позиции в этой борьбе занимает группировка сторонников консервативной линии, выступающая как носитель «истинных американских моральных ценностей» и требующая поэтому утверждения американского «национального интереса» силой, преодоления «вьетнамского синдрома», бескомпромиссной борьбы не только с влиянием Советского Союза и всего мира социализма, но и всеми остальными факторами, угрожающими «глобальному лидерству» США. Их цель состоит в том, чтобы восстановить лидирующие позиции Соединенных Штатов в капиталистическом мире, навести «порядок» в системе межамериканских отношений, сохранить большинство освободившихся государств Азии и Африки в сфере влияния США.

Приверженность военной силе

Тот факт, что в этой идейной борьбе внутри правящего класса США столь большое место заняли вопросы, связанные с ролью военной силы в международных отношениях, отнюдь не случаен, ибо внешнеполитическая традиция американских правящих кругов знает еще один принцип, в течение долгого времени служивший основанием внешнеполитической практики Вашингтона, — принцип опоры на военную силу как на решающее средство урегулирования спорных международных проблем. В своем капитальном труде «Войны Америки» Роберт Леки называет американскую нацию «вероятно самым драчливым обществом (*«the fightiest society»*) со времени возникновения войны в ее современной форме»¹⁴.

Анализируя публицистическое наследие отцов-основателей США, нельзя не видеть, что они уделили большое место проблемам применения военной силы во внешней политике США. На их мысли в этой области большое влияние оказали два обстоятельства: с одной стороны, нежелание, чтобы политика молодой республики слишком уж явно повторяла методы хищнических действий королевской Англии; а с другой — понимание явной военной слабости Соединенных Штатов, не обладавших в течение долгого времени сколько-нибудь заметной военной силой. Поэтому военная мысль отцов-основателей, в сущности, свелась к одному: к тезису о том, что Соединенные Штаты могут вести лишь «справедливую войну», если их вынудят к этому обстоятельства, а в иных случаях им следует, придерживаясь принципа «просвещенного эгоизма», воздерживаться от упования на военную силу.

Вместе с тем, как признают некоторые американские специалисты в области текущего стратегического планирования, отцы-основатели придавали большое значение обеспечению военными средствами действий государства на отдельных направлениях внешней по-

¹⁴ *Leckie R. The Wars of America. N. Y.: Harper and Row, 1968, p. XVI.*

литики. Это касалось вопросов «защиты» пограничных областей от индейцев, что на практике вылилось в затяжную войну против коренных жителей Североамериканского континента, и вопросов защиты коммерческих интересов молодой республики. Последнее, в частности, относилось к участию Соединенных Штатов в так называемых малых войнах, не затрагивавших более крупные и мощные державы.

Один из отцов-основателей США, А. Гамильтон, называл идеалистами тех, кто считал возможным достижение вечного мира между народами. Он называл «своего рода аксиомой политики» то, что соседство или близость местоположения делает нации «естественными врагами». Со вступлением американского капитализма в стадию империализма опора на военную силу и практическое использование военного насилия в интересах обеспечения американского «национального интереса» стала главной чертой внешней политики Соединенных Штатов.

Американскими теоретиками в связи с этим разработана концепция «справедливой войны», фактически оправдывающая любую войну, развязываемую Соединенными Штатами, поскольку эта война ведется во имя добра, во имя «общечеловеческого идеала», образцом которого служит «американский идеал». Американский автор Жюль Арчер в книге о войнах США пишет, что в середине XIX в. после успешной войны США против Мексики большинство американцев «не видело ничего предосудительного... в постулате о предначертанной свыше судьбе, гласящем, что американцы имеют моральное право использовать военную силу для того, чтобы цивилизовать нехристианские народы повсюду, обогащая США по ходу этого процесса»¹⁵.

При соответствующей интерпретации, как это вытекает из современного развития американской доктрины «справедливой войны» профессором университета Джонса Гопкинса Робертом Такером (написавшим весьма популярную в академических кругах США книгу «Справедливая война»), под рубрику «справедливой войны» можно подвести практически любое использование военного насилия, в том числе и превентивную ядерную войну.

Из того, что американцы понимают, что всякое использование силы государствами включает в себя и моральный риск, писал Такер, отнюдь не следует, что моральный риск, принимаемый на себя государствами, использующими силу, обязательно отвергает превентивную войну при всех обстоятельствах. «Если не брать в расчет чисто пацифистскую позицию, превентивная война как возможный инструмент политики не может быть отвергнута на основе одних лишь моральных соображений»¹⁶.

¹⁵ Archer J. Hawks, Doves and the Eagle. America's Struggle for and against the War. N. Y.: Hawthorn Books, 1970, p. 37.

¹⁶ Tucker R. W. The Just War. A Study in Contemporary American Doctrine. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1960, p. 15.

И это мировоззрение, сводящееся к тому, что любое использование Соединенными Штатами военного насилия справедливо, в немалой степени ответственно за военные авантюры США и, в частности, за агрессию во Вьетнаме.

Из фундаментального принципа опоры на военную силу во внешней политике вытекает ряд более частных принципов стратегической подготовки и стратегического действия. Среди этих принципов фигурируют такие, как концепция «достаточности» сил (создаваемых с учетом возможности игры на балансе сил), концепция плотной обороны, принцип, требующий обязательности создания внутри страны атмосферы массовой поддержки внешнеполитических акций правительства, принцип сочетания прямого и косвенного подходов в действиях на международной арене, ведения операций на выдвинутых вперед рубежах, контроля над Мировым океаном (в силу мощного влияния маринистской военной философии) и т. д.¹⁷

Выход США на позиции лидера мирового капитализма и обладание атомным оружием после окончания второй мировой войны завершили данную эволюцию внешнеполитических принципов правящих кругов США: они стали ведущей экспансионистской державой мира, зачинщиком гонки вооружений. Но крайне важно отметить, что вся эта военная подготовка оправдывалась теорией «справедливой войны», что в конкретном плане преломлялось в концепцию создания «глобальной системы безопасности» США и их союзников. Даже в откровенно агрессивной «доктрине Картера», отрицающей разрядку, подрывающей основы прочного мира, призыв к гонке вооружений, к усилению агрессивных приготовлений в зоне Персидского залива фигурировал как «система мер по защите интересов США».

Таким образом, наследие внешнеполитических традиций США представляет собой сплав взглядов, верований и убеждений, основанных на: а) вере в «исключительность» Соединенных Штатов и их «божественную миссию» в человеческой истории; б) убежденности в моральном превосходстве Америки над любой другой страной мира или над любым иным народом, что к тому же подкрепляется экономическим, военным, научно-техническим потенциалом США; в) вере в необходимость реализации «национального интереса» США любыми средствами, в том числе путем применения вооруженных сил; г) принципе, «что хорошо для Америки, хорошо и для всего мира»; д) рекомендации подходить к отношениям с другими странами с позиций «просвещенного эгоизма», иначе говоря, ставить свои корыстные интересы правящего класса выше любых юридических обязательств, моральных принципов, союзнического долга и т. д.

На почве этого сплава эгоцентристских и в своей основе довольно примитивных шовинистических идей сформировались уже более

¹⁷ См.: Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.

специфические, конкретные внешнеполитические принципы и догмы США, многие из которых до сих пор остаются для их правящих кругов ориентирами в области международной политики.

«Мировой порядок»

Важной традицией внешнеполитической мысли и практики США является стремление к установлению определенного «мирового порядка». В принципе каждое государство, правящие круги которого помышляют о глобальной экспансии, выходит на мировую арену со своей идеей мирового порядка. В традиции правящих кругов США эта идея доминирует со времен провозглашения республики. «Люди, которые избрали для гербовой печати Союза штатов девиз „Novus Ordo Seclorum“, не могли не осознавать мощной тяги к созданию нации, тяги, вытекающей из убеждения многих, если не большинства, американцев в том, что это был и впрямь „Новый порядок веков“, в котором сама судьба предназначила им осуществлять руководство другими», — отмечает американский исследователь Дж. Бойд¹⁸.

Идея «американского мира», или «мира по-американски», в течение длительного времени вызревала как перспективная глобальная установка правящих кругов США, пока исторические условия не создали предпосылки для попытки превратить ее в реальность. Такие условия, по мнению американского руководства, сложились по окончании второй мировой войны, когда США оказались единственной из всех крупных держав мира не только не тронутой войной, но разбогатевшей, окрепшей в результате войны. Но это не означает, что в течение всего периода от провозглашения республики до первой глобалистской декларации президента В. Вильсона (проект Лиги Наций) эта идея была скрыта от общественности. Уже первые шаги молодой республики по утверждению контроля над Североамериканским континентом, в том числе война 1812—1814 г. с Англией, покупка Луизианы, приобретение Флориды, война с Мексикой за Техас и Калифорнию, предпринимались в контексте борьбы за создание «американского мира» в западном полушарии.

Следующим шагом на пути к «американскому миру» была провозглашенная в послании президента Дж. Монро конгрессу США от 2 декабря 1823 г. «доктрина Монро». В этой доктрине, получившей широкую известность в виде лаконичной формулы «Америка — для американцев!», было заложено два момента: а) прогрессивный, антиколонизаторский, направленный против интриг европейских держав в Новом Свете и их поползновений к территориальным захватам, и б) экспансионистский, гегемонистский, ибо фактически доктрина объявила США протектором над другими странами западного полушария. С момента выхода США на арену империалистической экспансии этот второй элемент стал доминирующим.

¹⁸ Boyd J. Number 7. Alexander Hamilton's Secret Attempt to Control American Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press, 1967, p. XI.

После победоносной для США войны с Испанией Теодор Рузвельт (занимавший президентский пост с 14 сентября 1901 г. по 4 марта 1909 г.) — один из первых крупных теоретиков американского империализма и практиков экспансионизма — в своем докладе к «доктрине Монро» объявил о том, что США берут на себя функции полицейского в западном полушарии. 6 декабря 1904 г. он заявил: «Хронические правонарушения... могут в Америке, как и повсюду, в конце концов потребовать интервенции со стороны какой-либо цивилизованной страны; и в западном полушарии приверженность Соединенных Штатов к доктрине Монро может вынудить США... в вопиющих случаях таких правонарушений или бессилия осуществлять международную полицейскую власть»¹⁹.

В начале XX в. американский капитализм почувствовал себя уже достаточно сильным (в частности, под влиянием победы над крупной колониальной державой — Испанией), чтобы более смело заявить о своих экспансионистских притязаниях на мировой арене. Выступая в Чикаго 2 апреля 1903 г., тот же Теодор Рузвельт выдвинул известную формулу, ставшую одной из основных заповедей американской дипломатии. Он откровенно сказал: «Доктрина Монро не является международным правом... и в этом нет необходимости, пока она остается кардинальным фактором нашей внешней политики и пока мы обладаем как волей, так и силой обеспечить ее действительность... Есть простое старое изречение, которое гласит: „Говори мягко и держи в руках большую дубину — ты пойдешь далеко“. Если американская нация будет говорить мягко и в то же время создавать и держать в состоянии наивысшей подготовки военно-морской флот (тогдашнее стратегическое оружие США. — Авт.), доктрина Монро пойдет далеко»²⁰.

Превращение Соединенных Штатов в мощную экономическую державу, их удачливое присоединение к блоку победителей в первой мировой войне рассматривались руководством Америки как удобный момент выступить с глобальной декларацией «американского мира». Знаменитая «программа Вильсона» из 14 пунктов содержала в себе много идеологически разнородных установок, но ее сердцевинной была идея Лиги Наций, что в сущности и представляло собой идею «американского мира» в том виде, который считался приемлемым и для США, и для держав-победительниц — Англии и Франции. В конечном счете Лига Наций была создана, хотя совсем не в том варианте, какого добивался В. Вильсон. Европейские державы Антанты перехватили мысль американского президента, сумели навязать Версальской конференции свою систему этой всемирной организации, и Вильсону пришлось уступить пальму первенств-

¹⁹ Congressional Record. 58-th Congress, 3rd session. Wash.: U. S. GPO, 1905, p. 19.

²⁰ Цит. по: Negotiation and Statecraft. A Selection of Readings. Wash.: U. S. GPO, 1970, p. 28.

ва, что вызвало недовольство американского конгресса и его отказ ратифицировать Версальский договор.

Но сама идея «американского мира» пережила неудачу американской дипломатии в Версале. С новой силой ее начал осуществлять в качестве будущей схемы послевоенного устройства с первых лет второй мировой войны президент Ф. Д. Рузвельт. 1 января 1942 г. представители 26 государств подписали в Вашингтоне «Декларацию Объединенных Наций», отражавшую стремление участников антифашистской и антияпонской коалиции создать после окончания второй мировой войны международную организацию безопасности в целях сохранения мира на земле. Однако, подписывая эту декларацию, правительство США подходило к созданию будущей организации с иной меркой, рассматривая ее как один из способов кодификации послевоенного доминирования США в системе международных отношений. Вплоть до 1944 г., до конференции в Думбартон-Оксе, принявшей решение о создании Организации Объединенных Наций, американская дипломатия надеялась, что ей удастся превратить ООН в орудие создания «американского мира». Но поддержка со стороны Советского Союза самой идеи этой организации, настойчивое желание СССР и некоторых других стран антигитлеровской коалиции сделать ООН коллективным инструментом поддержания мира и международной безопасности, действующим на подлинно демократических началах, и реальное соотношение сил между социализмом и капитализмом, сложившееся к концу второй мировой войны в результате решающего вклада СССР в разгром агрессоров, не позволили в конечном счете превратить ООН в орудие американского гегемонизма, инструмент их доминирования.

Тогда правящие круги США пошли по иному пути. Продолжая попытки использовать ООН в интересах создания выгодной им системы международных отношений, Вашингтон начал параллельно формировать иную систему международных организаций, систему военно-политических блоков и союзов (пакт Рио-де-Жанейро, НАТО, СЕАТО, АНЗЮС, СЕНТО), в которой нашли воплощение идеалы «американского мира». Эти блоки и союзные договоры, а также густая сеть многочисленных двусторонних соглашений, заключенных США с другими странами на основе Закона об обеспечении взаимной безопасности (1951 г.), стали частью и основой «американского мира», дополнив системой глобальных военно-политических отношений созданную Соединенными Штатами в годы второй мировой войны и после нее финансово-экономическую систему, в которой доминируют США (МВФ, МБРР, ГАТТ, ОЭСР и др.).

Однако «мировой порядок», созданный США в несоциалистической части мира, рухнет в последнее десятилетие в результате борьбы развивающихся стран за свое экономическое равноправие и политическую самостоятельность, укрепления других «центров силы» капиталистического мира, бросающих вызов американскому гегемонизму.

Принцип «открытых дверей»

Идея «американского мира», заняв центральное место в арсенале внешнеполитических традиций США, имела разные интерпретации в зависимости от конкретных обстоятельств. В конце XIX в., когда мир слаборазвитых стран оказался поделенным между ведущими империалистическими державами, а Соединенные Штаты не могли еще бросить военный вызов многим из них (исключение составила лишь отставшая в своем развитии Испания), внешнеполитическая мысль США родила идею «открытых дверей». Первоначально Вашингтон попытался поставить ее на обсуждение еще на Берлинской конференции 1884 г., где в числе прочих вопросов решалась и судьба Бельгийского Конго. Идея президента США Честера Артура превратить бассейн реки Конго в нейтральный район, открытый для международной торговли была отвергнута участниками конференции (Германия, Великобритания, Франция, Бельгия и др.), по ее заглохла.

В трех нотах государственного секретаря США Джона Хэя (6 сентября 1899 г., 20 марта и 3 июля 1900 г.), направленных Великобритании, России, Германии, Франции, Италии и Японии в период «боксерского» восстания в Китае, Соединенные Штаты уже более весомо сформулировали принцип «открытых дверей» для этой страны, иначе говоря, потребовали, чтобы державы, борющиеся за сферы влияния в Китае, отказались от попыток его расчленения и перешли к свободной конкуренции на равных основаниях (поэтому иногда эту доктрину называют «доктриной равных возможностей»). Поскольку эта идея в принципе устроила всех соперников (что в то же время не мешало им заполучить свои «зоны влияния»), то принцип «открытых дверей», которым до сих пор гордится американская дипломатия, вошел в обиход империалистической политики. Он был формально закреплен в договоре девяти держав (США, Англии, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая), подписанном 6 февраля 1922 г. в ходе Вашингтонской конференции. Речь, короче говоря, шла о генеральном принципе неокOLONиализма — эксплуатации слаборазвитых стран с помощью не административно-полицейских, а чисто экономических методов. Постепенно этот подход превратился в руководящий принцип американской политики по отношению к слаборазвитым странам и конкуренции со старыми колониальными державами.

Принцип «открытых дверей» служил, по существу, в качестве тарана, разбивающего преграды на пути проникновения американского капитала в колониальные или зависимые страны, но, как только это проникновение завершалось занятием доминирующих позиций, в действие вступал принцип «американского мира», с которым приходилось считаться всем остальным конкурентам США.

Манипулирование обоими традиционными принципами в американской дипломатии можно наблюдать в годы после окончания вто-

рой мировой войны. Проникновение США в страны Индокитая и вытеснение Франции, на Ближний Восток (особенно в период «суэцкого кризиса» 1956 г. и после него), в Южную Азию, в зону Персидского залива, на юг Африки — все это, в сущности, шло по одобренному сценарию: вначале «открытые двери», затем часть «американского мира».

Принцип «открытых дверей» правящие круги США попытались применить после второй мировой войны и по отношению к странам — бывшим союзникам Германии: Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии. Так, на первой сессии Совета министров иностранных дел, созданного решением Потсдамской конференции (СССР, США, Англия, Франция, Китай), состоявшейся в Лондоне с 11 сентября по 2 октября 1945 г., делегация Соединенных Штатов разослала документ, в котором, в частности, предлагалось включить в мирные договоры с Болгарией и Румынией положения, предусматривающие «гарантии доступа на равных условиях союзных граждан к торговле, сырью и промышленности». В американском документе говорилось далее, что «аналогичное право должно быть установлено в отношении равенства при доступе к использованию портов, водных путей и авиационных устройств»²¹. Осуществление этих требований привело бы к экономическому закабалению Болгарии и Румынии иностранным капиталом. На Парижской сессии СМВД в апреле—июле 1946 г. представители западных держав снова потребовали включения подобных статей во все пять мирных договоров, рассматривавшихся сессией. Лишь твердая позиция Советского Союза воспрепятствовала включению этих кабальных положений в мирные договоры с указанными пятью государствами.

Провозглашая принцип «открытых дверей», американский правящий класс в основном уповал на «всемогущий доллар», который мог обеспечить победу США в экономическом соревновании между капиталистическими монополиями. Об этом откровенно говорил в свое время президент Уильям Тафт. «Дипломатия нынешней администрации,— заявил он 3 декабря 1912 г.,— стремилась откликнуться на современные идеи коммерческого обмена. Эта политика характеризовалась тем, что она заменяла пули долларами»²². Именно в период правления Тафта появилось выражение «долларовая дипломатия», пущенное в оборот критиками экспансионистской политики республиканцев. Временами США отступали от этого принципа, прибегая к пулям. Но, как правило, они предпочитали действовать с помощью долларов.

Упомянутый выше В. Вильямс, представляющий так называемое ревизионистское направление в американской исторической науке, говорит, что политика «открытых дверей» является американ-

²¹ История внешней политики СССР, 1917—1975. 4-е изд. / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М.: Наука, 1981, т. 2, с. 40.

²² Цит. по: *Bailey Th. A. A Diplomatic History of the American People*. N. Y.: F. S. Crofts and Co., 1940, p. 577.

ским вариантом либеральной политики «неофициальной империи» или «империализма свободной торговли». Она основывается на положении о том, что если классическая конкуренция будет происходить в мирных условиях, то «американская экономическая мощь сможет позабиться о Соединенных Штатах и обо всем мире»²³. И этот принцип реализуется в практической внешнеэкономической политике США. Они занимают первое место в мире по экспорту капитала, а американские транснациональные корпорации производят ныне за границей продукции на сумму около 1 трлн. долл. в год.

Принцип баланса сил

Остается еще одна сфера американской политики — отношения со странами, сила влияния которых не уступает влиянию США, а в чем-то иногда и превосходит его: отношения с развитыми странами. Еще со времен Американской революции эта область международных отношений считается самой ответственной, ибо в ней Соединенные Штаты могли ожидать опасных для себя последствий, в том числе и утраты независимости. Внешнеполитическая мысль отцов-основателей, других американских государственных деятелей в соответствии с принципами «просвещенного эгоизма» и применения силы выработала свою традицию — баланс сил. Эта классическая схема маневрирования вокруг имеющихся конфликтов и противоречий, использования противоборства других стран для укрепления своих позиций особо пришлась по душе правящим кругам США и пустила глубокие корни в дипломатической практике Вашингтона²⁴.

Концепция баланса сил не является исключительно американской концепцией. Она была хорошо известна вождям Древней Греции и Рима, и руководители древнегреческих городов-полисов широко прибегали к «многополисному балансированию» в борьбе за расширение власти и влияния. На этом же принципе строилась и политика, проводившаяся главными европейскими державами до тех пор, пока Наполеон не попытался ликвидировать ее, установив гегемонию Франции. После его поражения «европейский концерт» опять стал строиться по принципу баланса сил.

Американские лидеры считали, что удаленное, фактически островное по отношению к Европе положение США, не имеющих сколько-нибудь значительных конкурентов в западном полушарии, ставит их в особо благоприятные условия для игры на балансе сил между европейскими державами. По сути дела, американская политика балансирования выросла из попыток прагматического использования в интересах США разногласий между двумя крупнейшими

²³ *Вильямс В.* Трагедия американской дипломатии. М.: Междунар. отношения, 1960, с. 67.

²⁴ См.: *Каренин А.* Теория и практика «баланса сил». — В кн.: США: политическая мысль и история. М.: Наука, 1976, с. 146—237.

державами Европы, имевшими первостепенные интересы в западном полушарии, — Англией и Францией (отчасти Испанией).

Само рождение независимой американской республики стало возможным лишь в результате успешного использования отцами-основателями США англо-французских противоречий. Войска французского короля Людовика XVI помогли Джорджу Вашингтону нанести решающее поражение английским королевским войскам под Йорктауном. Факты свидетельствуют о том, что на протяжении первых десятилетий самостоятельного существования американского государства практически не было такого периода, когда бы США одновременно находились либо в хороших, либо в плохих отношениях сразу со всеми главными державами «европейского концерта»: Англией, Францией и Испанией (лишь с Россией у США были традиционно дружественные отношения).

Концепция баланса сил в ее американском геополитическом преломлении была подробно разработана Томасом Джеферсоном в бытность его государственным секретарем в правительстве Джорджа Вашингтона и развита самим Вашингтоном в его прощальном обращении к нации. Он подчеркивал: «Чрезмерное пристрастие к одному из иностранных государств и чрезмерная неприязнь к другому заставляют тех, кто поддается этим чувствам, видеть опасность лишь с одной стороны и закладывают, или даже устраняют, искусство влиять на другую сторону... Наше изолированное и удаленное положение побуждает нас проводить иной курс и дает нам такую возможность. Если мы останемся единым народом, управляемым эффективным правительством, недалеко то время... когда мы сможем сами выбирать мир или войну как нам подскажет наш интерес, направляемый справедливостью»²⁵.

Постепенно баланс сил из концепции политики в отношении европейских держав, имевшей во многом оборонительное значение, перерос в концепцию глобальной политики наступательного характера. В этом плане задача поддержания баланса сил стала рассматриваться как задача для США выступать в роли мирового суперарбитра в соперничестве европейских и азиатских держав. Собственно, участие США в первой и второй мировых войнах в составе соответствующих коалиций во многом объяснялось соображениями баланса сил.

Эта концепция до сих пор фигурирует как основополагающая в трудах многих американских теоретиков. Так, например, Уолт Ростоу, занимавший при президенте Джонсоне пост помощника по вопросам национальной безопасности, в своем фундаментальном труде «Соединенные Штаты на мировой арене» пишет, что США должны рассматриваться «как континентальный остров, находящийся в стороне от Евразии — гораздо большего массива суши. Различные комбинации государственной силы в Евразии были и остаются потен-

²⁵ The Writings of G. Washington..., vol. 35, p. 233—234.

циальной угрозой американскому национальному интересу... Поскольку объединенный комплекс сил Евразии может представлять серьезную угрозу военного поражения США, американский национальный интерес заключается в том, чтобы ни одно государство или группа государств, враждебных или потенциально враждебных Соединенным Штатам, не господствовали над этим континентом или значительной его частью»²⁶.

Такова, по Ростоу, суть американского «национального интереса», и эту точку зрения разделяют многие в руководстве современных США.

* * *

Итак, моральные ценности Соединенных Штатов и их внешнеполитические традиции — это понятия, имеющие, с одной стороны, конкретное содержание, но, с другой, довольно расплывчатые, неопределенные, как и «заветы отцов-основателей» и других провозвестников американской «миссии». Эти ценности и традиции постоянно предстают в разных ипостасях в зависимости от их интерпретации политиками и идеологами правящего класса. Последняя же зависит от конъюнктурных требований момента, от конкретных потребностей политической тактики данного американского руководства и интересов той группы или групп правящего класса, которые в данный период оказывают определяющее влияние на формирование внешней политики.

Именно благодаря тому, что сами традиции выступают уже в превращенном виде сегодняшней политической идеологии, многие из тех принципов и привычек, которые в данном обзоре были по необходимости представлены в известной мере статично, как сумма, стандартный набор устоявшихся концепций и правил внешнеполитического поведения, на деле фигурируют в более гибком виде. Они довольно легко могут быть адаптированы к конкретным текущим потребностям правящих кругов. В этом плане интерпретацию американских традиций для массовой аудитории можно и впрямь охарактеризовать известной формулой о том, что история есть политика, обращенная в прошлое.

Вчера, скажем после трагического для США опыта Вьетнама, требовалось доказывать необходимость внешнеполитической осторожности, уменьшения зарубежной вовлеченности Соединенных Штатов. Поэтому на первый план выдвигались те советы и высказывания «отцов-основателей» американской республики и канопы прошлого поведения США, которые подчеркивали политику «неввязывания», «равноудаленности» как от врагов, так и в известной мере от друзей, политику гибкого баланса сил. Сегодня, когда опыт Вьетнама и других американских провалов оказался несколько под-

²⁶ Rostow W. W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. N. Y.: Harper. 1960, p. 543—544.

забытым, на свет вновь вытаскивается набор концепций и канонов «имперской», мессианской Америки; и даже принцип «просвещенного эгоизма», требующий политической осторожности, начинает трактоваться таким образом, что становится оправданием попыток нового рывка к приобретению «позиции силы». Короче говоря, американские внешнеполитические традиции используются идеологами правящего класса как универсальный инструмент для идейного обоснования любого поворота внешнеполитического курса в позитивную или негативную — реалистическую или авантюристическую — сторону. Разумеется, в самом правящем классе и в представляющих его интересы политических кругах имеется немало сторонников моральной чистоты американской внешней политики, людей, благоговейно исповедующих верность передовым традициям Американской революции. Но, выполняя роль знаменосцев традиционных ценностей, эти лица не оказывают определяющего влияния на официальную интерпретацию духовного наследия прошлого в области внешней политики. Эту функцию берут на себя неизмеримо более влиятельные и могущественные группы правящего класса, интересы которых и определяют и экономическую, и политическую, и идеологическую сущность внешней политики Соединенных Штатов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

В АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Религия — один из важных компонентов идеологической жизни современного мира, и, следовательно, она не может не оказывать воздействия на систему современных международных отношений, как воздействует на них вообще идеологический фактор. Очевидно, можно указать на двоякого рода воздействие религии на международные отношения.

Во-первых, проявляющееся во всемирном масштабе коренное противоречие между капитализмом и социализмом осмысливается на Западе во многом как противоборство государств, ценности которых имеют религиозное основание и обоснование, и государств в атеистической идеологии.

«Они не разделяют наших взглядов на нравственность, поскольку они не верят в то, во что верим мы: они не верят в загробную жизнь, не верят в Бога и у них нет религии»¹, — говорил, например, президент Р. Рейган, стремясь выделить наиболее фундаментальное, коренное различие между США и «западным миром» в целом, с одной стороны, и СССР и «миром коммунизма» — с дру-

¹ New York Times, 1981, Febr. 3.

лой. То, что президент США, гордящийся своим идеологическим консерватизмом, не нашел лучшего «поля» для противопоставления мира капитализма миру социализма, свидетельствует о многом, и прежде всего о силе религиозного фактора в общественной жизни США. Именно поэтому президент и сотни других американских проповедников империалистической политики ежедневно апеллируют к американцам в религиозных категориях, рассматривая их религиозное сознание как наиболее восприимчивое для утверждения идеи «американского превосходства», готовое воспринимать эту идею без каких бы то ни было дополнительных сложных доказательств. Постоянное употребление такого рода риторики, по сути дела словесных штампов, говорит о том, что эти штампы «работают», соответствуют особенностям американского массового сознания.

Во-вторых, в межгосударственных отношениях современного мира продолжают играть определенную роль религиозные конфликты, вступающие в сложное взаимодействие с другими противоречиями и кризисами современной эпохи. Так, конфликты между Израилем и арабскими странами, Ираном и США, Сомали и Эфиопией в значительной мере осмысливаются участвующими в них мусульманскими народами как столкновения ислама с его врагами. Внутренние религиозные конфликты в Пакистане, Индии, Ливане, Нигерии, Камеруне, Уганде, Чаде и т. д. постоянно оказывают воздействие на отношения этих стран с соседними государствами и отношения этих соседних государств друг с другом (например, влияние конфликта мусульман и христиан в Уганде на отношения Танзании и Кении с Ливией). Такого рода конфликты характерны прежде всего для стран развивающегося мира, но и в Европе уже десятилетиями длится конфликт религиозных общин в Ольстере, также влияющий на отношения Великобритании и Ирландии между собой и с другими западными странами.

Поэтому религия, господствующая в данной стране и занимающая определенное место в ее идеологической системе, оказывает известное влияние на внешнюю политику этой страны. Именно поэтому при всестороннем анализе внешней политики США следует учитывать и ту роль, какую играет в ней религиозный фактор.

Роль религии в идеологической системе США

Религия в США выполняет функцию универсальной идеологии, что и подтверждается фактом систематических обращений государственных деятелей США к массам с призывами, облеченными в религиозные формулы. В условиях эклектичности собственно буржуазной идеологии единственным цельным мировоззрением, которое противопоставляется идеологии «атеистического коммунизма», оказываются религиозно-этические ценности. Тем самым американская буржуазная идеология как бы прячется за спину христианской теологии и, хотя и безосновательно, выдает ее за себя. Более того, она

пытается использовать последнюю в своих интересах, претендуя на глобальное, вселенское звучание, выставляя себя как носительницу «мирового добра» в борьбе с «мировым злом». За фразами о «ведомой Богом Америке» и т. п. стоит реальность важной роли религиозного фактора не только в общественной жизни США, но и в их внешней политике, в восприятии и принятии этой политики «средним американцем».

Первоначальная колонизация будущей территории США осуществлялась под влиянием прежде всего двух стимулов — экономического и религиозного стремлений различных протестантских сект избавиться от религиозных преследований и от разного рода «вредных влияний» и создать в американской глуши истинно христианские, образцовые общества (пуританская Новая Англия, квакерская Пенсильвания), которые служили бы своего рода маяком для всего протестантского мира². Экономический и религиозный мотивы в этом движении за океан не мыслились противоречащими друг другу: построение идеального общества — «города на горе» — требует не только энтузиазма, но и трезвого расчета, а мирские, экономические успехи поселенцев говорят о том, что они на правильном пути, выполняют «явное предназначение», данное им свыше. Вероисповедания первых белых поселенцев в Америке изначально несли в себе элементы буржуазно-демократических ценностей. Организации переселенцев были основаны на выборных принципах и не приспособлены к выработке и поддержанию жесткой догмы. Уже в колониальный период растет их терпимость друг к другу, равно как и к различным теологическим точкам зрения внутри соответствующих организаций. Официальная церковь в колониях была очень слаба, и ни одна из господствующих тогда родственных друг другу протестантских церквей не представляла собой церкви большинства.

Таким образом, американская буржуазия практически не знала в отличие от буржуазии европейских стран такого противника, как иерархическая, догматическая государственная церковь, слившаяся с существующим режимом и освящающая его своим авторитетом.

Американская революция поэтому не приняла ни вероисповедного характера (как английская), ни антиклерикального (как французская). Она не боролась с религией и церковью, напротив, она постоянно апеллировала к авторитету религии, но не какой-то определенной, а религии вообще — любой, «призывая, — как сказано в Декларации независимости, — верховного судию мира в свидетели правоты» восставшего народа.

Своеобразно и сочетание идеологии этой революции, бывшей одновременно войной за независимость, с национальным самосознанием. Американцы в это время еще не представляли собой нации, их национальное самосознание сложилось во многом уже после ре-

² Подробнее об этом см.: *Фурман Д. Религия и социальные конфликты в США.* М.: Наука, 1981.

волюции как следствие создания единого и самостоятельного государства. Стремление к независимости поэтому было связано не столько с сознанием своей национальной уникальности, сколько с желанием отделиться от «прогнившей и тиранической» Англии для создания идеального государственного устройства, которое стало бы маяком свободы для всего человечества. Идея «избранного народа» (избранного, однако, не потому, что он лучший по своим природным качествам, а потому, что он образует общество-модель) становится идеей не отдельных религиозных групп, а нации в целом. Однако миссия, «предначертанная судьба» новой нации понимается шире и абстрактнее, чем первоначальная миссия колоний, — эта нация призвана защищать и продвигать не какую-то специфическую вероисповедную идеологию, а общечеловеческие и общерелигиозные ценности, лишь у нее якобы нашедшие адекватное воплощение, быть «городом на горе» не только для пуритан или протестантов, а для мира в целом!

Таким образом, устанавливается своеобразная связь между буржуазно-демократическими институтами, религией и национальным самосознанием. «Протестантизм, пуританизм, — писал Герцен, — имели в себе сильно революционную закваску, они протестовали против одной части европейских традиций и ее не взяли с собой за океан, они очистились от нее... Иди американцы на севере со всем вековым балластом, во всех рыцарских доспехах, как испанцы на юге, они недалеко бы ушли. Северные колонисты, переходя в новую среду, оставляли свою рыбу оболочку за собой, как головастики; отделившись от нее, им было легче работать и легче принять в кровь и плоть гражданское учение, озарявшее вершины философской Европы»³.

Революция провозглашает отделение церкви от государства, религия объявляется личным делом граждан. Но поскольку ценности (свобода, юридическое равенство, неприкосновенность частной собственности и т. д.), во имя которых совершалась революция, и созданные ею институты мыслятся имеющими общерелигиозное основание, то принадлежность к какой-то (неважно какой) религии представляется американцу неотделимой от приверженности этим институтам и ценностям. Равным образом он начинает думать, что американский опыт, «американский образ жизни» представляет универсальную, общемировую ценность. Поэтому национальное самосознание изначально приобретает своеобразный гегемонистский оттенок: патриотизм оказывается неразрывно связанным с идеей американского превосходства, со стремлением распространить «американскую модель» на все регионы Земли. Так называемая «американская Мечта» в ее внешнеполитическом аспекте выступает в виде непоколебимого убеждения в необходимости осуществления Соединенными Штатами глобальной миссии по повсеместному насаждению «амери-

³ Герцен А. Полн. собр. соч. и писем. Пб.: Гос. изд-во, 1920, т. 18, с. 110.

канского образа жизни», миссии, воспринимаемой большинством американцев в форме религиозной концепции «спасения заблуждающихся».

Стабильность американского буржуазного строя, существующего на протяжении 200 с лишним лет, наплыв в США миллионов иммигрантов всех национальностей и верований усилили эту связь религии с идеей американской глобальной миссии и создали специфически американское представление о том, что «стопроцентным американцем» может быть человек любой религии и любой национальности, но человек на все сто процентов разделяющий «американские ценности» и верующий в Бога.

Разумеется, провозглашенные революцией принципы равноправия религий и юридического равенства людей вне зависимости от их веры и их этнического происхождения лишь очень медленно и постепенно переходили и переходят в массовое сознание, в котором очень долго существовала (и в определенных слоях существует до сих пор) связь «американского» с «белым, англосаксонским и протестантским» и нетерпимость ко всем инакомыслящим. Но это ограниченное понимание «американского» в силу, так сказать, многонациональной и многовероисповедной композиции самой американской нации постепенно устраняется. Религиозная терпимость, первоначально, несмотря на провозглашение равноправия религий, распространявшаяся лишь на группу однородных протестантских вероисповеданий, постепенно переходит на христианство в целом (с католиками и православными), а затем и на культурно чуждые и возбуждающие неприязнь восточные религии.

Значительно более укорененной, чем любая другая американская нетерпимость, является нетерпимость к атеизму. Формально, по конституции, личным делом каждого является не только то, к какой религии человек принадлежит, но и то, принадлежит ли он вообще к какой-либо религии, и Верховный суд США следит за тем, чтобы государство не только не покровительствовало какой-то определенной религии, но и религии вообще, религии в целом⁴. Однако, поскольку американские институты мыслятся имеющими общерелигиозное основание и религиозная символика включена в такой священный для американцев документ, как Декларация независимости, и во всю систему официальной государственной обрядности (президент, вступая в должность, приносит присягу на библии), религиозность считается принадлежностью «нормального американца», а атеизм — явлением «не американским». Атеист в США сталкивается с атмосферой отчужденности и с неофициальной, но весьма ощутимой дискриминацией.

⁴ В решении по делу «Эверсон против Совета по делам образования города Юинга» Верховный суд США записал в 1947 г., что первая поправка к американской конституции «требует, чтобы государство было нейтральным в своем отношении с группами религиозных верующих и неверующих».

Таким образом, для положения религии в США характерны следующие основные особенности: отсутствие связи какой-либо определенной религии с национальным самосознанием; религиозная терпимость; массовое убеждение в том, что Соединенным Штатам волею Всевышнего предустановлено осуществить историческую миссию по насаждению «американского образа жизни»; связь религии с буржуазной системой ценностей, которая по всеобщему убеждению покоится на общерелигиозных основаниях; практически всеобщая религиозность; широко распространенная нетерпимость к атеизму.

Как же влияют эти особенности положения религии в США на американскую внешнюю политику?

Это влияние может осуществляться по-разному, но, на наш взгляд, основных путей этого влияния — два. Во-первых, отношение населения США к религии не может не оказывать воздействие на восприятие им внешнеполитических событий. Укорененная в массовом сознании религиозная идея американской вселенской «миссии» дает властям возможность, используя эту особенность общественной психологии, мобилизовывать население на поддержку тех или иных внешнеполитических акций или идеологических кампаний, осуществляемых с применением сложившихся стереотипов вроде лозунга «борьбы за торжество американских идеалов» и т. д. Во-вторых, не просто религиозность государственных деятелей, но и все их основанные на этой религиозности специфические американоцентристские морально-этические установки в существенной мере определяют своеобразный стиль американской внешней политики, т. е. те ее характеристики, которые зависят не от объективной исторически сложившейся внешнеполитической обстановки, а от особенностей данного общества и субъективных, личностных характеристик его лидеров. В то же время положение религии в США, конечно, не может не влиять на восприятие этой страны другими государствами и различными иностранными (для США) политическими и религиозными силами и соответственно на их политику в отношении США.

Влияние религиозного фактора на восприятие массами внешней политики

Как отмечалось выше, массовому сознанию США в силу особенностей их истории и идеологической системы не свойственно представление о своей нации как о чем-то независимом от государственного строя. Для американского массового сознания «национальные интересы» отождествляются либо с чисто меркантильными соображениями (доступ к рынкам и источникам сырья, защита экономических позиций американских компаний, действующих за рубежом, и т. п.), либо же с идеологическими целями — претворением в жизнь «всемирной миссии избранной нации».

Американская идея миссии есть в известной мере органичная для США форма самосознания, выводимая из постулата об общече-

ловеческом (и общерелигиозном) характере американского строя, из того, что это строй-модель. Эта идея избранности прослеживается и в формулах официальной риторики⁵, и в наивном мифологизме сектантских религиозных идеологий, и в сложных построениях американского теолога Рейнгольда Нибура и его последователей в духе концепций «реальной политики».

Поэтому для американского массового сознания всегда было характерно представление, что США должны вести себя на международной арене как-то иначе, чем другие страны,—как бы более морально. Этот морализм вносит в обсуждение внешнеполитических проблем страстность и импульсивность, ибо порицаемая политика мыслится не просто ошибочной, а греховной, а переходы от одной моралистической оценки к другой — относительно легки. Поэтому для США характерна страстная борьба по вопросам внешней политики и довольно резкие переходы от одной внешнеполитической линии к другой, соответствующие резким колебаниям общественных настроений. Эти споры и колебания во внешней политике при сохранении значительной степени идеологической однородности американского общества во многом контрастируют с относительной уравновешенностью внешней политики западноевропейских государств. Но через все эти колебания проходит идея о всемирной идеологической, моральной, религиозной миссии Америки. Борьба вокруг внешней политики — это в громадной степени борьба по вопросу о способах осуществления этой миссии.

Так, для США всегда были характерны определенные пацифистские настроения масс. Пацифистские секты (в частности, община квакеров), группы и традиции здесь значительно мощнее, чем в любой европейской стране. Но именно из-за своей связи с идеей избранности американский либерально-буржуазный пацифизм с поразительной легкостью может переходить в свою противоположность, как это произошло в годы первой мировой войны, когда военный психоз с такой легкостью сменил пацифистские настроения, потому что милитаристская лихорадка, разгоравшаяся под лозунгом «войны, которая ведется, чтобы положить конец войнам и сделать мир безопасным для демократии», была для американца как бы естественным продолжением пацифизма. В смягченной форме переход от подъема антивоенных настроений в период вьетнамской войны к современному «размахиванию национальным флагом» повторяет ту же модель.

Наряду с пацифизмом, относительно легко переходящим в воинственность, американскому массовому сознанию всегда были свой-

⁵ Р. Рейган дважды — в выступлении 30 апреля 1981 г. на церемонии, посвященной памяти жертв нацизма, и в речи в Вест-Пойнте 28 мая 1981 г. — повторил фразу, якобы сказанную в конце второй мировой войны папой Пием XII: «Бог вручил Америке пострадавшее человечество» (Weekly Compilation of Presidential Documents, 1981, May 4, p. 484; 1981, June 1, p. 562).

ственные тенденции к изоляционизму, легко переходящие в стремление к гегемонизму. Само возникновение американских пуританских и прочих колоний было связано со стремлением к изоляции от грешного мира; американская революция — это изоляция «чистой Америки» от «прогнившей Англии». Но и «изоляционизм» колоний и «изоляционизм» революции были чреваты гегемонизмом — ведь это изоляция для того, чтобы стать «городом на горе», т. е. реализовать вселенскую историческую миссию!

И эти переходы от изоляционизма, стремления не вмешиваться в «ординарные превратности» политики Европы, в ее «частые споры, причины которых по существу чужды нашим заботам»⁶, как выражался Дж. Вашингтон, к стремлению встать во главе мира и перестроить его по своему образу и подобию прослеживаются через всю американскую историю. Дж. Кеннан писал: «Американцы... колеблются между бегством от мира и стремлением как-то уже очень страстно его обнять. Абсолютизация национальной морали требует или уйти от чужого или изменить его, но постоянно и спокойно рядом с ним жить нельзя»⁷.

Именно поэтому американцы — в массе своей — так легки на подъем под лозунгами различных «крестовых походов»: за то, «чтобы сделать мир безопасным для демократии», за «отбрасывание коммунизма», за «спасение мира от революционных войн», за «дирижирование процессом перемен в мире» и т. д. и т. п. Эта абсолютистская мораль с ее быстрыми переходами от одной крайности к другой, с ее фанатичной одержимостью (уживающейся с веротерпимостью и религиозным плюрализмом) дает властям держащим широкие возможности для мобилизации общественного мнения в поддержку разного рода «крестоносных» начинаний, для манипулирования религиозными аспектами массового сознания в политических целях. Так, например, когда в конце 40-х годов американское руководство начало мобилизовать американскую общественность на «крестовый поход» против СССР и других стран социализма, для американцев не было в этом ничего необычного. Представление о необходимости борьбы с мировым злом, «атеистической тиранией», было уже сформировано всей американской религиозной традицией, можно сказать — всей американской культурой.

Развязывая «холодную войну» против СССР, стран Восточной Европы, правящие круги Соединенных Штатов, естественно, затевали борьбу не против атеизма, а против социализма: их целью, как это было записано в официальных американских документах того времени, было «сокращение власти и влияния Москвы» и осуществление «фундаментальных изменений» во внешней политике СССР⁸.

⁶ The Writings of George Washington from the Original Manuscript Sources, 1745—1799 / Ed. J. Fitzpatrick. Wash.: U. S. GPO, 1940, vol. 35, p. 234.

⁷ Цит. по: *Boorstin D.* The Genius of American Politics. Chicago: Chicago University Press, 1953, p. 286.

⁸ Containment: Documents on American Policy and Strategy 1945—1950 / Ed. T. H. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y.: Columbia University Press, 1978, p. 176.

Но под такими лозунгами трудно мобилизовывать широкие массы на крестовый поход. Куда проще, апеллируя к укорененным в их сознании религиозным стереотипам, представить Советский Союз как силу, покушающуюся на святая святых: на фундаментальные ценности христианской религии и морали, на самого Бога, — и тем самым попытаться дискредитировать в глазах рядового американца идею социализма, а заодно и обелить собственную агрессивную политику. Рейнгольд Нибур называл этот прием, рассчитанный на «затушевание наших реальных гегемонистских целей», «заменой сложной реальности мифическими образами», «мифическим искажением своего собственного экспансионизма», искажением, ставящим на место экспансионизма благородные мотивы мессианства⁹.

Характерным сопутствующим элементом многочисленных «крестоносных» кампаний в сфере внешней политики являются морально-идеологические кризисы в США, возникающие в ситуациях, когда тот или иной из развернутых крестовых походов заходит в тупик. Такие тупики после некоторого периода прострации, как правило, ведут в США к ревайвалистским тенденциям — «великим пробуждениям» религиозного сознания, «открытиям заново» светоча истины в религиозной философии. По сути дела, эти систематические религиозные возрождения есть не что иное, как стихийные попытки обращением к религии, уходом в нее освободиться от чувства стыда, вины или глубокого морального разочарования, вызванного провалом тех или иных «крестоносных» начинаний, в которые массы индивидуумов были вовлечены или завлечены мессианско-религиозными призывами. Указанные религиозные возрождения ведут к образованию нового религиозного и отчасти политического консенсуса, который как бы отрицает предыдущий, но, в свою очередь, вновь используется политиками для новой идеологической кампании в сфере внутренней или внешней политики. Эти взлеты и падения религиозно-политической активности приводят к пульсирующему, лихорадочному течению религиозной жизни, переплетающемуся с манипулированием политиками религиозной психологией.

Религиозные возрождения подразумевают перенос центра тяжести с отвлеченной теологии на этику, с упорядоченной, логичной проповеди на эмоциональный призыв, даже на театральность. Р. Никсон, например, в борьбе с антивоенным движением в конце 60-х — начале 70-х годов демонстративно апеллировал к так называемому молчаливому большинству консервативно настроенных, богобоязненных обывателей. Сменивший республиканских президентов на посту в Белом доме баптист-популист-демократ Дж. Картер уже не просто апеллировал к этому консервативному большинству, но и подлаживался к нему, изображая себя «заново родившимся христианином». В конце 70-х годов эти поощряемые сверху настроения, поддерживаемые и

⁹ Niebuhr R. Faith and Politics. A Commentary on Religious, Social and Political Thought in Technological Age. N. Y.: G. Braziller, 1968, p. 228, 251.

рекламируемые средствами массовой информации, вылились в ревизионистское «моральное большинство», соединяющее в своих лозунгах требование защиты религии с требованиями борьбы против социализма, Советского Союза. Оно во многом способствовало устранению от власти Дж. Картера как нераскаявшегося, беспринципного либерала и приходу в Белый дом Р. Рейгана, использовавшего лозунги «морального большинства» для закрепления консервативных тенденций во внешней и внутренней политике США.

Церкви и внешняя политика

Поскольку американцам не свойственно представление о том, что религия и светская жизнь, в том числе и такой ее аспект, как политика, разделены непроницаемой стеной, американское сознание предполагает активную роль церкви, выступающей как моральный судья любых сторон жизни нации. Во время вьетнамской войны тысячи представителей духовенства боролись за мир во Вьетнаме, многочисленные церковные организации принимали антивоенные резолюции. В то же время имелись представители духовенства и организации, требовавшие сбросить на Ханой атомную бомбу. Такое разнообразие позиций характерно для всей американской истории. Однако церкви не просто отражают противоречия массового сознания, существующие помимо них различия подходов к внешнеполитическим вопросам, они отражают их в форме заостренной, идеализированной, в какой-то мере очищенной от непосредственных практических мотиваций. Внешняя политика интересует церкви прежде всего с религиозно-моралистической точки зрения, точки зрения выполнения Америкой ее всемирной моральной миссии. И постоянная и широкая активность церквей во внешнеполитических вопросах заставляет американцев все время учитывать этот моралистический аспект внешней политики. Этой активностью они постоянно поддерживают стереотипы и установки массового сознания и соответственно адекватный им внешнеполитический стиль.

Общеморалистический подход к внешней политике, подход с позиций американской «миссии», характерен для старых американских церквей. Иммигрантские церкви, еще не влившиеся полностью в американское общество, естественно, руководствуются в своей внешнеполитической деятельности скорее интересами своих вероисповедной и этнической общин. Такова, например, деятельность греческой православной церкви США в поддержку Греции и греческой общины на Кипре, арабских мусульманских организаций, борющихся за признание Соединенными Штатами прав палестинцев. Но в своей деятельности, направленной на защиту «своих» — соотечественников и единоверцев, эти церкви вынуждены «переводить» свои требования на универсальный, американский, абстрактно-религиозный и моралистический язык. Так, греческие православные не могут просто требовать поддержки Греции и мотивировать свои тре-

бования тем, что «греки лучше турок» или что православная вера лучше. Они вынуждены говорить о другом — о стремлении Греции к миру, о праве киприотов на самоопределение, о нарушении турками принципов религиозной свободы, о Греции как колыбели демократии и т. д.

Подобный «перевод» интересов своих этнических и вероисповедных групп на «американский язык» выполняет очень важную функцию — он способствует выявлению ранее скрытых, незаметных аспектов и потенций различных ситуаций, которые могут быть использованы в американской внешней политике.

Особенности американской религиозности и образ США за рубежами страны

Американская религиозность всегда казалась подозрительной европейским наблюдателям, которые часто задают вопрос: да религиозность ли это вообще? Для православного, например, католицизм — религия ложная, но все же, несомненно, религия. Но религию американцев, которым ничего не стоит перейти из церкви в церковь, которые проявляют равнодушие к религиозным различиям, поразительно много говорят в церквях о земных делах и поразительно мало — о потустороннем мире, европейцам вообще трудно назвать религией. Равным образом в европейской публицистике постоянно выражается сомнение в том, можно ли этот разношерстный конгломерат назвать нацией. Представители древних европейских культур всегда относились к США несколько свысока — так, как аристократы по крови относятся к выскочкам-нуворишам. Подобное отношение на первый взгляд вроде бы должно мешать США играть роль лидера «западного сообщества».

Однако именно американская этническая неоднородность, американский религиозный плюрализм и религиозная терпимость являются факторами, способствующими выполнению США их роли лидера различного рода коалиций в несоциалистическом мире, в первую очередь «атлантического сообщества государств». Любая другая страна в этой роли неизбежно возбудила бы значительно больший антагонизм, чем США. Любая страна с традицией «национальной религии» возбуждала бы страхи и подозрения в странах с другой религиозной традицией. Невозможно представить себе протестантскую Англию, признающую лидерство католической Испании, или наоборот. Постоянное расширение круга «американских религий» означает одновременно постоянное расширение возможностей США по влиянию на другие страны через религиозные организации.

В период после второй мировой войны можно различить два этапа такого расширения круга респектабельных религий. В начале этого периода еще существовало убеждение (и в США и за границей), что американский католик не может стать президентом, что США при всем своем признании равенства религий все же страна

глубинно протестантская. Соответственно Ватикан и католические силы в разных странах мира относились к США с известной настроенностью. Рубеж между двумя этапами — 1960 год. К этому времени католическое, православное и иудейское духовенство привлекается к официальной обрядности, а предрассудки массового сознания в отношении католицизма отступают настолько, что уже не могут помешать избранию католика Дж. Кеннеди президентом.

В 60-е годы начинается новый этап расширения американского религиозного плюрализма. Оно происходит как за счет внутренних религиозных процессов, так и за счет продолжающейся иммиграции. Вырисовывается четкая перспектива появления в США крупной буддистской общины. Равным образом вырисовывается перспектива создания и значительной американско-мусульманской общины — за счет иммигрантов из мусульманских стран — и постепенно ортодоксализирующегося сектантского «черного мусульманства» американских негров. При этом события последних лет — подъем в разных странах мира мусульманских религиозных движений — вызвали усиленное обхаживание мусульман со стороны кругов американского истеблишмента. Американская религиозная печать публикует массу статей на тему о необходимости покончить с пренебрежительным отношением к исламу, президент Дж. Картер публично рассуждает об «общих ценностях» христианства и ислама и т. д.

Таким образом, намечается расширение религиозного плюрализма США и соответственно расширение идеологических возможностей США во внешнеполитической сфере.

Церковь как канал внешних сношений

Наряду с особенностями американской религиозности на восприятие США в других странах и, естественно, на внешнеполитические возможности США влияют также внешние связи самих американских церквей.

При американском религиозном плюрализме связи эти весьма обширны. Однако быть прямыми орудиями американской внешней политики, государственного департамента церкви США, независимые от государства и дорожащие этой независимостью (и чаще всего критикующие «слева» или «справа» американскую внешнюю политику), могут быть лишь в очень ограниченной степени в каких-то исключительных случаях. Значение для внешней политики США внешних связей американских церквей громадно, но оно значительно сложнее и глубже, чем «выполнение официальных поручений».

На первый взгляд церкви постоянно ставят палки в колеса внешней политики США. США воюют во Вьетнаме — американские делегации во Всемирном совете церквей осуждают эту войну. США поддерживают режим Тхиеу — работающие во Вьетнаме американские квакеры отказываются иметь с ним дело и вступают в контакт с коммунистами. США поддерживают диктаторские режимы в

Латинской Америке — многие церкви осуждают эти режимы, и некоторые американские миссионеры даже помогают партизанам. Примеров подобного рода, когда церкви используют свои связи прямо против политики правительства, можно привести множество. Но каково же объективное значение этих действий?

Как бы ни критиковали американские церкви Соединенные Штаты, они в этой своей критике исходят как раз из идеи особой миссии США. Их критика подразумевает эту миссию и нацелена на исправление разного рода «недостатков», допускаемых в процессе ее осуществления. И объективно «антигосударственная» деятельность главных американских церквей приводит к тому, что самые разные силы в мире, против которых направлена американская официальная политика, не могут не признать, что в США есть организации и институты, причем влиятельные, принадлежащие к элите американского общества, которые эту политику осуждают. Следовательно, для этих сил США хотя и враг, но враг, который может стать и другом, враг, с которым «можно говорить и договориться!». Американские правительства ничего не делали для помощи партизанам, боровшимся против режима Смита в Родезии. Но им помогали негритянские церкви, и, что более важно, уважаемые элитарные церкви, входящие во Всемирный совет церквей, соглашались оказывать финансовую помощь партизанам. После этого партизанским силам Зимбабве было трудно поставить знак равенства между США и режимом Смита, видеть в США вечного врага. И жизнь показала, что «антигосударственная» позиция церквей в этом вопросе оказалась очень выгодной для США с точки зрения их влияния в Африке. Объективно американские церкви, осуждающие официальную внешнюю политику США или, что чаще, какие-то конкретные ее аспекты, заставляют кое-кого из тех, против кого направлена политика США, переходить на точку зрения, что США могут заблуждаться, но это — именно заблуждение, и поэтому с Вашингтоном «можно договориться».

Интернациональные связи иммигрантских церквей действуют несколько иначе. Основное значение внешнеполитической деятельности старейших, чисто американских элитарных церквей — именно в том, что эти церкви порой отклоняются от официального внешнеполитического курса и тем самым способствуют смягченному восприятию США в других странах, особенно в развивающихся. Основное значение внешнеполитической деятельности иммигрантских церквей — в том, что эти церкви, неамериканский характер которых очевиден и несомненен, постоянно становятся не только проводниками влияния и интересов своих вероисповедных и этнических групп внутри США, но и проводниками американского влияния на эти группы.

Выше отмечалось, что эти церкви неизбежно должны «переводить» требования своих групп на «американский язык», показывая их соответствие американской буржуазной системе ценностей. Но

постепенно иммигрантская церковь сама усваивает этот «язык», американский подход к проблемам. Безусловная, инстинктивная поддержка «своих» при этом начинает уступать место поддержке условной, зависящей от того, насколько «по-американски» ведут себя «свои». И иммигрантская церковь в США становится приводным ремнем между американским буржуазным обществом и зарубежными религиозными и этническими общинами, средством их взаимной «настройки» друг на друга. Это облегчается тем, что иммигрантские церкви в специфических условиях США очень часто процветают, становятся мощными организациями, чья поддержка крайне важна для их зарубежных «братьев».

Так, американский католицизм вел длительную борьбу внутри США с различными антикатолическими предрассудками. В ходе этой борьбы он все более проникался «американским духом». Борьба эта увенчалась успехом. Антикатолические предрассудки и страхи отступили. Католицизм занял прочное место в американском обществе, стал очень мощной и богатой церковью. Но одновременно происходил и другой процесс. В XIX — начале XX в. американский католицизм был глубокой провинцией мирового католицизма. Положение радикально изменилось после второй мировой войны. В силу новой политической роли США на мировой арене и в силу финансовой мощи американской католической церкви она приобрела для Ватикана особую ценность. При Пие XII появляются первые американские святые. Американское влияние в Ватикане растет, и американские кардиналы, очевидно, сыграли немалую роль в избрании Иоанна Павла II, близкого друга филладельфийского архиепископа кардинала Дж. Крола, поляка по происхождению. И одновременно происходит все большее сближение американских позиций и позиций католической церкви. Как избрание Дж. Кеннеди — триумф американского католицизма над антикатолическими предрассудками и одновременно триумф буржуазного общества США, сумевшего «одомашнить» свою католическую церковь, так визит Иоанна Павла II в США в октябре 1979 г., когда он выступал у статуи Свободы и рассуждал на тему о глобальной роли США, в значительной мере — триумф американского влияния на мировой католицизм.

Схожие явления происходят и в американском православии. А сейчас, с усилением в США мусульманской и буддистской общин, следует ожидать начала процессов «взаимной настройки» США и ислама и буддизма. О постепенном изменении отношения США к мусульманству уже говорилось. Параллельно идет процесс усвоения американских буржуазных ценностей «черными мусульманами», некогда проповедовавшими ненависть к американскому буржуазному обществу, а сейчас размахивающими американским флагом. И лидер «черных мусульман» Мухаммед Али уже добровольно берет на себя поручение президента Дж. Картера и отправляется в Африку уговаривать африканцев бойкотировать Московскую олимпиаду 1980 г.

Иммигранты и миссионеры из других стран привозят свои религии в США, американские миссионеры распространяют по всему миру различные американские церкви. Из примерно 220 тыс. христианских миссионеров, действующих по всему миру, на долю американских церквей приходится около 40 тыс., более четверти из них работают в Латинской Америке. Если какое-то время тому назад либеральные протестантские церкви делали упор не только на обращение в христианство, но и на помощь бедным, то сейчас, как пишет журнал «Тайм», такой подход «выходит из моды».

Многие лидеры развивающихся стран смотрят на миссионеров как на агентов западного неокolonизма, пытающихся навязать местному населению не только христианские доктрины, но и чуждую им культуру Запада и «ценности западной цивилизации». Аргентинский теолог Х. Мигуэз-Бонино, входящий в руководящий орган Всемирного совета церквей, говорит по этому поводу: «Миссионерская деятельность в последние 150 лет — католическая, равно как и протестантская — переплетена с экономической, политической и культурной экспансией англосаксонского мира. Мы в третьем мире называем это неокolonизмом или империализмом»¹⁰.

Американская церковь и процессы разрядки

Как отмечалось выше, американская церковь в своем большинстве занимает активно-антимилитаристские позиции, выступает против агрессивных аспектов внешней политики США, за международное сотрудничество, против поддержки Соединенными Штатами диктаторских и расистских режимов. В авангарде церковного движения за мир, против гонки вооружений и иных военных приготовлений идут наиболее уважаемые, старейшие церкви США, объединенные вокруг Национального совета церквей Христа (НСЦХ), в нем участвуют многие другие церкви. Такая позиция церквей объясняется в первую очередь самим характером христианского учения. Для современного христианского духовенства — и протестантского, и православного, и католического — занятие какой-либо иной позиции, кроме осуждения войны и агрессии, тем более войны с применением средств массового уничтожения, было бы противоестественным, непонятым для прихожан (хотя осуждение войны вообще часто не означает для американских церквей осуждения той или иной конкретной военной акции США, поскольку она рассматривается как предпринимаемая во имя восстановления мира и справедливости). Кроме того, большая часть руководства старейших церквей США представляет собой, по сути дела, высокообразованную либеральную интеллигенцию, традиционно придерживающуюся пацифистских, антимилитаристских позиций.

В годы вьетнамской агрессии США американская церковь и американские священники принимали самое активное участие в

¹⁰ Time, 1982, Dec. 27, p. 39.

антивоенном движении, порой доходившем до таких крайних форм, как самосожжение в порядке антивоенного протеста, или попыток применить насилие в антивоенных целях (братья Берригены).

Конечно, любая церковь — сложный организм, где борются разные силы и тенденции и где специфические религиозные традиции, социальный состав прихожан и институционные связи обуславливают наличие множества тонких нюансов в подходе к тем или иным проблемам, что делает почти невозможными сколь бы то ни было всеохватывающие обобщения по части внешнеполитических позиций и подходов американских церквей. Тем не менее вывод о в принципе миролюбивой, миротворческой деятельности большинства солидных церквей США бесспорен.

Именно поэтому ведущие церковные организации США приветствовали политику разрядки как соответствующую христианскому учению и отвечающую национальным интересам Соединенных Штатов. Многие церкви не просто одобряли разрядку, но и энергично высказывались в поддержку конкретных американско-советских соглашений, таких, как ОСВ-1, ОСВ-2 и другие. Церкви, входящие в НСЦХ, выступали с весьма резкой критикой милитаристских аспектов политики администрации Дж. Картера, критикуют они и программу раскручивания гонки вооружений, претворяемую в жизнь администрацией Р. Рейгана. Аналогичные позиции занимает и католическая церковь США.

В этом плане особое внимание широких кругов американской и мировой общественности привлекло пастырское письмо руководства католической церкви США, адресованное 51-му миллиону американских католиков. В этом письме, как отмечал журнал «Тайм», «епископы стремятся разработать теологию мира, бросающую вызов некоторым из фундаментальных предпосылок и военных стратегий, которых придерживались все американские администрации и большинство стран Запада с начала ядерного века»¹¹.

На очередной конференции американских католических епископов в мае 1983 г. руководители американской католической церкви одобрили обращение к католикам, в котором, в частности, говорится: «Мы не можем представить себе какую бы то ни было ситуацию, при которой умышленное развязывание ядерной войны, сколь бы ограниченной она ни была, могло бы быть морально оправдано... Мы не можем одобрить какую бы то ни было систему оружия, стратегическую доктрину или политическую инициативу, выдвигаемую во имя укрепления сдерживания. Прогресс в направлении мира, освобожденного от угрозы сдерживания, должен осуществляться с осторожностью. Но не должен тормозиться...

Мы рекомендуем: поддержку немедленных двусторонних соглашений, поддающихся проверке, о запрещении испытаний, производства и развертывания новых стратегических систем.

¹¹ Time, 1982, Nov. 29, p. 68.

Поддержку осуществляемых на основе переговоров крупных сокращений в арсеналах обеих сверхдержав...

Поддержку договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия...»¹².

Это письмо вызвало колоссальный резонанс в США, и администрация Рейгана лихорадочно сочинила ответ священникам, в котором выразила сожаление по поводу «фундаментального заблуждения» епископов касательно американской политики. Однако, как показывают события, именно потому, что население США слишком хорошо понимает, на какой опасный путь встала администрация в своих военных приготовлениях, и возникают в США движения, подобные кампании за замораживание ядерных арсеналов или же инициатива епископов с осуждением американской ядерной доктрины.

Даже нью-йоркский кардинал Т. Кук, более воинственно настроенный, чем многие его коллеги (может быть, потому, что он по совместительству выполняет роль военного викария всех католиков в вооруженных силах США), и тот заявил, что американские верующие едины в одном: «Мир должен добиваться ликвидации ядерного оружия и вообще всех средств массового уничтожения»¹³.

Таким образом, американец, как верующий, получает от своей религиозной организации, по сути дела, две противоположные идеологические установки: с одной стороны, он воспитывается церковью в духе осуждения войны и милитаризма, в духе любви к ближнему и даже к своему врагу; с другой — он настраивается своей церковной организацией против атеизма и в политическом плане — против коммунизма. Надо сказать, что эти взаимоисключающие проповеди очень часто разделяются и институционально: одни церкви озабочены прежде всего «мягкостью» властей по отношению к коммунизму, «бездействием» правительства перед лицом «растущей советской угрозы», другие же — и их большинство — продолжают делать упор на проповедь международного взаимопонимания и согласия, а также необходимости совместных усилий народов всех стран в борьбе против войны, голода, болезней.

Сейчас в США явно на подъеме силы реакции. Изменение в сторону ужесточения внешнеполитического курса США происходит параллельно с усилением сил религиозного консерватизма, пытающихся перечеркнуть либеральные завоевания 60-х годов и выдвигающих лозунг борьбы со светским гуманизмом.

Однако, учитывая всю историю религии в США и основные черты американской религиозности, можно утверждать, что не этим силам, вышедшим сейчас на поверхность, принадлежит в США будущее. Несмотря на все шарахания и шатания массового сознания, на всю страстность религиозной полемики по политическим вопро-

¹² Origins. NC documentary service, 1983, May 19, p. 15, 18—19.

¹³ New York Times, 1982, Nov. 16.

сам, в нем все же доминируют тенденции веротерпимости и антидогматизма — ценности, присущие буржуазно-либеральному мировоззрению. Поэтому следует отрицательно ответить и на муссируемый некоторыми американскими идеологами тезис о том, что особенности религиозного сознания США являются-де труднопреодолимым идеологическим препятствием на пути разрядки.

Ведь не это сознание само по себе генерирует «холодную войну» и антисоветизм. Как было показано выше, религиозность среднего американца используется консервативными, милитаристски настроенными политиками для идеологической мобилизации населения на жесткий курс «холодной войны» и гонки вооружений. В принципе же, как показал расцвет разрядки в 70-е годы, широкие круги американцев готовы активно поддерживать политику мирного сосуществования и сотрудничества с Советским Союзом, несмотря на господствующую в нем материалистическую идеологию. Как прагматики, как деловые люди, американцы в массе своей и в личной жизни и в международной политике придерживаются принципа: «Живи и давай жить другим», что фактически является народной американской формулировкой доктрины мирного сосуществования. Но, как люди верующие, да к тому же еще впитывающие, можно сказать с молоком матери, идеи избранности американской нации, «города на горе», «особой миссии США в мире», американцы весьма податливы на разного рода идеологические кампании во имя «христианских идеалов».

И не случайно поэтому период разрядки совпал с деидеологизацией американской внешней политики, с возвращением к заветам отцов-основателей, в частности первого президента США Дж. Вашингтона, который, призывая американцев культивировать «мир и гармонию со всеми», предупреждал их о необходимости исключать «перманентные закоренелые антипатии по отношению к определенным нациям и страстные привязанности к другим»¹⁴. Под этот поворот внешней политики США в сторону прагматического реализма американские политологи, вроде Г. Моргентау, Д. Белла, Г. Киссинджера, подвели в свое время солидную и довольно убедительную теоретическую базу, доказывая, что сверхидеологизированная внешняя политика граничит с фанатизмом, уводит США в сторону от их истинной национальной цели. Выступая против идеологизации внешней политики, они тем самым выступали против ее религиозно-моралистического облачения, ибо в конкретно-практическом плане все как раз и сводилось к этому. И опять-таки не случайно, что тот американский президент, который первым по-настоящему начал отворачивать США с курса разрядки, а именно президент Дж. Картер, первым и возродил религиозно-моралистическое ханжество в политике. Он читал проповеди всему остальному миру о «правах человека» и о нормах христианского поведения, в то вре-

¹⁴ Writings of George Washington..., vol. 35, p. 231.

мя как американское государство под его лидерством оказывалось все менее способным обеспечить гражданину самое элементарное право — право на личную безопасность в условиях колоссального роста преступности, «медленно парализующей американское общество»¹⁵, а в его собственной семье братья Билли, спекулируя именем Картеров, хладнокровно обделывал темные финансовые делишки.

Именно поэтому в период, когда администрация Р. Рейгана приняла жестко антисоветский курс, идеологизация внешней политики США дошла, можно сказать, до высшей точки. Президент вновь стал хвататься за идею «богоизбранности» американской нации как дающую ей право вести себя в мировой политике, как ей заблагорассудится — высокомерно-пренебрежительно отклонять международные договоры, терпеливо и тщательно выработывавшиеся с участием США в течение многих лет (как, например, новый кодекс морского права или договор ОСВ-2), публично отчитывать развивающиеся страны за то, что они не поддерживают США в ООН, или, наконец, претендовать на роль мирового полицейского. В плане религиозно-идеологическом это означает, что силы религиозного консерватизма (в ряды которых переметнулись, держа нос по ветру, и некоторые бывшие либералы) пытаются перечеркнуть либерально-гуманистические завоевания 60—70-х годов.

Но, как в прошлом веке в США боролись те, кто считал, что американское равенство — лишь для белых, и видел в защите этого положения свою моральную миссию и миссию США, и те, кто видел эту миссию в освобождении рабов, а в рабстве — грех, предательство «американской Мечты»; те, кто считал, что, хотя церковь должна быть отделена от государства, в США нельзя допускать католиков, и те, кто понимал, что равенство религий только тогда равенство, когда оно действительно распространяется на все религии, так и сейчас в США борются разные силы, по-разному трактующие принципы, провозглашенные «отцами-основателями».

Внешнеполитический курс США есть равнодействующая очень многих внутри- и внешнеполитических факторов. И гуманизм и либерализм основных американских церквей, поддержка ими концепции мирного сосуществования представляют собой в этом плане немаловажный фактор. Сегодня равнодействующая клонится в сторону консерватизма, не совпадает с церковным либерализмом. Тем не менее его воздействие на внешнеполитический курс США нельзя сбрасывать со счетов. Критическая «идеалистическая» позиция американских церквей, способствовавшая прекращению агрессии США во Вьетнаме, в конечном итоге оказалась позицией, отвечающей долгосрочным национальным интересам самих США. И развертывающаяся в 80-е годы борьба либеральных сил в религиозной общине США против фанатичной одержимости консервативного «морального большинства» есть вклад в борьбу за упрочение всеобщего мира.

¹⁵ Time, 1981, Mar. 23, p. 16.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АМЕРИКАНСКАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Соединенные Штаты — крупнейшее капиталистическое государство — стремятся проводить глобальную политику, охватывающую практически весь мир и направленную на создание определенного устройства международных отношений. Оптимальной с точки зрения правящих кругов США формой такого устройства был бы «мир по-американски» — «Pax Americana».

Под этим понятием обычно подразумевается достижение доминирующего положения США в международных отношениях, установление зависимости всех без исключения государств от Соединенных Штатов, оформленной в виде системы неравноправных договоров и соглашений, отражающих американское военное, экономическое и научно-техническое превосходство. Глобальная политика американского правящего класса выражает его главные и долгосрочные интересы, возникающие в связи с его стремлением добиться положения «мирового лидера» и закрепить его за собой.

Исследуемая в данном разделе глобальная стратегия американского государства является более строгим и формализованным определением внешнеполитического интереса правящего класса США, устанавливающим географические и функциональные рамки внешнеполитической деятельности государства и ее структурные параметры: цели, методы, средства их достижения. Глобальная стратегия США стремится использовать в определенной системе и последовательности ресурсы нации в интересах господствующего класса. Учитывая внутриполитические и внешнеполитические обстоятельства, практическая реализация американским государством глобальной стратегии на каждом этапе ее эволюции представляет собой сложнейшую классовую, социально-политическую, экономическую и управленческую проблему.

«По идее», по своему замыслу глобальная стратегия американского государства должна сплачивать нацию или во всяком случае ее наиболее активную часть и служить одним из наиболее действенных рычагов достижения «национального консенсуса», противопоставляя интересы США интересам других стран мира. На деле же глобальная стратегия, особенно в периоды ею же порождаемых острых международных кризисов или в результате финансово-экономического бремени, взваливаемого ею на население, становится средством обострения классовых антагонизмов внутри страны.

Как показывает данный в предыдущем разделе анализ внутренних аспектов формирования внешнеполитического курса США, проблема разработки и формирования целей, а также способов их достижения в глобальной стратегии Вашингтона порождает острейшие схватки внутри самого правящего класса, между отдельными его группировками. Временами эти схватки даже угрожают стабильности на высших уровнях государственной власти, не говоря уже о постоянном соперничестве между отдельными звеньями внешнеполитического механизма, отдельными ведомствами, между законодательной и исполнительной властями.

Но имеется и другая сторона проблемы разработки и осуществления глобальной стратегии США — международная. При проведении внешней политики американское государство, как и любое другое, постоянно соприкасается и взаимодействует с интересами и политикой других государств. С одними государствами США стремятся найти общий язык, опираясь на общность классовых интересов, идеологию антикоммунизма, на определенные общие интересы в борьбе против освободительных движений. С другими они остро противостоят, пытаясь устроить их народы и правительства демонстрацией силы, колоссальными программами наращивания вооружений, надавить на них с помощью экономических рычагов, а порой и путем прямого использования вооруженных сил.

Основная линия противоборства здесь пролегает между классово антагонистическими мировыми системами. Классовый противник американской глобальной стратегии на международной арене — мировая система социализма и поддерживаемые ею страны социалистической ориентации из числа освободившихся от колониальной зависимости государств, политические партии и движения, выступающие с позиций научного социализма. Борьба против этих сил представляет собой главную составную часть глобальной стратегии американского империализма.

Учитывая масштабы влияния США, их военный потенциал, американское военное «присутствие» во многих районах мира, степень влияния американского монополистического капитала на мировую экономику, ясно, что глобальная стратегия США является важным фактором формирования международно-политической обстановки. Как правило, эта стратегия, отражая интересы правящих кругов США, способствует образованию крупнейших узлов противоречий. Происходит это потому, что центральной задачей данной стратегии остается шовинистическая установка на достижение «мирового лидерства» США.

Вместе с тем вряд ли можно ограничиваться только констатацией этого факта при исследовании стратегии США на мировой арене. Учитывая действительную важность и глобальность этого фактора, необходимо более широко и всесторонне оценивать его реальные и потенциальные возможности.

«Общепризнанно,— указывалось на XXVI съезде КПСС,— что международная обстановка во многом зависит от политики СССР и США. Состояние отношений между ними в настоящее время и острота международных проблем, требующих решения, по нашему мнению, диктуют необходимость диалога на всех уровнях, и притом активного»¹.

Следовательно, изучая природу и содержание глобальной стратегии США, необходимо видеть и те ее стороны, которые могут при иных обстоятельствах вести к конструктивному диалогу и сотрудничеству между двумя ведущими государствами, представляющими разные социальные системы,— СССР и США — в интересах разрядки напряженности, укрепления основ всеобщего мира.

Одним из главных моментов, определяющих возможную эволюцию глобальной стратегии США в более конструктивном направлении, является процесс изменения соотношения сил на мировой арене и воздействие этого процесса на формирование американской стратегии. Однако, как показывают факты недавней истории, связь между меняющимся соотношением сил на мировой арене и переменами в умонастроениях американского правящего класса не прямая и автоматическая. Процесс «привыкания» американской элиты к мысли о необходимости пересмотра некоторых фундаментальных основ своей глобальной стратегии, и прежде всего отказа от гегемонистских амбиций и ставки на силу в качестве способа их реализации, оказывается весьма непростым, противоречивым и длительным.

Борьба внутри самого американского истеблишмента между сторонниками различных подходов к мировой политике, надежды на благотворное воздействие нового раунда гонки вооружений на состояние американской экономики в дополнение к возросшему давлению военно-промышленного комплекса на разработку внешнеполитического курса страны, усилившиеся элементы консерватизма и антисоветизма во внутриполитической жизни — все это и многое другое обусловило значительные колебания в глобальной стратегии США в последнее десятилетие, ее метания от трезвых и здравых решений до крайне неуравновешенных и провокационных.

Но при всей этой неуравновешенности внешнеполитического курса США в глобальной стратегии Вашингтона происходят неизбежные перемены, связанные с необходимостью приспособлять ее главные задачи к реальным обстоятельствам, к сокращению возможностей США влиять на мировую обстановку.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 23.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦЕЛИ И ИНТЕРЕСЫ США НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Внешнеполитические цели США являются интерпретацией и конкретизацией американским государством классовых интересов американской монополистической буржуазии на международной арене с известным учетом интересов других общественных слоев американского общества. Степень учета государством интересов этих последних зависит в первую очередь от расстановки классовых сил внутри страны.

В условиях развития государственно-монополистического капитализма само буржуазное государство выступает в качестве одной из многих подсистем капиталистической общественной системы. Государство играет в известной мере роль суперарбитра по отношению к другим ее подсистемам, интересы и цели которых не во всем совпадают друг с другом. В процессе борьбы общественных сил внутри страны по вопросам внутренней и внешней политики и формулирования этой политики правящей элитой выдвигается и обсуждается множество зачастую противоречивых целей, являющихся субъективным отражением экономических, политических и иных целей отдельных — более широких или более узких — классов и слоев буржуазного общества. В результате столкновения интересов и целей этих подсистем и своеобразного отбора их на государственном уровне в конечном итоге и вырабатываются государственные цели, которые выступают в качестве «национальных» целей.

Внешнеполитические цели как объект политической борьбы

Выбор отдельных внешнеполитических целей из числа предлагаемых и их включение в состав официальной государственной стратегии США осуществляются в ходе ожесточенной борьбы в американских политических кругах. Одна часть правящих кругов, отдавая себе отчет в изменившихся реальностях мира, выступает за более гибкое приспособление к меняющейся обстановке, в частности за смягчение, «регулирование» соперничества с СССР и другими странами социализма, с тем чтобы избежать неприемлемого для США риска мировой ракетно-ядерной войны. Как правило, сторонники такого курса добиваются одновременно постепенного накопления невоенных компонентов силы — экономической мощи, научно-технического потенциала и т. д., которые, по их мнению, можно было бы противопоставить социализму в историческом противоборстве двух мировых систем.

Другая часть выступает с более традиционных империалистических позиций — с позиций оказания силового давления на социалистические страны, а также и на своих капиталистических партнеров и союзников, борьбы за военное превосходство, попыток прямого вмешательства в развитие внутренних событий в тех или иных государствах. Как показывают факты, влияние этой части правящего класса США все еще оказывается решающим.

Расхождения между этими группировками затрагивают практически весь спектр целей США на международной арене. Однако наиболее острая борьба между ними, как правило, сосредоточена вокруг текущих проблем и наиболее насущных целей. Добиваясь выгодных для себя решений по этим вопросам, указанные группировки стремятся утвердить свою стратегическую линию в качестве основы общей государственной политики и видят в этом средство упрочения своих позиций внутри правящей группировки.

Таким образом, процесс целеобразования в американской внешней политике, формирования задач государственной внешнеполитической стратегии, их провозглашения и достижения весьма сложен, противоречив и не всегда протекает на виду. Означает ли это, однако, что нельзя с уверенностью говорить о наличии определенных целей внешнеполитического курса США, что эти цели слишком зависят от текущей политической конъюнктуры, переменчивы и непостоянны? Разумеется, нет, поскольку, как бы ни менялись обстоятельства, влияющие на внешнеполитический курс, конкретные лица, ответственные за разработку и осуществление проводимого курса, внешнеполитические интересы американского правящего класса остаются постоянными, а обстановка на международной арене меняется относительно медленно (в сравнении с перипетиями на американской политической арене).

Следовательно, имеются все основания различить за текущими комбинациями декларируемых или реальных целей постоянные интересы США на международной арене, лежащие в основе внешнеполитических доктрин, военно-политической стратегии, политических курсов по отношению к отдельным группировкам стран. Отбор государственных целей и конструирование их в определенную иерархическую систему — «лестницу целей» — в зависимости от их приоритетности совершаются в известной мере стихийно, спорадически и неформально. В США не существует какого-либо органа, который бы официально и специально занимался определением государственных долгосрочных и краткосрочных целей США. Попытки отдельных американских президентов в период после второй мировой войны (Эйзенхауэра, Никсона) формализовать процесс определения государственных целей не дали должных результатов, ибо выработавшиеся различными комиссиями так называемые «национальные цели» оказывались частными формулировками указанных комиссий, не имеющими сколько бы то ни было универсального или обязывающего характера.

Очевидно, что на уровне макроцелей четкая формализация и впрямь трудно реализуема в буржуазном обществе, где идет непрерывная борьба между различными общественными группировками как по существу самих целей, так и — особенно — по поводу степени их важности для общества. Складывающийся в каждый данный период консенсус относительно «лестницы национальных целей» является лишь временным компромиссом, остающимся в силе до тех пор, пока сохраняется тот или иной баланс общественных сил, в первую очередь группировок внутри самого правящего класса.

Тем не менее, безусловно, существует некий общий набор объективных целей (устремлений) государства, субъективно осознаваемых и интерпретируемых той политической группировкой правящего класса, которая в данный момент находится у власти. В США ныне речь идет о правительстве либо демократической, либо республиканской партий. Специфические интересы каждой из двух партий, отражающие конкретные требования электората данной партии, окрашивают «национальные цели» в определенные тона, дают возможность из общей совокупности долгосрочных целей выбирать для практических действий те тактические цели, которые считаются приоритетными данной партией. Именно поэтому сам процесс президентских выборов в США и происходящих раз в два года выборов в конгресс дают возможность правящему классу в какой-то мере корректировать как сами цели, так и — что случается гораздо чаще — конкретную тактику их осуществления в соответствии с меняющейся внутривнутриполитической и международной обстановкой. Это привносит элементы гибкости во внешнюю политику США.

В самом общем виде наиболее фундаментальные цели правящего класса США сформулированы в, так сказать, канонических документах — в Декларации независимости, Билле о правах и некоторых других общегосударственных документах. Эти цели (стремление к свободе, счастью и благосостоянию граждан, обеспечение их безопасности и т. п.) носят декларативный характер. Они ни в коей мере не являются ориентирами для практической политики.

В более конкретном виде как долгосрочные, так и краткосрочные цели США формулируются в партийных программах (платформах), принимаемых буржуазными партиями США раз в четыре года, в бюджетных директивах конгресса, в стратегических установках той или иной администрации. Несмотря на смену администраций и их партийности, целый ряд из этих более конкретных долгосрочных целей США остается неизменным на протяжении более или менее длительных периодов и переходит по наследству от одной администрации к другой. Внутренняя борьба в США вокруг такого рода целей, как правило, ведется не по их существу, а по вопросам тактики их претворения в жизнь (включая и определение соответствующих промежуточных тактических целей).

Наконец, говоря о целях буржуазного государства, нельзя не отметить и того обстоятельства, что не все декларируемые цели (в том

числе и более или менее конкретные) отражают реальные устремления правящего класса; некоторые из такого рода реальных устремлений своекорыстного толка (например, контроль над мировыми источниками сырья) в официальных декларациях облекаются в благородно, бескорыстно звучащие формулировки (типа «обеспечения равноправного доступа всех государств к сырьевым ресурсам планеты» и т. д.). Другие же цели так и не выходят на поверхность в виде сформулированных задач, действуют в виде подспудных, неявных мотивов и устремлений правящего класса, находящихся свое выражение в конкретном поведении страны на мировой арене, но по тем или иным причинам не обсуждаемых публично.

Различия между объявленными и реальными внешнеполитическими целями США объективно обусловлены и таким фактором, как существование расхождений между национальными целями американской буржуазии и целями Соединенных Штатов как лидера мировой капиталистической системы. В принципе, до тех пор пока лидерство США в капиталистическом мире отвечает необходимости оптимального воспроизводства всей совокупности общественных отношений внутри самих США, а также в других капиталистических странах современности, расхождения между этими двумя группами целей не являются кардинальными. Однако по мере дальнейшего укрепления других «центров силы» современного капитализма и углубления межимпериалистических противоречий это расхождение между целями США как лидера системы и их чисто «национальными» целями приобретает принципиальный характер.

«Лестница целей» американского империализма

Помимо конкретных стратегических внешнеполитических целей США, видоизменяющихся в зависимости от эволюции международной обстановки, от перемен в расстановке общественных сил внутри самих Соединенных Штатов, можно выделить (на основании документов американского правительства, мемуаров государственных деятелей США и анализа конкретной внешней политики) общий набор базовых целей Соединенных Штатов, их правящего класса. Эти цели остаются более или менее неизменными на протяжении XX в., после победы Великой Октябрьской социалистической революции и образования двух мировых систем.

В общей форме генеральные интересы правящего класса США состоят в том, чтобы обеспечить такое состояние международных отношений (внешней среды), которое было бы максимально благоприятно для сохранения господствующих в США общественных отношений, для расширения мировых позиций американского капитализма и для перехвата исторической инициативы в ходе соревнования с мировым социализмом.

Если несколько более конкретизировать эти цели и расположить их в иерархическом порядке, начиная от самой минимальной, но

самой коренной и кончая самой максимальной, то можно получить «лестницу внешнеполитических целей» США, которая выглядит, примерно, следующим образом:

1) сохранить в целостности существующую в США общественную систему. Это самая безотлагательная и в то же время самая важная цель американского капиталистического общества;

2) сохранить западное полушарие в качестве особой сферы влияния США;

3) сохранить буржуазно-демократические государства Западной Европы в качестве «однотипной цивилизации», «залога выживания» США, «предмостного укрепления» на Евразийском материке и т. д.;

4) не допустить доминирования на континенте Евразии какой-либо одной державы. Сохранить и упрочить механизм баланса сил, который США использовали на протяжении 200 лет своей истории;

5) расширить и упрочить позиции США во всем несоциалистическом мире, включая контроль над ресурсами;

6) задавить, сделать подконтрольными, послушными конкурентов из капиталистического лагеря;

7) сдерживать революционные, освободительные процессы и движения в мире, в максимальном варианте — подавить эти движения;

8) «отбросить социализм» в его границы до второй мировой войны;

9) добиться мировой гегемонии США — установить «Pax Americana».

Эта «лестница целей», естественно, лишь самая общая схема. Жизнь, международные отношения, безусловно, гораздо сложнее, многограннее всех абстрактных схем. Тем не менее данная «лестница» довольно хорошо иллюстрирует общий набор генеральных целей внешней политики США и их военно-политической стратегии.

Заявку на руководство миром Соединенные Штаты сделали еще после первой мировой войны. Детище президента Вильсона — Лига наций была задумана именно как политико-дипломатический инструмент американского гегемонизма. Но в США в 20-е годы все еще были очень сильны изоляционистские настроения, да и сам американский империализм не был еще достаточно силен, что осознавали многие его лидеры. В период же после второй мировой войны максималистская цель «мира по-американски» уже не просто фигурировала во многих документах американского правительства, но и стала целью оперативной внешней политики Соединенных Штатов.

Однако, по мере того как достижение максимальной цели становилось все менее реальным, правящий класс США начал снижать запросы, ставить перед собой более скромные цели. Постепенно произошла известная девальвация американских целей. Произошла она не сама по себе, а потому, что силе США, в том числе их атомной силе, была противопоставлена мощь Советского Союза, его

внушительный оборонный потенциал, включивший с начала 50-х годов и атомное оружие.

Эта девальвация становится особенно заметной при рассмотрении того, как вышеназванные генеральные цели американской внешней политики вошлощались в тех или иных конкретных внешнеполитических курсах, формулировавшихся различными сменявшими друг друга американскими администрациями.

Целевые установки конкретных внешнеполитических программ

В документах администрации Трумэна содержалась недвусмысленная установка на приобретение США «абсолютной военной силы». «В конечном итоге самым главным, отдельно взятым фактором безопасности мира является абсолютная военная безопасность США»¹, — говорилось в основополагающем документе военно-политической стратегии США, разработанном Комитетом начальников штабов США весной 1946 г. Сам президент Трумэн, рассчитывая на длительное сохранение монополии США на ядерное оружие и использование этой монополии для установления «мира по-американски», подчеркнул: «Мы должны считать себя опекунами этой новой силы»². Этот «мир по-американски» должен был быть достигнут США в борьбе с Советским Союзом «стратегией холодной войны», которая в конечном итоге должна была привести — как замыслилось в Вашингтоне — к «фундаментальным изменениям в советской системе»³. Такая задача была поставлена в основополагающем документе СНВ США 1950 г., посвященном долгосрочной внешнеполитической стратегии — Меморандуме СНВ 68.

Вашингтон рассчитывал реализовать свою идею мирового устройства не только с помощью имевшегося у него в руках мощного средства военной угрозы — атомного оружия, но и с помощью огромной финансово-промышленной силы, которую нарастили в течение войны не затронутые ею физически Соединенные Штаты.

«Мир по-американски» правящие круги США мыслили как мир, в котором ни одно крупное решение, касающееся мироустройства, не принимается без санкции США, вразрез с их интересами. В этом «мире по-американски» США, обладающие военными силами, на порядок превосходящими силы любой другой крупной страны или даже группы стран, могли бы прибегнуть к «карательной атаке против других держав, могущих угрожать Соединенным Штатам или вообще структуре международного мира», как говорилось в од-

¹ FRUS, 1946, vol. 1. General. United Nations. Wash.: U. S. GPO, 1972, p. 1166.

² Truman H. Public Papers of the Presidents of the United States. Wash.: U. S. GPO, 1961, p. 213.

³ FRUS, 1950, vol. 1. National Security Affairs, Foreign Economic Policy. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 241—242.

ном из первых документов, посвященных формулированию военно-политической стратегии США⁴.

Администрация Эйзенхауэра сохранила в своем арсенале большинство из агрессивных целей администрации Трумэна, более того, даже расширила некоторые из них, заменив, например, трумэновскую цель «сдерживания» коммунизма целью «отбрасывания» коммунизма. По оценке американского политика Т. Хупса, среди конкретных целей внешней политики США, выдвинутых администрацией Эйзенхауэра после ее прихода к власти в 1953 г., были следующие: (1) препятствовать какому-либо смягчению напряженности в отношениях между двумя мировыми системами; (2) содействовать созданию в Западной Европе экономической группировки капиталистических государств, которая служила бы региональной опорой НАТО и США в конфронтации с социалистическими странами; (3) создать антикоммунистическую группировку государств на Ближнем Востоке; (4) пойти на урегулирование в Корее (поскольку президент Эйзенхауэр в ходе предвыборной борьбы обещал избирателям прекратить войну, в которой США несли большие потери, но не могли добиться победы), но избежать при этом стабилизации общей обстановки в Азии⁵.

Формулируя основную цель США как «обеспечение безопасности США, их основных ценностей и общественных институтов», Совет национальной безопасности США в стратегической директиве 1956 г. подчеркивал: «Преследуя эту основную цель, США стремятся всеми приемлемыми для американского народа средствами довести международное коммунистическое движение до такого состояния, чтобы оно больше не представляло угрозы для национальной безопасности США»⁶.

Как известно, американское правительство добилось осуществления некоторых из своих конкретных целей, в особенности связанных с действиями по сохранению и повышению уровня международной напряженности. Однако можно ли при этом говорить, что реализация этих частных задач повела к каким-либо успехам США на направлении выдвинутой ими генеральной цели «отбрасывания коммунизма»?

Ответ на этот вопрос самоочевиден. Поддержание высокого уровня международной напряженности и создание угрозы в адрес Советского Союза и его союзников в Европе и Азии привели к повышению уровня обороноспособности нашей страны, усилению связей

⁴ В документе СВНKK-282, одобренном Комитетом начальников штабов США 19 сентября 1945 г. SWNCC — Координационный комитет госдепартамента США, военного министерства и министерства ВМС, готовивший установочные документы в области военно-политической стратегии США до того, как эти функции перешли к созданному в 1947 г. Совету национальной безопасности США. См.: FRUS, 1946, vol. 1, p. 1162.

⁵ Hoopes T. The Devil and John Foster Dulles. Boston: Little, Brown and Co., 1973, p. 162.

⁶ Цит. по: Тэйлор М. Неадекватная стратегия. М.: Воениздат, 1961, с. 58.

между братскими странами социализма, к изменению общего соотношения сил в пользу социализма. В первой половине 50-х годов в СССР были разработаны и приняты на вооружение термоядерное оружие и стратегические средства его доставки. В 1955 г. была создана Организация Варшавского Договора. Советский Союз во многих случаях продемонстрировал свою возросшую способность решительно пресекать любые агрессивные акции, направленные против сил социализма и национально-освободительного движения.

К концу президентства Эйзенхауэра американский правящий класс, несколько более реалистически оценивая обстановку на мировой арене, вынужден был сузить амбициозные цели США.

Для того чтобы обеспечить внешнеполитическому курсу США большую общественную поддержку (а заодно и откорректировать сам курс, зашедший в тупик в результате бездумного и провокационного «балансирования на грани войны», как определял внешнеполитическую тактику США ее главный архитектор в администрации Эйзенхауэра — государственный секретарь США Джон Фостер Даллес), президент Эйзенхауэр в конце 50-х годов назначил специальную президентскую комиссию по национальным целям США. Комиссии предписывалось «выработать широкий набор координированных национальных курсов и программ» и «сформулировать комплекс целей в различных сферах государственной деятельности»⁷.

Комиссия предоставила президенту свой доклад в ноябре 1960 г., т. е. уже тогда, когда республиканская администрация оказалась замененной на выборах 1960 г. новой демократической администрацией президента Дж. Кеннеди и ей оставалось всего два месяца до формальной передачи власти последней. В свой доклад комиссия, состоявшая из видных представителей общественных, научных и деловых кругов США, вписала ключевую формулировку, которую потом любил повторять президент Кеннеди: «Соединенные Штаты хотя и вездесущи, но не всемогущи...».

«Наша позиция перед лицом всего мира не должна быть ни оборонительной, ни воинственной,— отмечалось в докладе.— Мы должны сотрудничать со странами, интересы и идеалы которых гармонируют с нашими. Мы должны стремиться к смягчению напряженности и к поискам приемлемых областей согласия с нашими противниками»⁸. И далее комиссия формулировала набор внешнеполитических целей, предназначенных, естественно, в первую очередь для общественного потребления и поэтому носивших явно рекламно-пропагандистский характер. Среди «целей за границей» назывались «помощь в строительстве открытого и мирного мира», «оборона свободного мира», «укрепление военных союзов», «разоружение», «сохранение и укрепление Организации Объединенных Наций».

⁷ Goals for Americans. The Report of the President's Commission on National Goals. N. Y.: Prentice-Hall, 1961, p. XI.

⁸ Ibid., p. 15.

Такая формулировка целей (пусть даже демагогически рассчитанная в первую очередь на завоевание симпатий американской и мировой общественности) показывала, что американский правящий класс совершил в течение 50-х годов определенный сдвиг в сторону реализма. Начав со ставки на «отбрасывание» коммунизма, американский истеблишмент вынужден был к началу 60-х годов предусматривать «компромисс с противниками»⁹. Начав с бряцания атомным оружием и угроз «массированным возмездием», американское руководство осознало в какой-то мере необходимость «ограничения и контроля за ядерными вооружениями», поскольку «большая ядерная война была бы мировой катастрофой»¹⁰. Начав с тезиса об «аморальности» политики неприсоединения развивающихся государств, американские политики пришли к выводу о желательности «признания того, что нейтралитет может быть лучшим путем для многих из этих стран в поисках экономического развития»¹¹.

Собственно, ряд положений доклада комиссии Эйзенхауэра был в той или иной мере взят на вооружение президентом Кеннеди, стремившимся снизить остроту конфронтации с «потенциальным противником» — СССР, сгладить нарочитую провокационность формулировок американской военной доктрины, а также продемонстрировать готовность пойти на мероприятия в сфере разоружения. Все это, естественно, явилось результатом осознания меняющегося соотношения сил на мировой арене, и в этом плане ключевым событием, как в фокусе сконцентрировавшим происшедшие изменения, был запуск в октябре 1957 г. первого советского спутника. Появление на вооружении СССР межконтинентальных баллистических ракет с ядерным зарядом бесповоротно ликвидировало былую неуязвимость заокеанской территории.

Однако, проявив реализм на ряде внешнеполитических направлений, Кеннеди остался на эйзенхауэровских позициях в подходе к социальному противоборству двух систем. Более того, он фактически вознамерился «преподать урок» национально-освободительному движению, а заодно и всему «мировому коммунизму», начав «тихую интервенцию» во Вьетнаме. Целью этой интервенции, как определил ее американский политический обозреватель У. Липпман, было «спасти мир от революционных войн», доказать, что если эти войны возникают без санкции США, против их воли, то они обречены на поражение. Эту же цель продолжали преследовать президенты Джонсон, а затем Никсон, для которых война во Вьетнаме оказалась в центре их внешнеполитического внимания.

Интервенция США во Вьетнаме, как известно, окончилась позорным провалом для США: выводом американских войск из Юж-

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., p. 19.

¹¹ Strategy for the 60's. / Ed. by J. H. Cerf, W. Pozen. N. Y.: Praeger Publishers, 1961, p. 8.

ного Вьетнама и победой патриотических сил, приведшей к объединению Вьетнама и созданию Социалистической Республики Вьетнам.

Но еще до окончательного поражения Соединенные Штаты, понимая невозможность одержать военную победу на поле боя, начали постепенно снижать, девальвировать цели, поставленные ими во вьетнамской авантюре. Эта девальвация целей очень ярко прослеживается в так называемых документах Пентагона — осуществленном по заданию Р. Макнамары (министра обороны США в 1961—1967 гг.) специальном 47-томном исследовании причин и хода американской интервенции во Вьетнаме и процесса принятия решений в США. Материалы этого исследования были частично преданы огласке в начале 1970-х годов.

Анализируя эти документы под углом зрения эволюции американских целей во вьетнамской войне, американская исследовательница Х. Арендт показала, как целевые установки США, постепенно девальвируясь, свелись в конце концов к цели спасения престижа, спасения репутации президента (1), как именно ради этой цели Вашингтон, понимая всю безнадежность своих военных операций в джунглях Индокитая, продолжал калечить тысячи людей — и американцев и вьетнамцев — в течение еще долгого времени после того, как он осознал недостижимость изначально поставленной цели «преподать урок международному коммунизму и национально-освободительным движениям».

«„Сохранить в неприкосновенности образ всемогущества“, продемонстрировать „волю и способность Соединенных Штатов проводить свою линию в мировых делах“, „глобальную позицию лидерства“, показать, что „обещания друзьям и союзникам заслуживают веры“, короче говоря, „вести себя как великая держава мира“ — это была единственная перманентная цель, которая с первых дней администрации Джонсона отодвинула на задний план все другие цели и теории, в том числе теорию домино и антикоммунистическую стратегию первоначальных этапов периода холодной войны, равно как и столь ценимую администрацией Кеннеди стратегию контринсургенции...»¹²

Помимо этой всепоглощающей цели, администрация Джонсона в своей внешней политике — как это явствует из ее документов — стремилась к укреплению позиций США в Латинской Америке (продолжая политику «Союза ради прогресса», начатую Дж. Кеннеди), к преодолению кризиса Атлантического блока (который фактически углубился в результате отказа западноевропейских союзников США поддерживать вьетнамскую авантюру), взвинчиванию гонки вооружений, укреплению позиций США на Ближнем Востоке, в других развивающихся странах и в какой-то мере — к некоторому

¹² *Arendt H. Crises of the Republic. N. Y.; L.: A Harvest/HBJ Book, 1972, p. 17—18.* Фразы, поставленные Арендт в приводимой цитате в кавычки, взяты из документов Пентагона в их издании газетой «Нью-Йорк таймс».

улучшению отношений с Советским Союзом (что оказалось мало реальным ввиду агрессии, осуществлявшейся Соединенными Штатами против ДРВ).

Большинство из этих целей перешло по наследству к администрации Никсона, в том числе и желание «спасти лицо» США в войне во Вьетнаме. Проявив политический реализм, эта администрация в конце концов пошла на прекращение агрессии, вывела войска США из Южного Вьетнама, подписала 27 января 1973 г. Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме.

В какой-то мере первым импульсом для обращения администрации Никсона к политике разрядки было стремление смягчить шок от американского поражения в Индокитае. Однако здравый анализ соотношения сил между США и СССР, новой международной ситуации, позиций США в самом капиталистическом лагере, собственных американских возможностей после изнурительной войны во Вьетнаме, настроений американской и мировой общественности привел американский истеблишмент к осознанию необходимости продолжения и углубления разрядки как способа стабилизации взаимоотношений между США и СССР и в целом — между государствами с различным социальным строем на основе принципов мирного сосуществования.

Последующие администрации — Форда и Картера — начали интерпретировать разрядку более односторонне — не как форму мирного сотрудничества путем компромиссного решения проблем, а как новую форму «сдерживания» СССР, что не могло не привести к торможению этого процесса, ибо американские правящие круги начали отходить от важнейших принципов разрядки — равенства и взаимности принимаемых обязательств. Администрация Картера стала рассматривать разрядку как какое-то второстепенное, побочное дело, вновь выдвигнув на первый план цели укрепления американских военных союзов и глобальных позиций США.

Так, например, в известном выступлении президента США Дж. Картера в Университете Нотр-Дам в мае 1977 г. содержалась общая декларация по наиболее важным внешнеполитическим целям и направлениям. Президент США выделил четыре основные внешнеполитические задачи в соответствии с приоритетами его администрации в следующем порядке: на первое место среди этих задач президент США поставил проблему всемерного укрепления связей между тремя основными центрами капиталистического мира — США, Японией и Западной Европой; следующей по порядку была сформулирована задача укрепления связей развитых капиталистических стран с наиболее важными и крупными государствами Азии, Африки и Латинской Америки на основе концепции «взаимозависимости»; на третье место Дж. Картер поставил проблему разрядки в отношениях с Советским Союзом и проведения переговоров с ним об ограничении стратегических наступательных вооружений; на четвертое — вопросы нормализации американо-китайских отношений.

В некоторых выступлениях главного внешнеполитического советника Картера, помощника президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского, вопросам разрядки, взаимоотношений с Советским Союзом отводилось еще более скромное место среди объявленных внешнеполитических целей, а на первый план выдвигались такие цели, как укрепление военных союзов США, «обеспечение прав человека», расширение сотрудничества с развитыми капиталистическими странами, укрепление позиций США в развивающихся странах и т. д. Подобное изменение приоритетности декларируемых целей при сохранении в общем-то примерно одинакового их набора по сравнению с целями, выдвигавшимися в первой половине 70-х годов, свидетельствовало о том, что к концу этого периода правящий класс США, оправившийся от вьетнамского шока, решил вновь — в который раз — сделать рывок к воссозданию позиции силы. Судя по всему, большая часть правящего класса США все еще не может расстаться с амбициозными имперскими целями.

Новый «набор целей» еще более обнаженно проявился с приходом к власти в США в 1981 г. республиканской администрации Р. Рейгана, выдвинувшей на первые места в системе приоритетов задачи укрепления американского военного, в том числе ракетно-ядерного, потенциала и военных позиций США на мировой арене.

Выступая 11 августа 1981 г. в Новом Орлеане, государственный секретарь США А. Хейг назвал «четыре столпа» новой структуры американской внешней политики:

восстановление экономической и военной силы США;

оживление американских военных союзов и дружественных связей;

содействие прогрессу развивающихся стран путем мирных изменений (иначе говоря, таких изменений, которые бы не ставили под угрозу устои американского неокOLONиализма);

установка на развитие отношений с СССР, «характеризующихся сдержанностью и взаимностью»¹³.

Хотя «отношения с СССР» и продолжают формально фигурировать в системе первоочередных государственных целей Рейгана (и не могут не фигурировать ввиду роли и веса СССР на международной арене), практическая политика этой администрации показывает, что США вновь возвратились «на круги своя»: они реально рассматривают в качестве своей важной внешнеполитической цели не столько мирные взаимоотношения с СССР, сколько задачу «сдерживания» Советского Союза и всех сил и движений в мире, противостоящих в социальном плане капитализму вообще и американскому капитализму в частности.

¹³ Department of State Bulletin, 1981, Sept., p. 10—12.

Основная внешнеполитическая цель США

Главной целью правящих кругов США было и остается сохранение и по возможности укрепление капиталистического общественного строя в США и капиталистического мира в целом (в том числе путем «сдерживания» освободительных и революционных процессов).

Такое широкое понимание американской правящей верхушкой своей важнейшей внешнеполитической цели при всей амбициозности поставленной задачи не привязывает внешнеполитический курс США к какой-то определенной жесткой схеме осуществления внешней политики. В то же время поставленная гегемонистская вселенская задача основывается на в корне порочной посылке: правящий класс США исходит из убеждения в том, что у США имеется достаточно сил и возможностей, чтобы приостановить объективный процесс истории.

Цель «сдерживания» освободительных и революционных процессов, являющаяся, в понимании американских политиков, важным условием осуществления комплекса их внешнеполитических задач, подразумевает стремление навязать Советскому Союзу и другим социалистическим странам такой образ действий, который ограничил бы их возможности по оказанию помощи освободительным и революционным движениям в других странах. Достижение этой цели подразумевает также готовность США или союзных им государств применить силу для борьбы против революционных преобразований в капиталистических странах и в развивающихся государствах, представляющих особое значение для всей мировой системы империализма.

Выявление основной цели Соединенных Штатов во внешней политике дает возможность более конкретно сформулировать их более узкие цели, выступающие по отношению к главной как подчиненные и, следовательно, играющие роль средств ее достижения. Среди них можно назвать стремление основных группировок правящего класса избежать такого всеобщего ядерного конфликта, который привел бы либо к уничтожению Соединенных Штатов как физико-географической единицы, либо к крушению капиталистического строя в США при одновременном осуществлении мероприятий, нацеленных на воссоздание позиции силы США по отношению к СССР, в частности, путем повышения количества и совершенствования качества стратегических вооружений. Несмотря на то что именно США являются державой, первоначально внедрившей в свой стратегический потенциал ядерное оружие и попытавшейся использовать его в качестве средства политики, при нынешнем паритете в стратегических вооружениях правящие круги США вынуждены формулировать свои цели таким образом, чтобы, не снижая степени угрозы в адрес СССР и других социалистических стран, обещать обеспечение «выживания» США в ракетно-ядерной войне.

Вместе с тем в США имеются группировки, особенно близкие к военно-промышленному комплексу, которые считают возможным в перспективе найти средства, делающие для США «большую» ракетно-ядерную войну приемлемым инструментом внешней политики прежде всего за счет радикальных прорывов в военно-технической области, приобретения возможности первого («обезоруживающего») удара. Эти группировки выдвигают задачу подготовки США к «ограниченной» ядерной войне против СССР и других социалистических стран, которая бы не затронула территории самих США (война на ограниченном и удаленном от США театре военных действий), или «продолжительной» ядерной войне, которая принесет больший ущерб Советскому Союзу, чем США. Цели подготовки к таким войнам ныне входят в официально объявленную администрацией Рейгана государственную стратегию.

Безусловно, правящие круги США, несмотря на воинственные угрозы, не могут не понимать, что ракетно-ядерная война, особенно «большая» или «затяжная», поставила бы под вопрос существование самих США. Поэтому официальный Вашингтон, продолжая подготовку к ядерной войне, настойчиво осуществляет поиск тех или иных «ограничительных» стратегий, которые позволили бы США прибегнуть к использованию ядерного оружия и в то же время — избежать самоубийства.

Вместе с тем американское руководство считает, что оптимальным методом военной борьбы с СССР в условиях ядерного паритета должно быть использование обычных вооруженных сил.

Наряду с продолжением поисков новых средств прямого противоборства с Советским Союзом американское правительство, чтобы каким-то образом расширить свои возможности в этой области, ставит задачу более активного использования в антисоветских целях всех других государств и политических сил, разделяющих платформу антисоветизма. Администрации Картера и Рейгана сделали ставку на активизацию союзников США по НАТО, хотя стабилизация обстановки в Европе после подписания Заключительного акта Обще-европейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 г. и последующие совещания государств, подписавших этот документ, значительно ограничили возможности США по обострению положения в этом районе мира. Все же правительству Соединенных Штатов удалось привлечь ряд западноевропейских держав к более активному участию в противоборстве с СССР и его союзниками, а также с получающими от социалистических стран всестороннюю поддержку освободившимися государствами.

Параллельно с постановкой цели достичь позиции силы по отношению к СССР, что включает как военные приготовления самого Вашингтона, так и использование в интересах США «глобального баланса сил» и усиление военной роли НАТО за пределами Европейского континента, а также американо-японского союза, Вашингтон не исключает полностью и диалога с Советским Союзом по

вопросам ограничения стратегических вооружений. Хотя это направление его политики довольно часто сводится к чисто пропагандистским спекуляциям, все же цель найти устраивающий правящие круги США вариант ограничения стратегических вооружений двух держав и при этом добиться нераспространения ядерного оружия на международной арене в целом не исключена из числа задач правительства США. К этому его подталкивает американская общественность, а также понимание катастрофического характера ядерного конфликта с вовлечением США и СССР.

Среди альтернативных вариантов цели достижения позиции силы обращает на себя внимание в первую очередь один, активно реализуемый администрацией Рейгана: перевод гонки стратегических вооружений в плоскость их качественного совершенствования и ускоренного освоения возможностей, открываемых научно-технической революцией в деле создания принципиально новых средств вооруженной борьбы.

Укрепление лидерства США в мире капитализма

Стремясь сохранить и даже усилить свои возможности в оказании прямого и косвенного давления на Советский Союз, на другие страны социалистического содружества и освободившиеся государства, Вашингтон параллельно выдвигает задачу содействовать укреплению той части международно-политических и экономических отношений, которые обеспечивают сохранение лидирующей роли США в пределах капиталистического мира. За этой общей формулировкой внешнеполитической цели кроются долгосрочные интересы правящего класса США, состоящие в стремлении сохранить свои позиции в качестве всемирного эксплуататора развитых капиталистических и развивающихся стран.

Известно, что США, имея 6% мирового населения, потребляют до 50% мирового производства энергии, до 50% добываемого сырья и дают примерно четверть мирового промышленного производства. Такой высокий уровень экономики и эксплуатации мировых ресурсов помогает существующей в США общественной системе поддерживать определенную социальную стабильность и сохранять за собой лидирующее положение в капиталистическом мире. В свою очередь, социально-политическая и экономическая стабильность капиталистических отношений в США выступает в качестве гаранта капиталистических общественных отношений в других развитых странах Запада, в Японии и Австралии, а также развития по капиталистическому пути группы освободившихся государств.

Развитие научно-технической революции неизбежно внесет поправки в некоторые параметры эксплуатации мировых ресурсов в связи с изменением структуры американской промышленности и

экономики. Некоторые самые общие направления таких изменений можно наметить уже сейчас: переход в будущем значительной части промышленных комплексов на замкнутый цикл производства; вытеснение из основных отраслей промышленности естественного сырья искусственным, производимым за счет местных ресурсов; освоение новых источников энергии, в частности управляемого термоядерного синтеза, водородного топлива, геотермальной и солнечной энергии.

Все это уменьшит в абсолютном и относительном выражении потребности США в существующих формах и направлениях эксплуатации мировых ресурсов. Подобная перестройка промышленно-экономической структуры США под влиянием НТР, несомненно, поведет и к переоценке важности тех или иных стран для их интересов, оказывая влияние на цели внешнеполитической стратегии. Все же, по мнению видных американских специалистов, абсолютная зависимость США от внешних ресурсов (например, нефти и газа) при этом не только не сократится, но может и существенно возрасти. Поэтому уже на нынешнем этапе политические круги США намечают некоторые перспективные внешнеполитические цели, которые должны привести к достижению политической и экономической консолидации капиталистических и определенной части развивающихся стран под эгидой США.

Среди этих целей центральное место отводится укреплению «взаимозависимости» между развитыми капиталистическими странами. Речь идет о вполне определенной стратегической цели США, поэтапная реализация которой должна осуществляться вплоть до конца нынешнего столетия.

Трудно определить, насколько сами американцы считают эту цель полностью достижимой и какие сроки они планируют для ее реализации. Следует отметить, что эта цель в принципе не вызывает разногласий в американских политических кругах (за исключением разве самых упорных и прямолинейных изоляционистов). Какие-то разногласия и альтернативные варианты появляются лишь на уровне конкретизации форм такого объединения. Сам же характер этой цели предполагает существование комплекса подчиненных ей еще более конкретных внешнеполитических задач, из которых целый ряд уже перешел в сферу практической реализации, например:

урегулирование спорных проблем политического и экономического характера с ведущими странами Западной Европы, Канадой и Японией в рамках регулярных ежегодных встреч «большой семерки» на высшем уровне;

укрепление НАТО, повышение его эффективности и сохранение в рамках этого союза решающего американского голоса; противодействие тенденции к размыванию НАТО;

модификация имеющихся военных, экономических (ОЭСР, МВФ, ГАТТ и некоторые другие) и политических блоков и объединений капиталистических государств;

привлечение главных союзников и партнеров США к более активному участию в решении некоторых проблем мировой политики (энергетической, сырьевой, валютно-финансовой и т. п.).

По каждой из этих целей не только выдвигается несколько альтернативных предложений, но порой идет и ожесточенная полемика как в среде политической элиты США, так и в западноевропейских странах и Японии. В определении целей сохраняются также временами значительные расхождения между США и этими государствами, поскольку урегулирование имеющихся противоречий между развитыми капиталистическими государствами представляет собой, с одной стороны, попытку консолидировать систему капитализма перед лицом социалистического содружества и развивающихся государств, с другой же — это острая конкурентная борьба между отдельными «центрами влияния» капиталистического мира.

Важно при этом подчеркнуть, что правящие круги США в целом преисполнены решимости использовать свое до сих пор главенствующее положение в капиталистическом мире (в особенности в военной сфере), а также возможности, вытекающие из усиления роли транснациональных корпораций в экономике капиталистических стран, для осуществления интеграции всего капиталистического мира под их эгидой.

Проблема укрепления энергосырьевой базы капитализма

Энергетический и сырьевой кризисы, потрясшие капиталистический мир в 1973—1974 гг., лишний раз подчеркнули, что ресурсы развивающихся стран, их эксплуатация империалистическими монополиями, поддержание искусственно заниженных цен на эти ресурсы на мировом капиталистическом рынке — все это имеет чрезвычайно важное значение для стабильности современного капитализма, и в том числе для нормального функционирования американской экономики. В связи с этим сохранение и закрепление подчиненного положения развивающихся государств по отношению к экономически развитой части капиталистического мира стало рассматриваться как одна из главнейших целей внешней политики США.

В экономической области целью США в отношении развивающихся государств считается определенное содействие их экономическому прогрессу без коренной ломки хозяйственной специализации, которая сложилась в рамках мирового капиталистического рынка. В сфере же политической цель США в отношении освободившихся государств можно определить как содействие стабилизации внутреннего и международно-политического положения этой группы стран на основе укрепления позиций политических сил, ориентирующихся на капиталистический путь развития, а в сфере внешней политики — на США.

В реализации этой цели США можно выделить несколько подходов, каждый из которых в зависимости от эволюции позиций Вашингтона в иных сферах отношений или же от положения внутри правящих кругов США оказывает определенное воздействие на текущие цели американской внешней политики в развивающихся государствах.

Активное влияние развивающихся стран на состояние капиталистической экономики и выдвижение этими государствами идей нового международного экономического порядка поставили в середине 70-х годов на повестку дня среди первоочередных целей внешней политики США задачу урегулирования спорных проблем с группировками развивающихся стран — производителей отдельных видов сырья (нефти, бокситов, меди и др.).

Несмотря на то что острота этой проблемы во второй половине 70-х годов уменьшилась по сравнению с тем, как обстояли дела в этой области в 1974—1975 гг., все же в США и других капиталистических странах установилось достаточно ясное понимание возросшей зависимости капиталистической экономики от действий и выступлений развивающихся государств (что в то же время сопровождается и сохранением определенной зависимости этих государств от мирового капиталистического рынка). Как показали неудачные итоги Конференции по международному экономическому сотрудничеству (Париж, 1975—1977 гг.), Соединенным Штатам и их союзникам из числа развитых капиталистических государств не удалось в ходе переговоров (не исключая давления, запугивания, попыток раскола единства развивающихся государств) навязать им свою позицию в решении важных международно-экономических проблем и тем самым продвинуться вперед в реализации своих стратегических целей.

Тем не менее правящие круги Вашингтона, не теряя надежды на возможность достижения своей главной цели на данном направлении, выдвинули в качестве средства ее осуществления ряд иных, более узких и в то же время более конкретных целей. К этому ряду внешнеполитических задач можно отнести:

усиление возможностей Вашингтона в области «контролирования» политических (в том числе и вооруженных) конфликтов в развивающихся странах;

разработку и осуществление программ помощи развивающимся государствам, рассчитанных на решение проблем (продовольственной и жилищной, перенаселенности, занятости, окружающей среды и т. п.), способных вызвать резкое обострение ситуации как в отдельных странах, так и в отдельных регионах Азии, Африки и Латинской Америки;

«делегиrowание ответственности» за положение в отдельных районах Азии, Африки и Латинской Америки тем крупным странам, которые претендуют на руководство своими субрегионами и вместе с тем обладают приемлемыми для США политическими режимами.

Некоторые американские теоретики считают, что США и другие капиталистические страны должны в первую очередь сосредоточить усилия на том, чтобы привязать экономику и соответственно политику «ключевых» развивающихся стран к капиталистической системе, в то же время используя их военный потенциал для вооруженного разгрома революционных сил.

Создание американского «мирового порядка»

Параллельно с задачами всемерного противодействия росту влияния стран социализма (иными словами, современного «сдерживания») и укрепления позиций мирового капитализма правящие круги США, понимая, что в нынешних условиях им приходится ориентироваться на определенное сосуществование с социалистическими государствами, учитывать возможное обострение межимпериалистических противоречий, а также возрастающую роль освободившихся государств, стремятся дополнить эти две глобально-стратегические цели намерением добиться оптимального состояния всей системы международных отношений, что можно было бы назвать их стремлением к созданию определенного «мирового порядка».

Как отмечалось выше, подобная цель уже давно фигурировала в политическом мышлении американских правящих кругов (В. Вильсон и его идея Лиги Наций; первоначальная американская концепция Организации Объединенных Наций), однако сейчас идея создания «гармоничного мирового порядка» превращается в перспективную стратегическую задачу, предназначенную играть роль средства сохранения лидерства США в капиталистическом мире и обеспечения за ними «инициативы» в глобальном плане. В принципе данная цель в ее нынешнем понимании выступает как вариант идеи «Рак Американа», которая вдохновляла правящие круги Америки с конца второй мировой войны.

В то же время идея «мирового порядка» как стратегическая цель внешней политики США является и попыткой их правящих кругов определенным образом использовать в своих интересах некоторые общечеловеческие глобальные проблемы, которые встают на повестку дня в последней четверти XX в. и в значительной мере влияют на интерпретацию правящим классом Америки внешнеполитических целей и силовых возможностей страны.

Что это за проблемы? «Это, например, — указывал в своем выступлении на праздновании 60-летия Великого Октября Л. И. Брежнев, — необходимость обеспечить продовольствием, сырьем, источниками энергии огромные массы людей. Ведь население земли, по имеющимся расчетам, к концу века возрастет с четырех до шести миллиардов человек. Это, далее, — преодоление порожденной колониализмом экономической отсталости стран Азии, Африки и Латинской Америки, что необходимо для нормального развития в будущем отношений между государствами, да и вообще для прогресса чело-

вещества в целом. Это, наконец, защита человека от многочисленных опасностей, которыми ему грозит дальнейшее неконтролируемое техническое развитие, — иначе говоря, сохранение природы для человека.

Это вполне реальные и серьезные проблемы. С каждым новым десятилетием острота их будет возрастать, если не будет найдено разумное коллективное их решение на путях планомерного международного сотрудничества»¹⁴.

Проблемы производства и распределения продовольствия, регулирования демографической ситуации, защиты окружающей среды, производства и доставки сырьевых ресурсов, в частности энергетического сырья, и другие занимают видное место в системе приоритетов практической внешней политики США. В этом плане американское руководство делает особую ставку на экономическую и научно-техническую мощь США, полагая, что им удастся реализовать этот «резерв силы» в сфере международных отношений как по линии внешнеэкономической экспансии, так и по линии установления с другими странами таких взаимоотношений, при которых те оказались бы серьезно привязанными к США.

В условиях глобализации целого ряда явлений международной жизни в эпоху научно-технической революции эти направления стали важными составными частями общей внешнеполитической стратегии США; расчет при этом делается на то, чтобы сохранить молодые развивающиеся государства в системе капитализма, в особенности наиболее крупные и стратегически важные для США, сплотить индустриально развитые капиталистические страны, получить возможность для вторжения во внутреннюю политику развивающихся стран посредством «помощи» в решении стоящих перед ними проблем.

В этой связи следует учесть, что на сегодняшний день лишь Советский Союз обладает потенциалом, который может быть противопоставлен американскому, чтобы нейтрализовать отрицательные силовые аспекты подхода США к глобальным общечеловеческим проблемам и способствовать формированию такой системы международных отношений, которая действительно была бы основана на конструктивном и равноправном сотрудничестве государств в решении такого рода проблем.

Действия Вашингтона по созданию «мирового порядка» тесно связаны с его усилиями по решению задач борьбы против основных революционных сил современности и укреплению капитализма в мировом масштабе. Поэтому ряд его целей, вызванных желанием добиться решения указанных выше задач, должен, по замыслам американских стратегов, «работать» и на достижение оптимального «мирового порядка». В частности, среди них можно выделить упорядочение зарубежных обязательств США, создание механизма по

¹⁴ Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства: Речь и статьи. М.: Политиздат, 1978, с. 681.

контролированию и урегулированию международных кризисных и конфликтных ситуаций в интересах США, создание по инициативе Вашингтона ряда международных органов, занимающихся проблемами развития.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что под созданием «мирового порядка» правящие круги США подразумевают главным образом консервацию определенного соотношения сил и в мире капитализма, и в более широком масштабе, что позволило бы им увековечить свое положение лидирующей державы несоциалистической части мира.

Как уже отмечалось, внешнеполитические цели США выражают то, как представляют себе их правящие круги желательное состояние международных отношений. В формулировании этих целей большое значение имеет оценка возможности обеспечить их достижение, ибо цели государства — в особенности такого крупного империалистического государства, как Соединенные Штаты, — порождают ответную реакцию международной среды, противодействующей достижению национально-эгоистических империалистических задач Вашингтона. Реализации перечисленных выше стратегических и тактических целей США препятствуют не только государства, по своей классовой идеологии противостоящие США, а также освобожденные страны, стремящиеся ликвидировать порожденную колониальной эксплуатацией отсталость, но и конкурирующие капиталистические державы. Это вынуждает Вашингтон считаться с фактором сопротивления внешней среды, в той или иной степени корректировать свои целевые установки.

Соотношение целей и средств их осуществления

Реализация тех или иных внешнеполитических целей зависит не только от фактора внешней среды, но и от наличия адекватных средств для их осуществления. Цели и средства политики находятся в тесном взаимодействии, поскольку любая цель для своего осуществления нуждается в средствах (инструментах), соответствующих поставленной задаче. Чем амбициознее внешнеполитическая цель, тем более мощные и разнообразные средства требуются для ее осуществления. Как правило, набор средств определяется поставленной целью. Однако история послевоенной внешней политики США знает и ситуацию, когда сами средства определяли цели.

Такое явление, в частности, имело место сразу же после второй мировой войны, когда США оказались временными монополистами на атомное оружие. Опьяненные иллюзией всемогущества, правящие круги США решили использовать это «абсолютное оружие» для своих внешнеполитических целей, «выдвинув максималистскую задачу установления глобальной американской гегемонии — «Pax Americana».

По мере того как политика США сталкивалась с растущим сопротивлением международной среды и вызывала перенапряжение сил и ресурсов самих США, американское руководство, как уже отмечалось, вынуждено было снижать свои сверхамбициозные цели и формулировать более скромные, производить переоценку своей глобальной стратегии и всей системы целей.

По существу, эта переоценка, которая была охарактеризована на XXIV съезде КПСС как процесс приспособления капитализма к новой обстановке в мире, проходила на протяжении всего послевоенного периода. Характерными особенностями этого процесса были, во-первых, вынужденный характер корректив, вносимых во внешнюю политику и целевые установки под давлением обстоятельств; во-вторых, стремление ограничить переоценку лишь самыми минимальными изменениями в политике; в-третьих, сильное отставание как субъективного осознания лидерами правящего класса необходимости перемен от объективных процессов, происходящих на мировой арене, так и практического осуществления тех или иных корректив от теоретического осознания потребностей в них.

Довольно существенная корректировка внешнеполитических целей США произошла на рубеже 60—70-х годов под влиянием плачевного для правящего класса США исхода интервенции во Вьетнаме. На примере «урока Вьетнама» идеологи американского правящего класса и непосредственные руководители США осознали, что их возможности на мировой арене в противостоянии силам социализма и национального освобождения значительно сузились.

Подводя некоторые итоги провалам американской внешней политики, патриарх американских политологов-«реалистов» Ганс Моргентау писал: «США взяли на себя глобальную ответственность, которую они не в состоянии выполнить с каким-либо шансом на успех. Если бы США и впрямь попытались бы осуществить задуманное, то это неминуемо привело бы их к гибели»¹⁵. «Мы должны, — рекомендовал Моргентау, — сузить разрыв между нашими всеохватывающими формальными обязательствами и той ограниченной сферой, в которой наши собственные интересы и политика совпадают с интересами и политикой наших союзников»¹⁶.

С подобными же рекомендациями выступали и многие другие американские внешнеполитические теоретики и трезвомыслящие представители правящей элиты. Национальная плановая ассоциация США подсчитала в середине 60-х годов, что если бы США стремились достичь к 1975 г. всех провозглашенных ими в тот момент национальных целей, то затраты на это оказались бы на 50% выше всего совокупного валового продукта, которым США располагали бы в данный период; и это — без учета тех новых целей, которые могли быть выдвинуты за это время.

¹⁵ *Morgenthau H. A New Foreign Policy for the United States.* N. Y.; Wash.: Praeger Publishers, 1969, p. 10.

¹⁶ *Ibid.*, p. 7.

По сути дела, разрядка для американской стороны была попыткой правящего класса США привести американские цели на мировой арене и методы их достижения в большее соответствие с новой расстановкой сил в мире, с сузившимися силовыми возможностями самих Соединенных Штатов.

Однако новый взрыв американского мессианства, возрождение «имперской» психологии в конце 70-х — начале 80-х годов вновь привели к тому, что республиканская администрация, пришедшая к власти в стране на волне этих настроений и выражающая интересы молодых монополистических группировок Юга и Запада Соединенных Штатов, стала вновь выдвигать амбициозные силовые внешнеполитические задачи, не считаясь с реальными возможностями США по их осуществлению. Сферой «жизненных интересов» США ныне объявляется весь несоциалистический мир. При этом — в отличие от периода 70-х годов — внешнеполитические цели США, как и в годы «холодной войны», вновь начинают доминировать над внутренними. Укрепление американского «мирового руководства», достижение военного превосходства над СССР — таковы установки не только для внешней, но и для внутренней политики. Перед последней ставится цель обеспечить в ближайшем будущем соответствующие силовые — военные и экономические — рычаги для реализации широко рекламируемых глобальных гегемонистских задач.

Такая постановка вопроса беспокоит трезвомыслящих американцев, в том числе и определенные круги правящего класса, для которых уроки недавней истории продолжают служить напоминанием о необходимости соблюдения осторожности во внешней политике и предупреждением о тщетности авантюристических притязаний на позиции «абсолютной силы».

Видный представитель американского истеблишмента, ответственный секретарь журнала «Форин Аффферс», издаваемого элитарным нью-йоркским Советом по международным отношениям, Дж. Чейс в своей книге «Платежеспособность: цена выживания» приводит слова У. Липпмана о том, что страны, как и семьи, должны жить по средствам. Если этого не делается, то государственный руководитель «следует курсом, ведущим к катастрофе».

Чейс полагает, что именно такой курс пытаются навязать ныне Соединенным Штатам те, кто требуют расширения существующих внешнеполитических обязательств Америки, «хотя способность остаться верными им, если она подвергнется испытанию, оказывается все более сомнительной»¹⁷. «Если мы хотим проводить эффективную внешнюю политику, мы должны не только определить наши цели, но определить их с учетом наших средств»¹⁸, — подчеркивает

¹⁷ Chase J. Solvency: The Price of Survival. An Essay on American Foreign Policy. N. Y.: Random House, 1981, p. 54.

¹⁸ Ibid., p. 69—70.

он, выражая мнение определенной части американского правящего класса.

«Внешняя политика, просто сфокусированная на антисоветизм, не имеет смысла для Соединенных Штатов,— пишет Чейс.— Перед нами стоит много других, глубоко затрагивающих наши жизненные интересы внешнеполитических проблем, которые либо прямо не касаются Советов, либо же требуют сотрудничества с ними... В качестве основы политики... антисоветизм отъединит нас от наших союзников, а глобальное военное сдерживание истощит нас по мере того, как мы будем стремиться к военному превосходству над СССР»¹⁹.

Эта философия реалистически мыслящей части американского правящего класса прямо противостоит концепции выигрыша в якобы уже начавшейся третьей мировой войне путем всеобщей мобилизации и милитаризации американского общества, концепции, которую ныне пытается реализовать в практических мероприятиях администрация президента Рейгана²⁰. По сути дела, в США сейчас, как и в 40-е годы, разворачивается новый раунд борьбы вокруг этих двух систем целей, и от того, какая из точек зрения одержит верх в правящем классе, во многом будет зависеть состояние международных отношений.

* * *

В сущности, цель создания мирового порядка без того империалистического содержания, которое вкладывают в нее в Вашингтоне, не может не вызвать положительного отношения со стороны самых широких кругов мировой общественности. Сейчас — в силу огромного числа факторов социального, гуманитарного, военно-технического и т. п. характера — наступил момент, когда опасность мировых катаклизмов, вызванная влиянием капитализма на систему межгосударственных и социальных отношений (мировые войны, мировые экономические кризисы), должна уступить место разумному и общеприемлемому мировому порядку. Создание после второй мировой войны ООН, меры по достижению мирного, политического урегулирования сложных спорных вопросов, в том числе деятельность большого числа специализированных международных организаций, продолжающаяся кодификация международного права — все это лишь отдельные вехи на пути к достижению системы упорядоченных отношений между государствами независимо от их социальных систем, величины, экономического и военного могущества, иными словами, к упрочению мирного сосуществования государств.

Однако создание такого мирового порядка не может быть прерогативой какого-либо одного или даже группы государств, пусть и отличающихся сравнительно высоким уровнем развития, тем более если за этой целью кроется лишь желание добиться оптимальной для себя международной обстановки. В этом случае стремление к

¹⁹ Ibid., p. 47, 83.

²⁰ См.: *Nixon R. The Real War*. N. Y.: Warner Books, 1980.

мировому порядку оборачивается своей противоположностью: созданием условий для конфронтаций и противоборства по всем линиям существующих международных противоречий и — потенциально — вспыхнувшей новой мировой войны.

В странах социализма существует понимание этих очевидных истин. Советский Союз и другие страны социалистического содружества, как известно, выдвигают свою систему перспективных внешнеполитических целей и комплексную программу конкретных мер, рассчитанных на активное содействие коренному улучшению политического климата в мире, на перестройку всей системы международных отношений в интересах утверждения прочного и справедливого мира, а в конечном счете — и полного устранения войны из жизни человеческого общества.

«Мы считаем, что трудности и напряженность, которые характеризуют сегодняшнюю международную обстановку, могут и должны быть преодолены, — подчеркивал в ноябре 1982 г. Ю. В. Андропов. — Человечество не может без конца мириться с гонкой вооружений и с войнами, если не хочет поставить на карту свое будущее. КПСС против того, чтобы спор идей превращался в конфронтацию между государствами и народами, чтобы мерилом потенциалов общественных систем становилось оружие и готовность прибегнуть к нему»²¹.

С этой позицией Советского Союза, всех стран социалистического содружества, подкрепленной соответствующими инициативными предложениями и акциями в пользу укрепления мира и решения проблем разоружения, все больше вынуждены считаться реально мыслящие буржуазные деятели, которые отдают себе отчет в неприемлемости войны как средства решения спорных международных вопросов, в необходимости учитывать стремление широких масс к прочному миру.

Известное воздействие на умонастроения в США оказывают и позиции развивающихся стран, выступающих единым фронтом с предложением своих программ действий по важнейшим вопросам мировой политики и экономики. Эти программы, например Декларация об установлении нового международного экономического порядка и Программа действий, принятые VI Специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г., отражают возросшее понимание этой группой государств долгосрочных проблем мировой политики и показывают правящим кругам США, что их система внешнеполитических целей может столкнуться не только с глубоко аргументированной и последовательной позицией социалистических стран по вопросам перспектив мирового развития, но и с позицией абсолютного большинства развивающихся стран.

Влияние целевых программных установок миролюбивой внешней политики СССР и других социалистических стран, а в последнее

²¹ Правда, 1982, 23 нояб.

время и координированных выступлений развивающихся государств в пользу мира и экономического равноправия на процессы выдвижения и отбора альтернативных целей в политических кругах США содействует росту противоречий между крайними группировками этих кругов, отстаивающими разные пути реализации классовых интересов монополистической буржуазии. Углубляющееся размежевание между этими группировками ведет в конечном итоге к подрыву милитаристского консенсуса в американском руководстве, осознанию большинством правящего класса США необходимости и неизбежности — с точки зрения его же интересов — выработки и принятия более реалистических целевых установок.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДИАЛЕКТИКА МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Вопрос о соотношении политики мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим и экономическим строем и объективных процессов революционного преобразования современного мира принадлежит к числу наиболее важных в марксистско-ленинской теории социального развития. И в идейно-теоретическом и в практико-политическом аспектах он непосредственно связан с главной проблемой современности — с вопросом о магистральных путях развития общества в условиях одновременного существования на международной арене государств, принадлежащих к противоположным социально-экономическим системам. Наконец, вопрос о диалектике мирного сосуществования и революционной борьбы имеет кардинальное значение и с точки зрения теоретического осмысления и практического осуществления политики разрядки международной напряженности в целом и в советско-американских отношениях в частности.

Два уровня политических процессов на мировой арене

В марксистско-ленинской теории общественного развития, как и в ленинской концепции внешней политики, принципиальное значение имеет четкое разграничение двух уровней политических процессов в современном мире. Речь идет, во-первых, об отношениях между самими общественными системами — между социализмом и капитализмом — и, во-вторых, об отношениях между государствами, которые могут принадлежать к одной или разным системам.

На каждом из указанных уровней действуют свои закономерности и политические механизмы. Между одновременно существующими на мировой арене противоположными общественно-экономическими системами неизбежно социальное противоборство, определяемое их фундаментальными классовыми различиями. Вместе с тем социализм заинтересован в мирных формах этого противоборства и в развитии равноправного взаимовыгодного сотрудничества между государствами, принадлежащими к различным системам. Эти принципиальные положения и составляют существо ленинской концепции мирного сосуществования.

Сфера мирного сосуществования охватывает исключительно межгосударственные отношения. Но мирное сосуществование не ликвидирует основные классовые противоречия современности.

Раскол мировой системы международных отношений на два полярных социальных полюса знаменует собой достижение качественно новой ступени в развертывании классовой борьбы, выведение ее на мировой уровень. Завоевав государственную власть, пролетариат не прекращает на этом свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме и иными средствами. Классовая борьба на международной арене, выступающая прежде всего в форме противоборства двух систем, приобретает новые специфические особенности — ее главным средством становится соревнование, сила прима.

Мирное сосуществование предполагает развитие и расширение сотрудничества (прежде всего в предотвращении угрозы мировой войны) между государствами, принадлежащими к различным общественным системам. Процесс позитивных сдвигов в международных отношениях получил название разрядки международной напряженности. Вместе с тем область отношений между системами шире того круга явлений и процессов, которые охватываются этим понятием. Она, в частности, включает в себя и противоборство прежде всего в сфере идеологии, но главное — она подчиняется объективным закономерностям социальных процессов, которые развиваются независимо от чьей-либо доброй или злой воли и имеют определяющее значение для характера и особенностей складывающихся межгосударственных отношений.

Характерной чертой современной ситуации в мире является развитие вглубь и вширь мирового революционно-освободительного процесса, всех его основных потоков. В последние годы революционная борьба народов ознаменовалась победами в Анголе, Эфиопии, Афганистане, Никарагуа, свергнут антинародный монархический режим в Иране. В ряде капиталистических стран Запада произошло укрепление позиций коммунистических партий, демократических сил.

Принципиальная и последовательная линия КПСС и Советского государства на мирное сосуществование предполагает, что делу обеспечения мира во всем мире будет дан новый мощный импульс, когда народы всех стран будут иметь возможность свободно, без вмешательства извне определять ход и направление своего экономическо-

го, социального и политического развития. Тщательный и всесторонний учет диалектики мирного сосуществования и революционного преобразования современного мира — такова неотъемлемая черта внешнеполитического курса Советского Союза, один из кардинальных факторов конструктивного и реалистического подхода к отношениям с другими странами, в том числе с Соединенными Штатами Америки.

Американские концепции мирового развития

В самих США, в американской внешнеполитической мысли существует целый спектр различных концептуальных подходов к указанным проблемам. Несмотря на нередко существенные различия между этими подходами, приходится признать, что в общем и целом американская позиция по проблеме соотношения мирного сосуществования и революционных преобразований характеризуется либо непониманием, либо намеренным затушевыванием внутренних причин, природы и механизмов взаимоотношений между государствами, принадлежащими к противоположным системам, и процессов социальных изменений в современном мире.

И в официальной американской пропаганде, и в ученых трудах буржуазных авторов четко прослеживается стремление представить Америку в качестве некоей революционной силы, «первой новой нации», открывшей своим примером эру революционных преобразований в мировой истории. «Соединенные Штаты с полным основанием могут претендовать на звание первой новой нации, — писал известный американский социолог С. Липсет. — Это была первая крупная колония, с успехом осуществившая революционный разрыв с прошлым»¹. В качестве иллюстрации тезиса о революционности самого факта образования США многие авторы ссылаются на поддержку Соединенными Штатами французской революции 1789 г., борьбы латиноамериканских колоний за независимость от Испании, борьбы Греции за независимость от Турции, а также на некоторые другие международные события того времени.

Весьма показательно и то, что сегодня официальная американская пропаганда, прежде всего внешнеполитическая, все чаще использует понятие «революция», говоря о проблемах современного социального развития. Это, несомненно, обусловлено углублением и расширением объективных процессов революционного преобразования современного мира и соответствующим изменением политического и идеологического климата в США и в других странах мира, особенно в тех из них, которые на себе испытывают эти преобразования².

¹ *Lipset S. M. The First New Nation. N. Y.: Random House, 1963, p. 15.*

² Особенно четко эта тенденция проявилась в ходе празднования 200-летия Американской революции 1776 г., когда весь аппарат внешнеполитической пропаганды США прилагал усилия для того, чтобы представить всю совре-

Данная линия в идеологической стратегии американского империализма направлена в первую очередь в адрес тех стран и регионов, в которых разворачивается борьба за национальное и социальное освобождение. «Соединенные Штаты должны представлять себя третьему миру в качестве революционной силы»³, — таковы, например, рекомендации бывшего сотрудника Гуверовского института войны, революции и мира Р. Стара по совершенствованию американской внешнеполитической пропаганды.

Говоря о ставшем пропагандистским клише в США тезисе о мнимой приверженности Соединенных Штатов революционным изменениям в мире, необходимо отметить, что в качестве цели и конечного результата этих изменений многие американские авторы выдвигают понятие «свобода». «История вовлеченности Соединенных Штатов в международные дела была историей содействия распространению свободы как внутри государств, так и в отношениях между ними»⁴, — провозглашает, например, известный американский специалист-международник У. Кинтнер.

Когда американские авторы говорят о «свободе» как позитивном идеале американской внешней политики, за этим расширительным и эмоционально притягательным понятием стоит вполне определенное социально-классовое содержание. Идеино-политическая традиция США вкладывает в понятие «свобода» совокупность принципов и идеалов, соответствующих классическому буржуазно-демократическому общественному устройству.

Риторические заверения в приверженности Америки делу свободы и революционных преобразований не могут затушевать отчетливо проступающую сквозь них мифологию американской исключительности и американского превосходства. Апологетика США как «революционной силы» в современном мире на деле оборачивается полнейшей нетерпимостью к любым моделям социального развития, отличающимся от американской. Вся история американской внешней политики новейшего времени свидетельствует о неразрешимом противоречии между «революционной» риторикой иных американских лидеров, с одной стороны, и действительным неприятием и противодействием революционным преобразованиям в современном мире — с другой.

Говоря об этом, необходимо указать, во-первых, на очевидный классовый характер американской внешней политики, творцы которой ориентируются на вполне определенную — буржуазную — модель общественного развития и рассматривают все остальные как

менную историю в качестве глобального процесса созидания общественных отношений и разрешения социальных, национальных и прочих конфликтов «по американскому образцу».

³ *Staar R. United States Relations with the USSR.*— *Vital Speeches of the Day*, 1980, July 15, p. 599.

⁴ *Kintner W. A Program for America: Freedom and Foreign Policy.*— *Orbis*, 1977, Spring, p. 140.

отклонения от нормы. Во-вторых, нужно учитывать и специфические особенности укоренившихся в США типов буржуазного сознания и идеологии, в рамках которых, несмотря на пропагандистскую риторику, революции воспринимаются скорее как аномалии, неестественные перерывы в социальной эволюции. В результате революционные преобразования в мире рассматриваются как нечто направленное против США и инспирированное внешними силами, а не порожденное внутренними противоречиями самой социальной действительности. Очевидное несоответствие этих представлений реальной ситуации в мире, испытывающем радикальные революционные перемены, и отказ признать внутренние причины и общую динамику социального развития приводят к тому, что эти перемены начинают объясняться «вмешательством Москвы», чьей-то злой волей или иными внешними факторами.

Речь в данном случае идет о нежелании осознать то обстоятельство, что магистральные тенденции социального, политического и идеологического развития современного мира не только не соответствуют, но прямо противоположны американским моделям и ценностям «американского образа жизни» — прежде всего идеалу свободного предпринимательства. «Сегодня традиционные американские ценности индивидуализма, свободного предпринимательства, трудовой этики и эффективности оспариваются дома и в еще большей степени за рубежом такими явлениями, как усиление роли государства, упор на коллективность (национальную и социальную), на социальное равенство и всеобщее благосостояние»⁵, — пишет по этому поводу З. Бжезинский.

В работах многих американских авторов все чаще встает картина «одинокой Америки», которая продолжает цепляться за старые идеалы буржуазного индивидуализма и свободного предпринимательства. Многие исследователи в США высказывают сегодня опасения по поводу того, что господствующим умонастроением и глобальной тенденцией мирового развития становится ориентация на социально-экономическое равенство, тогда как Америка, придерживающаяся устаревшего идеала буржуазно-индивидуалистической свободы, фактически становится препятствием на пути социального развития.

«Вплоть до 1918 г. для Европы и до 1945 г. для заморских владений европейских государств Америка продолжала выступать в качестве революционного общества, — пишет американский социолог Дж. Куэстер. — Сегодня же большинство в мире предпочитает не политическую демократию, а социальную и экономическую, т. е. перераспределение материального богатства от богатых бедным. Вот где собака зарыта»⁶. Под «политической демократией» в данном случае как раз и имеются в виду формальные буржуазно-инди-

⁵ См.: Brzezinski Z. America in a Hostile World.— Foreign Policy, 1976, Summer, p. 73.

⁶ Quester G. Consensus Lost.— Foreign Policy, 1980, Fall, p. 20.

видуалистические свободы, которые в современном мире и для современных революционных движений давно перестали служить идеалом, хотя эти идеи и вдохновляли массы в ходе буржуазных революций в XVIII—XIX вв.

В приведенном выше высказывании особый интерес представляют выделенные даты. Фактически они указывают на важнейшие вехи исторического процесса, знаменуют качественные рубежи во всеобщем кризисе капитализма. В первом случае речь идет о появлении на мировой арене первого социалистического государства. Во втором — об образовании мировой системы социализма и подъеме национально-освободительной борьбы народов. В обоих случаях эти даты указывают на этапы, когда революционно-освободительный процесс вступал в качественно новые фазы. Соответственно с этими этапами происходило формирование американских подходов к революционным преобразованиям в современном мире и проблеме взаимоотношений с другими государствами.

Практика непризнания США теории мирного сосуществования

Брешь, пробитая Великой Октябрьской социалистической революцией в мировой системе капитализма, была воспринята в США, как и во всем буржуазном мире, отнюдь не в духе хваленой приверженности делу революционного обновления. Вооруженная интервенция, экономическая блокада, длительный период дипломатического непризнания — таковы вехи американской политики в отношении первого в мире социалистического государства.

Непризнание Советского Союза в качестве возможного равноправного партнера в международных делах изначально было обусловлено представлением о тотальной несовместимости двух общественных систем и невозможности мирного сосуществования между ними. Уже в первые годы после Великого Октября были сформулированы основные теоретические установки противников нормализации американо-советских отношений, которые в общем и целом сохранились до наших дней.

В центре этих взглядов было представление о Советском Союзе как о государстве, приверженном идее мировой революции, отрицающем возможность сосуществования, ведущем безжалостную идеологическую борьбу, подчиненную целям мессианского стремления к мировому господству⁷. Главный же вывод сводился к тому, что Советская Россия — это «ненормальное» государство, якобы отказывающееся признавать «правила игры» на международной арене, стремящееся к мировой революции и территориальной экспансии, осуществляющее широкомасштабную подрывную работу против бур-

⁷ *Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston: Houghton Mifflin Company, 1977, p. 11.*

жуазных демократий Запада. Поэтому любое послабление в отношении Советов чревато угрозой потери бдительности перед лицом «коммунистического заговора».

Уже в то время в американской внешнеполитической мысли укоренились представления о том, что политическая несовместимость США и СССР на международной арене в первую очередь обусловлена их идеологической несовместимостью. Советская внешняя политика была расценена исключительно как функция марксистской идеологии, которая, в свою очередь, стала трактоваться как догматическая программа борьбы за мировое господство. Внешняя политика СССР была объявлена агрессивной, отвергающей компромисс и возможность мирного сосуществования. Исходя из фальсифицированного представления о коммунистической идеологии и ее взаимоотношениях с внешней политикой, на Западе и особенно в США международный курс СССР стал изображаться как аморальный, принимающий во внимание только силу.

После окончания второй мировой войны в обстановке антикоммунистической истерии и «холодной войны» эти идеологические посылки вновь вышли на передний план и стали диктовать политику в отношении СССР. Прежде всего данное обстоятельство оказалось связанным с развертыванием нового этапа в революционно-освободительной борьбе народов.

12 марта 1947 г. в выступлении перед конгрессом Г. Трумэна были сформулированы основные положения, легшие в основу его печально известной «доктрины». Было, в частности, заявлено, что «политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, которые борются против попыток их порабощения вооруженными меньшинствами или внешними силами»⁸. Хотя непосредственным поводом явились события в Греции и Турции, связанные с подъемом освободительной борьбы народов этих стран, на практике «доктрина Трумэна» была распространена почти на весь мир.

Революционные изменения в мире были объявлены порождением «коммунистического экспансионизма» и якобы направляемым из Москвы вмешательством. Революционно-освободительная борьба народных масс была названа «террористической деятельностью», осуществляемой под руководством коммунистов и в полном соответствии с «коммунистическим заговором». На Советский Союз возлагалась ответственность за все неприемлемые для США изменения в мире. Утверждалось, что существование социалистического строя СССР якобы неизбежно предполагает насаждение коммунистических порядков и в других странах, вследствие чего неоднократные призывы Советского государства к мирному сосуществованию имеют смысл лишь как тактическая уловка и временная передышка на пути к «мировому господству».

⁸ Congressional Record, 1947, Mar. 12, p. 1999—2000.

Рекомендованной политикой в отношении СССР стала политика «сдерживания». Дж. Кеннан, занимавший в период развертывания «холодной войны» должность ответственного сотрудника госдепартамента США и посла США в Москве, дал политике «сдерживания» теоретическое обоснование как единственно допустимой форме взаимоотношений между государствами, принадлежащими к противоположным общественным системам. В своей известной статье «Истоки советского поведения» (1947 г.) он утверждал, что советские руководители — «пленники идеологии», с которыми нельзя поэтому вести дела, как обычно. С его точки зрения, единственным условием возможной нормализации советско-американских отношений является отход советской внешней политики от «идеологизма». Более того, политика «сдерживания» фактически в качестве своей цели имела в виду внутренние перемены в советском обществе.

Хотя в современной американской научной литературе существуют трактовки «сдерживания» как стремления не допустить дальнейшего изменения «баланса сил» в мире, эта концепция сразу же после ее провозглашения приобрела особое агрессивное измерение, установку на то, чтобы не просто противодействовать тенденциям социального развития и революционного обновления мира, но обратить их вспять. Выдвинутая после второй мировой войны на передний план идея «мира по-американски» предполагала установление «однополюсной» системы международных отношений и «отбрасывание» коммунизма как минимум в пределы его довоенных границ. Отсюда логично следовала доктрина «освобождения» Восточной Европы (и даже некоторых районов Советского Союза), сторонники которой призывали не только к идеологическим диверсиям и «психологической войне» против стран социализма, но и к прямым подрывным вооруженным акциям против них.

В течение 50-х и 60-х годов теория «сдерживания» в тех или иных ее вариациях служила концептуальным обоснованием американских подходов к СССР, другим странам социализма, различным отрядам мирового революционно-освободительного движения. В этот период, в частности, творцы американской внешней политики начали усиленно разрабатывать тезис о «неустойчивости» мировой социалистической системы и пытались предложить набор политических, экономических и идеологических приемов для ее расшатывания. Указанные рецепты получили воплощение в доктрине «наведения мостов» в отношении социалистических стран с целью их отрыва от СССР.

Следует подчеркнуть, что выдвижение доктрины «наведения мостов» явилось своеобразным показателем того, что в американской внешнеполитической мысли наметилось определенное видоизменение в подходах к проблеме революционных изменений в современном мире и отношениям со странами социалистического содружества. Фактически она зафиксировала банкротство программы «отбрасывания» коммунизма и «освобождения поработенных народов»,

а также определенное понимание сужающихся для американского империализма возможностей осуществлять силовой диктат на международной арене. Вместе с тем доктрина «наведения мостов» предполагала решить прежние классовые задачи внешней политики США новыми средствами. Основной упор был сделан на теоретическое обоснование программы идеологических диверсий против социалистических стран.

Буржуазные идеологи и теоретики внешней политики сконцентрировали усилия на выработке рецептов подрыва коммунистической идеологии, «идеологической релятивизации и эрозии» социализма. З. Бжезинский, который в указанный период особенно энергично отстаивал эти взгляды, писал: «Запад должен стараться создать благоприятные условия для дальнейшего роста расхождений... внутри коммунистического лагеря. Нам следует поощрить некоторых из наших союзников шире использовать традиционные дружественные узы, которые существовали между ними и некоторыми нациями, сейчас входящими в коммунистический лагерь»⁹.

Развивая тему «наведения мостов», многие американские теоретики стали вплотную подходить к разработке идеи конвергенции двух общественных систем. Основные надежды возлагались на то, что производственно-технологическое развитие как бы само, автоматически, приведет к сближению капиталистической и социалистической политических структур.

Вместе с тем программа «пассивной конвергенции», постулировавшая равномерное сближение и конечное срастание двух социальных систем, совсем не устраивала ее теоретиков. Предполагалось, что сами капиталистические страны, прежде всего США, должны активно способствовать эрозии социализма, т. е. осуществлять комплекс политических, экономических и идеолого-пропагандистских мер, нацеленных на расшатывание социалистических стран изнутри.

Для различных внешнеполитических подходов, сформировавшихся в русле стратегии «сдерживания», характерно представление об отношениях между СССР и США как об игре с нулевой суммой. Еще в сборнике Гуверовского института «Африка и коммунистический мир», выпущенном в начале 60-х годов, международные отношения, и в частности отношения между СССР и США, рассматривались как арена политического и идеологического конфликта, где выигрыш одной стороны выступает как потеря для другой¹⁰. При этом национально-освободительные движения и революционная борьба народов в целом воспринимаются единственно как «проекция глобальных политических и идеологических претензий ком-

⁹ *Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics*. N. Y.: Thames and Hudson, 1962, p. 161.

¹⁰ См.: *Africa and Communist World* / Ed. by Z. Brzezinski. Stanford: Stanford University Press, 1964.

мунистических государств», т. е. полностью лишаются своей самостоятельной значимости и содержания и превращаются лишь в инспирированные извне движения, грозящие разрушением региональной и глобальной стабильности.

Вместе с тем политика «сдерживания» как форма американской реакции на дальнейшие сдвиги в соотношении сил на международной арене, выразившиеся, в частности, в расширении борьбы за революционное преобразование современного мира, встретила в Соединенных Штатах резкую критику справа. Основной смысл этой критики сводился к тому, что «сдерживание» представляет собой оборонительную политику, оставляющую инициативу за социализмом и обрекающую Запад лишь на реагирование. Представители правых кругов в США сделали упор на те трактовки «сдерживания», которые предполагали активные действия по «освобождению поработенных народов». Известный реакционер Б. Голдуотер, например, критиковал творцов доктрины «сдерживания» за то, что они «не сделали победу целью американской политики»¹¹.

Хотя, согласно первоначальному замыслу, политика «сдерживания» должна была быть нацелена прежде всего на Европейский континент, она вскоре — в форме теории домино — фактически была распространена на весь мир. Более того, «сдерживание» стало основным критерием американских оценок внутривосточных ситуаций, складывающихся в различных странах мира, когда демократические силы, действующие на внутренней арене, были названы «слепыми проводниками советского влияния». В результате американская поддержка была оказана различного рода диктаторским режимам. Соединенные Штаты отождествили себя с силами, поддерживающими статус-кво в мире и сопротивляющимися процессам его революционного обновления.

Подобная позиция Вашингтона в значительной мере подрывала возможную базу опоры Соединенных Штатов в других странах (прежде всего в развивающемся мире). Это же неизбежно способствовало дальнейшей радикализации возникающих в развивающихся странах движений за социальные изменения, за национальное освобождение, которые приобретали отчетливо выраженную антиамериканскую направленность. «Кульминацией этого 20-летнего периода ложных представлений и трактовок был трагический эпизод во Вьетнаме и широкое распространение представления о Соединенных Штатах как об империалистической силе, противодействующей силам изменений и модернизации в третьем мире»¹², — констатирует известный американский специалист по советско-американским отношениям М. Шульман.

¹¹ *Goldwater B.* The Conscience of a Conservative. L.: Collins, 1964, p. 91.

¹² *Shulman M.* On Learning to Live with Authoritarian Regimes.— Foreign Affairs, 1977, Jan., p. 335.

Тенденции к переменам во внешнеполитической философии США

Комплекс объективных и субъективных факторов вынудил правящие круги США на рубеже 70-х годов признать необходимость переориентации своего политического курса в отношении СССР и других стран социалистического содружества. Это не могло не затронуть и некоторых основ американских подходов к процессам революционных преобразований в современном мире. Вместе с тем следует признать, что радикальной переоценки этих подходов не произошло и что изменения в основном свелись к попыткам выработки новых форм влияния на процессы революционных преобразований в современном мире в условиях нового соотношения сил на международной арене. Американская внешнеполитическая мысль не выработала нового мировоззрения, философии разрядки и в значительной мере осталась в плену прежних идеологических стереотипов. Характерно, что тот же М. Шульман в специальной статье «Формирование западной философии сосуществования» утверждал, что в условиях разрядки необходимо не столько изменение кардинальных американских внешнеполитических представлений, сколько умелое использование новой ситуации и выработка новых инструментов воздействия на советскую внешнюю политику¹².

Курс на мирное сосуществование с теми государствами, которые на протяжении длительного предшествующего периода воспринимались как воплощение «мирового зла» и непримиримые антагонисты Соединенных Штатов, настоятельно требовал самого серьезного и глубокого переосмысления центральных постулатов и стереотипов внешнеполитической мысли, самого стиля политического мышления. Одним из главных объектов этой переоценки должна была стать проблема соотношения мирного сосуществования и процессов революционных изменений в современном мире. Однако в американской позиции уже как бы изначально существовали моменты, которые потенциально работали против разрядки.

Прежде всего необходимо указать на расхождение между тем пониманием разрядки и перспектив нормализации советско-американских отношений, которое было зафиксировано в соответствующих двусторонних документах и порождено объективными потребностями изменившейся ситуации в мире, и той трактовкой разрядки, которая получила хождение в самих США и которая в конечном счете создала специфические предпосылки для контрастования правых сил. Дело в первую очередь в том, что в США «переход от конфронтации к переговорам» подавался как победа американской политики и вынужденный отход СССР от его принципов.

Американскому общественному мнению навязывалось представ-

¹² См.: *Shulman M. Toward a Western Philosophy of Coexistence.— Foreign Affairs*, 1973, Oct.

ление о том, что в советской внешней политике якобы произошел ряд существенных трансформаций, связанных с ее «деидеологизацией» и «отказом от стремления к господству над миром в соответствии с коммунистической доктриной». В качестве условия мирного сосуществования от СССР стали требовать не только отказа от солидарности с революционно-освободительными силами в современном мире, но и отказа от идеологической борьбы. «Интенсификация идеологической борьбы вряд ли совместима с ослаблением напряженности»¹⁴, — утверждал бывший министр обороны Дж. Шлесинджер, требуя от Советского Союза идеологического разоружения.

Факт продолжающейся в условиях разрядки идеологической борьбы некоторые американские авторы стали использовать в качестве «доказательства» того, что с СССР подлинно мирное сосуществование якобы невозможно. «Политическая разрядка в лучшем случае может привести к перенесению напряженности из технологической области в идеологическую..., — писал теоретик неоконсерватизма сенатор Д. Мойнихен. — Ослабление напряженности в одной области более или менее автоматически приводит к усилению конфликта в другой»¹⁵.

Другим направлением, по которому в 70-х годах в США фальсифицировалась советская внешняя политика, явился тезис о том, что СССР якобы признал «статус-кво» в мире в качестве «платы» за разрядку с Западом. В данном случае имеет место прямая спекуляция на двусмысленности и неоднозначности самого понятия «статус-кво» в международных делах. Советская внешняя политика последовательно выступает за стабильность международных отношений, за ровные и конструктивные связи с другими государствами, за то, чтобы все народы имели право без вмешательства извне решать свои внутренние дела. Но СССР категорически против направляемых извне попыток приостановить или направить вспять объективные процессы социальных перемен. «Если речь идет о «стабильности» в сфере международных, межгосударственных отношений, то путь открыт. Это — упрочение и всесторонняя материализация политической разрядки, распространение ее на все области международной политики, прежде всего на военную. Это прекращение гонки вооружений и в конечном счете разоружение, обеспечение и поддержание прочного мира и всеобщей безопасности. Таковы цели советского внешнеполитического курса, — подчеркивает тов. Б. Н. Пономарев. — Если же речь идет о социальном статус-кво, т. е. о сохранении повсюду существующих социальных структур и политических режимов, то расчеты на его сохранение строятся на зыбучем песке»¹⁶.

¹⁴ *Defending America: Towards a New Role in the Post Detente World. With an Introduction by Schlesinger J. N. Y.; San Francisco: Basic Books, 1977, p. XI.*

¹⁵ *Moynihan D. Waging Ideological Conflict. — The Center Magazine, 1976, Mar.-Apr., p. 7.*

¹⁶ *Пономарев Б. Н. Неодолимость освободительного движения. — Коммунист, 1980, № 1, с. 23—24.*

Разрядка или идеологическое контраступление

В процессе разрядки буржуазные политики увидели возможности для новых и более «тонких» приемов воздействия на социалистические страны, коммунистическое движение в странах капитализма, национально-освободительные движения в развивающемся мире. Главными слагаемыми этого разветвленного подхода, нацеленного на раскол единства революционных сил и отдельных отрядов революционно-освободительного движения, явились более дифференцированные приемы воздействия и попытки более гибкого использования комплекса экономических, политических и идеологических мероприятий. В наибольшей степени этот подход оказался характерным для администрации Дж. Картера и ее теоретиков. «... Широкий процесс усиливающихся мирных обязательств между Востоком и Западом, выходя за рамки чисто экономических отношений, будет почти незаметно откалывать кусочки от здания коммунистической доктрины»⁷ — так в 1973 г. З. Бжезинский выразил распространенные в определенных американских кругах оптимистические надежды на эффективность доктрины «наведения мостов» в условиях разрядки.

Помимо выработки более дифференцированных подходов к различным социалистическим странам, в американской внешнеполитической мысли в 70-х годах большое значение стало уделяться попыткам разграничения подходов и к различным отрядам коммунистического движения. Необходимость в их поисках была обусловлена в первую очередь объективным фактом усиления позиций коммунистов в рамках общедемократического движения в странах Западной Европы — в Италии, Испании, Португалии, Франции, Греции и др. Реальная перспектива возможного участия коммунистов в правительствах этих и некоторых других европейских стран потребовала от американской внешней политики и ее теоретиков выработки каких-то альтернативных подходов. «В ближайшие годы, — писал американский специалист-международник, сторонник консервативных взглядов У. Лакер, — вопрос о коммунизме в странах Западной Европы будет одним из центральных для внешней политики Соединенных Штатов, быть может, самым важным вопросом»⁸.

В отношении к этой проблеме в США выявились также различные подходы. Одна группа американских специалистов увидела в данной перспективе возможности для «подрыва» социализма на новом плацдарме. Но в консервативных кругах США высказывалось мнение, что, независимо от нюансов в позициях этих компартий, в случае их участия в западноевропейских правительствах Запад в

⁷ Brzezinski Z. US Foreign Policy: The Search for Focus.— Foreign Affairs, 1973, July, p. 708.

⁸ Laquer W. America and West European Communism.— Defending America, p. 37.

целом был бы «деморализован». Эта позиция и оказала доминирующее влияние на подходы официального Вашингтона к данной проблеме.

В качестве предпосылки мирного сосуществования многие американские авторы выдвинули тезис о «деидеологизации» внешней политики, а в значительной мере и всей системы международных отношений. Согласно этой логике, следовало, что «мировой коммунизм» перестал быть непосредственной угрозой для Соединенных Штатов и всего Запада в целом, поскольку якобы в самом социалистическом мире произошли внутренние перемены: идеологические императивы, требующие «мировой революции», перестали господствовать над внешней политикой. Наиболее четкую формулировку этот тезис получил в известном высказывании Дж. Картера в его выступлении в Университете Нотр-Дам 22 мая 1977 г. Он, в частности, заявил: «Будучи уверенны в нашем будущем, мы отныне избавились от безотчетного страха перед коммунизмом, который некогда вынуждал нас заключать в свои объятия любого диктатора, который разделял с нами этот страх»¹⁹.

Суть нового подхода, получившего воплощение в политике администрации Дж. Картера, сводилась, во-первых, к признанию неизбежности перемен в современном мире и, во-вторых, к попыткам выработки по отношению к ним новой политики со стороны Соединенных Штатов, основанной не на «лобовом» противодействии им в соответствии с установкой на поддержание статус-кво, а на попытках направления этих изменений в приемлемое для американского империализма русло. Теоретические основы такого подхода получили разработку у Э. Бжезинского (в частности, в его полемике с Г. Киссинджером), практическое воплощение он получил прежде всего в политике администрации Дж. Картера в отношении развивающихся стран.

В 70-х годах Э. Бжезинский выступил с критикой установки на противодействие политическим и социальным изменениям в мире как таковым с позиций метафизически понятого статус-кво. В противоположность этому была выдвинута идея «конструктивного воздействия» на ход изменений в современном мире, с тем чтобы направлять их в соответствии с «американскими принципами и ценностями». «Исключительная» роль Америки в мире отныне должна была заключаться в «управлении глобальными переменами». Отсюда вытекала и установка на «морализм» во внешней политике, навязывание собственных норм и ценностей другим народам в качестве способа установления идеологических параметров неизбежных перемен.

Предложенная в соответствии с этим подходом концепция «морального лидерства Америки» была предназначена для того, чтобы «разубедить мир в сложившемся у него впечатлении, что Америка

¹⁹ Department of State Bulletin, 1977, June 13, p. 622.

против глобальных изменений»²⁰, и тем самым направить в капиталистическое русло стремление народов к политическим и социальным преобразованиям. В основе этой концепции лежало определенное понимание факта реального усложнения международной ситуации, появления новых мощных тенденций и неспособности Соединенных Штатов (особенно после позорного поражения во Вьетнаме) осуществлять силой диктат и гегемонию на мировой арене. Вместе с тем это была очевидная попытка тактической переориентации во внешней политике, с тем чтобы в изменившейся ситуации изыскать новые приемы и средства сохранения американо-американского влияния в мире.

Одной из главных целей в этом контексте была задача «отрыва» развивающегося мира, испытывающего радикальные внутренние перемены под влиянием революционных процессов, от СССР, от реального социализма. Поскольку, как предполагалось, у США есть целый ряд преимуществ по сравнению с СССР (экономических, научно-технических и т. д.), Америка более не должна отождествлять свои интересы с поддержанием статус-кво. Она должна, наоборот, дирижировать процессами политических и социальных изменений в развивающемся мире.

Практика, однако, показала, что эта задача для американской внешней политики оказалась непосильной. В самом деле, как могут США руководить переменами в современном мире, когда суть этих перемен — в движении против неокOLONиалистского засилья Соединенных Штатов? А раз так, то сами перемены следовало, с американской точки зрения, объяснять как инспирированные извне, некими враждебными Америке силами. Понятно поэтому, что оптимизм, связанный с этим подходом, уже вскоре сменился чувством разочарования и тенденцией к его фактической ревизии. Характерным примером может служить выдвинутая тем же З. Бжезинским идея «кризисной дуги», фактически перечеркивающая вышеизложенную установку. С этой точки зрения политическая нестабильность и революционные процессы в обширном регионе от Южной Африки до Юго-Восточной Азии либо инспирируются, либо используются СССР в собственных интересах, диаметрально противоположных американским «миротворческим» целям.

Таким образом, своим итогом указанная тенденция в истолковании процессов политических и социальных изменений в современном мире имела возрождение архаических стереотипов периода «холодной войны» о «происках Москвы» как якобы источнике революционных движений, которые стали усматривать в событиях в Иране, Никарагуа, Сальвадоре и др. Необходимо отметить, что на эволюции позиции Вашингтона заметно сказалось давление со стороны правоконсервативных кругов, которые с самого начала выступили категорически против «модернистских» тенденций, свя-

²⁰ Brzezinski Z. America in a Hostile World.— Foreign Policy, 1976, Summer, p. 65.

занных с идеей управления глобальными переменами и отказом — по крайней мере на словах — от поддержки социального статус-кво в мире. Дж. Киркпатрик, профессор Джорджтаунского университета, назначенная Р. Рейганом на пост представителя США в ООН, например, предельно четко сформулировала эту оппозицию, заявив, что сама установка на признание неизбежности изменений в мире и стремление к оказанию на них конструктивного влияния является результатом инфильтрации в американскую внешнюю политику марксистских идей²¹.

Наступление консерваторов

Распространение антиразрядочных тенденций в значительной мере объяснялось неизбежным крахом тех иллюзий, которые определенные круги в правящем классе США связывали с разрядкой международной напряженности и нормализацией советско-американских отношений, якобы означавшей вынужденный отказ Советского Союза от принципиальной линии своей внешней политики. В результате этого на правом идейно-политическом фланге стали формулироваться позиции, суть которых сводилась либо к отказу от разрядки в принципе, либо к выхолащиванию ее содержания и ревизии основополагающих принципов.

Так, ультраправые круги вообще объявили разрядку «революционной тактикой, цель которой — покорение Соединенных Штатов»²². Вместе с тем стали получать распространение и такие трактовки разрядки, которые стремились изобразить ее в качестве особой формы «сдерживания», соответствующей изменившейся ситуации и в самих США, и на мировой арене. «Разрядка не была альтернативой сдерживанию как таковому, — утверждал профессор Университета Джонса Гопкинса Р. Такер. — Напротив, она была задумана как новая разновидность сдерживания, которая могла бы получить поддержку в свете массовых настроений, порожденных — или, казалось, порожденных — Вьетнамом»²³.

Цель такого рода переоценок разрядки и мирного сосуществования ясна: она направлена на реабилитацию как самой политики «сдерживания», так и мировосприятия и психологии «холодной войны». Более того, особенностью возрождаемых внешнеполитических подходов и атмосферы «холодной войны» стал возврат к архаическим идеологическим стереотипам антикоммунизма в качестве основного критерия оценки международной ситуации и отношений с СССР.

«Проблема заключается в том, что из дискуссий о советско-американском соперничестве исчезло ключевое понятие. Это понятие —

²¹ См.: *Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards.— Commentary, 1979, Nov., p. 42.*

²² *Hoar W. After Helsinki.— American Opinion, 1977, Mar., p. 9.*

²³ *Tucker R. Beyond Detente.— Commentary, 1977, Mar., p. 46.*

коммунизм, — пишет американский неоконсервативный публицист, редактор журнала „Комментарии“ Н. Подгорец. — Советский Союз — это не обычное государство, как все другие. Это революционное государство... Оно стремится создать новый международный порядок, в котором оно будет господствующей силой и характер которого будет определяться его национальными притязаниями и идеологическими императивами»²⁴. Возрождая страх перед коммунизмом и противопоставляя свою позицию не только демократическим силам, но даже и предшествующей администрации Дж. Картера, консервативные круги, доминирующие ныне в официальном Вашингтоне, осуществляют контрнаступление по широкому фронту.

Во-первых, они пишут о целях и намерениях советской внешней политики, которая снова изображается в духе оппортунистического стремления к территориальной экспансии и расширению «сферы влияния в соответствии с исходными идеологическими императивами». «...В конце концов мы должны понять, что имеем дело с экспансионистской сверхдержавой, которая использует свою идеологию — марксизм-ленинизм — для достижения имперских целей»²⁵, — утверждает П. Сибери. Распространение такого рода трактовок знаменует существенный отход от тех представлений о политике Советского Союза, которые получили распространение в широких американских кругах на начальном периоде разрядки.

Во-вторых, утверждается, что едва ли не единственным отличием нынешней международной ситуации от той, которая существовала в «доразрядочный» период, является резкий рост военной мощи СССР и готовность опираться на нее в его внешнеполитической экспансии (а отнюдь не целый комплекс мероприятий США и других западных держав, нацеленных на замену сотрудничества военной конфронтацией).

В-третьих, указанная позиция характеризуется возвратом к установке на поддержание статус-кво любыми средствами и категорическим отказом от попыток играть «конструктивную роль» в процессе глобальных изменений, поскольку сами эти изменения отвергаются как «незаконные». Из твердолобой оппозиции любым политическим и социальным изменениям в мире с неизбежностью вытекает и характерная для администрации Рейгана опора на диктаторские режимы в качестве гарантов региональной стабильности.

Наконец, в-четвертых, процесс революционных преобразований в мире стал вновь восприниматься как «козни Москвы» — буквально как проводимый извне «терроризм».

Как бы подготавливая развязанную администрацией Р. Рейгана кампанию в связи с так называемым «международным терроризмом», представители рассматриваемой позиции уже с конца 70-х годов принялись муссировать эту тему в явно антисоветской тональности.

²⁴ Podhoretz N. The Present Danger.— Commentary, 1980, Mar., p. 39.

²⁵ Seabury P. Beyond Detente.— Defending America..., p. 234.

«Поскольку Москва является сегодня агрессивной, экспансионистской силой, угрозы статус-кво чаще всего проистекают от бунтовщиков, вдохновляемых и вооруженных Советским Союзом»²⁶, — писала Дж. Киркпатрик. Бывший президент Университета Далласа, сторонник крайне правых убеждений Р. Моррис рассуждал об опасности «так называемых освободительных движений» и «патриотических фронтов», которые на деле представляют собой «злых партизан, обученных и вооруженных Советским Союзом»²⁷.

Нетрудно убедиться в буквально терминологической близости позиций этих правоконсервативных авторов и официальных представителей Вашингтона. Так, государственный секретарь США А. Хейг в первый месяц пребывания администрации Р. Рейгана у власти в унисон с главой Белого дома заявил о готовности Соединенных Штатов всеми силами противодействовать тенденции «добиваться социальных и исторических перемен незаконными средствами». Под «незаконными средствами» здесь имеются в виду все движения, выступающие за революционное преобразование современного мира. Советский Союз обвиняют в том, что он осуществляет якобы «программы, которые поощряют, поддерживают и расширяют» террористические акции, причем с терроризмом уравниваются «так называемые национально-освободительные войны, которые ведет Советский Союз или его подставные лица». В одном из интервью А. Хейг заявил, что США в историческом плане, можно сказать, разгадали истоки величайшей угрозы международному миру сегодня и это — марксистско-ленинское движение²⁸.

Кампания официального Вашингтона по поводу «международного терроризма» явилась практическим воплощением одного из аспектов правоконсервативного подхода к проблеме мирного сосуществования и революционных преобразований в современном мире. В данном случае установка на непризнание и активное противодействие силам изменений (прежде всего в развивающемся мире) тесным образом связана с попытками торпедировать курс на мирное сосуществование между государствами противоположных общественных систем. Сторонники этого подхода пытаются действовать на международной арене так, как если бы ситуацию 50-х годов можно было бы возродить сегодня. Объективные факторы, определяющие направленность и динамику мировых процессов, — укрепление мощи СССР, других стран социализма, размах освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки, наконец, внутренние проблемы и трудности, которые испытывает мир капитализма, — все это делает безуспешными рецидивы великодержавной ностальгии.

²⁶ *Kirkpatrick J. Op. cit., p. 41.*

²⁷ *Morris R. Self-Destruct: Dismantling America's Internal Security. New Rochelle, (N. Y.): Arlington House, 1979, p. 17.*

²⁸ См.: *Time, 1981, Mar. 16, p. 19.*

Не будет преувеличением сказать, что важнейшей особенностью современной правоконсервативной тенденции, вышедшей на передний план внешней политики американского империализма, являются попытки использовать уже дискредитированный принцип «увязки», для того чтобы синхронизировать выступления против политики мирного сосуществования с линией на лобовое противодействие всем процессам революционных преобразований и социальных изменений в современном мире. В обоих случаях речь идет о попытках возврата к давно преодоленным этапам международного развития. Как подчеркивал Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, «Рейган толкует об „увязке“, о том, что надо удержать поступательный ход мирового революционного процесса, победы социализма и национального освобождения, обуславливая этим развитие американо-советских отношений. Но он вскоре обнаружит, что это равносильно требованию, чтобы Земля перестала вращаться»²⁹.

Знакомство с распространенными в современной американской внешней политике и внешнеполитической мысли подходами со всей очевидностью свидетельствует о том, что, несмотря на демократическую риторику, Соединенные Штаты объективно стоят на контрреволюционных позициях. Различные существующие в США внешнеполитические подходы к проблемам мирного сосуществования и революционных изменений во всех своих вариациях характеризуются главным — нежеланием признавать объективную закономерность процессов социальных преобразований в современном мире и выдвиганием в качестве условия мирного сосуществования с СССР и другими странами социализма требования отказа от классовой солидарности, пролетарского интернационализма, идеологической борьбы.

В данном отношении творцы современной внешней политики США, по сути дела, идут на ревизию основополагающих принципов взаимоотношений между государствами противоположных общественных систем, зафиксированных в соответствующих официальных двусторонних документах. В Основах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, подписанных в Москве 29 мая 1972 г., отмечалось, что в ядерный век нет иной основы для поддержания советско-американских отношений, кроме мирного сосуществования. «Различия в идеологии и социальных системах, — подчеркивалось в документе, — не являющийся препятствием для развития нормальных двусторонних отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»³⁰.

Реализм в политике, трезвое уяснение объективных реалий современной эпохи и отказ от опасных попыток идти против течения

²⁹ Холл Г. Отказаться от мифов, посмотреть в глаза действительности.— Коммунист, 1981, № 5, с. 116.

³⁰ Правда, 1972, 30 мая.

исторического процесса — таково сегодня кардинальное условие, предъявляемое к международной деятельности государств, особенно тех из них, от которых в значительной степени зависит судьба человечества. Важнейшим условием является также выяснение того, что мирное сосуществование, разрядка касаются именно межгосударственных отношений и не могут быть своего рода гарантией сохранения и поддержания социального статус-кво в мире.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИНЦИПЫ ПОДХОДА США К РАЗВИТЫМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ ГОСУДАРСТВАМ

В общем подходе американского правящего класса к внешнему миру на протяжении послевоенного периода явственно прослеживаются два компонента. Один — традиционная ориентация на проведение политики «баланса сил» в различных ее вариантах (биполярный, многополярный). Другой — стремление учитывать, помимо традиционного военно-силового фактора в международных отношениях огромное влияние социального фактора, иначе говоря, «социального баланса», т. е. общее соотношение сил между социализмом и капитализмом и тенденций его изменения.

Оба эти компонента в значительной мере (хотя и не исключительно) предопределяют, во-первых, то место, которое правящие круги США отводили на протяжении всего послевоенного периода другим индустриально развитым капиталистическим странам в системе своих внешнеполитических приоритетов; во-вторых, те принципы, которыми они руководствовались (или во всяком случае пытались делать это), создавая структуру связей с этими государствами; и, в-третьих, в известной мере сам характер отношений между ними.

При этом следует учитывать, что соотношение двух указанных соображений в подходе США к другим странам Запада не было постоянным в различные периоды послевоенной истории. Оно обуславливалось состоянием международной среды, теми целями, которые в каждый данный момент американский правящий класс ставил перед собой во внешнеполитической деятельности, его возможностями для их реализации и, наконец, субъективным фактором, т. е. характером внешнеполитической концепции, которой придерживалась та или иная администрация в Вашингтоне. Не в последнюю очередь это соотношение зависело и от той политики в системе отношений с Соединенными Штатами, которой следовали сами правящие круги государств партнеров, равно как и от политических, экономических и военных возможностей на мировой арене.

Формирование системы межимпериалистических связей

После второй мировой войны международные позиции империализма в целом оказались подорванными. Германский фашизм был разгромлен, потерпела поражение милитаристская Япония, рухнул фашистский режим в Италии. Англия и Франция были настолько ослаблены, что не могли внести сколько-нибудь заметного вклада в защиту общих интересов мировой капиталистической системы.

В результате решающей роли Советского Союза в разгроме германского фашизма и японского милитаризма, в освобождении стран Европы и Азии в мире возросло влияние идей социализма. Оно объективно сказалось и на внутренней ситуации в ряде индустриально развитых капиталистических стран. Правящая буржуазия вынуждена была допустить представителей коммунистических партий к участию в правительствах ряда стран (Франция, Италия, Бельгия, Финляндия). В колониях западноевропейских стран, откуда метрополии черпали огромные ресурсы, позволявшие им поддерживать статус мировых держав, под влиянием идей социализма разрасталось национально-освободительное движение.

В ситуации острейшего внутри- и внешнеполитического кризиса и западноевропейская, и японская монополистическая буржуазия нуждалась в сильной внешней поддержке, опираясь на которую она могла бы удержать в своих руках власть, сохранить соответствующие страны в рамках капиталистической системы. И по классовым соображениям, и исходя из реальной ситуации она обратилась к Соединенным Штатам. Ради поддержки из-за океана она была готова поступиться многим, хотя практически единственной разменной монетой в существовавших тогда условиях для нее был суверенитет своих государств. Таким образом, сложившаяся после второй мировой войны система отношений между США и другими индустриально развитыми капиталистическими государствами, характеризовавшаяся неравноправием, подчиненностью последних старшему партнеру, была не только результатом американского нажима и диктата (которые несомненно имели место), но и устремлений монополистических кругов этих стран, охваченных неуверенностью, опасением того, что их позиции в своих странах будут серьезно подорваны общедемократическим движением.

США же в этот период утвердили себя в качестве глобального фактора в системе международных отношений, т. е. государства, интересы которого выходят далеко за пределы не только его национальных границ, но и западного полушария. Благодаря своей возросшей экономической и военной мощи, политическому влиянию они закрепили господствующее положение в мировой капиталистической системе. Американскому правящему классу уже виделся весь мир, перестроенный по рецептам Вашингтона и принявший идеи «Рах

Americana». Вместе с тем в своих расчетах на достижение этой цели в высших американских эшелонах власти вынуждены были учитывать ряд соображений.

После войны, которая велась антигитлеровской коалицией против фашизма, претендовавшего на мировое господство, было трудно открыто провозглашать сходные цели, даже если они прикрывались лозунгами «мирового порядка». Нужно было создать впечатление, что американская идея «мирового порядка», основанная на американском превосходстве, отвечает коренным нуждам всех народов и является единственным способом избежать повторения ужасов второй мировой войны. Западная Европа и Япония приобретали для Соединенных Штатов, таким образом, особую значимость и особый интерес с точки зрения реализации глобальных устремлений американского истеблишмента.

Было и другое не менее важное соображение. После второй мировой войны резко возросло влияние социализма в мире, т. е. «социальный баланс» на мировой арене начал меняться не в пользу империализма. В ряде стран, и это касалось прежде всего Западной Европы, антифашистское движение стало перерастать в движение за социальное освобождение. Народы колониальных и зависимых стран стали проявлять недвусмысленный интерес к достижениям социализма. Перспектива социальных перемен в Западной Европе (в меньшей степени — Японии) вынуждала правящие круги США всерьез задумываться над проблемой исторического противоборства двух мировых систем. Одна лишь мысль о том, что экономический, культурный, людской потенциал стран Западной Европы может стать частью мирового социализма, приводила в трепет послевоенных лидеров США. «Есть одна вещь, которой Соединенные Штаты придают больше значения, чем сохранению мира, — это свобода предпринимательства»¹, — заявил президент США Г. Трумэн в 1946 г.

Поэтому доктрина «сдерживания» имела многостороннюю направленность. Она была направлена против Советского Союза и должна была служить «сдерживанию» народно-демократических и социалистических преобразований в странах Восточной Европы. Но она была направлена (в других, разумеется, формах) и на то, чтобы сдержать тенденцию к социальному обновлению, обозначившуюся в тот период в ряде индустриально развитых капиталистических государств. Правящие круги США прямо протягивали руку помощи монополистической буржуазии этих стран, обещаая ей прямую поддержку вплоть до непосредственного военного вмешательства.

Но, провозглашая себя гарантом сохранения социального статус-кво в этих государствах, принимая на себя верховную ответственность за сохранение власти в руках монополистической буржуазии, США одновременно утверждали себя (и, как надеялись в Вашингтоне, надолго) в роли неоспоримого руководителя всей социальной

¹ New York Times, 1946, Apr. 7.

системы капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями для входящих в нее стран.

Следует подчеркнуть, что в этот период подобные устремления американского империализма целиком соответствовали желаниям и потребностям правящих кругов и Западной Европы, и Японии.

Геополитика и империалистическое партнерство

Вместе с тем правящий класс США, стремящийся укрепить социально-экономическую базу монополистической буржуазии в Западной Европе и Японии, в условиях расширения влияния социализма преследовал еще одну цель — создать нечто вроде «санитарного кордона» между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Тот «санитарный кордон», который президент В. Вильсон пытался создать из восточноевропейских государств по периметру западных границ Советского Союза еще в 1919 г. на Версальской конференции, ныне отодвигался на новые рубежи. Теперь его роль должны были выполнять Западная Европа и Япония. Этим государствам предстояло стать преградой на пути движения идей социализма, им было предназначено стать передовыми, «предмостными» укреплениями американского империализма в противоборстве с социализмом.

Правящие круги и Западной Европы, и Японии, надеявшиеся, что эта функция будет соответствующим образом оплачена Вашингтоном, охотно шли на исполнение этой роли. Их соучастие в планах США в определенной мере объясняет и возросшую антикоммунистическую активность западноевропейской буржуазии (уже в 1948 г. коммунисты были выведены из правительств Италии, Франции, Бельгии), и увеличившийся антисоветизм на международной арене, хотя, конечно, не следует сбрасывать со счетов и собственный антисоциалистический настрой.

Между тем многие политические деятели в Вашингтоне, обеспокоенные ростом влияния Советского Союза на международной арене, выступали за то, чтобы принять какие-то меры в долгосрочном плане, которые смогли бы нейтрализовать это влияние. Новая идея, однако, сводилась к старой политике «баланса сил». Речь шла о том, чтобы создать силовые «противовесы» Советскому Союзу, которые уравновешивали бы его мощь и влияние, отвлекали на себя политическую энергию СССР, с одной стороны, а с другой — нуждали бы будущие «центры силы» капиталистического мира направлять свои возросшие возможности не столько на соперничество с США, сколько на противоборство с миром социализма. Эти силовые «противовесы» виделась Вашингтону в восстановившей свой экономический потенциал и военно-объединенной Западной Европе (попытки такого объединения начались с военно-политического Брюссельского пакта, созданного 17 марта 1948 г.), возрожденной

политически и модернизированной экономически Японии, до 1949 г. — в националистическом Китае.

Следовательно, курс США на восстановление экономической мощи, политического влияния и военных возможностей Западной Европы (и прежде всего Западной Германии) был обусловлен намерениями американской правящей элиты создать выгодный для себя «баланс сил» на международной арене. Даже за экономическим объединением Западной Европы, начавшимся с конца 50-х годов (хотя такое объединение было отчасти уже и проявлением антиамериканской тенденции западноевропейского капитализма), во многом стояли американские интересы. Один из идеологов «европейского движения» А. Спинелли писал впоследствии, что «на деле американское отношение к объединению Европы играло решающую роль при проявлении любой инициативы европейских государственных деятелей в этом направлении»². А известный американский исследователь истории «холодной войны» Д. Флеминг подчеркивает, что политика США, направленная на возрождение силы Западной Европы, носила антисоветский характер, что она была нацелена на то, чтобы «консолидировать Западную Европу в качестве противовеса концентрации русской мощи»³.

Этот курс соответствовал интересам западноевропейских и японских правящих кругов, со своей стороны использовавших страх американской элиты перед расширением влияния социализма в мире для продвижения своих целей. И несомненно, он удовлетворял аппетиты американских корпораций, видевших в западноевропейском объединении создание прежде всего емкого рынка для своих товаров. «Америке были нужны европейские рынки, и для обеспечения собственной безопасности перед лицом мирового коммунизма для нее было важно, чтобы старый континент был оздоровлен»⁴, — писал, уйдя от дел, первый послевоенный канцлер ФРГ К. Аденауэр.

Представляется, что американские политические деятели в целом понимали неизбежные последствия восстановления экономического и политического влияния Западной Европы и Японии, которые должны были проявиться в росте трений и острых противоречий между партнерами прежде всего в экономическом плане. И тем не менее, учитывая конкретную политическую ситуацию в мире конца 40-х годов и 50-х годов, Вашингтон взял курс на экономическое оздоровление и усиление стран Западной Европы и Японии. Это объяснялось следующими соображениями.

Во-первых, из «двух зол» Вашингтон выбирал меньшее с точки зрения США. Нельзя сказать, чтобы там не понимали потенциальной опасности для США, связанной с воссозданием сильных капиталистических Западной Европы и Японии. Однако соображения

² *European Integration*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1952, p. 52.

³ *Fleming D. F. The Cold War and its Origins*. L.: Allen and Unwin, 1961, vol. 1, p. 479.

⁴ *Adenauer K. Memoires, 1945—1953*. P.: Hachette, 1965, p. 119.

антикоммунизма, расчеты на получение перевеса сил, в том числе военных, над социалистической системой перевешивали опасения по поводу будущей экономической и иной конкуренции со стороны возрожденных партнеров.

Во-вторых, в условиях начавшегося по инициативе Вашингтона курса на жесткое противоборство между двумя мировыми системами правящие круги США исходили и исходят сейчас из того, что классовая и идеологическая общность правящих группировок стран Запада способна сама по себе обеспечивать их единство, согласованность действий, особенно в моменты драматических противостояний по линии Восток—Запад. Раскол Европы по социальному и военно-политическому признакам, социально-политическая поляризация в Азии (США и Япония против союза СССР и КНР), по мнению американских политиков, должны были вынуждать западноевропейские и японские правящие классы искать опору в Соединенных Штатах.

В-третьих, существование левой оппозиции в некоторых индустриально развитых капиталистических странах должно было постоянно поддерживать на значительном уровне антикоммунистический (и антисоветский) потенциал как западноевропейских, так и японских лидеров, что, как считалось, будет сказываться и на их внешнеполитических позициях.

В-четвертых, военное, экономическое, валютно-финансовое, идеологическое и прочее присутствие США в государствах-партнерах, а также постоянное американское превосходство должны препятствовать развитию центробежных тенденций в рамках западного лагеря. Экономическая мощь, существование значительного американского научного и технологического превосходства над другими индустриально развитыми капиталистическими странами будет — считали в США — постоянно обеспечивать зависимость последних от США, порождая соответствующие долговременные политические последствия.

Наконец, Вашингтон рассчитывал создать жесткое структурное оформление отношений зависимости со своими ближайшими партнерами, которое надолго институционно закрепит гегемонию США. Это и было осуществлено в создании таких организаций, выросших из «плана Маршалла», как ОЭСР, НАТО, МБРР, МВФ, КОКОМ и др.

Принципы отношений США с союзниками

Таким образом, уже в конце 40-х годов сложились основные принципы подхода США к индустриально развитым капиталистическим странам.

Это прежде всего классовый подход: стремление воспрепятствовать прогрессивным социальным сдвигам в этих странах, не допустить их перехода в иную социальную формацию, существующее одновременно и параллельно со стремлением США установить свое непререкаемое лидерство в рамках мировой капиталистической си-

стемы. Последняя строится по принципу иерархии во главе со старшим партнером и состоит из ведомых, младших партнеров, следующих курсом, предначертанным Вашингтоном.

При этом, американские политические деятели усиленно внедряли принцип «взаимозависимости»: правящим кругам развитых капиталистических государств непрерывно внушалась мысль о том, что их судьбы прочно связаны с Соединенными Штатами и что они могут «выжить» только в рамках такого (практически неравноправного) союза со старшим партнером. Подобная «взаимозависимость» рассматривается не только как социальное, но и как экономическое явление (что должно открывать рынки индустриально развитых капиталистических государств для американской экономической экспансии), равно как идеологическая общность, открывающая путь для массированного идеологического вторжения США в общественное сознание союзных стран с целью поддержания в них высокого антикоммунистического и антисоветского настроения.

Этот принцип «разделения бремени» предполагал в тот период, что правящие круги США возьмут на себя ответственность за сохранение социального статус-кво в масштабах капиталистической системы, а взамен потребуют, чтобы младшие партнеры морально и материально поддерживали США на международной арене и прежде всего приняли активное участие в противоборстве с Советским Союзом.

Согласно принципам «взаимозависимости» и «разделения бремени», США подтверждали статус «сверхдержавы» с соответствующими глобальными интересами, в то время как за остальными государствами капиталистической системы признавались только региональные интересы плюс расширенные обязательства перед старшим партнером. Из этого вытекало, что поскольку США являются опорой всей системы, то их интересы наиболее адекватно отражают интересы этой системы, а значит, и главные национальные интересы остальных государств, ее составляющих. При определенных условиях эти интересы могут и должны приноситься в жертву интересам США.

Не менее важным принципом подхода правящих кругов США к отношениям с индустриально развитыми капиталистическими государствами было стремление создавать и поддерживать у них ощущение постоянной внешней (военной) опасности со стороны стран социалистического содружества, прежде всего Советского Союза. Последнее, по их мнению, должно было являться главным цементирующим моментом союзнических отношений, гарантировать прочность военно-политического союза развитых капиталистических держав под эгидой США. Параллельно с этим американские правящие круги постоянно рассматривали своих союзников либо как строительный материал для «санитарного кордона» на пути распространения влияния социализма, либо как линию «выдвинутых вперед рубежей» для наступления на позиции социализма.

И конечно, рассматривая свои отношения с этой группой стран с точки зрения собственных интересов, политические стратеги США постоянно исходили из традиционной концепции «баланса сил». Можно утверждать, что в целом, считая Советский Союз основным противником в реализации своих гегемонистских устремлений на мировой арене, правящие круги США имели тенденцию строить отношения со странами развитого капитализма не столько на базе равноправного партнерства и добросовестного союзничества, сколько с точки зрения интересов победы в советско-американском противоборстве, в создании перевеса в свою пользу в соотношении сил между двумя великими державами, между Востоком и Западом.

Анализируя принципы подхода США к индустриально развитым капиталистическим странам, нельзя забывать и о значительных экономических интересах американских монополий, особенно в Западной Европе и Канаде. В американской программе восстановления западноевропейской индустрии прямо указывалось: «Мы заинтересованы в восстановлении Европы, так как наша экономика зависит от мирового производства и торговли»⁵.

До начала 70-х годов экспорт США в Западную Европу составлял в среднем около 30% от общего объема американской внешней торговли, доля экспорта сельскохозяйственной продукции была еще выше (от 40 до 50% в 50—60-е годы, в 80-е годы — около 25%). На протяжении почти всех послевоенных лет Западная Европа занимает первое место в общей торговле Соединенных Штатов, которые сводят ее с возрастающим активным сальдо (с 1946 по 1980 г. актив торгового баланса США с Западной Европой составил 117 млрд. долл.).

Начиная с 70-х годов резко возрастает экспорт капитала США в страны региона: к 1980 г. объем прямых частных американских инвестиций в Западной Европе составляет около 80 млрд. долл. (в Японии значительно меньше — 2 млрд. долл.), а ежегодные прибыли, только переводимые в США, достигают 10 млрд. долл. В настоящее время на долю предприятий, контролируемых американским капиталом в Западной Европе, приходится 80% общего производства ЭВМ и контрольно-измерительной аппаратуры, 50% производства полупроводников, 15% радиоприемников, магнитофонов, 96% интегральных схем, 90% синтетического каучука, 40% автомобилей.

И хотя область экономических отношений между империалистическими государствами всегда вызывала наиболее острые противоречия, одним из принципов американского подхода к отношениям с индустриально развитыми странами было стремление обеспечить наиболее выгодные условия для деятельности своих монополий, пользуясь зависимостью этих стран от США в военно-политических вопросах.

⁵ The European Recovery Program. N. Y.: Carnegie Endowment for International Peace. 1947, p. 301.

В целом было бы неправомерным утверждать, что эти принципы отношений с самого начала оказались неэффективными и что их внедрение в практику отношений в зоне развитого капитализма не принесло определенных дивидендов американскому империализму. Правицам кругам Соединенных Штатов удалось вовлечь индустриально развитые страны Запада в «холодную войну» и найти пути вынудить их следовать в русле американской глобальной стратегии, нацеленной на жесткую конфронтацию с миром социализма. На крутых поворотах международной политики 50-х и 60-х годов и Западная Европа, и Япония, и Канада, и Австралия в той или иной степени поддерживали американские внешнеполитические цели. Достаточно вспомнить берлинские кризисы, войну в Корее, карибский кризис, даже интервенцию против народов Индокитая, не говоря уже о гонке вооружений и сдерживании торговли со странами социалистического содружества.

Продолжает существовать и, несмотря на определенные трудности, функционировать созданный в 1949 г. блок НАТО, переживший выход в 1967 г. Франции из его военной организации. Более того, по его каналам продолжает согласовываться политика Запада по многим международным вопросам. НАТО, ссылаясь на согласованную позицию своих членов, подрывает все попытки создать систему коллективной безопасности в Европе. Используя механизм блока, Вашингтон в течение ряда лет сдерживал любое продвижение вперед в деле переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. На конференции по вопросам европейской безопасности и сотрудничества в Белграде западные страны (США добились, чтобы в рамках НАТО была определена их общая позиция) фактически повели дело к идеологической конфронтации со странами социалистического содружества, что сорвало возможность принятия ею каких-либо конструктивных практических решений. Решение о производстве и развертывании на территории Западной Европы так называемого «евростратегического» оружия (принятое в декабре 1979 г. на сессии Совета НАТО) в известной мере продемонстрировало уровень американского влияния на своих партнеров, их готовность принять американский миф о «советской военной угрозе» за основу для формулирования общего внешнеполитического курса.

Социальные взрывы в отдельных странах (Франция, май 1968 г.), угроза сдвига влево в той или иной стране (Франция, 1974 г., 1981 г.; Италия, 1978—1979 гг.; Португалия, 1974—1975 гг.) по-прежнему используются американскими правящими кругами для консолидации правящих классов индустриально развитых капиталистических государств вокруг США, организации коллективных выступлений против социальных перемен (например, совещание четырех держав на о-ве Гваделупе в 1978 г., принявшее решение по вопросу о положении в Италии). Трудный процесс социального обновления развивающихся стран тоже во многом объясняется со-

вокупной позицией империалистических государств во главе с США, их эгоистическим стремлением, несмотря на имеющиеся расхождения, сохранить молодые государства для пополнения своего резерва.

И конечно, многие конструктивные инициативы Советского Союза, других стран социалистического дружества, направленные на нормализацию международных отношений, внедрение в них принципов мирного сосуществования, прекращение гонки вооружений, не получают в ряде случаев практического воплощения из-за того, что Соединенным Штатам удается по ряду вопросов навязывать свою позицию другим государствам Запада. Апеллируя к классовым интересам и солидарности своих союзников, Вашингтон требует от них согласованных акций по подрыву социализма. В ряде случаев ему это удается — декабрьская 1980 г. сессия Совета НАТО включила в свою повестку дня обсуждение положения в Польше; в ее заключительном коммюнике западные союзники пытались легализовать право вмешательства в дела ПНР, не говоря уже о том, что в нем содержались провокационные высказывания по поводу советско-польских отношений.

Центрбежные и центростремительные тенденции

Анализируя взаимосвязи США с другими индустриально развитыми капиталистическими странами, необходимо рассматривать всю совокупность, всю сумму их отношений, учитывать все основные факторы, воздействующие на их формирование, и, конечно, те, которые продолжают и будут продолжать стимулировать сохранение и развитие центростремительной тенденции в империалистическом лагере. И это не только классовая солидарность монополистической буржуазии этих государств, обусловленная их общим страхом перед социальным обновлением мира. Уже в последнее десятилетие в структуре международных отношений возник целый ряд факторов, работающих в том же направлении: все большая взаимосвязь национальных экономик и интернационализация стоящих перед отдельными государствами экономических проблем, все большая экономическая зависимость западных государств и Японии от внешнего мира, прежде всего от развивающихся государств, отличающихся известной нестабильностью, обострение энергетических проблем и т. д.

Все это не означает, что между США и их союзниками не возникает противоречий и разногласий, что у Западной Европы, Японии, других капиталистических стран не существует своих специфических интересов, отличных от американских. Достаточно вспомнить 1954 год, когда французский парламент похоронил идею европейского оборонительного сообщества, за создание которого энергично выступил Вашингтон; 1956 год, когда США, исходя из своих интересов, не поддержали суэцкой авантюры Англии, Франции и Израиля; 1963 год, когда ФРГ в качестве сознательного демарша пыталась переориентировать свою политику на ось Бонн —

Париж и ряд других. Тем не менее в течение четверти века после окончания второй мировой войны США, используя разнообразные рычаги давления на своих младших партнеров, в конечном счете добивались в той или иной форме проведения своей линии, подчинения специфических интересов партнеров своим глобальным устремлениям, хотя и не без известных издержек.

Ситуация начала меняться в 70-е годы. В первую очередь следует подчеркнуть, что на нынешний характер американо-западно-европейских отношений в решающей степени повлияли сдвиги в расстановке сил, происшедшие прежде всего в зоне индустриально развитых капиталистических государств, известное выравнивание тех параметров и категорий США и Западной Европы (в определенной степени и Японии), которые во многом предопределяют способность государств влиять на развитие событий на международной арене. «По мнению большинства дипломатов, — отмечала американская газета „Филаделфия Инкуайер“, — растущая экономическая мощь (Западной. — Авт.) Европы — главная причина, лежащая в основе многих новых трений»⁴. В самом деле, в 1960 г. валовой национальный продукт (ВНП) стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС) составлял приблизительно половину американского. В 1980 г. ВНП стран ЕЭС достиг 2762 млрд. долл., в то время как у США он составлял 2586 млрд. долл. (в Японии — 1100 млрд. долл.). По производству стали ЕЭС и Япония значительно опережают США, причем они производят не только больше стали, но и лучшего качества, и экспорт западноевропейской и японской стали в США уже вызвал там не только сомнения в жизнеспособности американской металлургической промышленности, но и волну протекционизма. Соединенные Штаты, которые десятилетиями считались крупнейшей автомобильной державой, сейчас занимают в этой области второе место, уступив первое Японии.

Значительно укрепились торговые позиции американских союзников. В 1979 г. США экспортировали товаров на 178 млрд. долл., в то время как только ФРГ — на 171 млрд. долл. В целом же объем внешней торговли стран Западной Европы втрое превышает размеры американской внешней торговли (1438 млрд. долл. против 396 млрд. долл.). В 1978 г. дефицит американской торговли с Японией превысил 10 млрд. долл., в 1979 г. он составил 6 млрд. долл. И хотя сейчас все индустриально развитые капиталистические страны испытывают дефициты платежного баланса, золото-валютные резервы, накопленные только странами «Общего рынка», почти в 2,5 раза превышают американские.

В течение послевоенных десятилетий Соединенные Штаты неизменно первенствовали в капиталистическом мире в области производительности труда, в выпуске наукоемкой продукции. Сейчас они теряют свое преимущество и по этим параметрам (темпы прироста

⁴ Philadelphia Inquirer, 1980, July 27.

производительности труда в 1973—1979 гг. составляли в США 0,1%, в Японии — 3,4, в ФРГ — 3,2, во Франции — 2,7% и т. д.). А это не могло не сказаться на взаимном движении капиталов: в 1979 г. впервые после войны объем ежегодных западноевропейских инвестиций в США сравнялся с объемом американских в Западную Европу. Заметно возросла и военная мощь региона: сегодня он поставляет 80% сухопутных сил НАТО.

Т а б л и ц а 7. Сравнительные позиции трех «центров» империализма (данные на 1980 г.)

	США	Западная Европа (в скобках дан- ные по ЕЭС)	Япония
Население (млн. чел.)	221,6	372 (270,5)	116,5
Валовой национальный продукт, млрд. текущих долларов	2586,5	3480,0 (2762,0)	1080
Доля в промышленном производстве капиталистического мира	37,3%	31,4% (25,4%)	9,7%
Годовой доход на душу населения, долл. США	10 513	8310 (8897)	1200
Международная торговля	224,4	787,4 (677,9)	115,2
Экспорт			
Импорт	256,7	851,9 (737,6)	126,6
Прямые взаимные инвестиции	82,0	32,0	—
Производство стали, млн. т — 1979 г.	123,1	173 (140,0)	111,6
Производство автомобилей, млн.	11,4	11,5 (10,1)	11,0
Транснациональные компании (из 50 крупнейших)	22	20 (19)	9
Валютные резервы, в млрд. долл.	20,6	170 (124,7)	25,7
Военные расходы, в млрд. долл.	142,7	105,4 (88,8)	12,0
Численность вооруженных сил, тыс. человек	2050	2017	241
Межконтинентальные баллистические ракеты	1054	18 (18)	—
Баллистические ракеты подводных лодок	600	144 (144)	—
Бомбардировщики стратегического назначения	348	83 (83)	—
Количество военных кораблей всех классов	1888	2086	104

Источники: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран: Обзор за 1979 и начало 1980 г. М., 1980. OECD, *Matu Economic Indicators*, February 1981. OECD Observer 1979—1981; SIPRI, 1980; *Strategic Balance 1980—1981*; *Statistical Abstract of the United States*; *Survey of Current Business*; *Fortune*, Aug. 11, 1980; *Fortune*, Febr. 9, 1981. *Wall-Street Journal*, Jan. 9, 1981; *Newsweek*, Febr. 9, 1981.

Примечание. В состав Европейского экономического сообщества входили в 1980 г. Англия, Бельгия, Дания, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, ФРГ. При определении населения, экономических и военных показателей ЕЭС учитывается и вступившая в него в 1981 г. Греция.

Беря курс на помощь в восстановлении капиталистической экономики Западной Европы и Японии, помогая их социальной стабилизации на буржуазной основе, поощряя процесс интеграции в рамках ЕЭС, правящие круги США полагают, что они возвращают силу, которая будет находиться под их контролем и на международной арене будет идти в фарватере политики Вашингтона. Как отмечалось выше, они рассчитывали, что классовая общность всегда будет воспроизводить полнейшую тождественность интересов правящих элит всех или по крайней мере большинства государств Запада. Практическое развитие, однако, вышло за пределы этой схемы.

Возрастание экономической мощи ЕЭС (Западной Европы) и Японии ведет к определенной корректировке их интересов на международной арене, к стремлению добиться самостоятельного политического влияния, более адекватно отражающего экономические возможности и политические интересы этих «центров силы» капиталистической системы.

Вполне естественно, что возникновение в рамках мирового капиталистического хозяйства нескольких примерно равновеликих центров экономической силы приводит к усилению конкурентной борьбы между ними, которая не ограничивается только хозяйственной стороной, а переходит в политическую и идеологическую сферы, в область военных отношений и т. д.

Помимо констатации факта обострения межимпериалистических противоречий, важно отметить и другое: возрастающая мощь американских союзников дает им возможность более решительно, дольше и с большей эффективностью сопротивляться попыткам США подмять под себя их специфические интересы, подчинить их устремлениям американского государственно-монополистического капитализма на мировой арене.

Межимпериалистические связи и отношения Восток—Запад

Специфика интересов американских союзников проявляется сегодня практически на всех направлениях их международной деятельности. Она проявляется и в системе их отношений с социалистическими странами. Это в большей мере касается стран Западной Европы. В частности, если в системе отношений с миром социализма правящие круги США, особенно в последние годы, выдвигают на первое место противоборство, прежде всего с Советским Союзом, то западноевропейские лидеры, в чем-то идя на уступки заокеанскому партнеру в этом вопросе, большое внимание уделяют перспективам сотрудничества.

Это объясняется и историческими причинами. И Европа, и Япония в несравнимо большей степени, нежели Соединенные Штаты, испытали на себе ужасы второй мировой войны, и они в большей степени, чем США, понимают безрассудность и опасность попыток

навязывать силой систему своих социальных ценностей. Сохраняя приверженность НАТО, многие западноевропейские руководители считают, что укрепление европейской безопасности может быть достигнуто не столько за счет дальнейшего наращивания военных усилий блока, на чем прежде всего настаивал Вашингтон, сколько за счет продуктивных переговоров о разоружении со странами Организации Варшавского Договора. Западная Европа в большей мере заинтересована в развитии экономических контактов со своими соседями на Востоке. В 1981 г. ее товарооборот со странами СЭВ составил 60 млрд. долл., в 12 раз больше, чем у США. Поставки энергетического сырья из Советского Союза стали существенным элементом ее топливно-энергетического баланса, что особенно важно в условиях энергетического кризиса. «В Бонне и Париже связь с Москвой стали значительным фактором как внешней (в том числе внешнеэкономической), так и внутренней политики»⁷, — замечает известный американский специалист-международник С. Хоффман.

В результате линия на ужесточение отношений с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества, выдвигаемая правыми силами в США, все менее безоговорочно принимается многими западноевропейскими политиками, более того, она вызывает противоречия между США, с одной стороны, и Западной Европой, Канадой и другими странами — с другой. В своем закрытом, но ставшем достоянием гласности докладе о положении в НАТО лидер республиканского большинства в сенате Г. Бейкер с тревогой отмечал: «Налицо принципиальное расхождение в оценке характера политических и военных курсов, необходимых для налаживания и поддержания стабильных отношений между Востоком и Западом»⁸.

Правящие круги Европы и Японии заняты поисками своего места в системе взаимоотношений с развивающимися странами. Они хотели бы играть в них более активную и в известном смысле авангардную роль, отвечающую прежде всего их экономическим интересам. Западная Европа, лишившаяся колоний, но сохранившая с ними многочисленные связи, концентрирует свои усилия на расширении экономического присутствия в бывших владениях. Япония подобным же образом стремится к экономической экспансии в зоне развивающихся стран. И Западная Европа, и Япония пытаются улучшить свои позиции в этих странах в известной мере за счет США, в то время как Вашингтон пытается не допустить замещения американского неокOLONИализма западноевропейским и японским и стремится обеспечить проамериканскую ориентацию «ключевых» развивающихся государств.

Западная Европа, как и Япония, не могут позволить себе рискованной игры на Ближнем Востоке, откуда они получают 70% потребляемой ими нефти. Они объективно больше заинтересованы в

⁷ Hoffmann S. The Crisis in the West.— The New York Review of Books, 1980, July 17, p. 41.

⁸ New York Times, 1980, Nov. 14.

урегулировании, которое было бы более прочным и длительным. Западноевропейские лидеры, например, понимают, что если за пределами урегулирования останется такая сила, как несколько миллионов палестинцев, то на Ближнем Востоке не будет желательной стабильности. Кроме того, их в большей мере интересует защита своих экономических интересов в этом районе, а не обеспечение интересов США. «Общее мнение в Европе состоит в том, что связи США с Израилем не позволяют им претендовать на положение объективного посредника»⁹, — признает М. Хилленбранд, бывший американский дипломат, ныне директор Атлантического института в Париже.

Разумеется, классовые интересы правящих кругов и США, и Западной Европы, и Японии в отношении развивающихся стран во многом идентичны и направлены на их превращение в резервную зону империализма. Однако методы реализации этой заинтересованности американскими капиталистическими партнерами, учитывая их прошлый опыт, собственные ресурсы и конкретные внешнеполитические цели, во многом отличны от практикуемых Вашингтоном, что является источником не только разногласий, но в ряде случаев и известного противоборства между тремя «центрами соперничества».

Наконец, правящие круги Западной Европы хотели бы в большем соответствии с реальным соотношением сил определить место своего региона в системе атлантических отношений. В принципе западноевропейские лидеры не против союза с Соединенными Штатами Америки. Они не могут не понимать того, что в силу своей военно-политической, экономической, научно-технической мощи США объективно будут еще долго занимать лидирующее положение в рамках НАТО. Тем более что в послевоенный период многие из них убедились, что нарочитый антиамериканизм не может служить прочной основой западноевропейского единства, более того, он может оказаться разрушительным для него.

В системе атлантических связей правящие круги Западной Европы хотели бы добиться: во-первых, большей самостоятельности; во-вторых, чтобы эта самостоятельность и большее равноправие безусловно признавались заокеанским партнером и уважались им; в-третьих, чтобы США перестали использовать свои ведущие позиции в сфере обеспечения безопасности (как это понимают на Западе) для получения односторонних преимуществ за счет западноевропейцев, для перекалывания на них своих трудностей; в-четвертых, чтобы Вашингтон по-прежнему нес основную нагрузку в системе военных приготовлений блока (расходы на них в США составляют около 6% ВВП страны, у европейских членов НАТО — 2,5—3%). Таким образом, в системе межатлантических отношений Западная Европа хотела бы нейтрализовать все негативные для себя

⁹ Wall Street Journal, 1980, June 12.

стороны пребывания в союзе с лидером, продолжающим стремиться к удержанию своей гегемонии, и использовать позитивные, с точки зрения господствующих классов западноевропейских государств, стороны своего тесного альянса с Америкой.

Кризис американского глобализма и его следствия для капитализма

В результате изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, паритета США и СССР в области стратегического ядерного оружия, выступлений развивающихся государств против существующего мирового экономического порядка, внешних и внутренних трудностей США, обусловленных перегруженностью их международными обязательствами, возможности Вашингтона реализовывать свои интересы на международной арене существенно сократились. Соединенные Штаты уже не могут влиять на ход мировых событий в той же мере, как они это делали ранее; им приходится все больше соизмерять свои внешнеполитические цели с имеющимися ресурсами. Провал агрессии против народов Индокитая наиболее ощутимо продемонстрировал кризис американского глобализма, но он дает себя знать практически на всех направлениях внешней политики Соединенных Штатов — на Ближнем Востоке, в Африке, в Латинской Америке и не в последнюю очередь — в отношениях с главными союзниками. Партнеры Вашингтона ощутили, что Соединенные Штаты не всемогущи, что в мире существуют и возникают проблемы, решить которые они не в состоянии, и что в ряде случаев США сами нуждаются в помощи, и что эта помощь для них в нынешней ситуации так же важна, как она была важна для Западной Европы и Японии в 40-е и 50-е годы.

В результате в Вашингтоне сегодня исходят из того, что действительность многих внешнеполитических шагов Соединенных Штатов на международной арене, попыток создать на своей стороне ситуацию «превосходящей» силы в значительной степени зависит от того, поддерживают их союзники или нет. «Западный союз для нас — это не роскошь и не порождение сентиментальной доброты к меньшим братьям, — пишет в связи с этим известный историк А. Шлессингер. — Для нас он суровая необходимость, если мы хотим осуществлять глобальную политику... Мы нуждаемся в своих союзниках не меньше, чем они в нас»⁹². В известной мере можно утверждать, что руководители США для достижения своих международных целей в ряде случаев сегодня больше нуждаются в поддержке со стороны правящих кругов Западной Европы, чем последние в аналогичной поддержке со стороны Вашингтона.

В американских внешнеполитических расчетах и Западная Европа, и Япония все чаще рассматриваются как амортизаторы, которые

⁹² Wall-Street Journal, 1980, May 22.

должны в той или иной критической ситуации, возникшей в результате деятельности США, принять на себя основной удар — военный, экономический, политический — и тем самым отвести его от Соединенных Штатов (как уже было в 1974 г., когда именно они приняли на себя тяжесть нефтяного эмбарго арабских государств). И если правящие круги основных развитых стран капитализма на протяжении почти всего послевоенного периода рассматривали США как наиболее существенный компонент своей «безопасности» (в том смысле, как они понимают эту категорию), то в условиях изменившегося соотношения сил в мире они все более сознают, что Западная Европа, например, не менее важный компонент «безопасности» американской. Подобная переоценка наряду со стремлением западноевропейских государств и Японии к тому, чтобы их «политическая роль в мировых делах соответствовала достигнутому экономическому весу», смещает акценты в структуре взаимозависимости трех центров капиталистического мира, создавая новые возможности для американских союзников.

Разрядка напряженности и отношения США с союзниками

Разрядка напряженности, ставшая ведущей тенденцией в международных отношениях в начале 70-х годов, наряду с другими причинами объективно поставила под сомнение убежденность многих политических лидеров индустриально развитых капиталистических стран в том, что их социально-политическая структура может сохраниться и функционировать только под защитой военного зонтика США. В целом политика разрядки «работала» на укрепление внешнеполитической самостоятельности Западной Европы, Японии, других капиталистических стран.

Во-первых, напряженность и конфронтация между ведущими державами обоих военных союзов ведут к усилению поляризации в международном сообществе; в подобном положении Вашингтон несомненно находится в выигрыше, так как его союзники оказываются вынужденными более недвусмысленно демонстрировать свою лояльность западному союзу и действовать против СССР так же жестко, как их заокеанский партнер. Но многие западноевропейские лидеры не желают более столь жесткого размежевания сил на международной арене, считая, что оно принижает их международную роль, а также подрывает их весьма выгодные позиции в диалоге Запада с Востоком.

Во-вторых, любое усиление напряженности несомненно влияет на характер американо-западноевропейских и американо-японских отношений в том смысле, что в них (как результат роста напряженности, вызванной Вашингтоном) большую значимость приобретает военный фактор. А это невыгодно правящим кругам и Западной Европы, и Японии, ибо именно военную область Вашингтон стремится

ся использовать для оказания давления на союзников, для обеспечения их солидарности в тех вопросах, где она не до конца отвечает интересам партнеров. И конечно, усиление напряженности, по мнению ряда западных деятелей, блокируя решение вопросов военной разрядки, замораживает невыгодную для них международную ситуацию, в то время как развитие разрядки имеет тенденцию снижать значимость военного фактора в системе взаимосвязей США с их союзниками и создает для последних большую свободу действий в отношении Вашингтона.

В-третьих, основа политического влияния Западной Европы и Японии в мире — их экономическая мощь. Но, чтобы эта мощь переходила в политическое влияние, нужна обстановка, в которой экономические факторы предопределяли бы политический курс, а не наоборот. В условиях же напряженности именно политические, и прежде всего военные, факторы начинают доминировать над экономическими. Таким образом, в обстановке напряженности Западная Европа и Япония имеют больше шансов растерять свои преимущества на международной арене, в то время как разрядка имеет тенденцию усиливать их.

Процесс разрядки объективно ведет к относительно большему равноправию отношений (в той мере, в какой это возможно при капитализме) в системе индустриально развитых капиталистических государств, что в значительной степени нейтрализует попытки Вашингтона использовать свое положение лидера западного блока для экономической, в том числе валютной, а также политической эксплуатации партнеров. Рост международной напряженности, наоборот, ведет к частичной реставрации американского гегемонизма в этой системе. «Разрядка принесла ощутимые выгоды Западной Европе, выгоды, которые явились серьезным вкладом в экономическое благополучие и социальную стабильность западноевропейских государств... Европейцы рассматривают политику разрядки более необходимой ныне, чем когда-либо раньше»¹⁰, — констатируется в докладе специальной комиссии, направленной американским конгрессом в семь стран НАТО и Австрию для выяснения настроений руководящих кругов Западной Европы в связи с курсом на напряженность, взятым официально Вашингтоном в начале 1980 г.

Для американского руководства эта новая ситуация, возникшая в структуре взаимосвязей с союзниками, породила целый ряд новых проблем, требующих пересмотра или по крайней мере значительной модификации тех принципов, на основе которых Вашингтон пытался развивать отношения со своими партнерами.

Прежде всего это проблема сохранения в капиталистическом мире руководящей роли США, «лидерство которых, — как отмечает

¹⁰ NATO and Western Security in the 1980's: The European Perception. Report of Staff Study Mission to Seven NATO Countries and Austria to the Committee of Foreign Affairs. U. S. House of Representatives, Apr. 9, 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 2—3.

Ф. Трезайс,— уже не принимается столь безоговорочно, как раньше»¹¹. До начала 70-х годов Вашингтон не видел серьезной необходимости считаться с каким-либо экономическим и политическим «центром силы» в западной системе. Ныне степень экономической мощи (а в ряде случаев и политического влияния) ЕЭС и Японии требует от Вашингтона соотносить свой внешнеполитический курс с интересами других «центров силы». США уже не могут игнорировать этих требований, ибо это грозило бы им изоляцией в рамках капиталистического мира.

Следует отметить, что большее равноправие в системе отношений индустриально развитых капиталистических стран вовсе не исключает лидерства. И в принципе правящие круги Западной Европы, не говоря уже о Японии, не возражают против американского руководства. Они признают, что если в рамках капиталистической системы и должен быть лидер, то в современных условиях эту роль могут играть только Соединенные Штаты. Политические деятели других развитых стран капитализма хотят большего участия в разработке общего политического курса Запада. Отмечая их сомнения в способности Америки обеспечить единоличное эффективное руководство Западом, английская газета «Гардиан» пишет: «Американское лидерство в некоммунистическом мире сейчас, как никогда за последние 30 лет, находится под вопросом»¹².

Причины этого в одних случаях — явная некомпетентность американского руководства в некоторых вопросах мировой политики, в других — отрыв от реальности, в третьих — отсутствие последовательности, в четвертых — национальный эгоизм. В результате, констатирует американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», западноевропейские партнеры «питают теперь меньше доверия к американской мощи и требуют для себя большего участия в разработке политики союза»¹³. Партнеры США ждут от американских государственных деятелей, претендующих на руководящую роль в западном союзе, зрелости, дальновидности, последовательности, учета существующих международных реальностей. Лидер, по их мнению, должен представлять и отстаивать не только и, пожалуй, не столько свои, сколько общие интересы. Когда же Вашингтон в международных вопросах преследует прежде всего свои корыстные интересы, зачастую в ущерб интересам своих партнеров, когда он пытается добиваться согласия в союзе путем давления, окрика, диктата, он теряет, по мнению многих западноевропейских (да и японских) политиков, способность быть лидером.

Стремление проводить на международной арене политику «баланса сил», направленную на создание противовесов Советскому Союзу, поставило перед правящими кругами США в условиях кризиса

¹¹ *Treize Ph. Atlantic Connection. Prospects, Problems and Politics.* Wash.: Brookings Inst., 1975, p. 100.

¹² *Gardian*, 1980, July 20.

¹³ *US News and World Report*, 1980, June 9.

американского глобализма задачу не просто считаться с существованием новых «центров силы» капитализма, но и подключить обладающие значительными ресурсами Западную Европу и Японию к системе целей американской внешней политики. Но это было бы, видимо, реально только в том случае, если бы американские партнеры считали, что интересы всех трех «центров силы» капиталистического мира тождественны и что именно политика Вашингтона наилучшим образом обеспечивает реализацию устремлений и Западной Европы, и Японии на мировой арене. Но как раз обе эти посылки подвергаются серьезному сомнению в среде американских союзников.

Наконец, правящим кругам США для достижения своих целей на международной арене нужна не просто лояльность союзников по отношению к тем или иным внешнеполитическим акциям Америки; им в ряде случаев необходим единый фронт стран Запада. Эта необходимость ощущается и в политике США по отношению к странам социалистического содружества, и в переговорах с развивающимися государствами, и в подходе к решению проблем мирового капиталистического хозяйства. Однако процесс консолидации позиций отдельных «силовых центров» империализма с неизбежностью ведет к дезинтеграции мировой капиталистической системы в целом, затрудняя попытки правящих кругов США добиться объединения своих партнеров на каком-то новом (высшем) уровне. Поскольку консолидация «силовых центров», приобретение ими большей самостоятельности означают освобождение их от тесной опеки со стороны Вашингтона, то процесс этот объективно, в большинстве случаев даже независимо от воли его инициаторов, приобретает антиамериканский оттенок. А это не может не создавать психологической атмосферы, сдерживающей реализацию американских расчетов на создание единого фронта Запада.

Поиски новых путей утверждения американского лидерства

Вместе с тем в Вашингтоне (и это отчетливо прослеживается на протяжении всего последнего десятилетия) все же рассчитывают решить эти проблемы в интересах США, и если в чем-то и поступиться, то за счет формы, но не содержания отношений с союзниками. Правящие круги США ставят перед собой задачу использовать возросшую экономическую мощь Западной Европы и Японии, их увеличившееся политическое влияние прежде всего для продвижения глобальных устремлений правящей верхушки США на международной арене, а также для предотвращения роста антиамериканских тенденций в развитии новых «силовых центров» капиталистического мира.

Нельзя не видеть, что правящие круги США, Западной Европы и Японии имеют много общих интересов в противостоянии мировому

социализму, международному коммунистическому и рабочему движению, национально-освободительной борьбе народов. И это общее находит свое выражение в конкретных совместных действиях и позициях трех центров капиталистического мира. Достаточно обратиться к решениям декабрьской 1979 г. и последующих сессий Совета НАТО, к некоторым итогам ежегодных встреч в верхах крупнейших капиталистических государств, в ходе которых обсуждались вопросы экономики и политики. Но верно и другое: когда речь заходит о конкретных аспектах международных отношений, проблема классовой солидарности монополистической буржуазии США и Западной Европы значительно усложняется. Здесь начинают играть свою роль такие факторы, как стратегическое положение различных капиталистических государств, их исторические традиции, политическая структура, ресурсы, сравнительная мощь транснациональных корпораций, характер группировки правящего класса, стоящей в данный момент у власти, экономическая ситуация в стране, уровень ее отношений с внешним миром, степень зависимости от него, основные источники международного влияния данного государства, возможность использования им тех или иных внешнеполитических инструментов и т. д. Несовпадение в силе и направленности воздействия этих факторов в конечном счете предопределяет различие в подходе правящих кругов США и их партнеров к внешнему миру, к решению тех или иных международных проблем.

Правящая элита США стала более активно пытаться использовать идею взаимозависимости всех индустриально развитых капиталистических государств. Эта идея использовалась и ранее, но главным образом во внутреннем социальном плане: Вашингтон эксплуатировал классовые страхи западноевропейской и японской буржуазии, боящейся утратить свои позиции внутри своих стран. Сейчас этот фактор стал менее действенным, ибо правящим кругам этих государств не без помощи США удалось добиться социально-политической стабилизации своих режимов на капиталистической основе. Ныне американское руководство использует идею взаимозависимости главным образом в более широком международном плане, и в том числе в ее экономическом аспекте.

Для этого имеются объективные предпосылки: усилилось взаимное переплетение экономик капиталистических государств прежде всего благодаря деятельности транснациональных монополий (только в Западной Европе с участием ТНК американского происхождения производится продукция на сумму 260 млрд. долл. и занято около 5 млн. рабочих), утверждению доллара в качестве главной валюты капиталистического мира (в Западной Европе находится в обороте примерно 500 млрд. так называемых «евродолларов»), возникновению в мировом капиталистическом хозяйстве общих проблем, которые практически невозможно решать на сугубо национальном уровне (например, проблемы цен на сырье), и т. д. Определенное сплочение развивающихся стран на экономическом и политическом

фронтах и новые возможности, создаваемые для них этим сплочением, вызывают беспокойство развитых капиталистических стран, и правительство США пытается использовать это беспокойство для объединения усилий своих союзников под своим руководством.

Наиболее четко эта линия США нашла свое выражение в концепции «трехсторонности», первоначально выдвинутой на сугубо теоретическом уровне, но позднее — при президенте Картере — принятой американской администрацией в качестве важной линии практической внешней политики.

Один из главных адвокатов концепции «трехсторонности» — американский политолог З. Бжезинский, ставший при Картере помощником президента по вопросам национальной безопасности, в своих сочинениях 60—70-х годов весьма подробно сформулировал и обосновал необходимость «нового сплочения» правящих кругов капиталистических держав с точки зрения их общеклассовых интересов. Глобальное распределение мощи в мире, констатировал Бжезинский, начинает все более склоняться в пользу политических систем, которые в философском, культурном, этническом и расовом отношении чужды западному историческому опыту (как всегда в такого рода построениях Япония — как это ни парадоксально — отождествляется с Западом). Если дело так пойдет и дальше, утверждал он, то недалеко то время, когда американский капитализм окажется «капитализмом в одной стране».

Проблема дальнейшей социальной ориентации остро стоит в развивающихся странах. Поэтому капиталистические страны стремятся прежде всего сплотиться воедино, ликвидировать существующие разногласия. А затем уже, выступая единым фронтом с позиций «новой силы Запада», решать проблемы отношений с развивающимися странами (обеспечив их сохранение в качестве резерва капитализма) и с социалистическими странами.

«По идее» Бжезинского, на средства ряда ведущих финансово-монополистических воротил США, стран Западной Европы и Японии в 1973 г. была создана так называемая Трехсторонняя комиссия в составе видных представителей общественных и научных кругов и мира бизнеса указанных стран. Эта комиссия и занялась теоретической разработкой проблемы выживания капиталистического мира в новых условиях, путей и способов его сплочения с целью «сохранения западной цивилизации».

С приходом к власти в США администрации президента Картера (многие видные члены которой, включая самого президента, были участниками Трехсторонней комиссии) теоретические разработки идеологов трехсторонности были взяты ею на вооружение. Эта администрация, действуя в соответствии с рекомендациями комиссии, пыталась предложить пути институционализации объективно возросшей взаимозависимости всех стран, но такого рода институционализации, которая бы укрепляла капиталистическую систему хозяйства, усиливала лидирующую роль США в процессе укрепления

взаимозависимости, сохраняла бы отношения господства—подчинения между развитым капиталистическим «Севером» и аграрно-сырьевым «Югом» и одновременно все более бы исключала из процесса роста мирохозяйственных связей Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Первоочередная цель американской администрации состояла в том, чтобы объединить под эгидой США западный мир перед лицом общих проблем, с которыми он сталкивается. Но дело в том, что взаимозависимость признается руководителями этих государств в основном в теоретическом и идеологическом плане; когда же речь заходит о конкретной политике, каждый из них, не доверяя партнерам, предпочитает действовать, исходя из своих собственных интересов, и Вашингтон не является в этом смысле исключением.

Учитывая возросшую экономическую мощь своих союзников, правящие круги США настойчиво стремятся провести в жизнь идею о «перераспределении бремени» и даже «ответственности». При этом утверждается, что Соединенные Штаты длительное время в одиночку несли тяжкое бремя по обеспечению выживания капиталистической системы, что они сделали существенный вклад в восстановление экономического и международного потенциалов Западной Европы и Японии. Теперь же наступила очередь этих центров внести свою лепту в укрепление мировых позиций капитализма. Вашингтон требует, чтобы союзники увеличили вклад прежде всего в сфере военных приготовлений Запада против СССР и других стран социализма, более активно участвовали в жандармских операциях США в зоне развивающихся стран. Но, заявляя о «перераспределении бремени и ответственности», Вашингтон предполагает, что этот процесс будет проходить под руководством США, что он будет усиливать прежде всего их международные позиции и в первую очередь обеспечивать интересы американской правящей верхушки.

В конечном счете союзники США готовы в определенной мере пойти на «перераспределение бремени и ответственности», но они видят в этом средство усилить свое собственное влияние на формирование общей позиции Запада, гарантию, что в ней будут учтены в должной мере их специфические интересы; в то же время они все менее готовы нести дополнительное бремя для поддержания глобальных амбиций Вашингтона.

Правящие круги США падеются, что становление новых «силовых центров» даст им возможность уже не в теории, а на практике проводить политику «баланса сил», наращивая за счет сложного маневрирования в его рамках свои международные позиции, прежде всего в отношении СССР. Поэтому правящие круги США заинтересованы в поддержании определенного уровня враждебности между всеми этими центрами силы, с одной стороны, и Советским Союзом и его партнерами — с другой. Их беспокоит в связи с этим растущее сотрудничество между СССР и Западной Европой, СССР

и Японией, разъедающее эту враждебность, настораживает интерес союзников к продолжению политики разрядки.

В политике «баланса сил» Вашингтон также рассчитывает использовать возросшие экономические и политические потенциалы Западной Европы и Японии не только против Советского Союза, но и в определенной мере и для противопоставления их друг другу. Тем самым, подчеркивают американские стратеги, удастся ослабить их давление (экономическое прежде всего) на США и в то же время вынудить эти «центры силы» прибегать к арбитражу Вашингтона. Фактически США, страдающие от наплыва японских товаров на свой внутренний рынок, уже идут по этому пути, подталкивая Токио к переориентации своего экспорта на Западную Европу, которая также начинает испытывать на себе первые результаты динамики японской экономической экспансии (судостроение, автомобилестроение, электроника).

Борьба США против разрядки и проблемы межимпериалистических отношений

«Союзы создаются обыкновенно для отражения определенной угрозы — военной или дипломатической — и перестают существовать с ее исчезновением»¹⁴, — писали в свое время американские исследователи Э. Стиллман и У. Пфэфф. Поэтому, раздувая очередную кампанию о «советской военной угрозе», Вашингтон преследовал цель не только подготовить американскую общественность к последующему разгулу милитаризма, но и — совершенно очевидно — повлиять на союзников. Внедряя через средства массовой информации в общественное мнение Западной Европы и Японии версию о «неоправданном и угрожающем наращивании военной мощи» Советским Союзом, американское руководство хотело бы создать здесь такую обстановку, в которой всякое серьезное сопротивление его давлению, направленному на усиление гонки вооружений, на обеспечение поддержки своему внешнеполитическому курсу, было бы затруднительно.

Предпринятая Вашингтоном кампания по обострению советско-американских отношений преследовала, помимо всего прочего, цель «дисциплинировать» союзников, сплотить их вокруг себя, обеспечить их автоматическую солидарность с действиями США на международной арене, создать обстановку, в условиях которой продолжение сотрудничества с Советским Союзом на прежнем уровне и в прежнем объеме, тем более новые инициативы в этом направлении расценивались бы как «подрыв общих интересов Запада». В конечном счете Вашингтон стремится вновь поставить под свой контроль всю систему отношений индустриально развитых капиталистиче-

¹⁴ *Stillman E., Pfaff W. Power and Impotence. N. Y.: Random House, 1966, p. 53.*

ских государств с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Некоторые представители политических и научных кругов США пытаются утверждать, что цель советской политики в отношении развитых капиталистических стран якобы состоит в том, чтобы вбить клин между ними, прежде всего в отношении между США и Западной Европой. Отсюда, по их мнению, следует, что если между союзниками возникают разногласия и западноевропейские руководители пытаются отстаивать свои специфические интересы, то они будто бы «подыгрывают» Советскому Союзу. Однако совершенно очевидно, что специфика интересов американских и западноевропейских правящих кругов порождается не какими-то действиями СССР, а совокупностью факторов, влияющих на формирование этих интересов (исторический опыт, географическое положение, соотношение сил в стране по данному вопросу и т. д.). И в этом плане расхождение между интересами западноевропейских государств, живущих на одном континенте с СССР и другими государствами социалистического содружества, и интересами Соединенных Штатов вполне объективное явление.

Однако при всей весомости сохраняющихся в руках американского руководства рычагов давления на союзников оно уже не может в полном объеме навязывать им свои схемы решения тех или иных вопросов, не в состоянии заставить их делать то, что они считают неправильным. Результатом американской жесткости в подходе к союзникам, особенно к Западной Европе, все чаще является стремление партнеров увеличить свою маневроспособность по отношению к США, увеличить политический потенциал более независимой политики (восточная политика Бонна, политическая интеграция ЕЭС, расширение сотрудничества Японии со странами АСЕАН и т. д.).

В итоге те или иные разногласия, возникающие между центрами империалистического соперничества, Вашингтон вынужден все чаще разрешать на основе компромиссов. Более того, желая уверить западноевропейцев и японцев в искренности своих устремлений, Вашингтон в ряде случаев начинает говорить о «коллективном разуме». К компромиссу, следует отметить, стремятся и руководители основных западноевропейских стран и Японии, у которых есть ряд специфических причин избегать прямого противоборства с Соединенными Штатами.

И Западная Европа (несмотря на разработку нефтяных источников Северного моря), и Япония оказались более, чем Соединенные Штаты, уязвимы в условиях энергетического кризиса: к примеру, выход Западной Европы и Японии из экономического кризиса 1974—1975 гг., связанного с обострением энергетической ситуации, был более затяжным, чем у США. Единство стран ЕЭС систематически подрывается борьбой между государствами «большой тройки» (Великобритания, ФРГ, Франция) за лидерство в сообществе, противо-

речиями между ними и малыми странами, интересы которых постоянно ущемляются. Все это позволяет Вашингтону играть на западноевропейском «балансе сил» в своих интересах. Уязвимость Японии возросла в результате ее собственного экономического динамизма, который начинает вызывать опасения ее конкурентов, сплывающихся для оказания отпора Японии.

В основе тенденции к компромиссу между США и их союзниками лежат и более весомые факторы. Крупнейшие государства Запада переживают период очередного обострения общего кризиса капитализма. Первой его особенностью является то, что острые проблемы возникли как внутри самих государств, так и в системе их взаимоотношений. Более того, внутренние проблемы оказались привязанными к внешним, и наоборот. Инфляция, падающая эффективность экономики, рост безработицы, угроза энергетического голода и т. д. во внешнем плане связались с кризисом всей системы послевоенных международных политических, военных, экономических, торговых, валютно-финансовых, кредитных отношений капиталистического мира, созданных в свое время Вашингтоном. «Все эти обстоятельства образовали суть того, что теперь можно назвать тотальным кризисом — кризисом одновременно и экономическим, и политическим, и к тому же охватывающим всю международную систему»¹⁵, — писал по этому поводу У. Мондейл, занимавший пост вице-президента в администрации Картера.

Второй особенностью обострения настоящего кризиса является новизна проблем, вставших перед правящими группировками западных государств. Традиционные методы борьбы с внутренними экономическими трудностями оказались малорезультативными. Что касается сферы внешних сношений, то практически никто из политических руководителей капиталистического мира не представляет, на каких основах должна быть создана новая система взаимоотношений государств Запада в условиях изменившейся расстановки сил на международной арене, роста национального самосознания стран развивающегося мира, возникновения самостоятельных центров империалистического соперничества.

Эта новизна проблем, невозможность их решения традиционными средствами, резкий переход от отношений экономической стабильности к неуверенности и потере контроля над хозяйственной жизнью породили растерянность правящих кругов западноевропейских государств, Японии, США. Первой реакцией многих из руководителей было стремление отгородиться от партнеров, дабы не занести инфекцию со стороны, попытаться излечить появившиеся недуги своими средствами либо за счет своих союзников.

Однако «национальные лекарства» оказывались малодейственными. В условиях все увеличивающейся взаимозависимости хозяйст-

¹⁵ *Mondale W.* Beyond Detente: Toward International Economy Security.— *Foreign Affairs*, 1974, Oct., p. 6.

венной жизни крупнейших капиталистических государств трудно рассчитывать на успех лечения болезни в местных масштабах (в самом деле, можно ли, например, излечить английскую автомобильную промышленность национальными усилиями, если треть ее не находится под национальным контролем?). В результате западноевропейские лидеры и руководители Японии в не меньшей степени, чем Вашингтон, оказываются обеспокоенными состоянием американской экономики и финансов. В свою очередь, американскую монополистическую буржуазию беспокоит состояние экономики Западной Европы и Японии, где действуют американские ТНК.

Осознание невозможности решить экономические трудности в масштабе одной страны, растущей взаимозависимости в рамках системы, стремление не ухудшать положение взаимными распрями и не растрчивать на них свою энергию были для правящих кругов как западноевропейских государств, так и США одним из главных стимулов к компромиссу, наметившемуся в трансатлантических отношениях. То же самое можно сказать и об американо-японских отношениях.

Помимо этой прагматической стороны, продолжает действовать и общность классовых интересов. Новизна и непознанность многих проблем, с которыми приходится сталкиваться государствам Запада, порождает страх их правящих кругов за социальную устойчивость всей капиталистической системы перед лицом возникших трудностей. Эти опасения за судьбы системы стимулируют попытки правящих кругов капиталистических стран, расположенных по обе стороны океана, искать решения своих разногласий на путях компромиссов.

Следует отметить, что определенную, более компромиссную интерпретацию претерпели концепции «атлантизма» и «европеизма», сторонники которых стремятся примирить два альтернативных подхода. «Атлантизм» при этом рассматривается как акцент прежде всего на солидарности США и Западной Европы, при этом не исключается ее самостоятельность. «Европеизм», напротив, подразумевает акцент на самостоятельность интеграционного содружества, не исключаяющий вместе с тем и солидарность с США.

Хотя компромисс в общепринятом смысле — это обоюдное движение к достижению общего решения, требующее взаимных уступок, в данном случае — это шаг вперед для американских союзников и шаг назад для Вашингтона. Может быть, поэтому правящие круги США, испытывающие большие психологические трудности, когда им приходится соглашаться на компромиссы, в большей мере склонны нарушать согласованные позиции, чем их западноевропейские или японские партнеры.

Важно учитывать и другое. Тенденция к компромиссу отражает понимание виднейшими представителями правящего класса индустриально развитых капиталистических государств необходимость сплотиться для защиты самих устоев своего классового господства.

Но она постоянно разбивается о стихийность функционирования системы частного предпринимательства, неизбежно порождающей столкновение специфических интересов различных национальных и региональных групп международного капитала.

В целом же нынешнюю сложную и противоречивую ситуацию можно квалифицировать как переходную. На данной стадии партнерства—соперничества США уже не обладают, а Западная Европа (к Японии это относится в еще большей степени) еще не обладает достаточной мощью, чтобы добиться решения той или иной спорной проблемы на своих условиях. Вместе с тем каждый из трех центров уже достаточно силен, чтобы отбить попытки разрешить возникающие между ними противоречия только за его счет.

В целом же новая ситуация, возникшая в системе отношений США с индустриально развитыми капиталистическими государствами, специфика их интересов, силовые характеристики сталкивающихся национальных государственно-монополистических капитализмов порождают диалектическое взаимодействие различных существующих одновременно тенденций: с одной стороны, к противоборству центров империалистического соперничества, ко все большему расхождению их конкретных интересов на международной арене; с другой — к взаимозависимости, к усиливающемуся субъективному стремлению их правящих кругов устранять возникающие противоречия, к попыткам объединить свои усилия для решения проблем, встающих перед ними как во внутреннем, так и во внешнем плане.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЛИТИКА США В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

В 70-е годы в основном завершился переход национально-освободительных революций на новый этап — этап борьбы за ускоренное экономическое развитие, за достижение экономической независимости от империализма. «В указанный период начался такой поворот во взаимоотношениях этих стран с империалистическим миром, который по своему историческому значению может быть сравним с распадом колониальных империй»¹. Антиколониальная борьба народов развивающихся стран переросла в антинеоколониальную революцию, острее которой направлено против главного гаранта и охранителя современной системы неоколониальной эксплуатации — американского империализма. Одновременно усилились процессы экономической и социальной дифференциации этих стран.

¹ Брутенц К. Освободившиеся страны в 70-е годы. М.: Политиздат, 1979, с. 6.

Относительно более высокие темпы экономического роста некоторых стран (Бразилия, Мексика, часть государств Юго-Восточной Азии и др.) выдвинули их на уровень среднеразвитого капитализма. Страны — экспортеры важнейших видов сырья, прежде всего члены ОПЕК, благодаря повышению цен на их экспорт обеспечили себе сравнительно влиятельные позиции в международных финансах и одновременно получили возможность ускоренного развития. Пакистан, Аргентина, Бразилия, Иран, Израиль, АРЕ, Южная Корея вошли в число так называемых окологядерных, или «пороговых», стран, т. е. обладающих материальными возможностями для производства ядерного оружия.

В то же время целый ряд в основном африканских стран сохраняют застойный характер экономики, крайне низкий жизненный уровень, часто ухудшаемый к тому же вооруженными внутренними и межгосударственными конфликтами. В соответствии с классификацией ООН это страны, в которых доля валового внутреннего продукта на душу населения составляет 100 ам. долл. или меньше в ценах 1970 г. К концу 70-х годов насчитывалось 29 таких стран, а их население составляло около 260 млн. чел., или 13% населения всех развивающихся стран².

Несмотря, однако, на усиление неравномерности развития в группе освободившихся государств, они сохраняют многие общие черты социально-экономического характера. Среди главных из них остается неравноправное подчиненное положение этих стран в системе международного капиталистического разделения труда. Именно этим объясняется то, что, преодолев внутренние противоречия, они выступили в 70-е годы единым фронтом за перестройку экономических отношений в системе капитализма на основе программы «нового международного экономического порядка» (НМЭП).

Развивающиеся страны в глобальной стратегии США

Место развивающихся стран в глобальной внешнеполитической стратегии Вашингтона определяется комплексом экономических, политических и военно-стратегических интересов США.

В основе этих интересов лежат интересы экономические. По данным ООН, в 1977 г. из развивающихся стран поступило почти 44% всего американского импорта. Наиболее существенна (74%) доля молодых государств в импорте США первичных — сырьевых и продовольственных — продуктов, особенно минерального топлива (86%)³. В 1977 г. США ввезли из развивающихся стран почти

² Das Überleben sichern. Gemeinsame Interessen der Industrie- und Entwicklungsländer. Bericht der Nord-Süd Kommission. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1980, S. 101.

³ Подсчитано по: Statistical Yearbook 1978. N. Y.: U. N., 1979. p. 458—480.

43% потребленной ими нефти⁴. Велика зависимость США от импорта некоторых других сырьевых товаров из развивающихся стран. Так, последние поставляют более 80% всего потребляемого США олова, более половины алюминия, марганца, более $\frac{1}{3}$ кобальта и вольфрама, почти четверть ртути и хрома⁵.

Быстро растут американские прямые частные инвестиции в развивающихся странах (к началу 80-х годов они достигли 40 млрд. долл.), причем существенно меняется их структура. Транснациональные монополии США, позиции которых в добывающей и прежде всего нефтедобывающей промышленности этих стран оказались существенно ослабленными вследствие национализации, все больше переносят туда часть производства, особенно трудоемкого и «грязного».

Темпы роста американских инвестиций в обрабатывающей промышленности развивающихся стран за период 1966—1976 гг. превысили темпы роста не только инвестиций в другие отрасли экономики этих стран, но и капиталовложений в обрабатывающую промышленность развитых капиталистических государств, а также заграничных инвестиций США в целом⁶. Этим отчасти объясняется и быстрый рост вывоза промышленных товаров, прежде всего машин и транспортного оборудования, из развивающихся стран в развитые, особенно в США. Доля этих стран в американском импорте указанных категорий товаров увеличилась за 1970—1977 гг. соответственно с 13,2 до 19,2% и с 4,5 до 9,5%⁷.

Укрепление и диверсификация экономических связей США с развивающимися странами находят свое выражение в тенденциях движения капитала, государственных ресурсов, финансов в целом. Растет не только приток частного капитала в форме инвестиций и займов, но и государственная и неправительственная помощь США, других развитых капиталистических стран, а также международных банков и организаций. За период 1973—1980 гг. внешний государственный и гарантированный государством долг развивающихся стран вырос почти в 4 раза и достиг 280 млрд. долл.⁸ С учетом частной негарантированной задолженности ее общий объем к началу 1981 г. приблизился, по оценке МВФ, к 600 млрд. долл.

Таким образом, экономические интересы США в развивающихся странах—это уже не только заинтересованность в поставках сырья, хотя в 70-е годы в связи со скачкообразным ростом цен и

⁴ Подсчитано по: World Energy Supplies 1973—1978. N. F.: U. N., 1979, p. 126—145.

⁵ International Economic Report of the President, transmitted to the Congress, Jan.: 1977. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 12.

⁶ См.: The United States and World Development. Agenda 1979. N. Y.: Praeger Publishers, 1979, p. 263.

⁷ Подсчитано по: Statistical Yearbook, 1978, N. Y.: U. N., 1979, p. 452—480; Statistical Yearbook, 1975. N. Y.: U. N., 1976, p. 438—466.

⁸ World Economic Outlook. A Survey by the Staff of the IMF. Wash., 1980, May, p. 102—103.

нефтяным эмбарго этому аспекту США уделяли главное внимание. Речь идет о широком интеграционном процессе, основанном на взаимной экономической зависимости, главным двигателем которого выступают транснациональные монополии. В этих условиях интересы сохранения развивающихся стран как важной составной и эксплуатируемой части мировой капиталистической экономики определяют и заинтересованность США в их развитии, естественно, по капиталистическому пути.

Военно-стратегические интересы США в развивающихся странах состоят в использовании их территории, территориальных вод и воздушного пространства над ними, а также собственного военного потенциала этих стран для выполнения целого ряда военно-политических задач. Главным способом использования территорий дружественных США стран является строительство военно-морских и военно-воздушных баз, станций спутниковой связи, радиотехнической разведки и т. п., размещение в них американского военного персонала. В последнее время большое внимание США уделяют строительству «складов тяжелого оружия» для сил быстрого развертывания в районах Ближнего Востока и Карибского бассейна.

На базах в развивающихся странах ныне размещено 71 тыс. американских военнослужащих и почти 30 тыс. — на кораблях военных флотов США, курсирующих в водах Мирового океана⁹. Военное присутствие США в развивающихся странах, во-первых, является составной частью системы глобального военного окружения СССР и других социалистических стран и, во-вторых, призвано обеспечить проведение полицейских акций против национально-освободительного движения.

Широкие социально-экономические и военно-стратегические интересы США в развивающихся странах определяют, во-первых, главную цель Вашингтона — удержание этих стран в системе капитализма — и, во-вторых, подчиненность этой политики в долгосрочном плане интересам исторического противоборства с социализмом. Наряду с этими классовыми интересами США, как империалистическая держава, имеют и особые, своекорыстные политические интересы в развивающемся мире. В их основе лежит конкурентная борьба американских монополий с монополиями западноевропейских стран и Японии за доступ к источникам сырья и рынкам сбыта, в том числе и таким, как рынки оружия и оборудования для ядерной энергетики. Следует отметить, что в течение более чем двух послевоенных десятилетий в вопросах конкурентной борьбы на рынках развивающихся стран Вашингтон почти целиком полагался на финансовую и научно-техническую мощь своих монополий, а разногласия с союзниками по поводу тех или иных событий и действий США в этих странах в условиях «холодной войны» не представляли для него серьезной политической проблемы. С конца 60-х годов картина стала существенно меняться. Вашингтон ныне все чаще вынуж-

⁹ Defense 80. July. Arlington (Va): Department of Defense. 1980, p. 18—19.

жден прибегать к политическому вмешательству для защиты интересов американского бизнеса от действий западноевропейских и японских конкурентов, не только учитывать политические интересы своих союзников в развивающихся странах, но и в отдельных случаях (как это было, например, в переговорах по НМЭП в период 1975—1979 гг.) модифицировать свою политику, уступая их давлению.

Главные задачи политики США в развивающихся странах

Основным долгосрочным методом сохранения развивающихся стран в политической системе капитализма правящий класс США считает развитие в них капиталистического базиса, преодоление многоукладности хозяйства, снятие или по крайней мере ослабление противоречий, вызванных столкновением консервативных интересов буржуазно-помещичьих кругов и объективных потребностей развития этих стран, выражаемых широким фронтом сил — от пролетариата и крестьянства до значительной части буржуазии и интеллигенции. Этот процесс постепенного развития и укрепления капиталистических отношений должен стать эволюционной альтернативой революционным преобразованиям, помешать приходу к власти левых сил и выходу страны из политической, а в перспективе и экономической системы капитализма.

Однако слишком часто США, стремясь обеспечить постоянную политическую лояльность той или иной страны, фактически проводят политику поддержания любыми средствами — вплоть до военного вмешательства — стабильности реакционных режимов.

На практике оба эти метода — реформирование, с одной стороны, и поддержка реакционных режимов — с другой, — могут применяться одной и той же вашингтонской администрацией к разным странам в зависимости от внутривнутриполитической ситуации и места страны в стратегических планах США. Вместе с тем послевоенная история американской политики в развивающихся странах показывает большую приверженность к реформизму со стороны демократов, в то время как республиканцы, как правило, превыше всего ставят сиюминутную политическую лояльность того или иного режима и склонны поддерживать таких «друзей» крайними средствами. Разумеется, эти партийные различия проявляются лишь как тенденция. Они, накладываясь на объективные процессы изменения соотношения мировых сил, могут быть более или менее заметными.

Формирование политики США в отношении развивающихся стран

Основные долгосрочные черты современной политики США в развивающихся странах, главная из которых — ее подчиненность и функциональная зависимость от задач глобального противоборства

с миром социализма, сложились на рубеже и в первой половине 50-х годов. До этого в подходе США к тогда еще немногочисленным освобожденным странам и к антиколониальному движению в целом преобладали интересы межимпериалистического соперничества.

Окончание второй мировой войны позволило колониальным державам сконцентрировать усилия на военном подавлении национально-освободительной борьбы в своих колониях. Политика США в тот период формировалась под воздействием двух зачастую конфликтующих факторов. С одной стороны, они не могли не поддерживать своих союзников — западноевропейские колониальные державы, с другой — старались варьировать и дозировать свою поддержку их колониальных войн и свое вмешательство в эти конфликты с целью создания и укрепления формально независимых, но проамерикански ориентированных государств. Этим определялась известная непоследовательность политического курса Вашингтона, отражавшая отсутствие общей концепции отношений с молодыми государствами.

Двойственное отношение США к борьбе за независимость в тот период проявилось в политике помощи. Осуществляя с 1947 г. крупные инъекции капитала в западноевропейские страны по «плану Маршалла», США оговорили, что метрополия может выделить часть этих средств своим колониям. В то же время было очевидно, что подобная помощь облегчает ведение колониальных войн, борьбу с национально-освободительным движением.

Особое место этого периода в послевоенной политике США в развивающемся мире объясняется рядом причин. Во-первых, США концентрировали свое основное внимание на Европе, где видели главную опасность в возможном приходе к власти широких народных фронтов с сильным влиянием коммунистов и левых социал-демократов. Во-вторых, для США еще не была, по-видимому, ясна и не воспринималась как опасная для всей системы империализма антикапиталистическая направленность национально-освободительного движения. В-третьих, мировая система социализма находилась в процессе становления, а сами США переживали эйфорию временной монополии на ядерное оружие.

На рубеже 50-х годов ситуация стала существенно меняться. Именно в это время в США зарождается взгляд на национально-освободительное движение как на средство мировой «экспансии коммунизма» путем «экспорта революции». Результатом такой оценки — ответом США на «вызов» мирового коммунизма — стало распространение политики «сдерживания коммунизма» на весь мир, включая и развивающиеся страны. Они начинают рассматриваться — как социально, так и геополитически — как арена борьбы с мировым социализмом, а межимпериалистические противоречия, хотя и остаются существенным фактором, определяющим политику США в этих районах, все больше подчиняются интересам этой борьбы.

В своей инаугурационной речи в 1949 г. президент Г. Трумэн

назвал четвертой по порядку внешнеполитической задачей США необходимость начать «новую смелую программу» по научно-технической помощи и привлечению капиталовложений для «оздоровления и роста в слаборазвитых районах»¹⁰. Хотя в соответствии с этим подходом, получившим название «политики четвертого пункта программы Трумэна», главным средством борьбы за развивающиеся страны объявлялась экономическая и финансовая помощь, логика «сдерживания» приводила к усилению и военной вовлеченности США в борьбу с национально-освободительным движением.

В том же 1949 г. конгрессом США был принят закон «О военной помощи для обороны», а в 1951 г. — закон «О взаимной безопасности», который не только обеспечивал в дальнейшем более тесную координацию программ экономической и военной помощи путем создания нового Управления взаимной безопасности, но и, что особенно важно, закрепил приоритет последней и в целом военно-силовых методов как главного рычага американской политики в развивающихся странах.

Это смещение акцентов в методах обеспечения политических интересов США в освободившихся государствах привело в дальнейшем к значительному увеличению удельного веса военной и «поддерживающей» помощи в общем объеме американской иностранной помощи. А пока же за период 1949—1952 гг. он составил всего 27%, в то время как 73% из сравнительно небольшого объема в 3 млрд. долл. приходилось на помощь экономическую. Главными получателями были страны Восточной и Юго-Восточной Азии, прежде всего, Южная Корея, а также Филиппины и Таиланд. Удельный вес региона в общем объеме военной помощи составил 88%, а четырех указанных стран — почти 50%, в экономической — соответственно 65 и 57%. Более 17% экономической помощи было предоставлено государствам Ближнего Востока и Южной Азии, главным образом Индии (9%) и Израилю (4%). Незначительную помощь получили страны Латинской Америки — немногим более 100 млн. долл. (крупнейший получатель — Мексика) и еще меньше африканские страны — менее 50 млн. долл. (главным образом независимые Ливия, Либерия и Эфиопия)¹¹.

С приходом в Белый дом республиканской администрации Д. Эйзенхауэра главной целью американской политики в развивающихся странах окончательно становится не «создание прочного экономического базиса для демократических устремлений их граждан» (как говорилось в четвертом пункте программы Г. Трумэна¹²), а обе-

¹⁰ Documents of American History / Ed. H. S. Commager. N. Y.: Meredith Publishing Company, 1963, p. 554.

¹¹ Здесь и далее, если не оговорено особо, помощь рассчитана по: U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations... July 1, 1945 — June 30, 1973, AID, Wash., 1974. Если не оговорено особо, «помощь на поддержание безопасности» или «поддерживающая» включается в военную помощь.

¹² Documents of American History, p. 558.

спечение безоговорочной политической лояльности этих стран и активного участия в глобальном «сдерживании коммунистической агрессии».

Правящим кругам США требовались «твердые» режимы, способные «навести порядок» в своих странах и обеспечить прочный тыл Соединенным Штатам. В 1953 г. ЦРУ организывает свержение в Иране правительства Мосаддыка и восстанавливает на троне шаха Резу Пехлеви. Годом позже Вашингтон инспирирует свержение прогрессивного правительства Арбенса в Гватемале. Вмешательство на стороне правых сил во внутренние дела Филиппин, Лаоса, Таиланда, срыв Женевских соглашений 1954 г. по Вьетнаму и огромная военная помощь режиму Нго Динь Дьема — все это веки на пути эскалации курса США на военно-силовое вмешательство в борьбе с национально-освободительным движением в 50-е годы.

Своеобразным символом этого периода в американской политике стали военные блоки с участием развивающихся стран, созданные по периметру социалистических государств — СЕАТО в 1954 г. (США, Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины, Пакистан) и СЕНТО в 1955 г. (Англия, Турция, Иран, Ирак, Пакистан). Вместе с заключенным еще в 1947 г. «пактом Рио-де-Жанейро» эти договоры фактически обеспечили юридическую основу для борьбы с левыми силами в развивающихся странах. Одобренная конгрессом 9 марта 1957 г. так называемая «доктрина Эйзенхауэра» представляла собой вариант договора о помощи в «обеспечении безопасности» для стран Ближнего Востока. США объявляли о готовности «использовать вооруженные силы для поддержки любого государства или группы государств, обратившихся за помощью в отражении вооруженной агрессии со стороны любой страны, контролируемой международным коммунизмом»¹³.

В период пребывания у власти республиканской администрации резко возрастает военная помощь. Ее объем за период 1953—1961 гг. составил 13,6 млрд. долл., а удельный вес в общем объеме помощи развивающимся странам — 55%. Основными получателями становятся развивающиеся государства — члены блоков, страны, заключившие с США двусторонние договоры о взаимной безопасности.

Между тем взгляд на национально-освободительное движение, борьбу народов против деспотизма и отсталости как на происки «международного коммунизма» со штаб-квартирой в Москве все больше заводил политику Вашингтона в тупик. Объективно перед ним вставали проблемы осмысления своеобразия путей развития освободившихся государств, трезвой оценки соотношения прозападных и антикапиталистических, народнических тенденций в национально-освободительном движении. Требовалось выработать отношение к такому долгосрочному и все более влиятельному фактору, как политика неприсоединения, позитивного нейтралитета.

¹³ Ibid., p. 647.

Борьба за развивающийся мир в политике США в 60-х годах

К концу 50-х годов эволюция соотношения сил между двумя социальными системами и внутри империалистического лагеря достигла новой качественной ступени. Быстрый рост экономики Советского Союза, его активная помощь развивающимся странам способствовали все большей популяризации среди освободившихся государств социалистических методов хозяйствования — централизованного долгосрочного планирования, развития государственного сектора и особенно тяжелой промышленности и т. д. Набирал темпы процесс деколонизации Африки. В молодых государствах обострилась проблема выбора путей и методов экономического развития. Вместе с тем иракская революция 1958 г. показала Вашингтону малую эффективность военно-силовых методов укрепления проимпериалистических режимов для стабилизации внутривнутриполитической ситуации в развивающихся странах. Образование в 1957 г. европейского «Общего рынка» и его курс на создание системы ассоциированных с ним развивающихся стран усложняли задачу укрепления американских экономических позиций в этих странах под флагом «свободной торговли».

Приспособление средств и методов американской политики в развивающихся странах к новым тенденциям в международных отношениях происходило по нескольким направлениям. Во-первых, в отношениях со своими западными союзниками США получили возможность взять на вооружение тезис о «разделении бремени и ответственности» за эти страны. Одновременно — как ответный шаг в конкурентной борьбе — США усиливают свое внимание к странам Латинской Америки, традиционно рассматриваемым как зона их особых интересов. Вместе с тем задачи глобального противоборства с социализмом требовали преодоления намечавшегося сепаратизма в отношениях отдельных империалистических стран с развивающимися. Поэтому одновременно США взяли курс на стимулирование экономической интеграции с развитыми капиталистическими странами, прежде всего ЕЭС и Японией и затем, а по возможности и параллельно — блока этих стран с развивающимися. Важным достижением на этом пути администрация Эйзенхауэра считала создание в 1960 г. Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), куда вошли 24 развитых государства Запада, и в ее рамках — Комитета помощи развитию для координации политики этих стран в вопросах экономических отношений с развивающимися. Во-вторых, в отношениях с развивающимися странами большее значение США стали придавать их экономико-социальному развитию, в частности, перестали препятствовать экономическому регионализму в Латинской Америке, рассчитывая использовать интеграционные процессы для усиления своих позиций на континенте.

Революция на Кубе в январе 1959 г. резко ускорила формирование этих направлений в американской политике. Для иллюстрации воспользуемся хроникой того периода, которую приводит американский историк Б. Роуланд: январь 1959 г. — приход к власти правительства Фиделя Кастро; апрель — США поддерживают создание латиноамериканского общего рынка, одобряют идею Межамериканского банка развития; февраль 1960 г. — под эгидой Международного банка реконструкции и развития (МБРР) создается Международная ассоциация развития (МАР) для предоставления льготных займов развивающимся странам; март — президент Д. Эйзенхауэр одобряет чрезвычайный план свержения правительства Кастро; июль — президент выступает в поддержку социальных реформ в странах Латинской Америки; сентябрь 1960 г. — США объявляют о выделении 500 млн. долл. на проведение таких реформ¹⁴.

Проявившись, таким образом, еще при республиканцах, курс на усиленное стимулирование экономического развития освободившихся стран (путем увеличения помощи и социального реформирования), при необходимости в сочетании с военно-силовым вмешательством для подавления левых сил, был воспринят и развит администрацией Дж. Кеннеди.

Теоретической основой политики Дж. Кеннеди становится концепция «третьего пути», который ее авторы — группа сотрудников Массачусетского технологического института — характеризуют как «постепенную модификацию институтов, практики и структуры традиционного общества в направлении модернизации с сохранением в то же время некоторых традиционных связующих элементов». Этот путь противопоставлялся как стремлению правящих феодально-буржуазных кругов развивающихся стран сохранить свое господство, противодействуя прогрессивным социально-экономическим преобразованиям, так и революционным методам их осуществления. Главной целью американской политики должно было стать «содействие достаточно успешной эволюции по пути модернизации, с тем чтобы основные (социальные. — *Авт.*) группы не вступили на путь борьбы как за полное недопущение изменений, так и за их осуществление жесткими, экстремистскими методами»¹⁵.

Символом нового подхода США к развивающимся странам стал «Союз ради прогресса» — программа социально-экономического развития государств Латинской Америки, принятая в 1961 г., по которой США обязались выделять региону по 1 млрд. долл. ежегодно в течение 10 лет¹⁶.

¹⁴ Rowland B. Economic Policy and Development: the Case of Latin America. — In: Retreat from Empire? Book 2. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1973, p. 249.

¹⁵ The Emerging Nations / Ed. by M. Millikan, D. Blackmer. Boston; Toronto: Little, Brown and Co. 1961, p. 98.

¹⁶ Всего же за это десятилетие из всех источников внешнего финансирования, включая частные капиталовложения, Латинская Америка, по замыслу демократической администрации, могла получить около 20 млрд. долл. См.:

Т а б л и ц а 8. Американская помощь иностранным государствам за период 1946—1979 (млрд. долл.)

Помощь	Регионы и крупнейшие получатели													
	Всего	Ближний Восток и Южная Азия						Латинская Америка						
		Израиль	Индия	Египет	Пакистан	Иордания	Всего	Бразилия	Колумбия	Чили	Всего	Бразилия	Колумбия	Чили
Всего	235,7	16,7	10,0	6,7	5,6	2,3	14,1	3,1	1,6	1,4	48,3	3,1	1,6	1,4
Займы	61,4	9,0	7,2	5,3	3,1	0,7	8,0	2,0	1,1	0,9	28,0	2,0	1,1	0,9
Безвозмездно	174,4	7,7	2,8	1,5	2,5	1,6	6,2	1,1	0,5	0,4	20,3	1,1	0,5	0,4
Экономическая	134,2	4,8	9,9	5,2	4,9	1,3	11,9	2,4	1,3	1,2	31,3	2,4	1,3	1,2
Займы	45,5	1,8	7,2	3,8	3,1	0,3	7,0	1,7	1,0	0,9	18,1	1,7	1,0	0,9
Безвозмездно	88,7	3,0	2,7	1,5	1,8	1,1	4,9	0,7	0,4	0,3	13,2	0,7	0,4	0,3
УМР ¹⁾	73,7	4,1	3,9	3,6	2,8	1,2	7,5	1,4	0,9	0,7	13,3	1,4	0,9	0,7
Поддерживающая ²⁾	25,4	3,6	—	3,4	0,6	0,8	0,7	0,1	0,0	—	9,2	0,1	0,0	—
Закон 480 ³⁾	28,9	0,7	5,6	1,6	2,1	0,2	2,8	0,9	0,3	0,4	12,3	0,9	0,3	0,4
«Корпус мира» ⁴⁾	1,6	—	0,0	—	0,0	—	0,4	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0
Военная	101,6	11,9	0,1	1,5	0,7	0,9	2,3	0,6	0,2	0,2	17,0	0,6	0,2	0,2
Займы	15,9	7,2	0,0	1,5	0,0	0,4	1,0	0,3	0,1	0,1	9,9	0,3	0,1	0,1
Безвозмездно	85,7	4,8	0,1	0,0	0,7	0,5	1,3	0,4	0,1	0,2	7,1	0,4	0,1	0,2

Регионы и крупнейшие получатели

Помощь	Юго-Восточная Азия и Дальний Восток										Африка				Европа		
	Всего	Ю. Вьетнам	Ю. Корея	Тайвань	Япония	Лаос	Всего	Марокко	Тунис	Заир	Всего	Англия	Франция	Турция			
		36,8	14,6	6,6	4,0	3,6									8,5	1,3	1,0
Всего	79,3	36,8	14,6	6,6	4,0	3,6	8,5	1,3	1,0	0,7	57,7	8,8	8,5	7,9			
Займы	8,5	0,6	2,5	0,9	1,0	-	3,1	0,7	0,5	0,4	13,3	4,2	0,7	2,3			
Безвозмездно	70,7	36,2	12,1	5,6	3,0	3,6	5,4	0,5	0,5	0,4	44,4	4,6	7,8	5,6			
Экономическая	26,7	6,9	5,9	2,2	2,7	0,9	7,5	1,0	0,9	0,6	33,1	7,7	3,9	2,8			
Займы	6,4	0,6	1,4	0,4	0,9	-	2,5	0,5	0,4	0,3	11,2	4,2	0,6	1,5			
Безвозмездно	20,3	6,4	4,6	1,8	1,8	0,9	5,0	0,5	0,5	0,3	24,9	3,5	3,3	1,3			
УМР ¹⁾	15,1	5,5	3,0	1,4	0,0	0,9	4,2	0,4	0,4	0,4	19,1	3,8	3,2	2,2			
Поддерживающая ²⁾	11,4	5,4	2,3	0,7	-	0,8	0,7	0,1	0,0	0,3	3,0	0,2	0,1	0,9			
Закон 480 ³⁾	6,2	1,5	2,0	0,3	0,2	0,0	2,8	0,6	0,5	0,2	3,6	0,0	0,0	0,6			
«Корпус мира» ⁴⁾	0,2	-	0,0	-	-	-	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	-	-	0,0			
Военная	52,6	29,8	8,7	4,4	1,2	2,7	1,0	0,3	0,2	0,1	24,6	1,1	4,5	5,2			
Займы	2,2	-	1,1	0,5	0,0	-	0,6	0,2	0,1	0,1	2,1	-	0,1	0,8			
Безвозмездно	50,4	29,8	7,6	3,8	1,2	2,7	0,4	0,1	0,1	0,0	22,5	1,1	4,5	4,4			

Примечания: 1) Управление Международного Развития осуществляет финансирование проектов экономического развития и поставки товаров по линии «поддерживающей» помощи. 2) «Помощь для поддержания безопасности» осуществляется в виде поставок товаров невоенного назначения в целях компенсации военных расходов страны-получателя. 3) «Закон-480 —

О развитии торговли сельскохозяйственными товарами и помощи» от 1954 г. предусматривает поставки зерна и продовольствия в кредит и безвозмездно. 4) Организует и финансирует деятельность американских добровольцев преимущественно в сферах образования и здравоохранения развивающихся стран.

Источники: U. S. Overseas Loans and Grants, and Assistance from International Organizations, July 1, 1945 — Sept. 30, 1979, AID, Wash., 1980.

Серьезной реорганизации подвергались программы помощи в целом. Значительно возрастал ее объем, увеличивался удельный вес экономической помощи, расширялся круг стран-получателей. Явно прослеживалось стремление ослабить влияние политических, конъюнктурных факторов на предоставление экономической помощи, направлять ее на скоординированные программы национального и регионального развития. При этом усиливалось требование «самопомощи», т. е. максимальной мобилизации страной-получателем внутренних ресурсов (в том числе при необходимости и путем социально-экономических реформ), их увязки и координации с получаемыми извне в единой программе развития. Вместо нескольких ведомств, предоставлявших помощь, создавалось одно — Управление международного развития (УМР). В том же 1961 г. был создан «Корпус мира», осуществляющий посылку американских добровольцев в развивающиеся страны (главным образом Латинской Америки и Африки) для работы в больницах и школах, помощи населению в других областях.

За период с 1962 по 1965 г., т. е. до решения США о вступлении в войну во Вьетнаме, объем экономической помощи составил 13,5 млрд. долл. Около 30% получили государства Латинской Америки: США выполняли свои обязательства о выделении 1 млрд. долл. ежегодно. Крупные суммы в виде поставок продовольствия, кредитов, займов получили Индия, Пакистан, государства Ближнего Востока, в том числе Египет.

Военная помощь в этот период (6,5 млрд. долл.) концентрировалась прежде всего в Восточной и Юго-Восточной Азии (61%), где на долю Южной Кореи, Южного Вьетнама и Тайваня пришлось 47% всего ее объема. Роль военного интервенционизма в политике США в развивающихся странах в этот период не только не уменьшается, но, напротив, возрастает, непосредственным образом связывается с политикой США в отношении СССР и других социалистических стран. Если в борьбе за будущее развивающихся стран в долгосрочном плане упор делался на экономико-идеологические рычаги, то конфликты в развивающихся странах рассматривались как косвенное столкновение с социалистической системой, как возможность изменить баланс сил двух систем в свою пользу, избегая в то же время прямого столкновения, опасность которого показал карибский кризис 1962 г.

Такой подход не только ослаблял действие сдерживающих факторов при принятии решений об интервенции, но, напротив, толкал к поиску, формированию конфликтных ситуаций и активному вмешательству в них. Для осуществления этого курса, ставшего основным содержанием «гибкого реагирования», были созданы как специальные подразделения в госдепартаменте (Центр специальных

операций) и военные ведомства (Центры специальных форм войны при штабах сухопутных сил и тактической авиации), так и специальные «контрповстанческие» войска.

Попытки проведения политики «третьего пути» в государствах Латинской Америки вскоре показали Соединенным Штатам, что предусмотренные этим курсом социально-экономические реформы неизбежно усиливают политическую активность широких масс, влияние левых сил, подрывают пресловутую проамериканскую стабильность этих стран. В интересах ее поддержания США вначале потворствовали волне правых военных переворотов на континенте (в 1963 г.— в Перу, Гватемале, Эквадоре, Гондурасе, Доминиканской Республике, в 1964 г.— в Бразилии), а затем перешли к открытому военному вмешательству в дела развивающихся стран. В 1965 г. состоялась их интервенция в Доминиканскую Республику, где Вашингтон высадил 42 тыс. солдат. Тогда же было принято решение об эскалации агрессии во Вьетнаме.

С 1966 г. резко растет военная помощь проамериканским режимам, суммарный объем которой превысил к 1973 г. 30 млрд. долл. Причем львиную ее долю получили государства Юго-Восточной Азии и Южная Корея (около 25 млрд. долл., в том числе Южный Вьетнам — свыше 16 млрд. долл.) Этим же странам направлялось и подавляющее количество экономической помощи. В этот период существенно возрастает помощь Израилю. Ее среднегодовой объем увеличивается почти в 3,5 раза. В то же время с 1967 г. США прекращают помощь Египту и ограничивают помощь Сирии поставками продовольствия на 100—300 тыс. долл. в год.

Курс на «ограничение вовлеченности» США в развивающихся странах

«Грязная война» во Вьетнаме при отсутствии и все более очевидной невозможности военной победы, перенапряжение экономики вызвали резкий рост антивоенного движения в США, критику интервенционистского курса Вашингтона.

Пришедшая в Белый дом в 1969 г. администрация Р. Никсона была вынуждена объявить о постепенном выводе американских войск из Вьетнама. Параллельно был взят курс на усиление, реорганизацию, перевооружение сайгонской армии и укрепление режима, с тем чтобы он смог взять на себя в полной мере ведение войны. Этот курс, получивший название «вьетнамизации», был первым и основным проявлением требования опоры на собственные силы в борьбе с национально-освободительным движением. Это требование и явилось главным содержанием «доктрины Никсона» в отношении развивающихся стран. Разъясняя это положение, президент указывал, что при всех других видах агрессий, кроме агрессии ядерной державы, США «будут предоставлять военную и экономическую помощь

в соответствии с просьбой и целесообразностью... Но мы,— добавлял он,— будем ожидать главной ответственности по предоставлению живой силы для обороны со стороны государства, непосредственно подвергнувшегося угрозе»¹⁷.

США пошли на сокращение своих войск в Таиланде, на Филиппинах и в некоторых других странах, значительно увеличив компенсирующую помощь правительствам этих стран. Вместе с тем этот курс не означал принципиального отказа Вашингтона от военного вмешательства или военной поддержки американских союзников. По сути, это было попыткой максимально мобилизовать их ресурсы, прежде всего людские, а свое вмешательство осуществлять более гибкими и менее уязвимыми средствами — активными поставками военной техники и транспорта, использованием военно-морского флота и авиации.

Главными рычагами экономического развития освободившихся стран выдвигались теперь частные инвестиции (в отличие от приоритета государственной помощи при Дж. Кеннеди) и торговля. Основным источником помощи должны были стать международные организации, а двустороннюю помощь предлагалось освободить от всяческих увязок и условий и все больше концентрировать в перспективе в таких областях, как здравоохранение, образование, сельскохозяйственное производство, транспорт, жилье. Такой подход вместе со сверхвовлеченностью во Вьетнаме привел к тому, что за период 1966—1973 гг. среднегодовой объем американской экономической помощи сократился по сравнению с 1962—1965 гг. на 9%, в том числе в страны Ближнего Востока и Южной Азии — на 75%, Латинской Америки — на 25, Африки — на 8%.

Под влиянием кризиса интервенционистского курса Вашингтона в научных изданиях, средствах массовой информации развернулась острая дискуссия о возможности и желательности неоизольционизма (т. е. значительного сокращения или даже полной ликвидации военно-политических обязательств США за рубежом) как основы для будущей политики страны. На волне этой дискуссии широкое хождение получили взгляды о незначительности или даже иллюзорности военно-политических и экономических интересов США в развивающихся странах (хотя признавалось, разумеется, что для определенных групп бизнеса эти интересы вполне конкретны). Маститый дипломат, первый руководитель УМР Дж. Болл писал, например: «Мы часто забываем, что... политические изменения в слаборазвитых районах оказывают, по-видимому, лишь незначительное воздействие на мировой баланс сил»¹⁸.

Эти довольно неординарные для послевоенной американской политологии идеи были, однако, сметены событиями 1973 г. и преданы забвению.

¹⁷ Nixon R. The Second Year of His Presidency. Wash.: Congressional Quarterly Inc., 1971, p. 63A — 64A.

¹⁸ Ball G. The Discipline of Power. Boston: Little, Brown and Co., 1968, p. 233.

Требования молодых государств и позиция США

Опираясь на новые сдвиги в соотношении сил двух социальных систем, и в частности резкое сужение возможностей использования военной силы империалистическими странами для обеспечения своих экономических интересов, развивающиеся государства получили возможность в одностороннем порядке изменять некоторые невыгодные для них условия экономического взаимодействия с Западом (цены на отдельные виды сырья, условия деятельности филиалов международных монополий и т. д.). По развивающимся странам буквально прокатилась волна национализации иностранной собственности. Она охватила свыше 40 стран Латинской Америки, Азии, Африки, арабского мира. За период 1970—1976 гг. в развивающихся странах было зарегистрировано 253 случая национализации собственности американских корпораций¹⁹, в результате чего сотни предприятий перешли под контроль освободившихся государств. Эта новая экономическая сила стала мощным материальным подкреплением их внешней политики, прежде всего требований в экономической области. В результате в политике развивающихся стран в 70-е годы появились новые важные моменты.

Во-первых, они сумели на основе преодоления иногда довольно значительных различий своих конкретных экономических интересов выработать совместную программу НМЭП и навязать ее обсуждение странам Запада. И во-вторых, им удалось достаточно эффективно использовать экономические санкции для достижения политических целей. Снижение общей добычи нефти арабскими странами — членами ОПЕК, эмбарго на ее поставки в США, Нидерланды и ряд других стран в октябре 1973 г. стали важной причиной эволюции ближневосточной политики США от односторонней поддержки агрессии Израиля к поискам сепаратного урегулирования на основе сближения с консервативными арабскими режимами. Возросла эффективность политического давления на США таких крупных экспортеров нефти, как Венесуэла и Нигерия, в пользу урегулирования региональных конфликтных ситуаций.

Повышение цен на сырье и особенно накопление некоторыми странами — экспортерами нефти больших финансовых резервов подвели весомую базу под их требования о повышении их роли в международных экономических организациях. Сохраняя политическое единство и используя образовавшийся «момент силы», развивающиеся страны провели через ООН в 1974—1975 гг. вопреки ожесточенному сопротивлению США такие важные документы, как Декларация и Программа действий по установлению нового международного экономического порядка, Хартия экономических прав и обязанно-

¹⁹ Transnational Corporations in World Development: A Re-examination. N. Y.: U. N. 1978, p. 234.

стей государств, резолюция, квалифицирующая сионизм как форму расизма, и др.

США вновь, как и на рубеже 60-х годов, встали перед необходимостью серьезной переоценки роли развивающихся стран в мировой политике и характера своих экономических и политических отношений с ними. Ситуация, однако, существенно изменилась. Если лет 15 назад, как казалось правящему классу США, речь шла об угрозе извне его интересам в «третьем мире», то теперь эта угроза исходила непосредственно от развивающихся стран с самой различной внешнеполитической ориентацией и внутренним устройством. Вашингтону силой доказывали тот неотвратимый факт, что эти страны окончательно и бесповоротно стали субъектами международных отношений со своими собственными национальными интересами. Однако американская дипломатия, да и большинство политологов, несмотря на давние предупреждения наиболее дальновидных из них, оказались не в состоянии объективно и реалистично встретить этот «вызов».

США наотрез отказывались рассмотреть программу развивающихся стран по перестройке экономических отношений, требовали возврата к старой низкой цене на нефть (существовавшей до нефтяного эмбарго 1973 г.), ввели в торговый закон 1975 г. положение об экономических санкциях против стран, входящих в картель по типу ОПЕК или ограничивающих доступ американских компаний к их сырью, а также — на уровне президента и госсекретаря — недвусмысленно заявили, что применяют военную силу против арабских стран — членов ОПЕК в случае «удушения индустриального мира»²⁰, т. е. повторного нефтяного эмбарго.

Главные усилия Вашингтон направил на создание единого фронта развитых стран — импортеров нефти, чтобы затем начать жесткие переговоры с ОПЕК о долгосрочных гарантиях поставок нефти по «разумным ценам». На этом пути США столкнулись с серьезным противодействием западноевропейских стран и Японии. Гораздо больше Соединенных Штатов зависящие от импорта нефти, эти страны были, безусловно, заинтересованы в разработке совместно с Вашингтоном мер, направленных в перспективе на уменьшение такой зависимости. Но в силу этой же причины они отнюдь не были склонны к силовому противоборству с ОПЕК, не могли игнорировать требования развивающихся стран, изложенные в программе НМЭП. Конец 1973 — начало 1974 г. ознаменовались целой серией двусторонних долгосрочных соглашений этих стран с членами ОПЕК о поставках нефти в обмен на помощь в строительстве промышленных объектов, инфраструктуры, поставки оружия и т. д.

В октябре 1973 г. в Брюсселе начались переговоры ЕЭС с 43 странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана об экономической ассоциации. Длительные переговоры завершились в тоголез-

²⁰ Business Week, 1975, Jan. 13; Time, 1975, Jan. 20.

ской столице г. Ломе подписанием в феврале 1975 г. известной Ломейской конвенции (число ассоциированных с ЕЭС государств увеличилось к тому времени до 46). В соответствии с соглашением ассоциированным развивающимся странам предоставлялось право беспопышлинного ввоза на рынки ЕЭС всех сырьевых товаров, 96% номенклатуры экспортируемых ими сельскохозяйственных товаров и ряд других льгот. Кроме того, был создан механизм стабилизации экспортных доходов этих стран («СТЭЙБЕКС»), в рамках которого им предоставляются субсидии и займы в случае падения мировых цен на указанные товары ниже определенного минимума. В целом режим, предоставленный ЕЭС развивающимся странам, хотя и не отвечал в полной мере требованиям освободившихся государств, все же был более благоприятным, чем общие условия их экономических связей с Западом, в том числе и с США.

Одновременно страны Западной Европы и Япония продолжали сотрудничать с США в разработке «нефтяного пула» на случай повторного эмбарго, а также долгосрочных мер по уменьшению импорта нефти, что привело к созданию в конце 1974 г. Международного энергетического агентства (МЭА) в составе 16 государств Запада. В рамках МЭА были разработаны система распределения нефти между государствами-членами в случае ее резкой нехватки, планы консервации энергии, ускоренной разработки ее дополнительных источников, значительного увеличения объема НИОКР в области энергетики. Однако союзники США не упускали из виду перспективу переговоров с развивающимися странами по широкому кругу экономических проблем. Наиболее радикальную позицию при этом занимала Франция, вообще не признававшая МЭА вплоть до декабря 1974 г., когда в обмен на согласие США на широкие переговоры с развивающимися странами она сняла вето на легализацию МЭА в рамках ОЭСР и пошла на установление с ним «неформальных контактов».

В 1975 г. под давлением как развивающихся, так и развитых стран в подходе США к переговорам по НМЭП наступает перелом. Опасение дальнейшего обострения конфликта с развивающимися странами определило стремление США взять его развитие под свой контроль, а улучшение экономического положения стран Запада обещало им определенную свободу маневра.

Среди политических мотивов одним из основных были интересы политического урегулирования на Ближнем Востоке и связанное с этим стремление улучшить отношения с Саудовской Аравией. Противодействие этой страны повышению цен на нефть и поддержка американской политики сепаратного урегулирования ближневосточного конфликта делали Саудовскую Аравию оплотом «умеренных» как в ОПЕК, так и в арабском мире. Согласие США на обсуждение требований развивающихся стран по НМЭП дало бы поддержку позициям «умеренных», улучшило бы отношения с Саудовской Аравией по этой линии и повысило бы шансы американской дипломатии в достижении сепаратного соглашения Израиля с Египтом.

США и «диалог Север—Юг»

Таким образом, начался так называемый «диалог Север—Юг», который стал в 70-е годы и будет оставаться в перспективе одним из важных факторов международной политики. Соответственно сформировалось и относительно самостоятельное направление в американской политике — политика в переговорах по новому международному экономическому порядку. Ее основу составляет уже достаточно традиционный курс США в различных международных экономических организациях (ГАТТ, МВФ, ЮНКТАД, ЮНИДО и др.), направленный на удержание командных высот за США в процессах международной экономической интеграции. Специфическое средство этой политики — многосторонние переговоры, суть которых составляет жесткий торг по взаимным уступкам с целью достижения компромиссов, тщательно взвешиваемых на основе существующего в каждый данный момент реального соотношения сил их участников.

В совокупности требований развивающихся стран можно выделить три основные группы целей. Прежде всего это утверждение в международных отношениях таких принципов, как безусловный суверенитет государств над их экономическими ресурсами, суверенное равенство государств, свобода выбора экономической и социальной системы, недопущение дискриминации.

Вторая группа целей направлена на повышение роли развивающихся стран в «международном процессе принятия решений», прежде всего в существующих международных экономических организациях.

Третья группа целей включает в себя требования в отдельных сферах их экономических связей с развитыми капиталистическими странами: глубокую реформу мировой торговли сырья на основе реализации «интегрированной программы по сырью» с «общим фондом»²¹, облегчение доступа промышленных изделий развивающихся стран на западные рынки, уменьшение их долгового бремени и увеличение притока ресурсов, принятие юридически обязательных международных «кодекса поведения» ТНК и «кодекса по передаче технологий» и ряд других требований.

Согласившись на переговоры с развивающимися странами по широкому кругу экономических проблем, США стремились перехва-

²¹ Программа предусматривает заключение международных товарных соглашений (МТС) по 18 наиболее важным сырьевым товарам с целью стабилизации их мировых цен. Создаваемый за счет взносов развитых и развивающихся стран «общий фонд» должен был, по замыслу последних, централизованно финансировать отдельные МТС, поддерживать установленные ими цены, в том числе прямыми выступлениями на мировом рынке, компенсировать потери этих стран в случае падения цен на сырьевые товары, не покрытые МТС или другими регулирующими механизмами, а также финансировать долгосрочные программы развития и диверсификации производства сырья и продовольствия.

тить лозунг нового международного экономического порядка. Они даже представили собственную программу (в своей речи на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Г. Киссинджер выдвинул 41 предложение в области мировой экономики), не имевшую почти ничего общего с требованиями развивающихся стран, если не считать некоторого совпадения в вопросах помощи. Однако США стремились не столько к их одобрению развивающимися странами и проведению в жизнь, сколько к тому, чтобы начать сам процесс переговоров, но не по программе НМЭП, а по собственной программе «нового экономического порядка», которая надолго закрепила бы неравноправное, подчиненное положение освободившихся государств в мировой капиталистической системе хозяйства.

Очень скоро, однако, выяснилось, что основные предложения США не устраивают не только развивающиеся, но и многие из развитых стран Запада. На четвертой сессии ЮНКТАД в 1976 г. американский план создания Международного банка ресурсов, который по замыслу США должен был заменить «интегрированную программу по сырью» с «общим фондом» неким механизмом «взаимной заинтересованности» развитых и развивающихся стран в расширении доступа ТНК к природным ресурсам последних, был провален подавляющим большинством голосов. Тем не менее накал конфликта удался в определенной степени сбить, противоборство вокруг международных экономических реформ становилось более управляемым и менее опасным для США и Запада в целом процессом.

Пришедшая в 1977 г. к власти администрация Дж. Картера решила укрепить позиции США в развивающемся мире иными средствами. Главный творец внешней политики в этой администрации Э. Бжезинский предлагал политику так называемого «планетарного гуманизма», целью которой провозглашались «социальные изменения путем социально-политических реформ для решения проблем экологии, питания, развития, социальной справедливости и равенства»²².

Сторонники такого подхода выступали за заключение между развитыми капиталистическими и развивающимися странами своеобразной сделки, по которой первые увеличивают помощь, предоставляют широкие тарифные преференции, соглашаются на определенные меры по стабилизации цен и регулированию мировой торговли сырьем, а вторые отказываются от таких неприемлемых требований, как «индексация» (т. е. привязка цен на экспортируемое ими сырье к ценам на импортируемые из стран Запада готовые изделия), национальная юрисдикция над филиалами ТНК, а также принимают обязательства по обеспечению доступа Запада к своим природным ресурсам и по всемерному развитию капиталистических отношений в своих обществах.

²² См. *Brzezinski Zb. U. S. Foreign Policy: The Search for Focus.*— Foreign Affairs, 1973, July; *Idem. The Deceptive Structure of Peace.*— Foreign Policy, 1974, Spring.

Подобный «глобальный контракт» диктуется, по их мнению, самой растущей международной взаимозависимостью, ответом на которую должен стать долгосрочный курс на усиление интеграции развивающихся стран в капиталистическую систему с целью «создания на мировой сцене плотной взаимосвязи и взаимопереплетения сообществ, которые предотвратили бы экстремальную поляризацию и гражданские войны внутри более стабильных стран»²³.

Стратегия администрации Дж. Картера предусматривала активное вмешательство в развивающихся странах с целью «дирижирования переменами», т. е. навязывания выгодных Вашингтону вариантов урегулирования конфликтных ситуаций на основе подавления антиимпериалистических сил в национально-освободительном движении и усиления влияния консервативных и «умеренных» режимов и группировок.

Администрация Дж. Картера предприняла определенную модификацию позиции США в переговорах по НМЭП, стремясь устранить противоречия с развитыми странами и одновременно единым фронтом навязать развивающимся государствам односторонне выгодные решения выдвинутых проблем. Так, после провала идеи Международного банка ресурсов США согласились принять компромиссный вариант «общего фонда», предложенный в общих чертах Францией и поддержанный другими государствами Запада. С созданных таким образом единых позиций Запад довольно долго — до весны 1979 г. — пытался навязать развивающимся странам этот вариант. Вынужденные в конце концов принять ряд требований этих стран по вопросам финансирования, структуры и функционирования «фонда», США и их союзники сумели все-таки в значительной степени выхолостить его сущность как основы «интегрированной программы по сырью»²⁴. Такой же тактики США придерживались и по другим проблемам НМЭП. В результате часть требований развивающихся стран эволюционировала к компромиссам, весьма

²³ *Brown S. New Forces in World Politics. Wash.: The Brookings Institution, 1974, p. 209.*

²⁴ В соответствии с соглашением о создании Общего фонда для сырьевых товаров, заключенным в рамках ЮНКТАД 27 июня 1980 г., он состоит из двух практически независимых источников. Первый с первоначальным капиталом около 400 млн. долл. кредитует на льготных условиях международные товарные организации, управляющие международными товарными соглашениями по отдельным видам сырья. Второй с первоначальным капиталом около 350 млн. долл. будет использоваться на займы и субсидии в целях «повышения долгосрочной конкурентоспособности и перспектив» сырьевых товаров. Таким образом, вместо того чтобы регулировать из единого центра практически всю мировую торговлю сырьем, корректируя при этом рыночные тенденции в пользу развивающихся стран, как этого требовали последние, Общий фонд будет играть лишь роль источника льготных кредитов формально независимым от него отдельным МТС и субсидий на развитие сырьевого экспорта ряду стран. См.: *Agreement Establishing the Common Fund For Commodities, TD/IPC/CF/CONF/24. 1980. Jul. 29.*

далеким от оригинала, другая часть по-прежнему отвергается Западом с единых позиций.

Сплачивая, таким образом, группу стран Запада, Вашингтон принял серьезную попытку строить отношения с развивающимися странами на основе пресловутой концепции «прав человека», направленной в конечном счете на утверждение в молодых государствах буржуазно-демократических порядков.

С другой стороны, продолжался фактически курс «выборочного фаворитизма», т. е. выделение «ключевых» стран, поддержка тоталитарных режимов и улучшение отношений с ними в первую очередь. Попытки синтеза этих двух подходов к развивающимся странам вылились в непоследовательность и противоречивость политического курса США в отношении как этой группы стран в целом, так и отдельных режимов.

В осуществлении своей политической линии — укрепления позиций США в развивающихся странах — администрация демократов широко использовала программы иностранной помощи, эволюция которых, с одной стороны, отразила ее основные приоритеты, а с другой — непоследовательность и крайнюю ограниченность реформистских попыток. Одной из главных характерных черт политики кабинета Дж. Картера в вопросах помощи стало увеличение взносов в международные организации. За три года (1977—1979 гг.) они составили 4 млрд. долл. (для сравнения — за 1962—1976 гг. США внесли 5,5 млрд. долл.)²⁵.

В качестве инструмента обеспечения «прав человека» часть двусторонней помощи стали направлять на удовлетворение «основных потребностей человека». В соответствии с этой концепцией экономическая помощь должна поступать прежде всего в такие важные для бедноты области, как производство продуктов питания, образование, здравоохранение. Эта концепция также ориентировала научно-техническую помощь на развитие мелкотоварного производства в сельском хозяйстве и промышленности на основе трудоемкой технологии, с тем чтобы способствовать, с одной стороны, рассасыванию безработицы, а с другой — развитию социальной базы капитализма. Объем средств, выделяемых на эти цели по линии УМР, увеличился с 847 млн. долл. в 1977 до 1200 млн. долл. в 1979 г.²⁶ Однако основная масса двусторонней помощи направлялась в районы, объявленные Вашингтоном зонами «жизненно важных интересов», прежде всего на Ближний Восток. Так, если за 1977—1979 гг. на «основные потребности человека» всем развивающимся странам

²⁵ US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations, July 1, 1945 — Sept. 30, 1979. Wash.: Agency for International Development 1980, p. 6.

²⁶ Development Issues. US Actions Affecting the Development of Low-Income Countries. The First Annual Report of the Chairman of the Development Coordination Committee. Transmitted to the Congress, February 1, 1979, Wash.: U. S. GPO, 1979, p. 29.

было выделено около 3 млрд. долл., то в виде «поддерживающей помощи» только Египет и Израиль получили по 2,3 млрд. долл. каждый. Эти же две страны получили за три года соответственно на 1,5 и 6 млрд. долл. военной помощи²⁷.

Ставка на военную силу

Во второй половине 70-х годов Вашингтон приступил к активному наращиванию своего военного присутствия в Индийском океане и районе Персидского залива с целью использования военной силы для ограничения масштабов революционных преобразований в государствах региона. В 1977 г. началось создание так называемых «сил быстрого развертывания». В 1978 г. США «заморозили» переговоры с СССР об ограничении военной деятельности в Индийском океане, прекратили консультации по ограничению поставок оружия в развивающиеся страны, ввели в строй крупную базу на о-ве Диего-Гарсия, в 1980 г. заключили соглашения с Египтом, Кенией, Сомали и Оманом об использовании военных баз на их территориях, ввели в район Аравийского моря и Персидского залива свыше 30 крупных боевых кораблей. Это наращивание военной силы прикрывалось тезисом о некоей «дуге нестабильности», охватывающей страны, расположенные на побережье Индийского океана от Юго-Восточной Азии до Южной Африки, «где внутренняя обстановка дает возможность нашему главному сопернику, Советскому Союзу, использовать неустойчивое положение для осуществления своих тактических целей»²⁸.

Сходная ситуация сложилась и в Центральной Америке, где Вашингтон, оказывая экономическое давление на революционное правительство Никарагуа, резко усилил в 1979—1980 гг. военные приготовления (создание оперативного военного командования для Карибского бассейна, провокационные маневры с высадкой десанта на кубинскую территорию в Гуантанамо и т. д.).

Восприняв курс на усиление военно-силового давления на революционно-освободительные движения в Азии, Африке и Латинской Америке, администрация Р. Рейгана еще больше ужесточила подход США к развивающимся странам. Фактически игнорируя внутренние причины и самостоятельный характер таких движений, Вашингтон видел в них теперь прежде всего результат «подрывной деятельности» СССР, якобы добивающегося установления своего господства путем поддержки «международного терроризма». «Советы стали смелее в осуществлении перемен с помощью насилия», — вещал госсекретарь А. Хейг²⁹. Военно-силовое подавление освободительных

²⁷ Подсчитано по: US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations...; Development Issues, US Actions Affecting the Development of Low-Income Countries...

²⁸ US News and World Report, 1979, Apr. 16, p. 49.

²⁹ Department of State Bulletin, 1981, Sept., N 2054, p. 10.

движений и подрыв прогрессивных режимов в развивающихся странах стали рассматриваться в Вашингтоне как одно из важных средств достижения стратегических преимуществ в глобальном противоборстве с СССР.

США значительно увеличили экономическую и военную помощь сальвадорской хунте, послали туда советников по контрпартизанским операциям, возобновили военную помощь диктаторским режимам Гондураса и Гватемалы, приступили к «дестабилизации» положения в Никарагуа путем активизации контрреволюционных вылазок недобитых сомосистов с территории Гондураса. В рамках так называемого «стратегического сотрудничества» с Израилем США поддержали его агрессию в Ливане летом 1982 г. с целью физической ликвидации военных формирований ООП и обеспечения на этой основе проимпериалистического урегулирования на Ближнем Востоке. Под надуманным предлогом зависимости США от ЮАР в области стратегических минералов администрация Р. Рейгана отбросила попытки давления на Преторию и, стремясь подорвать прогрессивный режим Анголы, поддержала агрессию ЮАР на юге этой страны в 1981 г., а также пыталась использовать процесс урегулирования в Намибии для вмешательства в ее внутренние дела.

Экономические отношения с развивающимися странами отсутствовали в политике Р. Рейгана на второй план, причем подход к ним был существенно пересмотрен. Считая своей главной внешнеэкономической задачей всемерное облегчение международной экспансии американских ТНК, республиканская администрация взяла курс, во-первых, на подрыв международно-правовых договоренностей, так или иначе ограничивающих «свободный рынок», и, во-вторых, на использование помощи, торговых льгот и других экономических рычагов для стимулирования частного предпринимательства и подрыва государственного контроля над экономикой в отдельных развивающихся странах.

В этом плане следует рассматривать ужесточение Вашингтоном условий займов международных экономических организаций, сокращение своего взноса в МАР, отказ поддерживать Международный фонд сельскохозяйственного развития и блокирование новых проектов расширения многосторонней помощи молодым государствам. Вместе с тем США пошли на известное увеличение двусторонней помощи ряду «ключевых» стран, максимально используя ее для решения военно-политических задач. Выдвинутая Р. Рейганом в 1982 г. «Карибская инициатива» предусматривала предоставление странам Карибского бассейна и Центральной Америки торговых льгот и финансовой помощи на сумму 350 млн. долл., причем 166 млн. предназначались для сальвадорского режима, в то время как Никарагуа и Гренада были исключены из этой программы как «не имеющие частного сектора».

Требования программы НМЭП были с порога отвергнуты администрацией республиканцев как противоречащие принципам «сво-

бодного рынка». В октябре 1981 г. на мексиканском острове Канкун состоялась встреча глав государств и правительств восьми развитых и четырнадцати развивающихся стран. По замыслу последних, эта встреча должна была дать политический толчок заблокированным Западом еще в 1980 г. «глобальным переговорам о международном экономическом сотрудничестве в целях развития» в рамках ООН, на которых эти страны рассчитывали добиться реализации требований программы НМЭП. Уступая давлению части западных союзников США, а также влиятельных развивающихся стран, Р. Рейган приехал в Канкун, однако выдвинул такие предварительные условия участия США в «глобальных переговорах», принятие которых, по мнению освободившихся стран, исключило бы возможность достижения позитивных результатов в ходе самих переговоров.

Реформизм и интервенционизм в политике США в развивающихся странах

К концу 70-х годов политика США в развивающихся странах совершила как бы новый виток, в ходе которого повторился вначале упор на экономические, социально-реформистские средства, а затем ввиду их малой эффективности центр тяжести вновь был перенесен на военно-силовое давление. Такие «колебания маятника» выступают как своего рода циклическая закономерность. Однако, накладываясь на долгосрочные процессы изменения соотношения сил в мире, реформистские и силовые методы претерпевают определенную эволюцию.

Непосредственную задачу реформистской деятельности США все больше видят теперь не столько в развитии в молодых государствах капитализма как такового, сколько в усилении их экономической интеграции в мировое капиталистическое хозяйство, доведении ее до такого уровня, который исключал бы возможность резких и существенных сдвигов в направлении мирохозяйственных связей этих стран под влиянием возможных внутривнутриполитических перемен. США вынуждены объединять свои усилия в этом направлении и, разумеется, материальные ресурсы, с другими капиталистическими странами, вследствие чего речь уже все больше идет не об американском реформизме в отдельных развивающихся странах, а о международном капиталистическом реформизме, коллективном приспособлении всей системы неокOLONИализма к новым историческим условиям³⁰.

³⁰ С конца 60-х годов реформистски настроенным крылом международной буржуазии, а также международной социал-демократией предпринимаются особенно интенсивные попытки выработки общего курса стран Запада по ускорению интеграции молодых государств в мировое капиталистическое хозяйство на основе частичных уступок их экономическим требованиям. См.: *Partners in Development. Report of the Commission on International Development*. N. Y.; Wash.: Praeger Publishers, 1969; *Das Überleben sichern...*

Вместе с тем происходит определенное сужение сферы реформизма. Отношения патроната все меньше применимы к наиболее развитым и богатым из молодых государств. Противоречия между США и этими странами все больше приобретают характер межкапиталистических.

Серьезные изменения претерпевает и другой главный метод политики США в развивающихся странах — насаждение и поддержка проамериканских, прозападных режимов. Изменяются природа и сущность проамериканской направленности того или иного режима. Не считая нескольких военных диктатур в небольших латиноамериканских государствах, это уже не безоговорочно послушные марионетки. Вашингтон все чаще не в силах воспрепятствовать отдельным достаточно болезненным антиамериканским внутри- и внешнеполитическим акциям таких государств, диктуемым национальными интересами: ограничение деятельности американских и других ТНК, повышение цен на экспортируемое сырье, поддержка требований программы НМЭП и т. д. Курс на усиление экономического и военно-политического сотрудничества с США выступает все чаще как результат сознательного выбора правящей группировки той или иной страны, диктуемый как классово близостью, так и конъюнктурными соображениями, вытекающими из политических устремлений этих группировок в региональных конфликтных ситуациях. Отсюда растущая самостоятельность таких режимов в определении степени и направлений сотрудничества с США.

В соответствии с этими изменениями в методах меняются и акценты в средствах американской политики в развивающихся странах. Относительно возрастает значение экономических средств: упор делается на обеспечение проникновения в молодые государства ТНК и на их интегрирующую деятельность. В сфере помощи возросла роль международных организаций, которые уже предоставили развивающимся странам различные кредиты за период 1962—1979 гг. на сумму почти 86 млрд. долл., причем за 1973—1979 гг. — на 63,3 млрд. долл.³¹ В то же время большая часть двусторонней помощи, особенно в виде поставок продовольствия и для «поддержания безопасности», направляется на льготных условиях «ключевым» развивающимся странам.

Стремление США активизировать проамериканские режимы и западных союзников в борьбе с антиимпериалистическими левыми силами в развивающихся странах представляется достаточно долгосрочной тенденцией. Не исключено применение вооруженных сил США в развивающемся мире с целью обеспечения физического поступления нефти и как средства противодействия революционным преобразованиям.

³¹ Подсчитано по: US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations..., p. 208—252.

Рассмотренные тенденции в главных средствах и методах американской политики в развивающихся странах представляются доминирующими. Дальнейшее ослабление международных позиций США, ухудшение внутриаقتصاديческой ситуации могут серьезно усилить агрессивность Вашингтона. Белый дом может пойти на обострение отношений с союзниками в борьбе за рынки сбыта и расширение сферы деятельности своих монополий.

В целом по сравнению с другими направлениями глобальной внешнеполитической стратегии США их политика в развивающихся странах выступает как наименее цельный и строго детерминированный курс. Будучи очевидными в долгосрочном плане, классовые интересы американской монополистической буржуазии в практической политике на этом направлении пробивают себе путь как своего рода равнодействующая массы разрозненных, часто противоречивых и контрпродуктивных с точки зрения этих же интересов внешнеполитических акций Вашингтона. Растущее противоречие между универсальным характером глобальных проблем и частнокапиталистическими методами их решения, противоречивое единство буржуазно-классовых и национальных интересов США в развивающихся странах, чрезвычайно подвижное сочетание элементов общего и индивидуального, глобализма и региональной, двусторонней специфики, проблемного и геополитического подхода к отдельным государствам при сохраняющейся политической нестабильности во многих развивающихся странах, масса тлеющих конфликтов между ними делают политику США непоследовательной, часто иррациональной, чреватой серьезной угрозой для всеобщего мира.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

В период, прошедший после окончания второй мировой войны, стратегия США претерпела сложную эволюцию. Начав со ставки на мировую гегемонию, американские правящие круги постепенно, хотя и очень медленно, приходят к осознанию ограниченности американских военно-силовых возможностей в современном мире.

Факторы, влияющие на выработку и осуществление стратегии США

На эволюцию внешнеполитического мышления и практики правящих кругов США оказывает влияние целый ряд факторов. Главный, решающий из них — изменение соотношения сил между США и

СССР в пользу Советского Союза, общее укрепление позиций социализма в мире. Среди других объективных факторов следует назвать рост сознательности и политической активности народных масс, прогрессивных сил и движений, оказывающих сдерживающее влияние на политику империалистических кругов.

Важнейшим фактором, влияющим на стратегические калькуляции американского правящего класса, является крушение колониальной системы и выход на мировую арену в качестве полноправных субъектов международного права большого числа независимых государств, требующих коренных перемен в системе политических и экономических отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами. В условиях краха мировой системы колониализма важнейшим процессом в зоне развивающихся стран стала антинеоколониальная революция, направленная прежде всего против США как крупнейшего неоконизатора, сумевшего в первые годы после окончания второй мировой войны заместить своим экономическим доминированием в этой зоне бывшее военно-административное господство европейских колонизаторов. Борьба за сохранение развивающихся стран в орбите американского неоконизализма, в том числе и с помощью военной силы, ныне является одним из важнейших направлений политики США и их стратегии.

На характер военно-политической стратегии США на том или ином этапе влияют и такие факторы, как обострение противоречий империализма в процессе развития государственно-монополистического капитализма, состояние американской экономики и экономики всего капиталистического мирового хозяйства, рост межимпериалистических противоречий по мере усиления военно-экономических потенциалов капиталистических стран Западной Европы и Японии, появление в системе международных отношений группы таких стран, как Индия, ЮАР, Бразилия и ряд других, становящихся важными компонентами региональных военных балансов. Безусловно, важнейшим фактором в глобальном уравнении сил является КНР, правительство которой делает ставку на наращивание ракетно-ядерного потенциала страны, модернизацию обычных вооруженных сил и вооружений.

Изменения, происходящие в мировом балансе экономических и военных сил, и сопутствующие им политические перегруппировки заставляют американские правящие круги систематически производить корректировки своей стратегии с целью приспособления ее к меняющимся мировым реальностям.

Все увеличивающаяся тяжесть финансового бремени гонки вооружений, развязанной самими Соединенными Штатами, объективная необходимость (во имя укрепления социально-политической базы капитализма) выделять существенную часть государственных ресурсов на внутренние социально-реформистские программы ограничивают расширение военно-промышленной базы и тем самым в какой-то мере суживают военно-силовые возможности США на ми-

ровой арене. Провалы военных авантур, которые предпринимались США в период после второй мировой войны (в частности, интервенций в Корею и в Индокитае), усиливали позиции реалистически мыслящей части американского правящего класса, представители которого доказывают, что достижение подлинно стратегических перемен в современном мире возможно лишь с помощью невоенных факторов силы, в первую очередь — технико-экономических рычагов влияния. Наконец, на военную политику США воздействует не только военно-экономическая мощь СССР и всего социалистического содружества, но и проводимая им целеустремленная конструктивная политика мира и разоружения. Правительство США не может не считаться с американским и мировым общественным мнением, с широчайшей поддержкой международной общественностью политики в области разоружения. При формулировании и проведении своих военно-политических курсов Вашингтон вынужден учитывать все вышеназванные факторы и тенденции.

Однако — на фоне всего этого — субъективным устремлением руководящего ядра американского правящего класса, воспитанного на идеях гегемонизма и американского всеилия, является тяга к военной исключительности, превосходству, или, как иногда выражаются в Вашингтоне, «абсолютной безопасности». Все это делает процесс приспособления стратегии США к реальностям мировой обстановки исключительно болезненным, медленным и противоречивым. Сдвиги в направлении реализма военно-политической стратегии Вашингтона перемежаются отступлениями, загагами, новыми милитаристскими порывами.

Стратегия Соединенных Штатов развивается на двух уровнях: военно-политическом и военном. Военно-политическую стратегию государства можно определить как избранный господствующим классом данного общества способ осуществления его внешнеполитических целей на данном историческом отрезке времени, включая как выбор форм и методов действий на международной арене (использование экономических, политических, психологических и военных средств), так и разработку и создание средств, обеспечивающих способность к такого рода действиям путем экономического и военного строительства и иных внутренних мероприятий.

Военно-политическая стратегия является высшей по отношению к военной, последняя подчинена целям и задачам, которые ставит первая. Такое соотношение двух стратегий закреплено в официальных определениях, которые даются в словаре, издаваемом Комитетом начальников штабов Соединенных Штатов. Этот словарь определяет «национальную», т. е. военно-политическую, стратегию США, иначе именуемую «стратегией национальной безопасности», как «искусство и науку развития и использования политических, экономических и психологических сил страны совместно с ее вооруженными силами во время мира и во время войны, для достижения национальных целей».

Чисто военная стратегия определяется как «искусство и наука использования вооруженных сил страны для достижения целей национальной политики путем применения силы или угрозы силой»¹. Таким образом, из этих определений «национальной» («большой») стратегии и военной стратегии с очевидностью вытекает, что военная стратегия подчинена стратегии «национальной безопасности».

Такова, так сказать, теоретическая взаимозависимость этих двух уровней стратегии. Однако на практике в США в период после второй мировой войны очень часто второй уровень начинал доминировать над первым — чисто военные соображения над политическими. Это объясняется тем, что военно-промышленный комплекс США, созданный в годы «холодной войны» для обеспечения материальных средств ведения войны, из орудия политики и стратегии вскоре превратился в институт, господствующий в деле принятия внешнеполитических решений. Все было подчинено задаче выигрыша «холодной войны», а выиграть ее можно было, как считалось в Вашингтоне, лишь с помощью наращивания и применения военной силы. Поэтому ВПК сначала добился решающей роли в определении параметров «необходимой военной силы», а впоследствии, по мере роста самой этой силы и, следовательно, укрепления позиций ВПК в структуре американского общества, — и весьма важной роли в определении стратегического курса страны. На какое-то время ВПК фактически приобрел право вето на политические решения гражданского руководства. Такое положение привело к всепроникающей милитаризации политических решений руководства страны.

Концепция «сдерживания»

С самого начала доминирующей, базовой стратегической концепцией США стала концепция «сдерживания», которая фигурировала в двух обликах, двух ипостасях: сдерживания «продвижения социализма» с помощью обычных вооруженных сил и военно-политических мероприятий («containment») и сдерживания/устрашения («deterrence») Советского Союза с помощью ядерного оружия, монополию на которое США, первыми создавшие такое оружие в 1945 г., рассчитывали сохранить на многие годы.

Общая концепция «сдерживания коммунизма» («containment») была разработана известным американским политическим теоретиком и дипломатом Дж. Кеннаном в бытность его на дипломатических постах в Москве и на ответственной работе в госдепартаменте США и сформулирована в целой серии документов, положенных в основу военно-политической стратегии США в отношении Советского Союза. Наиболее известными из такого рода документов счи-

¹ Department of Defense. Dictionary of Military and Associated Terms (with the NATO, SEATO, CENTO and IADB Glossaries Incorporated). Wash.: The Joint Chiefs of Staff, 1974, Sept. 3, p. 222, 212.

таются так называемая «длинная телеграмма» Дж. Кеннана из Москвы от 22 февраля 1946 г., его статья во влиятельном внешнеполитическом журнале «Форин Аффферс» за июль 1947 г., подписанная псевдонимом «Мистер Икс», и два документа Совета национальной безопасности США: СНБ 20/1 и СНБ 20/4, составленные в августе и ноябре 1948 г.²

Сделав произвольный вывод о том, что внешнеполитические усилия Советского правительства будут в дальнейшем направлены на всяческое «расширение официальных пределов советской власти», в том числе на подрыв позиций США и их традиционного образа жизни, Кеннан рекомендовал американскому правительству проведение в отношении СССР политики с позиции силы. «Советская власть,— доказывал он,— непроницаемая для логики разума, очень чувствительна к логике силы». И как только Запад противостоит СССР «достаточную силу и сделает ясной свою готовность использовать ее», ему, возможно, и не придется ее применять, ибо одного лишь давления с позиции силы окажется достаточно для того, чтобы заставить СССР отступить³.

Эту навязчивую идею о давлении на Советский Союз с позиции силы с целью «сдерживания коммунизма» Кеннан через полтора года подробно развил в своей статье для «Форин Аффферс». В ней он рекомендовал американскому руководству прибегнуть к силовому давлению на Советский Союз «в ряде постоянно перемещающихся географических и политических точек...»⁴.

В документе СНБ 20/1 от 18 августа 1948 г. подчеркивалась ситуация «политической войны» США против СССР и отмечалось, что американское правительство в этой ситуации должно «выдвинуть в отношении России даже сейчас, во время мира, цели более воинственные и более определенные, чем те, которые ему когда-

² Как телеграмма Кеннана из Москвы, так и документы СНБ в свое время имели гриф «совершенно секретно» и были рассекречены сравнительно недавно. Документы СНБ 20/1 и 20/4 представляют собой разные варианты меморандума СНБ о «щелях США в отношении России», подготовленного по инициативе первого министра обороны США Дж. Форрестала. СНБ 20/1 более откровенно трактовал гегемонистские цели США на мировой арене и поэтому подвергся в процессе доработки некоторому смягчению. Окончательный документ СНБ, определивший стратегию в отношении СССР,— СНБ 20/4 — был одобрен президентом Трумэном 24 ноября 1948 г. и оставался базовой формулировкой стратегии США в отношении СССР до апреля 1950 г., когда был заменен новым основополагающим документом того же Совета — СНБ 68.

³ Kennan G. F. *Memoirs 1925—1950*. L.: Hutchinson, 1968 (Annex C. Excerpts from Telegraphic Message from Moscow of February 22, 1946), p. 547—559.

⁴ Kennan G. *The Sources of Soviet Conduct*.— *Foreign Affairs*, 1947, July, p. 575. Нельзя не отметить, что Кеннан довольно быстро отошел от такого рода силовых установок и стал энергично выступать за политику мирного сосуществования США с СССР, подчеркивая, что у него хватило мужества отказать от своих прежних взглядов, когда он понял их ошибочность. (Статья опубликована под псевдонимом *x*).

либо приходилось формулировать даже в отношении Германии или Японии в предвидении реальной войны с этими странами»⁵.

Двумя главными общими целями США в отношении СССР, как они определялись документом СНБ 20/1, были: «уменьшить мощь и влияние Москвы» и «осуществить коренное изменение в теории и практике международных отношений, осуществляемых правительством, находящимся у власти в России»⁶.

Однако речь в этом обширнейшем документе шла не только о давлении США на СССР с позиции силы или об использовании инструмента экономического воздействия на социалистическую систему для осуществления вышеназванных целей. В нем прямо обсуждался вопрос о войне с Советским Союзом. И хотя документ признавал, что «мы (т. е. США.— *Авт.*) не можем ожидать в качестве следствия успешных военных операций в России создания там власти, целиком покорной нашей воле», тем не менее в нем подробно рассматривались вопросы об оккупации СССР, изменении советских границ и уничтожении влияния коммунистической партии, «выбора новой правящей группировки», которая заменит «советское правление», и т. д.⁷

Аналогичные цели ставились и документом СНБ 20/4, одобренным президентом Трумэнem. Документ был несколько более сдержанным по тону, чем СНБ 20/1. Тем не менее и в нем подчеркивалась необходимость «создать максимум напряженности для советской структуры власти» и проводить подготовку к войне против СССР. Хотя документ допускал, что США могут в случае военных операций против СССР достигнуть поставленных целей «без предпринятого требования о безусловной капитуляции» (1), в нем, по сути дела, излагалась та же цель ликвидации советской власти в СССР, что и в СНБ 20/1. Реализация указанной цели представлялась его авторам наиболее эффективным способом «обеспечения безопасности США» и «успешного развития эффективной мировой организации, основанной на целях и принципах ООН»⁸.

Учитывая такую постановку вопросов в документах высшего американского руководства, неудивительно, что первой стратегией США в сфере «центральной войны», иначе говоря войны против СССР и его союзников в Европе, стала стратегия превентивной войны.

Стратегия превентивной войны (1945—1948 гг.)

Этот первый послевоенный этап в развитии американской стратегии характеризовался стремлением США сформировать международную обстановку в соответствии с потребностями правящего класса США

⁵ Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950 / Eds. Th. E. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y.: Columbia University Press, 1978, p. 174.

⁶ Ibid., p. 176.

⁷ Ibid., p. 190—203.

⁸ Ibid., p. 210—211.

с позиции американской «абсолютной силы», основой которой, как считалось тогда в Вашингтоне, было монопольное обладание США атомной бомбой. Американские руководители и особенно американские теоретики, осведомленные о научно-техническом потенциале СССР, исходили из того, что монополия США на атомную бомбу не окажется длительной. Именно поэтому они считали необходимым использовать обстановку ядерной монополии США, чтобы навязать миру свои порядки и существенным образом ослабить потенциального противника. Они были готовы непосредственно использовать военную силу для оттеснения СССР с завоеванных им позиций, для ликвидации формировавшейся в то время мировой системы социалистических государств, а в максимальном варианте, как следует из вышеприведенных документов, и для ликвидации Советской власти в СССР. Одно время США заигрывали и с идеей использования своей военной силы также и для того, чтобы не допустить нарушения их атомной монополии. Американский план контроля за атомной энергией, так называемый «план Баруха», нацеленный как раз на то, чтобы не допустить ликвидации американской атомной монополии, прямо предусматривал в качестве санкции за нарушение этого плана нанесение превентивного атомного удара по нарушителю. При этом осуществлять эту санкцию должен был не кто иной, как США. В случае же неприятия Советским Союзом «плана Баруха» та же самая санкция рассматривалась как единственно возможное средство недопущения подрыва американской атомной монополии⁹.

Американское военное командование начало разрабатывать планы войны против СССР еще до окончания второй мировой войны.

Как явствует из официальных документов правительства США, частично рассекреченных и опубликованных в последние годы, руководители американского военного комплекса в своих планах послевоенного строительства вооруженных сил стали делать особый упор на развитие военно-воздушных сил, главным образом бомбардировочной авиации дальнего действия, в качестве основного средства «устрашения потенциальных противников», в первую очередь СССР. Позднее, в конце 1945 г., после того как США уже осуществили атомные бомбардировки двух городов Японии и намеревались использовать этот факт для «устрашения» СССР, Объединенный разведывательный комитет США наметил 20 конкретных советских городов в качестве объектов, «пригодных для атомной бомбардировки»¹⁰.

Как отмечает профессор истории Северо-западного университета США М. Шерри, детально исследовавший проблему подготовки США к третьей мировой войне в период, когда еще только завершилось

⁹ Подробнее об этом см.: *Трофименко Г. А.* США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976, с. 166—175.

¹⁰ *Sherry M. S.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941—1945. New Haven; London: Yale University Press, 1977, p. 243.

участие США во второй, «комитет рекомендовал предпринять атомную атаку не только в случае готовящегося советского нападения (на США.— *Авт.*), но и в том случае, если успехи противника в области промышленного развития или науки дадут основание предположить приобретение им способности «к нападению в конечном итоге на США или же к обороне против нашего нападения» (выделено нами.— *Авт.*)¹¹. Таким образом, речь шла о подготовке именно превентивной ядерной войны.

В первый срок деятельности администрации Г. Трумэна (1945—1948 гг.) задача максимального использования ядерной монополии в целях установления «мирового порядка», односторонне устраивающего США, была подробно изложена в ряде правительственных документов. В них усиленно подчеркивалась необходимость создания и поддержания такой позиции силы, которая бы позволила США решать мировые вопросы в одиночку. В секретном документе Комитета начальников штабов США от 27 марта 1946 г., посвященном формированию военно-политической стратегии страны на послевоенный период, говорилось: «Наше правительство... должно оказывать давление, чтобы спорный вопрос был быстро разрешен политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы при необходимости нанести первый удар»¹².

Как сейчас выясняется, за период до 1948 г. различными американскими ведомствами было подготовлено свыше десяти развернутых планов превентивного военного нападения на СССР с использованием ядерного оружия. Среди них — план войны против СССР в Европе (под кодовым названием «Тоталити»), составленный в конце 1945 г. генералом Эйзенхауэром, занимавшим в то время пост главнокомандующего войсками США в Европе, исследование «Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения», которое было подготовлено по заказу руководства Пентагона его Совместным разведывательным штабом, планы нападения на СССР под кодовыми названиями «Чарлотир», «Когвил», «Ганпаудер», «Хафмун» (переименованный в процессе его разработки и детализации сначала в «Флитвуд», а затем в «Даблстар»), «ABC 101», «Даулизм» и т. д. Все эти планы основывались в первую очередь на «атомных возможностях» Соединенных Штатов, которые генерал-майор К. Лимэй, ставший впоследствии командующим стратегической авиацией США, определял в то время как способность «обезлюдить обширные пространства земной поверхности, оставляя лишь рудиментарные остатки материальной деятельности человека»¹³.

«Пентагон, учитывая международную политическую атмосферу, мог весьма легко решить, что превентивная война могла бы быть

¹¹ Ibid.

¹² FRUS, 1946, Vol. 1, Wash.: U. S. GPO, 1972, p. 1163.

¹³ Цит. по: Dropshot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957/Ed. A. C. Brown. N. Y.: The Dial Press; James Wade, 1978, p. 5.

не только необходимой, но и желательной... — подчеркивает А. Браун, предавший огласке один из главных американских планов войны против СССР. — Имеются определенные свидетельства о том, что Луис Джонсон, министр обороны в 1949—1950 гг., выступал в поддержку превентивной войны — того, что Хэнсон Болдуин из „Нью-Йорк таймс“ назвал „организацией войны для того, чтобы заставить сотрудничать в пользу мира“... Комитет начальников штабов полагал, что были хорошие причины и предлоги для превентивной войны в 1948—1949 гг.»¹⁴.

Основным и, пожалуй, решающим аргументом, сдержавшим американское правительство в эти годы от использования против СССР инструмента превентивной войны, было соображение о том, что, несмотря на разрушения, которые бы причинило Советскому Союзу атомное нападение США, Советский Союз в порядке самообороны ликвидировал бы американский плацдарм на своих западных границах¹⁵. В то время это остановило американское руководство от реализации вышеназванных планов.

Стратегия «сдерживания» (1949—1953 гг.)

Ликвидация Советским Союзом американской атомной монополии в 1949 г. в результате создания собственного атомного оружия заставила США сделать некоторую переоценку ядерного оружия как вероятного инструмента практической политики, в первую очередь — более реалистично подойти к оценке возможностей превентивного атомного нападения на Советский Союз. Было решено резко усилить общий военный потенциал США с целью повысить возможность реализации американских гегемонистских планов. Была также вывинута задача ускоренного восстановления экономических и военных потенциалов других ведущих капиталистических держав и их активного использования в антикоммунистической стратегии США. В плане реализации этой задачи было начато ускоренное экономическое восстановление капиталистической Западной Европы с помощью «плана Маршалла»; в апреле 1949 г. был создан НАТО — военный блок США, Канады и 13 западноевропейских государств.

На основе общеполитической концепции «сдерживания» Советского Союза, о которой говорилось выше, была разработана военная стратегия «сдерживания» СССР, в какой-мере заменившая стратегию превентивной войны. Основную ставку новая стратегия делала на повышение боеспособности всего американского военного комплекса при условии сохранения американского лидерства в совершенствовании ядерного оружия и средств его доставки. Как

¹⁴ Ibid., p. 18—20.

¹⁵ Containment, p. 303.

говорил государственный секретарь США в администрации Трумэна Д. Ачесон, «единственный способ иметь дела с Советским Союзом... это создавать ситуации силы»¹⁶.

Одним из первых военных планов США, разработанных в соответствии со стратегией «сдерживания», был чрезвычайный военный план «Оффтэкл» (переименованный впоследствии в «Шейкдаун», а затем в «Кросспис»). Хотя план был окончательно одобрен Комитетом начальников штабов США лишь 8 декабря 1949 г., он принимал за условную дату начала войны 1 июля 1949 г. Положенная в его основу стратегическая концепция состояла в том, чтобы в сотрудничестве с союзниками США «навязать военные цели США Советскому Союзу, уничтожив советские волю и способность к сопротивлению проведением стратегических наступательных операций в Западной Европе и стратегии обороны на Дальнем Востоке»¹⁷.

План рассматривал предстоящую войну как коалиционную и подробно расписывал группировки союзников СССР, союзников США, а также и нейтралов, которых можно давлением заставить предоставить их территории и ресурсы в распоряжение «англо-американских держав». Окончательной целью войны должен был быть «военный разгром СССР и его сателлитов в такой степени», которая бы позволила США «осуществить национальные цели, намеченные в документе СНБ 20/4 (КНШ 1903/3)»¹⁸.

Как ныне, в 80-е годы, так и в 40-е годы американские военные стратеги запугивали политическое руководство страны угрозой советского «захвата Ближнего Востока и его нефтяных ресурсов» и «нарушения жизненно важных коммуникаций» союзников! План «Оффтэкл» предусматривал «начальное атомное наступление», от успеха которого должен был зависеть дальнейший ход войны. Однако он предусматривал и широкое использование после такого наступления обычных вооруженных сил.

План исходил из того, что США и их союзники будут иметь дело с СССР, не имеющим ядерного оружия. Однако, после того как эта посылка рухнула, Пентагон приступил к более основательной подготовке к войне против СССР уже с учетом «новой силы Советского Союза». Таким новым документом явился план «Дропшот», составленный в конце 1949 г. и рассекреченный, возможно по недоразумению, в 1977 г.¹⁹

¹⁶ Department of State Bulletin, 1950, Mar. 20, p. 427.

¹⁷ Containment, p. 238.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ В 1974 г. конгресс США принял новый вариант закона о свободе информации, позволявший гражданам получать (покупать) из Национального архива США и других государственных архивов копии несекретных документов, но в то же время сохранявший за соответствующими ведомствами (Пентагон, ЦРУ и т. д.) право не рассекречивать документы, если того требуют «национальные интересы». В суматохе, связанной с пересмотром соответствующих гриффов многих, буквально десятков тысяч документов, оказались рассекреченными некоторые документы компрометирующего характера.

План «Дропшот» основывался на той же самой стратегической концепции, что и план «Оффтэкл». Но он исходил из необходимости длительной и тотальной подготовки к войне против Советского Союза, приобретшего статус ядерной державы. Основная установка этого плана состояла в том, чтобы добиться количественного превосходства над СССР в сфере ядерного оружия порядка 10:1 и использовать это преимущество для победы над СССР и его союзниками в ядерной войне.

Такое превосходство Соединенным Штатам должна была дать развязанная ими гонка ядерных вооружений с упором на качественное совершенствование ядерного оружия и резкое наращивание численности средств его доставки. Основой такого рода программы послужила директива президента Трумэна от 1 января 1950 г. о начале работ над термоядерным — водородным — оружием.

План «Дропшот» (который в его первоначальном виде занимал три объемистых тома) принимал для целей планирования в качестве условной даты начала войны против СССР 1 января 1957 г. Но эта дата говорила лишь о намерении США провести тщательную подготовку к будущей войне. Фактическое же начало развязывания военных действий зависело от того момента, в который вашингтонское руководство посчитало бы США готовыми для этого, обладающими соответствующими военно-техническими преимуществами.

Несмотря на то что стратегия «сдерживания» в принципе предусматривала комплексное использование всех видов вооруженных сил США, составители плана «Дропшот» исходили из того, что война с СССР будет решена в пользу США их массированным воздушно-атомным ударом по городам и промышленным центрам Советского Союза. В одном из разделов плана уточнялось: «(1) Наиболее мощное оружие, которым союзники будут обладать в 1957 г. и которое можно применить против СССР, — это атомная бомба. Сразу же после начала военных действий следует предпринять стратегическое воздушное нападение на СССР с применением атомных бомб и в качестве дополнительного средства — обычных бомб»²⁰.

Авторы плана допускали, что в целях достижения «полной победы» придется использовать сухопутные войска. Однако ведение наземных батальев возлагалось в основном на союзников США. Сами же США должны были сконцентрироваться на стратегических бомбардировках СССР. Согласно наметкам командования стратегической авиации, в течение первых 30 дней войны предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, в том числе 8 — на Москву с целью разрушить примерно 40 кв. миль ее центра и 7 — на Ленинград.

²⁰ Dropshot, p. 159.

Предполагалось, что такой удар должен был разрушить 30—40% промышленного потенциала СССР, полностью уничтожить нефтяную промышленность, вывести из строя 6 млн. 700 тыс. рабочих и, как выразился начальник штаба ВВС США генерал Х. Ванденберг, «привести к капитуляции СССР или в любом случае к ликвидации общей способности страны вести наступательные операции»²¹.

Пентагоновские планы, хотя и допускали появление на вооружении США в конечном итоге «управляемых ракет для стратегической бомбардировки», все же предполагали маловероятным создание США такого рода оружия в значительных количествах к 1957 г. Поэтому основную ставку они делали на бомбардировочную авиацию, которая в основном должна была стартовать с баз, расположенных поблизости от Советского Союза. Именно поэтому правительством Трумэна была развернута обширная программа строительства авиабаз в Арктике, а также в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке.

Наиболее всеохватывающие установки стратегии «сдерживания» были развиты, однако, не в вышеуказанных военных планах, а в меморандуме СНБ 68, подготовленном по указанию Трумэна группой сотрудников отдела планирования госдепартамента США во главе с начальником этого отдела П. Нитце. (Этот меморандум, изображавший СССР в качестве «тотального врага» Соединенных Штатов, подробно анализируется в других разделах данной монографии.) Здесь важно отметить, что СНБ 68 содержал наиболее развернутую разработку и обоснование военно-политической стратегии «сдерживания».

«Согласно концепции сдерживания, — говорилось в документе, — поддержание сильной военной позиции рассматривается как существенно необходимое... Без совокупности превосходящей военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика сдерживания, которая фактически есть политика спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефовой политикой»²². (Здесь и далее в цитатах из документа подчеркнуто нами. — Авт.)

Далее в документе выдвигались конкретные задачи в области строительства вооруженных сил США и намечалась определенная тактика их использования. В духе, очень сильно напоминающем современные дебаты в натовском лагере, документ обсуждал возможность нанесения первого ядерного удара по СССР, подчеркивая, что «на начальной стадии атомной войны преимущества инициативы и внезапности будут весьма велики»²³.

²¹ Цит. по: Friedberg A. A History of the U. S. Strategic «Doctrine» 1945 to 1980. — Journal of Strategic Studies, 1980, Dec., p. 46.

²² FRUS, 1950, vol. 1. National Security Affairs: Foreign Economic Policy. Wash.: U. S. GPO, 1977, p. 253.

²³ Ibid., p. 266.

В связи с этим перед военным комплексом США ставилась задача добиться «подавляющего атомного превосходства» над СССР и завоевания господства в воздухе. «В случае, если мы используем атомное оружие в ответ на его первоначальное использование Советским Союзом или же потому, что у нас не будет никакого другого способа, которым мы могли добиться своих целей (!), сугубо обязательно, чтобы стратегические и тактические объекты, против которых будет использоваться атомное оружие, были бы подходящими для этого и сам метод его применения — соответствующим нашим целям»²⁴, — указывалось в документе. Таким образом, меморандум СНБ 68 откровенно предусматривал возможность нанесения Соединенными Штатами неспровоцированного ядерного удара по СССР лишь на том основании, что у США «не будет другого способа добиться своих целей»!

Помимо установки на достижение подавляющего военного превосходства над СССР, документ СНБ 68 также предусматривал использование таких разнообразных методов давления на Советский Союз и дружественные ему государства, ставшие на путь социализма, как торговую блокаду, «экономическое изматывание» Советского Союза путем «навязывания повышенного расхода советских ресурсов» в противодействии американским программам, «интенсификацию позитивных и своевременных мер и операций тайными средствами в сферах экономической войны, политической и психологической войны»²⁵ и т. д.

Реально стратегия «сдерживания» была опробована правительством США в Корее, где 25 июня 1951 г. в результате военных провокаций южнокорейского режима началась война между Корейской Народно-Демократической Республикой и Южной Кореей. На второй день после начала военных действий президент Трумэн принял решение о вооруженной интервенции США в Корее, которая по факту была оформлена как интервенция под флагом ООН²⁶. Однако это вооруженное вторжение США на Азиатский материк не принесло США военной победы. После вступления в войну китайских народных добровольцев в ноябре 1950 г. американские войска, оккупировавшие значительную часть КНДР, были отброшены далеко на юг и в конце концов линия фронта между КНДР и Южной Кореей стабилизировалась по 38 параллели. По ходу дела президент Трумэн вынужден был снять с поста верховного главнокомандующего силами ООН в Корее генерала Макартура, выступавшего за

²⁴ Ibid., p. 268.

²⁵ Ibid., p. 284—285.

²⁶ Свою интервенцию в Корею Соединенным Штатам удалось прикрыть флагом ООН, пользуясь временным отсутствием в Совете Безопасности ООН советского представителя, который не участвовал в его работе в знак протеста против отказа допустить в Совет представителя КНР и изгнать го-миньдановца. 7 июля 1950 г. США протасовали в Совете резолюцию о разрешении интервенционистским силам именоваться «войсками ООН» и использовать флаг ООН.

расширение масштабов войны, за перенос ее на территорию Китая, поскольку подобная перспектива напугала европейских союзников США, также участвовавших в войсках ООН.

В конце концов США вынуждены были подписать (27 июля 1953 г.) перемирие, переговоры о котором начались по инициативе Советского правительства. Условиями перемирия было восстановлено территориальное статус-кво (с небольшими поправками в обе стороны), существовавшее на Корейском полуострове до начала военных действий²⁷.

Западные военные эксперты были вынуждены признать, что так называемая военная ничья в Корее означала фактическое поражение США — сильнейшей капиталистической державы мира, ведшей войну с далеко не основными силами социализма. В этой войне США потеряли убитыми в сражениях 33 629 человек, а всего погибшими — 54 246 человек и 103 284 человека ранеными. Материальная стоимость для США корейской войны (с учетом выплаты пенсий американским участникам этой войны) оценивается экспертами США в 164 млрд. долл.

Стратегия «массированного возмездия» (1953—1960 гг.)

Дальнейшее укрепление экономической и военной мощи СССР, равно как и победа революции в Китае, поражение в Корее, укрепление общественного строя восточноевропейских стран, вступивших на путь социализма, усиление национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки, было расценено правящими кругами США как свидетельство того, что Трумэнская стратегия «сдерживания», нацеленная на «сокращение силы и влияния Советского Союза», провалилась. Перед республиканским правительством президента Эйзенхауэра, пришедшим к власти в США в 1953 г., встала задача внесения корректив во внешнюю политику и стратегию США.

В целях успокоения общественного мнения, взбудораженного непопулярной войной в Корее, правительство Эйзенхауэра пошло на подписание перемирия в Корее. Однако то же правительство квалифицировало стратегию «сдерживания» как слабую и малоэффективную, нацеленную якобы на то, чтобы «соревноваться с противником на условиях последнего». Подобный акцент был признан неправильным. Было решено сконцентрировать усилия США на совершенствовании стратегического термоядерного оружия, сделать максимальный рывок на этом направлении и с позиции этой «новой американской силы» продиктовать Советскому Союзу «условия мира» (естественно, мира по-американски).

²⁷ Подробнее о дипломатической борьбе за прекращение войны в Корее см.: История дипломатия, М.: Политиздат, 1974, т. V, кн. I, гл. 9, с. 274—303.

В основе такого рода подхода лежали многочисленные проработки проблемы массированного применения ядерного оружия, осуществленные еще при правительстве Трумэна Комитетом начальников штабов США и другими военными ведомствами, в том числе такие планы, как «Оффтакл», «Дропшот» и другие.

На советников Эйзенхауэра оказали большое влияние и взгляды генерала Макартура, пользовавшегося большой популярностью в кругах республиканской партии (и одно время котировавшегося в качестве ее кандидата в президенты). Республиканское руководство в принципе осудило Трумэна за его решение снять Макартура с поста главнокомандующего вооруженными силами ООН в Корее, предложившего осуществить массированные бомбардировки Манчжурии с применением ядерного оружия. Оно считало позицию Макартура правильной, а действия Трумэна неверными. Фактически основные формулировки стратегии «массированного возмездия», принятой администрацией Эйзенхауэра, были разработаны в ходе слушаний по «делу Макартура», проходивших в конгрессе США в 1951 г. На этих слушаниях небезызвестный генерал А. Вейдмейер заявил, что американская стратегия должна быть нацелена на «перехват стратегической инициативы» у противника и на принятие США акций «в моменты и в местах по нашему собственному выбору», включая нажим на СССР угрозой развязывания против него атомной войны²⁸.

Так родилась стратегия «массированного возмездия», официально провозглашенная государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом в его речи перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г.

В своей речи государственный секретарь США, отметив, что «многие из предыдущих политических курсов были хорошими», и подчеркнув двухпартийный характер американской внешней политики, тем не менее раскритиковал трумэновскую стратегию «сдерживания» как серию «аварийных мероприятий». «На эти мероприятия нельзя надеяться как па такие, которые могут служить нашим долгосрочным интересам», — сказал он. Советские коммунисты, заявил Даллес, «планируют, исходя из перспективы того, что они называют целой исторической эпохой, и мы должны делать то же самое»²⁹.

В стремлении устранить негативные моменты предшествующей стратегии, сказал Даллес, правительство США разработало новую, которая ставит своей целью «большую опору на сдерживающую

²⁸ Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 82 Congress, 1st Session to conduct an inquiry into the military situation in the Far East and the facts surrounding the relief of General of the Army Douglas MacArthur from his assignment in that area. Wash.: U.S. GPO, 1951, Pt. 3, p. 2308.

²⁹ Department of State Bulletin, 1954, Jan. 25, p. 107.

силу и меньшую зависимость от локальной оборонительной силы». Такой стратегией, объявил Даллес, «самым основным решением ... является решение полагаться главным образом на большую способность нанести мгновенно ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору»³⁰. Принятие США концепции «массированного возмездия» в качестве официальной стратегии означало, что в высшем американском руководстве восторжествовала точка зрения командования стратегической авиации, являвшейся в то время фактически единственным носителем стратегического ядерного оружия.

Стратегия «массированного возмездия» якобы ликвидировала распыление сил и средств США, шедших на военное строительство «сбалансированных вооруженных сил», и давала возможность «экономичного» военного строительства путем вложения средств и ресурсов в главный вид вооруженных сил — стратегическую авиацию.

Американские теоретики при этом доказывали, что если соревнование с СССР по строительству комплексных вооруженных сил непосильно для США, а сухопутная военная интервенция в Европе или Азии практически заранее обречена на неудачу, то сосредоточение сил на строительстве передовой военной техники — межконтинентальной авиации и термоядерного оружия — безусловно обеспечивает США недосыгаемые преимущества ввиду «бесспорного технического и технологического лидерства США». Именно уверенность американских стратегов в превосходстве США над СССР в области средств доставки ядерного оружия (включая и преимущества в их географическом размещении ввиду обширной сети заморских баз США) и подтолкнула Вашингтон к принятию стратегии «массированного возмездия». Немалую роль сыграло и давление изоляционистского крыла правящей республиканской партии, ставившего во главу угла принцип экономии сил и требовавшего, по выражению одного из лидеров этого крыла бывшего президента США Г. Гувера, превращения западного полушария в «Гибралтар западной цивилизации».

Анализ документов и других материалов приводит к выводу о двойственном характере стратегии «массированного возмездия». Если рассматривать публичные угрозы Дж. Ф. Даллеса и А. Рэдфорда (тогдашнего председателя КНШ) нанести ядерный удар по СССР фактически в случае возникновения любого локального конфликта, мнимо или реально связанного с «коммунистическим движением», то они были явным блефом.

Реальная американская стратегия, которая была сформулирована в принятой Советом национальной безопасности директиве 162/2, одобренной президентом Эйзенхауэром в октябре 1953 г., более трезво учитывала фактическое соотношение военных сил, складывавшееся между США и СССР к середине 50-х годов. Холодным душем

³⁰ Ibid., p. 108.

для горячих голов в республиканском руководстве явилось официальное советское сообщение летом 1953 г. о том, что СССР создал водородное оружие. Американским стратегам пришлось более осторожно подходить к проблеме «балансирования на грани войны», чем публично любил похваляться Дж. Ф. Даллес, и так сказать обуздывать себя на деле.

Директива 162/2 делала большое ударение на создание способности американских союзников на местах к локальному военному действию. Американский исследователь С. Браун, проделавший основательный анализ стратегических решений правительства Эйзенхауэра, пишет по этому поводу в своей книге «Лики мощи»: «Наземные силы Соединенных Штатов в районах передового базирования в Европе и Азии должны были быть в конечном итоге сокращены, и наше участие в операциях локальной обороны должно было осуществляться главным образом посредством тактической военно-воздушной и военно-морской мощи и мобильных наземных частей быстрого развертывания. Эти функции, как предполагалось, должны были строиться вокруг новых концепций тактической атомной войны»³¹.

Однако американскому империализму не удалось превратить свое временное превосходство в авиационных средствах доставки ядерного оружия в какие-либо осязаемые политико-дипломатические успехи. Американский стратегический арсенал был фактически нейтрализован успехами Советского Союза в укреплении своей обороны. Запуск первого в мире искусственного спутника Земли Советским Союзом в октябре 1957 г. явился величайшим психологическим шоком для американского руководства, пытавшегося запугать СССР угрозой массированного ядерного удара. Один из руководителей атомной программы США, физик Герберт Йорк, назначенный на вновь созданный (под влиянием «эффекта спутника») пост директора военных исследований и разработок министерства обороны США, в своих мемуарах пишет о «реакции безумия в военных службах, порожденной спутником», и об «общественном замешательстве и оцепенении в связи со спутником»³².

Через несколько недель после запуска СССР первого искусственного спутника Земли на стол президенту Эйзенхауэру был положен так называемый доклад Гейтера — сверхсекретное исследование, составленное авторитетнейшей комиссией из видных представителей мира науки, политических и деловых кругов и посвященное оценке соотношения стратегических сил двух стран в условиях, когда впервые для американских правящих кругов стал бесспорен факт уязви-

³¹ *Brown S. The Faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson.* N. Y.; L.: Columbia University Press, 1968, p. 73.

³² *York H. Race to Oblivion. A Participant's View of the Arms Race.* N. Y.: A Clarion Book, 1970, p. 116, 126.

мости собственно американской территории для ответного удара в случае развязывания Соединенными Штатами агрессии против СССР.

В качестве способа экстренного укрепления силовых позиций США в борьбе против мирового социализма доклад предлагал передать союзникам США по НАТО американское ядерное оружие (именно отсюда пошли проекты создания так называемых «многосторонних ядерных сил НАТО», рухнувшие впоследствии ввиду оппозиции ряда европейских союзников США и переоценки собственных стратегических интересов США, произведенной администрацией президента Дж. Кеннеди).

Авторы доклада, продолжая линию СНБ 68, считали, что очередной рывок в деле повышения неуязвимости американских ядерных систем (в частности, путем перевода значительной части стратегической авиации на боевое дежурство в состоянии повышенной готовности) даст США конкретные военные, политические и психологические преимущества до того, как развертывание Советским Союзом межконтинентальных баллистических ракет ликвидирует эти преимущества. Этот период (авторы доклада определяли его 1959 — началом 1960 г.) должен был явиться «лучшим временем для того, чтобы вести переговоры с позиции силы, поскольку военный статус США по отношению к России может никогда уже не оказаться столь сильным»³³.

Именно к этому периоду, как известно, относится ряд демонстраций американской военной силы, начиная с высадки морской пехоты США в Ливане в июле 1958 г. и кончая полетом шпионского самолета У-2 над территорией СССР. В тот же период правительством Эйзенхауэра начала планироваться и интервенционистская акция против Кубы, практически осуществленная его преемником — правительством Кеннеди — в апреле 1961 г. Попытки использовать позицию силы для нажима на СССР на переговорах, имевших место в 1958—1961 гг., не дали желаемого результата, что в конце концов заставило правительство Кеннеди произвести очередной пересмотр американской стратегии.

Стратегия «гибкого реагирования» (1961—1969 гг.)

Задачу приведения стратегической теории США в большее соответствие с реальностями международной обстановки взяла на себя администрация Дж. Кеннеди, пришедшая к власти в США в январе 1961 г. Она заменила обанкротившуюся стратегию «массированного возмездия» стратегией «гибкого реагирования». Последняя представляла собой синтез всех основных стратегических концепций,

³³ Deterrence and Survival in the Nuclear Age (The «Gaither Report» of 1957). Printed for the Use of the Joint Committee on Defense Production: Congress of the United States. Wash.: U. S. GPO, 1976, p. 26. («Доклад Гейтера» был рассекречен с некоторыми купюрами в 1975 г.)

имевших хождение в США после второй мировой войны, синтез, сделанный на основе более реалистической оценки соотношения сил между социализмом и капитализмом, СССР и США.

Осознание самоубийственных для США последствий неограниченной ядерной войны (что было прямым результатом нового соотношения сил на мировой арене и ликвидации традиционной заокеанской неуязвимости территории США) привело американских теоретиков, а вслед за ними и американское руководство к тому, что они стали выступать за ограниченное теми или иными рамками использование военной силы.

Через несколько недель после прихода в Белый дом Дж. Кеннеди направил конгрессу США специальное послание по вопросам военного бюджета. В нем говорилось: «Наши вооружения должны быть достаточными для того, чтобы выполнить наши обязательства и обеспечить нашу безопасность без того, чтобы их связывали деспотические бюджетные рамки. Наша страна может позволить себе быть сильной... Наша оборонная позиция должна быть как гибкой, так и решительной... Мы должны иметь способность обдуманно выбирать виды оружия и стратегию, варьировать темпы нашего производства и изменять управление нашими войсками, для того чтобы в сжатые сроки и при любых обстоятельствах приспособливаться к меняющимся условиям или целям. Наши системы оружия должны быть используемы способами, позволяющими обдуманно и с разбором выбирать время их применения, масштабы и цели в ответ на указания гражданского руководства»³⁴. Учитывая такую постановку вопроса, понятно другое название, которое получила стратегия «гибкого реагирования». Она часто именовалась также «стратегией дозированного использования силы».

Эта стратегия была принята на вооружение американским правительством отнюдь не из-за какого-то миролюбия или желания пойти на одностороннюю уступку противникам. Концепция о необходимости «дозированного использования силы» была выдвинута в первую очередь в расчете на то, что если США обязуются «дозированно» или по крайней мере не необдуманно-безрассудно использовать на международной арене военную силу, то и их потенциальные противники (в первую очередь СССР) также должны будут реагировать гибко, что даст возможность не допустить эскалации любого случайно возникшего конфликта до таких размеров, когда в ход будет пущено стратегическое ядерное оружие.

Почему в новых условиях применение стратегического ядерного оружия, т. е. большая война, стало считаться руководством Вашингтона нежелательным? Да потому, что теперь стратегическая бомбардировка из сугубо односторонней перспективы, какой она рисовалась американским стратегам в середине 50-х годов, стала перспективой двусторонней. Причем такой перспективой, которая

³⁴ President John F. Kennedy: To Turn the Tide. L.: Hamish Hamilton, 1962, p. 56—60.

грозила крушением американского общественного строя в случае стратегической войны. Возможность такого рода оборота дела публично признал не кто иной, как министр обороны США Р. Макнамара в своем выступлении в Мичиганском университете в Энн Арбор 16 июня 1962 г. Потом он не раз повторял эту мысль, говоря о том, что не надо «избирать курс действий, который почти наверняка приведет к уничтожению нашей страны, когда такого курса можно избежать без каких-либо особых потерь для нас»³⁵.

В области стратегической, или «большой», войны, ставшей нежелательной для Вашингтона в условиях нового соотношения сил, принцип дозировки выражался в ряде формул и теорий. Среди них в первую очередь следует назвать концепцию эскалации, разработанную известным американским стратегом-теоретиком Германом Каном — директором Гудзоновского института. Выдвигая эту концепцию, моделирующую процесс разрастания конфликта — от дипломатических демаршей через мобилизацию войск и военные демонстрации к обычному конфликту и затем через «порог» локальной ядерной войны к ограниченному использованию стратегического ядерного оружия вплоть до «тотального» применения сторонами всего наличного запаса такого оружия, Кан исходил из того, что, «если у вас нет теории о том, как пережить войну, вы вряд ли нажмете кнопку»³⁶. «Лестница эскалации» Г. Кана с ее детально разработанными «ступенями эскалации» как раз и была попыткой создания теории о том, как «пережить» даже «большую» войну, не доводя дело до «финальной пробы сил»!

Двуединая концепция эскалации как силовой борьбы и переговоров с противником как бы дезавуировала старый подход, проводивший непреходимый рубеж между войной и переговорами, когда переговоры рассматривались лишь как способ подведения итогов столкновения, а не как одновременный и параллельный с военным противоборством процесс урегулирования конфликта.

Наконец, упор той же теории эскалации на психологическое использование угрозы силой также можно было интерпретировать как в известной мере более осторожный подход к вопросу о прямом физическом применении основной силы.

Определенная осторожность пронизывала и разработанную в тот же период концепцию «неядерной паузы» в Европе в случае начала большого конфликта. Во время такой паузы противники, по мнению американских теоретиков, могли бы «оглядеться вокруг» и решить, стоят ли ставки того, чтобы возводить конфликт в ядерную фазу. Эта теория была выдвинута отчасти и из-за опасения того, что какой-то союзник США мог бы умышленно втравить США в ядер-

³⁵ Department of Defense Appropriations for 1964. Subcommittee of the Committee on Appropriations. House of Representatives. Wash.: U. S. GPO, 1963, Pt 1, p. 331.

³⁶ U. S. News and World Report, 1965, June 7, p. 49.

ный конфликт с СССР, руководствуясь своими собственными узкоэгоистическими расчетами.

Начиная со второй половины 60-х годов в официальных заявлениях американского руководства стала все больше подчеркиваться «сдерживающая» («deterrent») функция американских стратегических сил, предназначенных-де лишь для «неприемлемого ответа» потенциальному противнику в случае его ракетно-ядерного нападения на США.

В условиях создания СССР многокомпонентных, надежно защищенных стратегических ядерных сил (сухопутные МБР, баллистические ракеты на подводных лодках, стратегическая авиация) никакой первый ракетно-ядерный удар по СССР не сможет обезоружить СССР настолько, чтобы сделать его ответный удар по США «приемлемым» для США — переносимым, не раз признавали американские руководители в своих выступлениях в конгрессе и на других форумах. В этих условиях единственно разумной — непровоцирующей — позицией для США остается лишь угроза нанести противнику «неприемлемый ущерб» в ответ на ядерное нападение на США. Такова была официальная позиция, которую американское правительство заняло со второй половины 60-х годов.

И тем не менее, несмотря на понимание демократическими администрациями США тщетности большой войны, 60-е годы явились, пожалуй, одним из самых интенсивных за всю американскую послевоенную историю периодов гонки вооружений в США, в особенности стратегических.

Итоги реализации макнамаровской программы строительства стратегических вооружений в обобщенных показателях могут быть охарактеризованы следующими данными ³⁷:

	1961 г.	1968 г.
Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)	28	1054
Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ)	80	656
Стратегические бомбардировщики	1654 *	648
Средства доставки стратегических ядерных зарядов **	1762	2358
Дивизии армии и морской пехоты	14	24
Авиакрылья ВВС, ВМС и морской пехоты	40	46
Корабли ВМС	819	932
Торпедные атомные подводные лодки	13	33
Численность регулярных вооруженных сил, млн. человек	2,5	3,5

* Включая средние бомбардировщики передового базирования.

** Под средствами доставки к целям стратегических ядерных зарядов подразумевается суммарное количество МБР, БРПЛ и атомных бомбардировщиков (в 1968 г. — без средних).

³⁷ Laird M. Statement before the House Armed Services Committee on the Defense Budget, Febr. 15, 1972, Wash.: U. S. GPO, 1972; *Schultze Ch., Fried E. et al. Setting National Priorities*, Wash.: The Brookings Institution, 1972.

Это колоссальное наращивание Соединенными Штатами своей стратегической мощи в 60-х годах (на которое СССР был вынужден в конце концов ответить) было призвано не просто обеспечить США «гарантированный потенциал ответного удара» (как уверял в том американскую и мировую общественность Р. Макнамара, доказывавший, что, по подсчетам Пентагона, для этого было достаточно, чтобы США при любой ситуации сохранили возможность доставить на цели в СССР 400 ядерных зарядов в одномегатонном эквиваленте). На деле Соединенные Штаты стремились создать потенциал первого — обезоруживающего — удара против СССР, что подтверждалось не только масштабами строительства американских наступательных ядерных вооружений (преступавших все разумные рамки «достаточности» для обороны), но и такими решениями США, как решение 1962 г. развернуть широкую систему гражданской обороны (включая массовое строительство индивидуальных противорадиационных убежищ) и решение 1967 г. о создании общенациональной сети противоракетной обороны (призванной существенно ограничить ущерб для США от ответного удара Советского Союза стратегическими силами, существенно ослабленными, как предполагалось, в результате американской ядерной атаки).

Составленный в США в 1962 г. второй Единый интегрированный оперативный план стратегических целей на территориях СССР и других социалистических стран на деле предусматривал не столько ответный удар по советским городам, сколько обезоруживающий удар по советским военным объектам (так называемый контрсилловой удар), как это два десятилетия спустя фактически подтвердил тот же Р. Макнамара.

В интервью корреспонденту «Лос-Анджелес таймс» весной 1982 г. Р. Макнамара, выступающий ныне за то, чтобы привести элементы реализма, сдержанности в американскую стратегию, сказал: «Прочтите еще раз мой меморандум президенту Кеннеди (от 21 ноября 1962 г., рассекреченный 20 лет спустя.— *Авт.*). Сегодня мне страшно даже читать его: „ВВС в общем склоняются к поддержке такого развития вооруженных сил, чтобы это обеспечило Соединенным Штатам потенциал первого удара, в наличии которого у США Советский Союз не сомневался бы благодаря нашей способности ограничить ущерб для Соединенных Штатов и наших союзников уровнями, приемлемыми в свете соответствующих обстоятельств и возможных вариантов“. Это значит, что ВВС поддержали увеличение американских сил в таких масштабах, чтобы они получили возможность при первом ударе уничтожить столь существенную часть советских ядерных сил, что у русских не осталось бы достаточно оружия для того, чтобы ответный удар с их стороны мог вызвать у нас какую бы то ни было тревогу. Бог мой, если русские считали, что такова наша цель, то как, по-вашему, они должны

были реагировать? Я думаю это объясняет — я думал в то время, что это объясняло, — многие их действия»³⁸.

Запланированное быстрое наращивание Соединенными Штатами числа стратегических боеголовок, обеспеченных средствами доставки (в том числе путем установки на ракеты многозарядных разделяющихся ядерных головных частей системы МИРВ), должно было, по расчетам американских «математических» стратегов (широко привлеченных Макнамарой на работу в Пентагон из разного рода «фабрик мыслей» типа РЭНД корпорейшн), создать для США контрсиловое военное превосходство в рамках начавшего складываться между США и СССР общего стратегического паритета. Обладая таким превосходством, США рассчитывали «сдерживать» СССР сильнее, чем СССР сдерживает США, что тем самым, по замыслам американских теоретиков и лидеров, должно было давать США возможность несдержанного поведения «на периферии» — использования обычных вооруженных сил для борьбы против национально-освободительных и иных революционных движений. А именно с помощью вооруженного насилия США надеялись предотвратить развал той неофициальной американской «империи», которую США сумели создать в несоциалистической части мира, заместив в ней старые колониальные державы путем экономического проникновения и других неоколониалистских инструментов силы.

Под прикрытием, как считалось в Вашингтоне, «благоприятствующего США стратегического фона» Соединенные Штаты при президенте Кеннеди напрямую ввязались в гражданскую войну в Индокитае с целью недопущения победы национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме. Однако эта авантюра оказалась роковой для Вашингтона. Соединенные Штаты вышли из нее в 1972 г. резко ослабленными физически и психологически, фактически потерпев в джунглях Вьетнама первое за всю свою историю военное поражение. Фиаско США во Вьетнаме нанесло сильный удар по политике «с позиции силы», проводившейся различными американскими правительствами начиная с 1945 г. Половину этого периода США провели в войнах — корейской и вьетнамской (не говоря уже о многих более мелких военных интервенциях), будучи единственной крупной державой — участницей второй мировой войны, фактически так и не прекратившей воевать по ее окончании.

Крах политики военной интервенции показал правящим кругам

³⁸ Los Angeles Times, 1982, Apr. 8.

Наличие подобной стратегической установки подтвердил также Джеймс Шлесинджер в то время, когда он занимал пост министра обороны США. «Хотя наша открытая публичная доктрина делала акцент лишь на ударе по городам, это не тот вариант, каким фактически нацеливались наши силы», — заявил он, выступая в одной из сенатских подкомиссий (U.S.—U. S. S. R. Strategic Policies. Hearings before the Subcommittee on Arms Control, International Law and Organization of the Committee on Foreign Relations United States Senate 93d Congress, 2nd Session. Mar. 4, 1974. Wash.: U. S. GPO, 1974, p. 8).

США ограниченность возможностей использования ими инструмента военной силы даже на так называемой периферии в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене.

Еще в 50-е годы, когда США активно помогали в Индокитае французским колонизаторам, президент Эйзенхауэр выдвинул упоминавшуюся выше теорию домино. Поражение США в Индокитае фактически повело к своеобразной «реакции падающих домино» в том смысле, что сначала страны Юго-Восточной Азии, а затем и всего азиатского и ближневосточного региона стали все активнее ставить под вопрос целесообразность тесных военных уз с США, склоняться к проведению политики, менее зависимой от Вашингтона.

Ввиду изменений в соотношении сил на мировой арене, Соединенным Штатам пришлось привыкать к более скромной роли в мировой политике, приспосабливать свою политику к политике других государств.

Корректировка стратегических установок

В своем внешнеполитическом послании конгрессу США от 18 февраля 1970 г., претенциозно озаглавленном «Новая стратегия в интересах мира», республиканский президент США Р. Никсон назвал три столпа, на которых американское республиканское правительство собиралось строить свою военно-политическую стратегию. Такими столпами были: партнерство, сила (под которой подразумевалась в первую очередь военная сила) и переговоры. Включение переговоров с потенциальными противниками в качестве равноправного элемента в набор средств стратегии наряду с традиционными ее элементами — силой и партнерством (т. е. военно-блоковой политикой) — явилось тем новым обстоятельством, которое свидетельствовало о повороте США к несколько большему реализму во внешней политике.

Более того, вступая второй раз на пост президента в январе 1973 г., Ричард Никсон позволил себе прямо полемизировать с философией президента Кеннеди относительно миссии США в мире. Последний, вступая на пост президента в 1961 г., говорил: «Мы заплатим любую цену, взвалим на себя любое бремя, пойдем на любые лишения и выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы»³⁹ (т. е. порядков, угодных американскому империализму).

Республиканский же президент в такой же инаугурационной речи 12 лет спустя — 20 января 1973 г. — заявил: «Прошло то время, когда Америка превращала конфликты всех других народов в свои собственные, брала на себя ответственность за судьбы всех прочих стран и считала своим долгом указывать народам других стран, как решать их проблемы»⁴⁰.

³⁹ New York Times, 1961, Jan. 21.

⁴⁰ Ibid., 1973, Jan. 21.

Такая более скромная оценка лидерами США американских сил и возможностей, конечно же, не означала отказа Соединенных Штатов от противоборства на мировой арене с потенциальными противниками. Подобный подход, однако, свидетельствовал о стремлении американского руководства в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене перенести центр тяжести противоборства в невоенные сферы, менее опасные для Соединенных Штатов Америки.

Основным политическим документом, определившим установки новой военно-политической стратегии республиканской администрации, явилась так называемая «доктрина Никсона», сформулированная президентом США в довольно туманных выражениях на пресс-конференции на о-ве Гуам летом 1969 г. Затем эта доктрина была подробнейшим образом развита в выступлениях самого президента, государственного секретаря США и министра обороны.

«Смысл доктрины, которую я провозгласил на Гуаме... — заявил президент США, — состоит в том, что США будут участвовать в обороне и развитии наших союзников и друзей, но Америка не может и не будет разрабатывать все планы, все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме оборону свободных стран мира. Мы будем оказывать помощь в тех случаях, когда в этом есть реальная нужда и когда это будет отвечать нашим интересам. ...Наши обязательства должны определяться нашими интересами, а не наоборот»⁴¹.

«Доктриной Никсона» Вашингтон как бы заявил своим союзникам, что все обязательства США по военным договорам будут выполняться ими не автоматически, а в зависимости от обстоятельств, времени, заинтересованности самих США и т. д. Тем самым США обеспечивали себе большую свободу маневра.

«Доктрина Никсона» наряду с определенным реализмом содержала много элементов традиционного империалистического подхода, лишь модифицированного применительно к новым обстоятельствам. И основным элементом такой модификации в широком смысле — помимо более свободного отношения к формальным американским внешнеполитическим обязательствам — явилась попытка возвращения к традиционной для США концепции «баланса сил», когда, маневрируя между несколькими «центрами силы», США могли бы вести военное строительство по оптимуму, полагаясь на использование в своих интересах противоречий между другими «центрами сил» на мировой арене.

В развитие «доктрины Никсона» Вашингтон осуществил в 70-е годы целый ряд шагов на международной арене, которые, по его замыслам, должны были привести к большей свободе для США, к более равномерному распределению «бремени и ответственности» за охранение устоев капитализма между США и их союзниками, к более спокойным и нормальным отношениям с потенциальными противниками.

⁴¹ Ibid., 1970, Febr. 19.

Стратегия «реалистического сдерживания» (1970—1976 гг.)

Через два года после своего прихода к власти в США республиканское правительство Никсона официально объявило о том, что оно пересмотрело военно-политическую стратегию. В результате этого пересмотра стратегия «гибкого реагирования» была официально заменена стратегией «реалистического сдерживания». Это новая формулировка была выдвинута министром обороны в первой администрации Никсона М. Лэйрдом в его заявлении о военной программе США на 1972—1976 гг. в комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей 9 марта 1971 г.

«Мы, — заявил министр обороны США о новой американской стратегии, — называем ее реалистической потому, что она призвана учитывать важнейшие факторы реальной действительности, с которыми сталкивается Америка и весь остальной мир в эти трудные времена. Она признает, что не может быть никаких мгновенных решений проблем, одновременно встающих перед нами... Четыре главных фактора реальной действительности, приведшие к принятию новой стратегии, таковы: стратегическая реальность, финансовая реальность, реальное положение с людской силой и политическая реальность. Стратегическая реальность включает в себя прежде всего колоссальный рост военной мощи Советского Союза, явно уступавшего нам в силе в начале 60-х годов и добившегося сегодня почти что паритета»⁴².

Обсуждая другие факторы «стратегической реальности», американские стратеги подчеркивали также приобретение ядерной способности Китайской Народной Республикой и учитывали направленность внешней политики, проводившейся Мао Цзэдуном.

Более того, республиканское правительство объявило о том, что в соответствии с установками новой стратегии США отныне в своем военном строительстве будут ориентироваться на обеспечение способности к ведению не двух с половиной войн, как раньше (большой войны в Европе, большой войны в Азии и «половинной» (малой) войны где-то еще), а всего лишь полутора войн. При этом оно дало прямо понять, что речь идет о ликвидации способности США к «большой азиатской войне», иначе говоря, войне против КНР. «Что касается способностей вооруженных сил США в Азии, то мы не планируем сохранять в течение долгого времени отдельные крупные боевые силы США, специально сорентированные на этот театр»⁴³, — заявил министр обороны США в марте 1971 г. И хотя на деле США никогда не имели способности к ведению «двух с половиной войн» (даже «половинная», с точки зрения Вашингтона,

⁴² Commanders Digest, 1971, May 1, p. 2.

⁴³ Statement of Secretary of Defense M. R. Laird on the Fiscal Year 1972—1976 Defense Program and the 1972 Defense Budget, Mar. 9, 1971. Wash.: U. S. GPO, 1971, p. 77.

война во Вьетнаме потребовала использования значительной части вооруженных сил США), это декларированное изменение доктринальных установок явилось недвусмысленным сигналом Вашингтона о намерениях существенно уменьшить военную угрозу Китаю со стороны США. Этот шаг Вашингтона, безусловно, подтолкнул КНР на улучшение отношений с Соединенными Штатами.

Стратегия «гибкого реагирования» 60-х годов молчаливо признавала девальвацию американского ядерного арсенала перед лицом окрепшей обороноспособности СССР, роста его стратегических вооружений. Стратегия «реалистического сдерживания» не только сохраняла эту линию, выражающуюся в установке на нежелательность ядерного конфликта с СССР; учитывая «урок Вьетнама», США стали более осторожно подходить к использованию своих обычных вооруженных сил. Отсюда — попытка замены чисто американской военной силы в качестве «гаранта международной безопасности» (т. е. сохранения в большей части мира прозападного статуса) «совокупной силой» Запада.

«В своем простейшем определении,— говорил американский министр обороны,— реалистическое сдерживание — это та стратегия, которую мы разработали, чтобы осуществить доктрину Никсона... Эта стратегия призывает другие страны увеличить их усилия — за исключением сферы ядерного оружия — для обеспечения их обороны, в частности путем предоставления живой силы... Она предлагает американскую помощь — экономическую и военную — и американскую поддержку тем странам, где затронуты наши интересы»⁴⁴.

В соответствии со стратегией «реалистического сдерживания» количественная сторона военных приготовлений, в первую очередь в области живой силы, начала трактоваться как по преимуществу дело союзников и партнеров США. Свою же задачу Вашингтон стал рассматривать как задачу улучшения качества основного ядра вооруженных сил — стратегического ракетно-ядерного арсенала США — при параллельном совершенствовании обычных вооружений.

Вашингтон потребовал от своих союзников вместо опоры на сухопутные силы США опоры на собственные военные силы. И это относилось не только к азиатским союзникам США, где стала осуществляться замена американских вооруженных сил местными (программы «вьетнамизации», «корейзации» и т. д.), но и к американским союзникам по НАТО.

Однако, осуществляя известный пересмотр своих военных обязательств, форм и способов вмешательства в локальные конфликты, американское руководство не переставало подчеркивать, что США отнюдь не отказываются от своей «глобальной роли», а лишь модифицируют практику ее осуществления. «Доктрина Никсона,— подчеркнул президент США в беседе с известным американским жур-

⁴⁴ New York Times, 1971, Apr. 22. Таким образом, президент Никсон позаимствовал кое-что из практики администрации Эйзенхауэра, в которой Никсон был вице-президентом.

налистом С. Сульцбергером, — предназначается для специфической цели сохранения американской роли в мире, а отнюдь не ухода из мира и отказа от международной ответственности... Напа ответственность не ограничивается ответственностью за этот великий континент (Северной и Южной Америки. — *Авт.*), но включает Европу, Средний Восток, Юго-Восточную Азию, Восточную Азию, многие районы, судьбы которых затрагивают мир на земле...» «Только Соединенные Штаты, — самоуверенно добавлял он, — обладают достаточной силой, чтобы быть в состоянии поддерживать баланс сил в Европе и в других районах, которые в ином случае могли бы оказаться затронутыми»⁴⁵.

Прекращение войны в Индокитае привело к сокращению численности американских войск за рубежами страны с 1 млн. 200 тыс. в 1968 г. до 490 тыс. в 1975 г. (в основном за счет вывода полумиллионного корпуса США из Вьетнама).

Была увеличена экономическая и военная помощь, оказываемая США своим союзникам по военным блокам и другим странам, выступающим в качестве локальных форпостов американского империализма. В то же время в Европе Соединенным Штатам удалось переложить часть военного бремени на своих натовских союзников.

Наряду с уменьшением присутствия на заморских театрах Соединенные Штаты видоизменили и сами его формы, делая больший упор на мобильные военно-морские силы, не столь зависящие от военных баз на иностранных территориях (концепция «загоризонтного присутствия»). В отношении самих военных баз был сделан переход к так называемой островной стратегии в противовес прежней практике сохранения заморских военных баз на материках. В порядке понижения заметности американского военного присутствия в мире — так называемого ухода за горизонт — и в то же время с целью компенсации сокращения своего сухопутного присутствия Соединенные Штаты усилили постоянное военно-морское патрулирование в Тихом океане, Средиземном море и в особенности в Индийском океане и Персидском заливе.

Осуществляя сокращение обычных вооруженных сил, раздутых в период вьетнамской войны, республиканская администрация уменьшила их численность с 3548 тыс. человек до 2100 тыс. человек. С 1 июля 1973 г. США отказались от призыва и перешли на формирование вооруженных сил на добровольческой основе, что явилось в первую очередь уступкой состоятельным слоям населения. При этом сокращение численности вооруженных сил США было в значительной мере компенсировано повышением боеготовности и улучшением качества подготовки сил резерва и Национальной гвардии.

Вместо явно провоцирующей концепции «превосходства» администрацией США в 1971 г. была выдвинута концепция «достаточ-

⁴⁵ International Herald Tribune, 1971, Mar. 11.

ности» вооруженных сил. Эта концепция, с одной стороны, вынужденно признавала факт стратегического паритета между СССР и США, а с другой — набрасывала дополнительный покров тайны на основные принципы американского военного строительства.

Можно считать, что в основе концепции «достаточности» лежало стремление американского руководства и Пентагона сохранить лидерство в области качественного совершенствования стратегических вооружений при согласии на более или менее равные количественные уровни стратегических вооружений США и Советского Союза.

В рамках общих переговоров с СССР о «кодексе поведения» США выразили готовность вести переговоры о стабилизации военного равновесия путем ограничения гонки вооружений, в первую очередь стратегических. Тем не менее, несмотря на все эти поправки в стратегии, большинство даже самих американских военных теоретиков отказывались видеть какую-либо принципиальную разницу между стратегией «реалистического сдерживания» и стратегией «гибкого реагирования» и считали первую практически продолжением второй, лишь под другим названием.

Какое-то более или менее собственное лицо у стратегии «реалистического сдерживания» появилось лишь с выдвижением так называемой «доктрины Шлесинджера» о перенацеливании американских стратегических сил с гражданских на военные объекты в СССР. Эту концепцию министр обороны в администрациях Никсона—Форда Дж. Шлесинджер впервые изложил на пресс-конференции в Вашингтоне 10 января 1974 г. и подробно развил в своем докладе конгрессу о военном бюджете США на 1975 финансовый год.

Доктрина «ограниченной» ядерной войны («доктрина Шлесинджера»)

Выдвижение Шлесинджером концепции «ограниченной ядерной войны» было дальнейшим развитием так называемых контрсилловых аспектов стратегии США, стремлением американского руководства тем или иным образом вырваться из сковывающей свободу их действий ситуации стратегического ядерного паритета между СССР и США.

В свое время, когда США были монополистами на атомное оружие, и даже в первое десятилетие после ликвидации американской атомной монополии, когда американские руководители считали, что США обладают гораздо большим, чем СССР, числом как ядерных бомб, так и эффективных средств доставки ядерного оружия на стратегические расстояния, они не ставили вопроса ни о каких ограничениях на ядерную войну.

Массированные бомбардировки центров промышленности и населения противника рассматривались в качестве основного способа использования ядерного оружия, «слома воли» противника и выигры-

ша войны. Однако после того, как у другой стороны — СССР — появились не менее эффективные средства доставки ядерных зарядов на цели в США, американские стратеги и официальные лица принялись добиваться теоретических ограничений на стратегическую ядерную войну, с тем чтобы придать даже такой войне «более военный», более традиционный характер. Этого, как считается, можно достигнуть использованием стратегических ядерных сил в основном не против гражданских объектов, а против военных целей: командных постов, ракетных шахт, авиабаз, баз подводных лодок, военных складов, концентраций войск и т. д. Именно такого типа обмен ядерными ударами и предусматривался «доктриной Шлесинджера». Выдвигая тезис о перенацеливании стратегических сил США с гражданских на военные объекты в СССР, американское руководство как бы сигнализировало Советскому Союзу: в случае, если дело дойдет до обмена ядерными ударами, США, мол, не будут стремиться к чрезмерным разрушениям и жертвам на территории другой стороны, а будут выводить из строя лишь его вооруженные силы и военные объекты. А раз такова будет стратегия США, то и у другой стороны должен появиться сильнейший побудительный мотив воздержаться от ударов по центрам населения США и ограничить свой удар по Соединенным Штатам также военными объектами.

Внешне в таком рассуждении есть определенная доля логики: традиционно война в современную эпоху представляла собой столкновение и борьбу в основном между специализированными военными комплексами участников со стремлением избежать ненужных жертв среди гражданского населения. Правда, применение авиации и других средств массового разрушения и глубокого проникновения в первой и особенно во второй мировых войнах нарушило этот неписанный закон войны, а первое применение Соединенными Штатами атомного оружия против двух гражданских центров Японии в 1945 г. полностью его подорвало. Тем не менее желание вернуть войне военный характер, т. е. осуществлять ее как противоборство вооруженных сил сторон, а не как борьбу вооруженных сил одной стороны против гражданского комплекса другой, не может быть осуждено само по себе, если речь идет о законах войны. Однако, делая упор на контрсилловых аспектах стратегии, американские военные руководители заботились не столько о судьбах советского народа и о своем собственном гражданском населении, сколько стремились сделать стратегическое ядерное оружие реально используемым в войне, а не просто средством удержания потенциального противника от нападения на США угрозой сокрушительного ответного удара.

В самом деле, контрсилловой удар по военным силам другой стороны имеет смысл лишь в качестве первого — обезоруживающего — удара. Имеет смысл бить по ракетам и бомбардировщикам другой стороны пока они еще не запущены на цели; наносить же ответный удар по пустым шахтам и аэродромам вряд ли целесообразно. Стало

быть, официально выдвигая концепцию контрсилового стратегической войны, американское руководство хотело не только легализовать стратегическую ядерную войну, но и фактически повысить стратегическую ядерную угрозу СССР даже в условиях мирного времени. И это фактически прямо подтвердил тот же Шлесинджер, заявивший в июле 1975 г., что США не исключают применения стратегического ядерного оружия первыми.

Выдвижение этой воинственной концепции и разглаговольствования министра обороны о первом ударе отчасти можно было объяснить стремлением Вашингтона демонстрацией подобной воинственности отвлечь внимание от крупнейшего поражения США: весной 1975 г. пал Сайгон и пришел конец марионеточному проамериканскому режиму в Южном Вьетнаме. Однако в более широком плане выдвижение Шлесинджером новой доктрины было попыткой американского руководства добиться для США — даже в условиях стратегического паритета между СССР и США, зафиксированного советско-американскими соглашениями 1972 г. об ограничении стратегических вооружений, — определенных стратегических преимуществ.

Выступая со своей концепцией, Дж. Шлесинджер лишь официально и публично подтверждал те стратегические установки, которые, как отмечалось выше, фактически были заложены уже в стратегии Макнамары. На максимизацию контрсилового возможностям США было нацелено и стратегическое строительство США в конце 60-х — первой половине 70-х годов, когда Пентагон, прекратив количественный рост своих стратегических вооружений, перешел к их качественному совершенствованию с упором именно на повышение их контрсиловых способностей (развертывание более компактных и более точных разделяющихся головных частей на МБР — система МИРВ, увеличение «зарядности» стратегических бомбардировщиков путем оснащения их ядерными ракетами СРЭМ класса «воздух — поверхность» и тем самым — быстрое увеличение числа боеготовых стратегических ядерных зарядов при сохранении прежнего числа стартовых комплексов).

Пентагоновские стратеги, конечно, понимают, что договоренность с любым потенциальным противником о каких-то правилах войны, правилах обмена ядерными ударами, которые бы максимизировали американские возможности и минимизировали возможности другой стороны, недостижима. Такого рода «правила» можно лишь надеяться навязать с позиций превосходящей силы. И для того чтобы побудить другую сторону вести борьбу по американским «правилам», «Соединенные Штаты должны были бы всегда держать некоторые из наиболее ценных активов противника в качестве „заложников“». По сути дела, осуществляя один или серию ограниченных ядерных вариантов, США должны будут продолжать сохранять в резерве силы „гарантированного уничтожения“, предназначенные для ударов по городам и промышленным целям, — отмечает американский автор А. Фридберг. — Таким образом, центральной посылкой, стояв-

шей за изменениями в стратегии, объявленными в 1974 г., было то, что в обозримом будущем советские силы будут не в состоянии уничтожить американские силы, сохраняемые в резерве»⁴⁶.

Иначе говоря, американское руководство исходило из того, что определенные качественные преимущества США и большее число стратегических ядерных зарядов, обеспеченных средствами доставки, дают США возможность даже в условиях общего паритета сторон по числу стратегических пусковых установок добиться намного лучшего для себя исхода «ядерного обмена», особенно если США ударят первыми по советскому стратегическому комплексу и тем самым значительно ослабят силу советского ответного удара, сохранив в то же время силы и для массированного второго удара по СССР в случае необходимости. Именно эти установки были заложены в так называемый меморандум о решении в области национальной безопасности № 242, одобренный президентом Никсоном в апреле 1974 г. и практически реализованный в едином интегрированном оперативном плане № 5, принятом в декабре 1975 г. Этот план распределял ядерные силы США и их союзников по НАТО между 25 тыс. целей на территории СССР и стран Варшавского Договора⁴⁷.

«Доктрина Шлесинджера» фактически служила пропагандистским изложением некоторой части секретных установок, заложенных в вышеназванных документах, таким их отражением, которое, по мнению американских политиков, должно было бы произвести наибольшее впечатление на потенциального противника.

Наконец, само обсуждение проблемы «стратегического ядерного обмена» между США и СССР, затеянное Вашингтоном в ситуации разрядки, в ситуации, когда уже начались переговоры о втором советско-американском соглашении по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-2), было призвано охладить разрядку, продемонстрировать, что США отнюдь не торопятся идти вперед в деле улучшения советско-американских отношений.

Выдвижение «доктрины Шлесинджера» показало всему миру, что США не исключают инструмент стратегической ядерной войны из арсенала своих внешнеполитических средств. Это, безусловно, явилось прямой диверсией против советско-американской военной разрядки, столь успешно начатой соглашениями 1972 г.

⁴⁶ Friedberg A. Op. cit., p. 57.

⁴⁷ См.: Ball D. Developments in U. S. Strategic Nuclear Policy Under the Carter Administration. ASIS Working Paper N 21, Center for International and Strategic Affairs. Los Angeles: University of California, 1980, Febr., p. 8, 10.

Ключевые решения по вопросам стратегии США в 60—70-е годы формулировались в документах СНБ, носивших разные названия при разных президентах: «проект президентского меморандума» в период Кеннеди—Джонсона, «меморандум о решениях в области национальной безопасности» в период Никсона—Форда и «президентский обзорный меморандум» и обязывающая к его исполнению «президентская директива» в период Картера.

Стратегия «компенсирующего противодействия» (1977—1980 гг.)

Приход к власти США в январе 1977 г. администрации демократической партии во главе с президентом Дж. Картером не привнес чего-либо существенно нового в военно-политическую доктрину или стратегию США. Тщательная оценка стратегического баланса между США и СССР, осуществленная в президентском обзорном меморандуме № 10, показала стабильность этого баланса и вновь подтвердила вывод о том, что в ядерном конфликте США с СССР не было бы победителя. (Американские жертвы в таком конфликте составили бы, по оценкам меморандума, 140 млн. человек⁴⁸.)

В президентской директиве № 18, составленной на основе президентского обзорного меморандума № 10, президент Картер подтвердил действенность установок никсоновского меморандума № 242 по вопросам стратегии. Президент США поручил министру обороны Г. Брауну продолжать делать ставку на сохранение США способности к нанесению «неприемлемого ущерба» противнику путем ответного удара (даже если по США будет нанесен первый ядерный удар). Вместе с тем перед вооруженными силами США была также поставлена задача иметь способность к выборочным ядерным ударам. «Как указали в кругах правительства,— отмечала газета „Нью-Йорк таймс“,— это не представляет собой радикального отхода от прошлой стратегической доктрины» (т. е. от «доктрины Шлесинджера». — *Авт.*)⁴⁹.

Таким образом, речь, по сути дела, шла о дальнейшем развитии стратегии «гибкого реагирования», которая с 1961 г. и является стратегией США, несмотря на то что администрация Никсона дала ей название «реалистического сдерживания», а администрация Картера в конце концов переименовала ее в стратегию «компенсирующего противодействия». То, что речь шла именно о развитии стратегии «гибкого реагирования», было фактически подтверждено министром обороны США Г. Брауном в его докладах и выступлениях в 1977—1981 гг., посвященных проблемам стратегии и строительства вооруженных сил США. В этих выступлениях Браун подчеркивал, что Соединенные Штаты будут стремиться к сохранению принципиального равновесия с СССР в области стратегических вооружений. Поддержание такого равновесия требует, по утверждению Брауна, выполнения четырех общих условий:

- 1) советские стратегические ядерные силы не должны становиться используемым инструментом политического воздействия, дипломатического нажима или военного превосходства;
- 2) поддержания ядерной стабильности, особенно в случае кризиса;

⁴⁸ *Ball D. Op. cit.*, p. 9—10.

⁴⁹ *New York Times*, 1977, Aug. 29.

3) любые советские преимущества в (тактико-технических) показателях стратегических сил должны компенсироваться преимуществами США в других показателях такого рода;

4) США не должны уступать Советскому Союзу в силе своих стратегических позиций ни в действительности, ни в чем-либо представлении⁵⁰.

Однако, официально выступая за сохранение определенной степени равновесия с Советским Союзом в стратегической области, американское руководство реально сделало ставку на накопление определенных стратегических преимуществ над СССР. Наиболее результативный способ получения таких преимуществ оно усматривало в дальнейшем наращивании и совершенствовании контрсилового потенциала американских стратегических сил.

Таким образом, несмотря на кажущиеся зигзаги в официальном провозглашаемых Вашингтоном доктринальных установках, реальная американская стратегическая политика в 60–70-е годы состояла в целенаправленном развитии стратегических сил в сторону постепенного повышения их контрсиловых возможностей. (Постепенность, кстати сказать, не была результатом какого-то сознательного замедления этого процесса политическим руководством, как это утверждают в расчете на простаков некоторые американские авторы, а объяснялась чрезвычайной сложностью технических решений, в особенности касающихся повышения точности нацеливания.) Именно в создании превосходства по контрсиле американское политическое руководство усматривает возможность сохранить американский стратегический арсенал не только в качестве средства «разубеждения» потенциального противника от нападения на США (т. е. средства «сдерживания»), но и в качестве реального инструмента инициативного развязывания и ведения ядерной войны с расчетом на ее выигрыш.

Однако конец 70-х годов отличался для Вашингтона от начала десятилетия в одном кардинальном отношении: сложилась реальная ситуация советско-американского стратегического паритета: не просто суммарного численного равенства стратегических пусковых установок сторон, но равенства по реальным боевым возможностям их стратегических сил.

Дело в том, что до середины 70-х годов, даже после подписания первых советско-американских соглашений по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1), американское военное и гражданское руководство продолжало верить в то, что США обладают значимым стратегическим превосходством над СССР, обеспечиваемым качеством американских стратегических вооружений, мощной стратегической авиацией (оставшейся вне рамок ОСВ-1), наличием американских ядерных систем передового базирования в Европе и Азии.

⁵⁰ Department of Defense Authorization for Appropriations for Fiscal Year 1982. Hearings before the Committee on Armed Services United States Senate 97th Congress 1st Session... Wash.: U. S. GPO, 1981, Pt 1, p. 131.

И поэтому, когда американские теоретики рассуждали о возможности «взаимного гарантированного уничтожения» ввиду колоссальных размеров стратегических ядерных арсеналов сторон, они вставляли термин «взаимный» лишь для успокоения другой стороны. На деле-то они считали, что такое уничтожение будет односторонним уничтожением Соединенными Штатами Советского Союза. Кстати говоря, именно поэтому ни один американский министр обороны — в отличие от стратегических теоретиков — никогда не употреблял фразы «взаимное уничтожение». И хотя и Макнамара, и Шлесинджер, и сменивший его в ноябре 1975 г. на посту министра обороны Рамсфельд предпринимали исподволь меры, направленные на то, чтобы усилить способность стратегических сил США наносить удары по «точечным» военным объектам вроде ракетных шахт, все они были убеждены в том, что и без такого рафинирования американских наступательных стратегических вооружений ядерный арсенал США превосходит советский, что и дает США возможность безнаказанно прибегать если не к ядерной войне, то по крайней мере к угрозе такой войной, тем более к военным операциям ниже ядерного уровня, и успешно вести силовую дипломатию.

Но что бы ни считали американские военачальники в 60-х и начале 70-х годов, к концу 70-х им пришлось признать, что стратегический арсенал СССР сравнялся с арсеналом США не только по некоторым количественным показателям, но и по качественным показателям, по своим реальным боевым возможностям. Как откровенно признал Гарольд Браун в своем последнем послании конгрессу о военной позиции США от 19 января 1981 г. (т. е. накануне передачи своего поста новому министру — члену республиканского кабинета К. Уайнбергеру), достижение Советским Союзом безусловного стратегического паритета с США «окончательно похоронило то, что, как мы знали, было и так уже давно мертво»⁵¹, а именно американскую веру в то, что угроза массированного ядерного удара США по советским городам продолжала оставаться эффективным козырем американской политики и дипломатии.

Именно нежелание значительной части американского внешнеполитического и военного истеблишмента смириться с такого рода паритетом предопределило, с одной стороны, широкую кампанию в США против договора ОСВ-2 (фиксировавшего такой паритет), а с другой — дальнейшее усиление заигрывания с контрсилowymi концепциями. Стратегия «компенсирующего (или уравнивающего) противодействия», несмотря на мнимое оборонительное звучание этого термина, как раз и явилась стратегической установкой, ориентировавшей военный комплекс США на новый рывок к созданию превосходства по контрсиле.

Эта стратегия была впервые детально развита министром обороны США в его послании конгрессу о военной позиции США на

⁵¹ Ibid., p. 127.

1981 бюджетный год. Подчеркнув, что вновь изобретенное название стратегии в ряде отношений «новее, чем сама стратегия», Г. Браун отметил, что суть ее состоит в расширении набора целей на территориях Советского Союза и других социалистических государств. Эта стратегия, сказал он, предусматривает «варианты атаки на цели, которые составляют структуру военных сил и структуру политической власти»⁵² при сохранении стратегического резерва, достаточного для удара — в случае необходимости — по городским и промышленным центрам.

Стратегия «компенсирующего противодействия» была кодифицирована президентом США в подписанной им 25 июля 1980 г. президентской директиве № 59, предусматривающей «ограниченную контрсиловую войну» против СССР, а также в новом едином интегрированном плане распределения целей (СИОП-5Д), включавшем 40 тыс. целей (вместо 25 тыс. в предыдущем)⁵³. Поскольку США на начало 80-х годов обладали около 15 тыс. стратегических ядерных зарядов, план СИОП-5Д предусматривает различные варианты «набора целей» в зависимости от решений политического руководства, что обеспечивается возможностью быстрого перенацеливания ракет с одних объектов на другие.

В сентябре 1980 г. на специальных закрытых слушаниях в сенатской комиссии по иностранным делам администрация США, отвечая в письменном виде на вопросы о том, в чем суть «ограниченности» ядерного удара, предусматриваемого директивой № 59, разъяснила, что такой удар должен быть «высокоэффективным (и „ограниченным“ лишь в том специальном смысле, что он может быть меньшим, чем максимально возможный удар)»⁵⁴. Сама двусмысленность мнимой ограниченности ядерной войны, как было подчеркнуто, связана с тем, что «мы (т. е. США.— Авт.) хотим, чтобы советское государство было не уверено»⁵⁵ относительно реального характера американского ядерного удара. Тем не менее сенаторам было сказано, что стратегия «компенсирующего противодействия» предусматривает «способность США угрожать значительной части их (советских.— Авт.) МБР шахтного базирования упреждающим ударом»⁵⁶.

Таким образом, агрессивный характер указанной стратегии вытекал даже из официальных заявлений правительства. Если же взять высказывания американских военных теоретиков, то некото-

⁵² Report of Secretary of Defense Harold Brown to the Congress on the FY 1981 Budget, FY 1982 Authorization Request and FY 1981—1985 Defense Program. Jan. 29, 1980. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 66.

⁵³ Arms Control Today, 1981, Febr., p. 2, 6.

⁵⁴ Nuclear War Strategy. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate 96th Congress 2nd session on Presidential Directive 59. (Top Secret Hearing Held on September 16, 1980; Sanitized and Printed on February 18, 1981). Wash.: U. S. GPO, 1981, p. 37.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid., p. 36.

Т а б л и ц а 9. Расходы США на военные цели в 1945—1985 финансовых годах (млрд. долл.; текущие цены)¹

Финансовый год	Общие расходы по фед. бюджету	Текущие расходы на «нац. оборону»	Полные финансов. помощи на оборону ²	Военные расходы по бюджетам других ведомств					Всего ³	Военные расходы в % от расходов по федеральному бюджету
				Энергетика (военная) ⁵	военная помощь ⁴	помощь ветеранам ¹	% гос. долга ⁶	НАСА ⁷		
1945	100,4	90,0							64,2	83,9
1950	43,1	14,6							67,6	70,0
1955	64,5	40,2							76,14	58,2
1960	76,5	45,9	49,8	0,8	1,0	5,4	5,1	0,1	91,54	59,7
1965	96,5	47,5	50,4	1,0	0,9 (2,29)	5,7	6,4	1,4	102,11	59,9
1966	130,8	54,9	56,7	1,3	0,5 (2,94)	5,9	7,6	1,2	106,59	58,2
1967	153,2	68,2	70,0	1,4	0,6 (2,81)	6,0	8,3	1,1	112,22	57,5
1968	172,8	78,8	80,5	1,4	0,8 (3,24)	7,7	10,1	0,95	111,41	52,9
1969	183,1	79,4	81,2	1,4	0,5 (2,97)	8,6	11,1	0,85	114,24	47,9
1970	194,9	78,6	85,6	1,4	1,0 (4,26)	9,7	11,1	0,77	118,91	44,1
1971	210,6	75,8	79,0	1,4	0,8 (4,59)	10,7	13,2	0,75	139,35	42,9
1972	238,2	76,6	80,3	1,3	0,5 (1,24)	12,3	16,05	0,75	136,9	37,4
1973	246,6	74,5	81,7	1,7	0,8	13,3	17,1	0,85	161,94	40,3
1974	268,3	77,8	81,1	1,5	0,8	16,5	17,1	0,9	178,55	39,6
1975	324,6	85,6	97,5	1,5	1,0	18,4	20,1	0,95	195,85	39,7
1976	365,6	89,4	87,9	1,6	0,5 (3,12)	18,4	20,1	1,2	217,6	37,5
1977	401,8	97,5	110,2	1,8	0,3 (2,19)	18,8	23,1	1,25	263,55	39,8
1978	450,0	105,2	123,0	2,2	0,6 (2,35)	19,3	25,8	1,45	321,35	41,2
1979	493,6	117,7	135,4	2,6	0,5	20,5	30,9	1,5	358,6	42,3
1980	579,0	135,9	142,2	2,8	0,5	21,5	39,4	1,5	356,2	44,0
1981	661,2	159,8	171,2	3,2	3,1	23,3	51,5	1,45		
1982	779,9	182,9	211,4	4,1	3,4 (6,8)	24,7	62,9	1,45		
1983	847,4	208,9	210,5	4,9	3,8	25,6	72,3	1,5		
1984*	900,1	238,6	274,1	5,7	4,5	26,3	74,1	1,5		
1985**		298,1	331,7	6,3	4,7	27,0	75,6	1,45		

* Проект; ** Оценка.

Источники: The Budget of the United States Government, 1970—1982; Statistical Abstract, 1968—1982; The World Al-

manac and Book of Facts, 1971—1982; Aeronautics and Space Report of the President, 1970—1978; Overseas Loans and Grants and

Assistance from International Organization, Obligations and Loans Authorization. July 1945—Sept. 1978.

Примечания к таблице 9.

1. В таблице приведены официальные данные о бюджетных ассигнованиях министерству обороны США и расходах, прямо или косвенно связанных с военной деятельностью или вызванных ею, которые проходят по другим ведомствам. Необходимо учитывать, что в американских статистических справочниках разных лет, равно как и в публикуемых бюджетах, можно встретить расхождения в цифрах (касающихся одного и того же финансового года) в несколько миллиардов долларов. Это объясняется целым рядом обстоятельств: изменениями бюджетной группировки тех или иных расходов, корректировкой задним числом некоторых цифр, что связано, в частности, с утверждением конгрессом дополнительных ассигнований на военные нужды и т. д., имеющимся общим стремлением «затушевать» для посторонних реальную разбивку военного бюджета по отдельным графам и т. д.

2. Бюджетная статья «Полные финансовые полномочия» (ПФП) представляет собой максимальную сумму, на которую Пентагону разрешается заключать контракты — принять на себя финансовые обязательства — в данном финансовом году. Часть этих обязательств будет обеспечена реальными средствами лишь в будущем. В последние годы ассигнования по статье ПФП на 20—30 млрд. долл. превышают текущие ассигнования, что дает администрации США возможность гарантировать военно-промышленному комплексу финансовые вливания на много лет вперед.

3. Эта графа показывает официально объявленные ассигнования министерству энергетики (в прошлом — Комиссии по атомной энергии) на военно-прикладные проекты, связанные с производством ядерных зарядов и ядерных материалов для военных целей.

4. Указаны лишь ежегодные ассигнования на военную помощь, которые нередко дополняются фондами экстренной «помощи» проамериканским режимам. В скобках даны официальные данные всех видов военной помощи и расходов федерального правительства, связанных с предоставлением займов и субсидированием различного рода военных программ и проектов, реализуемых при участии США в других странах.

5. В США насчитывается свыше 30 млн. ветеранов войны и около 66 млн. членов их семей. Из них в начале 80-х годов получали различные пенсии и пособия около 5 млн. человек. Все расходы на ветеранов, безусловно, следует квалифицировать как часть общих военных расходов страны.

6. Государственный долг возникает вследствие хронической дефицитности федерального бюджета США, которая в свою очередь порождается колоссальными военными ассигнованиями. Поскольку расходы правительства не компенсируются налоговыми и иными поступлениями в бюджет, ему приходится систематически занимать деньги на частном рынке капиталов или у населения (путем продажи акций государственных займов и других ценных бумаг) для

покрытия бюджетных дефицитов. В результате государственный долг США на октябрь 1983 г. составил колоссальную цифру в 1389 млрд. долл. Основной капитал, занимаемый казной, распределяется по соответствующим статьям бюджета, причем, как минимум, на 75% он идет на покрытие военных расходов. Поэтому проценты по государственному долгу, которые казначейству приходится ежегодно выплачивать займодавцам (помимо основного капитала), в основном представляют собой дополнительные расходы на все те же военные программы. В данной графе к военным расходам отнесено 75% ежегодных выплат процентов по государственному долгу.

7. Согласно официальным оценкам не менее четверти расходов Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства идут на создание космической техники, прямо или косвенно используемой в военных целях.

8. В США существует несколько организаций, связанных с военно-разведывательной деятельностью. Главные из них — Центральное разведывательное управление, Федеральное бюро расследований, Агентство национальной безопасности (разведка техническими средствами), военно-политическое бюро Госдепартамента, подразделения министерств финансов, энергетики и ряда других (все это — помимо разведывательных подразделений министерства обороны и министерств видов вооруженных сил). Расходы на разведку тщательно маскируются в бюджете США. Лишь незначительную часть ассигнований на ПРУ начали указывать в федеральном бюджете с 1976 г.

Основываясь на данных американской печати и материалах конгресса, можно предположить, что на агентурную, информационную и техническую разведку, и тайные (подрывные) операции США ныне тратят около 10 млрд. долл. в год.

9. Приводимые здесь цифры представляют собой сумму включенных в таблицу цифр, которая причисляется экспертами к прямым или косвенным расходам на военные цели (полные финансовые полномочия министерства обороны США плюс расходы по линии других ведомств). Реальные общие расходы на военные цели еще выше приведенных здесь цифр, поскольку они включают трудно поддающиеся статистическому учету льготные (за счет государственного субсидирования) условия получения военными ведомствами и корпорациями военно-промышленного комплекса минеральных и энергетических ресурсов, льготные условия для аренды земельных участков под военные объекты и т. д. Практически невозможно учесть огромные расходы на инициативные военно-прикладные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые ведут военные корпорации из собственных средств, а также вклад, и весьма существенный, научно-исследовательских институтов, университетов и колледжей в совершенствование военного потенциала США.

рые из них уже без обиняков расшифровывают то, на что официальные лица лишь намекают. Например, известный американский стратег-теоретик Колин Грей, директор Национального института общественной политики и при Рейгане советник госдепартамента США пишет: «Стратегическая стабильность не должна приравняться к стратегическому пату. Соединенные Штаты не могут позволить себе генеральной стратегической концепции, которая предусматривает всеохватывающее *взаимное* (подчеркнуто Греем.— Авт.) американо-советское стратегическое сдерживание... Стабильный стратегический баланс с точки зрения интересов США и НАТО — это такой баланс, который позволял бы Соединенным Штатам:

инициативно начинать использование стратегических ядерных сил в ожидании выигрыша;

захватывать и удерживать позицию „эскалационного доминирования“;

сдерживать советскую эскалацию или контрэскалацию путем мощной угрозы наиболее жизненно важным активам Советского государства и с помощью способности Соединенных Штатов ограничить собственный ущерб»⁵⁷.

Стало быть, речь идет о типичных агрессивных концепциях развязывания и выигрыша ядерной войны превентивным обезоруживающим ударом, хотя в официальных рассуждениях эта коренная стратегическая установка Вашингтона вуалируется под «сдерживание» или даже «взаимное сдерживание».

Для достижения контрсилового превосходства правительство Картера развернуло большую программу наращивания вооружений и протасило через органы НАТО еще более широкую программу военных приготовлений для этого блока. Военный бюджет США, составлявший в момент прихода к власти администрации Картера 113 млрд. долл. (по графе «текущие расходы»), был запланирован администрацией Картера на 1982 г. в размере 180 млрд. долл. (и увеличен администрацией Рейгана до 183 млрд. долл.)⁵⁸.

За 70-е годы США приняли на вооружение многие качественно новые стратегические системы: баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Посейдон С-3», оснащенные разделяющимися головными частями (до 14 боеголовок на ракете по 50 кт каждая), новые БРПЛ типа «Трайидент-1» (8 боеголовок на ракете по 100 кт каждая, дальность стрельбы около 8 тыс. км), начали строительство новых атомных подводных лодок класса «Огайо» — носителей ракет «Трайидент» (24 ракеты на каждой лодке). С 1970 г. было развернуто 550 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) «Минитмен-3», оснащенных разделяющимися головными частями (РГЧ)

⁵⁷ Gray C. Strategic Stability Reconsidered.— Daedalus, 1980, Fall, p. 150—151.

⁵⁸ Setting National Priorities. The 1982 Budget. Wash.: The Brookings Institution, 1981, p. 137.

с индивидуальным наведением зарядов на цели (3 боеголовки по 170 кт каждая; с 1977 г. эти ракеты переоснащаются новыми головными частями МК-12А, содержащими три ядерные боеголовки по 350 кт каждая и улучшенными системами наведения, повышающими точность стрельбы). Тем самым были существенно обновлены морской и наземный компоненты американской стратегической «триады» (третий компонент — стратегические бомбардировщики).

Был развернут комплекс противоракетной обороны на базе Гранд-Форкс в штате Северная Дакота со 100 антиракетами на стартовых позициях (который был частично заморожен после подписания в 1972 г. советско-американского договора об ограничении систем ПРО). Созданы и развернуты новые системы противолодочной обороны (ПЛЮ), а также начато производство новых многоцелевых атомных подводных лодок класса «Лос-Анджелес».

Был сконструирован новый сверхзвуковой стратегический бомбардировщик В-1 (с максимальной боевой нагрузкой 34 т). Однако по ряду соображений администрация Картера решила не запускать самолет в серийное производство, хотя четыре изготовленных образца самолета продолжали проходить испытания. Были разработаны и развернуты на стратегических бомбардировщиках новые баллистические ракеты СРЭМ класса «воздух—земля» с ядерными боеголовками (24 ракеты на самолете В-52). Наконец, были созданы и испытаны стратегические крылатые ракеты (с ядерными боеголовками в 200 кт), способные покрывать расстояния до 3 тыс. км и очень точно наводиться на цель на основе сверки заложенной в их компьютер карты-программы с местностью. Эти ракеты в принципе могут запускаться как с воздушных носителей (бомбардировщиков и даже специально переоборудованных гражданских самолетов), так и с наземных пусковых установок, с кораблей и из торпедных аппаратов подводных лодок. Были созданы и развернуты новые системы зенитных управляемых ракет (ЗУР) «Пэтриот».

Был разработан и запущен целый ряд военных навигационных и разведывательных спутников, а также введены в строй новые системы дальнего обнаружения (в частности, радары загоризонтного видения), радикально улучшены системы связи, командования и контроля. За 70-е годы на совершенствование американских военных систем связи, командования и контроля было израсходовано около 25 млрд. долл. Однако администрация Картера посчитала производные улучшения недостаточными для эффективного ведения боевых операций. Поэтому президент подписал еще две директивы — № 53 и № 58, предусматривавшие широкий круг мероприятий по повышению живучести указанных систем и защищенности американского высшего руководства в условиях ядерной войны. Был принят на вооружение целый ряд новых оперативно-тактических систем оружия для армии, ВВС и ВМС, существенно повысивших эффективность обычных вооруженных сил и вооружений.

Т а б л и ц а 10. Основные характеристики стратегических систем оружия США
I. Ракетные системы наземного базирования (МБР)

Название и обозначение системы	Стартовый вес, тонн	Максимальная дальность, км	Число боеголовок и мощность боевой части в млн. т (Мгт)	Время принятии или нахождения на вооружении	Примечание
«Атлас»	110	9000—10 000	одна 1Мгт	1959—1962	Первая межконтинентальная баллистическая ракета базировалась на территории США
«Снар»	22,5	8000—10 000	одна 1Мгт	1958—1960	Крылатая межконтинентальная ракета
«Титан-2»	153	15 000	одна 10—18Мгт	с 1962 г.	Шесть эскадрилий, всего 52 ракеты; базируются в шахтах на авиабазах Дейвизи-Монтан, штат Арканзас; Маконел, штат Канзас и Лиггл Рок, штат Арканзас; с 1982 г. снимаются с вооружения
«Минитмен-1»	31	12 000	одна 1Мгт	1962—1967	Заменены ракетами «Минитмен-2» и «Минитмен-3»
«Минитмен-2»	32	около 13 000	одна 1—2Мгт	с 1966 г.	450 ракет «Минитмен-2» базируются в шахтах на авиабазах Мальстром, штат Монтана; Элсуорт, штат Южная Дакота и Уайтмен, штат Миссури
«Минитмен-3»	35	около 13 000	РГЧ типа Мк-12 3×0,17Мгт или Мк-12А 3×0,35Мгт		Всего 550 ракет. При этом 300 ракет оснащено боеголовками МК 12А, обладающими способностью поражать укрепленные военные объекты
«МХ»	94	около 13 000	РГЧ 10×0,6Мгт	1986 (план)	Планируется построить до 200 ракет и разместить первые 100 ракет в дополнительно укрепленных шахтах ракет «Минитмен».

Примечание. Дальность действия МБР зависит от типа боеголовки. Применение боеголовки максимальной мощности может уменьшить дальность на 25%.

II. Баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ)

Название и обозначение системы	Стартовый вес, тонн	Максимальная дальность, км	Число боеголовок и мощность боевой части в млн. т(Мг)	Время принятия или назначения на вооружения	Примечание
«Поларис А1»	12,8	около 2 000	1×0,7Мг	1960—1965	Заменены на БРПЛ «Поларис А3»
«Поларис А2»	14,5	2700	1×0,7Мг	1961—1969	Заменены на БРПЛ «Поларис А3» и «Посейдон»
«Поларис А3»	15,8	4600	1×1Мг или РГЧ 3×0,2Мг	1964	Размещены на 5 атомных подводных лодках (по 16 на каждой).
«Посейдон С3»	29,5	4600	РГЧ 10—14×0,05 Мг	1971	Размещены на 23 атомных подводных лодках (по 16 на каждой).
«Трайдегт С4»	33	6500	РГЧ 8×0,1Мг	1981	Размещены на 2 подводных лодках типа «Огайо» (по 24 ракеты) и на 12 подводных лодках типа «Лафайет» (по 16 на каждой)
«Трайдегт Д5»	54	11 000	РГЧ типа МАРВ 14×0,15Мг	конец 80-годов	

III. Стратегические бомбардировщики

Название системы	Дальность полета км	Полезная нагрузка, тонн	Количество на вооружении в 1980 г.	Время принятия или начала действия на вооружении	Примечание
B-29	6 000	10	—	1948—1954	Заменены на бомбардировщики B-47
B-36	10 000	20	—	1948—1954	Заменены на ранние образцы бомбардировщика B-52
B-47 «Страгоджет»	10 000	10	—	1953—1958	
B-58 «Хастлер»	7 000	5,5	—	1960—1972	Средний стратегический бомбардировщик
B-52 «Стратофортрес» различных модификаций	16 000	20—30	570	1956—1959	Тяжелый стратегический бомбардировщик, оснащен атомными бомбами, ракетами «СРЭМ» с ядерным зарядом класса «воздух—земля», крылатыми ракетами с ядерным зарядом
B-1В	14 000	34	Согласно плану перелетная эскадрилья поступит на вооружение в 1986 г.		Тяжелый стратегический бомбардировщик. Способен нести до 30 крылатых ракет с ядерными зарядами

1) Без дозаправки в воздухе, при дозаправке дальность действия может быть значительно увеличена. Источники: World Armaments and Disarmament, SIPRI Yearbook 1980, I.; Taylor and Francis Ltd, 1980; Military Balance 1981—1982, L.; International Institute for Strategic Studies, 1981.

Администрация Картера ускорила работы над новыми стратегическими и обычными вооружениями, в частности над новым поколением БРПЛ «Трайидент-2», над новыми типами крылатых ракет (в том числе сверхзвуковых), боевыми частями и более точными системами наведения для МБР, над рядом систем противоракетной и противокосмической обороны (поскольку опытно-конструкторские работы в этой сфере не запрещены договором 1972 г. об ограничении систем ПРО), над нейтронным оружием и т. д.

В июне 1979 г. президент США, угождая американским «ястребам», дал зеленый свет программе создания новой наземной стратегической мобильной ракетной системы «МХ». Согласно программе Картера, предполагалось развернуть начиная с 1986 г. 200 мобильных ракет «МХ», которые должны быть оснащены разделяющимися головными частями с индивидуальными боеголовками не просто летящими на цель по баллистической кривой, а маневрирующими на подлете к цели и гораздо более точными (система MARV). Для повышения живучести ракет «МХ» их предполагалось систематически перемещать между 4600 специальными укрытиями в американских штатах Юта и Невада.

Администрация Картера начала также уделять повышенное внимание подготовке высококомобильных интервенционистских сил для использования на заморских театрах, помимо Европы. В 1977 г. был создан специальный Корпус быстрого развертывания, для которого были выделены части сухопутных сил (в первую очередь морской пехоты), подразделения ВВС и ВМС. Так называемая «доктрина Картера» (1980 г.) провозгласила районы Дальнего Востока, Южной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки сферами «жизненно важных интересов США». Эта администрация приступила к созданию в них новых военных баз и опорных пунктов, а также усилила военную деятельность на просторах Мирового океана.

Стратегия администрации Рейгана

В январе 1981 г. к власти в США пришла республиканская администрация Р. Рейгана. Это произошло на волне подъема повиннистических консервативных настроений, умело подогретых средствами массовой информации, обыгравших тему «бессилия Америки», «советской военной угрозы», «угрозы сырьевого, в том числе энергетического, голода», «недопустимой уступчивости» США требованиям развивающихся стран и т. д. Одним из ключевых пунктов внешнеполитической платформы республиканцев было обещание «восстановить военную мощь Америки», для того чтобы получить возможность разговаривать с СССР, а также и с собственными союзниками с позиции силы. Согласно плану администрации Рейгана на пятилетие, в 1982—1986 гг. предполагается израсходовать на военные нужды колоссальную сумму в 1,6 трлн. долл., причем

около 222 млрд. долл. пойдут на дальнейшее наращивание и совершенствование стратегических ядерных сил США.

2 октября 1981 г., выступая в Белом доме, президент Рейган изложил «новую» программу совершенствования стратегических сил США. Действительно, новыми элементами этой программы явились два решения. Во-первых, решение восстановить производство стратегического бомбардировщика В-1 (отмененное Картером) и развернуть начиная с 1986 г. 100 таких бомбардировщиков новой модификации В-1В. Во-вторых, пересмотреть метод базирования ракеты МХ. В связи с этим президент отменил картеровский план строительства 4600 укрытий для этих ракет в двух штатах Среднего Запада.

После длительных дебатов и работы назначенной президентом специальной двухпартийной «комиссии Скауक्रофта», было принято решение разместить первые 100 МБР «МХ» в уже существующих, но дополнительно укрепленных ракетных шахтах. Еще одним результатом работы комиссии явилось ее предложение сконструировать новую малогабаритную МБР «Миджетмэн» с моноблочной ядерной головной частью и сделать ракету мобильной.

Разъясняя решение президента об отказе от идеи перемещения ракет МХ между тысячами укрытий и об их стационарном базировании, министр обороны К. Уайнбергер подчеркнул, что речь идет о приобретении США «быстрой контрсиловой способности против сильно укрепленных целей», иначе говоря, средства первого удара по ракетам и другим военным объектам Советского Союза.

Все остальные меры правительства Рейгана в сфере строительства стратегических вооружений явились подтверждениями решений предыдущих администраций. Рейган заявил, что будет продолжаться конструирование «бомбардировщика-невидимки» (т. е. малозаметного для радаров), будет идти работа по созданию новой ракеты «Трайидент-2» с маневрирующими боеголовками (МАРВ), которая должна начать поступать на вооружение в 1989 г. Предусматривается также несколько ускорить работы по введению в строй подводных лодок системы «Трайидент» (одна в год), улучшить систему ПВО, в частности американско-канадскую систему НОРАД; продолжить экспериментальные работы над системами противоракетной и противокосмической обороны. Ранее, 6 августа 1981 г. (т. е. в годовщину американской атомной бомбардировки Хиросимы), Рейган принял решение начать полномасштабное производство нейтронного оружия. Начато переоборудование бомбардировщиков В-52, находящихся на вооружении, с целью оснащения их крылатыми ракетами большой дальности (с ядерным зарядом); носителем крылатых ракет будет и новый стратегический бомбардировщик В-1В. В ближайшее время планируется произвести около 4 тыс., а к 90-м годам — около 7 тыс. крылатых ракет воздушного базирования. Американское военное командование также начало оснащать крылатыми ракетами подводные лодки и надводные корабли. По сообщениям американской печати, в целом предусматривается произвести около

13 тыс. таких ракет разных типов и предназначения, из них до 40% в ядерном снаряжении.

На главном направлении гонки вооружений — в области ядерного оружия и средств его доставки — США ставят перед собой крайнюю опасную цель: добиться преимуществ, которые позволили бы им не только использовать это оружие как угрозу, но и обеспечили бы способность фактического развязывания ядерной войны с расчетом на победу в ней.

В 70-х годах в результате принятия на вооружение стратегическими силами США новых многозарядных ракет наземного и морского базирования и авиационных ракет типа СРЭМ количество ядерных зарядов, которые могут быть доставлены ими к целям «в одном залпе», по сравнению с 60-ми годами существенно возросло, достигнув 15 тыс. единиц. Кроме того, США имеют на вооружении 22 тыс. тактических ядерных зарядов.

Осуществление нынешних ракетно-ядерных программ позволит Соединенным Штатам иметь к концу 80-х годов дополнительно 20 тыс. ядерных боеголовок повышенной мощности и точности.

Ядерная программа Рейгана показала большую степень преемственности в военной политике США, определяемой в первую очередь министерством обороны; в то же время администрация Рейгана продемонстрировала намерение ускорить реализацию прежней установки на повышение контрсилых качеств стратегических сил США.

Важнейшим направлением военных усилий Вашингтона являются меры по повышению качества обычных вооружений, подготовке вооруженных сил, а также укреплению военных позиций США и их союзников в различных регионах мира. Несмотря на свое стремление получить превосходство по контрсиле, американское руководство, по-видимому, не считает, что оно может добиться его в ближайшем будущем. Поэтому оно исходит из того, что советско-американский стратегический паритет в ближайшей перспективе сохранится, даже если процесс ограничения стратегических вооружений США и СССР не будет продолжен. Все это делает затруднительным, если не невозможным, прямое использование стратегических ядерных сил США против Советского Союза (ввиду неминуемости сокрушительного советского ответного удара). Поэтому американское руководство считает, что в обозримой перспективе стратегическая ядерная война не будет наиболее вероятной формой военного конфликта и что практическими формами использования вооруженных сил будут региональные конфликты на неядерном (или тактическом ядерном) уровне. Именно поэтому Вашингтон полагает, что улучшение боевых возможностей Запада должно происходить за счет увеличения количества и повышения качества вооружений и вооруженных сил НАТО — в Европе, США и Японии — в Азии.

Планы наращивания в ближайшее время военной мощи США для применения в неядерных конфликтах характеризуются следующими количественными показателями:

увеличение примерно на 10%, т. е. почти на $\frac{1}{4}$ млн. человек, численности личного состава вооруженных сил;

производство за пятилетие такого дополнительного к программе Картера количества боевых машин (танков, бронетранспортеров, боевых вертолетов), которого хватит для оснащения еще 3,5 дивизий;

увеличение корабельного состава ВМС к 1995 г. до 650 кораблей (в настоящее время — 514 кораблей, цель ныне осуществляемой программы — 610 кораблей);

увеличение к 1987 г. численности тактической авиации ВВС, ВМС и корпуса морской пехоты (без вертолетов) с 3500 самолетов на конец 70-х годов до 6200 истребителей и штурмовиков.

В области качественной гонки обычных вооружений Вашингтон планирует направить основные усилия в 80-е годы на:

оснащение сухопутных войск оружием точного наведения на цели, в частности противотанковыми ракетами;

вооружение тактической авиации новыми истребителями F-15, F-16, F-18 и разработку для них ракет средней дальности, способных поражать цели вне пределов прямой видимости;

повышение скрытности подводных лодок и разработку способов обнаружения лодок противника, а также оснащение военно-морских сил более совершенными средствами ПВО.

США ныне перешли к стратегии прямого противоборства с СССР в глобальном и региональном масштабах. Как подчеркнул министр обороны США Уайнбергер в своем докладе конгрессу от 8 февраля 1982 г., ориентация на такое противоборство «должна быть доминирующим соображением» во всем военном строительстве и стратегии США. Тот же Уайнбергер угрожает, что США даже в случае локального конфликта не будут ограничивать себя действиями на непосредственном фронте, а будут стремиться наносить удары по наиболее уязвимым местам противника, «всюду, где они существуют». Таким образом, принята концепция, утверждающая готовность США к глобальному расширению любого вооруженного конфликта, названная Уайнбергером «географической, или горизонтальной, эскалацией».

В то же время американское руководство считает, что США смогут прибегать к стратегии «географической эскалации» лишь при условии достижения превосходства в стратегическом ядерном потенциале. Такое превосходство и должно, по замыслам Пентагона, позволить США не бояться ядерной эскалации, более того, дать им возможность по собственной инициативе возводить конфликт на ядерный уровень. Согласно разработанному в Пентагоне документу о стратегии США, сведения о котором «просочились» в американскую прессу (иначе говоря, были избирательно разглашены тем же Пентагоном, стремящимся психологически надавить на «потенциального противника»), вооруженные силы США ныне нацеливаются на «нанесение поражения Советскому Союзу на любом уровне вооруженного конфликта — от повстанческих операций до ядерной вой-

ны»⁵⁹. При этом функцией стратегических сил оказывается не сдерживание ядерного нападения на США, а «способность выиграть затяжную ядерную войну с Советским Союзом»⁶⁰. О том, что установки американской администрации в области использования ядерного оружия имеют наступательный, агрессивный характер, свидетельствует и упорный отказ Вашингтона последовать примеру СССР и принять на себя обязательство не применять ядерного оружия первым.

Практически можно констатировать, что со второй половины 70-х годов Соединенные Штаты развертывают новый раунд гонки вооружений, призванный, по замыслам американских политиков, обеспечить осуществление следующих задач.

1. Создать для Соединенных Штатов позицию относительного превосходства, которое давало бы им возможность осуществлять так называемое расширенное сдерживание СССР, иначе говоря, иметь свободу рук в плане военных действий на локальном и региональном уровнях и надеяться на «эскалационное доминирование» в случае прямого ракетно-ядерного конфликта между США и СССР. Как уже отмечалось, надежды Вашингтона на то, что США могут вести себя несдержанно на мировой арене, в то же время сдерживая Советский Союз от акций по пресечению такого рода поведения США, рухнули с возникновением ситуации общего стратегического паритета между СССР и США. Ныне американское руководство надеется выйти из этого, как они считают, «тупика» в использовании силы рывком в сторону создания превосходства по контрсиле.

2. Повысить готовность и способность США к реальному ведению боевых действий, особенно региональных операций на уровне ниже всеобщей ядерной войны.

3. Втянуть Советский Союз в новый тур гонки вооружений с упором на качественное совершенствование систем оружия. Эта задача ныне рассматривается Вашингтоном как задача первостепенной важности с точки зрения ослабления таким путем возможностей Советского Союза по развитию гражданских отраслей экономики. Важным направлением такого «втягивания» в Вашингтоне считают развертывание гонки вооружений в космосе. При этом Вашингтон все время муссирует «угрозу» выйти из договора об ограничении стратегических оборонительных вооружений.

4. Создать дополнительный силовой фон для американской дипломатии и получить новые «козыри для торга» на переговорах по ограничению вооружений.

Понятно, что расчеты США вырваться на позиции одностороннего превосходства безосновательны. «Мы не добивались и не добиваемся военного превосходства над другой стороной,— подчеркивалось на XXVI съезде КПСС.— Это не наша политика. Но мы и не

⁵⁹ New York Times, 1982, May 30.

⁶⁰ International Herald Tribune, 1982, Aug. 16.

позволим создать такое превосходство над нами. Подобные попытки, а также разговоры с нами с позиции силы абсолютно бесперспективны!»⁶¹

Стратегия США в НАТО

Вопросы взаимоотношений между США и Западной Европой подробно освещены в других главах данной монографии. В данной главе мы хотели бы обратить внимание лишь на военную сторону американо-западноевропейских отношений и в самых общих чертах обрисовать эволюцию этих отношений в послевоенный период.

С момента создания военного блока НАТО в 1949 г. американский правящий класс рассматривал этот военный союз в первую очередь как главный механизм американского контроля над политической западноевропейских государств, хотя официально блок был создан для «коллективной самообороны»⁶².

По мере того как Западная Европа, ликвидируя послевоенную разруху, становилась на собственные ноги и приобретала возможности обратного воздействия на политику США, слабели многие другие — помимо военного — рычаги американского влияния на западноевропейскую политику. В этих условиях военная организация НАТО приобретает с каждым годом все большую ценность для Вашингтона как, по сути дела, единственный оставшийся к настоящему времени в распоряжении США эффективный рычаг воздействия на западноевропейскую политику. Но, для того чтобы механизм этот сохранялся в качестве эффективного инструмента американского влияния, необходимо, как это открыли для себя американские политики, чтобы США продолжали оставаться в глазах правящих кругов западноевропейских государств «гарантом» их «свободы и независимости». А для этого, в свою очередь, нужна вечно присутствующая «советская военная угроза». Блок, созданный на платформе антисоветизма, не может существовать без постоянной антисоветской «смазки». И хотя почти за 40 лет непрерывных американских спекуляций на «советской угрозе» этот жупел в значительной мере потерял свою убедительность для правящих классов стран Западной Европы, тем не менее — сейчас в особенности — американское влияние на западноевропейские дела прямо пропорционально степени правдоподобности, с точки зрения правящих классов западноевропейских государств, этой «угрозы». Именно поэтому даже в период расцвета советско-американской разрядки американское руководство не переставало запугивать западноевропейских лидеров — в ходе заседаний НАТО и его комитетов — угрозой «агрессивных советских намерений в Европе».

⁶¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981, с. 22.

⁶² «Американское военное присутствие в Европе несет с собой влияние и престиж», — говорит помощник государственного секретаря США Ричард Бэрт (Official Text N 110. American Embassy in Moscow, 1981, Dec. 2, p. 9).

С момента создания НАТО его военная доктрина строилась на двух основных принципах: концепции выдвинутых вперед рубежей (что предполагало присутствие американских войск в Европе и их размещение непосредственно на границах с социалистическими странами, готовность Вашингтона использовать эти войска для боевых действий в Европе и перевооружение ФРГ) и концепции американского «ядерного зонтика» — некоей «гарантии» США использовать свои стратегические ядерные силы в европейском конфликте. Стратегия США в НАТО была тесно интегрирована с доктриной «холодной войны» и должна была служить способом военного «отбрасывания» социализма в случае, если политическое давление окажется нерезультативным.

В условиях, когда американские правящие круги были убеждены в ядерном превосходстве США над СССР (как в стратегическом, так и в оперативно-тактическом ядерном оружии), оперативной доктриной НАТО до 1967 г. была доктрина «массированного возмездия». Эта доктрина прикрывала псевдооборонительным ярлыком «возмездия» фактически наступательную стратегию, предусматривавшую использование американских ядерных средств (которые квалифицировались Вашингтоном в тот период в качестве «ядерного меча» НАТО) для нанесения поражения противнику (СССР и восточноевропейским социалистическим странам).

По целому ряду причин, в первую очередь по причине быстрого овладения Советским Союзом секретом производства атомной бомбы и создания эффективных средств ее доставки, доктрина «массированного возмездия» осталась нереализованной. Более того, с начала 60-х годов нецелесообразность ядерного столкновения с СССР в условиях изменившегося соотношения сил стала ясна многим американским и европейским политикам, которые выступили за пересмотр стратегии НАТО в сторону более реалистического учета международной обстановки. Наиболее драматическим проявлением новой ситуации был выход Франции в 1967 г. из военной организации Атлантического пакта. Причиной этого выхода, как это недвусмысленно подчеркнули тогдашние руководители Франции, было желание «деамериканизировать» французскую внешнюю и военную политику и потеря веры в «американскую ядерную гарантию». Выступая 22 ноября 1964 г. в Страсбурге, президент Франции де Голль заявил, что «в наше время угроз и атомных эскалаций нельзя доверить свою жизнь державе, которая расположена в другой части света и судьба которой «в силу ее природы и истории не может быть уподоблена судьбе Европы»⁶³.

Кардинальное изменение в мировом соотношении сил привело к двум явлениям в стратегии НАТО: с одной стороны, блок пришел к мнению о необходимости изменить свою стратегию в плане ее

⁶³ Monde, 1964, Nov. 23.

несколько большего приспособления к реальности, а с другой — новая ситуация повела к многочисленным попыткам США подтвердить для западноевропейцев свою так называемую гарантию, которая, как оказалось, является фактически единственным основанием для США претендовать на особую роль «патрона и лидера НАТО».

С начала 60-х годов США, демонстрируя большую осторожность, стали именовать свои ядерные силы «щитом НАТО», а мечом блока — сухопутные армии западноевропейских членов блока и войска США, расположенные в Западной Европе. Однако окончательное изменение в стратегии блока было произведено в 1967 г., когда была принята натовская директива МС 14/3, предусматривавшая, что отныне стратегией НАТО становится «гибкое реагирование», делающее больший упор на обычные вооружения и вооруженные силы и рассматривающее использование ядерного оружия лишь в виде «самого крайнего варианта»⁶⁴.

Что же касается попыток продлить жизнь «ядерной гарантии», то они на протяжении последних 20 лет принимали самые разные формы: начиная от провалившегося плана сколотить «многосторонние ядерные силы» блока (МЯС) через «доктрину Шлесинджера» 1974 г. (как бы подтверждавшую возможность использования новых точных американских МБР для контрсилловых ударов по целям в Центральной и Восточной Европе) к попытке навязать Западной Европе нейтронное оружие и кончая решением НАТО 1979 г. разместить в Западной Европе 572 американские ядерные ракеты (108 пусковых установок баллистических ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» класса «земля—земля»).

Таким образом, попытки Вашингтона продлить «ядерную гарантию», по сути дела, сводятся не просто к тому, чтобы обеспечить ядерное оружие США для европейского театра, но и к тому, чтобы в той или иной форме подключить сами западноевропейские государства к американскому ядерному оружию (МЯС, нейтронная бомба, ядерные «евро ракеты») и тем самым теснее привязать Западную Европу к американской военной стратегии. Это отвечает общей американской линии на то, чтобы, сохраняя военный механизм НАТО (последний эффективный американский рычаг манипулирования западноевропейской политикой), переложить в то же время на Западную Европу значительно большую часть бремени гонки вооружений, помешать дальнейшей нормализации обстановки на Европейском континенте и фактически повысить военную угрозу Советскому Союзу со стороны европейского ядра НАТО. Президент Рейган даже пошел столь далеко, что публично раскрыл планы ведения «ограниченной ядерной войны» в Европе (которая не затро-

⁶⁴ Подробнее о военной политике США в НАТО см.: США — Западная Европа: партнерство и соперничество. М.: Наука, 1978, с. 123—244; Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М.: Междунар. отношения, 1968; Ефремов А. Е. Европа и ядерное оружие. М.: Междунар. отношения, 1972.

Т а б л и ц а 12. Ядерные средства средней дальности стран НАТО в западноевропейском регионе

Название и кодовое обозначение	Государство, в распоряжении которого находится	Время принятия на вооружение	Количество	Дальность действия км ¹	Стартовый вес или полезная нагрузка, т ²	Характер и мощность заряда ³	Примечание
Ракетные системы							
Баллистическая ракета «Полярис» А-3	Англия	1967	64	4600	15,8	3×200 кг (без индивидуальной навешивания на цели)	Размещаются на четырех подводных лодках (по 16 на каждой). К 1984 г. ракеты на всех лодках будут оснащены ядерными боеголовками системы «Шевалин» — по 6 маневрирующих боеголовок на ракете.
Баллистическая ракета S-3	Франция	1980	18	3000	25,8	1×1Мт	Размещается в шахтах
Баллистическая ракета М-20	Франция	1977	80	3300	35	1×1Мт	Размещается на 5 подводных лодках (по 16 на каждой)
Авиационные системы							
Бомбардировщик «Вулкан» В-2	Англия	1960	55	9000	9,5		Может иметь на борту 2 ядерные бомбы или ракету «Блю стил» класса «воздух—земля» с ядерным зарядом
Истребитель-бомбардировщик F-111	США	1967	156	5000	12,7		Может иметь на борту 2 ядерные бомбы или несколько ракет «СРЭМ»
Истребитель-бомбардировщик FВ-111	США	1970	60	6100	16,7		Может иметь на борту 2 ядерные бомбы или до 6 ракет «СРЭМ» класса «воздух—земля» с ядерным зарядом

Окончание таблицы

Название и кодовое обозначение	Государство, в распоряжении которого находится	Время принятия на вооружение	Количество	Дальность действия (км ¹⁾)	Стартовый вес или полезная нагрузка, т ²⁾	Характер и мощность заряда ³⁾	Примечание
Бомбардировщик «Мираж IVА»	Франция	1964	46	4000	7,2		Может иметь на борту ядерные бомбы
Истребитель-бомбардировщик F-4 «Фантом»	США	1962	324	4500	7,2		Может иметь на борту 1 ядерную бомбу
Истребитель F-16 «Файтинг Фэлкон»	США	1975	72	3400	10,5		
Палубный штурмовик А-6Е «Интрудер» ⁴⁾	США	1963	39	6400	8,1		Может иметь на борту 2 ядерные бомбы или ракеты «Гарпун» класса «воздух — земля», некоторые модификации которых могут быть оснащены ядерными зарядами
Палубный штурмовик А-7Е «Корсар» ⁴⁾	США	1966	72	5400	9,0		

Общее число боевых самолетов — более 800.

Общее число ракет — 162.

1) Для самолетов — максимальная дальность полета при средней полезной нагрузке. 2) Для самолетов — бомбовая нагрузка и вес бортового вооружения. 3) Включенные в таблицу самолеты являются средствами борьбы «двойного назначения», т. е. могут оснащаться не только различными видами ядерного оружия, но также

и бомбовым, ракетным и другими видами оружия с зарядами обычного взрывчатого вещества. 4) Базируются на авианосцах в Средиземном море и Атлантическом океане.

Составлена по: Military Balance 1981/1982, p. 106—110, 126—129; Jane's All the World Aircraft, 1980—1982; Откуда исходит угроза миру. М.: Воениздат, 1982, 2-е доп. изд.

пула бы самой американской территории), т. е. планы, остававшиеся при Форде и при Картере достоянием стратегов Пентагона, но неизвестные широкой публике.

В беседе с редакторами провинциальных газет 17 октября 1981 г. Рейган, отвечая на один из вопросов, сказал, что «может сложиться такая ситуация, когда произойдет обмен ударами с применением обеими сторонами тактического ядерного оружия против воинских контингентов на поле боя без того, чтобы какая-либо из больших держав нажала на кнопку»⁶⁵. Хотя это заявление президента США вызвало бурю протестов в столицах западноевропейских государств, тем не менее Вашингтон, по-видимому, постепенно приучает западноевропейцев к мысли о том, что американское стратегическое оружие (а стало быть, и американская территория) может быть отделено от «превратностей европейской политики».

В какой-то мере Соединенным Штатам удалось осуществить свои планы по некоторому перераспределению военного бремени внутри блока НАТО. Если в 1970 г. военные расходы США составляли 69% от военных расходов всего блока, то в 1980 г. — лишь 56%⁶⁶. Принятая в мае 1978 г. на вашингтонской сессии Совета НАТО на высшем уровне долгосрочная программа модернизации вооруженных сил блока предусматривает ежегодное наращивание военных расходов каждой страной — участницей НАТО на 3% в год в реальном выражении и осуществление 101 конкретной программы модернизации вооруженных сил и вооружений, начиная от улучшения военной подготовки и кончая развертыванием новых систем тактического и «евростратегического» ядерного оружия.

Однако такого рода курс США на активизацию военных приготовлений (в условиях углубления кризисных явлений в экономике капиталистических стран и в условиях спокойной обстановки в Европе и развития всесторонних связей между Западной и Восточной Европой) не мог не привести к вполне логическому результату: все большему пониманию не только западноевропейским населением, но и правящими кругами западноевропейских государств несовместимости путей Европы с путем Соединенных Штатов. Основная долговременная тенденция европейской политики, в том числе и военной, — это все большая ее европеизация, находящая в сфере военной политики выражение в таких акциях, как укрепление так называемой еврогруппы НАТО, активизация деятельности Западноевропейского союза и циркуляция в ЕЭС различных проектов большей военно-политической интеграции. Это вызывает значительные расхождения

⁶⁵ Time, 1981, Nov. 2, p. 34.

⁶⁶ Подсчитано по: World Military Expenditures and Arms Transfers, 1969—1978. Wash.: U. S. Arms Control and Disarmament Agency, 1980, p. 36, 71; The Military Balance. The International Institute for Strategic Studies. L.: IISS Publication, 1981, p. 112.

и разногласия между США и западноевропейскими членами НАТО, — разногласия, острота и масштабы которых приводят к тому, что союзнические отношения довольно часто ставятся в последнее время под вопрос.

Тактика контринсургенции

В конце 50-х — начале 60-х годов в США была разработана концепция специальной контрповстанческой (контринсургентской) войны, которую американское руководство рассматривало как наиболее благоприятную форму борьбы против революционных, национально-освободительных движений в условиях, когда изменения в соотношении сил на мировой арене и развитие движения неприсоединения привели Вашингтон к выводу о необходимости борьбы с такого рода движениями на уровне превентивных и малозаметных локальных операций. Доктрина контрповстанческой войны основывалась на убеждении американских политических лидеров и теоретиков в том, что революционные брожения и восстания в развивающемся мире являются в основном движениями, инспирируемыми извне и не имеющими, как правило, широкой народной базы. Поэтому американские теоретики тактики контринсургенции (иногда именуемой стратегией или доктриной контринсургенции) считали, что если Соединенным Штатам удастся противопоставить революционным силам (действующим на уровне полувоенных-полуполитических операций) специальные контрповстанческие силы, использующие сходные методы, но в прямо противоположных целях, то они смогут подавлять революционные движения в зародыше, тем самым стабилизируя без большого, так сказать, шума прозападный, проамериканский статус-кво в развивающемся мире.

Тактика контринсургенции вошла органической составной частью в американскую стратегию «гибкого реагирования», став тем вариантом использования вооруженных сил, который должен был применяться в ходе сверхмалых специальных войн. Первым полигоном для тактики контринсургенции оказалась Латинская Америка. Это произошло в силу целого ряда факторов, главным из которых было желание правящих кругов США не допустить распространения кубинского примера на другие страны региона. «После кубинской революции, — писал Первый секретарь ЦК Компартии Уругвая Родней Арисменди, — империализм янки стремится предупредить развитие революционного процесса, его агрессивные действия маскируются превентивной контрреволюцией»⁶⁷.

Широкая политическая стратегия США в Латинской Америке в 60-е годы состояла в том, чтобы, укрепляя социальную базу капитализма социально-экономическими мероприятиями, предусмотренными «Союзом ради прогресса», в то же время вооруженной силой

⁶⁷ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М.: Политиздат, 1973, с. 310.

подавлять любую открытую оппозицию капиталистическому пути развития.

После провала организованной ЦРУ в апреле 1961 г. интервенции против Кубы президент Кеннеди в мае того же года в послании конгрессу объявил о создании специальных сил для ведения «сверхграниценных или необычных войн». Эти силы впоследствии получили название «зеленых беретов» (по цвету головных уборов). При штабе армии США в Форт-Брагге (штат Северная Каролина) был создан центр специальных форм войны (которому впоследствии было присвоено имя Дж. Кеннеди). В странах Латинской Америки был создан ряд центров по подготовке контрпартизанских частей из местных воинских формирований. Двумя главными центрами по подготовке специалистов по контринсургенции для Латинской Америки стали две базы США в зоне Панамского канала — Форт-Шерман и Форт-Гулик. В 1963 г. в Форт-Гулик была переброшена из США 8-я группа войск специального назначения, которой было поручено ведение противопартизанских операций в Латинской Америке. Почти во все страны региона были направлены подвижные группы американских специалистов по ведению контринсургентских операций⁶⁸.

Известные успехи, которых добились в подавлении партизанских движений в Гватемале, Перу, Колумбии, Венесуэле и Боливии действовавшие под американским командованием местные силы, привели американское руководство к мысли о необходимости шире применять тактику контринсургенции для борьбы с национально-освободительными движениями в других районах мира. В первую очередь эта тактика была применена Вашингтоном в Южном Вьетнаме, где начиная с 1963 г. США развернули «специальную» войну против национально-освободительного движения. Однако во Вьетнаме эта тактика потерпела позорный провал. США не смогли остановить национально-освободительного движения Южного Вьетнама методами контринсургенции, не смогли одержать победу на поле боя и путем локальной войны обычного типа с прямым и массовым участием американских регулярных войск, к которой они затем перешли. Потерпев позорное фиаско во Вьетнаме, США вынуждены были подписать в Париже (27 января 1973 г.) с представителями ДРВ и Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и убраться из Южного Вьетнама и из других стран Индокитая.

Несмотря на это, тактика контринсургенции не была сдана в архив американским политическим руководством и Пентагоном. Просто ныне ббльший упор делается на использование для контрповстан-

⁶⁸ Подробнее об осуществлении США тактики контринсургенции в западном полушарии см.: Тарасов К. Тайная война империализма США в Латинской Америке. М.: Политиздат, 1978.

ческих операций местных сил при американской военно-технической поддержке. Именно такого рода подход практикуют США в Сальвадоре, Гондурасе и ряде других латиноамериканских стран, помогая проамериканским режимам бороться с партизанскими движениями.

В 1974 г. Пентагоном был разработан типовой план по борьбе с революционными движениями в странах Латинской Америки (так называемый «план Альфа»), предусматривающий четыре основные стадии в контрповстанческих операциях: а) подготовительную; б) «операцию по очистке» — фазу непосредственной антипартизанской борьбы местными контрповстанческими силами; в) «операцию по удержанию» и г) конструктивную, или операцию по стабилизации положения с помощью в основном политико-экономических мероприятий. Этот план распространен Пентагоном через Межамериканский совет обороны среди стран — членов ОАГ. В основе его лежит опора на специальные местные противопартизанские войска («лансерос»), прошедшие американскую школу. К настоящему времени почти пятая часть вооруженных сил стран Латинской Америки прошла переподготовку в американских военных школах или с помощью американских инструкторов. Именно выученики американских «зеленых беретов» составляют ныне элиту большинства латиноамериканских вооруженных сил и занимают в них командные позиции. Ими же в основном укомплектованы и органы безопасности. Это и дает Вашингтону надежду на то, что ему удастся сохранить контроль за развитием политической ситуации в Латинской Америке. В то же время США все шире применяют накопленный ими в Латинской Америке и во Вьетнаме опыт контрповстанческой борьбы (включая методы борьбы и специальную военную технику) в целях поддержки диверсионно-террористических операций контрреволюционных сил в Афганистане, Камбодже, Анголе и ряде других стран Азии и Африки.

Стратегия «синей воды»

Военно-морские силы США всегда были важным компонентом американской стратегической мощи, а установки военно-морской стратегии с ее упором на контроль за Мировым океаном долгое время доминировали в общей военно-политической стратегии США. Можно сказать большее: ВМС США с их крупными линейными кораблями и авианосцами представляли собой до появления ядерного оружия стратегические силы США. Именно с помощью военно-морского флота в качестве главной силы решали США задачи борьбы против Японии во второй мировой войне, с помощью ВМС осуществляли операции по высадке в Северной Африке, Италии и Нормандии.

Появление после второй мировой войны ядерного оружия, в качестве основного средства доставки которого была избрана бомбардировочная авиация, а не корабли военно-морского флота, привело на какое-то время к падению роли и особенно престижа ВМС в об-

цем комплексе вооруженных сил США, к оттеснению военно-морских сил на третье место после ВВС и сухопутных сил. Такое положение просуществовало до середины 50-х годов. Разработка атомного двигателя для надводных и подводных судов, создание баллистических ракет, запускаемых из-под воды, и целый ряд других успехов в кораблестроении и военно-морских вооружениях (включая палубную авиацию) вновь подняли роль и значение ВМС в осуществлении задач американской стратегии, ликвидировали их ущемленное положение.

Но не только чисто военно-технические изменения повели к повышению роли военно-морских сил в американской глобальной стратегии. Важную роль — особенно в 70-е годы — сыграли политические факторы. Главными среди них были изменение в соотношении сил между США и СССР, ухудшение американских военных позиций в мире в связи с поражением США в Индокитае и ликвидацией ряда американских военных баз в Азии, Африке, на Ближнем Востоке, усиление зависимости США от импорта нефти и ряд других факторов. С 1972 г. ВМС США выходят на первое место среди трех видов вооруженных сил по размерам получаемых бюджетных ассигнований, а военно-морская стратегия приобретает все более важное значение в военном планировании США.

До 70-х годов основными функциями американского флота считалось поддержание стратегической угрозы СССР (флотилией атомных подводных лодок — носителей БРПЛ) и проецирование американской силы в регионы развивающегося мира. Как отмечалось в исследовании, проведенном Брукингским институтом, о политическом использовании Соединенными Штатами своих вооруженных сил (т. е. использовании этих сил в целях давления), военно-морские силы США «были главным инструментом Соединенных Штатов в политическом использовании ими вооруженных сил: во все времена, во всех местах и независимо от специфики ситуации»⁶⁹. Начиная с 1955 г. ВМС США применялись для демонстрации силы в среднем в девяти из десяти случаев использования американских вооруженных сил в такого рода целях. Определенную роль играла функция «флот против берега» в связи с наличием на авианосцах самолетов — носителей ядерного оружия, а также функция поддержания контроля за морскими коммуникациями.

Начиная с 70-х годов американская военно-морская доктрина все большее значение придает функции контроля за коммуникациями (включая контроль за «точками удушения», как выражаются американские стратеги, — главными проливами, соединяющими между собой основные океаны и моря Мирового океана) и функции проецирования американской военной мощи к берегам потенциальных противников, включая в первую очередь Советский Союз. Важ-

⁶⁹ *Blechnan B. M., Kaplan S. S. The Use of Armed Forces as a Political Instrument. Wash.: The Brookings Institution, 1977, p. IV-3.*

пую роль военно-морской флот приобретает и в качестве компонента сил быстрого развертывания в результате создания нового класса десантных кораблей-вертолетоносцев и специальных судов — плавучих складов тяжелого оружия и боевой техники, предназначенных для заблаговременного размещения в «горячих точках» — близ побережий тех районов, в которых предполагается проведение интервенционистских операций. К середине 80-х годов суда «морского лифта» будут составлять главный компонент американских мобильных сил.

В настоящее время американский флот насчитывает свыше 500 боевых кораблей, готовых к боевому развертыванию (категория «силы флота, готовые к боевому развертыванию», была введена министерством обороны США в 1982 г.). В эти силы входят 37 атомных ракетных подводных лодок, 91 многоцелевая атомная ударная подводная лодка, 13 ударных авианосцев (в том числе 3 атомных), 11 судов-вертолетоносцев, 27 крейсеров, оснащенных управляемым ракетным оружием (из них 9 атомных), 85 эскадренных миноносцев, 86 фрегатов, 60 десантных и десятки других кораблей.

Важнейшим компонентом ВМС являются ракетные подводные лодки типа «Джордж Вашингтон», «Итен Аллен»⁷⁰, «Лафайет» и «Огайо», вооруженные ракетами «Поларис» (А-3), «Посейдон» (С-3) и «Трайидент-1» (С-4) (к началу 1984 г. под ракеты С-4 будет переоборудовано 12 лодок типа «Лафайет»). Указанные подводные лодки, несущие в общей сложности 608 БРПЛ, составляют основу ракетно-ядерной системы морского базирования, которая, по мнению американских теоретиков, наилучшим образом отвечает современным требованиям, предъявляемым к стратегическим силам. На данном этапе она является наименее уязвимой из компонентов стратегической «триады» США. Подчеркивается также, что эта система находится в высокой боевой готовности, эффективна в применении, обладает большой скрытностью и высокой точностью стрельбы. На долю подводной ракетной системы приходится примерно половина всех ядерных боеголовок стратегических сил США.

Еще более возрастет значение военно-морского компонента стратегических наступательных сил США с развертыванием в 80-х годах новой ракетно-ядерной системы морского базирования «Трайидент». Ее основа — атомные ракетные подводные лодки типа «Огайо», которые первоначально вооружаются 24 ракетами «Трайидент-1». По своим боевым возможностям одна лодка класса «Огайо» превосходит 10 атомных ракетных подлодок системы «Поларис». Переход на ракеты «Трайидент-1» примерно в 10 раз увеличивает акваторию боевого патрулирования соответствующих лодок, что усложняет проблему их обнаружения. Первые две лодки типа «Огайо» были введены в строй в 1981—1982 г.г. В дальнейшем предполагается по-

⁷⁰ Имейшиеся в стратегических силах США 10 лодок первых двух типов постройки 1959—1963 г.г. выведены из числа посетителей баллистических ракет и переоборудуются в многоцелевые подлодки, оснащенные крылатыми ракетами.

строить 25—30 лодок такого типа. В перспективе они будут вооружены ракетами «Трайидент-2» (D-5) с повышенной точностью стрельбы (до 14 боеголовок системы MARV по 150 кт каждая, дальность стрельбы более 11 тыс. км).

Многоцелевые атомные подводные лодки, вооруженные торпедами, противокорабельными крылатыми ракетами, ракето-торпедами, предназначенными для борьбы с подводными лодками, представляют собой другой важный компонент ВМС США. В настоящее время в США ведется строительство новейшей серии такого рода подводных лодок типа «Лос-Анджелес». К 1985 г. будет введено в строй 40 лодок этого класса, а также начато строительство многоцелевой атомной подводной лодки нового класса. Принято решение разместить на такого типа подводных лодках (равно как и на ряде крейсеров и эсминцев) крылатые стратегические ракеты «Томагавк» дальностью действия до 3700 км. Претворение в жизнь этого плана существенно увеличит общее количество стратегических ядерных боеголовок в американском флоте.

Ядром сил общего назначения ВМС считаются авианосцы, на которых в настоящее время находится около 1000 самолетов, в том числе носителей ядерных средств. Авианосец является обычно ядром ударной группы ВМС, в которую входят 8—10 кораблей охранения и поддержки (крейсера, эсминцы, фрегаты). Как показали события, авианосцы интенсивно использовались в качестве основных ударных сил американского флота в локальных войнах и рассматриваются высшим военным руководством США как подготовленный резерв стратегических наступательных сил.

В настоящее время ВМС США сгруппированы в четыре флота (не считая сил резерва): 2-й флот (Атлантический) в составе 43 атомных подводных лодок, 7 авианосцев, 720 боевых самолетов и свыше 100 других кораблей основных классов со штабом в Норфолке на Атлантическом побережье США; 3-й флот (восточная часть Тихого океана) в составе 30 атомных подводных лодок, 3 авианосцев, около 80 кораблей охранения и 550 боевых самолетов со штабом в Пёрл-Харборе (Гавайи); 6-й флот (Средиземноморский) в составе 5 подводных лодок, 1 авианосца и 14 кораблей других классов со штабом в Гаэта (Италия) и 7-й флот (западная часть Тихого океана) в составе 5 подводных лодок, 1 авианосца, свыше 20 других судов основных классов и 262 боевых самолетов со штабом в порту Йокосука (Япония). В последние годы одна-две ударные авианосные группы ВМС США регулярно патрулируют в Индийском океане, включая Аравийское море. В Персидском заливе США уже в течение многих лет имеют специальную эскадру в составе 5 надводных судов.

Начиная с 1970 г. все американские администрации подчеркивали необходимость расширения и модернизации ВМС США. Последняя программа военно-морского строительства, разработанная администрацией Рейгана, предусматривает создание к началу 90-х годов:

военно-морских сил, готовых к боевому развертыванию, в составе 610 кораблей. Эта программа включает строительство двух новых атомных авианосцев (в дополнение к трем существующим), около 60 многоцелевых атомных подводных лодок и приобретение авиацией флота и корпуса морской пехоты 1930 самолетов (вместо 1100, намечавшихся Картером). На эти цели предполагается израсходовать за пятилетие 120 млрд. долл.⁷¹ Основная стратегическая цель, выдвинутая для ВМС США, — приобретение превосходства на просторах Мирового океана. Об этой установке недвусмысленно заявил военно-морской министр США Дж. Лимэн при утверждении его конгрессом США в этой должности. «Я верю, — сказал Лимэн, — что четкое военно-морское превосходство США является абсолютным требованием для обеспечения стабильного международного мира и американской безопасности... Хотя Соединенные Штаты находятся ныне в состоянии мира, ВМС и морская пехота действуют в гораздо большей степени в режиме военного времени, чем это осознается большинством американцев... Я полностью поддерживаю цель администрации Рейгана по созданию военно-морского флота в составе 600 кораблей. Флот таких размеров включал бы 15 или 16 (авианосных) ударных групп. Для того чтобы достичь, а затем поддерживать уровень в 600 судов, требуются постоянные темпы производства от 22 до 35 судов ежегодно»⁷².

Силы быстрого развертывания

Если задуматься о назначении обычных вооруженных сил США, то нельзя не прийти к выводу о том, что это интервенционистские силы, созданные для использования в операциях за рубежами США. Именно в этом качестве, и только в этом, они и использовались американскими правительствами в XX в. И в этом, между прочим, характерное отличие вооруженных сил США от вооруженных сил любой другой страны, выполняющих в первую очередь функцию обороны собственной территории. У США же главная функция вооруженных сил не оборона собственной территории, а реализация военными способами целей США за рубежом.

Однако в целом американские обычные вооруженные силы при всей их технической оснащенности все же достаточно неповоротливы для того, чтобы реагировать быстро, особенно в случаях, когда речь идет об их использовании в локальных кризисах в отдаленных от США точках планеты. Поэтому в США всегда существовал особый компонент вооруженных сил, предназначенный для быстрого интервенционистского реагирования — морская пехота. Этот компонент и поныне остается авангардом интервенционистских сил США. Однако

⁷¹ New York Times, 1981, July 4.

⁷² Nomination of John F. Lehman to be Secretary of the Navy. Hearings before the Committee on Armed Services, United States Senate, 97th Congress 1st session. Wash.: U. S. GPO, 1981, p. 4—5.

новые условия в мире, иной характер потенциальных противников, новые задачи, которые ставятся перед вооруженными силами США, предъявляют повышенные требования к мобильности, боеготовности, оснащенности сил, предназначенных для оперативного использования за пределами США. Это и привело теоретиков Пентагона к мнению о необходимости иметь более боеготовые и более специализированные интервенционистские силы, предназначенные для действий в различных регионах мира (см. карту).

Такие специализированные силы начали создаваться в США с начала 60-х годов, когда в США было, с одной стороны, организовано Ударное командование (СТРАЙКОМ), в ведение которого были переданы все воздушные силы общего назначения, расположенные на территории США, а с другой — организованы специальные контрповстанческие части («зеленые береты») для борьбы против национально-освободительных движений в различных регионах мира. Впоследствии Ударное командование было преобразовано в Командование боеготовности, сохранившее в качестве главной функции подготовку мобильных сил для быстрой переброски в «горячие точки» мира. При этом постепенно начала проводиться специализация интервенционистских сил с целью приспособления их к действиям в определенных районах мира.

Выступая в 1971 г. на слушаниях по военному бюджету в одной из подкомиссий конгресса США, генерал У. Уэстморленд, занимавший тогда пост начальника штаба армии США, заявил: «...мы также исследуем возможности специализации других дивизий стратегического резерва вооруженных сил для выполнения специфических, уникальных задач. При этом они не должны утратить ни одной из своих общецелевых способностей. Например, вполне может быть, что 4-я пехотная дивизия в Форт-Карсоне может стать армейской горной дивизией — хранителем армейского опыта в области войны в горах. Подобным же образом 25-я армейская дивизия на Гавайских островах может быть специализирована на войне в джунглях, а 2-я бронетанковая дивизия в Форт-Худе — на войне в условиях пустыни». Таким путем, отметил Уэстморленд, «мы получим средство для усовершенствования нашей доктрины, тактики и снаряжения для ведения более специализированных форм войны»⁷³.

Правительство Картера пошло еще дальше в деле усиления мобильности и боеготовности сил, предназначенных для интервенционистских операций за рубежами США, и их специализации.

В августе 1977 г. в соответствии с президентским обзорным меморандумом № 18 и основанной на нем президентской директивой было принято решение о создании специальных сил быстрого развертывания. В конце 1979 г. при Командовании боеготовности во

⁷³ Department of Defense Appropriations for 1972. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations House of Representatives, 92nd Congress, 1st Session. Wash.: U. S. GPO, 1971, Pt 1, p. 553.

Флориде был создан штаб Объединенных ударных сил быстрого развертывания в составе представителей всех четырех видов вооруженных сил США — армии, авиации, флота и морской пехоты.

Как заявил в июне 1980 г. тогдашний командующий силами быстрого развертывания генерал-лейтенант П. Келли, эти силы насчитывают около 300 тыс. человек, включая 100 тыс. резервистов, могущих быть призванными на действительную службу во время кризиса. По некоторым подсчетам, для ведения боевых действий за пределами территории США и «зоны ответственности НАТО» может быть выделено в случае необходимости около 28% личного состава американских вооруженных сил, что составит примерно 600 тыс. человек.

Наиболее мобильный — ударный компонент сил вмешательства — составляют 82-я воздушно-десантная (свыше 15 тыс. человек) и 101-я воздушно-штурмовая (около 18 тыс. человек) дивизии, имеющие опыт ведения боевых действий во Вьетнаме, а также части специальных контрповстанческих сил и два батальона рейнджеров — солдат высшей квалификации, натренированных для выполнения особых поручений. Потенциальными компонентами сил быстрого развертывания могут быть все три дивизии морской пехоты США и необходимое число судов ВМС, включая — в максимальном варианте — три авианосца, а также от четырех до одиннадцати авиакрыльев истребительной и штурмовой авиации (каждое 72—125 самолетов) плюс две эскадрильи стратегических бомбардировщиков. В распоряжение мобильных сил может быть предоставлена существенная часть военно-транспортной авиации, насчитывающей свыше 1700 самолетов, а также 300 пассажирских и грузовых самолетов так называемого аэрофлота гражданского резерва и около 200 судов торгового флота США.

Однако проблема быстрой переброски интервенционистских сил в отдаленные регионы является достаточно сложной. Так, по оценке американских экспертов, для переброски из США в район Персидского залива двух даже самых мобильных дивизий сухопутных войск в полном составе с помощью имеющейся в наличии военно-транспортной авиации потребуется не менее 26 суток. В том случае, если возникнет необходимость применять вместо высокоподвижных соединений обычную механизированную дивизию, время переброски значительно увеличивается. Именно поэтому Пентагон предпринимает меры для предварительного размещения в зоне потенциальных военных действий как техники и тяжелого вооружения, так и передового ядра сил быстрого развертывания. Эта техника размещается на складах в регионах вероятных операций на основе концепции предварительного заморского складирования набора материалов для целых боевых частей (ПОМКУС).

Поскольку США не могут полностью рассчитывать на те сухопутные базы, которые они приобрели в регионе Ближнего Востока и в других районах, создана специальная флотилия из 15 грузовых

судов, являющихся складами оборудования и тяжелого вооружения. Каждые пять таких судов несут танки, артиллерию, боеприпасы, продовольствие, топливо и другое снабжение, достаточное для месячного обеспечения бригады морской пехоты численностью в 12 тыс. человек. «В мирное время,— говорил министр обороны США,— эти суда будут расположены в отдаленных районах, где могут потребоваться американские вооруженные силы. Хотя эти суда не предназначены для амфибийной высадки десантов, они в случае необходимости смогут разгрузить технику на необорудованном берегу. Морские пехотинцы (равно как и оборудование, которое не пригодно для предварительного хранения) будут доставлены по воздуху в район расположения судов для объединения с предварительно размещенным вооружением. Они будут готовы к военным действиям через короткий промежуток времени»⁷⁴.

Для более эффективной переброски новых интервенционистских сил по воздуху военное ведомство США продлевает сроки службы своей транспортной авиации (самолеты С-5 и С-141), увеличивает ее грузоподъемность, строит новые, более совершенные самолеты для заправки транспортов в воздухе, а также закупает дополнительно 50 самолетов С-5 улучшенной конструкции и разрабатывает новый транспортный самолет, обладающий повышенной грузоподъемностью и коротким разбегом, т. е. приспособленный для посадки на необорудованные аэродромы.

При этом необходимо подчеркнуть, что, хотя силы быстрого развертывания описываются руководителями Пентагона как предназначенные для действий в различных регионах мира, они по преимуществу сориентированы на регионы Южной Азии и Ближнего Востока.

Дело в том, что силы, предназначенные для быстрого наращивания американской военной группировки в Западной Европе, представляют собой особую группу и проходят иную подготовку, участвуя в ежегодных американских маневрах по переброске сил в ФРГ (операция «Рефорджер»). Планами Пентагона предусматривается, что к 1986 г. США будут в состоянии за 10 дней дополнительно перебросить в Западную Европу 6,5 армейских дивизий, включая части поддержки, и 60 эскадрилий тактической авиации при условии, что вооруженные силы США в это время не будут вести боевых действий в каком-либо другом регионе. Для операций в Латинской Америке, в первую очередь Центральной Америке, которую американское руководство считает наиболее беспокойным районом, в декабре 1981 г. было создано новое региональное командование Пентагона с приданными ему частями. На Дальнем Востоке в случае необходимости могут быть использованы американские силы, размещенные в Японии, на Окинаве и в Южной Корее, общей чис-

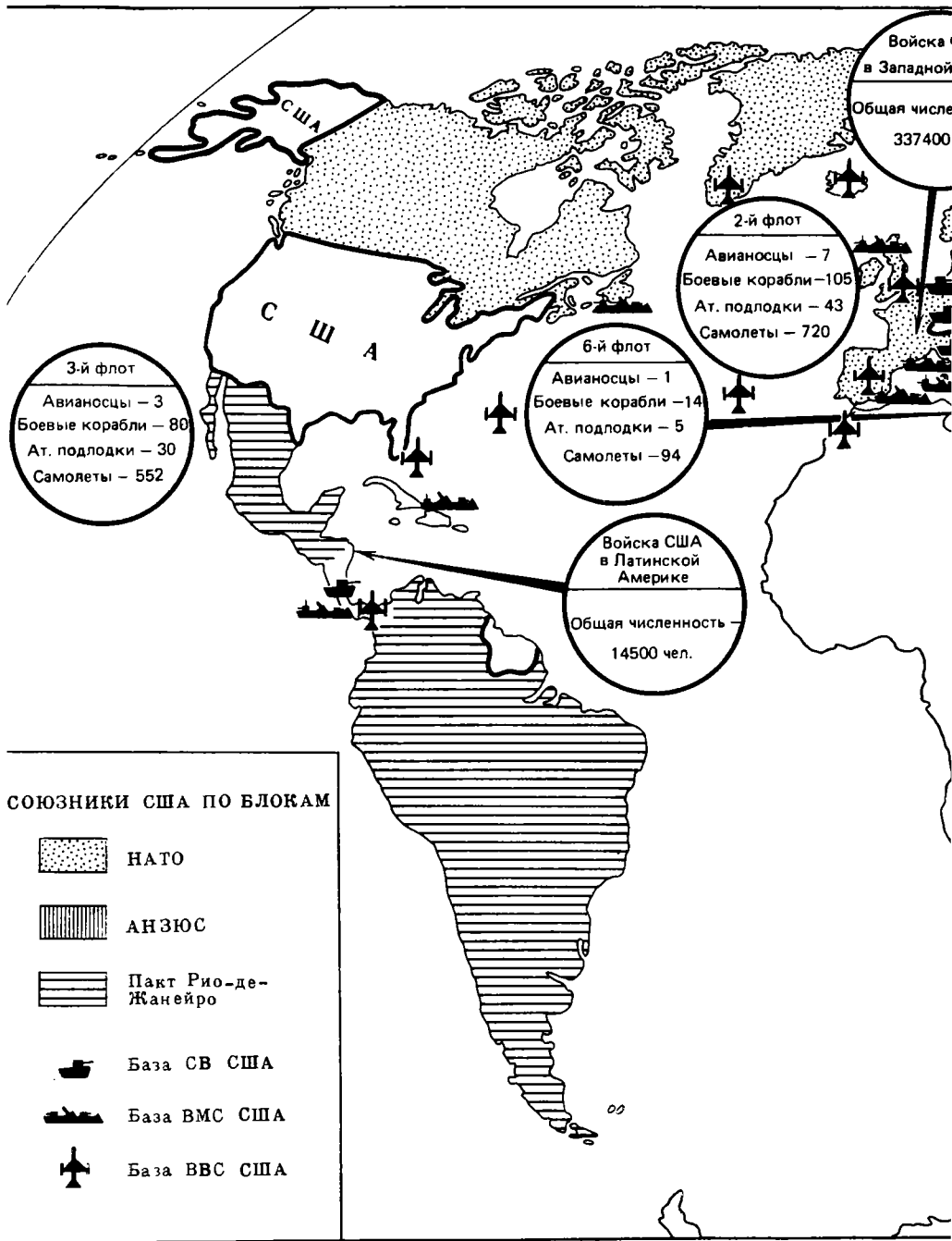
⁷⁴ Report of Secretary of Defense Harold Brown to the Congress on the FY 1981 Budget..., p. 116.

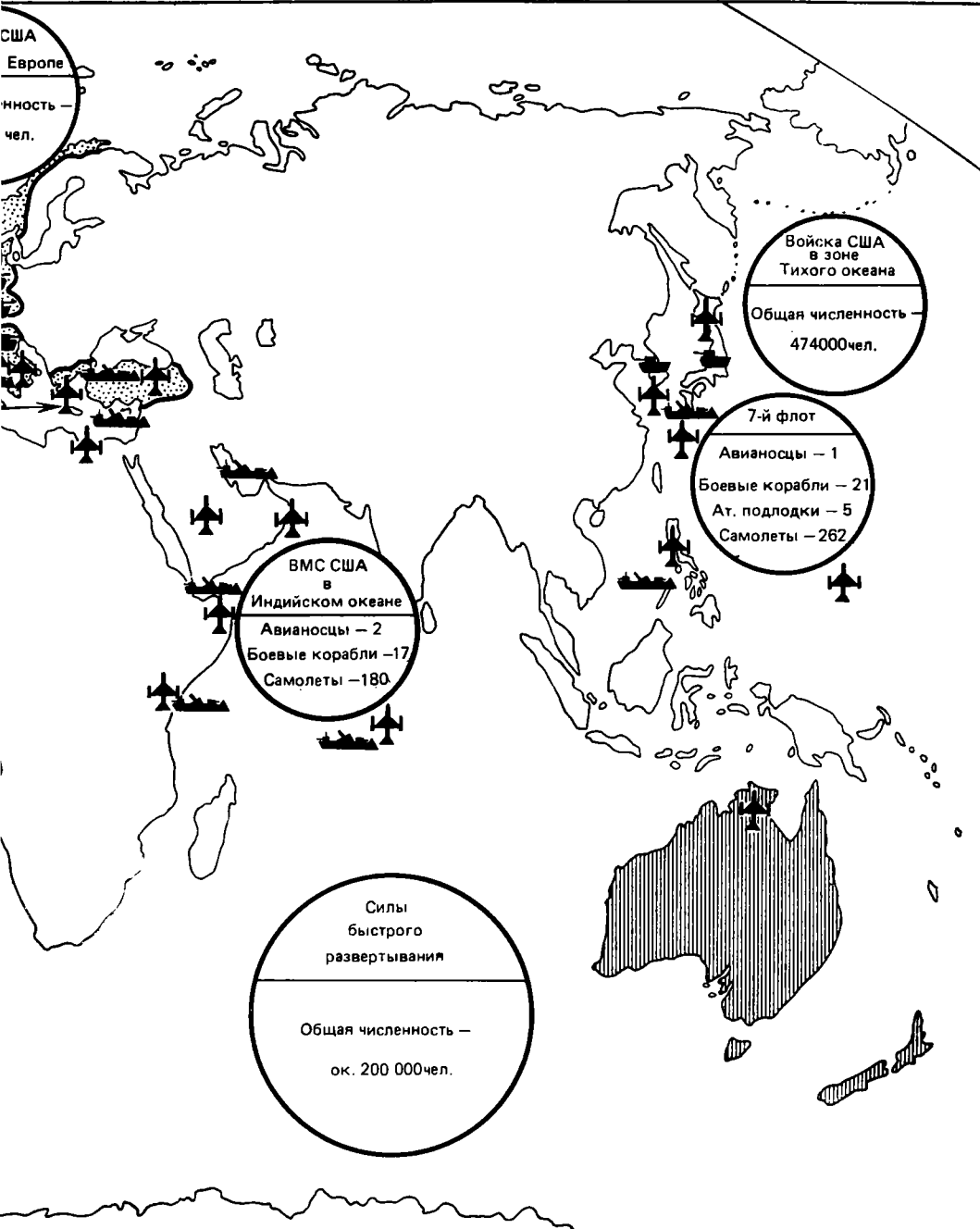
ленностью в 85 тыс. человек, не считая кораблей и авиации 7-го флота США.

В этих условиях объединенные ударные силы быстро развертывания служат в качестве специализированной боевой группировки, предназначенной для действий в районах Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки. С 1 января 1983 г. США официально создали новое «центральное командование» (Сентком), в распоряжение которого предоставлены силы быстрого развертывания. В сферу действия этого подразделения Пентагона включены 19 государств Азии и Ближнего Востока, а также значительная часть Индийского океана, под его контроль поставлены военные базы США в указанных регионах. Нацеленность этих сил на Юго-Западную Азию и Ближний Восток подчеркивается и характером проводимых этими силами учений. Они проводятся на военных базах в южных штатах США, где климатические условия схожи с ближневосточными, а также на некоторых американских базах за рубежом. С целью «демонстрации мускулов» Соединенные Штаты регулярно проводят на Ближнем Востоке крупные военные маневры под кодовым названием «Брайт Стар». В них участвуют американские силы быстрого развертывания и вооруженные силы Египта, Судана, Сомали и Омана. В ходе маневров 1981 г., например, отработывались высадка военно-морского и военно-воздушного десантов и бомбардировка с воздуха объектов в египетской пустыне стратегическими бомбардировщиками В-52, совершившими беспосадочный перелет из США в Египет и обратно с дозаправками в воздухе.

С целью укрепления своих военных позиций на Ближнем Востоке Соединенные Штаты добились приобретения баз в этом регионе. Правительство Египта приняло решение предоставить в распоряжение США несколько баз на территории Египта, в том числе аэродром Кайро-Уэст и базу Рас-Банас на побережье Красного моря. Пентагон планирует дооборудовать эти базы, а также построить для Израиля две авиабазы в пустыне Негев, которые он также сможет использовать. Кроме того, Пентагон имеет договоренность об использовании портов и аэродромов в Кении, Омане, Сомали, а возможно, и в Саудовской Аравии в дополнение к тем базам, которые уже имеются у него в регионе. Продолжается расширение американской базы на о-ве Диего-Гарсия в Индийском океане, идет также речь о приобретении базы на Коморских островах. В районе Аравийского моря уже размещен на постоянной основе десантный отряд морских пехотинцев численностью в 1800 человек. Одновременно в районе о-ва Диего-Гарсия дислоцированы 12 военно-транспортных судов с тяжелым вооружением, боеприпасами и другим снаряжением для морских пехотинцев.

Администрация Рейгана продолжает строительство сил быстрого развертывания еще более ускоренными темпами, чем администрация Картера, одновременно стремясь добиться от своих основных союз-

ников по НАТО выделения мобильных контингентов из состава их национальных сил для совместных действий с американской «пожарной командой» вне региона НАТО.

* * *

Эволюция военно-политической стратегии США в период после второй мировой войны показывает, что, несмотря на различие ее официальных формулировок при разных администрациях, она, по сути своей, является агрессивной наступательной стратегией, исходящей из установки на обеспечение США позиции силы как в отношении потенциальных противников, так и собственных союзников. Хотя на протяжении послевоенного периода Соединенным Штатам под влиянием объективных процессов в мире пришлось приспособлять свою стратегию к новым реалиям, несколько умерять свои имперские амбиции, американское руководство все еще не может полностью отрешиться от иллюзий американской исключительности, от силового подхода к миру. Использование силы и угроза силой, в том числе и бряцание ядерным оружием, по-прежнему остаются важнейшими компонентами американской внешней политики.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЛОКОВОЙ СТРАТЕГИИ

Одним из важнейших элементов глобальной стратегии США после второй мировой войны стала политика создания военно-политических блоков и союзов. США в этот период активно занялись мероприятиями по сколачиванию политических коалиций, военных пактов, замкнутых региональных организаций и экономических группировок, по организации их практической деятельности и руководству ими. Параллельно в рамках более широкой политики «партнерства» Вашингтон внедрял в практику многочисленные другие программы, которые также были направлены на установление между США и другими странами фактически союзнических взаимоотношений. К их числу относятся, например, программы «взаимного обеспечения безопасности», в соответствии с которыми США поставляют своим «младшим партнерам» военную технику, вооружение и снаряжение, оказывают содействие в создании ими собственного военного производства, готовят и обучают их вооруженные силы, программы иностранной экономической помощи, некоторые научно-технические программы.

Блоковая политика регулирует наиболее важные проявления взаимодействия Соединенных Штатов с их партнерами; она призна-

на выработать общие цели, нормы, пределы и формы взаимного сотрудничества. Известный американский политолог Р. Осгуд видит главное значение военно-политических союзов в том, что именно в рамках этих союзов государства «договариваются о применении силы против общего противника и определяют условия, при которых сила должна применяться»¹.

Блоковая политика — отказ от изоляционизма

Блоковая политика явилась новой формой экспансии США на мировой арене. Известно, что в период с 1778 по 1947 г. США в мирное время не взяли на себя ни одного военного или политического обязательства в отношении стран, расположенных за пределами западного полушария, и избегали участия в каких бы то ни было коалициях, образовывавшихся в Старом Свете.

Официально принятый Белым домом после второй мировой войны курс на установление разветвленной системы взаимозависимости между США и империалистическими и проимпериалистическими странами означал отход американских правящих кругов от одного из главных своих внешнеполитических принципов, заложенного еще отцами-основателями американского государства и ставшего впоследствии традиционным для этой страны. Первый президент США Дж. Вашингтон в своем «Прощальном послании к стране», как уже говорилось, завещал американцам следовать важнейшему, с его точки зрения, внешнеполитическому принципу, смысл которого заключался в том, чтобы держаться в стороне от постоянных союзов с любым районом земного шара до тех пор, пока у Соединенных Штатов имелась свобода поступать таким образом.

Эта заповедь на протяжении полутора веков ставилась во главу угла американской внешней политики. При осуществлении экспансии США всегда действовали с оглядкой на расстановку сил среди своих конкурентов на мировой арене, чаще всего ловко манипулируя механизмом «баланса сил»². В принятом в марте 1919 г. Манифесте Коминтерна «К пролетариям всего мира» действие механизма «баланса сил» на примере участия США в первой мировой войне раскрывалось следующим образом: «Роль смеющегося третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов. Соединенные Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту роль, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть Англия по отношению к континенту, а именно — ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения. Ставка Вильсона, согласно ме-

¹ *Osgood R. Alliances and American Foreign Policy.* Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1968, p. 19.

² Цит. по: *Leonard L. Elements of American Foreign Policy.* N. Y.; Toronto; L.: The Johns Hopkins Press, 1953, p. 222—224.

тодам американской лотереи, была невелика, но она была последней и тем обеспечила за ними выигрыш»³.

Вторая мировая война подвела черту под периодом, во время которого США, играя на межимпериалистических противоречиях, могли укреплять свои позиции, сталкивая своих противников на мировой арене между собой, и подключаться к военным действиям лишь на завершающем этапе, когда исход борьбы становился очевиден, с тем чтобы воспользоваться плодами победы, завоеванной усилиями других.

В новой исторической обстановке Соединенные Штаты утратили «свободу рук» в отношении военно-политических союзов с другими странами. После второй мировой войны, когда США стали претендовать на роль «гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета»⁴, они заменили традиционную политику неучастия в союзах политикой активного блокостроительства с целью «сдерживания» и «отбрасывания» мирового социализма, а заодно и утверждения себя в качестве лидера в несоциалистической части мира. Известные в США внешнеполитические теоретики У. Ростоу и Р. Хэтч писали, что исход второй мировой войны привел к тому, что «Соединенные Штаты были вынуждены резко перейти с позиций, когда их интересы обеспечивались уклонением от союзов, на позиции, когда поддержание союзов и тесное сотрудничество с другими странами стали основополагающим моментом в обеспечении американской безопасности»⁵. С большим пафосом высказался по этому поводу 38-й президент США Дж. Форд в своей речи 7 декабря 1975 г. в Гавайском университете: «Мы (США.— Авт.) променяли свободу действия изоляционистского государства на ответственность великой глобальной державы»⁶.

Поворот США к блоковой политике объяснялся прежде всего радикальным изменением соотношения классовых сил на мировой арене в результате дальнейшего углубления общего кризиса капитализма.

Оценку итогов второй мировой войны, а также разработку своей стратегии на послевоенный период и методов ее осуществления, включая обращение к сколачиванию военно-политических блоков, правящие круги США производили в привычных для себя понятиях и схемах геополитики. Основную особенность послевоенного мира в Вашингтоне усматривали в сокращении числа «полюсов силы», т. е., по их понятию, государств, способных оказывать кардинальное влияние на мировой баланс сил. Если до войны, по мнению американских политологов, в борьбе за мировое лидерство уча-

³ Коммунистический Интернационал в документах, 1919—1932. М.: Партиздат, 1933, с. 54—55.

⁴ Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971, с. 15.

⁵ *Rostow W., Hatch R. An American Policy in Asia*. L.: Chapman and Hall Ltd, 1956, p. 7.

⁶ *Presidential Documents*, vol. 11, N 50. Wash.: U. S. GPO, 1975, p. 1355.

ствовало семь держав (США, Англия, Германия, Франция, Италия, Япония, СССР), то с ее окончанием круг таких государств свелся всего к двум. Как писал Г. Моргентау, огромное могущество СССР и США по сравнению с любой другой державой или даже коалицией государств дало им возможность оказывать решающее воздействие на состояние глобального баланса сил в целом, сведя его в конечном счете к «балансу сил» между собой⁷.

Мир в соответствии с геополитическими концепциями американских политиков превратился из многополярного в биполярный, в котором США уже не могли играть роль «балансира» системы международных отношений. В условиях «биполярности», считают американские теоретики, деятельность основных противостоящих государств на мировой арене приобретает особую направленность. Если в многополярных международных отношениях их главной целью является борьба за место «балансира» в системе или по крайней мере за то, чтобы расположить его в свою пользу, то в биполярной структуре мира они пытаются либо возродить выгодную для себя многополярность, либо установить равновесие непосредственно между собой, причем и в том и в другом случае активно прибегая к сколачиванию союзов.

В теоретических схемах международных отношений, разработанных в США сразу после второй мировой войны, военно-политические союзы и блоки, сколачиваемые Вашингтоном, отнюдь не рассматривались как направленные на возрождение многополюсного «баланса сил»; они считались тогда всего-навсего желательным дополнением к силе США в условиях «биполярного противостояния» и своего рода демаркацией территориальных границ глобальной «империи американского мира» («Пакс Америкапа»), которую пытались создать Соединенные Штаты. Эта последняя функция союзов в американской политологии демагогически, лицемерно называется «обозначением американского периметра обороны».

В обстановке прямого противостояния, доказывали Г. Моргентау, А. Органски, Дж. Лиска и другие влиятельные политологи в США, у каждой из сторон есть следующие три основных пути укрепления «своей силовой позиции»: 1) ускоренное развитие своей собственной мощи (в первую очередь военной), 2) увеличение ее за счет прибавления к ней мощи других стран, 3) ослабление мощи противника в результате препятствий объединению с ним третьих государств. «Если государство избирает первое,— писал Моргентау,— то в этом случае оно делает ставку на гопку вооружений. Когда же оно предпочитает второе или третье, то это означает, что оно пойдет по пути сколачивания союзов»⁸. Соединенные Штаты, как показала практика, развернули бурную деятельность сразу по всем направлениям.

⁷ Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Peace. 5th ed. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1978, p. 351.

⁸ Ibid.

Классовые интересы и блоковая стратегия

Геополитические рассуждения американских теоретиков и государственных лидеров активно использовались в качестве идеологического обоснования агрессивного курса Вашингтона в послевоенный период. Их целью было дополнить антикоммунистические мотивы политики США в противоборстве с социализмом объективистскими концепциями о силовых конфликтах, происходящих на международной арене между якобы однородными в социальном отношении «центрами могущества».

В действительности же речь шла о создании наступательных антисоциалистических военных коалиций. Это прямо предусматривалось доктринами «сдерживания» и «отбрасывания», положенными в основу внешней и военной политики США, в рамках которых и осуществлялась практика американского блокостроительства на мировой арене.

Курс США на сколачивание замкнутых военно-политических группировок на деле был направлен не на стабилизацию международных отношений, как это пытаются представить задним числом многие американские политические деятели и теоретики, а на подрыв международной системы, на подготовку условий для ревизии реальностей, сложившихся в мире в результате второй мировой войны. Агрессивная сущность империалистических блоков осталась, как и до войны, прежней. В. И. Ленин подчеркивал, что империалистические союзы, в какой бы форме они ни заключались, «в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав — являются неизбежно лишь „передышками“ между войнами. Мировые союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»⁹.

Взяв на вооружение блоковую политику, Соединенные Штаты стремились объединить силы и средства по возможности максимального числа государств проамериканской ориентации, сковать их индивидуальную инициативу и заставить действовать согласованно в направлении, избираемом Вашингтоном. Стратегически США рассчитывали, что американских союзников по всему миру можно будет впоследствии коллективно противопоставить социалистическим государствам в качестве «буферной силы» и, укрывшись за их спинами, вновь занять в мировой политике положение «третьего радующегося». Об этом недвусмысленно заявил Р. Никсон: «Региональные пакты выступают как буфер, отделяющий великую державу от непосредственной угрозы»¹⁰.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 417—418.

¹⁰ Nixon R. Asia after Vietnam.— Foreign Affairs, October 1967, p. 115.

Попутно в Вашингтоне связывали с блоками решение целого ряда тактических задач американского империализма. Важное значение придавалось, в частности, внутренней функции создаваемых под американской эгидой военно-политических альянсов. Она заключалась в том, что, вступая в те или иные пакты против «внешней угрозы», стороны непременно договаривались о совместных мерах по охране политического режима стран-членов и даже пытались распространить свою опеку на неприсоединившиеся государства. Основоположники марксизма отмечали, что военные союзы между капиталистическими государствами, заключаемые для достижения их империалистических интересов, могут быть быстро перестроены, а враждующие силы немедленно объединятся в коалицию для совместной борьбы против революции¹¹.

С помощью блоков США создавали формально правовую базу для практической реализации межимпериалистической солидарности эксплуататорских классов. Например, согласно преамбуле Североатлантического договора, одна из важнейших задач блока состоит в «укреплении внутренней стабильности стран-членов».

В 50-е годы большое внимание было уделено созданию в рамках организации Североатлантического договора (НАТО) специального механизма по обеспечению «внутренней стабильности» стран-членов. В 1953 г. вступил в силу «Статус вооруженных сил стран — участниц НАТО». Этот документ закреплял за военным командованием НАТО право размещать в этих странах свои вооруженные силы, базы, органы управления и другие воинские учреждения, а главное — вводить в любом количестве свои войска в любую из стран, входящую в эту военную организацию. В 1962 г. штабом американских войск в Европе был составлен план «100-1», согласно которому при «чрезвычайных обстоятельствах» США должны обеспечить себе возможность осуществления неограниченных прав в европейских странах: ввозить и использовать на их территории любое оружие, пользоваться сведениями национальных разведывательных служб, подавлять любое движение, угрожающее «стратегическим интересам» США и НАТО.

В другом натовском документе — «Соглашении о чрезвычайном положении» — прямо оговаривается, что «в случае событий внутри страны, которые могут отразиться на выполнении вооруженными силами США соответствующих задач или на их безопасности, правительство... (данного конкретного государства. — Авт.) обязано принять все возможные меры, чтобы ликвидировать упомянутые события собственными силами. Если эти инициативы окажутся не действенными, или правительство попросит помощи, или командующий американскими вооруженными силами увидит, что правительство своими силами не может справиться с событиями, американские вооруженные силы будут иметь право предпринять меры, которые

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 324—325; т. 4, с. 42⁹

американский командующий сочтет необходимыми или по своей инициативе, или по согласованию с правительством»¹².

Аналогичные функции закреплены в учредительных документах и других блоках и союзов, заключенных под эгидой США, в текстах которых особо оговаривается, что стороны берут на себя обязательства по борьбе с так называемой «подрывной деятельностью» и силами «внутренней нестабильности».

Послевоенная история дает массу примеров, когда блоковый механизм активно использовался для подавления революционной борьбы трудящихся в странах, объединенных в агрессивные союзы. Так, штабом НАТО был разработан план ввода в северную часть Италии войск блока, если в стране возникнет «политически неустойчивое» положение.

В 1967 г., когда в ходе предвыборной борьбы в Греции ситуация стала складываться в пользу демократических сил, был осуществлен военный переворот в соответствии с планом НАТО под кодовым названием «Прометей». Другой натовский сценарий — план «Соло» — предполагал совершение военного путча в Италии в 1969 г.

Военные интервенции США в странах Латинской Америки после второй мировой войны неизменно прикрывались ширмой военно-политического блока ОАГ (Организации американских государств). Показательным в этом отношении является принятое в мае 1965 г. Советом ОАГ решение о создании межамериканских вооруженных сил для «восстановления порядка» в Доминиканской Республике, а на самом деле — для совершения прямой агрессии против этой страны.

Используя блоки, Вашингтон надеялся эффективнее контролировать внешнеполитическую и военную деятельность своих младших политических партнеров. Механизм союзов, полагали американские стратеги, позволит США в качестве лидера навязывать свою волю другим членам коалиции, прикрывать ширмой «коллективности» истинное американское авторство тех или иных проектов и решений, принимаемых союзами.

Для США большое значение имеет такая функция военно-политических союзов, как внесение известной юридической обусловленности в отношения с американскими партнерами. Пакты формализуют обязательства, которые стороны берут в отношении друг друга, а также оговаривают обстоятельства, при которых обязывающие положения союза вступают в силу. Союзы заключаются по соображениям того, писал Г. Киссинджер, чтобы «превратить молчаливую заинтересованность во взаимопомощи в формальное обязательство»¹³. Договорное оформление блоковой политики близко тради-

¹² Цит. по: *Ермаков В. А., Колосов Л. С.* Заговор генералов. М.: Политиздат, 1969, с. 42.

¹³ *Kissinger H.* The Troubled Partnership. A Reappraisal of the Atlantic Alliance. Garden City: Doubleday, 1965, p. 11.

ционной психологии американской буржуазии, в которой очень сильно стремление юридически оговаривать каждый шаг и сделку в жизни; это исторически свойственное американцам качество переносится их лидерами на область американской внешней политики.

Особое значение блоковая политика приобрела в свете курса Вашингтона на размещение за границей американских войск и создание военных баз в первую очередь для своих средств ядерного нападения. Дело в том, что в первый период после второй мировой войны США, по существу, не обладали межконтинентальными средствами доставки ядерного оружия (межконтинентальными баллистическими ракетами или стратегическими бомбардировщиками, которые могли бы достигать советской территории, взлетев с аэродромов на континентальной части США). Поэтому Соединенным Штатам, как откровенно признавали их военные стратеги, требовалось как можно больше союзников, расположенных вблизи границ СССР и других социалистических стран, — союзников, на чьих территориях США смогли бы развернуть сеть военно-воздушных, военно-морских и сухопутных баз.

Наконец, вовлечение в проимпериалистические союзы развивающихся государств, освободившихся от пут колониализма, означало наряду с возможностью использовать силы и ресурсы проамериканских режимов в этих странах для подавления прогрессивных движений в соответствующих регионах создание дополнительных гарантий того, что эти страны останутся в рамках американской неоколониальной «империи».

Вовлекая страну на путь постоянного активного участия в военно-политических союзах, американские архитекторы блоковой политики столкнулись с необходимостью преодолеть сопротивление, оказывавшееся их агрессивной внешнеполитической концепции как со стороны широкой американской общественности, выступавшей за сохранение в послевоенный период духа и принципов, на которых строилось сотрудничество держав антигитлеровской коалиции, так и со стороны правых изоляционистских кругов. Интервенционисты предприняли энергичные усилия с целью нейтрализовать во внутреннем американском законодательстве положения, препятствовавшие вступлению США в военные союзы с другими государствами и ориентировавшие Соединенные Штаты на возврат после второй мировой войны на позиции неучастия в блоках¹⁴.

¹⁴ Лидер изоляционистов в США сенатор Р. Тафт подчеркивал, что традиционная внешняя политика его страны не была «изоляционизмом» в узком понимании этого термина — как необходимость для Америки оставаться у своих берегов. «Это была политика свободы рук — заявлял он. — Соединенные Штаты действовали на большой арене, но без взятия на себя обязательств и заранее не ангажируя себя. Они должны продолжать сохранять свои международные отношения в такой форме, которая обеспечит им свободу воевать так, как они решат, или совсем не воевать» (New York Herald Tribune, Mar. 16, 1951).

Политико-правовые аспекты блоковой стратегии

Основу блоковой политики США заложила одобренная сенатом 11 июня 1948 г. резолюция № 239 («резолюция Ванденберга»). За два дня до этого аналогичную по своему содержанию резолюцию приняла комиссия по иностранным делам палаты представителей. Эти две резолюции официально санкционировали участие Соединенных Штатов в военно-политических союзах в мирное время. В «резолюции Ванденберга» предусматривалось: «...прогрессирующее развитие региональных и других коллективных соглашений для индивидуальной или коллективной самозащиты...; присоединение Соединенных Штатов путем конституционной процедуры к таким региональным и другим коллективным соглашениям, которые основываются на непрерывной и эффективной самопомощи и взаимной помощи и которые имеют отношение к национальной безопасности США»¹⁵.

Обобщая практику американской послевоенной блоковой политики, сенат США 25 июня 1969 г. принял специальную резолюцию, в которой попытался дать четкое толкование понятия «союзнических военно-политических обязательств США» и определить основные формы, в которых эти обязательства могут закрепляться правовым образом. В резолюции говорится, что «национальным обязательством» США в области «взаимного обеспечения безопасности» является такое обязательство, которое предусматривает «использование вооруженных сил Соединенных Штатов на иностранной территории или обещание оказать помощь иностранному государству, правительству или народу путем использования вооруженных сил или финансовых ресурсов Соединенных Штатов либо немедленно, либо в случае возникновения определенных обстоятельств...»¹⁶. Далее выражалось мнение сената, что «национальное обязательство» Соединенных Штатов перед другими государствами проистекает «только из принятого соответствующими органами исполнительной и законодательной власти правительства Соединенных Штатов утвердительного действия в виде договора, законодательного акта или совпадающей резолюции обеих палат конгресса, специально предусматривающих такое обязательство».

Формы юридического оформления американских союзнических обязательств всегда были самыми разнообразными. В соответствии с интерпретацией представителей Белого дома, госдепартамента, министерства обороны и других государственных органов исполнительной власти к «национальным обязательствам» союзнического характера относятся вообще все обязательства (а не только о применении

¹⁵ A Decade of American Foreign Policy: Basic Documents, 1941—1949. Senate Committee on Foreign Relations. U. S. Congress. Wash.: U. S. GPO, 1950, p. 197.

¹⁶ Legislation on Foreign Relations through 1979. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 551.

силы), предусмотренные как договорами (требующими по конституции США одобрения сенатом), так и президентскими исполнительными соглашениями, не нуждающимися в последующем утверждении конгрессом США¹⁷.

Чередко Вашингтон использует такие формы фиксирования взаимных союзнических обязательств, как выступления руководителей США и других стран с совместными декларациями или толкованиями; использование обмена нотами или письмами. Бывали случаи, когда президент США в одностороннем порядке в провозглашаемых им доктринах или заявлениях, а также конгресс в отдельных своих резолюциях трактовали отношения США с другими странами как союзнические, не имея с ними на этот счет никаких формальных договоренностей.

Принятием США на себя «национальных обязательств» без санкции конгресса и без какого бы то ни было участия соответствующих стран, на которые были вопреки их воле распространены американские «гарантии безопасности», может считаться «доктрина Картера», провозглашенная президентом США 23 января 1980 г. Эта доктрина объявляла зону Персидского залива районом «жизненно важных интересов США» и предоставляла американскому правительству право «использовать все необходимые средства, включая военную силу», в случае, если «кто-либо извне попытается установить контроль над этим регионом»¹⁸.

Признанный в США специалист по политике союзов Р. Поль подчеркивает, что в Соединенных Штатах так и не сложилось единого, принятого всеми определения понятия военных обязательств страны за границей. Широко, например, распространена точка зрения, что присутствие американских войск и групп военных советников, наличие военных баз на территории других государств уже само по себе является обязательством США. Существует мнение, что в разнovidность союзнических обязательств, которые в конечном счете могут привести к использованию американских вооруженных сил, превращается экономическая, техническая и другая помощь, оказываемая США другим странам в рамках различных программ «содействия развитию»¹⁹.

Наряду с решением формальных правовых вопросов в качестве важной подготовительной меры, предшествовавшей переходу к практической реализации планов создания военно-политических союзов, в США была провозглашена 12 марта 1947 г. «доктрина Трумэна».

¹⁷ Принятие сенатом США вышеупомянутой резолюции от 25 июня 1969 г. как раз и было направлено на то, чтобы связать руки президенту в сфере заключения исполнительных соглашений, исключив такие соглашения из категории фиксирующих «национальные обязательства» США.

¹⁸ State of the Union Address, Jan. 23, 1980. House Document N 96-257. Wash.: U. S. GPO, 1980, p. 4.

¹⁹ Paul R. American Military Commitments Abroad. New Brunswick (N. J.): Rutgers University Press, 1973, p. 6.

Она явилась политическим манифестом американского империализма, возвещавшим всему миру, что отныне США берут на себя заботу по охране капиталистических устоев в международном масштабе и что в этих целях они готовы принять соответствующим образом оформленные обязательства в отношении других стран. «Доктрина Трумэна» 20 января 1949 г. была дополнена «программой Трумэна», прямо предусматривавшей укрепление и расширение военных блоков под эгидой США. Так называемый четвертый пункт этой программы распространил действие доктрины, а следовательно и намерение США заключать военные союзы, за пределы Европы — на развивающиеся страны²⁰.

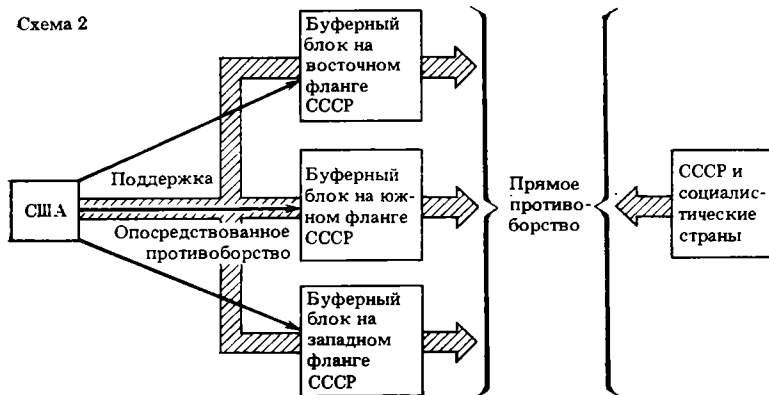
Схема 1.

Экономическую базу для военно-политического альянса стран Западной Европы и Северной Америки заложил «план Маршалла», объявленный 5 июня 1947 г. и вступивший в силу 3 апреля 1948 г. Он предусматривал активное участие США в восстановлении экономического потенциала западноевропейских государств. В 1948 г. вступил в силу закон «о помощи иностранным государствам»; в конце декабря 1951 г. «план Маршалла» был заменен законом «о взаимном обеспечении безопасности». В отношении Японии в США была принята аналогичная «плану Маршалла» отдельная программа «помощи».

Американским монополиям, безусловно, импонировала послевоенная ослабленность их экономических конкурентов в других частях

Схема 2

²⁰ New York Times, 1949, Jan. 21.

света. Однако классовые интересы правящих кругов Соединенных Штатов требовали иметь сильных союзников, которые могли бы существенно дополнять мощь США в деле окружения Советского Союза по периметру его границ. Вступив на путь контролируемого экономического и военного возрождения капиталистических государств, США сделали первый шаг к созданию в перспективе на базе окрепших младших партнеров, объединенных в различных империалистических союзах, ситуации, при которой в классовом противоборстве на международной арене американские союзники заняли бы место подчиненного Вашингтону «буфера» между США и социалистическими странами во главе СССР. На языке американских геополитиков такая схема международных отношений обозначается как «крупноблочное буферное балансирование» (схема 1, 2).

«Доктрина Трумэна» и «план Маршалла» с разных сторон — политической и экономической — обеспечивали необходимые условия для развертывания активной блоковой политики США. Ее военная сторона подготавливалась разрабатываемыми в соответствующих ведомствах и штабах США рекомендациями, например документом Основы для формулирования военной политики США (19 сентября 1945 г.), планом «Дропшот» (1949 г.) и некоторыми другими, ориентировавшими уже на том этапе военную стратегию Соединенных Штатов на ведение в будущем коалиционных войн против Советского Союза с привлечением людских, военных и экономических ресурсов, а также с использованием территорий предполагаемых союзников.

Эволюция блоковой политики США

Начиная реализацию планов по созданию военно-политических группировок, США полагались на определенный опыт, накопленный ими в годы второй мировой войны. 18 августа 1940 г. США подписали соглашение с Канадой о создании Объединенного совета обороны. В тот же год Англия предоставила Соединенным Штатам военноморские и военно-воздушные базы в Атлантике. 27 марта 1941 г. США, Канада, Англия вступили в соглашение о совместной обороне Ньюфаундленда. В 1942 г. в западном полушарии был создан Межамериканский совет обороны, а 5 марта 1945 г. принят «Чапulteпекский акт», предусматривавший совместные действия американских государств и США по отражению внешней агрессии против стран этого региона.

Заключенные первоначально в целях борьбы с державами фашистской «оси», эти и им подобные соглашения с другими странами в послевоенный период подчинялись иной задаче — организации тесного сотрудничества империалистических и проимпериалистических сил в борьбе против Советского Союза, других социалистических стран и национально-освободительного движения. Одновременно они должны были определенным образом «организовать» капиталистический мир под руководством США.

Первый этап американской послевоенной блоковой активности продолжался с 1945 по 1960 г. Начало второго этапа было связано с приходом к власти администрации демократической партии во главе с Дж. Кеннеди. Современный этап этой политики берет начало в годы пребывания в Белом доме Р. Никсона. В дальнейшем на базе серьезной переоценки американских военно-политических обязательств и союзов за рубежом, произведенной в годы президентства Никсона, его преемники Дж. Форд и Дж. Картер попытались продолжить строительство глобальной блоковой системы. Многие их идеи и инициативы на военном и внешнеполитическом поприще унаследовал и стремится по-своему развить президент Р. Рейган.

На первом этапе блоковой политики Вашингтона были образованы основные двусторонние и многосторонние военно-политические союзы США с другими странами, большинство из которых остается в силе и поныне, сформирована базовая структура их внутренних органов, создан военный механизм, разработаны планы совместных действий и в той или иной мере осуществлена координация стратегических установок партнеров. Этот этап весьма образно и вполне обоснованно именуется в исторической литературе «пактоманией», «блоковой паранойей», «коалиционным психозом», «союзнической лихорадкой» и т. п.

Эта «болезнь» Вашингтона проявилась в том, что уже к 1954 г. США официально, в письменном виде, приняли на себя союзнические обязательства в отношении 39 стран с общим населением 694 млн. человек. США заключили соглашения о «взаимном обеспечении безопасности» и «взаимной обороне» с 25 другими странами. Таким образом, США официально взялись защищать капиталистические устои в общей сложности в 64 странах.

Реализацию блоковых планов Вашингтон начал в западном полушарии. Созданная здесь военно-политическая система включала на том этапе следующие элементы: 1) Межамериканский совет обороны — основной военно-консультативный орган; 2) Межамериканский договор о взаимной помощи (Пакт Рио-де-Жанейро), подписанный 2 сентября 1947 г. и являющийся по существу союзническим договором 21 латиноамериканской страны и США; 3) Организация американских государств (ОАГ — создана 30 апреля 1948 г. на базе реорганизованного Панамериканского союза, существовавшего с 1889 г.) — политическая группировка стран западного полушария²¹; 4) в 1951—1955 гг. США заключили с 13 странами региона дополнительные двусторонние договоры и соглашения о военном сотрудничестве, военной помощи и базах; 5) Организация централь-

²¹ В ОАГ участвуют: США, Аргентина, Барбадос, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Гватемала, Гаити, Гондурас, Ямайка, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Венесуэла. В 1962 г. из ОАГ была исключена Куба как социалистическое государство. В ОАГ не входят Канада, Гайана и ряд островных государств, образовавшихся в 70-е годы.

ноамериканских государств (создана 14 октября 1951 г.) — военно-политическая субрегиональная группировка, находящаяся под полным контролем США ²².

Однако основное внимание в 1945—1949 гг. американские стратеги уделяли проблемам послевоенного устройства в Европе. Планируя создать на этом континенте мощный противовес Советскому Союзу, Вашингтон взял курс на стабилизацию капитализма в западноевропейских странах путем восстановления их экономической и военной силы в приемлемых для себя пределах, а также посредством объединения их под эгидой США.

США энергично поддерживали создание Западного союза в составе Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга. 17 марта 1948 г. между ними был заключен Договор об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве и коллективной обороне (Брюссельский пакт). На базе Западного союза спустя два года, 4 апреля 1949 г., США сколотили главный империалистический блок — Организацию Североатлантического договора (НАТО) ²³. Суть этого альянса была вскрыта в меморандуме Советского правительства по поводу подготовки образования НАТО. В нем, в частности, говорилось: «Североатлантический договор не имеет ничего общего с целями самообороны государств — участников договора, которым никто не угрожает и на которые никто не собирается нападать. Наоборот, этот договор имеет явно агрессивный характер и направлен против СССР...» ²⁴.

В свою систему военных союзов в Европе США еще в 1953 г. включили Испанию, подписав с ней двустороннее военное соглашение.

В Вашингтоне полагали, что интересам американской экспансии в максимальной степени отвечало бы создание широких военно-политических блоков и в других регионах по примеру тех, которые созданы в Латинской Америке и Западной Европе. Однако на том этапе реализация этих расчетов оказалась неосуществимой. Тогда США изменили тактику и пошли по пути заключения двусторонних союзов. Такие союзы были заключены с Филиппинами (30 августа 1951 г.), Японией (8 сентября 1951 г.), Южной Кореей (1 октября 1953 г.), Тайванем (2 декабря 1954 г.), Ираном, Пакистаном, Турцией (5 марта 1959), Либерией (8 июля 1959 г.). По существу, союзнические отношения у США установились с Израилем, рядом консервативных арабских стран, ЮАР.

Не отказываясь до конца от идеи создать крупномасштабный военно-политический блок для Азии, США предприняли усилия

²² В ОЦАГ вошли Никарагуа, Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Коста-Рика.

²³ Членами НАТО стали 16 государств: США, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Канада, Италия, Португалия, Норвегия, Дания, Исландия, с 1952 г. — Греция и Турция, с 1955 г. — ФРГ, с 1982 г. — Испания.

²⁴ Правда, 1949, 1 апр.

сплотить своих партнеров на этом континенте в рамках коллективных военных союзов. На свет появился трехсторонний «Договор безопасности» (1 сентября 1951 г.) между США, Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС). Как явствует из текста договора, целью участников этого пакта является «развитие более обширной системы безопасности в тихоокеанском регионе», а сам АНЗЮС рассматривается ими как первый шаг в этом направлении²⁵.

Второй шаг был сделан 8 сентября 1954 г., когда был образован блок СЕАТО (Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии) в составе США, Великобритании, Франции, Пакистана, Таиланда, Филиппин. Параллельно на западе Азиатского континента шло создание средневосточной военной группировки, которое завершилось образованием Багдадского пакта (24 февраля 1955 г.)²⁶.

В конце 40-х и 50-е годы Соединенные Штаты выступили инициаторами образования многих других военно-политических объединений, проекты которых по разным причинам им осуществить не удалось. Один перечень этих несостоявшихся пактов указывает на то, что в Вашингтоне плели поистине глобальную «паутину взаимозависимости». Достаточно назвать лишь некоторые из них: Объединенное средневосточное командование²⁷, Организация Договора Северо-Восточной Азии (НЕАТО)²⁸, Организация Договора стран бассейна Тихого океана (ПАТО), Панмалайская федерация — для государств Юго-Восточной Азии, Организация Южноатлантического договора (САТО) с членством в нем, помимо США, ряда стран Латинской Америки и Африки, омываемых водами Атлантического океана.

Сколачивание системы союзов США вели по таким направлениям, как расширение составов уже созданных блоков и союзов, заключение промежуточных военных пактов или соглашений, установление тесной связи между отдельными группировками. Основой для такой увязки была взаимная заинтересованность натовских государств в союзниках в других регионах, а реакционных режимов за пределами Европейского континента — в помощи со стороны империалистических держав в борьбе с национально-освободительным движением.

Совет НАТО, например, в декабре 1952 г. признал, что деятельность «свободных наций Юго-Восточной Азии и Кореи находится

²⁵ Collective Defense Treaties. US Congress, Wash.: U.S. GPO, 1969, p. 89—92.

²⁶ В него вошли Великобритания, Ирак, Пакистан, Иран, Турция. США принимали участие в деятельности военного комитета, комитета по борьбе с «подрывной деятельностью», экономического комитета; на сессиях блока они имели статус наблюдателя. В 1959 г. из блока вышел Ирак и союз был переименован в Организацию Центрального договора (СЕНТО).

²⁷ Предполагалось, что в этот союз непосредственно войдут Египет, Саудовская Аравия, Сирия, Ливан, Ирак, Йемен, Израиль, Иордания и в его деятельности будут участвовать США, Англия, Франция, Турция, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР.

²⁸ Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, США.

в полной гармонии с целями и идеалами Атлантического сообщества» и что между США, Англией, Францией, с одной стороны, и Австралией и Новой Зеландией — с другой, необходимо проводить консультации с целью выработки общей политики на Востоке. Начавшиеся консультации между представителями азиатских и европейского союзов по вопросам, «представляющим взаимный интерес», явились первым шагом на пути к слиянию двух группировок в единую империалистическую военно-политическую систему.

Под лозунгом борьбы с коммунизмом эта система, руководимая Вашингтоном, должна была направить объединенные усилия мирового капитализма против Советского Союза, других социалистических стран и национально-освободительного движения. За собой в этой системе США стремились закрепить функции «ядерного гаранта» и, конечно, главного военного поставщика.

Созданная США глобальная блоковая система империализма немало способствовала обострению международной обстановки в конце 40-х и в 50-е годы. Соединенные Штаты часто использовали отдельные региональные компоненты этой системы в своих целях. Вместе с тем у нее имелись существенные изъяны с точки зрения Вашингтона. Она так и не смогла стать всеобъемлющей; многие освободившиеся страны откровенно избегали участия в ней и в противовес блоковой политике империализма начали проводить курс на неприсоединение, который быстро завоевал большую популярность. Среди самих участников блоков и союзов не было должного единства, и по мере укрепления своих экономических и политических позиций они все меньше соглашались безропотно следовать директивам из Вашингтона.

На смену «массированному возмездию» с его маниакальной установкой на ядерную войну как на основную форму военных действий в начале 60-х годов пришла доктрина «гибкого реагирования», повышавшая порог для использования ядерного оружия и одновременно делавшая большую ставку на использование в локальных войнах обычных вооруженных сил как самих США, так и их союзников по военным блокам.

В изменившейся обстановке предполагалось не акцептировать военные функции блоков и союзов, сильнее подкрепить их методами политической и идеологической экспансии. Были предприняты попытки несколько переориентировать пакты в сторону большего учета экономических интересов их участников. В 1964 г. государственный секретарь США Д. Раск, говоря об Азиатском континенте, прямо подчеркивал, что СЕАТО и другие военно-политические пакты не решают проблем этого района. Имеющиеся региональные соглашения о безопасности необходимо было, по его мнению, подкрепить самым тесным сотрудничеством в Азии между странами данного региона, как входящими в союз с США, так и теми, которые называют себя неприсоединившимися. Вашингтон перешел с позиций враждебности к неприсоединившимся государствам на путь

заигрывания с ними. Это нашло отражение в готовности Соединенных Штатов оказывать поддержку региональным организациям, более диверсифицированным по своему составу и направлениям деятельности, чем военные группировки 50-х годов, и более привлекательным в силу этого для развивающихся стран.

Поощряя двустороннее и региональное сотрудничество преданных Соединенным Штатам местных режимов со странами нейтралитетской ориентации, Вашингтон рассчитывал вовлечь молодые неприсоединившиеся государства в сферу американского влияния. С помощью формально невоенных региональных организаций американское политическое руководство предполагало подчинить своим стратегическим планам интеграционные процессы, охватившие зону развивающихся государств. «Не впервые империалистические силы эксплуатируют благородную идею единства, экономического и культурного сотрудничества, чтобы сбить с толку народы, использовать независимые страны в качестве орудия своей политики, втянуть их в свои агрессивные группировки»²⁹, — говорилось в Заявлении ТАСС от 29 мая 1966 г.

Практическим проявлением этой тенденции блоковой политики Вашингтона явилось создание «Союза ради прогресса» (август 1961 г.) — широко разрекламированной программы экономического развития стран Латинской Америки при содействии США, истинной целью которой было приостановить путем ограниченного реформаторства развитие революционных процессов в этом районе. В США весьма благожелательно отнеслись к появлению новой замкнутой группировки в Восточноазиатском регионе — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСА), несмотря на то что ее целями были провозглашены лишь задачи экономического, культурного и социального развития³⁰.

Активизируя невоенные формы сотрудничества, Соединенные Штаты ни в малейшей степени не собирались ослаблять милитаристские связи со своими союзниками и, наоборот, вели дело к их укреплению и расширению. Под давлением Вашингтона его партнеры по НАТО, СЕАТО, АНЗЮС, ОАГ, Япония и др. увеличивали свои военные бюджеты, усовершенствовали систему взаимодействия. США предпринимали энергичные меры по модернизации созданных блоков, намереваясь сделать их более маневренными.

В то же время сами Соединенные Штаты с помощью довольно расплывчатых формулировок обязательств по блокам, созданным после НАТО, стремились в известной мере обеспечить себе некоторую свободу рук в отношении своих союзников. Так, если, согласно Североатлантическому договору (ст. 5-я), нападение на одного из его членов рассматривается как нападение на всех участников

²⁹ Правда, 1966, 29 мая.

³⁰ АСА образовалась в 1961 г. Первоначально в нее входили Малайзия, Филиппины, Таиланд. В 1967 г. она дополнилась Сингапуром и Индонезией и была преобразована в АСЕАН.

блока, то соответствующая статья (4-я) Манильского пакта (договора СЕАТО) предусматривает, что в случае агрессии против одного из членов договора каждый из участников будет «действовать для отражения общей угрозы в соответствии со своей конституционной процедурой». Подобными формулировками, повторенными еще в целом ряде военных соглашений США с другими странами, Вашингтон оставлял для себя возможность действовать «смотря по обстоятельствам».

В рамках СЕАТО США добились фактической отмены правила единогласного принятия решений по особо важным военно-политическим вопросам. В 1963 г. была введена новая процедура голосования, допускавшая статус воздержавшихся. Тем самым Вашингтон получил возможность навязывать СЕАТО свои решения с помощью простого большинства голосов. Годом раньше в совместном американо-тайландском коммюнике был узаконен принцип, в соответствии с которым союзники по СЕАТО могли «оказывать помощь» друг другу, не ожидая согласия остальных его членов. Таким образом, была найдена та гибкая формула, которая впоследствии облегчила США и их тихоокеанским союзникам посылку войск для участия в войне во Вьетнаме.

В Центральной Америке был образован новый военный орган — Центральноамериканский совет обороны (2 июля 1965 г.), объединивший министерства обороны и внутренней безопасности входящих в ОЦАГ государств. В 1966 г. под давлением США было подписано соглашение о сотрудничестве ОЦАГ и ОАГ. Особое значение на Потомаке придавалось разработанному в 1967 г. Межамериканским советом обороны «Военному плану обороны Американского континента от внутренней подрывной деятельности», который в соответствии с доктриной «гибкого реагирования» предусматривал подготовку армий стран континента для проведения совместными усилиями под эгидой США борьбы с «повстанческой деятельностью».

На Ближнем Востоке США всячески способствовали укреплению своего верного союзника Израиля. Из США в Израиль непрерывным потоком шло самое современное оружие и военная техника. Соединенные Штаты официально подчеркивали, что являются гарантом «безопасности» Израиля, и фактически поощряли его экспансионистскую политику в отношении соседних арабских государств.

В бассейне Тихого океана США удалось реализовать давний замысел — объединить всех своих союзников в единый блок. В 1966 г. был создан Азиатско-Тихоокеанский Совет (АЗПАК) в составе Японии, Южной Кореи, Тайваня, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Южного Вьетнама, Австралии и Новой Зеландии. На первой сессии этого пакта его военно-политическая направленность проявилась в полной мере — в качестве одной из его основных целей было провозглашено намерение участников «оберегать национальную целостность и независимость от любых угроз, поддерживать и укреп-

лять учреждения свободных стран»³¹. Пять участников этого блока направили свои войска для поддержки американской агрессии в Индокитае.

Объектом особого внимания США была деятельность основного империалистического блока — НАТО. Уже в начале 60-х годов натовская стратегия была приведена в соответствие с американской доктриной «гибкого реагирования». В 1962 г. завершился пересмотр концепции «щита и меча», принятой еще в 1954 г. Отныне на обычные вооруженные силы натовских стран Европы возлагалась роль «меча», т. е. перед ними ставилась задача под прикрытием «щита» — стратегических ядерных средств США — вести наступательные действия против стран социалистического содружества. В этих целях НАТО одобрила стратегию «передовой обороны», предусматривавшую нанесение «превентивных» ударов по отдельным социалистическим странам.

Итог второму этапу блоковой политики США подвела война Соединенных Штатов во Вьетнаме. В своей вооруженной экспансии США видели гарантию повышения эффективности построенной ими в 50-е годы, модернизированной и расширенной в 60-х годах военно-политической блоковой системы. Однако, как и в предшествующие времена, Вашингтон явно не рассчитал своих возможностей. Агрессия во Вьетнаме, интервенция против Доминиканской Республики, поддержка Израиля, попытки заполнить «вакуум» в зоне к востоку от Суэца после сокращения там английского военного присутствия, оказание военной помощи реакционным режимам в Африке и Латинской Америке привели к серьезному перенапряжению сил США. Их надеждам на то, что союзники явятся им серьезным подспорьем, не суждено было сбыться. Противоречия среди империалистических партнеров, стремление каждого из них использовать союзы в своих собственных эгоистических интересах и проводить политику, в первую очередь учитывающую интересы своего национального капитализма, стали проявляться все более рельефно.

Кризис блоковой системы США

В результате произведенной Р. Никсоном под давлением объективных обстоятельств «переоценки ценностей» появилась «гуамская доктрина» («доктрина Никсона»), заложившая основу для формирования новых взаимоотношений между США и их союзниками. Программа мероприятий, которую намечалось провести в рамках «партнерства», провозглашенного основным принципом этой доктрины, была призвана обеспечить США ведущую роль в мировых делах на основе «более реалистического сочетания национальных целей» страны с возможностями гарантировать их реализацию. В общем

³¹ Current Notes on International Affairs, Canberra: Australian Government Printing Service, 1967, July, p. 288—291.

виде она предусматривала более равномерное распределение между США и их окрепшими партнерами бремени по защите капиталистических устоев.

Принципиальная новизна доктрины, как это подчеркивал ее автор, заключалась в том, что США, дескать, уже не будут «разрабатывать все планы и все программы, выполнять все решения и брать на себя в полном объеме оборону свободных государств мира, а будут оказывать помощь, когда в этом есть реальная нужда и когда это будет отвечать американским интересам. Наши (американские.— *Авт.*) обязательства должны определяться нашими интересами, а не наоборот»³².

Оказание американской помощи союзникам следовало прочнее увязывать с непосредственными интересами самих США. Автоматическая реакция в соответствии с договорными обязательствами теперь уступала место более прагматическому реагированию США на конкретную ситуацию с большим учетом национальных стратегических задач американского империализма.

Были внесены новые элементы в концепцию применения военной силы США в рамках их военно-политических обязательств. Меняющийся характер американского военного присутствия за рубежом, привязка его к островным базам указывали на то, что военную мощь США вашингтонские стратеги собирались использовать не столько для «защиты» отдельных союзников, сколько для поддержания глобального «баланса сил» в случае возникновения угрозы его изменения в том или ином регионе в ущерб американским интересам. «Ценность наших политических взаимоотношений, а также взаимоотношений, связанных с безопасностью,— утверждал Г. Киссинджер, — зависит от их вклада в широкий баланс безопасности»³³.

«Доктрина Никсона» ориентировала американскую коалиционную политику на охват сферы международных экономических отношений. США начали выступать с лозунгами «самого тесного экономического сотрудничества». Региональное экономическое сотрудничество, считали в Вашингтоне, должно способствовать политическому и военному сплочению американских партнеров. Немаловажным для США было также и то, что с помощью партнерства в этой области Вашингтон надеялся облегчить себе бремя финансирования экономического развития своих союзников из числа развивающихся стран, частично переложив его на развитые страны Западной Европы и бассейна Тихого океана. Действовать США собирались по линии региональных объединений, таких, как АСЕАН, АЗПАК, ОАГ, а также через международные финансовые институты — Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития и т. п.

³² New York Times. 1970, Febr. 19.

³³ Kissinger H. Op. cit., p. 93—94.

Несмотря, однако, на подобные общие официальные установки относительно тесной координации политики с основными партнерами, Вашингтон все более разочаровывался в возможностях и желании американских союзников охранять непосредственно американские интересы. Считая, что глобальная сеть американских военных союзов привела к своего рода деамериканизации стратегии Соединенных Штатов (поскольку любая коалиционная стратегия не может четко отражать сугубо национальные интересы любого, даже самого мощного, участника коалиции), администрация Никсона решила в какой-то мере сделать крен в сторону «крупноблочного балансирования» между основными «центрами силы» современного мира, надеясь таким способом сохранить для США роль мирового суперарбитра.

Пытаясь проводить политику «баланса сил», Соединенные Штаты надеялись спасти и свои многочисленные военные союзы (пусть даже в форме несколько менее жестко сцепленных военных объединений). Однако резонанс вьетнамского фиаско США оказался для многих американских союзников из числа развивающихся стран гораздо сильнее, чем на то рассчитывали в Вашингтоне. Вслед за крахом вьетнамской стратегии США американские союзники из числа развивающихся стран стали один за другим вырываться из американской блоковой системы. В марте 1973 г. фактически прекратил свое существование АЗПАК. 30 июня 1977 г. в силу позиции, занятой его азиатскими участниками, самораспустился блок СЕАТО³⁴. 26 сентября 1979 г. официально закрылась штаб-квартира организации СЕНТО в Анкаре и этот блок также перестал функционировать.

Еще раньше, в 1975 г., Соединенным Штатам пришлось согласиться с изменениями в «пакте Рио» для Латинской Америки. Внесенные латиноамериканскими странами поправки по вопросам процедуры принятия решений об отмене экономических и военных санкций (нацеленные на то, чтобы ликвидировать санкции против Кубы, установленные блоком в 1964 г.), вписанная ими вопреки возражениям США статья о «коллективной экономической безопасности» и ряд других поправок несколько ослабили гегемонистские позиции США в этом блоке.

Все эти события явились серьезными ударами по глобальной системе военно-политических блоков с центром в США, созданной Вашингтоном в 40–60-е годы. Эти изменения в первую очередь отражали возросшую самостоятельность развивающихся стран, несмотря на все еще сильные неоколониалистские позиции США. В то же время эти сдвиги означали и определенный поворот правящего класса США в сторону внешнеполитического реализма.

Однако этот поворот, как показали последующие события, был непродолжительным. Гегемонистские идеи «американского мира»

³⁴ Политическая основа СЕАТО — Договор о коллективной обороне — продолжает сохранять свою силу.

оказались для правящего класса США труднопреодолимым наследием.

Если тихоокеанская «доктрина Форда», обнародованная президентом США в Гонолулу 7 декабря 1975 г., еще сохраняла в известной мере сдержанность «доктрины Никсона» в плане внешнеполитических обязательств США (по-прежнему делая упор на «крупноблочное балансирование», хотя и с антисоветским креном, в азиатско-тихоокеанском регионе), то провозглашенная в январе 1980 г. «доктрина Картера» вновь возвращала внешнюю политику Соединенных Штатов к амбициозным глобалистским притязаниям 50-х годов.

С новой силой деятельность по военно-политическому окружению социалистического содружества развернула республиканская администрация Р. Рейгана, тем самым продолжив наиболее милитаристские тенденции в политике президента Дж. Картера.

Блоковая политика на современном этапе

Проводя с начала 80-х годов откровенную линию на срыв разрядки напряженности, США стараются резко активизировать военную деятельность созданных блоков, любыми способами подтолкнуть союзников к увеличению военного вклада в дело «защиты западных ценностей», вернуть к жизни распадающиеся военно-политические союзы. Весьма характерны в этом отношении декабрьская 1980 г. сессия Совета НАТО и последовавший за ней визит министра обороны США Г. Брауна в Японию и Южную Корею.

Основной целью поездки на сессию НАТО главы делегации США государственного секретаря в правительстве Картера Э. Маски, по его собственному признанию, было мобилизовать союзников для проведения более твердого курса в отношении социалистического содружества. Именно поэтому он добивался, чтобы в НАТО был разработан специальный план «коллективных военных мер» по подрыву социалистического строя в Польской Народной Республике. Высший военный орган НАТО подтвердил намерение развернуть в Западной Европе 572 новые американские ядерные ракеты средней дальности. Вашингтон вновь требовал от союзников выполнения решения майской (1978 г.) сессии Совета НАТО об автоматическом ежегодном увеличении своих военных бюджетов на 3% в реальном исчислении, и это невзирая на то, что только в 1980 г. НАТО израсходовал на военные нужды 225 млрд. долл., а за 70-е годы — баснословную сумму почти в 1,7 трлн. долл.

Что касается Японии, то США настойчиво рекомендуют ее лидерам активизировать попытки по пересмотру конституции страны, провозглашающей отказ от войны и накладывающей определенные ограничения на наращивание японской вооруженной мощи. Вашингтон добивается, чтобы Япония тратила на военные расходы до 3—4% ВВП, увеличила закупки вооружений в США и ассигнова-

ния на содержание американских вооруженных сил, дислоцированных на японской территории. США стремятся расширить военные задачи, которые должны будут решать «силы самообороны» Японии в рамках американско-японского союза в случае возникновения военных действий в Восточной Азии.

Наглядным примером реанимационных усилий блоковой политики США служит заседание в Канберре в начале декабря 1980 г. представителей пятистороннего военно-политического союза Австралии, Новой Зеландии, Англии, Малайзии и Сингапура (АНЗЮК). Используя посредников — Австралию и Новую Зеландию, Вашингтон пытается вдохнуть жизнь в этот блок, о котором практически не вспоминали с момента его создания в апреле 1971 г. В Канберре стороны договорились о совместных маневрах, наметили планы военных учений и создания объединенной системы ПВО. Смысл возникновения этого пакта состоит в том, чтобы создать замену развалившемуся блоку СЕАТО и приобщить через Малайзию и Сингапур к военной интеграции с Западом другие государства Юго-Восточной Азии, особенно входящие в АСЕАН.

Важную часть коалиционной политики США составляют усилия по расширению географической сферы деятельности функционирующих военных блоков и союзов. Например, лидеры стран — членов блока АНЗЮС еще в мае 1978 г. дали новую трактовку понятия «сферы действия» этого пакта, фактически включив в нее не только район Тихого океана, как записано в его учредительном документе, но и Индийский океан.

С целью расширить сферу действия НАТО «к востоку от Суэда» на сентябрьской 1978 г. сессии этого блока рассматривался вопрос о создании его ближневосточного филиала — Организации Договора для Ближнего Востока (МЕТО). В развитие этого замысла сейчас, по сообщениям западной печати, уже разработаны чрезвычайные планы военных действий союзных кораблей в Индийском океане. Курсировавшая там в начале 1981 г. военная флотилия США с учетом сил американских союзников насчитывала свыше 60 кораблей.

На заседании комитета военного планирования НАТО, состоявшемся в мае 1981 г. на уровне министров обороны, была достигнута договоренность регулярно проводить консультации между членами блока с целью координации оценок ситуации в районах, не входящих в сферу действия пакта. «Министры также констатировали, — отмечалось в коммюнике по итогам заседания, — что выявление в ходе подобных консультаций общих целей может потребовать от членов союза содействия развертыванию сил за пределами района НАТО»²⁵.

Стремясь переложить часть военно-политических функций на Дальнем Востоке на плечи Японии, США навязывают этой стране

²⁵ Цит. по: Новое время, 1981, № 36, с. 6.

расширительное толкование сферы действия американско-японского договора безопасности. Еще в коммюнике Никсона—Сато 21 ноября 1969 г. лидеры двух стран объявили, что в сферу действия договора, помимо японских островов и омывающих их вод, входят Южная Корея и Тайвань. Президент Форд пошел дальше, заявив в своем выступлении в токийском пресс-клубе 20 ноября 1974 г., что американско-японский договор «означает решимость обеих стран совместно обеспечивать стабильность в Восточной Азии»³⁶.

Согласно совместному американско-японскому коммюнике от 9 мая 1981 г., подписанному Р. Рейганом и японским премьер-министром Д. Судзуки, Япония уже официально обязывалась «прилагать еще большие усилия в целях укрепления своего оборонного потенциала на японских территориях и в окружающем Японию морском и воздушном пространстве». В дальнейшем в ходе американско-японского совещания по вопросам «обеспечения безопасности», состоявшегося в Гонолулу в июне 1981 г., военные задачи для японских сил самообороны были поставлены более конкретно: они должны обеспечить патрулирование воздушного и морского пространства, а также океанских коммуникаций на удалении до 1700 км от берегов Японии, в обширной зоне, простирающейся западнее острова Гуам и севернее Филиппин; допускалась возможность в «чрезвычайных обстоятельствах» блокады проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского.

Тенденция добиваться фактического союза, избегая скомпрометировавших себя форм фиксации союзнических обязательств и связей, таких, как «договоры безопасности» или «о взаимной обороне», доминировавшие в разгар пактомании в 50-е годы, явно обозначилась в американской блоковой политике в последнее десятилетие. Теперь в Вашингтоне предпочтение отдают достижению с другими странами отдельных «не столь заметных» исполнительных соглашений о конкретном сотрудничестве в военной и политической областях, которые к тому же не требуют утверждения конгрессом США и которые, таким образом, легче скрыть от общественного мнения внутри страны и за рубежом. Несмотря на поистине глобальный характер своих блоковых связей, США продолжают курс на вербовку новых союзников главным образом среди развивающихся государств.

С помощью соглашений об использовании Пентагоном военных объектов и баз на территории других стран США только в 1980 г. фактически впрягли в колесницу своих союзников Оман и Сомали. В этом же направлении американская дипломатия обрабатывает Кению и Саудовскую Аравию.

Соединенные Штаты неоднократно пытались навязать Индонезии, Сингапуру, Малайзии далеко идущие соглашения о стандартизации их вооружений на базе американских образцов, а также о постройке на территории этих стран ряда военных «учебных объ-

³⁶ Presidential Documents. Wash.: U. S. GPO, 1974, vol. 10, N 48, p. 1478.

ектов» с правом использования их ВМС США. Не прекращаются попытки добиться милитаризации Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединяющей пять государств. В обмен участникам этой организации предлагается увеличение программ экономической и военной помощи.

В последние годы США энергично принялись создавать специальный наднациональный форум — некий механизм, который позволил бы трансформировать общие интересы и цели империалистических сил в конкретное партнерство на глобальном уровне, в рамках которого можно было бы скоординировать позицию Запада в целом по важнейшим военным, политическим и экономическим проблемам в современных международных отношениях; регулировать, в частности, подход к социалистическим государствам (в рамках так называемого «диалога Запад—Восток») и к развивающимся странам («диалог Север—Юг»), а в конечном итоге совместными усилиями навязать миру «новый международный порядок». В этих целях администрация Картера всячески поощряла и рекламировала деятельность так называемой Трехсторонней комиссии, в состав которой входят представители правящих кругов стран Северной Америки, Западной Европы и Японии.

Правительство Рейгана делает особый упор на неформальную координацию деятельности всех потенциальных антисоветских сил в мире или, как заявляют американские лидеры, на политику создания «стратегического консенсуса» стран так называемого «свободного мира» с целью усиления давления на СССР сразу со всех флангов и по различным направлениям. Оно стремится, судя по всему, пойти еще дальше администрации Картера по пути активного сколачивания всемирной антисоциалистической коалиции, дополняя уже имеющиеся военно-политические альянсы антисоветских сил разного рода новыми договоренностями с союзниками и «дружественными режимами» о «совместном противодействии» политике стран социалистического содружества во всех регионах планеты.

* * *

Блоковая политика США, на каком бы уровне она ни проводилась — будь то двусторонние союзы, жесткие региональные военно-политические группировки или более свободное «глобальное партнерство по интересам», на всех своих этапах представляет собой империалистический ответ на революционные перемены в мире, курс на использование ресурсов других стран для противоборства с Советским Союзом, другими странами социалистического содружества и социалистической ориентации, антиимпериалистическими движениями во всем мире.

Эта политика вызывает недовольство и противодействие со стороны мощных общественных сил. Она поражена глубоким кризисом изнутри, о чем свидетельствует упадок и распад в 70-е годы

ряда элементов военно-политической блоковой системы, созданной под руководством Соединенных Штатов.

Хотя общая боязнь расширения масштабов освободительной борьбы народов и заставляет империалистические и проимпериалистические силы спланироваться в рамках различных союзов и блоков, она не может устранить острую политическую и экономическую конкуренцию между ними. «Группировки между империалистскими державами, как бы прочны они ни казались, — писал В. И. Ленин, — могут быть в несколько дней опрокинуты, если того требуют интересы священной частной собственности, священные права на концессии и т. п. И, может быть, достаточно малейшей искры, чтобы взорвать существующую группировку держав...»³⁷

Усилиям США на сохранение и поддержку враждебных цели мира и прогресса коалиций противостоит миролюбивая политика Советского Союза, который давно выступает за ликвидацию всех форм военного противостояния государств, включая военные блоки. Советский Союз вместе с другими социалистическими странами неоднократно предлагал всем государствам распустить имеющиеся союзы и в качестве первого шага к этому договориться о том, чтобы не предпринимать действий, которые могли бы привести к расширению существующих или созданию новых замкнутых группировок и военно-политических союзов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОДХОД США

К МЕЖДУНАРОДНЫМ КРИЗИСНЫМ СИТУАЦИЯМ

Международно-политические кризисы занимают особое место среди других явлений в международных отношениях. Они представляют собой одну из наиболее опасных и острых форм противоборства между двумя мировыми системами, являясь в то же время прямым следствием политики империализма, направленной на достижение целей верхушки монополистической буржуазии Соединенных Штатов и других империалистических держав методами силового нажима, угрозой вооруженного нападения на социалистические и развивающиеся страны. В международно-политических кризисах послевоенного периода сфокусированы господствующие противоречия нашей эпохи и в наиболее обнаженной форме проявляется опасность вспышки мировой ракетно-ядерной войны.

Давая характеристику существу кризиса как определенного общественного явления, В. И. Ленин отмечал, что «всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отмечают прочь поверхно-

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

стное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего»¹. Кризис, повторял В. И. Ленин, «отбрасывает условное, срывает внешние оболочки, отменяет отжившее, вскрывает более глубокие пружины и силы»². Данная характеристика целиком распространяется и на современные международно-политические кризисы.

Одним из основных вопросов современных международных отношений является соревнование двух мировых систем с противоположным общественным строем. От решения этого вопроса прямо зависят перспективы общественного и исторического прогресса человечества. Между тем в ходе международно-политических кризисов, происшедших после окончания второй мировой войны, выявилось, что в результате действий провоцировавших их империалистических государств, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки, возникла реальная угроза новой мировой войны, способной привести к уничтожению цивилизации.

Международные кризисы и соревнование двух систем

Современные международно-политические кризисы разнообразны по своему характеру. Они возникают, как показывает опыт, вследствие агрессивных подрывных акций империализма против социалистических стран и их союзников. Примерами такого рода кризисов служат неоднократные берлинские кризисы 40-х, 50-х и 60-х годов, кризис в Корее в 1950—1953 гг., карибский кризис 1962 г., сложный и затянувшийся кризис в Индокитае 1961—1975 гг., вызванный агрессией американского империализма против вьетнамского народа. Кризисы могут развиваться и как результат определенных локальных акций империализма, направленных против освободительного движения народов. Такого рода кризисами были суэцкий кризис 1956 г., конголезский кризис 1960—1961 гг., кризисы на Ближнем Востоке, возникшие вследствие израильской агрессии против арабских народов в 1967, 1973 и 1981 гг., и некоторые другие.

Но главной отличительной особенностью всех без исключения современных международно-политических кризисов является очевидная или скрытая, реальная или потенциальная возможность их перерастания в прямое столкновение главных сил двух мировых систем. Когда кризис возникает вследствие агрессивных действий империализма против социалистических государств, такая возможность очевидна. В других случаях она имела и имеет не столь явный характер, хотя, безусловно, конечным итогом любого кризиса в условиях борьбы и соревнования двух мировых систем, если его не удастся приостановить и направить на путь политического урегулирования, может стать развязывание новой мировой войны.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.

² Там же, т. 30, с. 52.

В связи с этим политика Соединенных Штатов как крупнейшего современного империалистического государства по отношению к международным кризисным ситуациям не может не вызывать пристального и настороженного внимания. От позиции США, занятой в том или ином кризисе, от действий Вашингтона, служащих зарождению и раздуванию или, наоборот, смягчению кризиса (бывало и такое — достаточно вспомнить суэцкий кризис 1956 г.), во многом зависит, как будет протекать ход кризиса, какие масштабы он примет и насколько опасными могут стать его итоги. Кроме того, важно отметить, что и вся международная атмосфера, ее потенциальная взрывоопасность, способность порождать кризисные явления также зависят от позиции США, от их внешнеполитического курса.

Политика США по отношению к международным кризисным ситуациям представляет собой особый, выделившийся из остальных направлений внешнеполитического курса вид глобальной стратегии Вашингтона, имеющий свои отличительные черты, закономерности развития и прочие специфические особенности. Этот вид внешней политики США получил наименование «кризисная стратегия» или «кризисная дипломатия» и охватывает всю совокупность действий американских правящих кругов, направленных на инспирирование кризисных ситуаций, создание обстановки, чреватой военным взрывом, и попытки использовать их итоги для достижения определенных империалистических целей Вашингтона на международной арене.

В американской научной литературе по проблемам международных кризисов и «кризисной стратегии» США до последнего времени нет единого установившегося взгляда на существо и содержание этого вида внешнеполитического курса Вашингтона. Часть авторов, пишущих по проблемам военной стратегии (М. Тейлор, Б. Броди У. Кауфман, Т. Шеллинг, Г. Кан и др.), считают «кризисную дипломатию» специфическим видом или продолжением военной стратегии США, особенностью которого является не прямое применение вооруженной силы для достижения внешнеполитических целей. Вышеупомянутые авторы считают «кризисную дипломатию» по аналогии с «холодной войной», которая состояла в постоянной конфронтации США с Советским Союзом на грани развязывания боевых действий, способом осуществления военной стратегии в условиях, когда война не объявлена.

Другие американские специалисты (к ним можно отнести Г. Киссинджера, Ч. Германа, Р. Снайдера и ряд других) отрицают прямую и непосредственную связь между военной стратегией и «кризисной дипломатией». Они полагают, что «кризисная стратегия» США — это особый вид внешней политики, который активно использует угрозу военного нападения и в этом отношении, разумеется, связан с военной стратегией, но представляет собой неизмеримо более сложный, самостоятельный дипломатический процесс, направленный на достижение определенных внешнеполитических целей с

помощью ряда средств, лишь в конечном счете опирающихся на военную силу. По их мнению, «кризисная стратегия» — это дипломатическое средство использования силы в международных отношениях в условиях, когда существуют сильнейшие факторы, ограничивающие возможность прямого применения вооруженной силы, например способность противника нанести уничтожающий ответный удар.

«Некоторые теоретики и практики придерживаются свехупрощенного, примитивного понятия силовой стратегии, как стратегии, целиком ориентирующейся на угрозы... — писал сотрудник Стэнфордского университета США А. Джордж. — Эта теория отмахивается от возможности более удобного осуществления силовой дипломатии в каждой конкретной ситуации, когда уступки противнику в качестве составной части сделки могут обеспечить наши основные интересы, если ничто этому не противодействует. Поэтому силовую дипломатию следует отличать от просто принуждения, поскольку она включает возможности торга, переговоров и даже компромиссов наряду с угрозами применения силы»³.

В известной степени расхождения между обеими группировками специалистов в области военной и внешнеполитической стратегии США по вопросам «кризисной стратегии» отражают разницу взглядов отдельных политических кругов Вашингтона на цели, методы и средства политики силы среди других компонентов внешнеполитического арсенала. Военные круги и близкие им по духу промышленные группировки, заинтересованные в более активном применении военного потенциала США на международной арене, разумеется, тяготеют к тому, чтобы «кризисная стратегия» Вашингтона имела преимущественно характер военной стратегии.

От их позиции несколько отличается позиция группировок, более взвешенно и осторожно относящихся к проблемам применения силы в международных отношениях. Эти группировки, выступающие в принципе за использование средств принуждения во внешней политике, призывают тем не менее сдержаннее оперировать военной силой в отношениях с СССР, всемерно дополнять ее элементами маневрирования, «баланса сил», иных косвенных средств. Отсюда — их стремление несколько расширить диапазон методов «кризисной стратегии», с тем чтобы они не исключали и поиск договоренностей на более или менее компромиссной основе. Как это очевидно, различия в позициях обеих группировок, бесспорно, существуют, но касаются они отдельных тонкостей проведения «кризисной стратегии», а отнюдь не главного — ставки на силу, прежде всего военную мощь США.

³ *George A., Hall D., Simons W. The Limits of Coercive Diplomacy: Laos, Cuba, Vietnam. Boston: Little, Brown and Co, 1971, p. 25.*

Разработка «кризисной стратегии» в США

Имеются основания считать, что при всех различиях в подходе к понятию «кризисная стратегия» и к методам осуществления этой стратегии на практике в научных кругах США и в более широких политических группировках правящие круги Вашингтона активно использовали в течение всего послевоенного периода, в том числе и на нынешнем этапе, «кризисную стратегию» как важную часть военно-политической стратегии, направленной на обострение международной обстановки, создание очагов напряженности, само существование которых служило бы средством угрозы в адрес противников США. Эти очаги напряженности, по мысли их создателей, играли бы роль полигона, где Соединенные Штаты могли бы демонстрировать свою способность прибегнуть к средствам принуждения в отношении своих противников.

Разработка и осуществление «кризисной стратегии» США опираются на определенную сумму взглядов и идей, выработанных американскими специалистами в области международных отношений, военной стратегии, целого ряда прикладных наук — математики, социологии, психологии. В основе всей этой суммы лежит попытка теоретического осмысления сути современного международного кризиса и соответствующие рекомендации по его использованию в конкретных политических целях. При этом важно понимать, что единой теории кризиса в американской науке о международных отношениях не существует, что видно хотя бы по многочисленным определениям самого понятия «кризис» или «конфликт» и по тем спорам, которые они вызывали в течение длительного времени в американской литературе. Но отсутствие единой методологии в определении природы международных кризисов не помешало американским ученым создать несколько важных фундаментальных разработок «кризисной стратегии», которые определяющим образом повлияли на действия правительственных органов.

«Среди разных теорий конфликта,— писал по этому поводу один из основателей современной теории „кризисной стратегии“ Т. Шеллинг,— так же, как и среди разных понятий самого слова „конфликт“, главная разделяющая линия проходит между теми, кто рассматривает конфликт как патологическое явление и исследует его причины и средства его излечения, и теми, кто принимает конфликт как нечто само собой разумеющееся и исследует главным образом способы поведения в конфликте»⁴. Работая над своей монографией «Стратегия конфликта» (первоначально издана в 1960 г.), которая, обобщив опыт предыдущего периода, дала направление целой школе американских «кризисных» исследований в 60-х и 70-х годах, Т. Шеллинг не стал вовлекаться в академический, по его представ-

⁴ Schelling T. The Strategy of Conflict. L.: Oxford University Press, 1970, p. 3.

лениям, спор относительно природы конфликтов и кризисов и следующим образом изложил свою задачу: «В конечном счете мы все являемся участниками международного конфликта, и мы хотим его „выиграть“ в каком-то разумном смысле этого слова»⁵.

Такая прагматическая постановка задачи не редкость как вообще в американских политических исследованиях, так и в исследованиях «кризисной дипломатии». В определенном аспекте — в пределах тех задач, которые ставит перед собой американский правящий класс на международной арене, ориентируясь на свои интересы и возможности, — она имела в Соединенных Штатах известный успех. Итоги работы Т. Шеллинга, а также некоторых работ прикладного характера, написанных другими авторами на основе идей Т. Шеллинга, были заимствованы государственными ведомствами и использованы при разработке и планировании «кризисных» мероприятий.

Существо теоретической схемы работы Т. Шеллинга в области «кризисной стратегии» довольно точно определяется его моделью «кризисного поведения», которая получила наименование «игры в слабака»⁶. Отмахнувшись от серьезнейшего вопроса о природе международно-политических кризисов и причин их возникновения, Т. Шеллинг предложил рассматривать любую кризисную ситуацию как процесс нарастания противоречий между двумя основными державами, олицетворяющими обе ведущие мировые системы, — США и СССР. Столкновение (ракетно-ядерная война) будет неизбежным, если одна из них не примет мер, направленных на предотвращение военного взрыва. Этот момент в кризисной ситуации и должен, по мнению Т. Шеллинга, открыть возможности перед Соединенными Штатами диктовать свою волю противоположной стороне. Данная схема «кризисного поведения» в работе Шеллинга была соответствующим образом аргументирована с помощью математического аппарата, заимствованного из теории игр. Главным образом, из ее раздела об играх с нулевой суммой, т. е. играх конфронтационных, когда проигрыш одного из игроков является чистым выигрышем другого и наоборот.

Значение работ Т. Шеллинга для американской «кризисной стратегии» состоит в том, что в них была предпринята попытка найти систематизированные методы решения основополагающего принципа этой стратегии — принципа «кризисного реагирования». Как показала еще история провозглашения «доктрины Трумэна» в 1947 г., одним из господствующих методов внешнеполитического курса США в послевоенные годы, когда считалось, что Америка обладает многократным военным и экономическим преимуществом над любой

⁵ Ibid.

⁶ Наименование игры, описывающей модель Т. Шеллинга, заимствовано из обихода американской «золотой молодежи»: два участника этой игры едут на максимальной скорости навстречу друг другу по шоссе; кто из них, опасаясь столкновения, свернет первым, тот и проиграл.

страной мира, стало стремление к созданию кризисной обстановки вокруг каждого события, происходившего вразрез с интересами американских правящих кругов, и превращение его в исходную точку для угроз в адрес Советского Союза и других социалистических стран.

Президент Трумэн умышленно преувеличил значение событий в Греции, совершенно необоснованно представив их как случай «агрессии коммунизма», чтобы мобилизовать поддержку внутри страны и получить одобрение со стороны важнейших союзников в провозглашении курса на конфронтацию с Советским Союзом. Этот стиль дипломатии Трумэна имел в тот период определенный благоприятный для правящих кругов США итог, и с тех пор «кризисное реагирование», иными словами, реакция на какие-то события как на кризис и соответствующие меры по созданию действительного кризиса вокруг этих событий стали считаться одним из наиболее эффективных инструментов внешнеполитического курса США. В 50-е годы этот метод осуществления внешнеполитического курса США получил наименование «балансирования на грани войны».

Т. Шеллинг развил этот принцип и предложил воинственные формы поведения в кризисе, которые были встречены весьма благожелательно теми в американских политических кругах, кто был и остается заинтересованным в проведении политики угроз и шантажа. Под влиянием изысканий Т. Шеллинга создавались и более прикладные работы милитаристского характера, например «теория эскалации» Г. Кана. Другие исследования содержали рекомендации о путях достижения внешнеполитических целей США средствами силового давления, не переходящими грань, отделяющую «холодную войну» от «горячей».

Но школа «кризисных» исследований, основанная Т. Шеллингом, хотя и имеет наиболее сильные позиции в политической науке США, является не единственной. Ей противостоят несколько других, среди которых наиболее влиятельной и заметной является школа «разрешения (или урегулирования) конфликта». Одним из ее основателей считают А. Рапопорта, но заметное влияние на формирование ее идей оказали работы К. Боулдинга, Д. Зингера, Ч. Алджера, Р. Снайдера.

Через несколько лет после опубликования книги Т. Шеллинга вышла в свет монография А. Рапопорта «Стратегия и совесть»⁷, которая обобщила его предыдущие исследования, а также некоторые итоги работы сотрудников Центра по исследованию урегулирования конфликтов в Анн-Арборе (штат Мичиган) и противопоставила идеям Т. Шеллинга ряд иных.

А. Рапопорт в отличие от своего оппонента стремится выделить среди нынешних международных конфликтов разного типа конф-

⁷ Rapoport A. Strategy and Conscience. N. Y.: Pegasus, 1964.

ликтные ситуации и не абсолютизирует их, подгоняя, как это делал Т. Шеллинг, под одну схему. Рапопорт считал, что есть три основных вида конфликтов: конфликты типа «схватки», когда стороны пытаются причинить друг другу максимальный урон, не руководствуясь при этом ни разумными целями, ни разумными методами; конфликты типа «игр», в которых поведением участников руководят какие-то осознанные ими интересы, но вся система их оценок, целей и предпочтений является как бы заданной извне (и этот тип конфликта, по его мнению, разрабатывал Т. Шеллинг); и конфликты типа «дебатов», когда, как и в «играх», участники ориентируются в целом на разумное поведение, но при этом стремятся не обыграть друг друга в рамках некоторых фиксированных и конфликтных по своему характеру систем целей и оценок, а сосредоточивают внимание на анализе этих систем. Предполагается, что в ходе «дебатов» противники могут так переосмыслить свои системы предпочтений, что их несовместимость может быть устранена и первоисточник конфликта устранен⁸.

Таким образом, рассматривая всю систему международных конфликтов значительно шире, чем Т. Шеллинг, А. Рапопорт подводил читателя к мысли о преходящем характере политического конфликта между обеими мировыми системами и о возможности в будущем достичь такого состояния, когда этот конфликт может быть урегулирован политическим путем. Разумеется, эта мысль была принята в штыки правыми группировками американских правящих кругов (тем более что идеи Рапопорта появились в первой половине 60-х годов, задолго до провала американской агрессии во Вьетнаме и начала процессов разрядки в советско-американских отношениях). Но тем не менее наследие А. Рапопорта легло в основу направления «урегулирования конфликтов», заявившего о себе с новой силой в 70-х годах⁹. Основное содержание этого направления — мысль о необходимости урегулирования конфликтов путем переговоров, фактическое отрицание «кризисной стратегии» как средства решения международных конфликтов в интересах США.

⁸ См.: *Петровский С. А., Петровская Л. А.* «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений. — *Вопросы философии*, 1974, № 2, с. 39—54.

⁹ В начале 70-х годов финансирование программ исследований в духе «урегулирования конфликта» почти повсеместно было прекращено, а ведущий центр — Центр исследований проблем урегулирования конфликтов в Анн-Арборе — был в 1973 г. закрыт. К концу 70-х годов интерес к этим исследованиям вновь значительно возрос и в конгрессе США был поставлен вопрос о создании специальной Академии исследования проблем мира и урегулирования конфликтов. См.: *National Academy of Peace and Conflict Resolution. Hearings before the Subcommittee on International Operations of the Committee on International Relations. House of Representatives, 95th Congress, 2nd Session. Wash.: U. S. GPO, 1978.*

Эволюция «кризисной стратегии» США

Рассматривая эволюцию «кризисной стратегии» США в исторической ретроспективе, необходимо отметить, что в целом она связана с развитием основных этапов военно-политической стратегии США. Вместе с тем можно говорить и о более крупных периодах, хотя и не оформленных достаточно четко, рубежами между которыми были особенно опасные послевоенные кризисы. Самым острым и самым опасным для дела всеобщего мира за все послевоенные годы был карибский кризис 1962 г. Полтора с лишним послевоенных десятилетия, предшествовавших ему, включали целый ряд кризисов, в ходе которых США постоянно пытались использовать сначала атомную монополию, а затем те или иные преимущества в стратегических силах. Карибский кризис, заставивший Вашингтон заглянуть за «ядерную грань» и отшатнуться, создал новую ситуацию, в ходе которой правящие круги США стали все больше осознавать самоубийственный для них характер глобального ядерного конфликта, если бы они его развязали.

В первое десятилетие—полтора после второй мировой войны правящие круги США расценивали соотношение сил на международной арене как крайне выгодное для себя и стремились зафиксировать его, добившись максимально возможного упрочения сложившихся позиций и завоевания новых. Эта оценка соотношения сил в свою пользу правящими кругами Вашингтона была настолько самоуверенной, что в качестве одной из главных «национальных» задач США в конце 40-х годов была поставлена подготовка к войне с Советским Союзом в 1957 г., когда Соединенные Штаты, по расчетам американских стратегов, должны были достигнуть максимума стратегического преимущества над СССР.

Эта цель наложила свой отпечаток и на военно-политическую стратегию США, в том числе на такой ее важный участок, как «кризисная дипломатия». Каждый из развязываемых американским империализмом международных кризисов должен был стать демонстрацией готовности США перейти к военным действиям значительно более широких масштабов, а сама возможность превращения кризиса в пролог к новой мировой войне становилась главным средством угроз, используемых «кризисной дипломатией» для достижения текущих внешнеполитических целей. Пользуясь тем, что территория самих Соединенных Штатов в случае начала войны крупных масштабов оставалась бы в тех условиях неуязвимой для массированных ответных акций, правящие круги США стремились в полной мере эксплуатировать эту «свободу рук» в политике конфронтации с Советским Союзом.

Укрепление стратегического потенциала Советского Союза все более сдерживало готовность правящих кругов Америки идти на развязывание крупномасштабной войны в Европе или на Дальнем

Востоке. Но вот инспирирование кризисных ситуаций в этих районах — берлинские кризисы, война в Корее, угроза вмешательства в войну в Индокитае весной 1954 г., попытки вмешательства во внутренние дела народной Венгрии во время контрреволюционного мятежа 1956 г. — рассматривались как мера, отчасти заменяющая собой войну, а отчасти не снимающая с повестки дня вероятность ее возникновения. Весьма интенсивно, в частности, проводилась эта линия в 50-е годы при администрации Эйзенхауэра — Даллеса, политический курс которой предусматривал постоянное «балансирование на грани войны».

Разработка и испытания в СССР межконтинентальных баллистических ракет, запуск в октябре 1957 г. первого советского искусственного спутника Земли, доказавший высокий уровень развития советского научно-технического потенциала, существенным образом повлияли на стратегическое планирование в США. Появившаяся у Советского Союза возможность нанести уничтожающий удар по американской территории в ответ на любую попытку со стороны Соединенных Штатов предпринять вооруженное нападение на нашу страну или ее союзников вынудила правительственные ведомства в Вашингтоне приступить к пересмотру своих предыдущих установок в области силового нажима на СССР, в том числе и в области «кризисной стратегии», хотя этот пересмотр осуществлялся зигзагообразно и с большими отступлениями.

Проходившая в тот период дискуссия в политических и научных кругах, направленная на осмысление перемены в соотношении стратегических потенциалов сторон, в ходе которой был написан ряд интересных работ американских специалистов по проблемам военно-политической стратегии, установила, что значительная часть научных и политических кругов США склонялась к мысли о необходимости ограничить пределы риска в «кризисной стратегии» Вашингтона, сделать методы ее реализации более сдержанными и осторожными. Именно в этот период усилилась теоретическая разработка рекомендаций в области «кризисной стратегии», в которой выделились две точки зрения — сторонников «управления конфликтами» и сторонников «урегулирования конфликта», определяющие сущность политики США в отношении международно-политических кризисов.

Как уже отмечалось выше, в тот период восторжествовала точка зрения Т. Шеллинга на существо «кризисной дипломатии» и на необходимость уделить внимание методам «управления конфликтами». Фактически его рекомендации, дополнявшие и уточнявшие принципы «кризисного реагирования во внешней политике США, стали вторым основополагающим принципом «кризисной стратегии» и вошли в нее в качестве составной части. Как считают западные историки, одним из главных выводов, которые сделало для себя американское руководство после карибского кризиса, стало убеждение в насущности внедрения принципа «управления кризисами» во внеш-

неполитическую практику Вашингтона. Как сообщает в своем исследовании английский историк К. Белл, министр обороны Р. Макнамара в тот период заявил: «Больше не существует военной стратегии, есть только управление кризисами»¹⁰.

Действительно, развязав в октябре 1962 г. своими агрессивными действиями против революционной Кубы опаснейший международный кризис, президент Кеннеди и его ближайшие сотрудники, составившие «кризисный штаб» президента, первоначально стремились продемонстрировать лишь «силу и решимость», в связи с чем их решение с начала военно-морской блокады Кубы 22 октября 1962 г. сопровождалось не только сосредоточением военно-морских и военно-воздушных сил, парашютных войск и морской пехоты против Кубы, но и одновременным выведением части стратегических сил на боевые позиции (в воздух была поднята половина стратегической авиации, а подводные лодки с ракетами «Поларис» заняли исходные позиции в море), объявлением их боеготовности с явными признаками угрозы в адрес СССР и других социалистических стран¹¹.

Но вскоре события приняли столь угрожающий характер, что президенту и его «штабу» пришлось приложить немало усилий, чтобы приостановить начавший разворачиваться для «пробы сил» громоздкий механизм американских военно-политических ведомств и согласиться на урегулирование кризиса путем переговоров. Одним из особо опасных моментов в протекании этого кризиса стало то, что президенту и всему высшему эшелону американского правительства угрожало неконтролируемое развитие событий, способное поставить их перед свершившимся фактом начала боевых действий. Как писал позднее брат президента Роберт Кеннеди, принимавший непосредственное участие в работе «кризисного штаба», президент Кеннеди «наметил курс событий, привел их в движение, но уже не мог контролировать их»¹².

После потрясений карибского кризиса подход к «кризисной стратегии» в США стал меняться. Все более осознавая бесперспективность, а главное, апокалиптическую опасность для себя глобального столкновения, они стали переносить политику «пробы сил» на периферию, в область локальных конфликтов.

Поэтому в 60-х годах «кризисная стратегия» делает ставку на более решительное применение вооруженных интервенций в отдельных странах, освободившихся от колониальной зависимости, в качестве средства угрозы в адрес СССР и других социалистических стран (Кубы, Вьетнама, КНДР). Эти интервенции, по мысли их

¹⁰ *Bell C. Conventions of Crises. A Study in Diplomatic Management. L.: Oxford University Press, 1971, p. 2.*

¹¹ О ходе карибского кризиса см.: *Международные конфликты. М.: Междунар. отношения, 1972, с. 70—95.*

¹² *Kennedy R. F. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Crisis. N. Y.: Praeger Publishers, 1969, p. 71.*

инициаторов, должны были в конечном счете вести к усилению позиций США в противоборстве с Советским Союзом. Предполагалось еще больше сместить упор в «кризисной стратегии» на борьбу в «ограниченных» войнах, в то время как угрожающие действия стратегического потенциала США отходили на второй план и служили лишь фоном развития кризиса¹³.

Данный метод «кризисной стратегии» просуществовал почти весь период 60-х годов параллельно с агрессией США в Индокитае и был снят с вооружения лишь в начале 70-х годов, когда эта интервенция потерпела сокрушительное поражение. Большое влияние на его внедрение в практику правительственных органов оказала «теория эскалации», разработанная Г. Каном. Согласно этой теории, при существовании общей напряженности на международной арене любой локальный конфликт можно было определенным образом соотносить с уровнем напряженности в отношениях между СССР и США (в зависимости от того, какие интересы Советского Союза будут ущемлены локальной интервенцией Соединенных Штатов). Уровень же напряженности Г. Кан предложил измерять по определенной шкале («лестнице эскалации»), из которой противнику США было бы ясно, в каком направлении будет развиваться кризис вплоть до «неприемлемых» ступеней, если он не примет условий, выгодных Соединенным Штатам.

В чистом виде «теория эскалации» никогда не применялась Соединенными Штатами в качестве средства «управления кризисами». Практически всем группировкам в правящих кругах, за исключением разве что самых безрассудных, было ясно, что если дело дойдет до верхних ступеней «лестницы эскалации», то это не просто приведет к тому или иному ущербу для США, но и поставит под вопрос само их существование в качестве, говоря словами Р. Макнамары, «государства XX века». Но теория эскалации была применена в опосредованном виде как метод стратегического планирования войны во Вьетнаме и служила основой сценария войны «по нарастающей», призванной осуществить замыслы Вашингтона в обстановке, когда было крайне необходимо соблюдать известную осторожность в от-

¹³ Угрожающие действия стратегических сил (повышения степени боеготовности и пр.) всегда были одним из основных средств «кризисной дипломатии». Так, Соединенные Штаты использовали его в периоды войн в Корее и во Вьетнаме, а также в 1948 г. во время берлинского кризиса; в 1956 г. во время «суэцкого» кризиса и при вмешательстве в дела Венгрии; в 1958 г. при высадке американского десанта в Ливане; в 1960 г. при обострении советско-американских отношений после того, как в воздушном пространстве СССР был сбит самолет шпион У-2; в 1961 г. во время берлинского кризиса; в 1962 г. во время карибского кризиса; в 1965 г. при интервенции в Доминиканской Республике; в 1968 г.— при попытке создать кризис вокруг Чехословакии; в 1970 г.— во время иорданского кризиса; в 1972 г. во время весеннего наступления патриотов Южного Вьетнама; в 1973 г. во время ближневосточной войны. См.: U. S. News and World Report, 1973, Nov. 5, p. 29.

ношении Советского Союза, оказавшего решительную и всестороннюю помощь жертве агрессии.

Провал агрессии США во Вьетнаме произошел в условиях нового соотношения сил в мире на международной арене. В результате настоячивых многолетних усилий Советского Союза, всего социалистического содружества было обеспечено военно-стратегическое равновесие между миром социализма и миром капитализма. Достигнутое равновесие создало условия для еще более эффективно сдерживания миролюбивыми силами интервенционистских амбиций США.

Поэтому составной частью «послевьетнамского синдрома» в США стало стремление американского правительства определенным образом пересмотреть «кризисную стратегию». В частности, этот пересмотр включал, во-первых, отказ от ставки на «ограниченные» войны как на средство «кризисной стратегии»¹⁴; во-вторых, избежание «сверхвовлеченности» в периферийные конфликты, так как они отвлекают ресурсы США от наиболее важных направлений политики, от решения задач стратегических взаимоотношений с СССР¹⁵; в-третьих, сглаживание противоречий с союзниками США, опасаясь, что вмешательство Вашингтона в локальные конфликты может вызвать глобальное столкновение из-за второстепенных (если не третьестепенных) вопросов.

Общим итогом «послевьетнамского синдрома» стало убеждение, претворившееся в серию мероприятий администрации Р. Никсона, в необходимости попытаться пересмотреть методы осуществления «кризисной стратегии», сделать их более гибкими, разносторонними, еще теснее сочетать их с другими направлениями внешнеполитического курса. Среди основных мероприятий администрации, предпринятых в этом направлении, следует выделить создание специальных правительственных ведомств, ответственных за осуществление «кризисной стратегии», в частности Вашингтонской группы специальных действий (ВГСД); повышение «порога» вмешательства США в локальные конфликтные ситуации как с помощью вывода части вооруженных сил, размещенных в разных районах мира, так и путем определенного пересмотра подхода к выполнению имевшихся у США «обязательств» перед союзниками; активизацию методов «баланса сил» во внешнеполитическом курсе Вашингтона, призванных компен-

¹⁴ Этот вывод был в числе первых, сделанных руководством США еще в конце 60-х годов. Как отмечалось на страницах американской печати со ссылкой на компетентные источники, «война, введущаяся с помощью обычных вооружений одной сверхдержавой, не может быть выиграна, если другая сверхдержава поддерживает противника» (U. S. News and World Report, 1970, Aug. 3, p. 66).

¹⁵ Фактически этот тезис занимает одно из главных мест в «доктрине Никсона». На его анализе сосредоточил свое внимание и Дж. Кеннан в одной из своих последних работ. См.: *Kenan G. F. The Cloud of Danger: Current Realities of American Foreign Policy.* Boston; Toronto: Little, Brown and Co, 1977, p. 156—162.

сировать некоторое ослабление прямой вовлеченности Америки в противоборство с миром социализма в отдельных районах мира (Европа, Дальний Восток); готовность вести переговоры с Советским Союзом по некоторым особо опасным конфликтным ситуациям с целью их урегулирования или смягчения (Западный Берлин, Ближний Восток, Индокитай).

Разрядка напряженности и международные кризисы

В 70-е годы стратегия развязывания международных кризисов продолжала оставаться на вооружении внешнеполитического курса США. Тот факт, что американские правящие круги под влиянием «послевьетнамского синдрома» и процессов разрядки были вынуждены пересмотреть некоторые наиболее опасные и скомпрометировавшие себя формы осуществления «кризисной дипломатии», отразился на росте и обострении противоречий внутри политических группировок Вашингтона по вопросам применения силы в международных отношениях, «кризисного реагирования», по вопросам перспектив и возможностей урегулирования текущих и ожидаемых конфликтных ситуаций.

Администрация Никсона, хотя и предприняла действия по ограничению риска эскалации вмешательства США в международные конфликты, продолжала активно вмешиваться в целый ряд этих конфликтов, создавая тем самым предпосылки для их перерастания в серьезные международные кризисы. В период ее правления (1969—1974 гг.) Соединенные Штаты неоднократно прибегали к обострению положения в Индокитае, в особенности в 1972 г., на Ближнем Востоке (в 1970 и 1973 гг.), в Южной Азии (попытки вмешательства в индо-пакистанский конфликт в декабре 1971 г.), в Корее, на Кипре. Очень опасным для международного мира был кризис на Ближнем Востоке в октябре 1973 г., когда Соединенные Штаты, не ограничиваясь материальной поддержкой израильской агрессии (США предоставили тогда Израилю срочную помощь в 2,2 млрд. долл.), прибегли к объявлению боеготовности своих стратегических сил в качестве угрозы в адрес Советского Союза, подержавшего действия арабских государств.

Важно, однако, отметить, что в отличие от прошлых лет, когда «кризисные» акции американского правительства практически получали единодушное одобрение в политических кругах и даже со стороны ряда союзников, в 70-е годы картина изменилась. Никсону и его сотрудникам приходилось отстаивать свои действия в полемике с конгрессом, добиваться их одобрения со стороны более широких политических группировок. Достаточно показательна в этом отношении история публикации протоколов заседания ВГСД в период индо-пакистанского конфликта в декабре 1971 г., из которых американским политическим деятелем стало известно о подо-

плеке авантюристического решения президента направить в Бенгальский залив авианосец «Энтерпрайз», или обстановка на конференции «Мир на земле», заседавшей в Вашингтоне в дни ближневосточной войны в октябре 1973 г. В обоих случаях администрации приходилось выдерживать ожесточенную критику ее действий, которые вели к обострению кризисных ситуаций.

Эффективность этой критики определялась тем, что за ней следовали и определенные акции конгресса, ограничивавшие свободу действий администрации в периоды международных кризисов. Так, уже с 1971 г. конгресс начал разрабатывать проект закона «о военных полномочиях» президента, где прямо предусматривалось введение ограничений на решения Белого дома об отправке вооруженных сил США для участия в боевых действиях, что в принципе должно было предотвратить возможность ввязывания Соединенных Штатов в очередные локальные конфликты. Несмотря на сопротивление администрации, этот закон был принят конгрессом после отклонения президентского вето в ноябре 1973 г., сразу же после окончания войны на Ближнем Востоке¹⁶. Кроме того, конгресс использовал и свои финансовые полномочия для ограничения некоторых авантюристических действий администрации (в Кампучии в 1973 г., в Анголе — в 1975 г.).

Для более глубокого понимания остроты данной проблемы необходимо подчеркнуть следующее. Администрация Никсона, провозгласив «эру переговоров» в ответ на инициативы Советского Союза в области разрядки международной напряженности, пошла на заключение ряда важных соглашений с СССР. В 1972 г. во время визита Никсона в Советский Союз были подписаны «Основы взаимоотношений между СССР и США», Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и целый ряд других важнейших документов¹⁷. В 1973 г. во время поездки в США Л. И. Брежнева было подписано Соглашение о предотвращении ядерной войны¹⁸. В 1974 г. во время визита Никсона в Москву (июнь) и советско-американской встречи на высшем уровне во Владивостоке (ноябрь) были разработаны другие основополагающие договоренности и соглашения между обеими странами. Все эти документы заложили основу более стабильного и миролюбивого характера отношений между СССР и США и открыли путь к налаживанию взаимовыгодного делового сотрудничества.

¹⁶ В то же время этот закон не предусматривает отмены права президента направлять войска для участия в боевых действиях за границей. Он требует, чтобы президент в течение 48 часов после начала боевых действия предоставил конгрессу соответствующую информацию, и разрешает вести эти действия в течение 60 дней без санкции конгресса. Если таковая не поступит, президент должен по истечении 30 дней прекратить военные действия и вернуть войска домой.

¹⁷ Известия, 1972, 30 мая.

¹⁸ Там же, 1973, 23 июня.

Большое место среди всех вопросов советско-американских отношений заняли проблемы международных кризисных ситуаций. В «Основах взаимоотношений между СССР и США» отмечалось, что Советский Союз и Соединенные Штаты имеют особую обязанность (как и другие страны — постоянные члены Совета Безопасности ООН) «делать все от них зависящее, чтобы не возникало конфликтов и ситуаций, способных усилить международную напряженность»¹⁹. Эти положения были развиты и уточнены в Соглашении о предотвращении ядерной войны (1973 г.). Обе стороны в нем взяли на себя обязательство «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, против союзников другой стороны и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность»²⁰. Все эти и другие взаимные обязательства сторон способствовали общему укреплению международной безопасности в интересах всеобщего мира.

Эти документы и зафиксированные в них положения налагали определенные и весьма существенные обязательства на США, что ограничивало свободу действий американского правительства по развязыванию острых кризисных ситуаций. Поэтому критические нападки на политику администрации, с особой силой развернувшиеся в 1973—1974 гг. в связи с расследованием «уотергейтского дела», развивались с двух диаметрально противоположных направлений, очерчивая характер и объем оппозиции правительству в вопросах «кризисной стратегии». Критика слева, исходившая от либеральных группировок, указывала на нелояльность действий администрации, нарушающей подписанные ею же документы в ущерб безопасности США, устойчивости международного мира и — в известном смысле — даже в ущерб интересам американских союзников (это в особенности имело место в период ближневосточного кризиса 1973 г., когда союзники США выразили недовольство предпринятым без согласования с ними объявлением боеготовности американских стратегических сил, в том числе расположенных на территории союзных стран).

Критика справа, исходившая от консервативных группировок, но-первых, оспаривала вообще уместность принятых Соединенными Штатами на себя обязательств в области «кризисной дипломатии» (и зачастую критики данного толка стремились представлять дело так, будто никаких обязательств в этом отношении у США нет и они могут руководствоваться лишь «национальным интересом»), а во-вторых, требовала более «решительных» мер по демонстрации угроз в адрес Советского Союза. Именно эти группировки сформулировали и внедрили в политическую жизнь США пропагандистский тезис о том, что разрядка выгодна-де лишь Советскому Союзу, так

¹⁹ Там же, 1972, 30 мая.

²⁰ Известия, 1973, 23 июня.

как она «сковывает возможности Соединенных Штатов по оказанию на него силового нажима», и именно с этого начала разворачиваться принявшая впоследствии столь большие размеры кампания, нацеленная на подрыв процесса разрядки.

Развитие процесса разрядки международной напряженности имело, безусловно, положительное значение для состояния целого ряда сложных и неурегулированных конфликтных ситуаций, оставшихся в наследство от периода «холодной войны» и все еще отрицательно воздействующих на международные отношения. В 1975 г. патриотические силы народа Южного Вьетнама разгромили марионеточный сайгонский режим и был восстановлен единый Вьетнам, развивающийся по социалистическому пути. Радикальные позитивные сдвиги произошли в Лаосе, что в целом содействовало стабилизации положения в Индокитае.

Новых успехов добилось движение африканских народов за ликвидацию остатков колониализма и расизма на юге континента. Деколонизация бывших португальских колоний, приход к власти в них режимов прогрессивной ориентации, поставивших своей задачей подъем экономики, социального и культурного уровня своих народов, создавали предпосылки для мирных политических перемен в соседних, все еще находящихся под властью расизма странах.

Начало работы Женевской конференции по Ближнему Востоку в декабре 1973 г. открывало путь к всестороннему политическому урегулированию этой сложной проблемы с учетом законных интересов всех сторон, в том числе арабского народа Палестины.

Однако эти сдвиги в наиболее сложных и опасных кризисных ситуациях 70-х годов вызвали нарастающее сопротивление в агрессивных кругах правящего класса США. Они развернули активное наступление против разрядки. При этом для разжигания международной напряженности использовались оставшиеся от периода «холодной войны» очаги международных конфликтов и кризисов и предпринимались настойчивые попытки создать новые.

Негативную роль играли и наиболее оголтелые союзники США — Израиль, ЮАР, Южная Корея. Политика «партнерства», провозглашенная «доктриной Никсона» и нацеленная на увеличение военного вклада союзников, определенным образом усилила роль этих государств во внешнеполитических приоритетах США. Укрепление военных потенциалов Израиля и Южной Кореи, откровенная заинтересованность Вашингтона в поддержке позиций ЮАР привели к повышению провоцирующих возможностей этих агрессивных режимов на международной арене.

Следует учитывать также, что наступление противников разрядки развернулось в новых, гораздо более трудных для США экономических условиях, в обстановке обострения финансовых, сырьевых, энергетических и многих других проблем. В частности, энергетический кризис 1973—1974 гг., наступивший в результате эмбарго арабских стран на поставки нефти в США и решения стран — чле-

нов ОПЕК о резком повышении цен на сырую нефть, до основания потряс сложившуюся систему энергетического баланса развитых капиталистических стран. Последовавшее за этим кризисом выступление развивающихся стран в ООН с требованием установить новый международный экономический порядок (1974 г.) еще больше углубило противоречия между ними и странами Запада, придав характер кризиса мировым капиталистическим хозяйственным связям.

В этой обстановке давала себя знать напористая деятельность военно-промышленного комплекса и связанных с ним сил, направленная на размывание действия «послевьетнамского синдрома», подталкивание правящих кругов США к более активному вмешательству в локальные и региональные конфликтные ситуации. С середины 70-х годов во внешнеполитическом курсе Вашингтона наблюдается тенденция к возврату на пути глобального вмешательства в конфликтные ситуации, имеющего целью исправление «глобального баланса» в пользу США.

Разумеется, новая волна интервенционизма во внешнеполитическом курсе США не просто повторение скомпрометированного «глобального интервенционизма» 60-х годов, тесно увязывавшегося с попытками «пробы сил» с Советским Союзом. «Послевьетнамский синдром», несмотря на все факторы, содействующие его размыванию, продолжал оказывать определенное влияние на правящие круги Америки. Характерно в этом отношении, что попытки первого министра обороны в администрации Дж. Форда—Дж. Шлесинджера угрожать применением тактического ядерного оружия в Корею летом 1975 г. были восприняты весьма негативно в ответственных политических кругах, что среди прочих причин повлияло на решение президента уволить Дж. Шлесинджера в отставку в том же году. Однако к концу 70-х годов воздействие «послевьетнамского синдрома» все больше и больше уменьшалось.

«Кризисная стратегия» — одно из средств наступления на разрядку

В обновленной «кризисной стратегии» Вашингтона второй половины 70-х годов заметное место заняли такие средства, как политико-дипломатическое маневрирование, использование региональных «балансов сил», ставка на локальные конфликты и целый ряд других, способных привести к обострению международной напряженности, торможению и даже срыву процессов разрядки. К тому же эти методы в «кризисной дипломатии» США сопровождались активным применением политики «увязок», иными словами, стремлением увязать достижение выгодных Вашингтону решений локальных и региональных конфликтных ситуаций с необоснованными требованиями к Советскому Союзу и его принципиальной политике поддержки национально-освободительных движений.

Если в начале 70-х годов политика «увязок» развивалась в целом как стремление добиться односторонних уступок со стороны СССР под предлогом необходимости учета интересов США и их союзников в локальных конфликтах, то к концу десятилетия в ней произошли существенные перемены. Желание президента Картера в целом переформулировать всю систему внешнеполитических интересов США до конца 70-х годов, выдвинув в ней на первое место задачи укрепления отношений с союзниками («трилатерализм») и разрешения противоречий с развивающимися странами (укрепление отношений «Север—Юг»), отразилось и на его подходе к проблемам международных кризисных ситуаций. Администрация демократов фактически продолжала образ действий своих предшественников в этой области, придавая ей вместе с тем более глобальный характер соперничества и противоборства.

Общий подход администрации демократов к проблемам международных конфликтов был изложен в нескольких выступлениях президента и его ближайших сотрудников. Наиболее полно его охарактеризовал в своем выступлении 25 октября 1977 г. на заседании Трехсторонней комиссии в Бонне помощник президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинский. Остановившись на нескольких главных направлениях внешнеполитического курса Соединенных Штатов, З. Бжезинский выделил среди них такую задачу, как «урегулирование конфликтов». Он заявил, что Соединенные Штаты уделяют большое внимание урегулированию «чреватых наибольшей возможностью губительной эскалации» конфликтных ситуаций вокруг Панамского канала, Юга Африки и Ближнего Востока. Администрация Картера, по его словам, поставила своей целью найти пути урегулирования этих конфликтов, с тем чтобы избежать «напряженности» и «ускорить заключение подлинного мира»²¹.

Сконцентрировав свои усилия на этих конфликтных ситуациях, правительство США рассматривало их как «внутреннее дело» западного мира. Главным при этом, как оказалось, было стремление не допустить Советский Союз и другие социалистические государства к урегулированию этих конфликтов и вообще представить сам процесс «урегулирования» как часть общей системы усилий, направленных на улучшение глобальных позиций США в ущерб позициям социализма и национально-освободительного движения. Тот факт, что при этом Соединенные Штаты фактически не предусматривали (за некоторым исключением) возможности крупномасштабного применения вооруженной силы для «урегулирования» конфликтов в своих интересах и ориентировались в основном на политико-дипломатические и экономические средства, лишь отчасти снижал опасность возобновления «кризисной стратегии», поскольку не предусматривал таких решений, которые на деле могли бы ограни-

²¹ New York Times, 1977, Oct. 26.

чить угрозу новых вооруженных столкновений и их эскалации в конфликты более широкого масштаба.

Стремление к достижению односторонних преимуществ в конфликтах, силовые линии которых фактически прямо связаны с вопросами борьбы и соревнования двух мировых систем, уже таило в себе опасность будущих кризисов. Это достаточно наглядно подтвердило падение шахского режима в Иране, приведшее к резкому ослаблению позиций Соединенных Штатов в районе Ближнего и Среднего Востока. Одним из итогов этих событий, как отмечалось в американской печати, стало то, что «некоторые официальные лица обратились к планам использования американских войск, считая, что события в Иране продемонстрировали слабость политики перевернутой функции защиты американских интересов региональным союзникам»²².

Еще в августе 1977 г. в директиве президента Картера № 18 были изложены намерения администрации создать «силы быстрого развертывания», с тем чтобы иметь средства вмешательства в отдельные локальные конфликтные ситуации, добываясь их разрешения в интересах Вашингтона. Однако в тот период, в частности в ходе кризиса, развязанного державами НАТО в провинции Шаба (Заир) летом 1978 г., стало ясно, что конгресс и более широкие политические круги не поддерживают намерений администрации направлять американские войска для участия в зарубежных конфликтах. Усиление внимания администрации к планам создания и использования сил быстрого развертывания в качестве средства «кризисной стратегии» в 1979 г. под влиянием событий в Иране показало, что влиятельные группировки в американском правительстве становятся на путь подготовки новых военных авантюр.

Не менее опасным для дела международного мира и безопасности является и другое направление в «кризисной дипломатии» Вашингтона 70-х годов, получившее наибольшее развитие в районе Восточной Азии. Речь идет о попытках правящих кругов Соединенных Штатов сочетать соображения «кризисной дипломатии» с методами разыгрывания регионального «баланса сил».

Неоинтервенционизм США и разжигание новых кризисов

Стремление правящих кругов США в конце 70-х годов вернуться к активному использованию «кризисной стратегии» получило особенно полное выражение в концепциях и действиях администрации Р. Рейгана. Руководители этой администрации открыто провозгласили лозунги неоинтервенционизма и форсировали военные программы, призванные подкрепить эти лозунги. «Кризисная стратегия» США в начале 80-х годов во многом отражает философию

²² International Bulletin, 1979, Jan, 26, p. 5.

правых, агрессивных кругов, мечтающих о возрождении господства США в районах, потерянных империализмом на протяжении послевоенного периода. Сердцевина «кризисной стратегии» в трактовке последовательских центров, обслуживающих администрацию Р. Рейгана²³, — «проецирование американской мощи» на все районы мира, где США имеют «жизненные интересы».

«Проецирование мощи» в начале 80-х годов — излюбленная тема идеологов неоинтервенционизма типа Ф. Икле или П. Нитце²⁴. Они скорбят об ограниченных возможностях США в этой области. Вместе с тем они предлагают резко расширить «проецирование мощи» США на Средний Восток, Персидский залив, другие районы мира, вообще «рассматривать геополитическое состязание как шахматную игру и перебрасывать наши (американские. — Авт.) силовые фигуры туда, где у нас есть относительные преимущества»²⁵, как это предлагает директор стратегических исследований военно-морского колледжа Ф. Уэст.

Еще одна особенность неоинтервенционизма Вашингтона — его обнаженно империалистический характер. Призывы к «проецированию мощи» США, т. е. к разжиганию новых международных конфликтов и кризисов, прямо увязываются их авторами с борьбой за источники минерального сырья, и прежде всего, конечно, энергоресурсов, особенно нефти. Провозглашенная в январе 1980 г. «доктрина Картера» объявила, что США будут вести войну ради ближневосточной нефти. Администрация Р. Рейгана еще более ужесточила этот подход.

На протяжении трех с лишним послевоенных десятилетий главными «стратегическими зонами» за пределами США Вашингтон объявлял Европу и Дальний Восток. Не спрашивая на то согласия у народов этих «зон» и не считаясь с ними, американский империализм декларировал свою готовность ввязаться в войну в этих «зонах» — ограниченную, а потом, возможно, и глобальную. Эта готовность вела к постоянным обострениям обстановки, возникновению кризисных ситуаций. Администрация Дж. Картера объявила Ближний и Средний Восток «третьей стратегической зоной». Администрация Р. Рейгана пошла еще дальше. Устами своего министра обороны К. Уайнбергера она провозгласила пять зон «особых американских интересов», добавив к трем перечисленным выше еще две — Юг Африки и Карибский бассейн.

²³ Институт современных исследований в Сан-Франциско, Гуверовский институт при Стэнфордском университете, Центр стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета в Вашингтоне, Центр информации по проблемам национальной стратегии в Нью-Йорке и др.

²⁴ The United States in the 1980's / Ed. P. Duignan, A. Rabushka. Stanford: Hoover Institution Press, 1980, p. 435—436; National Security in the 1980s. From Weakness to Strength. Institute for Contemporary Studies. San Francisco: University of California Press, 1980, p. 452—454.

²⁵ National Security in the 1980's..., p. 331.

Военно-политическая стратегия администрации Р. Рейгана включает целый набор элементов «кризисной стратегии». Часть из них повторяет нововведения последних лет администрации Дж. Картера. Другие идут еще дальше. Нынешние лидеры США пытаются еще активнее, чем когда-либо раньше, угрожать в процессе международных кризисов применением ядерного оружия. Говоря о готовности сделать все необходимое для «защиты» интересов США в международных конфликтах, бывший государственный секретарь А. Хейг подчеркнул: «Это должно включать и использование арсенала ядерных вооружений, который мы столь энергично поддерживаем»²⁶.

Осуществляется дальнейшее развитие начатой администрацией Дж. Картера линии на повышение мобильности и гибкости вооруженных сил США с выделением особых компонентов (сил быстрого развертывания) для выполнения жандармских функций. К. Уайнбергер, подчеркивая эту преемственность, отмечал: «Очень поздно в период своей администрации президент Картер пришел к осознанию того, что нужна дополнительная способность к проецированию американской силы, и пытался развить такую способность. Мы же собираемся сделать это гораздо более эффективно, с гораздо большей решимостью и с гораздо большими усилиями»²⁷. Свою деятельность администрация Рейгана начала с того, что почти вдвое увеличила ассигнования на силы быстрого развертывания.

По-иному планируется и применение вооруженных сил США в международных кризисных ситуациях. Если прежде в моде была ставка на «блицкриги», на развитие способности вооруженных сил США осуществлять быстротечные операции («послевьетнамский синдром» довел еще над пентагоновскими стратегами), то при администрации Рейгана уже была поставлена задача создать потенциал для ведения затяжных войн. Как указывается в программной директиве на предстоящие годы, разработанной Советом по рассмотрению политики в области обороны, администрация Р. Рейгана делает упор на подготовку к «длительной войне обычного типа»²⁸. От этих слов веет призраком авантюры типа индокитайской.

Провозглашая новый подход к эскалации локальных конфликтов и призывая к расширению действий вооруженных сил США в различных районах мира, а также к увеличению «мобильности и выживаемости» этих сил для продвижения американских «глобальных интересов», К. Уайнбергер неоднократно подчеркивал, что Вашингтон будет подкреплять свои действия в том или ином локальном конфликте ударами в других районах мира по своему выбору. По существу, речь идет о своего рода эскалационной «увязке», о способности быстро придавать локальному конфликту глобальный характер без применения, как утверждается, ядерных сил.

²⁶ Nomination of Alexander M. Haig, Jr. Hearings before the Committee on Foreign Relations, US Senate. Wash.: U. S. GPO, 1981, Pt 1, p. 70.

²⁷ U. S. News and World Report, 1981, Apr. 13, p. 46.

²⁸ International Herald Tribune, 1981, June 30.

Стратегия администрации Р. Рейгана вобрала в себя курс на всемерное расширение системы американских военных баз, вновь форсированное в конце 70-х годов, особенно в сравнительно новых районах потенциальной американской агрессии (прежде всего на Ближнем Востоке). Активизируются попытки дополнить системы баз новыми союзами, хотя и не столь жесткого характера, как традиционные военные блоки образца первых послевоенных лет. Об этом говорило, например, предложение государственного секретаря США А. Хейга достичь «неофициальной» договоренности о «стратегическом консенсусе» США, Израиля, Пакистана, Турции, некоторых арабских стран, в первую очередь Египта. Цель этого предложения — «противодействовать советскому влиянию в регионе». Изменившиеся времена заставляют Вашингтон быть осторожнее («консенсус» вместо блока СЕНТО), но суть остается прежней — попытаться расширить систему плацдармов для реализации агрессивных целей «кризисной стратегии» Вашингтона.

Оценивая попытки возродить обветшалые методы силового, агрессивного курса, следует указать и на противодействующие ему факторы. Комплекс этих факторов (проявляющих себя в наше время особенно сильно) всегда приводил в прошлом в конечном счете к поражению интервенционистских устремлений Вашингтона.

Это прежде всего несостоятельность расчетов на достижение такого превосходства над СССР и его союзниками, которое могло бы обеспечить США гарантию успеха в том или ином конфликте или кризисе. С этой неоспоримой реальностью нашего времени Вашингтону придется постоянно считаться.

Неоинтервенционистские замыслы уже породили тревогу и сопротивление у народов Азии, Африки и Латинской Америки, которые США хотят сделать объектами «проецирования американской мощи». Тревожные настроения все больше охватывают и многих союзников США.

Наконец, в самих Соединенных Штатах силы, выступающие против интервенционизма, хотя и находящиеся сейчас в обороне, не прекращают борьбу. Как отмечалось в аналитическом обзоре Ассоциации внешней политики, посвященном военным вопросам, «многие критики сил быстрого развертывания дома и за рубежом верят, что невоенные меры... предлагают лучший путь к поддержанию безопасности Запада»²⁹. Так что рассчитывать на прочный тыл инициаторам неоинтервенционизма в плане длительной перспективы не приходится.

Все это не уменьшает той опасности, которую порождает «кризисная стратегия» США образца 80-х годов. Налицо рецидив скомпрометированного и отброшенного историей подхода, который тем не менее и в современных условиях может поставить мир на грань войны.

²⁹ The ABC's of Defense: America's Military in the 1980s. N. Y.: Foreign Policy Association, Inc., 1981, p. 51.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

США И ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

После окончания второй мировой войны вопросы разоружения вышли на передний край мировой политики. Однако США, опираясь на свою экономическую и военную мощь, сразу же взяли курс на обеспечение себе мировой гегемонии, не проявляя никакой заинтересованности в разоружении. Наоборот, в проведении такой политики особые надежды США возлагали на атомное оружие, первым обладателем которого они стали в первые послевоенные годы.

Под давлением мирового общественного мнения правительство США все же попыталось создать видимость, будто оно, хотя и является единственным обладателем атомного оружия, готово поставить ядерную энергию под международный контроль.

«План Баруха» и его подоплека

В этих целях 14 июня 1946 г. США внесли на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии проект установления такого международного контроля¹. Он вошел в историю под названием «плана Баруха» (по имени американского представителя в этой Комиссии ООН)

План предусматривал создание международного контрольного органа по атомной энергии, который наделялся самыми широкими полномочиями. В его компетенцию входило осуществление международного контроля за всеми этапами развития и использования атомной энергии, включая:

«1. Административное руководство или владение всей деятельностью в области атомной энергии, являющейся потенциально опасной для международной безопасности.»

2. Право контролировать, инспектировать и разрешать все другие виды деятельности в атомной области.

3. Обязанность содействовать полезному использованию атомной энергии.

4. Ответственность за научные исследования и развитие...»².

Осуществление «плана Баруха» должно было проходить поэтапно. Сначала международный орган получал право осуществлять контроль за добычей сырья. Затем в его ведение передавалось оборудование, аппаратура и т. д. После этого контроль распространялся

¹ Объединенные Нации. Комиссия по атомной энергии. Официальный отчет № 1. Нью-Йорк, 1946, с. 2—8.

² Там же. с. 7.

на промышленное производство и только затем на атомные взрывчатые вещества. Иными словами, контроль над имевшимися у США расщепляющимися материалами и атомными бомбами предполагалось устанавливать, по «плану Баруха», в самую последнюю очередь, после «интернационализации» всего атомного производства в мире. Характеризуя эту направленность американских предложений, заместитель государственного секретаря США Д. Ачесон и ряд других деятелей, которые принимали участие в подготовке указанных выше предложений США, еще в начале 1946 г. писали: «„План Баруха“ вовсе не требует, чтобы Соединенные Штаты прекратили производство атомных бомб ни после того, как он будет предложен, ни после учреждения международного органа...»³.

Так, не принимая на себя никаких обязательств по атомному разоружению, США вместе с тем фактически требовали от других государств поставить их экономику под международный контроль, ибо речь шла о проведении широких работ по изысканию, добыче, обработке и распределению ядерного сырья, а также об установлении различных международных форм собственности, владения, лицензий, наблюдения, изысканий и управления уже на первых этапах осуществления «плана Баруха». Это было явно нереалистическое требование. Вместе с тем оно не могло не настораживать относительно истинных намерений США в отношении практической реализации их собственного плана.

Бросалось в глаза и другое. США настаивали на принятии системы «незамедлительных» и «суровых» наказаний в случае нарушения условий соглашения. Причем решение о таком наказании должно было бы приниматься в Совете Безопасности простым большинством при отказе от права вето, что противоречило бы Уставу ООН. Это был явно искусственно притянутый вопрос, на что обращал внимание Д. Ачесон, который указывал, что это никак не могло способствовать ни привлекательности американского плана, ни его принятию Советским Союзом. Однако Б. Барух при прямой поддержке президента Г. Трумэна настоял на своем.

Таким образом, говоря о готовности пойти на «интернационализацию» атомной энергии, США фактически занимались двурушничеством. Наконец, нельзя забывать о том (и об этом свидетельствуют сейчас многие официальные американские документы и мемуары видных государственных деятелей США того времени), что с самого начала атомное оружие было положено в основу планов нанесения превентивных атомных ударов по СССР, в основу всей послевоенной внешней политики США, которая получила выражение в форме «атомной дипломатии», т. е. дипломатии ядерного шантажа и угроз.

³ A Report on the International Control of Atomic Energy prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy by a Board of Consultants. Wash. U. S. GPO, 1946, p. VI.

США и обычные вооружения: снова негативизм

США в целом занимали негативную позицию и в ходе работы Комиссии ООН по вооружениям обычного типа, учрежденной по предложению СССР 13 февраля 1947 г. Ее наиболее характерный момент состоял в том, что Соединенные Штаты фактически отказывались обсуждать ограничение обычных вооружений по существу, сводя весь вопрос к необходимости сбора информации об обычных вооруженных силах и выработке мер контроля, прежде чем решать вопрос о сокращении их личного состава. В 1950 г. Комиссия прекратила свою работу, а в феврале 1952 г. — и свое существование.

С образованием в январе 1952 г. Комиссии ООН по разоружению, которая приступила к работе 4 февраля того же года, США развивают большую активность в вопросах разоружения. При этом они делали акцент лишь на первом пункте плана работы этой Комиссии, в котором говорилось: «Выявление и проверка сведений о всех видах вооружений, включая атомное оружие, и обо всех вооруженных силах»⁴.

В мае 1952 г. США совместно с Англией и Францией внесли в Комиссию ООН по разоружению рабочий документ о всеобщем ограничении численности вооруженных сил как части всеобъемлющего плана регулирования, ограничения и соразмерного сокращения вооруженных сил и вооружений. В рабочем документе, в частности, предлагалось установить пределы численности вооруженных сил для Китая, СССР и США от 1 до 1,5 млн. человек, а для Франции и Англии — от 700 тыс. до 800 тыс. человек. Для других стран, располагавших значительными вооруженными силами, такие пределы должны были составлять, как правило, менее 1% численности их населения.

Основные недостатки этого документа сводились к следующему. В нем вопрос о численности вооруженных сил искусственно отделялся от главного вопроса — запрещения атомного оружия и сокращения вооружений. Более того, в представленных предложениях фактически не предусматривалось сокращение вооруженных сил, а всего лишь произвольно устанавливались пределы их численности. СССР привел тогда данные, которые указывали на резкое наращивание всех видов вооруженных сил западными странами, особенно Соединенными Штатами. С учетом этих данных становилось ясно, что истинная цель указанных предложений состояла в том, чтобы обеспечить «дипломатическое» прикрытие планам наращивания военного потенциала Запада в целом и США в частности.

⁴ Цит. по: Организация Объединенных Наций и разоружение, 1945—1970 гг. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1970, с. 45.

Первые реалистические признания

С утратой атомной монополии и с созданием Советским Союзом собственного ядерного потенциала в правящих кругах США постепенно стали звучать трезвые нотки в оценке потенциальной опасности бесконтрольной гонки ядерных вооружений. Отражением этого можно считать выступление президента США Д. Эйзенхауэра на Генеральной Ассамблее ООН 8 декабря 1953 г. В нем он внес предложение, вошедшее в историю под названием «Атомы для мира». Суть его сводилась к тому, чтобы страны выделяли некоторое количество урана и других расщепляющихся материалов для совместной их передачи международному органу по атомной энергии, который предлагалось создать под эгидой ООН.

Положительно оценив в целом речь президента США, Советское правительство тем не менее подвергло обоснованной критике внесенное им предложение. Во-первых, основная масса ядерных материалов по-прежнему шла бы на наращивание ядерных арсеналов. Во-вторых, это предложение нисколько не ограничивало возможность использования атомного оружия, т. е. оно ничем не ограничивало агрессора в применении атомного оружия в любых целях и в любое время и, следовательно, не ослабляло опасности атомного нападения. Вот почему это предложение трудно было принять в том виде, в котором оно было внесено. Оно не исходило из признания необходимости запрещения самого атомного оружия.

19 апреля 1954 г. Комиссия по разоружению ООН учредила Подкомитет в составе СССР, США, Англии, Франции и Канады, получивший название «Лондонский подкомитет» (по месту, где проходила его работа с мая 1954 по сентябрь 1957 г.). 11 июня 1954 г. Англия и Франция при поддержке США внесли совместный меморандум⁵. На словах в документе предусматривалось полное запрещение атомного оружия и изъятие его из вооружений. Признавалась необходимость сокращения вооруженных сил и вооружений до согласованных норм. Хотя эти предложения и сближали позиции сторон, однако документ этот содержал старое и неприемлемое для СССР требование об установлении международного контроля до начала осуществления каких-либо шагов по разоружению. Тем не менее СССР заявил о готовности принять этот меморандум за основу обсуждения вопроса о разоружении.

С середины 50-х годов США начинают пересматривать свою позицию в вопросах разоружения. Намечилось определенное ослабление международной напряженности (перемирие в Корее, прекращение колониальной войны в Индокитае, заключение государственного договора с Австрией), в мире все настойчивее раздавались голоса в

⁵ Объединенные Нации. Комиссия по разоружению. Первый доклад Подкомитета Комиссии по разоружению. DC/53. Прил. 9. Док. DC/SC.1/10, 1954, 11 июня.

пользу реальных мер по ограничению производства вооружений, особенно ядерных. Широкие круги мировой общественности подвергали резкой критике негативную позицию западных стран и прежде всего США. Эту критику в политическом плане было все труднее игнорировать. Учитывая это, в 1955 г. президент Д. Эйзенхауэр объявил о создании должности специального советника по вопросам разоружения в ранге члена кабинета, назначив на этот пост видного деятеля республиканской партии, бывшего губернатора штата Миннесота Г. Стассена.

Г. Стассен считал, что, хотя СССР в тот период и не обладал таким же ядерным арсеналом, как и США, тем не менее он был уже грозным соперником США, с которым нужно было разговаривать на равных. Однако против этого тезиса всячески выступали государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес и военное руководство США.

21 июля 1955 г. на совещании в верхах в Женеве президент Д. Эйзенхауэр выступил с планом «открытого неба» — предложением, чтобы США и СССР производили взаимную аэрофотосъемку территорий друг друга. В августе того же года в развитие предложений Д. Эйзенхауэра делегация США в Лондонском подкомитете внесла план по устранению возможности внезапных массированных нападений⁶. В этих целях США и СССР должны были обмениваться данными о численности, командной структуре и дислокации личного состава, частей и снаряжения всех основных наземных, морских и воздушных сил, а также представлять списки военных заводов, средств и установок с указанием их местонахождения. Как и раньше, упор делался на контроль до осуществления мер разоружения, на сбор военной информации без разоружения, что сделало этот документ неприемлемым для СССР.

Безуспешная инициатива Стассена

Отсутствие прогресса на переговорах по разоружению из-за негативной позиции США не могло не волновать правительства и народы многих государств мира. Так, в мае 1957 г. Индия направила ноту Генеральному секретарю ООН, в которой выражалась растущая озабоченность неприсоединившихся государств по поводу безрезультатной работы Комиссии ООН по разоружению и ее Лондонского подкомитета.

В этой обстановке США были вынуждены предпринимать дипломатические шаги в целях придания видимой конструктивности позиции США в вопросах разоружения, демонстрации их «готовности» искать взаимоприемлемые решения.

Так, еще в 1956 г. США заявили в Лондонском подкомитете о готовности приступить к проведению первого этапа программы

⁶ Официальные отчеты Комиссии по разоружению. Доп. за апрель—декабрь, 1955 г., Прил. 20, Док. DC/SC.1/31.

разоружения и сокращению уровней вооруженных сил США и СССР до 2,5 млн. человек⁷, хотя ранее США как будто бы были согласны на установление предела численности вооруженных сил СССР и США в размере 1 млн. — 1,5 млн. человек, что предлагали в 1954 г. Англия и Франция при молчаливой поддержке США и на что готов был пойти СССР вне связи с ядерным разоружением. Кроме того, тогда же СССР выражал готовность запретить все испытания ядерного оружия, сократить на 15% военные бюджеты, учредить международный контрольный орган для проведения инспекций до пачала сокращений и т. д.⁸. Тем не менее СССР согласился с новым предложением США ограничить уровень численности вооруженных сил СССР и США до 2,5 млн. человек, выразив готовность вообще приступить к решению проблемы всеобщего и полного разоружения.

По мнению Г. Стассена, в позиции США и СССР появился ряд общих или схожих моментов, которые, как он считал, можно было бы попытаться совместить, но на основе прямых предварительных консультаций с СССР. Г. Стассен подготовил соответствующий документ и добился от президента Д. Эйзенхауэра разрешения начать на основе этого документа сугубо предварительные неофициальные консультации с СССР в Лондоне весной 1957 г. Документ этот был передан советскому представителю в Лондонском подкомитете в конце мая 1957 г. Он касался частичных мер разоружения и в ряде пунктов содержал конструктивные идеи. Поэтому советская сторона в своей памятной записке, переданной представителю США в начале июня 1957 г., ответила на него положительно. Казалось, что наметилось, наконец, сближение позиций сторон. Однако Дж. Даллес больше всего опасался конструктивного диалога с СССР на равных. Против этого тогда резко выступали и военные в США. Дипломатически же Г. Стассена поставили в весьма сложное положение: вместо того чтобы сначала приступить к таким консультациям с СССР, ему было предписано передать подготовленный им документ одновременно и союзникам США с целью консультаций с ними. Г. Стассен поступил строго в соответствии с предписанными ему инструкциями. Однако премьер-министр Англии Г. Макмиллан, получив документ Г. Стассена, незамедлительно направил резкое послание Д. Эйзенхауэру. Этого было достаточно, чтобы Г. Стассена дезавуировали, несмотря на то что, как уже говорилось, реакция СССР на документ США последовала в целом положительная. Верх в США взяла тогда линия Дж. Даллеса: никаких переговоров с СССР на двусторонней основе по разоружению.

⁷ Официальные отчеты Комиссии по разоружению. Доп. за январь — декабрь 1956 г. Док. DC/83. Прил. 9 (DC/SC.1/45).

⁸ Там же, Прил. 5 (DC/SC.1/41).

Рождение концепции «регулирования гонки вооружений»

Между тем в США все больше понимали: переговоры с СССР необходимы прежде всего в интересах национальной безопасности США. Позиция США в вопросах разоружения конца 40-х — начала 50-х годов была полностью негативной и оказалась в конечном счете несостоятельной для самих США. Этот подход нужно было корректировать.

Во-первых, менялось соотношение сил, что ярко продемонстрировал запуск советского спутника Земли в октябре 1957 г. Территория США становилась уязвимой для ответного советского ядерного удара, и это заставляло руководство США пересмотреть и доктрину «массированного возмездия».

Во-вторых, нужно было делать позицию США в вопросах разоружения более привлекательной с чисто пропагандистской точки зрения.

Наконец, и это самое главное, необходимо было ее корректировать с целью подготовки к деловым переговорам с СССР по отдельным проблемам, порожденным прежде всего гонкой ядерных вооружений. Это понимали реалистически мыслящие деятели США, но далеко не вся правящая элита.

Отсюда рождение в начале 60-х годов в острой борьбе и потому весьма противоречивой американской концепции «контроля над вооружениями», концепции частичного решения проблем разоружения, — концепции, как утверждали ее творцы, «более реалистической» и «более прагматической», нежели широкий подход СССР к решению проблем разоружения, но по сути своей направленной лишь на регулирование гонки вооружений. Она частично явилась и ответом на конкретную программу всеобщего и полного разоружения, внесенную СССР на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН 18 сентября 1959 г.⁹

С приходом к власти администрации Дж. Кеннеди США весной 1961 г. приступают, наконец, к прямым двусторонним консультациям с СССР по вопросам разоружения. В результате 20 сентября 1961 г. США и СССР разработали совместное заявление о согласованных принципах переговоров по вопросу разоружения. Речь шла о том, что целью переговоров должно быть всеобщее и полное разоружение под строгим и эффективным международным контролем при неукоснительном соблюдении принципа равной безопасности.

Как бы давая ответ на конкретную советскую программу всеобщего и полного разоружения, 25 сентября 1961 г. США выступили в ООН с документом «Заявление о разоружении. Предлагаемая Соединенными Штатами программа всеобщего и полного разоруже-

⁹ Официальные отчеты. Генеральная Ассамблея ООН. XIV сессия. Прил., п. 70 повестки дня, Док. А/4218 и А/4219.

ния в условиях мира во всем мире»¹⁰. Документ был составлен в общих выражениях в отличие от конкретной программы СССР в этой области.

Одновременно США дали согласие на учреждение самостоятельного органа по разоружению, предварительно согласовав его состав с СССР. 13 декабря 1961 г. США и СССР представили в Первом комитете Генеральной Ассамблеи ООН проект совместной резолюции по указанным двум вопросам, который был единогласно утвержден 20 декабря 1961 г. В состав созданного тогда независимого от ООН Комитета по разоружению вошли на паритетных началах следующие 18 государств (представители трех основных групп стран мира — социалистических, капиталистических и неприсоединившихся): СССР, ПНР, СРР, ЧССР, НРБ, США, Англия, Франция, Канада, Италия, Бирма, Бразилия, Индия, Мексика, Нигерия, ОАР, Швеция и Эфиопия (Франция, однако, в его работе не участвовала).

На открывшейся 14 марта 1962 г. первой сессии Комитета 18-ти государств по разоружению Соединенные Штаты внесли 18 апреля 1962 г. «Схему основных положений Договора о всеобщем и полном разоружении в условиях мира во всем мире»¹¹. Опять-таки речь шла об общих, весьма неконкретных вещах. При этом США, во-первых, стремились сохранить до последнего этапа разоружения такую структуру вооруженных сил и такое соотношение сил, которые существовали в начале процесса разоружения, т. е. США оставались бы в преимущественном положении. Во-вторых, они отказывались идти на сокращение ядерного оружия с самого начала и предлагали сохранить его до последнего этапа. Взамен они делали упор на сокращение лишь производства расщепляющихся материалов. Когда СССР пошел навстречу позиции США, в частности в вопросе об оставлении «ядерного зонтика» до конца последнего этапа разоружения, США фактически блокировали дальнейшие переговоры по вопросу о всеобщем и полном разоружении. Практически с 1965 г. этот вопрос уже не рассматривался в Комитете 18-ти по разоружению.

Между тем США все больше делали упор на мерах частичного ограничения гонки вооружений и устранения возможности случайного ядерного конфликта из-за технических причин. Так, в рабочем документе США, внесенном в Комитет 18-ти 12 декабря 1962 г. по вопросу об уменьшении опасности возникновения войны в результате случайности, просчета или нарушения связи, США предложили установить линию прямой связи между правительствами США и СССР. 20 июня 1963 г. между СССР и США в Женеве был подписан меморандум об установлении линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном. Естественно, она не могла заменить конкретных мер в области разоружения, где были нужны практические и далеко идущие шаги.

¹⁰ Док. ООН А/4891.

¹¹ Док. ENDC/30.

США и запрещение испытаний ядерного оружия

Позиция США в этом ключевом вопросе гонки ядерных вооружений, как и в других вопросах разоружения, характеризуется непоследовательностью и противоречивостью. С одной стороны, в США понимают, что испытания ядерного оружия — это приобретение доступа в клуб ядерных государств для тех, кто еще не имеет ядерного оружия, но хотел бы им обзавестись. Поэтому прекращение ядерных испытаний было бы на пользу США в долгосрочном плане. С другой — в США с самого начала шли споры о том, нужно ли прекращать эти испытания на двусторонней основе с СССР. Причем характерно, что даже те, кто настаивал на необходимости прекращения ядерных испытаний, исходили из того, что это было бы выгодно для США, потому что они в этом случае оказались бы в преимущественном положении, так как провели больше таких испытаний, чем СССР. Нет нужды говорить о том, что сторонники продолжения гонки ядерных вооружений всячески противятся запрещению ядерных испытаний, видя в них ключ к качественной гонке ядерных вооружений. Все это и определяло противоречивую позицию США в вопросе об испытаниях ядерного оружия.

Наиболее существенным результатом в плане согласования частичных мер в области разоружения в начале 60-х годов следует считать, конечно, разработку Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанного в Москве 5 августа 1963 г. и вступившего в силу 10 октября того же года. Ему предшествовала большая и трудная работа. Так, с октября 1958 по январь 1962 г. в Женеве проходило совещание СССР, США и Англии по прекращению испытаний ядерного оружия. США занимали весьма негативную позицию, не останавливаясь перед тем, чтобы дезавуировать своих собственных представителей, которые на совещании технических экспертов в 1958 г. в Женеве признали возможность всеобщего запрещения испытаний ядерного оружия на основе существовавших уже тогда методов контроля. Дело в том, что США решили сделать вопрос о контроле основным тормозом переговоров, настаивая на обязательных инспекциях на месте. Они рассчитывали, что нерешенность вопроса об инспекциях даст им возможность продолжать испытания с целью отработки новых образцов ядерного оружия.

1 декабря 1959 г. президент Д. Эйзенхауэр выступил с заявлением о том, что США считают себя «свободными возобновить испытания ядерного оружия» (в ответ на решение СССР приостановить ядерные испытания с 31 марта 1958 г. США заявили 22 августа 1958 г. о том, что они также в одностороннем порядке приостанавливают проведение испытаний ядерного оружия). Тем самым США фактически развязывали себе руки в деле проведения новой серии испытаний ядерного оружия. В феврале 1960 г. США выступили

на переговорах с предложением запретить проведение всех испытаний во всех средах свыше сейсмической амплитуды 4,75. Причем они соглашались заранее согласовать ежегодные квоты обязательных инспекций на месте. Дело, однако, не сдвинулось с места, когда СССР согласился в том же году на установление ежегодной квоты трех инспекций на месте в совокупности с мораторием на все испытания ниже порога 4,75¹².

Между тем в США шла активная подготовка к возобновлению испытаний ядерного оружия. В то же время западные державы пытались взвалить вину за отсутствие прогресса на переговорах о запрещении ядерных испытаний на Советский Союз, ссылаясь на его неготовность пойти на предлагаемое США число ежегодных инспекций на месте (12—20). Становилось ясно, что США и их союзники, готовя новый тур ядерных испытаний, делали все, чтобы представить СССР в виде главного виновника возникшего тупика на переговорах о запрещении ядерных испытаний. «Под давлением международной обстановки, которую создают империалистические страны», говорилось в соответствующем заявлении Советского правительства, СССР возобновил 30 августа 1961 г. испытания ядерного оружия¹³. США возобновили испытания ядерного оружия 15 сентября того же года. 9 сентября 1961 г. США предложили прекратить работу совещания трех держав. Ее последняя сессия началась 28 ноября 1961 г., а 29 января 1962 г. совещание было отложено на неопределенное время.

С апреля по ноябрь 1962 г. США вновь провели интенсивную программу испытаний ядерного оружия, хотя, даже по словам министра обороны США, в них не было никакой необходимости. Одновременно 27 августа 1962 г. США внесли в Комитет 18-ти по разоружению два варианта проекта договора¹⁴. Первый предусматривал запрещение всех испытаний на основе определенной квоты обязательных инспекций на месте в случае возникновения подозрительных подземных явлений. В другом предлагалось запретить испытания ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой без международной проверки. При этом США отказывались пойти на предлагавшийся СССР мораторий на подземные испытания. СССР был не против частичного решения всего вопроса при условии, что на подземные ядерные испытания будет объявлен мораторий. Одновременно СССР стремился решить и вопрос об инспекциях на месте. С этой целью 10 декабря 1962 г. он выдвинул идею установления автоматических сейсмических станций («черных ящиков») в дополнение к национальным средствам. США, однако, продолжали настаивать на обязательных инспекциях на месте, что, естественно, затрудняло решение всего вопроса о запрещении ядерных испытаний. Тщательно взвесив создавшееся положение, СССР

¹² Организация Объединенных Наций и разоружение..., с. 216, 217.

¹³ Правда, 1961, 31 авг.

¹⁴ Док. ENDC/58, Док. ENDC/59.

заявил 2 июля 1963 г., что, поскольку западные державы препятствуют заключению соглашения о запрещении всех ядерных испытаний, он готов заключить соглашение о запрещении всех ядерных испытаний в атмосфере, в космическом пространстве и под водой.

10 июня 1963 г. США, СССР и Англия объявили о проведении в Москве с июля 1963 г. специальных переговоров о прекращении испытаний ядерного оружия. Переговоры начались 16 июля, а 25 июля в Москве был парафирован Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Договор является бессрочным. Важный элемент договора — положение о том, что стороны будут стремиться «достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия, исполненные решимости продолжать переговоры с этой целью...»¹⁵.

Однако в США договор был одобрен сенатом лишь при условии, что правительство даст гарантии: США будут в любой момент готовы возобновить ядерные испытания, запрещенные Московским договором, и что договор не отразится на военных программах США. После подписания договора, США приступили к интенсивной программе подземных ядерных испытаний.

Истинные цели новых предложений США

В начале 60-х годов в США не могли не понимать, что их усилия в гонке стратегических вооружений в общем-то не дают тех результатов, на которые они рассчитывали. Вставал вопрос о том, какую линию вести дальше. Естественно, никто в США не имел в виду прекращать эту гонку. Однако было сочтено целесообразным попробовать использовать и капал переговоров, но главным образом для того, чтобы ограничить возможности СССР в деле укрепления его оборонной мощи.

В результате на сессии Комитета 18-ти по разоружению в январе 1964 г. США выступили с двумя, как они заявили, важными инициативами. В послании президента Л. Джонсона Комитету 18-ти по разоружению от 21 января 1964 г. США предложили контролируемое замораживание — по числу и типам — средств доставки стратегического наступательного и оборонительного ядерного оружия США и СССР. С учетом того, что США обладали в тот период превосходством по стратегическим вооружениям, это предложение было призвано «заморозить» отставание СССР в области стратегических вооружений¹⁶. К тому же США сохраняли бы возможность совершенствовать и наращивать свое тактическое ядерное оружие. Предложение это не распространялось ни на Англию, ни на Францию. Ясно, что такое предложение было неприемлемым для СССР.

¹⁵ Советский Союз в борьбе за разоружение: Сб. док. М.: Политиздат, 1977, с. 32.

¹⁶ Так, по некоторым данным, у США было в 1963 г., например, 424 МБР, у СССР — 90, стратегических бомбардировщиков у США было 630, у СССР — 190 (см.: The Military Balance, 1976—1977. L.: The International Institute for Strategic Studies. 1976, p. 75).

Второе предложение касалось прекращения производства расщепляющихся материалов в военных целях и передачи таких материалов для использования в мирных целях. Характерно, что США предложили, чтобы они переключили 60 тыс. кг расщепляющихся материалов на мирные цели, а СССР — 40 тыс. кг, изложив в рабочем документе от 25 июня 1964 г. свою позицию по контролю за осуществлением предлагаемой ими меры, в основе которого лежали инспекции на месте.

При таком подходе СССР выразил сомнение в практической возможности реализации американского предложения, которое фактически было направлено на установление контроля без разоружения, если только оно не будет частью программы всеобщего и полного разоружения¹⁷. Вместе с тем 20 апреля 1964 г. США и СССР одновременно объявили о принятых ими в одностороннем порядке решениях сократить производство расщепляющихся материалов в военных целях.

В том же 1964 г. США выступили с предложением ликвидировать самолеты В-47 и ТУ-16 из расчета по 20 самолетов в месяц в течение двухлетнего периода. Оно было привязано к предложению о замораживании средств доставки стратегического наступательного и оборонительного ядерного оружия, о котором шла речь выше. С другой стороны, оно явилось ответом на предложение СССР сократить или полностью ликвидировать бомбардировочную авиацию. Фактически речь в предложении США шла о ликвидации лишь устаревших видов оружия, которые к тому же заменялись новыми образцами, а не о разоружении.

На пути к ОСВ

США пришли к необходимости начать переговоры с СССР об ограничении стратегических наступательных вооружений под воздействием целого ряда факторов. Началу этих переговоров способствовало заключение в 60-х годах ряда международных соглашений по ограничению прежде всего гонки ядерных вооружений. Хронологически это прежде всего Договор об Антарктике, подписанный в Вашингтоне в 1959 г., запретивший размещение и испытания ядерного оружия в Антарктике. Далее, Московский договор 1963 г. о частичном запрещении испытаний ядерного оружия; Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.; Договор 1968 г. о нераспространении ядерного оружия.

США, в частности, рассматривали Договор о нераспространении ядерного оружия в более широком контексте советско-американских отношений в качестве шага к началу переговоров с СССР об ограничении оборонительных и наступательных стратегических вооруже-

¹⁷ Организация Объединенных Наций и разоружение..., с. 162.

ний. Не случайно именно 1 июля 1968 г. — в день открытия этого договора к подписанию — США объявили о достигнутой договоренности между США и СССР начать такие переговоры¹⁸. Однако события в Чехословакии в августе 1968 г. послужили поводом для США отложить начало переговоров об ОСВ. Затем, правда, уходящий со своего поста президент Л. Джонсон пытался, во всяком случае на словах, начать эти переговоры до конца 1968 г., но было ясно, что решать весь вопрос будет теперь новый президент США Р. Никсон.

Другим важным договором, основы которого были заложены в 60-е годы, был Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, подписанный 11 февраля 1971 г.

Наконец, в 1972 г. была заключена Международная конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении.

Именно эти соглашения и переговоры об их заключении, по словам госсекретаря У. Роджерса, проложили путь к переговорам об ОСВ¹⁹. Были, однако, и другие более фундаментальные причины.

Именно на рубеже 60–70-х годов происходит изменение в соотношении стратегических сил США и СССР. США постепенно лишаются своего стратегического превосходства. А это уже ставило их перед реальной опасностью эффективного ответного ядерного удара. Отсюда их стремление искать договоренности с СССР об уменьшении опасности ядерного столкновения.

К этому времени, по мнению американского руководства, национальные средства проверки стали достаточно надежными, чтобы осуществлять проверку выполнения любых соглашений с СССР об ограничении стратегических вооружений, не прибегая к инспекциям на месте.

Наконец, США сделали ставку на то, чтобы использовать переговоры об ОСВ в целях решения крупных политических проблем США, таких, например, как проблема выхода США из войны во Вьетнаме. Именно это и явилось основой тактики «увязок», которую США стали применять на переговорах об ОСВ.

Нет нужды говорить о том, что военные круги в США стремились добиться определенных преимуществ путем ограничения количественных параметров стратегического арсенала СССР, в то же время не связывая себе руки в деле создания качественно новых систем стратегического оружия и с дальним прицелом получения вновь стратегического превосходства над СССР. Эта противоречивая позиция США не замедлила сказаться на ходе переговоров об ОСВ.

Тем не менее 70-е годы для США в области разоружения были периодом плодотворных переговоров с СССР об ограничении стра-

¹⁸ Department of State Bulletin, 1968, July 22, p. 86.

¹⁹ Ibid., 1971, Apr. 5, p. 468.

тегических вооружений. Это были самые важные переговоры в области разоружения за все послевоенные годы.

Подготовительная советско-американская встреча проходила в Хельсинки с 17 ноября по 22 декабря 1969 г., сами же переговоры начались 16 апреля 1970 г. в Вене. После года переговоров, 20 мая 1971 г., в совместном советско-американском коммюнике было сообщено, что основные усилия на переговорах будут сосредоточены на подготовке соглашения об ограничении развертывания систем противоракетной обороны, имея в виду, что при этом будут согласованы некоторые меры и в области ограничения наступательных стратегических вооружений²⁰.

В ходе дальнейших переговоров США пошли на подписание 30 сентября 1971 г. в Вашингтоне Соглашения о мерах по уменьшению опасности случайного возникновения ядерной войны и Соглашения об усовершенствовании линии прямой связи СССР — США, предназначенной для использования в чрезвычайных обстоятельствах. США брали на себя обязательство осуществлять меры по предотвращению случайного или несанкционированного применения ядерного оружия, находящегося под их контролем, и незамедлительно уведомлять СССР о таких чрезвычайных или необъяснимых инцидентах, заранее уведомлять на основе взаимности о запланированных пусках ракет за пределы национальной территории, и, наконец, самое главное, каждая страна в ситуациях, связанных с необъясненными ядерными инцидентами, обязалась поступать так, «чтобы уменьшить возможность неправильного истолкования ее действия другой стороной»²¹. Указанные соглашения способствовали конструктивному развитию советско-американских отношений, а также уменьшению опасности ядерной войны.

ОСВ-1

В ходе первой советско-американской встречи на высшем уровне в Москве США подписали с СССР 26 мая 1972 г. Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, которые вступили в силу в октябре 1972 г.

По Договору о ПРО обе стороны обязались не развертывать системы ПРО на своей территории, сохранив за собою право иметь по два комплекса ПРО: один — вокруг своей столицы, другой — в районе расположения шахтных пусковых установок МБР. Радиус каждого из этих районов не должен превышать 150 км, и в его пределах можно развернуть не более 100 пусковых установок противоракет. Договор налагает ряд ограничений на модернизацию систем ПРО, а также другие ограничения качественного характера. Договор носит бессрочный характер.

²⁰ Правда, 1971, 21 мая.

²¹ Советский Союз в борьбе за разоружение, с. 107—108.

Временное соглашение, заключенное тогда сроком на пять лет, предусматривало четкие количественные ограничения на стационарные пусковые установки МБР, пусковые установки баллистических ракет подводных лодок и современные подводные лодки с баллистическими ракетами (ограничения не касались стратегической бомбардировочной авиации). Соглашением предусматривались и некоторые качественные ограничения, например запрещалось переоборудовать пусковые установки легких МБР в пусковые установки тяжелых МБР.

Важно подчеркнуть, что США в принципе согласились с тем, что национальных технических средств контроля достаточно для осуществления проверки указанных соглашений и обязались не чинить помех национальным техническим средствам контроля другой стороны и преднамеренно не прибегать к мерам маскировки. США дали согласие на продолжение переговоров с целью выработки постоянного соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений.

Одновременно 25 мая 1972 г. США подписали с СССР Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним, которое предусматривает меры по предотвращению конфликта в связи с военной деятельностью сторон в открытом море.

Важно подчеркнуть, что США признали, что в ядерный век нет альтернативы мирному сосуществованию и что необходимо делать все возможное, чтобы избежать военных конфронтаций и предотвратить возникновение ядерной войны. Они признали императив переговоров как единственного средства урегулирования разногласий.

Хотя эти соглашения и были одобрены конгрессом США, тем не менее тогда же сенат 56 голосами против 35 утвердил поправку сенатора Г. Джексона. Суть ее сводилась к тому, чтобы в будущем США добивались равных «потолков» для пусковых установок межконтинентальных сил обеих сторон. Однако со временем стало ясно, что расплывчатая формулировка этой поправки была использована для того, чтобы исключить из переговоров вопрос об американских средствах передового базирования, которые представляют стратегическую угрозу для СССР.

22 июня 1973 г. на очередной встрече в верхах США подписывают с СССР бессрочное Соглашение о предотвращении ядерной войны. Однако уже тогда США не проявили желания сделать радикальный шаг в этом направлении и отказаться вообще от применения ядерного оружия под тем предлогом, будто такое предложение со стороны СССР лишало бы США возможности применять ядерное оружие для защиты себя и своих союзников. Более того, как пояснил тогда же Г. Киссинджер, это соглашение вовсе не является отказом США от какой-то конкретной формы войны²².

²² Washington Post, 1973, June 25.

Трудный путь к соглашению ОСВ-2

21 июня 1973 г. США подписали с СССР документ «Основные принципы переговоров о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений». Важность этого документа состоит в том, что обе стороны заявили, что при выработке новых соглашений они «будут руководствоваться признанием интересов равной безопасности друг друга и признанием того, что попытки получения односторонних преимуществ, прямо или косвенно, были бы несовместимы с укреплением отношений мира между СССР и США», что дальнейшие ограничения стратегических вооружений будут касаться как количественной стороны, так и качественных совершенствований и что контроль будет осуществляться национальными техническими средствами²³. Это были основополагающие принципы новых соглашений в области ограничения стратегических вооружений, без соблюдения которых соответствующие переговоры не могли привести к взаимоприемлемым результатам, которые стороны соглашались тогда достигнуть в 1974 г.

В ходе встречи на высшем уровне в Москве летом 1974 г. руководители США и СССР 3 июля 1974 г. подписали Протокол к Договору о ПРО 1972 г., согласно которому стороны согласились ограничиться одним районом ПРО вместо двух, разрешенных Договором о ПРО.

Тогда же США и СССР подписали Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Стороны обязались с 31 марта 1976 г. запретить подземные испытания мощностью свыше 150 кт. Важной особенностью договора явилось то, что в его ст. III США и СССР обязались регулировать подземные ядерные взрывы в мирных целях «соглашением, относительно которого стороны проведут переговоры и которое будет заключено по возможности скорее»²⁴. В Протоколе к этому договору подробно определялась система проверки выполнения договора.

Одновременно США и СССР сделали совместное заявление, в котором высказались за разработку эффективных мер по устранению опасности использования средств воздействия на природную среду в военных целях и согласились приступить к двусторонним консультациям в 1974 г.

В развитие указанных договоренностей 28 мая 1976 г. США подписали с СССР Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях, который должен был регулировать все подземные ядерные взрывы в мирных целях после 31 марта 1976 г. Однако США так и не ратифицировали ни Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, ни Договор о мирных ядерных взрывах.

²³ См.: Советский Союз в борьбе за разоружение..., с. 127.

²⁴ См.: Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне. М.: Политиздат, 1974, с. 59.

18 мая 1977 г. США подписали Международную конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. В соответствии с приложением к этой конвенции создавался консультативный комитет экспертов для содействия контролю за ее выполнением.

В совместном коммюнике от 3 июля 1974 г. США и СССР согласились, что за Временным соглашением об ограничении стратегических наступательных вооружений должно последовать новое соглашение (охватывающее период до 1985 г.), которое стороны имели в виду разработать по возможности скорее, до истечения срока действия Временного соглашения в 1977 г.²⁵

Примерно с 1975 г. из-за позиции США на переговорах об ОСВ начинают все больше обостряться трудности, которые с самого начала отягощали эти переговоры. Все большее влияние на позицию США начинают оказывать те силы, которые либо вообще противились этим переговорам, либо требовали, чтобы в результате этих переговоров США получили односторонние преимущества.

На встрече на высшем уровне во Владивостоке в ноябре 1974 г. руководители СССР и США договорились об основных параметрах нового соглашения, которое должно было предусматривать установление равных суммарных потолков на количество носителей стратегического оружия и количество МБР и баллистических ракет на подводных лодках, оснащенных разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Имелось в виду, что это соглашение будет действовать с октября 1977 по 31 декабря 1985 г. В соглашении должно было содержаться положение о продолжении переговоров об ограничении и о возможном сокращении стратегических вооружений после 1985 г. Характерно, что американская сторона расценила Владивостокскую договоренность как «прорыв» на переговорах об ОСВ²⁶.

Однако после этого переговоры по вине американской стороны затянулись на годы. С приходом администрации Дж. Картера США предпринимают в марте 1977 г. попытку сломать Владивостокскую договоренность и добиться сокращения наполовину ракетно-ядерного щита СССР. Государственный секретарь США С. Вэнс во время визита в Москву в марте 1977 г. выдвигает два предложения: одно — всеобъемлющее, призванное показать готовность США пойти на «радикальное» сокращение главным образом советских МБР. На его принятии в основном настаивали США. Второе — измененный вариант Владивостокской договоренности с упором на то, чтобы отложить в долгий ящик решение, в частности, вопроса о крылатых ракетах, над чем усиленно работали тогда в США. Такая позиция США серьезно осложнила переговоры об ОСВ.

²⁵ См.: Советский Союз в борьбе за разоружение..., с. 144.

²⁶ См.: The United Nations and Disarmament 1970—1975. N. Y.: U. N., 1976, p. 137.

ОСВ-2 и борьба в США вокруг него

Лишь 18 июня 1979 г. удалось подписать в Вене новые соглашения об ограничении стратегических вооружений, известные под названием «Соглашения ОСВ-2». Они состоят из трех основных частей: собственно договора, протокола к договору и совместного заявления о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений²⁷.

В договоре речь шла об ограничении численности всех компонентов стратегических сил сторон — пусковых установок МБР и БРПЛ, тяжелых бомбардировщиков, а также баллистических ракет класса «воздух—земля» (БРВЗ) — суммарным количеством не более 2400 единиц, а с 1 января 1981 г. — 2250 единиц. Пределы численности пусковых установок МБР и БРПЛ, оснащенных РГЧ индивидуального наведения, БРВЗ, оснащенных РГЧ, а также тяжелых бомбардировщиков, оснащенных крылатыми ракетами с дальностью свыше 600 км, ограничивались суммарным количеством не более 1320 единиц. Причем для МБР и БРПЛ, а также для БРВЗ устанавливался «подпотолок» в количестве 1200 единиц, а для МБР в рамках этого числа — «подпотолок» в 820 единиц. Предусматривались и качественные ограничения, в частности не разрешалось создавать более одного нового типа легких МБР.

В совместном заявлении говорилось о готовности сторон продолжать переговоры с целью достижения существенных количественных сокращений, а также качественных ограничений и решения вопросов, включенных в протокол к новому договору. Важно также отметить, что в совместном коммюнике от 18 июня 1979 г. «каждая сторона заявила, что она не стремится и не будет впредь стремиться к военному превосходству...»²⁸. Президент Дж. Картер охарактеризовал новый договор как «самый важный шаг, который когда-либо делался с целью установления контроля над ядерным оружием»²⁹.

Однако вокруг нового договора в США развернулась острая борьба, причем задолго до его подписания. Противники договора утверждали, что он дает преимущества СССР (в области, например, тяжелых ракет), что договор трудно будет проверять национальными средствами контроля, что он ограничивает возможности США в области развертывания крылатых ракет и т. д. Отчасти договор стал жертвой начинавшейся предвыборной борьбы за Белый дом: республиканцы нападали на него с позиций хранителей «национальной безопасности» США. С этих позиций на слушаниях в конгрессе летом и осенью 1979 г. выступали Р. Пайпс, П. Нитце, адмирал в отставке Т. Мурер, Ю. Ростю и многие другие³⁰. Тем не менее

²⁷ Ради мира на земле. М. Политиздат, 1979, с. 40—58.

²⁸ Там же. с. 61.

²⁹ Department of State Bulletin, 1979, Nov., p. 8.

³⁰ The SALT II Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 96th Congress, First Session, PTS 1—5. Wash.: U. S. GPO, 1979.

сенатская комиссия по иностранным делам 9 ноября 1979 г. одобрила договор девятью голосами против шести, а 20 ноября в официальном докладе рекомендовала сенату ратифицировать договор, и он был направлен в сенат.

Однако Дж. Картер 4 января 1980 г. предложил сенату отложить рассмотрение договора, одновременно «заморозив» ряд советско-американских переговоров в области разоружения. Таким образом, в долгий ящик был положен не просто договор об ОСВ-2. Фактически был «заморожен» и сам процесс ОСВ. В качестве предлога для «замораживания» договора ОСВ-2 президент США использовал «советскую акцию в Афганистане». На деле же, однако, президент, готовившийся к переизбранию и почувствовавший усиление в стане консервативных, милитаристских сил, выступавших против принципа стратегического паритета с СССР, решил подыграть этим силам в надежде быть переизбранным. Но его обошел кандидат республиканской партии Р. Рейган, завоевавший Белый дом с помощью шовинистического лозунга «сделать Америку сильной».

Республиканская администрация во главе с Р. Рейганом заняла резко отрицательную позицию в отношении договора об ОСВ-2, и это, естественно, затруднило перспективы продолжения переговоров об ОСВ, как это предусматривалось новым договором. Правда, она позднее официально заявила о готовности соблюдать договор ОСВ-2, однако на деле шансы на успех дальнейших переговоров с США по этим вопросам не улучшились.

После долгих проволочек администрация Рейгана дала, наконец, согласие начать новые переговоры с СССР об ограничении и сокращении стратегических вооружений в июне 1982 г. Незадолго до этого, 9 мая 1982 г., президент выступил с «радикальным» предложением по сокращению стратегических вооружений. Суть его сводилась к следующему. По баллистическим ракетам на первом этапе предлагалось уменьшить общее число боеголовок на треть (по словам президента, от существующего уровня 7500 до 5000) при том условии, чтобы на наземных МБР их было установлено не более половины от этого количества (2500 единиц), а общее число ракет — снизить до равных потолков, составляющих примерно половину нынешнего уровня американских баллистических ракет, т. е. с 1700 до 850 единиц.

Однобокость этого предложения становится очевидной, если учесть, что у СССР на наземные МБР приходится около 70% боеголовок, тогда как у США — около 20%. Зато на БРПЛ и на тяжелых бомбардировщиках у США размещено более 80% боеголовок. Поэтому в результате осуществления американского предложения СССР пришлось бы сократить 50—60% боеголовок на своих МБР и большую часть самих ракет. Что касается США, то они, сократив некоторое количество боеголовок за счет снятия с вооружений нескольких устаревших подводных лодок, получали бы возможность даже наращивать количество боеголовок на наземных МБР, развернув для этого новейшие ракеты.

Таким образом, предложения США явно шли вразрез с согласованным принципом равенства и одинаковой безопасности и были основаны на произвольном выдергивании из всех компонентов стратегических сил сторон лишь одного — МБР — как якобы наиболее дестабилизирующего и требующего первостепенного внимания, вместо того чтобы подходить комплексно к оценкам и к снижению уровней стратегических арсеналов США и СССР.

В ответ на этот шаг США, рассчитанный не столько на реальное решение вопроса, сколько на пропаганду мнимого американского миролюбия, Советский Союз предложил уже сейчас прекратить дальнейшее наращивание стратегических сил сторон, иначе говоря, — «заморозить» их, а к 1990 г. сократить примерно на 25%, исходя из наличия примерного равенства сторон по этим арсеналам. Наряду с этим СССР предложил договориться о недопущении гонки вооружений в космосе и — в порядке конкретизации этого предложения — внес на рассмотрение ООН проект договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. В качестве практического первого шага в этом направлении СССР взял на себя обязательство не выводить первым в космическое пространство какие-либо виды противоспутникового оружия. Однако США не ответили конструктивным образом и на эти важнейшие советские инициативы.

США против полного запрещения ядерных испытаний

Следует отметить, что администрация Дж. Картера в первые месяцы своей деятельности, стремясь приобрести политический капитал, стала декларировать готовность серьезно подойти к вопросам разоружения. В ходе визита государственного секретаря США С. Ванса в Москву в марте 1977 г. США предложили создать целый ряд совместных групп с целью рассмотрения таких вопросов, как Договор о полном запрещении испытаний ядерного оружия, химическое оружие, противоспутниковые системы, торговля оружием, военная деятельность в Индийском океане и т. д. Советский Союз, руководствуясь интересами мира и разоружения, пошел на консультации и переговоры с США по указанному кругу проблем. Однако ни по одному из этих вопросов договориться не удалось, ибо, как оказалось, США не были готовы к их практическому решению.

Наиболее важным был, пожалуй, вопрос о запрещении любых испытаний ядерного оружия. В июне 1977 г. в Вашингтоне состоялись советско-американские консультации, а с июля в Женеве начались практические переговоры, к которым с самого начала присоединилась и Англия. США совместно с другими участниками переговоров четыре раза (16 марта 1978 г., 8 августа 1978 г., 31 июля 1979 г. и 30 июля 1980 г.) направляли Комитету по разоружению информацию о ходе и прогрессе трехсторонних переговоров. На сло-

вах США выступали за запрещение всех ядерных взрывов как в военных, так и в мирных целях. Такая позиция, с одной стороны, не учитывала реальных потребностей ряда стран в проведении мирных ядерных взрывов в чисто экономических целях. С другой, она отчасти противоречила положениям Договора о нераспространении ядерного оружия, согласно которым страны-депозитарии обязались предоставлять услуги в проведении мирных ядерных взрывов участникам этого договора.

Хотя на трехсторонних переговорах удалось согласовать важнейшие положения Договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия, в частности по контролю, США, однако, не проявили желания успешно завершить их. Переговоры были прерваны в ноябре 1980 г. на неопределенный срок. Администрация Р. Рейгана отказалась возобновить эти переговоры. Более того, летом 1982 г. президент Рейган заявил, что его администрация отказывается от ратификации двух советско-американских договоров об ограничении подземных ядерных испытаний и о мирных ядерных взрывах.

США: курс на срыв военной разрядки в 70-х годах

Исходя из планов наращивания своей военной мощи в Европе, США в целом занимают отрицательную позицию в вопросах военной разрядки в Европе. Согласие США на переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, которые начались 30 октября 1973 г. в Вене, было продиктовано стремлением заглушить призывы в конгрессе США вывести американские войска из Европы в одностороннем порядке. Более того, США постепенно стали уходить от согласованного предмета и принципов венских переговоров, зафиксированных в Заключительном коммюнике подготовительных консультаций этих переговоров от 28 июня 1973 г. При этом, спекулируя на цифрах, США хотели бы добиться больших сокращений со стороны социалистических стран. Это осложнило переговоры и в конечном итоге завело их в тупик.

Отрицательную позицию США вместе с союзниками заняли и в вопросе о запрещении применения первыми ядерного оружия в Европе, когда СССР и другие социалистические страны сделали конкретное предложение на этот счет в ноябре 1976 г. В декабре того же года в коммюнике сессии Совета НАТО было заявлено, что в случае необходимости «страны союза не смогут отказаться от применения любых средств, имеющихся в их распоряжении»³¹. США ответили молчанием и на предложение СССР от 2 марта 1979 г. отказаться от применения первыми как ядерного, так и обычного оружия и заключить своего рода пакт о ненападении между НАТО и ОВД. Отрицательную позицию заняли США и в отношении предложения социалистических стран, изложенного в Политической декларации государств — участников Варшавского Договора от 5 января

³¹ Revue de l'OTAN. Bruxelles, 1977, vol. 25, N 1, p. 24.

1983 г., заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира.

Следует заметить, что США всегда отрицательно относились к предложениям запретить применение ядерного оружия. В 1972 г. США не принимали участия в обсуждении в ООН предложения СССР о запрещении применения ядерного оружия в более широком контексте отказа от применения силы в международных отношениях. Они не приняли участия и в голосовании подготовительного проекта резолюции, выразив скептическое отношение к нему, поскольку он якобы умалял значение Устава ООН. В 1976 г. США, наоборот, активно выступили против аналогичного советского предложения сначала в Генеральном комитете, который решает, в какой орган ООН следует передать на рассмотрение тот или иной пункт повестки дня Генеральной Ассамблеи ООН, а затем и в Политическом комитете. США не отреагировали и на одностороннее обязательство СССР об отказе от применения первым ядерного оружия, о чем представитель СССР сделал соответствующее заявление на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению летом 1982 г.

Отрицательно отнеслись США и к предложению СССР, сделанному в декабре 1977 г., о взаимном отказе от производства нейтронного оружия. Под давлением общественности Дж. Картер 7 апреля 1977 г. отложил производство нейтронного оружия. Однако в 1978 г. 1980 гг. сенат выделил средства на то, чтобы приступить к производству основных компонентов этого оружия. Администрация же Рейгана в августе 1982 г. приняла решение о полномасштабном производстве нейтронного оружия и складировании его на территории США. Не исключено, что оно будет затем размещено и в Западной Европе.

Меняя свою стратегическую доктрину и делая упор на так называемую «ограниченную» ядерную войну, в частности в Европе, США в декабре 1979 г. навязали своим европейским союзникам планы размещения на их территории 572 новых американских ядерных средств средней дальности. Осуществление этих планов коренным образом изменило бы и соотношение сил, и всю обстановку в Европе. Этого не могли не понимать союзники США, часть которых стала требовать проведения соответствующих переговоров с СССР, прежде чем приступить к реализации американских планов.

17 октября 1980 г. в Женеве начались советско-американские переговоры об ограничении гонки ядерных вооружений в Европе. Однако со сменой администрации они были прерваны 17 ноября того же года. Между тем давление союзников, европейской общественности в пользу таких переговоров росло. Все большей популярностью и поддержкой пользовалась позиция СССР, который предлагал сесть за стол переговоров, чтобы предотвратить новый тур гонки ядерных вооружений в Европе. В этих условиях США дали согласие начать переговоры о ядерных средствах средней дальности 30 ноября 1981 г. в Женеве.

18 ноября 1981 г. президент Р. Рейган выступил с предложением о так называемом «нулевом решении» проблемы, что, согласно Рейгану, требует демонтажа всех советских ракет средней дальности СС-4, СС-5 и СС-20 в обмен на отказ США от планов размещения в Западной Европе новых ядерных средств средней дальности — 108 баллистических ракет «Першинг-2» и 464 крылатых ракет наземного базирования³². Однако США намеренно не включили в свое предложение ядерные потенциалы Англии и Франции, не говоря уже об американских средствах передового базирования в Европе, нацеленных на СССР. США явно брали курс на то, чтобы завести переговоры в тупик и тем самым развязать себе руки и разместить новые ядерные средства средней дальности в Европе. Эту же цель преследовало и предложение США о так называемом «промежуточном» варианте решения данной проблемы. Согласно этому варианту СССР должен был бы, с одной стороны, сократить свой арсенал ядерных средств средней дальности, а с другой, — санкционировать размещение в Европе определенного количества новых американских ракет. Результат был бы тот же — нарушение ядерного паритета в пользу США и НАТО.

Что касается СССР, то наша страна предлагает подлинно нулевой вариант решения проблемы — полную ликвидацию в Европе ядерного оружия как средней дальности, так и тактического. Если западные державы не готовы пойти на столь радикальный вариант, то СССР согласен после обоюдных сокращений в Европе оставить у себя ровно столько ракет средней дальности, сколько их имеется у Англии и Франции, а все сокращаемые в европейской части СССР ракеты — ликвидировать.

США и некоторые другие проблемы прекращения гонки вооружений

Из других крупных проблем разоружения 70-х годов важно выделить по крайней мере две: вопрос о запрещении химического оружия и о запрещении создания новых видов и систем оружия массового уничтожения. С 1972 г. после успешного решения вопроса о запрещении бактериологического оружия на столе переговоров в Комитете по разоружению находится проект конвенции социалистических стран о полном запрещении химического оружия, развитый в предложении СССР, с которым тот выступил на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в 1982 г. Однако США ныне не готовы согласиться с таким подходом, хотя в совместном советско-американском коммюнике о встрече на высшем уровне в июле 1974 г. США высказались в пользу запрещения наиболее опасных смертоносных видов химического оружия.

³² New York Times, 1981, Nov. 19.

С 1976 по 1980 г. между США и СССР с участием технических экспертов велись переговоры с целью выработки совместной инициативы по вопросу о запрещении и уничтожении химического оружия. Хотя между сторонами и было достигнуто понимание в вопросе о широком объеме запрещения, неумеренные требования американской стороны в вопросах контроля осложняли ход переговоров, которые были прерваны по инициативе США.

Характерен подход США и к вопросу о запрещении новых видов оружия массового уничтожения. Делая ставку на свое «технологическое превосходство», США отказываются вести переговоры о каком-либо ограничении качественной гонки вооружений. Так, когда в 1975 г. СССР внес на рассмотрение ООН предложение о запрещении создания новых видов и систем оружия массового уничтожения, США не проявили интереса к этому предложению, заявив, что предмет запрещения «неясен» и поэтому нужно провести «предварительное изучение» всего вопроса³³. Генеральная Ассамблея ООН передала этот вопрос на рассмотрение Комитета по разоружению, где он вызвал большой интерес и стал предметом технического рассмотрения. США было трудно игнорировать такое развитие событий. СССР конкретизировал предмет возможного запрещения, перечислив, какие возможные новые виды оружия массового уничтожения могли бы быть поставлены под запрет. Он указал, в частности, и на возможность запрещения радиологического оружия. США проявили интерес к запрещению последнего. В результате в 1977—1979 гг. в Комитете по разоружению между США и СССР проходили двусторонние переговоры о запрещении новых видов и систем оружия массового уничтожения, в их рамках были согласованы основные элементы договора о запрещении радиологического оружия. 10 июля 1979 г. США и СССР представили их на рассмотрение Комитета по разоружению. С тех пор они являются предметом рассмотрения в Комитете по разоружению.

В целом следует отметить, что США все труднее игнорировать огромную популярность идей разоружения, всеобщее стремление к практическому и по возможности скорейшему решению острых проблем, порожденных гонкой вооружений. Это проявилось в ходе специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, состоявшихся в мае-июне 1978 г. и в июне 1982 г. Выступая на первой специальной сессии 24 мая 1978 г., вице-президент США У. Мондейл признал большую практическую значимость ограничения гонки вооружений для укрепления «национальной безопасности». Более того, он выступил с широковещательной программой из восьми пунктов, в которой подчеркивалась важность решения таких проблем, как дальнейшее ограничение стратегических вооружений, прекращение всех ядерных испытаний, укрепление режима нераспространения ядерного оружия и т. д.³⁴

³³ См., например: Док. ООН А/С.1/PV 2077.

³⁴ Department of State Bulletin, 1978, June, p. 31—34.

Однако как раз именно в это время в Вашингтоне США навязывали своим союзникам 15-летнюю программу наращивания военной мощи НАТО, действуя в полном соответствии с классической формулой «контроля над вооружениями»: одной рукой толкая гонку вооружения, другой голосуя за ее ограничение. В этом отношении следует подчеркнуть, что США на мировой арене все труднее прямо выступать против решения тех или иных проблем, порожденных гонкой вооружений. Отсюда попытки искать дипломатические ходы с целью хоть как-то сгладить очевидный негативизм позиции США в вопросах разоружения. Наиболее излюбленный способ — упор на трудности технических аспектов контроля. Это было особенно характерно для позиции США в первые послевоенные годы. Дело доходило до того, что США, например, объясняли, что решение той или иной проблемы разоружения определяется не ее остротой и неотложностью, а степенью осуществимости контроля за ее решением.

Позднее США расширили этот подход и, уходя от практического решения, например, вопроса о сокращении военных бюджетов, настаивали на проведении технических изучений этого вопроса. Нужно сказать, что в последние годы США удалось в ряде случаев толкать ООН не на решение тех или иных проблем разоружения, а на бесконечные технические исследования. Последние же должны прикрывать отсутствие у США готовности решать наиболее острые проблемы разоружения.

Позиция США в вопросах разоружения в послевоенный период в общем претерпела определенную эволюцию. США уже более не могут игнорировать растущее общественное мнение в пользу разработки и осуществления мер разоружения. Они вынуждены идти на решение этих практических проблем в интересах собственной безопасности. Это нашло выражение и в разработке Вашингтоном собственной концепции в этих вопросах, концепции «контроля над вооружениями». Однако эта концепция, как и вся позиция США в вопросах разоружения в целом, неизменно характеризуется непоследовательностью и противоречивостью. Ибо в принципе она не только допускает, но и предполагает продолжение гонки вооружений по выгодным США направлениям.

Такая позиция отражает непрекращающуюся борьбу в высших эшелонах власти США относительно роли и места военной силы в глобальной стратегии США, и прежде всего в их отношениях с Советским Союзом. Вместе с тем в США не могут не понимать, что уже давно наращивание арсеналов не ведет автоматически к укреплению «национальной безопасности». Это обстоятельство толкает наиболее дальновидных деятелей США к разработке отдельных мер по ограничению гонки вооружений. США не могут игнорировать и активную борьбу за разоружение на мировой арене, понимая важность дипломатического обеспечения своей позиции в этих вопросах в международных органах. Вместе с тем бросается в глаза крайняя

малочисленность реалистических предложений США в области ограничения вооружений. США занимают в вопросах разоружения в лучшем случае пассивную позицию, ограничиваясь лишь реакцией на предложения других.

Однако главный тормоз состоит в том, что, даже когда США идут на разработку конкретных мер по ограничению вооружений, они одновременно предпринимают шаги по дальнейшему наращиванию и совершенствованию своих вооружений. А это оказывает негативное влияние как на состояние отношений между США и их партнерами по переговорам с целью ограничения гонки вооружений, так и на ход самих этих переговоров.

Более того, как показал опыт разработки договора ОСВ-2, США порой бывают весьма ненадежным партнером по переговорам об ограничении вооружений, фактически отказываясь воплотить в жизнь подписываемые ими соглашения. А это еще более осложняет обстановку вокруг переговоров по разоружению с участием США, затрудняет достижение реальных, действенных решений.

Что касается СССР, то его принципиальная позиция на переговорах с США по вопросам ограничения гонки вооружений не ясно и четко излагалась. «Не начинать гонки вооружений там, где ее не было, прекратить ее там, где она сейчас имеет место,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Ю. В. Андропов,— вот в чем суть нашей позиции, вот чем мы руководствуемся на переговорах»³⁵. При этом была подчеркнута неизменная готовность положительно рассмотреть предложения США, направленные на решение проблем гонки вооружений в духе равной безопасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОЛИТИКА США В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В системе внешнеполитических приоритетов США задаче предотвращения расползания ядерного оружия по всему миру всегда уделялось большое внимание. Все американские администрации вне зависимости от партийной принадлежности в целом отрицательно относились к дальнейшему увеличению числа стран, обладающих ядерным оружием. В одном из докладов американского Агентства по разоружению и контролю над вооружением прямо подчеркивается: «Политика любой американской администрации с конца второй

³⁵ Правда, 1983, 25 апр.

мировой войны заключалась в том, чтобы препятствовать распространению ядерного оружия»¹.

Однако, несмотря на субъективное желание правящих кругов США не допустить распространения ядерного оружия в мире, официальная политика США в сфере ядерных вооружений в послевоенный период, как это ни парадоксально, во многом стала причиной распространения ядерного оружия. Именно эта политика способствовала появлению тех сложностей, с которыми столкнулись сами же США на современном этапе. К этому выводу неизбежно можно прийти, если рассмотреть эволюцию подхода США к проблеме нераспространения.

Первоначальная позиция США по вопросам нераспространения

Идея нераспространения родилась в США одновременно с созданием атомной бомбы. Возможность использования атомной энергии в военных целях другими странами была очевидна для правящих кругов ведущих стран Запада с самого начала. Уже в ноябре 1945 г. руководители США, Англии и Канады — трех стран, активно сотрудничавших в рамках Манхэттенского проекта (таково было кодовое название проекта создания атомного оружия), — в совместной декларации подчеркивали: «Производство атомной энергии в военных целях в значительной степени основывается на тех же способах и преобразующих процессах, которые свойственны применению атомной энергии в промышленных интересах»². Как гарантировать такое положение, чтобы атомная энергия не использовалась в военных целях, — вот вопрос, который стал обсуждаться на первых заседаниях ООН. На первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в январе 1946 г. по предложению СССР, США и Англии была принята резолюция об учреждении Комиссии по атомной энергии, в состав которой были включены представители всех 11 государств — членов Совета Безопасности и представитель Канады.

В тот момент решение этой проблемы во многом зависело прежде всего от США, поскольку именно они обладали монополией на атомное оружие. Однако разработанная Вашингтоном рецептура не соответствовала правильно поставленному диагнозу, так как была предписана для других стран, оставляя в привилегированном положении Соединенные Штаты. Слепление краткосрочными политическими преимуществами, вытекавшими из атомного статуса США, не позволило руководителям Вашингтона трезво оценить генезис самого распространения и его долгосрочные негативные последствия для американских интересов. В результате судьба американских

¹ To Prevent the Spread of Nuclear Weapons. US Arms Control and Disarmament Agency. Publication 26. Wash.: U. S. GPO, 1965, p. III.

² Documents on Disarmament, 1945—1959. Wash.: U. S. GPO, 1960, vol. I, p. 1—3.

инициатив в области нераспространения, с которыми Вашингтон выступил в 1946 г., оказалась предрешенной.

Условия, на которых США могли бы участвовать в международном сотрудничестве по использованию атомной энергии в мирных целях, были изложены в докладе Ачесона—Лилиенталя, подготовленном специальным консультативным комитетом при государственном секретаре Д. Бирнсе. Основные положения доклада и составили основу «плана Баруха».

Реализация плана предусматривала установление определенных стадий контроля над атомной энергией. Если на первой стадии под контроль брались урановые рудники, то только на последней предполагался контроль над производством атомного оружия. Время перехода от одной стадии к другой не было четко сформулировано, хотя этапы рассчитывались таким образом, чтобы соблюсти американские интересы. В докладе Ачесона—Лилиенталя указывалось, что «во время переходного периода все атомные предприятия будут по-прежнему располагаться в Соединенных Штатах... так, чтобы в случае какой-либо неудачи в реализации плана во время переходного периода США сохранили бы преимущественное положение в отношении атомного оружия»³.

Формально план предполагал, что на своем последнем этапе после установления системы международного контроля и испытания ее эффективности США должны были передать в распоряжение международного органа имевшиеся у них в наличии атомные бомбы и действующие заводы по их производству. Однако этот вопрос Вашингтон, судя по тогдашним заявлениям представителей администрации, намеревался решать в одностороннем порядке «в свете всех факторов международного положения» и исходя из соображений политики «безопасности» США.

Вместе с тем, пока шло обсуждение плана в ООН, американские правящие круги не считали себя связанными в накоплении и совершенствовании атомного оружия. Д. Ачесон, сменивший позже Д. Бирнса на посту государственного секретаря США, подчеркивал, что план не требует, чтобы Соединенные Штаты прекратили его производство либо в связи с предложением плана, либо в связи с началом деятельности международного органа⁴.

19 июня 1946 г. СССР внес на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии проект международной конвенции «О запрещении производства и применения оружия, основанного на использовании атомной энергии, в целях массового уничтожения». В проекте конвенции предлагалось: не применять ни при каких обстоятельствах атомное оружие, запретить его производство и хранение, уничтожить все запасы готового и незаконченного атомного оружия. В тот

³ A Report on the International Control of Atomic Energy. Wash.: U. S. GPO, 1946, p. VI.

⁴ Ibid.

момент именно такой подход мог эффективно решить вопрос о будущем атомного оружия, поставив его вне рамок международного закона, что привело бы к тому, что его распространение было бы прекращено в самом начале. Однако подобное предложение оказалось неприемлемо для США, так как последние считали, что будут лишены преимуществ, вытекающих из монопольного обладания атомным оружием.

Негативная реакция американского правительства на предложение СССР являлась логическим следствием сформировавшегося в то время подхода США к использованию атомного оружия как основного «дипломатического» инструмента в отношениях с другими странами мира, как неотъемлемого и главного элемента в политике с позиции силы. В контексте этого подхода «план Баруха» о будущем контроле над атомной энергией выглядел не более чем дипломатической ширмой, за которой скрывались расчеты американских правящих кругов осуществить послевоенное мирное урегулирование на своих односторонних условиях с помощью атомного шантажа.

То, что подразумевалось в «плане Баруха», было четко зафиксировано законодательно — принятием в июле 1946 г. конгрессом США закона об атомной энергии, известного как закон Макмагона. Новый закон предусматривал передачу полномочий в развитии атомной энергии в США комиссии под одноименным названием, устанавливал правительственную собственность над всеми запасами расщепляющихся материалов и ядерным оборудованием, находящимся на американской территории, и опускал занавес секретности над техникой и технологией использования атомной энергии в военных и мирных целях. В международном плане закон требовал от администрации прекращения сотрудничества в ядерной сфере с любыми другими странами, в том числе и союзниками — Англией и Канадой, которые участвовали совместно с США в разработке атомного оружия во время второй мировой войны.

Закон Макмагона проводил разграничительную линию на будущее между США как ядерной страной и другими, неядерными странами в вопросах атомной энергии, хотя «план Баруха», по официальным утверждениям американских представителей в ООН, должен был бы такой водораздел, наоборот, ликвидировать.

При таком подходе к атомной энергии со стороны США «план Баруха» оказывался абсолютно неприемлемым для других стран. С такой оценкой не могли не согласиться и объективные исследователи в самих США. План, считают они, был обречен на неудачу из-за того, что Вашингтон не собирался связывать проблему контроля над использованием атомной энергии в мирных целях с проблемой ядерного разоружения, предпочитая удерживать за собой односторонние преимущества в военной сфере. Бывший консультант сенатской комиссии по иностранным делам У. Бейдер подчеркивает в этой связи: «До тех пор пока Соединенные Штаты сохраняли монополию на атомное оружие и намеревались использовать его при

тех или иных обстоятельствах, у Советского Союза не было другого реального выбора, кроме как отвергнуть предложение, которое могло помешать его усилиям создать атомный противовес существующему преимуществу Америки»⁵.

Курс США на монопольное владение атомным оружием был очевиден и неприемлем не только для СССР. Ближайший американский союзник по «холодной войне» — Англия, хотя и поддерживала на официальном уровне «план Баруха», в январе 1946 г. взяла курс на самостоятельное создание атомного оружия. После разрыва англо-американского сотрудничества в этой области в результате принятия закона Макмагона Англия интенсифицировала работы в этом направлении. Английские правящие круги не желали мириться с существующей американской монополией и не доверяли в этих вопросах Вашингтону. Подобные соображения были характерны и для правящих кругов Франции.

Ликвидация атомной монополии США

Закономерным финалом двусмысленного подхода США к нераспространению ядерного оружия, изложенного в «плане Баруха», стал тупик в обсуждении его в ООН и роспуск в 1948 г. Комиссии ООН по атомной энергии. Нарастание американского ядерного потенциала, использование Вашингтоном так называемой атомной дипломатии для давления на другие страны стали главной причиной дальнейшего распространения атомного оружия в 40-е и 50-е годы. В 1949 г. Советский Союз провел испытание атомного оружия, положив конец монополии США. В 1952 г. в члены «атомного клуба» вступила Англия.

После ликвидации американской монополии на атомную бомбу американское руководство на какое-то время вообще перестало интересоваться вопросами нераспространения, считая, что самое худшее уже произошло — их «главный потенциальный противник» приобрел «абсолютное оружие». Известие о том, что союзник США Великобритания готовит самостоятельно испытание атомного оружия, было воспринято в Вашингтоне даже с удовлетворением, ибо рассматривалось там как вклад в военные усилия НАТО⁶. Одержимость «сдерживанием коммунизма» обуславливала стремление США использовать атомное превосходство, продолжать наращивать и совершенствовать ядерное оружие. Гонка атомного оружия переросла в создание еще более мощного — термоядерного. Атомный потенциал США перешагнул национальные границы: американское ядерное оружие и средства его доставки появились на территориях

⁵ Bader W. The United States and the Spread of Nuclear Weapons. N. Y.: Pergasus, 1968, p. 19.

⁶ См.: Lilienthal D. Atomic Energy Years, 1945—1950. N. Y.: Harper and Row, 1964, vol. II, p. 175.

других стран, на военных базах, опоясавших социалистические страны.

В первой половине 50-х годов угроза атомной войны, настойчивые попытки Советского Союза привлечь внимание народов к этой проблеме вызвали небывалый размах движения общественных сил стран мира за прекращение гонки ядерных вооружений. В то же время создание Советским Союзом в целях нейтрализации атомного шантажа США атомного, а затем и водородного (термоядерного) оружия заставило правящие круги США более реалистически взглянуть на возможности атомной дипломатии. В этой обстановке Вашингтон счел целесообразным выступить с инициативой направить развитие атомной энергии на мирные цели.

В 1953 г. президент Д. Эйзенхауэр выдвинул предложение о широком использовании другими странами мирного атома. Программа «Атомы для мира» была задумана не столько по соображениям, что она якобы принесет значительные экономические выгоды другим странам, сколько по политическим мотивам — создать у них иллюзию уменьшения использования атомной энергии в военных целях. Главный постулат программы: чем больше используется атом в мирных целях, тем меньше — в военных, — как показали последующие события, никакого отношения к программе ядерного разоружения не имел.

Одновременно с выдвижением программы «Атомы для мира» правительство США в том же декабре 1953 г. на Парижской сессии НАТО объявило о том, что оно намерено добиться изменения закона об атомной энергии и получить полномочия для передачи сведений об атомном оружии союзникам. Такое заявление способствовало разжиганию ядерных «аппетитов» у некоторых союзников США по военному блоку, которые увидели в этом возможность поднять политический вес своих стран.

Новое американское законодательство в области мирного использования атомной энергии, принятое в 1954 г., стало основой для развития сотрудничества США с союзными и дружественными странами в тех сферах, которые не имели прямого отношения к проблемам «национальной безопасности» США. Двусторонние соглашения, заключенные США с другими странами, содержали в себе положения о правах контроля и инспекции, а также обязанности других стран использовать получаемую информацию, материалы и оборудование только в мирных целях (с 1957 г. эти функции контроля стало выполнять Международное агентство по атомной энергии — МАГАТЭ).

Вместе с тем вопросы контроля в новой программе отступали на задний план перед широким развитием атомной энергетики в международном масштабе. Как справедливо отмечали М. Уилрич и Т. Тейлор, «план „Атомы для мира“ ... сигнализировал о радикальной перестановке приоритетов... до 1953 г. международный контроль фигурировал на первом месте, на втором — развитие атомной энергии в

мирных целях; теперь развитие стало на первом, контроль и инспекция — на втором»⁷.

Развитие мирной атомной энергетики в мировом масштабе во многом способствовало тому, что со временем не только секреты получения расщепляющихся материалов, их обогащения, но и технология, необходимая для производства атомного оружия, оказалась доступна для многих стран. Как образно выразился американский ученый А. Крампш, «ядерный джинн был передан другим странам на плутониевой тарелочке»⁸.

В 50-е годы программа «мирного использования» атома шла рука об руку с гонкой ядерных вооружений в США. В условиях «холодной войны» военные атомные программы американских союзников зачастую рассматривались как позитивные явления, с точки зрения интересов Вашингтона, в конфронтации США и НАТО с социалистическими странами.

В июне 1955 г. США открыли НАТО доступ к информации об использовании атомного оружия. Стремление воспользоваться распространением ядерного оружия для усиления позиции США привело к возобновлению ядерного партнерства с Англией после принятия в 1958 г. далеко идущих поправок к закону Макмагона, на основе которых в 1962 г. Лондону были проданы американские ракеты «Поларис» (в 1981 г. — система «Трайидент»).

США стимулируют распространение ядерного оружия

Формально поправки 1958 г. к закону Макмагона вроде бы не вели к «горизонтальному» распространению, т. е. передаче ядерного оружия неядерным странам, так как Англия уже произвела испытания как атомной, так и водородной бомбы. Однако новая формулировка закона, в соответствии с которой та или иная страна могла получить американскую технологическую помощь в совершенствовании своих ядерных сил, а именно самостоятельное достижение государством «значительного прогресса в развитии атомного оружия», безусловно способствовала, как показал опыт Франции, стремлению некоторых других стран к достижению статуса в ядерной сфере, аналогичного статусу Англии, чтобы вступить в привилегированное сотрудничество с США.

Одновременно Вашингтон предпринял ряд шагов по привлечению союзников по НАТО к использованию американского ядерного оружия. Начиная с 1947 г., когда две эскадрильи бомбардировщиков с атомными бомбами были дислоцированы на базах в Англии, американские войска в Европе по мере создания новых систем доставки

⁷ Willrich M., Taylor Th. Nuclear Theft: Risks and Safeguards. Cambridge: Ballinger Publishing Company, 1974, p. 180.

⁸ Dispersion of Nuclear Weapons / Ed. R. Rosecrance. N. Y.: Columbia University Press, 1964, p. 264.

получали в свое распоряжение атомное и водородное оружие. Тактическое ядерное оружие в виде ракет «Сарджент», «Першинг», «Онест Джон» получили в распоряжение американские войска в ФРГ. В 1958 г. на территориях Англии, Италии и Турции были размещены американские ракеты средней дальности «Юпитер» и «Тор». Накопление запасов ядерного оружия на территории европейских стран сопровождалось обучением военного персонала неядерных стран — членов НАТО обращению с этим оружием.

В 1959 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Л. Норстэд выступил с предложением передать часть запасов ядерного оружия непосредственно под контроль НАТО и превратить блок в «четвертую ядерную державу», с тем чтобы атлантические партнеры могли бы на равных сотрудничать в оперативном использовании этого оружия. В декабре 1960 г. на сессии Совета НАТО в Париже это предложение было официально внесено государственным секретарем США К. Гертером. Стремление сохранить максимальную гибкость в использовании ядерного оружия, в том числе возможности разделения ядерной ответственности с союзниками по НАТО, обусловило во многом негативный подход администрации Д. Эйзенхауэра к проблемам нераспространения, которые вновь стали широко обсуждаться в ООН.

В 1957 г. на XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР в меморандуме о частичных мерах в области разоружения поставил вопрос о том, чтобы государства, обладающие ядерным оружием, обязались не передавать это оружие другим государствам. В 1958 г. Ирландия внесла в Первый комитет ООН проект резолюции о предотвращении дальнейшего распространения ядерного оружия, в котором подразумевалась необходимость отказаться от его передачи другим неядерным странам. Резолюция была принята при поддержке социалистических стран, в то время как США и их союзники воздержались при голосовании, опасаясь, что такие меры могут отрицательно сказаться на планах использования атомного оружия в Европе и сотрудничества в ядерной сфере в рамках НАТО. Аналогичная картина наблюдалась и в декабре 1960 г. при голосовании по резолюции Ирландии, призвавшей «воздерживаться от передачи контроля над таким (ядерным.— Авт.) оружием государствам, не обладающим этим оружием», равно как и «информации, необходимой для производства ядерного оружия»⁹. Резолюция была одобрена Генеральной Ассамблеей 68 голосами при 26 воздержавшихся, причем США и ряд их союзников, как и раньше, воздержались, тем самым засвидетельствовав свое неодобрение линии на нераспространение ядерного оружия.

⁹ Организация Объединенных Наций и *разоружение, 1945—1970. Нью-Йорк, Док. ООН, R 70 IX 1, с. 267.

Новый взгляд на проблему нераспространения

В 60-х годах угроза дальнейшего увеличения числа стран, обладающих ядерным оружием, стала настолько реальной, что проблема нераспространения постепенно заняла одно из центральных мест в системе внешнеполитических приоритетов США. Президент Дж. Кеннеди неоднократно подчеркивал, что США должны эффективно «использовать оставшееся время», чтобы предотвратить распространение ядерного оружия, «убедить другие страны не проводить его испытаний, не передавать, не приобретать, не обладать им или не производить такое оружие»¹⁰.

Многочисленные отрицательные последствия распространения вели к одному знаменателю — уменьшению безопасности во всем мире, увеличивая вероятность возникновения ядерного конфликта, в который могли быть втянуты великие державы, в том числе США. Договор 1963 г. о частичном запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах стал прологом к ограничению гонки ядерных вооружений между США и СССР в условиях ядерного равновесия. Представители администрации США начали характеризовать возможность дальнейшего распространения ядерного оружия как «угрозу для национальной безопасности США». Испытание атомного устройства в 1960 г. Францией и в 1964 г. Китаем и увеличение материально-технических возможностей некоторых других стран по созданию ядерного оружия обусловили эволюцию подхода США к обсуждению проблем нераспространения в ООН в позитивном направлении.

Правда, на первых порах американская делегация в ООН все еще пыталась в своих предложениях по нераспространению оставить лазейки для возможной передачи ядерного оружия в распоряжение военных блоков и различным военным формированиям типа многосторонних ядерных сил (МЯС), план создания которых находился в тот период на стадии обсуждения в НАТО. В американских предложениях говорилось о том, что ядерное оружие не должно передаваться под национальный контроль государств, не владеющих им. Однако сфера ядерного сотрудничества с союзниками осталась не затронутой ограничениями. Подобные предложения США вызвали в ООН резкую критику со стороны социалистических и развивающихся стран. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 23 ноября 1965 г. содержался призыв к тому, чтобы проект договора о нераспространении не содержал «никаких лазеек, которые могли бы позволить ядерным или неядерным державам распространять прямо или косвенно ядерное оружие в любой форме»¹¹.

¹⁰ The Nuclear Test Ban Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations. United States Senate. Wash.: U. S. GPO, 1963, p. 47.

¹¹ Организация Объединенных Наций и разоружение, 1945—1970, с. 286.

4 ноября 1966 г. в ООН была принята резолюция, призывающая к устранению действий, затрудняющих достижение договоренности о нераспространении.

Заключение Договора о нераспространении ядерного оружия

Под международным воздействием в США стали все чаще раздаваться голоса в пользу скорейшего заключения Договора о нераспространении ядерного оружия.

В мае 1966 г. сенат принял резолюцию, призывающую президента США добиваться скорейшего заключения договора в этой области, которая подтолкнула администрацию Л. Джонсона к более конструктивному подходу в переговорах с СССР. В феврале 1967 г. США были вынуждены отказаться от тех пунктов в своем проекте договора, которые могли оставлять возможности для МЯС, и приступили к его согласованию с проектом СССР.

При тесном контакте США и СССР в конце концов был выработан окончательный текст Договора о нераспространении ядерного оружия. Согласно этому договору, его участники, обладающие ядерным оружием, обязуются не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывоустройства, а также контроль над таким оружием ни прямо, ни косвенно, равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к его производству или приобретению, а неядерные государства — участники договора обязуются не производить и не приобретать каким-либо образом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также не оказывать помощь в производстве такого рода оружия или устройств¹². 1 июля 1968 г. договор был открыт для подписания одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне. В первый же день Договор подписали 58 стран, включая ядерные государства — СССР, США и Англию, а 5 марта 1970 г. были депонированы грамоты СССР и США о его ратификации, что завершило процесс ратификации договора тремя ядерными государствами — его участниками (СССР, США, Англия). Поскольку 15 марта 1970 г. ратифицированные грамоты были также депонированы более чем 40 другими государствами, то Договор в соответствии с положением его ст. IX в тот же день вступил в силу.

На январь 1983 г. участниками Договора о нераспространении ядерного оружия являются 118 государств, среди них — страны, имеющие развитую атомную промышленность, — ФРГ, Италия, Япония, Канада, Швеция, Нидерланды. В то же время к договору не присоединились две ядерные державы — Франция и КНР. За его

¹² Советский Союз в борьбе за разоружение: Сб. док. М.: Политиздат, 1977, с. 44—45.

рамками осталась также группа «пороговых стран», которые вплотную подошли к практической реализации идеи создания собственного ядерного оружия, в их числе ЮАР, Израиль, Пакистан, Бразилия, Аргентина и др. Неучастие свыше 40 стран мира в договоре свидетельствует о наличии у ряда государств политических стремлений к обзаведению ядерным оружием.

70-е годы были периодом интенсивного развития атомной энергетики. Растущие потребности в энергии, рост цен на обычные виды топлива, создание высокоэкономичных и безопасных типов атомных энергетических реакторов обуславливают преимущества дальнейшего развития атомных электростанций (АЭС). Однако по мере увеличения числа АЭС возрастает производство плутония, который при соответствующей обработке пригоден для создания атомного оружия. Объем плутония, находящегося под наблюдением МАГАТЭ, увеличился с 2,5 т в 1970 г. до 100 т в 1980 г. По прогнозам, к 2000 г. ежегодное производство плутония в мире может составить 1500 т. По оценке западных экспертов, к 1990 г. только в развивающихся странах будет получено количество плутония, достаточное для изготовления ежегодно 3 тыс. атомных бомб, каждая из которых равна по мощности бомбе, сброшенной на Хиросиму.

Энергетический кризис, стимулирующий развитие атомной энергетики, обусловил у ряда стран мира интерес к промышленному извлечению плутония из отработанного уранового топлива и его дальнейшему использованию в новых видах реакторов на быстрых нейтронах — бридерах. Так называемая «плутониевая экономика», при которой широкое распространение получает применение в энергетических реакторах плутония, способствует возрастанию материально-технических способностей многих стран мира в ядерной сфере.

В результате к началу 80-х годов научно-технический прогресс сделал возможным производство ядерного оружия во многих странах, которые имеют ядерные силовые установки исследовательского и промышленного характера. По оценке Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира (СИПРИ), к 2000 г. 30—40 государств будут материально способны создать такое оружие.

Режим нераспространения и позиция США

Совершенно очевидно, что угроза ядерной войны неизмеримо возросла бы, если бы в процесс создания и накопления ядерного оружия втянулись другие государства, не обладающие им в настоящее время. Нетрудно представить, к чему могло бы привести такое развитие событий, когда в арсеналах конфликтующих стран в том или ином районе находилось бы еще и ядерное оружие.

Понимание этой угрозы привело к усилению озабоченности Соединенных Штатов проблемой нераспространения. Администрация

демократов и республиканцев неоднократно заявляли о том, что в интересах Соединенных Штатов предотвратить дальнейшее расплозание ядерного оружия. Президент США Дж. Картер в послании к стране в 1980 г. подчеркнул, что США полны решимости приложить усилия «к приостановке распространения ядерного оружия, что могло бы... угрожать безопасности Соединенных Штатов»¹³. С аналогичным по существу заявлением выступил и президент Р. Рейган 16 июня 1981 г.

По общему мнению специалистов-международников, в стратегии, направленной против расплозания ядерного оружия, важную роль играют проблемы укрепления режима нераспространения, что предусмотрено Договором 1968 г. Среди них — дальнейшее расширение состава его участников, придание договору большей универсальности, совершенствование и повышение эффективности системы гарантий МАГАТЭ, постановка под международный контроль всей ядерной деятельности в неядерных странах, установление строжайшего контроля за эксплуатацией наиболее «опасных» звеньев ядерного топливного цикла, связанных с производством расщепляющихся материалов, пригодных для создания ядерного оружия; обеспечение физической защиты мирных ядерных объектов. Все эти меры направлены на недопущение того, чтобы международное сотрудничество в области мирного использования атома и сама атомная энергетика стали каналом распространения ядерного оружия.

В 1977 г. администрация Дж. Картера выступила с обширной программой по уменьшению риска использования атомной энергии в военных целях. Ее стержнем было стремление США помешать становлению в неядерных странах «плутониевой экономики», при которой широкое распространение получили бы заводы по регенерации плутония и реакторы-бридеры, действующие на плутонии. В заявлении президента от 7 апреля 1977 г. подчеркивалось: «Ныне не существует более сложной задачи, чем та, которая связана с использованием ядерной энергии... Нет необходимости вступать в эру плутония...»¹⁴. Белый дом отдал распоряжение прекратить коммерческую переработку отработавшего топлива АЭС для извлечения плутония и заморозить промышленное внедрение в США реакторов-бридеров.

Программа основывалась на убеждении, что будет достигнуто международное согласие по данным вопросам. Во-первых, санкционировав ограничительные меры для своей атомной индустрии, США хотели подать пример другим странам; во-вторых, на дипломатическом уровне Вашингтон стремился убедить их следовать этому «хорошему примеру»; в-третьих, были предприняты усилия для достижения взаимопонимания по данным вопросам на широком международном уровне: в 1977 г. была созвана представительная кон-

¹³ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1980, Jan., 28, p. 179.

¹⁴ Department of State Bulletin, 1977, May 2, p. 429—430.

ференция по международной оценке ядерного топливного цикла (МОЯТЦ), в которой приняло участие свыше 50 государств, в том числе и социалистические страны. Вашингтонская администрация одновременно подчеркивала тот факт, что США «не пытаются навязать свою волю другим», что только на основе взаимности может быть выработана общая политика в области нераспространения.

Однако совершенно иной подход предусматривал американский закон об усилении контроля над экспортом ядерной технологии и материалов, принятый в 1978 г. Одним из ключевых положений закона стало требование о том, чтобы страны — потребители обогащенного урана для АЭС (страны капиталистического мира импортируют свыше 70% потребляемого ядерного горючего из США) согласились с американскими взглядами на дальнейшее развитие атомной энергетики. В противном случае страны-импортеры могут «наказываться» прекращением поставок урана из США. Не дожидаясь результатов МОЯТЦ и игнорируя мнение большинства стран, являющихся членами Договора о нераспространении, Соединенные Штаты в одностороннем порядке пытались установить новым законом свои нормы поведения в подходе других к проблемам, связанным с атомной энергетикой. Закон потребовал от администрации пересмотреть экспортную политику США и все существующие двусторонние соглашения по сотрудничеству в области атомной энергии, с тем чтобы они полностью отвечали основным предписаниям Вашингтона. По сути дела, настойчивое стремление поставить пределы развитию атомной энергетики превратило закон в орудие давления США на суверенные государства.

Политика США по ограничению распространения в мире заводов по переработке отработанного топлива и реакторов-бридеров вызвала резко отрицательную реакцию со стороны большинства стран мира. Развивающиеся страны расценили ее как продолжение экономической дискриминации, считая, что опасения насчет распространения ядерного оружия используются Соединенными Штатами для попыток лишить их выгод от всестороннего использования атомной энергии. Новая политика США в этой сфере, как показала Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване в 1979 г., стала квалифицироваться как подрыв всей концепции сотрудничества между Севером и Югом, предусматривающей возможно более широкий обмен передовой технологией.

Страны Западной Европы и Япония оценили действия США как стремление нейтрализовать усиление позиций основных американских конкурентов на мировом рынке ядерной технологии, подорвать их достижения, особенно в области освоения процесса регенерации и создания реакторов-бридеров, где они давно оставили позади себя американские фирмы. Несмотря на новый закон, Франция, Англия, ФРГ и Япония не скрывали своих намерений продолжать развитие «плутониевой экономики», которая, по их убеждению,

незаменима в деле обеспечения энергетических потребностей в период острой нехватки горючего.

Какую позицию занять по отношению к промышленно развитым странам: поставлять ли им обогащенный уран, который затем будет использован на заводах по регенерации плутония и в реакторах-бридерах, и тем самым создать прецедент для развивающихся стран или твердо придерживаться принципов, изложенных в новом законе, — вот дилемма, которая встала перед Вашингтоном.

Политика в области нераспространения опасной технологии была построена на посылке, что страны, использующие атомную энергию в мирных целях, с готовностью согласятся на американские поставки как ядерных реакторов, так и необходимого топлива. Однако, учитывая дальнейшее стремление большинства этих стран к политической независимости от США, вряд ли можно ожидать, что такая экономическая зависимость будет для них приемлема в долгосрочной перспективе. Скорее всего, они встанут на путь независимого от США обеспечения себя ядерной технологией и материалами или самостоятельно, или с помощью других стран.

Вашингтон не учитывал того факта, что энергетическая ситуация в государствах Западной Европы и Японии резко отличается от положения внутри США, которые на данном этапе могут себе позволить обходиться без промышленного внедрения заводов по извлечению плутония и реакторов-бридеров. В определенной степени политика США оказалась и в противоречии с выполнением обязательств ст. IV Договора о нераспространении ядерного оружия, которая предусматривает «право всех участников Договора развивать исследования, производство и использование ядерной энергии в мирных целях без дискриминации...» и рекомендует «способствовать возможно самому полному обмену оборудованием, материалами, научной и технической информацией об использовании ядерной энергии в мирных целях»¹⁵. Закономерно, что на конференции МОЯТЦ неядерные страны не поддержали американские предложения и резко осудили односторонние попытки США изменить согласованные принципы международного сотрудничества в области атомной энергии.

Острые противоречия между США и другими странами капиталистического мира по вопросам нераспространения ядерной технологии и материалов свидетельствуют о том, что в современных условиях удовлетворительное решение актуальных международных проблем возможно лишь в рамках широкого межгосударственного сотрудничества. Более того, стремление к продолжению гегемонистской политики чревато результатами, прямо противоположными тем, которые ожидаются в Вашингтоне. Не случайно последствием односторонних акций со стороны США стало очевидное стремление

¹⁵ Советский Союз в борьбе за разоружение, с. 46.

неядерных государств приступить к промышленному освоению опасной технологии, распространение которой пытался предотвратить Вашингтон. Американские эксперты сходятся во мнении, что «политика администрации в области нераспространения стимулировала планирование и строительство заводов по регенерации плутония за границей, ускорив тем самым их распространение»¹⁶.

Оппозиция большинства стран мира заставила Вашингтон пойти на определенное смягчение своей позиции в 80-е годы. Администрация Р. Рейгана заявила, что не будет возражать против освоения процессов регенерации и создания реакторов-бридеров в тех случаях, когда внедрение этой технологии не увеличивает риск распространения ядерного оружия. Под эту формулировку попадали лишь страны Западной Европы и Япония, которые и без американского согласия были полны решимости продолжать соответствующие работы.

Нераспространение как техническая и политическая проблема

Чтобы в какой-то мере компенсировать неблагоприятное впечатление от своего одностороннего подхода, Вашингтон вынужден был пойти на некоторые меры в деле дальнейшего совершенствования режима контроля и инспекции МАГАТЭ. Помимо предоставления специальной дотации в размере 10 млн. долл. на подготовку штата специалистов и создание аппаратуры для технического обнаружения нарушений, США заявили, что они будут настаивать на том, чтобы все страны, получающие американские материалы или пользующиеся американскими услугами, согласились на распространение мер контроля и инспекции на все ядерные объекты, имеющиеся на их территории.

Универсальное применение мер предосторожности, на необходимости которых давно настаивал СССР, может позволить закрыть существующую в международной системе серьезную лазейку для использования расщепляющихся материалов и технологии не по назначению. Одновременно благодаря этому может быть устранена дискриминация тех стран, которые в отличие от стран-нечленов Договора, подписав Договор о нераспространении, уже взяли на себя юридическое обязательство о постановке под международный контроль всех ядерных объектов. При соответствующем законе США могут теперь требовать распространения мер предосторожности на всю ядерную деятельность этих государств. Подобный подход заставил бы и другие страны-поставщики предпринять аналогичные меры в отношении стран-импортеров. Все это усилило бы режим нераспространения.

¹⁶ United States in the 1980's / Ed. P. Duiguan, A. Rabushko. Stanford: Hoover Institution Press, 1980, p. 522.

В американском законодательстве содержится также положение о необходимости принятия странами-импортерами мер по физической защите реакторов и соответствующих материалов, которые должны быть достаточно надежными, чтобы предотвратить риск их хищения.

Возможность санкций со стороны США в случае несоблюдения мер контроля или злоупотребления в военных целях расщепляющимися материалами может способствовать тому, что решение той или иной страны вступить на путь создания ядерного оружия окажется дорогостоящим предприятием, так как за это пришлось бы расплачиваться прекращением важного с экономической точки зрения сотрудничества в области атомной энергии.

Одновременно администрация США выразила готовность принять определенные шаги для увеличения привилегий стран-членов Договора о нераспространении по сравнению со странами-нечленами при использовании атомной энергии. На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в июне 1978 г. американский представитель подтвердил намерение США добиваться создания под эгидой МАГАТЭ фонда помощи странам-участникам Договора для развития атомной энергетики. Со своей стороны Вашингтон обязался ассигновать 5 млн. долл. для закупок этими странами обогащенного урана, чтобы помочь им осуществлять необходимые научно-исследовательские работы.

Страны-поставщики, члены так называемого «Лондонского клуба»¹⁷ (США, Англия, Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Канада, Япония, СССР, ЧССР, ГДР, ПНР), сохранили свое единство, договорившись об объявлении моратория на поставки потенциально опасных материалов и технологии и обнародовали общие принципы, определяющие их экспорт. Принципиально новый диалог был проведен на международном уровне по оценке ядерного топливного цикла, который ознаменовал собой первый шаг на пути к выработке общего подхода потребителей и поставщиков ядерной технологии и материалов к использованию атомной энергии в мирных целях.

Закономерным стал и тот факт, что усилиями стран социалистического содружества проблема нераспространения заняла одно из центральных мест в деятельности ООН, в результате чего большинство стран мирового сообщества резко отрицательно реагировали на подготовку ЮАР к испытанию ядерного оружия. Таким образом, там, где курс на конфронтацию уступал идее сотрудничества, политика США была не в состоянии воспрепятствовать достижению некоторых позитивных результатов.

¹⁷ Это название было дано прессой регулярным встречам в Лондоне представителей стран — поставщиков ядерных материалов, техники и технологии начиная с 1975 г. с целью выработки общих руководящих правил для экспорта такого рода материалов и оборудования.

Способна ли стратегия США противостоять тому вызову, который продолжает бросать международной стабильности угроза распространения ядерного оружия? Большинство экспертов по проблеме нераспространения отвечают на этот вопрос отрицательно. Такая точка зрения обосновывается в первую очередь тем, что стратегия Вашингтона ориентируется главным образом на создание технических препятствий на пути создания ядерного оружия, пытаясь уменьшить риск использования атомной энергии в военных целях, и едва затрагивает политическую сторону вопроса. Иначе говоря, США мало озабочены тем, чтобы нейтрализовать основные побудительные причины самого распространения, что в качестве неотъемлемого предварительного условия должно предполагать кардинальную перестройку международных отношений на пути углубления процессов разрядки напряженности и исключения из них ядерного оружия в качестве политического, технологического и тем более военного «рычага». Как бы ни расценивать американские предложения об ограничении распространения опасной технологии и материалов, усилении международного контроля над использованием атомной энергии в мирных целях и т. п., такая стратегия вряд ли изменит отношение стран мира к ядерному оружию — вот лейтмотив серьезных критических замечаний в адрес США¹⁸.

В обстановке, когда сами правящие круги США пытаются значительно увеличить свой ядерный арсенал, рассматривая его как основу усиления своего влияния на другие страны, будет продолжать оставаться и может даже возрасти угроза перехода ряда государств из разряда «околоядерных» в ядерные. Эту угрозу в условиях увеличения материальных возможностей стран мира в ядерной сфере все труднее становится нейтрализовать какими-либо «техническими препятствиями»; только политическое воздействие может оказать тормозящее влияние на их «ядерный выбор». Эффективность такого воздействия прямо пропорциональна степени девальвации военной и политической значимости ядерного оружия в международных отношениях. Однако конкретные шаги США в области ядерной политики оказались в резком противоречии с этим выводом.

О гарантиях безопасности неядерных держав

Важную роль в укреплении режима нераспространения играет укрепление гарантий безопасности неядерных государств, в частности вопрос о неприменении ядерного оружия против стран, отказавшихся от его обладания и не имеющих его на своей территории.

Большинство специалистов-международников сходятся во мнении, что страна, поставив подпись под Договором о нераспространении, по своей воле лишает себя возможности прибегать к ядерному оружию в случае конфронтации с ядерным государством. По-

¹⁸ См., например: *Bulletin of the Atomic Scientist*, 1978, Sept., p. 63.

этому в качестве компенсации за отказ от приобретения ядерного оружия она вправе потребовать от всех ядерных государств обязательства не применять против нее ядерного оружия. Только при таком решении вопросов безопасности неядерных государств возможно уменьшение побудительных стимулов к приобретению ядерного оружия, т. е. его нераспространение. Из необходимости укрепления режима нераспространения и вытекает срочность и неотложность мер по укреплению гарантий безопасности неядерных государств.

Именно поэтому накануне открытия Договора 1968 г. для подписания Совет Безопасности по инициативе трех ядерных держав — участниц договора — СССР, США и Великобритании — принял 19 июня 1968 г. резолюцию 255 (1968) о гарантиях безопасности неядерных держав. Резолюция гласит, что в случае агрессии с применением ядерного оружия или угрозы такой агрессии против государства, не обладающего ядерным оружием, Совет Безопасности ООН, и прежде всего его постоянные члены, обладающие ядерным оружием, «должен был бы немедленно действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН»¹⁹.

Тем не менее, несмотря на принятие такой резолюции, ряд неядерных государств, присоединившихся к Договору о нераспространении, сомневались в эффективности гарантий ввиду возможности использования права вето постоянными членами Совета Безопасности и высказывались за так называемую «принудительную форму гарантий» в виде обязательств ядерных держав никогда не применять ядерное оружие против не обладающих им государств.

В 1978 г. на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению министр иностранных дел СССР А. А. Громыко выступил с заявлением, в котором говорилось, что Советский Союз «никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения такого оружия и не имеют его на своей территории»²⁰. На XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1978 г. Советский Союз подтвердил свою решимость заключить специальные соглашения на этот счет с любой из неядерных стран и внес предложение о заключении международной конвенции об укреплении гарантий безопасности неядерных государств. Советский проект соответствующей конвенции рассматривался на последующих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и в Комитете по разоружению (Женева), однако, несмотря на широкое одобрение инициативы СССР неядерными странами, она до сих пор не нашла практической реализации из-за негативного отношения США и американских союзников по военным блокам.

Положительная реакция неядерных государств на инициативу СССР заставила и Соединенные Штаты сделать определенный шаг в этом направлении. В 1978 г. тогдашний государственный секре-

¹⁹ Организация Объединенных Наций и разоружение, 1945—1970, с. 310.

²⁰ Правда, 1978, 27 мая.

тарь С. Вэнс выступил с заявлением, в котором говорилось, что «США не станут применять ядерное оружие против каких бы то ни было неядерных стран, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия или давших какое-то подобное обязательство, связывающее их в международном плане, не приобретает ядерные взрывчатые устройства. Исключение составят те случаи, когда будет совершено нападение на Соединенные Штаты, их территорию или вооруженные силы или на их союзников со стороны государства, являющегося союзником какого-то ядерного государства или связанного с каким-то ядерным государством в осуществлении или развитии этого нападения»²¹.

Оговорки, сделанные в американском заявлении, во многом девальвировали его ценность для неядерных держав. Стремление американских правых кругов сохранить свободу рук в использовании ядерного оружия находится в резком противоречии с задачами укрепления режима нераспространения.

Подход США к проблеме безъядерных зон

Аналогичная картина наблюдается и в подходе США к вопросу о создании безъядерных зон в тех регионах мира, где налицо угроза дальнейшего распространения ядерного оружия. С одной стороны, в 70-е годы Вашингтон на словах неоднократно заявлял о своей поддержке планов создания безъядерных зон, исходя из необходимости предотвращения распространения, с другой стороны, на практике занимал обструкционистскую политику по соображениям свободы маневра в своих ядерных приготовлениях.

В этом плане показательное отношение США к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (Договору Тлателолко, названному так по имени площади, где помещается МИД Мексики, в котором договор был подписан в 1967 г.). Этот договор, выводящий из гонки вооружения целый континент, является важным компонентом системы международной безопасности, создаваемой с помощью реалистической политики разоружения, проводимой под эгидой ООН. Неотъемлемой частью договора являются два протокола к нему: Протокол I, в соответствии с которым государства, несущие де-юре или де-факто ответственность за территории, расположенные в пределах географической зоны, определенной в договоре, обязуются соблюдать на этих территориях статус безъядерной зоны, и Протокол II, в соответствии с которым государства, обладающие ядерным оружием, обязуются соблюдать статус безъядерной зоны в Латинской Америке (ныне подписанный и ратифицированный всеми пятью ядерными государствами). Протокол I непосредственно касается четырех государств — США, Нидерландов, Англии и Франции. Однако США, имеющие в зоне действия

²¹ New York Times, 1978, June 13.

договора такие владения, как зона Панамского канала, Гуантанамо, Виргинские острова и Пуэрто-Рико, хотя подписали и ратифицировали после долгих оттяжек этот протокол, но оговорили за собой право на транспортировку ядерного оружия, что тем самым подрывает саму идею безъядерной зоны.

На XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1978 г. Советский Союз с целью облегчить реализацию идей создания безъядерных зон в различных районах мира выступил с предложением о неразмещении ядерного оружия на территории государств, где его нет в настоящее время. Однако, несмотря на одобрение этого предложения неядерными государствами, США и их союзники по блокам голосовали против этого предложения. Курс Пентагона на продолжение дислокации ядерного оружия за рубежом стоит на пути реализации региональных мер по безопасности неядерных государств, право на которые предусмотрено ст. VII Договора о нераспространении ядерного оружия.

Под давлением мировой общественности, требований неядерных государств США были вынуждены в 1977 г. откликнуться на предложение СССР о полном запрете испытаний ядерного оружия и начать соответствующие переговоры с Советским Союзом. Однако затем Вашингтон занял позицию, фактически блокирующую достижение соглашения в этой области ядерного разоружения, отказавшись при президенте Р. Рейгане вести соответствующие переговоры.

Вместо вывода тактического ядерного оружия, дислоцированного за рубежом, Вашингтон взял курс на размещение в Западной Европе новых систем ракетно-ядерного оружия средней дальности, разрушая существовавшее ядерное равновесие в Европе. Белый дом принял решение о создании нового поколения стратегических ракетно-ядерных сил — «МХ», «Трайидент-2», крылатых ракет, чтобы с их помощью попытаться достичь военного преобладания в глобальном масштабе, декларировал американское право на ведение «ограниченных» и «затяжных» ядерных войн.

Такая военная политика Вашингтона в глазах неядерных стран отнюдь не свидетельствует о желании США снизить значимость ядерного оружия на мировой арене и тем самым нейтрализовать основные факторы, стимулирующие распространение ядерного оружия. Не случайно на второй конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении и выполнения государствами-участниками договора взятых на себя обязательств (1980 г.) неядерные страны выразили свое неудовлетворение по поводу отсутствия прогресса в деле ядерного разоружения и поставили вопрос о необходимости выполнения обязательств США по ст. VI Договора, указав на то, что в противном случае режим нераспространения будет непрочным и ненадежным.

Переход США на рубеже 70—80-х годов к политике жесткой силовой конфронтации с Советским Союзом, подрывая перспективы упрочения мировой безопасности, наносит серьезный ущерб реше-

нию вопросов нераспространения ядерного оружия. Даже по оценкам западных экспертов, США на практике отходят от политики сдерживания ядерных амбиций Израиля, ЮАР, Пакистана, рассчитывая с помощью этих государств укрепить свои стратегические позиции в соответствующих регионах. Более того, администрация Рейгана ограничилась лишь символическим протестом против принятой Израилем 7 июня 1981 г. бомбардировки с воздуха (самолетами американского производства) ядерного реактора в Ираке близ Багдада. Этой акцией израильское правительство нанесло серьезный удар по режиму нераспространения, подвергнув неспровоцированному нападению государство, ратифицировавшее Договор о нераспространении и соблюдающее его положения. «Прощение» Вашингтоном одному из своих главных клиентов агрессивных акций безусловно не может содействовать укреплению веры неядерных государств в действенность нынешнего международного режима мирного использования атомной энергии. Столь близорукий подход чреват негативными последствиями для дела нераспространения в целом, так как неминуемо может сказаться на ядерной политике других «пороговых» стран.

Американские правящие круги открыто выступают за расширение военно-политического сотрудничества с расистским режимом ЮАР, который не скрывал и не скрывает планов заполучить в свои руки ядерное оружие. Известно, что ЮАР еще в 1977 г. собиралась провести испытание ядерного оружия, которое тогда было сорвано благодаря своевременному сигналу СССР, сделанному в Заявлении ТАСС. В 1979 и 1980 гг. близ побережья ЮАР наблюдались таинственные яркие вспышки, которые, по мнению западных экспертов, были похожи на ядерные взрывы. Вашингтон предпочитает закрывать глаза на ядерные приготовления ЮАР, намереваясь широко использовать расистский режим в своей политике в Африке. Президент США Р. Рейган называет ЮАР «дружественным и союзным государством». Блок НАТО рассчитывает получить военные базы на ее территории и осуществлять тесную координацию своих военно-морских соединений с силами ЮАР на стыке Атлантического и Индийского океанов.

Одержимость администрации Р. Рейгана антисоветизмом привела к резкому уменьшению ее сопротивления ядерным амбициям Пакистана. Администрация добилась от конгресса отмены «поправки Саймингтона» (1976 г.) к закону о военной помощи, которая запрещала поставки вооружений странам, осуществляющим тайные работы в ядерной области. Вашингтон обещал оказать Исламабату военно-экономическую помощь на сумму 3,2 млрд. долларов на протяжении пятилетнего периода, принял решение продать Пакистану 40 истребителей-бомбардировщиков F-16, которые могут быть использованы и как средства доставки ядерного оружия. Официальные лица в Ва-

²² Detente or Debacle: Common Sense in US — Soviet Relations / Ed. F. Neal. N. Y.: W. W. Norton and Co, 1979, p. 70.

шингтоне утверждают, что поставки обычных вооружений, дислокация американских вооруженных сил на территории Пакистана якобы приведут к ослаблению стимулов к созданию ядерного оружия у этой «пороговой» страны. Однако факты свидетельствуют об обратном — темпы ядерных приготовлений Пакистана ускоряются. Это не может не вызывать законную озабоченность у соседней Индии, которая заявила, что будет вынуждена принять соответствующие меры, если Пакистан станет ядерным государством.

На современном этапе, когда все более широкое освоение мирной ядерной технологии, овладение соответствующими техническими знаниями могут облегчить возможность перехода к военным атомным программам, перед международной политикой в области нераспространения встают новые задачи — она требует не конфронтации, а разрядки напряженности, не гонки ядерных вооружений, а реального ядерного разоружения. Ее конечная эффективность будет зависеть от развития негативного подхода во всемирном масштабе к самому факту обладания ядерным оружием, чему должны способствовать своими практическими действиями в области разоружения ядерные государства, и прежде всего Соединенные Штаты, как страна, первая начавшая гонку ядерного оружия. Несмотря на очевидную необходимость этих шагов для решения вопросов нераспространения ядерного оружия, США продолжают курс на дальнейшую гонку ядерных вооружений и силовое противоборство с СССР, другими социалистическими странами и большинством развивающихся неядерных государств.

Трезво мыслящие американские ученые и политологи неоднократно выступали против такого курса США, считая, что он может только способствовать распространению ядерного оружия. Например, профессор Дж. Кистяковский предостерегал: «Без советско-американского сотрудничества... распространение ядерного оружия по всему миру несомненно ускорится»²². Однако, как показывают события начала 80-х годов, Вашингтон ради своих краткосрочных и проблематичных выгод готов поступиться долгосрочными интересами международной безопасности.

Таким образом, современная политика США в сфере нераспространения ядерного оружия глубоко противоречива и непоследовательна. Вашингтон своими действиями, направленными на нагнетание напряженности в мире, на неограниченное наращивание своего ядерного потенциала, фактически стимулирует процесс дальнейшего распространения ядерного оружия.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

В период после второй мировой войны перед США, как и другими государствами мира, остро встал целый ряд проблем, выходящих за национальные рамки, имеющих, по сути дела, общемировой характер. Они выросли из противоречий развития человечества и затрагивают интересы всех стран и народов мира. В научной литературе их принято называть общемировыми, глобальными проблемами современности.

Именно тот факт, что человечество в целом уже достигло весьма высокого уровня развития, обусловил внимание к этим общемировым проблемам, решение которых затрагивает судьбы всех народов и требует от них согласованных усилий по скорейшему ослаблению остроты этих проблем. Знаменательно также и то, что появление общемировых проблем свидетельствует об усилении и углублении взаимосвязей между различными сферами и областями человеческой деятельности, об усложнении процессов, лежащих в основе развития современных международных отношений. На наших глазах всемирно-исторический процесс приобретает новые характеристики, концентрированным выражением которых и стали глобальные проблемы современности.

В настоящее время уже достаточно очевидно, что борьба за укрепление мира и ослабление международной напряженности, за коренную перестройку мировых экономических отношений, за создание гармонии общества и природы, за всестороннее развитие человеческой личности неотделима от целенаправленных усилий по изучению общемировых проблем и содействию их скорейшему разрешению.

Понимание глобальных масштабов этих новых проблем, появившихся на повестке дня практической деятельности человечества, вытекает из марксистской концепции интернационализации хозяйственной, политической и духовной жизни народов в современную эпоху. На фоне тех негативных процессов в международных отношениях, которые развиваются в начале 80-х годов усилиями США и других стран НАТО, становится еще более ясно, что именно интернационализация жизни государств является важнейшим императивом дальнейшего прогресса цивилизации. Следует также подчеркнуть, что в то время, как конвергенция социализма и капитализма невозможна, их мирное сосуществование и соревнование, наращивание экономических и научно-технических потенциалов, «работающих» на обеспечение прогресса всего человечества, является важным компонентом современного этапа истории, от совершенствования которого зависит будущее человеческого общества.

Характер и масштабы общемировых проблем

Марксистская наука причисляет к числу глобальных проблем современности минерально-сырьевую, борьбу с голодом и болезнями, охрану окружающей среды, исследования космоса и освоение ресурсов Мирового океана, преодоление экономической и научно-технической отсталости в развивающихся государствах. Принципиальная позиция Советского Союза по этим проблемам была изложена на XXV съезде КПСС: «Уже сегодня,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС,— достаточно важны и актуальны такие глобальные проблемы, как сырьевая или энергетическая, ликвидация наиболее опасных и распространенных заболеваний и охрана окружающей среды, освоение космоса и использование ресурсов Мирового океана. В перспективе они будут оказывать все более заметное влияние на жизнь каждого народа, на всю систему международных отношений»¹.

Бурные процессы научно-технической революции, по-разному протекающей в государствах с различным социальным строем, новые явления в сфере материального производства, вытекающие из все более широкого использования государствами в своей хозяйственной деятельности новейших достижений науки и техники, соизмеримых по своей мощности с природными процессами и уже оказывающих (в ряде случаев необратимое) воздействие на биосферу планеты, можно считать теми материальными факторами, которые способствуют формированию и обострению глобальных проблем современности, превращают их в важную область международных отношений.

Среди американских ученых и политических деятелей нет единого мнения относительно того, какие проблемы следует причислять к разряду глобальных. Ряд исследователей склонны называть глобальными проблемами кризисные явления — «вызовы» или опасности, грозящие капитализму. И не случайно такого рода перечни обычно довольно пространны и нередко включают проблемы, актуальные для США и других капиталистических государств, которые тем не менее трудно квалифицировать как общечеловеческие. Вот наиболее типичный из таких перечней: «Ни одно государство не может обеспечить себе даже главный символ национальной независимости — ценность своей валюты: как инфляция, так и спад имеют международные масштабы. Таков же характер и других проблем, которые мы обычно считали в первую очередь „внутренними“». Энергия, загрязнение окружающей среды, права человека, расовые трения, нищета, образование, исследования, наука, бизнес, труд, продовольствие, транспорт, народонаселение, культура, связь, тер-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политгиздат, 1976, с. 58.

роризм, революционные перемены, соблюдение правовых норм, вооружение, наркотики, религия, идеология — любая из перечисленных проблем имеет международные аспекты, которые вполне в состоянии сравниться по важности с ее внутренними аспектами сейчас или в ближайшем будущем и даже перевесить их»².

Тем не менее подавляющее большинство серьезных американских ученых относит к числу глобальных проблем именно общемировые проблемы, связанные с системой «человек—природа» и вызванные к жизни в первую очередь тем, что человечество в связи с нынешними масштабами его деятельности превратилось в силу, сопоставимую с силами природы, что требует не узконационального, а общечеловеческого подхода к решению проблем, либо порожденных катастрофическими последствиями «нормальной» человеческой производственной деятельности, либо же требующих небывалых доселе масштабов усилий для того, чтобы поставить неиспользованные еще потенции и ресурсы природы на службу населению планеты.

В этом смысле заслуживает внимания оценка глобальных проблем и их первичная классификация, содержащаяся в работе сотрудника Центра международных отношений Гарвардского университета Р. Паарлберга: «Только вчера глобализм отвергался как всеобъемлющий стиль внешней политики, как опасное преувеличение национальных интересов и амбиций... По всей вероятности, безусловные изменения претерпели вопросы повестки дня международных отношений. Когда-то в этом круге вопросов доминировали соображения безопасности, теперь он значительно расширился и включил в себя проблемы, связанные с обеспечением благополучия,— продовольствие, энергетику, демографию, экологию, истощение ресурсов и неравномерность в распределении доходов, т. е. проблемы, которые, по всей вероятности, невозможно эффективно отрегулировать на уровне государства. Для решения этих более далеко идущих проблем, включенных в повестку дня внешней политики, ее руководители, воспитанные на арифметике национальной безопасности, должны будут овладеть формулами экономической взаимозависимости, весьма совершенными методами математического анализа всемирных сделок и благосостояния в масштабах планеты»³.

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые американские исследователи в своем стремлении объективно исследовать генезис и основные признаки глобальных проблем, а также их влияние на внешнюю политику США поднимаются до признания иррациональности и бессмысленности продолжения курса на разрешение противоречий на международной арене исключительно военными средствами. По их мнению, курс на продолжение гонки во-

² Foreign Service Journal, 1976, May, p. 10.

³ Foreign Affairs, 1976, Apr., p. 563.

оружий ради возвращения США иллюзорного военного превосходства фактически способствует дальнейшему обострению глобальных общечеловеческих проблем.

Основные признаки глобальных проблем

Независимо от того, какие аспекты глобальных проблем современности американские ученые и политические деятели выдвигают на передний план, уже сегодня можно говорить о целом ряде объективных характерных черт, свойственных глобальным проблемам.

Первая общая черта глобальных проблем — международные (транснациональные), а иногда даже планетарные масштабы проявления. Как признают сотрудники корпорации «Ресурсы для будущего», глобальные проблемы — это такие, «которые физически затрагивают все или почти все государства мира или в качестве субъектов (источников), или в качестве объектов ущерба, или одновременно в двух этих качествах»⁴. В ряде случаев (как это имеет место, например, с экологической проблемой) это масштабы проявления отрицательных последствий научно-технического прогресса, которые накапливаются в результате интенсивной иррациональной деятельности некоторых государств, в первую очередь капиталистических, игнорировавших в своей хозяйственной деятельности соображения охраны природы и рационального использования ресурсов. Экспоненциальный рост загрязнений воздушного бассейна, внутренних водоемов, Мирового океана поставил проблему охраны окружающей среды в разряд глобальных и потребовал значительных усилий большинства стран, а не только главных «загрязнителей».

В случае, например, с освоением космоса речь идет о планетарных масштабах проблемы, требующей чрезвычайно дорогостоящей и уникальной техники для исследований и решения практических задач. Околосредное космическое пространство и тем более межпланетное пространство не подлежат национальному присвоению. Как и Мировой океан, космос причислен Организацией Объединенных Наций к «общему наследию человечества». Космическая техника, дающая возможность получать информацию в масштабах всей нашей планеты (дистанционное зондирование, применение «национальных средств контроля» за мероприятиями по ограничению вооружений, а также сбор метеорологических и экологических данных) или распределять ее в масштабах планеты (космическая связь, навигация, геодезия), делает ее эффективным инструментом решения политических, экономических, социальных проблем в интересах всего человечества. Однако милитаризация космоса и Мирового океана существенно ограничивает возможности использования новейшей и

⁴ Science, 1971, June 25, vol. 172, p. 1308.

весьма совершенной техники в интересах истинного социально-экономического прогресса. В частности, в космической программе США, равно как и в деятельности по освоению Мирового океана, углубляется тенденция к использованию прикладных космических систем для получения односторонних преимуществ и проведения экспансионистских политических и экономических акций, в то время как Советский Союз стремится сделать космическую технику инструментом равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств.

Для всех глобальных проблем свойственна объективная острота, в силу которой они и выделились в особую группу проблем, требующих для своего решения значительных материальных и интеллектуальных ресурсов государств, а иногда и создания специализированных международных органов. Различные глобальные проблемы неодинаковы по своему характеру и остроте, и для их ослабления требуются неодинаковые усилия.

Острота демографической проблемы, например, выражается в простых показателях, таких, как прирост населения планеты в абсолютных цифрах и в процентном отношении, которые сравниваются с возможностями государств удовлетворить материальные и духовные потребности растущего населения. Вот как характеризует остроту глобальной демографической проблемы Л. Браун: «Если раньше рост населения всегда способствовал росту потребностей, сейчас этот процесс (рост потребностей и вызываемое им дальнейшее расширение производства.— Авт.) начинает уже пагубно сказываться на продуктивности некоторых локальных биологических систем, толкая людей на истощение самой основы своего потенциала ресурсов»³.

Еще одной общей чертой всех глобальных проблем является их комплексность, присутствие в них сложного взаимодействия технико-экономических, социальных, природных и других факторов, определяющих растущее значение этих проблем в мировой политике и экономике, а также специфику принятия государствами решений относительно действий по частичному или полному их разрешению.

Из всего комплекса факторов следует особо выделить экономические, отражающие качественные и структурные сдвиги в мировой экономике в связи с необходимостью осваивать все более значительное количество ресурсов для решения традиционных и принципиально новых задач, стоящих перед государствами. Экономическая сторона глобальных проблем современности тесно взаимодействует с природно-сырьевыми факторами, вытекающими из резко возросших масштабов хозяйственной деятельности государств. Это выражается, в частности, в увеличении вероятности причинения природной среде ущерба, ликвидировать который естественным путем даже в течение продолжительного времени невозможно. Вместе с тем растущие

³ *Brown L. The Twenty Ninth Day. N. Y.: W. W. Norton & Company Inc., 1978, p. 72.*

возможности технических потенциалов позволяют извлекать и использовать в различных целях все более значительные объемы минеральных ресурсов, соизмеримые с их запасами, доступными для освоения на современном уровне развития науки и техники. В этой связи стала весьма актуальной проблема исчерпаемости («конечности») невозобновляемых ресурсов планеты, которая с особой остротой проявляется сначала на национальном уровне в отношении минерального сырья, находящегося в пределах национальной территории, а затем станет все более ощутимым ограничивающим фактором для мировой экономики в целом.

Буржуазные политические деятели и ученые уже неоднократно демонстрировали неизменность своей методологической позиции по отношению к той или иной глобальной проблеме. Любую из них, достигшую кризисной остроты в капиталистических странах («экологический кризис», «энергетический кризис», перебои в снабжении минеральными и сырьевыми ресурсами и т. д.), квалифицировали как «болезнь цивилизации», не поспевающей за быстрыми темпами технического прогресса. Наиболее типичен в этом плане один из выводов первого доклада «Римскому клубу», положившего начало комплексному анализу основных параметров глобальных проблем и тенденций их развития: «Если современные тенденции роста населения планеты, промышленного развития, производства продовольствия и истощения природных ресурсов останутся неизменными, то где-то в ближайшие 100 лет человечество достигнет пределов роста»⁶.

Не следует забывать, что глобальные проблемы достигли сегодняшней остроты в результате интенсивной и бездумной по отношению к будущему деятельности не всех, а прежде всего каких-то конкретных государств. О «вкладах» капиталистических государств, и в первую очередь США, в общий объем мировых загрязнений, об их доле в мировом потреблении природных ресурсов, их участии в хищническом присвоении биологических и минеральных богатств могут свидетельствовать такие данные: по состоянию на вторую половину 70-х годов развитые капиталистические страны, производя 53% мировой промышленной продукции, создавали 63% объема мировых загрязнений. Для стран СЭВ эти цифры составляли соответственно 33 и 15% (14% промышленной продукции и 22% загрязнений — «доля» развивающихся государств)⁷.

Занимая менее 1% всей поверхности планеты и имея лишь около 6% населения, США создают около половины всего объема мировых загрязнений. Сами американские исследователи подсчитали, что каждый житель США причиняет биосфере планеты такой же

⁶ Meadows D. et al. Limits to Growth. N. Y.: Universe Books, 1972, p. 23.

⁷ Правда, 1979, 7 мая.

ущерб, как 25—50 жителей Индии⁸. Потребление же энергии в США на душу населения почти в 20 раз больше, чем в Турции, в 50 раз больше, чем в Пакистане, и более чем в 100 раз выше, чем в Нигерии⁹. Ущерб от загрязнений на рабочих местах в самой Америке весьма значителен: по этим причинам не менее 100 тыс. человек ежегодно погибают на производстве и еще 390 тыс. американцев получают тяжелые заболевания¹⁰.

Продолжая хищническую, расточительную политику, США и другие капиталистические государства стремятся переложить все издержки этой политики на другие государства, в первую очередь развивающиеся, что приводит к обострению глобальных проблем.

Все глобальные проблемы отличает также динамизм, проявляющийся в их неодинаковой остроте в конкретных исторических, политических и социально-экономических условиях. Вследствие этого проблемы, причислявшиеся к глобальным во второй половине 70-х годов, могут отличаться по существу и остроте от таких же проблем, например, конца 80-х годов. Активные действия государств, переключение материальных и людских ресурсов на решение наиболее острых и актуальных проблем такого масштаба могут привести к перемещению этих проблем на более низкое место в реестре «кризисных глобальных проблем», а возможно, даже в разряд региональных или национальных проблем. В то же самое время вероятно включение в разряд глобальных новых проблем, которые обостряются и потребуют пристального внимания государств (управление погодой и климатом, предотвращение землетрясений, борьба с распространением пустынь, освоение ресурсов Арктики и Антарктики и т. д.).

И наконец, еще одним отличительным признаком, характерным для всех глобальных проблем, является конфликт ярко выраженного общечеловеческого начала и специфических целей отдельных государств, ориентирующихся в своей деятельности в соответствующей сфере на достижение собственных узких прагматических интересов в ущерб интересам человечества. Сам факт причисления проблемы к разряду глобальных поднимает ее на транснациональный, планетарный уровень и обуславливает необходимость ее изучения и решения с учетом не только сегодняшних реалий, но и судеб всей цивилизации. Именно поэтому такие черты в развитии экономики и научно-технического прогресса в США и других капиталистических государствах, как резко выраженная тенденция к милитаризации или стремление политического руководства этих го-

⁸ См.: *Thompson D. The Economics of Environmental Protection. Cambridge (Mass.): Winthrop Publishers. 1973. p. 4—5; A Foreign Economic Policy for the 1970's. Hearings before a Subcommittee of Joint Economic Committee Congress of the United States. 91st Congress, 2nd Session. Wash.: U. S. GPO, 1970, Pt 3, p. 616.*

⁹ *Brown L. Op. cit., p. 134.*

¹⁰ *U. S. News & World Report, 1977. Febr. 7, p. 42.*

сударств сделать научно-технический потенциал инструментом политического шантажа и экономического диктата по отношению к другим государствам, явно противоречат общегуманистическим принципам, обязательным для успешного решения глобальных проблем коллективными усилиями человечества.

Внешняя политика США и глобальные проблемы

Объективный характер глобальных проблем современности, их все более очевидное значение для каждого народа, каждого государства и для всего человечества стали причиной того, что в 70-х годах в системе международных отношений произошли качественные сдвиги, появились новые формы совместной деятельности государств, призванные обеспечить решение этих актуальных для настоящего и будущего проблем. Первой линией качественной трансформации отношений между государствами можно считать регулярное обсуждение состояния конкретных глобальных проблем и анализ наиболее перспективных путей их решения совместными усилиями государств.

Если обратиться к проблематике крупных международных конференций, которые проводились в последние годы Организацией Объединенных Наций, к вопросам, которые обсуждались на региональных форумах на уровне глав правительств или министров иностранных дел, в ходе многосторонних встреч и совещаний на высшем уровне, то станет очевидным, что наряду с традиционными проблемами политических и экономических отношений, мерами по укреплению безопасности и ограничению вооружений на них обсуждались многие глобальные проблемы. Предметом серьезного международного обсуждения стали охрана окружающей среды, практические результаты и перспективы развития в интересах человечества космонавтики, возможности решения продовольственной проблемы, проблемы роста городов, народонаселения, борьбы с распространением пустынь, различные аспекты деятельности государств по исследованию и использованию ресурсов Мирового океана (в рамках Конференции по морскому праву), использованию достижений науки и техники в целях развития, проблемы новых и возобновляемых источников энергии и т. д.

Вторая линия, свидетельствующая о появлении в межгосударственных отношениях новых форм деятельности, призванных обеспечить решение глобальных проблем современности, находит свое выражение в стремлении государств учесть состояние этих проблем, их проявление в пределах собственной территории и территории ближайших географических соседей или в каком-либо регионе и на основе такой оценки принять совместные (двусторонние или более широкие) меры по ослаблению их наиболее опасных проявлений. Эта линия проявляется в обсуждении согласованных мер по решению глобальных проблем на двусторонних встречах на высшем и

на высоком уровне и в формулировании соответствующей позиции государств, выразивших желание развивать двустороннее сотрудничество в решении актуальных для всего человечества проблем. Уже можно назвать немало международных документов, регулирующих двусторонние отношения государств с различными социальными строем, которые содержат пункты, характеризующие согласованные позиции по глобальным проблемам. Это свидетельствует о повсеместном признании, хотя и в неодинаковой степени, остроты этих проблем и готовности вносить вклад в их решение. В то же время нельзя не видеть, что односторонние акции некоторых государств, продиктованные конъюнктурными политическими интересами, могут причинить значительный ущерб важному делу международного сотрудничества в решении глобальных проблем. Наиболее показательна здесь позиция США.

В июле 1975 г. Г. Киссинджер, занимавший в то время пост государственного секретаря США, изложил официальное отношение США к глобальным проблемам следующим образом: «Наша взаимозависимость на этой планете становится центральным фактором нашей дипломатии. Энергия, ресурсы, окружающая среда, использование космоса и морей — все это проблемы, положительные и отрицательные последствия которых выходят за рамки национальных границ. Они несут в себе семена политических конфликтов для грядущих поколений, они бросают вызов возможностям международного сообщества, выдвигают новые требования к видению мира и к руководству государством»¹¹.

Глава демократической администрации Дж. Картер в своих выступлениях не раз обращался к глобальным проблемам современности, рассматривая те или иные их аспекты во взаимосвязи с важнейшими международными событиями и кризисными явлениями внутри США. В речи в Нотр-Дамском университете он призывал другие страны «подняться выше национальных интересов» и направить свои усилия на решение обострившихся глобальных проблем. В послании конгрессу по проблемам охраны окружающей среды 23 мая 1977 г. Картер сообщил о своем распоряжении ведомствам федерального правительства детально изучить «вероятные изменения мирового населения, состояния природных ресурсов и окружающей среды до конца текущего столетия»¹². В заявлении президента в связи с выходом этого объемистого документа обращалось внимание на тот факт, что содержащиеся в докладе прогнозы «могут и должны служить своевременными тревожными предупреждениями государствам мира о необходимости активных решительных действий как на национальном, так и на международном уровне»¹³.

¹¹ Department of State Bulletin, 1975, Aug. 4, p. 150.

¹² Weekly Compilation of Presidential Documents, 1977, May 30, p. 792.

¹³ Weekly Compilation of Presidential Documents, 1980, July 28, p. 1415.

Рассуждая об интересах человечества в целом, в своем практическом подходе к решению глобальных проблем американское правительство на деле до сих пор превыше всего ставит не общечеловеческие нужды, а именно корыстный «национальный интерес» Соединенных Штатов. Участие в решении глобальных проблем, считают в Вашингтоне, должно помочь США восстановить американское лидерство в мире путем приложения средств и капиталов для такого решения этих проблем, которое бы упрочивало военно-политические позиции США. Только в такой увязке с прагматическим «национальным интересом» США лидеры американского капитализма и американские монополии готовы вносить свой вклад в решение глобальных проблем.

Позиция США по глобальным проблемам отличается постоянством лишь в том плане, что американский научно-технический потенциал и опыт решения соответствующих проблем на национальном уровне квалифицируются как единственное средство, прибегая к которому можно ослабить остроту глобальных проблем современности в масштабах планеты. Однако, как это явствует из позиции Вашингтона, воспользоваться американской техникой и опытом страны и народы могут, только признав целесообразность продолжения политических и экономических процессов, благоприятных для США.

Направить государство в русло американской политики, заставить их искать возможности приобщения к американской технике, которая сама по себе якобы может освободить человечество от социально-экономических и политических проблем настоящего и будущего,— этим целям подчинены рассуждения о нестабильности современной обстановки в мире, о назревающих потрясениях, о необходимости смены правительств (но не социальных преобразований), о пересмотре традиционных систем ценностей, этических и моральных норм.

Уже упоминавшийся американский исследователь Л. Браун, выступающий за серьезное отношение к глобальным проблемам современности, призывающий выделять на эти цели ресурсы, планировать международные мероприятия, считает, что их обострение — результат «близорукости политических руководителей, которые стремятся удержаться у власти еще один год или еще один срок и поэтому в своей деятельности неохотно заглядывают в отдаленное будущее, без чего невозможно решение таких долгосрочных социальных проблем, как восстановление лесов, консервация энергии или стабилизация населения»¹⁴. Л. Браун, как и многие другие буржуазные исследователи, доказывает, что аналитические способности человечества явно уступают сложностям современного мира и этот разрыв будет возрастать и дальше. Экспертам не удалось предвосхитить энергетический кризис, перебои в снабжении продовольствием, рез-

¹⁴ *Brown L. Op. cit., p. 10.*

кий рост инфляции, кардинальные перемены в международной политической системе, истощение ресурсов рыбы в основных районах лова, экономический спад в глобальных масштабах, равного которому не было со времен великой депрессии.

Обострение глобальных проблем представляется как логическое следствие прогресса человечества, который не может не сопровождаться сложными периодами ломки традиций, совершенствования экономических структур, перестройки государственных и частных организаций. Американские ученые готовы признать, что «ближайшие два десятилетия будут в значительной степени насыщены социальными переменами, которые будут весьма кардинальными, какой бы исторической меркой их ни измеряли»¹⁵. В частности, автор наиболее широко известных на Западе алармистских бестселлеров по проблемам футурологии Э. Тоффлер оценивает потрясения общего кризиса капитализма середины 70-х годов «как крушение индустриальной цивилизации на планете и первое фрагментарное проявление совершенно нового и кардинально отличного от прежнего социального порядка: сверхиндустриальной цивилизации, которая будет технологической, но перестанет быть индустриальной»¹⁶.

Алармизм и драматизм буржуазных оценок такого рода призваны обособовать необходимость изменений, издержки которых должны быть готовы взять на себя широкие массы трудящихся в капиталистических и развивающихся странах. Однако эти изменения предполагается ограничить рамками капитализма, который, по мнению многих социологов, политологов, философов, будет эволюционировать и совершенствоваться.

Американские политологи, философы и футурологи много рассуждают об «одинаковой судьбе» государств с различным социальным строем перед лицом глобальных проблем современности, стремясь отвлечь внимание мировой общественности от все более очевидного факта неспособности и нежелания капитализма выделять значительные ресурсы на ослабление их остроты. Именно в силу того, что США и другие капиталистические страны трактуют общечеловеческий смысл глобальных проблем как основание для привлечения всех государств к деятельности по ликвидации ущерба, причиняемого человечеству и природе в первую очередь капитализмом, и появляются концепции «космического корабля Земля», «взаимозависимого глобального сообщества», переживающего «экоспазм» на стадии «технотронной цивилизации».

Американские концепции глобальных проблем современности отражают поиски политическим руководством ведущего империалистического государства средств и методов сохранения позиций империализма на мировой арене. Они тесно смыкаются с концепциями

¹⁵ Ibid., p. 10.

¹⁶ Toffler A. The Eco-Spasm Report. N. Y.: Bantam Books, 1975, p. 3.

«технологической дипломатии», постулирующей право США навязывать другим государствам политические и экономические курсы на международной арене в качестве платы за приобщение к потенциалу американской техники.

Глобальные проблемы особенно активно обсуждаются представителями школы «международных функционалистов», стремящихся направить совместную деятельность государств в первую очередь на сглаживание обострившихся проблем, а не на искоренение причин, вызывающих кризисные явления уже не в отдельных странах, а в масштабах планеты. Отрыв экономических, технических, экологических аспектов деятельности государств от важнейших социально-политических процессов современности — весьма характерная черта общего подхода американских исследователей этой новой области международных отношений. В трактовках представителей различных направлений американской глобалистики сама система международных отношений предстает в первую очередь как некий механизм для разрешения проблем, которыми «болеет» современный капитализм, а не как арена прогрессивных преобразований, ведущих к исключению войн из арсенала средств разрешения разногласий между государствами, искоренению неравенства и угнетения, к утверждению равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех государств.

Конец 70-х — начало 80-х годов были отмечены в США возрождением целого ряда изживших себя тенденций прошлого, которые в отношении глобальных проблем можно квалифицировать как попытки принизить их общечеловеческую сущность, растущую актуальность для всех стран и народов, стремление принести их в жертву узкопонимаемым сиюминутным потребностям «национальной стратегии» США, обостряющей политическую атмосферу в мире, инициирующей новый опасный виток гонки вооружений. Бурный рост шовинистических настроений среди высшего государственного руководства США, особенно резко проявившийся после прихода к власти администрации Рейгана, принес существенный ущерб сложившемуся в 70-х годах, в первую очередь благодаря успешному развитию советско-американских отношений, конструктивному подходу многих государств к решению глобальных проблем.

Администрация Р. Рейгана фактически встала на путь пересмотра ряда норм и принципов сотрудничества государств в решении глобальных проблем. Достаточно напомнить одностороннюю акцию США на заключительном этапе Конференции ООН по морскому праву, когда республиканская администрация сменила руководство делегации США на конференции и пыталась сорвать принятие уже согласованных важных международных документов, которые должны были регулировать совместную деятельность государств по освоению Мирового океана.

Администрация Рейгана провозгласила жесткий утилитарный курс в своих отношениях с другими странами, в том числе и в

сфере решения глобальных проблем. Совету Национальной безопасности вменено в обязанность координировать проблемы международной экономической политики, в которой предполагается уделять больше внимания использованию американской экономической мощи как средства достижения задач внешней политики. Подход республиканской администрации к использованию технических потенциалов и других ресурсов, которыми располагают США и которые могли бы помочь другим странам уменьшить остроту проявления у них тех или иных глобальных проблем, особенно ярко проявляется в заявлениях ее высокопоставленных лиц. В частности, министр сельского хозяйства Дж. Блок заявил, что наилучший способ использования продовольствия, этого «величайшего оружия» США, должен состоять в вовлечении других стран в орбиту американской политики: «По мере того как они будут становиться все более зависимыми, они будут стремиться меньше разочаровывать нас (США.— Авт.)»¹⁷. В то же время США все более активно претендуют на ресурсы других стран. В своем докладе конгрессу о военном бюджете США на 1984 фин. г. министр обороны К. Уайтбергер прямо заявил, что США наращивают мощь в том числе и для того, чтобы «защитить доступ к иностранным рынкам и заморским ресурсам»¹⁸.

Еще более откровенно националистическая позиция США, стремящихся поставить превыше всего интересы американских и транснациональных корпораций в отношении глобальных проблем, была сформулирована в выступлении государственного секретаря Дж. Шульца 26 мая 1983 г. в Нью-Йорке перед Ассоциацией иностранной политики, в котором он фактически провозгласил курс на широкую экспансию в развивающихся странах. Результатом такой политики станет дальнейшее обострение глобальных проблем, появление серьезных препятствий на пути социально-экономического прогресса человечества.

Новый виток гонки вооружений, в который США стремятся втянуть человечество, препятствует переключению усилий и ресурсов на решение минерально-сырьевой, энергетической, экологической, демографической и других глобальных проблем, 650 млрд. долл., израсходованные в мире в 1982 г. на производство и закупки вооружений,— это один из наиболее важных факторов, ведущих к обострению глобальных проблем, это ресурсы, которые не были направлены на решение важнейших созидательных социально-экономических задач.

¹⁷ The Interdependent, 1981, Jan.-Febr., p. 3.

¹⁸ Weinberger C. W. Annual Report to Congress. F. Y. 1984, Wash. G. P. O., 1984, p. 15.

Глобальные проблемы и советско-американские отношения

Нормализация советско-американских отношений в начале 70-х годов, меры по ограничению вооружений способствовали объединению усилий двух передовых в научно-техническом отношении государств в решении глобальных проблем. В коммюнике, подписанном в ходе советско-американской встречи на высшем уровне в Вене, в частности, говорилось: «Стороны отметили важность расширения международного сотрудничества по таким глобальным проблемам, как содействие мировому экономическому развитию, охрана окружающей среды и мирное использование космоса и Мирового океана. Они выразили поддержку усилиям развивающихся стран по решению стоящих перед ними проблем»¹⁹.

Из содержания заключенных в тот период советско-американских соглашений в области науки и техники, которые были затем продлены на следующий пятилетний срок, видно, что большинство из них прямо или косвенно предполагают совместный вклад двух государств в изучение состояния или в поиски решений глобальных проблем современности (охрана окружающей среды, освоение космоса и Мирового океана, медицинская наука и здравоохранение, энергетика, сельское хозяйство и т. д.). И в этом есть большой социально-философский смысл: достигнув передовых рубежей в области науки и техники, государства могут во всей полноте оценить значение глобальных проблем и встать на путь их реального разрешения — приступить к организации совместных проектов, призванных выявить причины их обострения и определить действенные методы ослабления их остроты. Выработка единой позиции СССР и США по глобальным проблемам современности позволила начать поиски организационных форм и методов объединения усилий большинства государств планеты, открыла путь к качественно новому этапу деятельности всего человечества, когда совместными усилиями не только разрешались наиболее актуальные из этих проблем, но также выявлялись и искоренялись предпосылки их появления и обострения.

Научно-техническое сотрудничество СССР и США, особенно сотрудничество этих двух ведущих государств в решении глобальных проблем, стало в последние десятилетия объектом внимательного изучения представителями различных направлений буржуазной науки. Обсуждаются эти вопросы и политическими лидерами капиталистических государств. При этом можно выделить несколько различных базовых подходов буржуазных ученых к развитию науч-

¹⁹ Ради мира на земле. М.: Политиздат, 1979, с. 65—66.

но-технического сотрудничества между СССР и США, от которого во многом зависит решение общечеловеческих задач.

Сторонники так называемого «истинного сосуществования» (к ним принадлежат ученые и политические деятели крайне правого направления, такие, как Р. Пайпс, С. Хантингтон, Д. Мойнихен, Б. Голдуотер и другие) извращают основные положения марксистской теории. Они фактически отвергают политику мирного сосуществования и выдвигают концепции, напоминающие идеи периода «холодной войны», стремятся доказать, что сотрудничество в решении глобальных проблем бессмысленно, поскольку оно может принести определенную пользу Советскому Союзу. Таким образом, как и в период политических конфронтаций первых десятилетий после окончания второй мировой войны, выдвигается концепция «игры с нулевой суммой» в отношениях с Советским Союзом: все, что хорошо для СССР,— плохо для США, и наоборот. Судьбы человечества, в том числе и народов капиталистических стран, которые ставятся под угрозу в связи с обострением глобальных проблем, не знающих государственных границ, отодвигаются на второй план. На первом плане — борьба с коммунизмом.

Адвокаты политики «жесткого торга» с Советским Союзом предлагают сосредоточить основное внимание на изучении прежде всего слабых сторон советского научно-технического и экономического потенциала с таким расчетом, чтобы, используя их, заставить нашу страну пойти на политические и идеологические уступки ради сохранения и расширения сотрудничества с США, в том числе в решении глобальных проблем современности. Наиболее активные сторонники такого подхода к советско-американским отношениям — Э. Бжезинский, У. Кинтнер, Ф. Колер, М. Харвей — в принципе не отрицают плодотворности научно-технического сотрудничества СССР и США. Однако они предлагают развивать его медленными темпами, проявлять осторожность, тщательно оценивать результаты каждого этапа реализации совместных программ и проектов прежде всего под углом зрения выгод, полученных американской стороной.

Сторонники так называемого «соревновательного сосуществования» признают необходимость совместных действий двух стран по предотвращению угрозы мировой термоядерной войны. Такие ученые и политические деятели, как Дж. Кеннан, Э. Кеннеди, С. Вэнс, У. Фулбрайт, М. Шульман, Р. Фолк, Ф. У. Нил и другие, считают, что научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом необходимо хотя бы потому, что оно способствует устранению опасности непосредственно военного конфликта между СССР и США. Они фактически хотят перенести на советско-американские отношения основные положения широко распространенной на Западе концепции «глобальной конвергенции», в соответствии с которой каждая социальная система должна получить возможность проявить себя с лучшей стороны в условиях «честного соревнования». Это «соревнование» призвано, по мнению авторов этой концепции, привести

к сближению противоположных систем, поскольку все индустриально развитые государства в конечном итоге решают общие проблемы и идут к общей цели — созданию благоприятных условий для жизни и деятельности человека. Они считают, что отношения с Советским Союзом должны охватывать широкий круг проблем — предотвращение войны и разоружение; экономические и научно-технические проекты; двусторонние и многосторонние программы, имеющие целью смягчение остроты глобальных проблем; культурные обмены и т. д.

Что же касается СССР, то наша страна активно стремится развивать и совершенствовать формы и методы международного сотрудничества в решении глобальных проблем современности, ставя эти проблемы на повестку дня своих двусторонних и многосторонних отношений с другими странами, а также поднимая их в международных организациях. Однако прогресс равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в решении глобальных проблем современности возможен лишь при условии взаимной заинтересованности в этом, последовательности и реалистичности действий высших политических руководителей капиталистических государств.

В конце 70-х — начале 80-х годов большой вред сотрудничеству двух стран в решении глобальных проблем современности принесли односторонние попытки политических руководителей США отойти от принципов равноправия и взаимной выгоды, «увязать» реализацию соглашений о сотрудничестве в конкретных областях с развитием политических процессов в различных районах земного шара, взять на себя роль высшего арбитра в определении «правил игры» и линии поведения Советского Союза. Кроме того, несмотря на признание принципов равноправия и взаимной выгоды в качестве основы советско-американского научно-технического сотрудничества, многие политики пытались доказать, что оно выгодно лишь СССР и является «улицей с односторонним движением».

Пренебрегая международно-правовыми принципами международных отношений, проявляя неуважение к важным межгосударственным документам, регулирующим связи в области экономики, науки, культуры, человеческого общения, администрация Картера, а затем и администрация Рейгана в угоду кругам, заинтересованным в продолжении гонки вооружений, повели дело к свертыванию советско-американского научно-технического сотрудничества, в том числе и тех его аспектов, которые касаются решения глобальных проблем современности, таких, как освоение космоса и ресурсов Мирового океана, разработка новых источников энергии и т. д.

Советский Союз, советская общественность считают такой подход абсолютно деструктивным с точки зрения общих интересов народов нашей планеты. Выступая на XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1981 г., министр иностранных дел СССР А. Громыко вновь обратил внимание на тот факт, что только совместные действия государств, направленные на предотвращение войны

и широкое равноправное международное сотрудничество, позволят найти решения глобальных проблем современности на благо всего человечества: «Сейчас яснее, чем когда-либо раньше, перед лицом каких гигантских проблем стоят народы,— обеспечение быстрорастущих потребностей в области энергии, продовольствия, просвещения и здравоохранения, освоение океанов и космоса, сохранение природы. Эти проблемы разрешимы, если человечество убережет себя от войны»²⁰.

Несмотря на все сложности современной международной обстановки, Советский Союз и другие социалистические страны последовательно проводят в жизнь реалистическую политику, призванную освободить человечество от угрозы войны, проложить верный путь в будущее: укрепляя сотрудничество между собой, социалистические страны готовы развивать взаимопользные связи с другими странами мира. Такие связи, если они строятся на здоровой и стабильной основе подлинного равноправия и взаимного уважения интересов сторон, без дискриминации и политического давления, могут обеспечить реальную выгоду для всех участников. Они также жизненно необходимы для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

Подход к оценке состояния и поискам решения глобальных проблем современности со стороны Советского Союза и США характеризуется противоборством двух противоположных философско-политических тенденций. Наша страна стремится строить совместную деятельность государств по решению общечеловеческих проблем исходя из принципов гуманизма и истинного интернационализма, придать этой деятельности созидательный смысл во имя прогресса цивилизации, невозможного без построения гармонических отношений общества и природы. Поэтому марксистская концепция глобальных проблем предусматривает комплексный анализ диалектического взаимодействия противоречий, диспропорций и нарушений процесса развития человечества. Она обращает особое внимание на тот объективный факт, что многообразие этих противоречий развития (а они носят национальный и региональный, планетарный и международный, классовый и общечеловеческий характер) требует тщательного их анализа и диверсифицированного подхода к их разрешению в процессе совместной деятельности.

Позиция большинства американских исследователей глобальных проблем отличается буржуазным субъективизмом, она призвана обосновать узкоутилитарную прагматическую деятельность США и других капиталистических государств по сохранению позиций отживающей формации. Ради узкоклассовых интересов немногочисленных монополистических группировок правительство США готово принести в жертву безопасность всех народов планеты, судьбы жи-

²⁰ Правда, 1981, 23 сент.

вущих и будущих поколений, само существование жизни на Земле. Однако объективный и универсальный характер глобальных проблем современности заставляет американских исследователей и политических деятелей признать, что без широкого и активного международного сотрудничества, прежде всего с участием СССР и США, нельзя добиться реальных успехов в ослаблении остроты глобальных проблем. В частности, в представленном президенту США докладе «Глобальные проблемы 2000 года. Вступая в XXI век» формулируется такой вывод: «Время для эффективных действий, направленных на решение глобальных проблем, уходит. Если государства совместно и в индивидуальном порядке не предпримут решительных и продуманных шагов, направленных на улучшение социальных и экономических условий, уменьшение рождаемости, более рациональное использование ресурсов и сохранение окружающей среды, уже первые десятилетия XXI века будут для государств планеты полными неприятностей»²¹.

Выдающийся советский ученый-геохимик с мировым именем академик В. И. Вернадский писал в грозные годы второй мировой войны:

«Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»²². Мыслить интересами человечества в наше время — значит бороться за мир, за прекращение гонки вооружений. Только при этом условии человечество может успешно решать глобальные проблемы современности, продвигаться к новым вершинам социального прогресса, сохранить для будущих поколений эту единственную и прекрасную планету Земля.

Проникнутое заботой о людях труда на всех континентах, озабоченное судьбами живущих и будущих поколений, марксистское учение позволяет не только разобратся во всех сложностях современного мира, но и направить энергию трудящихся планеты на решение важнейших социально-исторических задач, на противодействие реакционной политике империализма. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов, говоря о реальностях современности, особо подчеркивает: «Ныне пройдена большая дистанция по пути социального обновления мира, по пути реализации революционных целей и идеалов рабочего класса. По-новому выглядит политическая карта земного шара. Величайшие открытия сделаны наукой, захватывают дух достижения техники. Вместе с тем у человечества появилось много новых, в том числе очень непростых, забот. Обоснованны его тревоги, связанные с обо-

²¹ The Global 2000 Report to the President. Entering the Twenty-First Century. Wash.: U. S. GPO, 1980, vol. 1, p. 42.

²² Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М.: Наука, 1976, с. 328.

стрением сырьевой, энергетической, продовольственной, экологической и других проблем глобального масштаба. И самое главное, что волнует сегодня народы, — необходимость сохранить мир, предотвратить термоядерную катастрофу. Нет ничего важнее этого в международном плане для нашей партии, Советского государства, всех народов планеты»²³.

Именно осознание гуманистического смысла и общечеловеческой сущности глобальных проблем, стремление внести максимально возможный вклад в сотрудничество государств на благо живущих и будущих поколений делают позицию по этим проблемам СССР и других социалистических стран конструктивной и привлекательной для международного сообщества государств.

²³ Коммунист, 1983, № 3, с. 23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. <i>Г. А. Арбагов</i>	3
--	---

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФОРМИРОВАНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США

Глава 1. Классовая сущность внешней политики США. <i>В. А. Кременюк, Г. А. Трофименко</i>	19
Глава 2. Основные внутренние источники и движущие силы американской внешней политики. <i>Г. А. Трофименко</i>	38
Глава 3. Экономические интересы во внешней политике США. <i>С. А. Караганов</i>	61
Глава 4. Идеология и внешняя политика. <i>Ю. А. Замошкин</i>	95
Глава 5. Внешнеполитические факторы, влияющие на поведение США на мировой арене. <i>И. Г. Усачев</i>	121
Глава 6. Внешнеполитические традиции. <i>В. А. Кременюк, Г. А. Трофименко</i>	137
Глава 7. Религиозный фактор в американской внешней политике. <i>Г. А. Трофименко</i> (в главе использованы материалы, представленные доктором исторических наук Д. Е. Фурманом)	161

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ АМЕРИКАНСКАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

Глава 1. Цели и интересы США на мировой арене. <i>В. А. Кременюк, Г. А. Трофименко</i>	183
Глава 2. Диалектика мирного сосуществования и революционного преобразования современного мира. <i>А. Ю. Мельвилль</i>	208
Глава 3. Принципы подхода США к развитым капиталистическим государствам. <i>Ю. П. Давыдов</i>	227

Глава 4. Политика США в развивающихся странах. <i>А. В. Никифоров</i> . . .	254
Глава 5. Эволюция военно-политической стратегии США. <i>Г. А. Трофименко</i>	280
Глава 6. Основные тенденции блоковой стратегии. <i>А. В. Крутских</i>	345
Глава 7. Подход США к международным кризисным ситуациям. <i>В. В. Журкин, В. А. Кременюк</i>	370
Глава 8. США и проблемы разоружения. <i>В. П. Абаренков</i>	393
Глава 9. Политика США в области нераспространения ядерного оружия. <i>В. Ф. Давыдов</i>	418
Глава 10. Общемировые проблемы во внешней политике США. <i>Г. С. Хозин</i>	440

CONTENTS

FOREWORD. <i>G. A. Arbatov</i>	3
--	---

PART I

GENERAL AND SPECIFIC FACTORS IN THE U. S. FOREIGN POLICY MAKING

Chapter 1. Class Nature of the U. S. Foreign Policy. <i>V. A. Kremenjuk, G. A. Trofimenko</i>	19
Chapter 2. Basic Internal Origins and Driving Forces of the American Foreign Policy. <i>G. A. Trofimenko</i>	38
Chapter 3. Economic Interest in the U. S. Foreign Policy. <i>S. A. Karaganov</i>	61
Chapter 4. Ideology and Foreign Policy. <i>Y. A. Zamoshkin</i>	95
Chapter 5. Factors of International Environment Affecting the U. S. Behavior in the World. <i>I. G. Usachev</i>	121
Chapter 6. Foreign Policy Traditions. <i>V. A. Kremenjuk, G. A. Trofimenko</i>	137
Chapter 7. Religion and Foreign Policy. <i>G. A. Trofimenko</i> (Some material provided by doctor of science <i>D. E. Furman</i>)	161

PART II

THE U. S. GLOBAL STRATEGY

Chapter 1. The U. S. Goals and Interests in the World. <i>V. A. Kremenjuk, G. A. Trofimenko</i>	183
Chapter 2. Peaceful Coexistence and Revolutionary Change: Dialectics of Today. <i>A. U. Melvil</i>	208
Chapter 3. The U. S. Approach to the Developed Capitalist Countries. <i>Yu. P. Davidov</i>	227
Chapter 4. The U. S. Policy Towards the Developing Countries. <i>A. V. Nikiforov</i>	254

Chapter 5. Evolution of the U.S. National Security Strategy. <i>G. A. Trofimenko</i>	280
Chapter 6. Major Tendencies in the Bloc Building. <i>A. V. Krutskih</i>	345
Chapter 7. The Approach to International Crises. <i>V. V. Zhurkin, V. A. Kremenjuk</i>	370
Chapter 8. The U.S.A. and Disarmament Problems. <i>V. P. Abarenkov</i> . . .	393
Chapter 9. The United States and Nuclear Nonproliferation. <i>V. F. Davidov</i>	418
Chapter 10. Global Environmental Problems in the U.S. Foreign Policy. <i>G. S. Khozin</i>	440

СОВРЕМЕННАЯ
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
США

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

*Утверждено к печати
Институтом США и Канады
АН СССР*

Редакторы

Н. В. Кондашова, Г. С. Тихонов

Художник

Б. И. Куткин

Художественный редактор

Н. А. Фильчагина

Технический редактор

Л. В. Наскова

Корректоры

Е. Н. Белоусова, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 26718

Сдано в набор 6. 06. 83.

Подписано к печати 05.11.83.

Т-15190. Формат 60×90^{1/16}

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 29,37. Уч.-изд. л. 33,7. Усл. кр. отт. 29,37

Тираж 5600 экз. Тип. зак. 2878

Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121089, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США.

В 2-х томах. Т. II.

30 л., 3 р. 50 к.

Монография представляет собой первое в советской исторической науке комплексное исследование современной внешней политики США. Вторым том посвящен анализу сложного взаимодействия между глобальной стратегией и региональной политикой США, американской политики в отношении СССР и восточноевропейских стран социализма, исследованию основных этапов эволюции советско-американских отношений, обзору главных инструментов американского внешнеполитического влияния.

Для международных, пропагандистов, преподавателей вузов, широких кругов читателей, интересующихся историей США.

М. И. ЗАХМАТОВ

США: ОСЛАБЛЕНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

15 л., 1 р. 60 к.

В монографии впервые в советской научной литературе анализируется международное экономическое положение США, сложившееся к 80-м годам. На основе оригинального материала автор показывает, что в 60—80-х годах произошло заметное ослабление международных конкурентов — Японии и ФРГ. В работе показывается сокращение технологического разрыва между США и конкурентами, изменение позиций американского доллара на мировых валютных рынках.

Для экономистов-международников, преподавателей, аспирантов.

Н. К. АРБАТОВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ

(процесс формирования и осуществления).

15 л., 1 р. 60 к.

Автор исследует формирование и осуществление внешней политики Италии в 70-е годы. Это время отличалось быстро развивавшимся процессом международной разрядки, расширением экономических связей между странами двух общественных систем. Внутреннее положение Италии характеризовалось обострением политической и классовой борьбы. В этих условиях выработка внешнеполитического курса являлась своеобразным реагентом, четко показавшим расстановку классовых сил, роль политических партий, связь Ватикана с ХДП.

Для специалистов-международников, пропагандистов, широкого круга читателей, интересующихся историей Италии.

1

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США